

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт Литературы (Пушкинский Дом)

А. Н. РАДИЩЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Том Второй

Издательство Академии Наук СССР
Москва - Ленинград
1941

П О Д Р Е Д А К Ц И Е Й
Г. А. ГУКОВСКОГО и В. А. ДЕСНИЦКОГО

Подготовка текста и примечания:

„О человеке“, приписываемые произведения — Г. А. Гукровский;
„Повествование о Сибири“, „Ангел тьмы“ — А. В. Западов; „Памятник... витязю“ — Л. В. Пумпянский (примечания) и Г. А. Гукровский (текст); „Описание моего владения“ — П. Г. Любомиров (общее примечание) и Г. А. Гукровский; „[Письмо о Китайском торге]“ — Н. А. Финкельштейн (примечания) и А. В. Западов (текст); перевод книги Мабли — Г. А. Гукровский (примечания) и Л. Я. Гинзбург (текст); перевод „Желания греков“ — Д. С. Бабкин.

[ПИСЬМО
О КИТАЙСКОМ
ТОРГЕ]

Милостивый Государь мой!

В некотором из прежних моих писем к В[ашему] С[иятельству] из Тобольска мною писанных, я сказал, что пресечение торго в Кяхте с Китайцами не есть столь великая для Государства потеря, как оно кажется, и что из самого сего зла, (если его почитать должно таковым) произойти может добро. Я сие говорил, будучи отдален от того места, где оной производится, более нежели 3.000 верстами. Ныне, находяся же в том месте, где происходят все почти бываемые в сем торге обороты, я лучше могу судить о том, что изреқ сперва, следуя тогда некоему, так сказать, предузнанию. Если бы прежнее мое письмо писал я в Иркутске, то бы, может быть, употребил изречение более ограниченное, многих ради причин, кои в последствии моего письма объявить постараюсь. Но сказанного мною не только не отрицаю, но постараюсь оное подкрепить доводами, основанными на существе самой вещи и в положениях непреложных. А заранее скажу я, что если есть много частной потери установлением торго на Кяхте, то конечно отнести ее надобно на Губернию Иркутскую. Если же сие противоречие есть моему объявленному прежде мнению, то признаюсь в моей погрешности: ибо всегда охотно признавался в моих ошибках и суждения мои за непреложные никогда не выдавал. Хотя мнения мои относительно многих вещей по несчастию моему стали более известными, нежели тщеславие быть сочинителем иногда требует, но я признаюсь в превратности моих мыслей охотно, если меня убедят доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были. А на таковые я в возражение, как Автор, другого сказать не умел, как что сказал, помню, что Галлилей отрекся от доказательств своих о неподвижности солнца, и, следуя глаголу Инквизиции, воскликнул вопреки здравого рассудка: солнце коловращается.

Истина, доказательств, кажется, нетребующая, есть, что в Государстве, изобилующем своими произведениями, корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избытка; следственно внешняя торговля, хотя и может быть единым от источников его богатств, но не может посему никогда почесться необходимою Государственной силы и могущества опорою, а потому кажется в пользе общественной может заменена быть тем или

другим, а особливо тогда, когда отрасль таковой торговли мало надежна, подвержена частым потрясением, и зависит от благорасположения того, с кем торгует. Таким точно должно почитать торг на Кяхте, с Китайцами производимый; он не есть основание благосостояния обширной Сибири, может иногда заменям быть другими выгодами, при производстве его несуществующими; может противовестись тем или другим прибиткам Государственным и долго будет зависеть от каприза Китайского Богдыхана или его Мандаринов. Но сии предложения не могут иначе иметь некоторую степень вероятности или правдоподобия, как в глазах тех, кои прибыль казенную не почитают никогда прибылью Государственной. Однако же сие размышление в счету у нас кажется быть не может, ибо мы видели, что и при последнем закрытии торга на Кяхте, лучше желали лишиться казенного дохода, нежели нарушить Государственное положение, нежели... что бы то ни было, доходов Кяхтинской таможни не пожалели и торг пресекался.

Два мнения существуют между политическими писателями о внешнем торге; оба хотя клонящиеся к одобрению оного и расширению, но разных предположений суть они заключения и разные из оных истекают следствия. Говоря с мужем, упражняющимся всечасно в исследованиях различных мнений, до строительства Государственного касающихся, мне не надлежало бы о том говорить пред тем, которому выгоды и пользы России больше моего известны, мне надобно бы молчать, но вы не почтете тщеславием, если я скажу то, что в какой либо написанно книге, для облегчения моя голова, отвыкшей от силлогизмов; что же касается до познания выгоды и пользы Государственной, учитель не простит ли ученику своему, если что он сбредит и дважды два скажет иногда пять.

Новейшее мнение писателей о внешней торговле есть таково, чтобы свобода оной была ни чем неограниченна.

Мнение других есть стародедовское и во всеобщем почти употреблении. Я говорю не о той старине, когда с приехавшего гостя хозяин брал по своему произволению и силе, когда не было пощады самому бедствию, когда остатки кораблекрушения алчной спасатель присвоивал себе все, в мокрой пучине непогрязшее без остатку. Не о сем рыцарских времен мнении мое слово, но то стародедовское, когда начали откровенных наглостей стыдиться, но когда еще не истребилося желание кормиться из общего кармана, неприметным образом глядя по головке, по легоньку, как будто всяк дает из добряя воли непринужденно. Гнушаяся насильственных и явных притеснений, но не отчуждаяся древния припасочки: всяк в своем доме хозяин, отчасти писателями, отчасти употреблением в общее вошло обыкновение торг всегда подвергать некоторым правилам, и с торгующим или паче с употребителям, с едаков, пивцов и прочих учреждать, за дозволение употреблять то или другое, поборы. Итак, ка-

жется, между старым рыцарским всеграбительным и новым, не меньше рыцарским, ни до чего не касающимся, мнениями желали найти посредство; многие думают, нашли. Изданы постановления, учреждения, тарифы и весь таможенной причет. Англия с 8 миллионами жителей с таковыми учреждениями поставила себя в число первостейных Государств в Европе; но Англичане сами ныне говорят и пишут, что все преграды в торговле вредны: ибо она непременно сама себя содержит всегда в неизбежном равновесии.

Если бы мы захотели следовать новейшему мнению относительно внешней торговли, то возобновление торга с Китайцами выходило из одного естественным следствием. Но как оное в России в строительстве Государственном не принято, не приемлется и принято быть не может, то, следуя противному мнению, посмотрим, чего Сибирь и Россия пресечением торга с Китайцами лишается, какие суть выгоды сего торга, что может, в несуществовании одного, те выгоды заменять или что приобретает, и какие суть его следствия.

Если истинно вообще, что внешняя торговля не есть корень благосостояния Государства, какова Россия, то сие равным образом истинно в отношении Сибири в торгу с Китайцами. Но при первом взгляде покажется, что изъятие для Сибири из сего правила долженствует иметь место: ибо если первое начало всего благосостояния есть земледелие, что о России едва ли не повсеместно сказать можно, то неупражняющиеся в оном целые округа Сибирских губерний не иным чем питаются, как промыслом звериным; благосостояние оных следственно зависит от добычи и продажи. Но если бы продажа таковая была к одним Китайцам, то бы торг с ними был необходим. Но в семь лет пресечения одного, да и прежде в подобных же случаях, промыслы таковые не умалились и промышленяющие, продавая свою добычу, в оной всегда находили свое пропитание. Но оставим всеобщие правила приступим к самому существу дела.

Три рода людей участвуют обыкновенно в торгах всякого рода, имеют от оных свое пропитание или оными приобретают богатства. (Изъятия из сего быть могут, но редки). Первые суть производители вещей или товаров, коими торг производится; другие те, кои товар приводят в обращение, то есть: покупатели или продаватели; третьи те, кои, не участвуя в собственности вещи, или с оною временно обращаются. Но из сего не надлежит заключать, чтобы всякой торг проходил чрез трой руки. Иногда сам производитель есть и продавец товара и доставляет его в место его употребления. Иногда товар пройдет чрез десять рук, но все его прохождения к действию трех родов людей, или к троякому деянию людей, сколько бы их ни было, и так люди, которые с товаром обращаются, суть одного стяжатели или имеют товар в руках временно. Первые суть

деятели торгова и оногo побуждения; другие токмо пособия, и чрез сколько рук товар пройдет, толикому числу людей даст он упражнение. Обыкновенно, хотя и бывает изъятие, чрез сколько рук товар пройдет, толикократно он усугубится, не в количестве своем или добротe, но в цене, или сказать другими словами: чем товар более пройдет рук, тем он становится дороже. Подобно, как Грецкая губка, чем более касается воды, тем становится толще, доколе мера содержащейся в ней воды не найдет в ней места: так и товар, чем более расстоянием между производителя и употребителя, тем товар прибыточнее, не то, что от него более барыша, но что большому числу дает пропитание. Вся цена товара бывает в тягость употребителю оногo и ему в убыток: ибо он его или истребляет или пресекает его дальнейшее обращение. Вся прибавочная цена товара есть прибыль всем тем, чрез чьи руки оной проходил: ибо истинная его цена, или то, во что оной стоит или производителю или продавателю и покупателю, или тому, кто его временно имеет в своих руках, никому в прибыль быть не может; потому что первой оногo производитель, производя его, имел в произвождении ущерб своего имущества; равно и все другие, продавая его или покупая, или же с ним обращаясь, ущерб в имуществе своем имели. Сие относиться долженствует на всех, кои дают на произведение вещи задатки; напр.: земледелец держит скот, орудие, семена и пр.; — фабрикант строит строение, припасы; — купец берет деньги в рост и пр.; — извозчик держит лошадь, корм, промышленник тоже. Следственно, *прирастающая цена* товара обращается в прибыль; следственно, чем больше ее приращение, или чем товар дороже становится, тем больше от оногo прибьтка. А чем более сей прибьток делится, тем оно полезнее: ибо большее число людей имеют от того свое пропитание или умножение имущества: следовательно, чем товар проходит более рук, тем он более делает прибьтка и тем от него более пользы. Но сей прибьток делится между участвующими в оном очень неравно. И потому можно людей, в торгу обращающихся, разделить на две статьи: те, которым товар принадлежит, и те, которые имеют его в руках своих временно. Удел первых в прибьтках, от торгу бываемых, есть больше, а последних меньше. Итак первые суть деятели в торгу, другие суть оногo только пособия. Удел в прибьтке оногo торгова сих последних бывает всегда меньше первых, но и убьтки их не могут быть велики, а как то, с чем они обращаются, не есть их собственность, то, лишаясь оной, они не лишаются всегда пропитания своего: ибо труды свои прилагают к другой вещи. Совсем другое действие лишения того, от чего прибьток свой имели, бывает в тех, кому оное принадлежит; тогда тот у кого товар в руках останавливается, уподобляется употребителю: ибо он, хотя невольнo, но обращение вещи, останавливает, и нередко в руках его она, теряя свою доброту, те-

ряет свою и цену. Но действие лишения прибитка наиболее падает на производителя оной: ибо покупатель и продавец и все другие, с вещию или товаром обращающиеся, лишены могут быть своего только прибитка, а капитала только временно и случайно, но производитель лишается своего ремесла или художества, когда в нем не настонт нужда и не так, как другие, искусство свое на другой предмет обратить не может, разве в долговременном последствии.

Извините, М[илостивый] Г[осударь], что я здесь предположил несколько общих изречений; я не правила какие хотел утверждать или же какие-либо извлекать следствия; я сделать только хотел пособие моим мыслям, дабы не заблудить в моих суждениях.

Если мы вышесказанное мною обратим на торг с Китайцами, то удобнее можем понять оного прибитки и неудобства и заключить прежними словами: пресекаение оного не есть столь великой вред для России, как то обыкновенно поставляется.

Дабы наиболее вникнуть в подлежащее нам, познаем, чем торг с Китайцами питается со стороны России, чрез какие он до них доходит протоки; все ли они Государству в прибыль, или не найдется ли чего-либо, охудению подверженно. С другой стороны, посмотрим, чем тот же торг питается с стороны Китайцов, в какие он обращается протоки и не встречается ли ему что на пути, чему он вредить может.

В торгу заграничном обыкновенно находим мы две различные статьи товаров. Одна есть всегда необходимая и составляющая основание торга, другая всегда почти случайная, нередко переменяющаяся и пресекающаяся иногда без всякого в торгу потрясения и обременения. В первую статью входят те товары, которые покупателям, если не нужны необходимо, то до крайней мере трудно они без оных обойтись могут. Таковые товары продаются всегда большими статьями, и в сумме всего торга почесть можно становыми, так сказать, статьями и всего торга основанием. Второй же статьи товары суть отрасли первых и отрасли, ко пню принадлежащие временно, и суть все те, без коих покупатели или совсем, или легче обойтись могут.

Основание всего торга с Китайцами есть мягкая рухлядь, разного именованя, частью юфть и другие кожи. Предо мною лежит теперь ведомость без году отпущенным в Китай товарам. В[аше] С[иятельство] довольно знаете, коликую степень вероятности все таможенные ведомости иметь могут. Погрешности Кяхтских покажу после; но за неимением лучших исчислений обыкновенно они бывают основанием. Сумма всех отпущенных товаров показана в оной 650.898 руб.; исключим из оной суммы за отпущенные: 1, белки, мерлушки и за юфть и другие на 119.937, 123.337, и 101.656; останется за все другие товары 302,968, меньшая половина. Исключим еще из сего цену: 2, горностаев, кошек, харьков, солончаев и соболей, то есть 41.891,

28.449, 45.470, 29.025, останется 158.133. Все другие, да и самые дорогие бобры Камчатские и черные лисицы, сиводушки и чернобурые, суть мелочное, а если исключим еще статью 3, сукон (все почти иностранные), то останется с небольшим 100.000. В остальном сем числе меньшая половина, то есть 4, — 40.559 руб. за бобров и лисиц. В остальном главное место занимает 5, вухухоль, лапы разных зверей, песцы, рога и струя кобарговая, ценою на 36.212. Остаются статья 6, котиков 5.637, зеркал 5.101 руб., числом 40.944; прибавив к сему статьи ишиченок 7, — 1.416 руб., корсаков 2.577, лоскутов и мехов разных на 2.234 руб. и тигу на 1.979; а всего на 8.196, то в остальных почти семидесяти еще статьях нет ни одной тысячной.

Из сделанного мною росписания можно судить, что дает Сибирь к сему торгу, что даст Зауральная Россия и что берется из чужих краев.

Сибирь дает белку, к чему прибавляется малое число Российской юфти; один почти Иркутск — козлы и опойки, частью из России получают горностаев, соболей, харьков и солончаев, вухухоль, лапы песцов, рога и струю, и все означенные в последней 7 статье, исключая тик: следовательно, большую половину то есть 380.418. Россия и частью Сибирь же дает мерлушек, * кошек и тик, ценою всего на 153.765; бобры и лисицы и котики суть частью Сибирские, но большею частью или, сказать правильнее, больше по цене получают из Охотска, заморского лова, всего 46.196. Из иностранных товаров отпускаются сукна и частью Российские зеркала, ценою на 46.937 р.; но сколь мне известно, отпускаются много иностранных бобров и выдр, которые здесь не показаны, то они или совсем выпущены, что невероятно, или же переименованы кошками, что в таможенном быту случается.

Из вышесказанного росписания видно, что большая часть товаров, в мене с Китайцами употребляемая, суть таких, которые добываются в Сибири, таких, которые суть произведение кочевой жизни. $\frac{1}{5}$ скотоводства, $\frac{1}{10}$ собственного рукоделия или настоящего общественного упражнения (я конечно, того мнения, что надлежит удобовозможное извлекать на пользу жителей, но не надлежит иметь попятной путь к невежеству).

Люди, временно с товаром обращающиеся, суть или приказчики или извозчики, или приемлющие товар в сохранение или дающие кладовые под поклажу. Чем скорее обращение товара, тем прибыль их чаще, тем она и больше. Чем товар рассеянее, чем более пространства и места отдаленнее, откуда его достают, тем больше нужды в приказчиках. Чем мгновеннее в товаре нужда, тем его надлежит везти поспешнее в то место, где его требуют, тем клади бывают легче, тем больше подвод, тем больше бывает прибыль извозчиков, а в том и другом случае

* Лучшие мерлушки за Байкалом по 70 и 80 копеек.

тем больше людей кормится. Но число приказчиков по сему торгу разве умножится для того, что число умножится торгующих; а не по числу товара: ибо его столько добывают, сколько возможно.

Следует, что Кяхтской торг не по мягкой рухляди может размножить число приказчиков.

Приказчиками купческими можно почитать закупщиков, живущих по деревням.

Прибыль извоза, от мягкой рухляди происходящая, да и вообще, не столь велика, как то думают. Если, как то мы увидим, пресечение торга на Кяхте лову зверей не умалило, то барыши от извозов те же, что были. Но как то вероятно, что при открытии торга купцы чаще бывают в разъезде для закупки товаров, то сие обращается в отягощение сельских жителей. Все в Сибири ездят на почтовых и по несчастию на одинаких пргонах. Жители отвлекаются от своего дела. А те, которые ямщиков нанимают, те дороже за то платят, что проезд чаще.

Вторая статья, торг на Кяхте питающая, видели мы, есть произведения скотоводства, мерлушки и кожи, а сии суть совокупно и произведение рукоделия. Мерлушки, на Кяхте промениваемые, привозятся или из России или вымениваются на линиях в разных крепостях на Российские или иностранные товары у Киргизцов. Привозятся они большею частию зимою. Все извозчики, которые товары возят из России, провозят они тысячу, полторы или более верст от Томска до Иркутска обыкновенно одни.

Совершенно правда, если Китайцы не выменяют мерлушек, то они останутся на руках; и кажется будет убыток. Но да позволится мне сделать догадку; не вероятно я утверждаю, но возможность.

Для чего запрещается торг хлебом, когда его у самих мало? Не для того ли, чтобы он дома был дешевле и чтобы его было больше? Конечно. Кто же ручается мне, что Кяхтинской торг не заморозил кого-либо, лишив покупки шубы по дешевой цене того, у кого мало денег. Не дороже ли от того мясо, когда его меньше? Не больше ли его, когда дашь барану вырости и не убьешь его ягненком? Не то же ли можно сказать и о сале? * Но все сказанное суть догадки, а не исчисление, за такие их и выдаю.

Разное можно сказать и о кожах или юфтях: пресечением торга на Кяхте терпят совершенно Иркутские кожевни. Кажется, имеет и скотоводство Братских в том убыток. Но если помыслим, что все Сибирские жители носят обувь кожаную и что еще в самое пресечение торга она ныне в Иркутске дороже, нежели

* Кто поверит, что выгодные цены сала и распространившийся торг сим товаром заставил многих немощных жителей Петербурга говеть на святой недели; таково действие торга, яко электрическая сила пробегает все ведущие ее тела до краев.

в Москве, а может быть и в Петербурге; то тот, кто имеет нужду в ней, если терпит ныне, более потерпит от возобновления торга.

Следует статья товаров иностранных. Купленные в Петербурге и Архангельске, они доставляются частью водою, частью на санях, или на Ирбитскую ярмонку, или Енисейскую, или же прямо в Иркутск. Польза от них Государству — только прибыль купеческая и всех других, временно с товаром обращающихся.

Теперь посмотрим то, что нам Китайцы дают, и разделим вещи нужные или, как то мы их назвали, товары становые от других: главные товары, от Китайцов получаемые, суть бумажные товары, чай и шелковые товары. В числе первых находятся китайки и дабы, первые употребляемые на платье, другие на рубахи, на подкладки и во все то, куда употребляют холст. По ведомости, которая теперь лежит передо мною, выменено китаек разных званий на 695.018 руб., даб на 87.488 руб.; всего бумажного товара на 794.784 руб.; бумаги же хлопчатой немного более 45 пуд (хотя она по Сибирскому тарифу положена без пошлин столь справедливо, что нужда заставляет брать или не брать товаров, а не высокая и не низкая пошлина); чаю разных родов 27.042 пуда на 331.646 руб., в том числе кирпичного 15.359 на 61.437 руб.; хотя я мало верю сему исчислению, что почти половина всего чая выходит так называемого кирпичного; шелкового товара на 79.067 руб., да 1.219 пуд шелку по цене на 80.000 или до 100.000 рублей, в ведомости же стоят показаны только 17.706 руб. цена шелку сученого; а всего шелкового товара от 150.000 до 180.000. После сих главной статьи товаров составляют сахар леденец, которого на 10.725 руб., да 31 пуд сахарного песку, посуды разной на 5.375 руб. корольков и декрю или бисеру на 5.475 руб., фруктов на 1.509; остальная часть товаров состоит из мелочей ниже тысячи. Жемчуга на 270 руб. и несколько золота и серебра.

Из сего исчисления можем видеть, что бумажные товары, из Китая вывозимые, составляют главную оных статью и $\frac{2}{3}$ почти всего торга, за ними следует чай, более нежели на $\frac{1}{4}$ всей суммы торга. Потом шелковой товар и шелк.

В числе бумажного торга заключаются китайки на $\frac{7}{8}$ цены и дабы на $\frac{1}{8}$ часть. Китайки, по дешевизне своей, употребляются не токмо в Сибири, но и во всей России людьми среднего состояния, а наипаче женским полом; дабы же все расходятся в Сибири и в России почти неизвестны. Весь градской и сельской народ употребляет их на рубахи; те, которые позачиточнее, на вседневные, прочие же на праздничные.

О повсеместности употребления чая я говорить нужды не имею. Сколь все в России к нему сделали привычку, то всякому известно: но того утвердить не отваживаюсь, чтобы чаем производим был торг с Польшею. Хотя в пограничных таможенных ведомостях и показывано, что чай вывозят за границу в наро-

читом количестве, но вам известно, сколько прежние ведомости вероятия заслуживают. Кирпичной чай, которого хотя не столько по цене, но количеством (если моей ведомости верить можно) выходит больше, нежели всех лучших сортов, в Россию нейдет, а расходуется весь в Сибири и преимущественно в Иркутской губернии и больше употребляем Бурятами и Русскими, живущими за Байкалом; без чаю пропитались выведенные из Польши, не пьют.

Между шелкового товара главная статья суть камки или голи, которых по цене выходит больше половины всего шелкового товара. Хотя они еще употребительны быть могут придерживающимися старинных мод, но вероятно скоро выдут из употребления. Камки расходятся много в Сибири и много идет в Россию. Вторая главная статья между шелковыми товарами суть фанзы, которые почти в Россию не отвозятся и расходятся все в Сибири. Большею частью употребляют их на рубахи, то есть: на верхнюю половину оной. Те, которые носят из даб рубахи всedневные, оне носят в праздники рубахи фанзовые.

Но важнее всего есть статья вывозимого шелка. Если полезно благоспешествовать рукоделиям без разбору, то шелковым тканям надлежит отлично. Шелковые рукоделия в России тем полезнее, что большею частью производятся сельскими жителями и на их счет. Тот же человек, которой летом управляет сохою и косою, тот же зимою сидит за шелковым станом. Обыкновенные мануфактуры, не исключая Англинских и Французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан и за каждыми 200, 300, 500 или 1000 человек, получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан; но шелковое рукоделие, как то оно в Московской губернии существует, не обогащая ни одного, многим частным, и большею частью сельским жителям, доставляет довольственное житие. И так, если мы исключим Астрахань и Петербург и очень в малой пропорции Иркутск, которые издерживают малую часть всего в России из Персии, во время торга из Китая, и малую часть из Италии привозимого шелка, все оно количество расходится в Московской губернии.

Позвольте здесь, хотя не к стати, присовокупить небольшое размышление о Китайских шелковых товарах.

Когда пролетит временная мода на белое женское платье, то шелковые материи войдут, конечно, опять в величайшее употребление. Оставим то, что ныне можно бы заводить (если Лион уже опустел на счет разоряющих безначалием своим рукоделия свои) шелковые мануфактуры; можно гораздо лучше иметь в России хорошие шелковые материи. Уже опыты были деланы с немалою удачею; давать Китайцам образцы шелковых товаров, которые они подделывают совершенно: и вероятно при низком ныне курсе и редкости серебряных денег. Китайские шелковые товары можно продавать в подрыв Европейским.

Если же бы заказывающие присовокупили к сему и форму Европейскую, то бы обманутый покупщик в свою пользу охотно бы покупал прочные товары Китайские за Французские непрочные. Мы довольно в том удостоверяемся ежечасно в общезжитии, что доброта не только товара, но и моральных вещей основывается на мнении; кто не знает, что за Русское произведение вещь у нас оуждается; дай той же вещи имя Французское и вещь конечно одобрена. Кто постигает связь понятий, тот легко видит, что возродиться может в Российских головах от Французских мод!

После сих трех главных статей, можно еще на ряду поставить вывозимой из Китая сахар. Количество его невелико и он весь расходуется в Сибири, но, по нынешней дороговизне сахару, возможно, что его будут отвозить и в Россию.

Посуда, из Китая вывозимая, а особливо так называемая чайная и фарфоровая, могла бы большей иметь расход, если бы была делана со вкусом и была бы покрепче. Давая им образцы, можно также иметь хорошую. Вся сия посуда расходуется большею частию в Сибири, также как и корольки, которые частию продаются на линии Киргизцам.

Доставляемые статьи товаров, числом до 50, невероятно, чтобы могли когда распространиться, не исключая и самого ревеня, ибо дороговизна его воспрепятствует иметь оным нарочитой торг с Европейцами. За неимением в России фруктов, торговными мог бы распространиться, но и то не чрезвычайно. Цены высокие, по которым перец, сарочинское пшено и стамед покупаются от Китайцов, воспрепятствуют распространению сего торга; тож сказать можно и о табаке, которого очень низкие цены могли бы подорвать изрядные рассадки сего растения в Иркутской Губернии.

Достигнув Иркутска, товары Китайские, назначенные для отвоза по Сибири или в Россию, отправляются летом водою, зимою на санях. Судов, оными товарами нагруженных, в год выходит от 15 до 20. Они плывут Ангорою или Тунгускою, до Енисея по течению воды, а потом вверх до Енисейска. Тут, выгрузив их, перевозят волоком 90 верст на реку Кеть и плывут по течению воды Кетью до Оби, потом Обью до устья Иртыша, где против воды идут до Тобольска: редкие товары отправляют прямо до Тюмени или Туринска водою. Из Тобольска отвозят сухим путем зимою в Москву, или в Пермь, откуда по вскрытии вод плывут Камою и Волгою до Макарья. Редкие отправляются с Уткинской пристани на судах до Иркутска; из России или Тобольска мало плавают водою. От Макарья суда доходят до Перми, оттуда сухим путем до Тюмени и Тобольска. Из Тобольска же товары, назначенные для Китайского торга, более возят сухим путем, по той причине, что большею частию плыть надлежит против воды, исключая течение Иртыша и немного Енисея. Однако же некоторые отправляют

товары свои до Томска водою. Из Енисейска до Иркутска водою плавать не очень способно; ибо Тунгуска или Ангара имеет очень быстрое течение и до 70 порогов; плавая вниз по сей реке, на одном из сих порогов, называемом Падун, суда при-нуждены выгружать и всю кладь обвозить четыре версты су-хим путем.

Естественные и непреодолимые причины препятствовать всегда будут, чтобы водяной путь сделался обыкновенным, ко-торым бы производился сообщение у Сибири с Россиею; пространство великое препятствует судам совершать плавание в одно лето, а зима продолжается семь месяцев в Сибири и воды покрыты льдом. — Но время хотя не возможет пременить Естества, пременит население Сибири; образ ее торговли и со-общение водяное между Китаем и Россиею производяся чрез многие посредства, может сделаться непрерывным, хотя медли-тельным. А паче тогда, когда сухопутная возка будет дорога: ибо купцы Российские будут товар получать чрез Сибирских куп-цов, которые заведут товарную складку.

Выгоды сельских жителей от торга с Китайцами суть те, что многие будут питаться извозом и от проезда обозов, про-давая извозчикам пищу, овес, сено. В Иркутске уверяли меня, что во время торга бывает до 10 тысяч подвод; положить по три подводы или более на человека, будет 3.000 человек, питаю-щихся извозом и хотя 2.000 питавшихся от них сделает 5.000, в другом месте невеликое количество, но в Сибири много. Сии извозы производятся в зимнее время; земледельца от дому не отвлекают. Для Барабинских жителей великая из того выгода. Отдаленные отовсюду, они не могут возить хлеба на продажу и от того бедны. Сверх того купцы и их приказчики ездят часто, всегда на почте и платят хорошие прогоны, то есть дороже $\frac{1}{4}$ на версту.

Соображая все вышесказанное, нетрудно будет определить все выгоды, которые от торга с Китайцами произойти могут.

Если мы его поставим в отношении всего внутреннего и внешнего торга России и сравним его с обращением ежегодно производимым в России богатств, то оной столь мал в сем сравнении, что кажется, как малой ручей, которой, теряясь в пространстве моря, не производит в нем никакого движения. И по истине, если возьмем все исчисления в нижайших степенях, то и в сем сравнении он мал несказанно; например: население есего Российского Государства положим в 26 миллионов, на каждого из них положим по $1\frac{1}{2}$ четверти или для избежания долей 15 пуд ржаного хлеба; то сделает всего 390 миллионов пуд, или около 45 мил. четвертей, по общей цене на 80 мил. руб.; положим столько же ярового хлеба по цене на 70 мил. руб. сделает всего употребляемого хлеба на 150 мил. Если мы все другие произведения положим на столько же, то есть на 150 мил. руб., что конечно не много, то сделает 300 мил. руб.

Торг Китайской положив в 3 мил., следует, что произведение Китайского торга содержится к ежегодным произведениям, как 1 ко 100. Я не исчисляю здесь все возможное обращение сих произведений, что конечно без излишества сумму сию удвоит, ибо в таком случае надлежало бы исчислить и все обращения товаров, торг Китайской составляющих, но и в сем случае исчисление не было бы в его перевес. Сделаем поверку сему исчислению, да не покажемся увеличивающими все, нам представляющееся. Сумму всех обращающихся денег в России кажется можно без увеличения определить на 200 мил. руб. Положим, что каждой рубль только пройдет в год чрез три руки, или сказать то же другими словами, представит три разные вещи (если вникнем, то найдем, что нередко один рубль 10, 20, 30 и более вещей представляет), то обращение годовое будет 600 мил. руб. Позвольте сделать еще другую поверку. Доходы Государственные положим гадательно, но вероятно, в 40 мил. руб. Если мы их почтем $\frac{1}{5}$ всех денежных в Государстве доходов, что конечно не чрезмерно, то всех денежных доходов делает 200 мил. руб. или сумма обращающейся монеты; если скажем, что вышед из тех мест, где она собирается, она представит три вещи постепенно, то тоже будет сумма 600 мил. руб.; но обратимся к Китайскому торгу.

Но Китайской торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири или же некоторой ее части, почти только лежащей по сю сторону Енисея: ибо если в уважение поставить, что чай или китайка дешевле будут в России, то на сие сказать можно, что дороговизна чая чувствительна была с начала закрытия торга на Кяхте; по времени все к тому привыкли. Недостаток же в китайке тем только был чувствителен, что к ней многие сделали привычку. По прошествии же 7 лет недостаток сей заменился совершенно.

Я слышал также, что некоторые думают, будто торг Китайской действует вообще на низкой курс денег и усугубляет торговые обращения. Мы из вышепоказанного исчисления видели соразмерность Китайского торга с общим обращением; сия-то малость и есть причиною, что пресечение сего торга стагнаций не делает ни в чем, чувствителен более для роскоши, нежели для недостатка. Какое открытие торга на Кяхте будет иметь действие, не знаю; но мне кажется, кто прямую причину понижения курса скрыть сам у себя не захочет, тот никогда не скажет, что курс понизился от пресечения торга на Кяхте.

Самое кратчайшее доказательство нас в том убедит. Фундаментальная в свете ныне монета есть серебряная или золотая; бумаги есть монета сократительная, медная раздробительная, та и другая суть марки. Следственно, что все торговые исчисления и обороты должны состоять по цене серебра и золота. Если в одном месте кусок круглой серебра стоит то же, что и в другом, то курс, говорят, равен. Но если в одном

месте он стоит больше, а в другом меньше, то курс неравен. Но кусок серебра существа своего для того не перемениет; например: 1 фунт серебра в России и Голландии имеет тот же вес, хотя под разными названиями; и так если возьмем наш рубль и противопоставим его Голландским деньгам, по истинному его весу, то цена его будет в 35 стиверов или немного более. Для чего же ныне за рубль дают 27 и 28 стиверов? Для того, что торгуют не на серебряной рубль, но на бумажки. Приложи же к бумажному рублю промен на серебряной, то выйдет прежний рубль; или торгуй на серебряные деньги, то курс будет равен (al pari). Торг на Кяхте тогда бы мог великое иметь на курс действие, если бы, заменив многие статьи Европейских товаров, тем бы не уменьшался и вывоз некоторых наших товаров. Но вероятно, что, например, уничтожив привоз чая из Англии, Голландии и Дании, уничтожится вывоз тех Русских товаров, которым платили за сей товар, ибо бояться не надлежит, чтобы умножение привоза иностранных товаров было России во вред тем, что вывозить будут серебро. Серебра из нее не вывезут: ибо мало она его родит и оно дорого; ибо напрасно и так себя ласкать, что всегдашний баланс в пользу России будет платить серебром: в России множество недостает мануфактур, роскошь питающих, нет ни сахару, ни кофе, ни вина и не умеют еще варить хорошего пива; и долго еще будут нам платить сими товарами за наши произведения. Если бы Россия торговала прямо с Перу или чрез Кадикс с Гишпанскими, Американскими селениями, то бы и к нам серебро шло в слитках, без перевеса в торговле, потому что Кадикс сим металлом платит, не имея других товаров. Сообрази, если ежегодно баланс бывал бы в нашу пользу и что, как то думают, платили за него наличными деньгами, то сколько в десять лет могло бы их войти в Россию; и возможно ли бы было, чтобы в течение трех лет от 1 стали бы платить за промен рубля 25 коп.

Но если в сих общих отношениях торг с Китаем мало важности имеет, не может он однако же без уважения остаться в других отношениях, а особливо что касается до вывоза из Китая шелка и шелковых товаров. Правда, что весьма полезно для потребителей вещей и товаров, чтобы они были по выгоднейшим и низким ценам (для сей то причины стараются непосредственные заводить торги), но если дешевая цена стоит того, чтобы способствовала привозу сего дешевого товара, не должно ли подумать, что может от того или быть вред или подрыв, или же остановится наш товар даваемой в заплату.

Говоря о шелковых товарах, привозимых из Китая, мы уже сказали, с какою выгодною можно заменять товары Французские Китайскими товарами; сказали также, какое может иметь действие привоз Китайского шелка, способствуя разведению шелкоткальных крестьянских станов; и для того не почитаем

за нужное здесь сказанное повторять, а скажем только то, что если уничтожатся преграды для возражающихся искусств, они в короткое время достигнут возможной степени совершенства.

К общим выгодам всего Государства, от торга с Китайцами проистекающим, можно причесть продажу или промен иностранных товаров; и сие можно некоторым образом почитать транзитным торгом. Неоспоримую истину почитается, что проходной торг полезен, нужен, прибыточен. Пример Голландии и Ганзейских городов выгоды оного торга представляют блестящими. И подлинно доказательство кажется полезности его состоит в двух словах и есть осязательно. С одной стороны я товар возьму, с другой отдам: следственно, товар беру я не для своего употребления, но для постороннего; следственно, не я за него плачу, но тот, кто его употребляет. Одни мои барыши несомненны.

Сие беспредельные в торговле вольности вопросом быть не могут. Там, кто чем с выгодой питаться может, кто чем бы то ни было что либо произвести может и достает свой хлеб насущной, то позволительно, полезно и нужно; но там, где помышляют о перевесе в торге, там совсем другой должен быть расчет и кажется проходной или транзитной торг не на общих, преждеупомянутых размышлениях остаться должен, но должен быть основан на исчислениях, относящихся к существу и положению места, где оной производится. При сем светиле многое, что мнится быть прибытком, исчезнет как дым, и здание, нередко блестящее, рушится.

Простите мои заключения, я не за очевидности их выдаю, но за догадки, которые требуют утверждения в опытах. Положим сей случай. Если, например, за товар, привезенной для проходу, А. платит деньгами, а В., приемщик товара, платит товаром, которой В. употребит, то какая прибыль для А.? Или другими словами: если Государство платит за товар деньгами, а променяет его на товар, которой само употребит, то я тут транзитного торга не вижу. Не говоря о транзитном торге Риги и Херсоня и не утверждая, что Россия деньгами ли платит за все товары, которые променивает в Астрахани, Оренбурге, на линии и на Кяхте, я только хотел показать возможность проигрыша, которой может происходить от транзитного торга, и что буде кто хочет верно знать, полезен он или вреден, то надлежит его основать на тонких расчислениях и почти неудобь возможных. Но исключая последние времена, где курс Российских денег упал на 27 стиверов, или ниже (чему кажется не только транзитной торг, но и торг вообще не причиною), если вероятно быть может, что курс есть термометр прибытка или потери Государства в торгу, то кажется, не взирая на все прежние потаенные проезды на Польской границе и проч., курс был всегда без равенства, то есть выше 36 стиверов, или другими словами наш рубль 72 пробы стоил дороже рубля.

При таковых обстоятельствах, и если курс будет означать перевес торга в пользу России, то продажа иностранных товаров на Кяхте будет выгодна. Таковые товары состоят, как мы видели, из сукон, зеркал и других подобных безделушек, а наипаче из бобров и выдр, суммою всего может быть на 150.000 руб. А как оные товары променивают на такие, которые расходятся в России: следственно не Китайцы за них платят, а Русские, то прибыль от сего транзитного торга будет та, что больше от Китайцов выменено будет товара; следственно, он будет дешевле и употребителен без отягощения.

Я Сибирь от Уральских гор до места моего пребывания проехал в такое время, когда торг на Кяхте был заперт и худая была надежда к возобновлению оного: ибо, как то в Тобольске, Иркутске не без причины, может быть, думали, что со стороны России не о торге помышлять начали, но о войне, что Китайцы приметя, о том сами упоминали. До Тобольска не слышал я жалобы ни от кого, что пресечение сего торга было в тягость, исключая чая, коего дороговизна и недостаток заставлял всякого произносить жалобы. В Тобольске скучали пресечением сего торга некоторые купцы, которые, имея большой запас для кяхтинского торга, лишались почти своих капиталов; скучали также частные люди, привыкшие к употреблению чая и к употреблению на одежду Китайских товаров, особливо фанз и китаек. Проезжая далее, я почти до самой Иркутской губернии не слышал жалобы. В Таре, Томске и Красноярске купечество мало занималось торгом на Кяхте, на Барабе в редких местах говорили, что цена горностаев понизилась, но причину несуществования торга на Кяхте тому не поставляли, ибо сие понижение цены начало восприяло гораздо позже.

Но основательнее всего могли печалиться бедные Барабинские поселяне, и то не более трех или четырех в каждом селении. Без торга с Китайцами уменьшился проезд обозов и купечества. Обозы выгодны бывали тем, что имели издержки на овес, сено и пищи извозчиков. Купцы, проезжая налегке, платили за почтовые подводы, хотя всегда с великою экономнею, однакоже больше одинаких прогонов. Отдаленные от всех торговых мест они произведения свои не могут продавать с выгодой, как проезжающим. Енисейская ярмонка в 1791 году была отменно малолюдна.

Но, въехав в Иркутскую губернию, с самого того места, где места становятся ровнее, пашни обильнее и селитьбы привольнее, я слышал, хотя не повсеместно, но неудовольствие или сожаление о пресечении торга с Китайцами. Но к моему крайнему удивлению, на вопросы мои о сем другого почти не слышал, что имели недостаток в Китайских товарах и всех питающих роскошь, то есть китайки, фанзы и дабы; о сих последних, сказав, что могут заменены быть с выгодой льняным холстом, получил в ответ, что многие бабы стали учиться с недавних

лет прясть. Но нигде в селениях, даже до сего места, не слышал, чтобы говорили, что мягкая рухлядь в цене упала, но скучали, что нет даб на рубахи и желали возобновления торга для того, что надеялись, что пушной товар вздорожает.

В Иркутске остановка Китайского торга тем была чувствительнее, что великой капитал лежал в запасенном товаре без обращения, по уверениям некоторых от 4 до 5 миллионов рублей. Потеря великая, если сумма столь велика, как меня уверяли.

Собственно для города Иркутска торг с Китаем весьма полезен в разных отношениях. Не столько, может быть, своим местоположением естественным, но местоположением политическим, если так сказать можно, Иркутск может равняться с лучшими Российскими торговыми городами и превосходит многие.

Не одна соседственность с Кяхтою делает торговое его обращение знатным. Если исключим те товары, которые идут из Якутска в Москву, не заходя в Иркутск, чрез Илимск, Енисейск и далее, то все торговые обороты мягкою рухлядью, все нужное для заморских промыслов и все оттуда привозимое, вся добыча смоляных, моржевых и костяных промыслов; все, что питает торг на Кяхте со стороны России, и все, что от Китайцев получается за обмен, не токмо проходит чрез Иркутск, но тут складывается, сортируется, часто переходит из рук в руки и в Иркутске грузится на воза или суда, для отвоза в Россию или на границу Китайскую.

Но если выгоден Китайской торг для Иркутска тем, что большие приводит в обращение суммы, еще выгоднее он тем, что много питает купцов маломочных. Я здесь на минуту устранюся от моего предлога и скажу нечто малое хотя о побочной материи, но также несколько к слову моему причастной. В[аше] С[иятельство], конечно, того же мнения; если промысел, рукоделие, искусство или упражнение какого бы рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств, то то искусство, рукоделие или упражнение, или что бы то ни было, предпочтительнее тому, которое, обращая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает.

Истине сей вы от меня доказательств не потребуете, столь она очевидна, а для облегчения моего мог бы я оные выписать из многих хороших Авторов. Но если можно и давать пропитание большему числу людей и оставлять всевозможное обращение капиталов, то тем больше будет выгоды. Приложим сие к торгу на Кяхте. То, что я здесь скажу, скажу не по словам других, но по моему испытанию, которое тем было безошибочнее, что со мною многие были в нынешнем моем состоянии чистосердечнее, нежели могли бы быть в другом. Торг на Кяхте производят не токмо великие капиталисты; но большая часть купцов, там торгующих, суть люди маломощные, безденежные

и пропитание свое добывающие потом лица своего; не токмо торгуют купцы на Кяхте, но некоторые крестьяне и многие иноверцы, а особливо Буряты или Братские. Все сии люди до сего времени торговли на Кяхте беспрепятственно, и Иркутск таковым купечеством наполнен. Во время несуществования торгова Кяхтинского издано городовое положение. Купцы Иркутские сами понимают, что одна первая гильдия может пользоваться правом торговать на Кяхте. И дабы не лишиться пропитания или прибытка, но не в состоянии будучи нести тягости первой гильдии, отчасти мещане, а более купцы третьей гильдии пишутся в первую гильдию не все своим именем, но по 5, 6, 8, 10 и 15 на одно имя. Итак закон остается без действия. Не знаю, что предпримут крестьяне и Братские, которые торгуют только своими произведениями: ибо и мягкая рухлядь есть их собственное произведение; если они не сделают того же, то произведут торг потаенной, в ущерб пошлинного сбора, хотя также в пользу общую.

Китайской торг выгоден собственно для города Иркутска тем, что питает много кожевников. Хотя oprичь черных юфтей в Иркутске других кож и не делают, разве немного козлов, но сие искусство многие доставляет выгоды. Собственно к выгоде Иркутска можно отнести плату, производимую за складку назначаемых на Кяхту и в Россию товаров. Для сего построен довольно обширной гостиной каменной двор в два этажа и строится еще другой, которые ныне почти стоят пусты и строители лишены прибыли наймов. К собственной выгоде Иркутска надлежит также отнести прибитки от построения и содержания судов, плавающих по Ангаре и Байкалу. С Китайским торгом плавание сие удвоится и вместо (по сказываниям живущих на Ангарских порогах вожей или лоцманов) 17 или 20 судов, плавающих ныне от Иркутска до Енисейска, проплывать будут ежегодно судов до 40.

К сим общим или прямо до торгова Кяхтинского принадлежащим выгодам присовокупятся еще для города Иркутска и побочные; например: прибыль, получаемая из постоя 10.000 подвод и многого числа приезжих людей, мелочные услуги, в торгу нужные, которые будут питать многих жителей, починка и делание повозок зимних и летних; большей расход нужных для жизни припасов и многие другие мелочи, в которые можно включить непространное искусство ткать шелковые пояса и ленты.

Что же касается до общих выгод Иркутской Губернии или Сибири, от Китайского торгова проистекающих, отчасти говорили мы о том уже выше и здесь еще о них упомянем.

Мы видели, каким образом сей торг полезен вообще, что не токмо большие в оном обращаются капиталы, но что гораздо полезнее малые, давая пропитание большому числу людей. Мы видели, что многие крестьяне прибыльные будут иметь извозы,

а от них прибыль будет держателям постоянных дворов. Сие может, хотя невеликое, действие иметь на хлебопашество: ибо и скотоводство для дальних извозов надлежит иметь большое число лошадей и им нужное снабжение. Для сего надлежит размножать табуны, размножать пашни. Обращение денег между крестьян будет скорее и выгоднее. Проезжающие по дорогам должны делать издержки (которые ныне в рассуждении малого проезда малы) и сие будет в прибыль живущим по дорогам поселянам. К статье извоза можно присовокупить размножение плавания по Селенге, Байкалу и Ангаре; ибо мы видели по известиям лодочников, что число судов, проходящих пороги, удвоится.

Расход съестных припасов, усугубляясь в Иркутске, как то мы видели, может иметь благое действие на хлебопашество; а хотя оному и есть некоторые препятствия, по крайней мере, цены хлеба должны возвыситься к пользе поселян, не ставя в счет годы худого урожая, где прибавляющийся расход может быть иногда гибелью.

Мы видели, что в торгу с Китайцами много променивают юфти (которую употребляют почти всю предельные с Российской границею Мунгалы), и сие может иметь действие на размножение скотоводства. Наконец, возвышения поврежденные пушного товара в пользу будут поселян или промышленников. Таковы суть выгоды торга с Китайцами. Я не мог поставить в счет продажу вообще излишней мягкой рухляди, то есть всей той, которая не расходуется в России или не отвозится за границу, ибо если цена на некоторые статьи пушного товара с пресечения торга на Кяхте понизилась, но не на главные и не на становые. Сему утверждению мало верят даже и в самом Иркутске; но те, кои в торге Кяхтинском обращаются, должны признаться в истине мною сказанного; а доказательство тому короткое и ясное есть то, что товар на руках у промышленников не остается, и ныне, когда известно уже стало, что торг возобновлен будет, на месте промыслов товар поднялся только 1 процентом; но прибыль на Кяхте торгующих часто не на мягкую рухлядь, но на Китайской товар, и в том я согласен.

Исчислим теперь, сколько возможно, пользы России и Сибири, от Китайских товаров ожидаемой.

Мне кажется первую и все другие превосходящую пользою поставить можно вывоз из Китая в Россию шелка; мы видели, каким образом он нужен для шелковых тканей и размножившегося рукоделия сего в Московской губернии; наипаче размножился торг шелковыми платками, которыми ныне Московская губерния снабжает всю Россию. А кто не знает, сколь великой расход на оные! ибо они составляют головной женской убор простого народа среднего состояния.

С немалого пользою, видели мы, можно вывозить Китайские шелковые материи по двум причинам: 1. По высокой цене

Европейских, от низкого курса на Российские деньги происходящей. 2. Потому что китайцы начинают ткать с лучшим вкусом, то есть: по даваемым им Европейским образцам, и сей торг может в нынешнее время нарочито распространиться.

Если можно почитать выгодною дешевую цену товаров иностранных, то Кяхтинской торг совершенно выгоден тем, что унизит цены на многие товары великого употребления; но я с моей стороны таковою выгодною почту разве всякой чай, опричь кирпичного, ибо чай сего рода служит только к роскоши крестьян и Братских, живущих за Байкалом и некоторых жителей других мест Сибири. То же сказать можно и о дешевизне даб и фанз, — но о сем будем говорить ниже, — также и заменяющих китайку товарах. Но поселяне Сибирские особо отменно обрадуются дешевым ценам сих товаров, то есть частию китаек, фанз, а особо кирпичного чая и даб, хотя нередко и к своему вреду.

Исчислив таким образом все выгоды, которые происходят от торга с Китайцами на Кяхте, и следуя сделанному расположению, теперь скажу, что заступало его место во время его несуществования, то есть: куда обращались Российские товары и чем заменяемы были Китайские; ибо нельзя подумать, да и противно было рассудку мыслить, что в обширном Государстве и лежащем в непрерывном протяжении граничащем с тремя частями света, если сообщение и торг с одним Государством прервется, чтобы товары, в сем торгу обращающиеся, все стали недействительны и смертию пораженны. Всяк беспристрастный признается в сем. Уменьшились ли от пресечения Китайского торга звериные промыслы? Умалилось ли скотоводство? Оставил соху земледелец и удалился ли своего упражнения? Пройди все селения Сибири, вопросы всякого, которой питается промыслом звериным; не найдешь нигде, кто бы сказал, что он перестал ходить в лес для того, что торг с Китайцами пресекся. Всяк тужил, когда торга не было, но не о том, что товар с рук не шел, но о том, что не было Китайских товаров. И так, можно заключить с вероподобием, что пресечение торга на Кяхте на звериные промыслы не имело действия худого. Думать можно, что цена пушных товаров при открытии торга на Кяхте возвысится, но причина тому будет иная и самая та, от которой курс стал с некоторого времени столь низок. Некоторые товары однако же остаются на руках у добывателей, а именно те, которые привозятся в Охотск на промышленнических судах; как-то: бобры, черные лисицы и еще некоторые. Я о сем торге буду говорить вообще, тогда и о сих товарах.

Всякое потрясение в торгу вредно, по крайней мере сначала, даже и тогда, когда из премены может быть польза.

Но если вообще усматриваем, что для возобновления ослабевших пружин нужны сильные потрясения, то не можно ли сего сказать и о торге? Но иногда премены таковые ужас только

наводят, для того, что суть премены, а не для того, что от того истинной вред.

Во всяком торгу обращаются товары, из которых некоторые идут непременно в одну сторону, другие же, хотя и в большем количестве, идут в одну сторону по привычке, а могут идти и в другую беспрепятственно.

Из сделанного выше сего исчисления видели мы, что главные статьи Кяхтинского торгова составляли белки, мерлушки и юфть. Что касается до белки, то ловля сего зверка составляет основание всех почти Сибирских звериных промыслов, по крайней мере сею ловлею питается большая часть Сибирских промышленников. Плодовитость ея столь велика, что здешний народ почитает, что одна самка в год может иметь до 40 поколений; но я сего не утверждаю и вопрос сей сюда не принадлежит. Но сколь количество сего зверя ни велико, сколь добывание его ни избыточно, во все продолжение пресечения торгова ныне, также и в прежнее, сказывают, время никогда они на руках не оставались у промышленников. Я думаю, вам известно, что сей товар, когда на Кяхте торг пресекался, обратили для заплаты долгов, сделанных в Европе по торговым обращениям. Большая часть оного пошла в Гамбург, а оттуда, вероятно, в немалом количестве и в Турецию. И сей исток сего товара столь окоренился, что и ныне, когда уже утверждено торг на Кяхте возобновить, лучшую белку отпускают в Россию из Иркутска, и если соревнование Кяхты не возвысит ее цены до невозможного, то сей торг останется в действии; но от возвышения цен может последовать противное, и торг белкою с Европою от возобновления подорвется, ибо выгоднее ее можно будет променивать Китайцам и на их товарах лучшие получать барыши. Итак торг, сам себе вредя, или сам себе помогая, когда ничто постороннее его не раздражает, подобен водам, прорывающим себе течение не там, где бы выгоднее их напоение нивам и пажитям, но там, где почвы отложистее и где течение их может быть свободнее. Истина в нравственном и вещественном мире более существующая, нежели ощущаемая.

Торг мерлушками питается из разных мест. Меньшую часть оных дает Иркутская Губерния, но добротою самую лучшую. Пространные степи позади Байкала, обитаемые Бурятами, дают пищу многочисленному скоту, крупному и мелкому, которой большею частию принадлежит Братским, Ламам, Шуленгам, Заисанам, а наипаче Тайше. Прочая мерлушка идет от Киргизцев чрез пограничные места, Петропавловскую, Троицкую, и Оренбургскую таможни. Некоторую часть дают и оставшие Калмыки. Во время пресечения торгова на Кяхте, мерлушки Забайкальские оставались дома, но не все; много не только мерлушек, но и всякого зверя Братские продавали потаенно своим единоплеменникам Мунгалам, живущим под игом Китайского правительства; и сколь оно ни прозорливо на угнетение, везде многие

найдутся люди, которые тем охотнее попустятся на какое либо действие, что оно запрещено.

Человеку, служившему в таможне, быть одобрителем всего потаенного торга свойственно показаться, что был нарушитель сам тарифных положений; но я сей укоризны не боюсь и тем более знаю, что и вы того мнения, что бы за исходом Российских произведений строго смотреть в таможне не нужно.

Но возвратимся к мерлушкам. Не знаю, куда обращаются мерлушки, вымениваемые от Киргизцев, неизвестно мне, живым ли все они скотом вымениваются или шкурами; не делал я сравнения, больше или меньше их выменивается; но то сказать можно с вероятностию, что действие торга на Кяхте не имело действия на торг с Киргизцами; и хотя в общем размышлении полагать можно, что если где сей товар и остается, то он хотя и дешевет, но не во вред жителям: ибо хотя то и смешно покажется, но как я уже сказал, никто от того не замерзнет, что купил дешевую шубу.

На что оставляем выпуск хлеба, не на то ли, что думаем, что дома дешевле будет? Правда, что все другое с сим товаром сравниться не может, но если другие потребности во вторую или третью статью потребностей поставим, то не надлежит ли также и о их дешевизне пецися; и если Правительство печется, чтобы иностранные товары были дешевле, доставши их из первых рук, то для чего же не пецися, чтобы и собственные были не дешевле?

Кто бы подумал, что юфтей оставаяся на 100.000, в России они мало делают расстановки в обращении сего товара и заводы кожевенные от того не остановились? Когда торг бывает с Китайцами, то юфти для сего торга привозят не токмо из Красноярска и Енисейска но и далее. Когда его нет, то Иркутская юфть идет на Ишимскую линию для продажи Киргизцам. Таким образом торг, сам себе помогая, не терпит преграды, и если я говорю, что не так велик вред от пресечения торга на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, чтобы его возобновление было вредно.

Равным образом и другие пушные товары не остаются в руках промышленников: ибо каждый, находя свойственной ему исток, обращается, куда ему способнее и выгоднее. У тех много товару осталось, кто имел его в закутке при закрытии торга, а никто другой. Нужды, кажется, нет преследовать за каждою статью товара; ибо если может быть известно количество его, когда выходит за границу в одном месте, нельзя его уловить и узнать в точности, в какие протоки он раздробится; ибо, если известно, что на Кяхте променено, например, горностаев на 40.000 руб., то когда они обратились в другую сторону, и если где они в выпуске случатся за границу, то можно ли утверждать, что точно те, которые выходили в Китай?

Россия столь обширна, столь в лучших ее областях есть лесов, что невозможно точно сказать, разве быть отпуску их прилежным свидетелем, разумеется о некоторых товарах, сей товар оттуда; и столь у нее много пунктов прикосновения с другими Государствами, чтобы всегда сказать с уверением: сей товар вывезен в такое Государство.

Внутреннее употребление, а особливо мода, приводит иногда и Сибирские товары в обращение. Например, пред несколькими временем в Москве была мода на собольи меха; не всегда на дорогие, но на самые те, которые берут Китайцы. Кто в Москве был без соболей шубы, тот в число щеголей не вмещался, а там их много и быть таковым есть в свете не редкое достоинство. Ныне мода пошла на шубы или виндшуры бобровые. Если бы торг на Кяхте не возобновился, то я уверен, что бы и Камчатские дорогие бобры в Москве нашли покупателей.

Товары иностранные, употребляемые в мену на Кяхте, оставались совершенно без действия; но также они не были ставлены на счет Российского торгового долга. Конечно, выгоден торг проходной, но тогда буде за товар мною полученный, я, заплатя товаром, получаю наличные деньги, или хотя заплатил деньги, их при продаже возвращаю, платя таким образом за товар чужие деньги и пользуясь оных интересами. Но если я с одной стороны заплатил деньги, а променял с другой стороны на товар, то если мне есть прибыль, какая Государству? Я о сем торге предлагаю только мои мысли без всякого утверждения; ибо материя сия для меня, как первенственный хаос, покрыта еще мглою. Если я мог видеть самолично действия Китайского торга в нижайших и дальнейших протоках; но я мало времени был в середине торга Сибирского, то есть в Иркутске, и не видал совсем, каким образом бывает торгу сему исток в Китай. Я бы почел в положении моем благодеянием, если бы позволено мне было отлучаться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение. Если глагол мой заразителен, если дышу язвою и взор мой возмущение рассеивает, скитаяся по пустыням и дбрям, преходя леса, скалы и пропасти, — кто может чувствовать действие толико злодейственна существа? Пускай глас мой не пременился, пускай вымя не стерта и носится гордо; глас ударять будет в камень, отзвонок его изыдет из пещеры и раздастся в дуброве необитаемой. Свидетели моих мыслей будут небо и земля; а тот, кто зрит в сердца и завесу внутренности наша проникает, тот знает, что я, что быть бы мог и что буду.

Привыкнув к употреблению некоторых вещей и сделав их себе иногда почти толико же необходимыми, как хлеб и рубаха, человек, живущий в обществе, с трудом отстать может от своей привычки, хотя бы то была прихоть, и если не может удовлетворить своей прихоти тем, чем удовлетворял прежде, удовлет-

ворит ее чем либо подобным, и тению хотя того, чем наслаждался, насладится.

Мы видели, что главные произведения, из Китая в Россию привозимые, суть товар бумажной, то есть китайки и дабы, чай, шелковые ткани и шелк сырец и сученой; мы видели, что китайки и чай употребляемы не токмо в Сибири но и в России, что шелк почти единственно расходился на Московских мануфактурах, что дабы, фанзы все почти расходились в Сибири, а голи и прочей шелковой товар отвозился частью в Россию, частью расходился в Сибири.

В то время, как на Кяхте торгова не было, тогда возвысившаяся цена на чай заставила некоторых людей оставить свою привычку и употреблять вместо чаю кофе; но те, которые сей привычки преобратить в другую не могли, покупали и употребляли чай, привозимой из Англии, Голландии и Дании, платя за оной в трое или четверо, от чего привоз сего товара чрез все порты, а особливо чрез Петербург увеличился; но бедные люди, которые чай пивали во дни праздника или веселия, или же подражая в роскоши богатым и причаствуя сей постепенной заразе, живущие в России употребляли веронику и богородскую траву; живущие в Сибири заменяли травую, так называемой, луговой чай; но жители Забайкальские, Буряты и Русские, которые издерживают весь почти кирпичный чай, из Китая привозимый, и коего количество превосходило количество всего чая, в России употребляемого, привыкнув к употреблению оного от самого детства, при всяком пресечении торгова на Кяхте приходят в великую расстройку и многие семейства, от чая обнищав, пошли по миру. Вот действие прихотей и действие роскоши, подобно той, которую усматривают в диких народах, и чем они грубее, тем действие пагубнее, чем они простее, тем беспечнее. Тунгус, когда начнет по здешнему гулять, то есть упиваться до бесчувствия, пропивает последнюю рубаху; Караиб отдает за пьяное питье свою постелю, не помня о том, может ли успокоить на чем свои усталые члены.

Таким образом многие Забайкальские жители пропивались на чаю, доколе доставало их имущество. Овца, корова, лошадь преобращались в чай; и наконец, хлев стал пуст и нива не оранная не дала жатвы. Не имея потом возможности доставать чай, стали вместо оного употреблять траву, которая в рассуждении своей безвредности имела действие чая; ибо питье сие, употребляемое по образу Сибирских жителей не токмо не вредно, но полезно и питательно, и чай или траву можно почесть скорее побочным (*ingrédient*) составом, нежели первенствующим.

Если чай, как вещь, прихотью введенная в употребление, а не нуждою, не могла истребиться из употребления, хотя привоз ее пресекался и с ним низкая его цена, кольми паче невозможно отстать от того, что считаем между первейшими необхо-

димостями, как-то одежда в Северном климате, и если нет штофа и парчи, наденем, вздохнув, сермяжное сукно и проч. Но таков человек, что о прихоти своей более жалеет, нежели о нужде. Сей удовлетворить почтится без роптания; от лишения другого приходит нередко в иступление. Притяжение веселия есть из первейших элементов нашего состава, и душа наша на оном замешена. Если мы вникнем в причины восстания народов, то увидим, что лишение прихотей нередко были их в том побуждениями.

Лишенные Китайских тканей, служивших к их действиям, употребители стали промышлять, как бы их заменить чем другим. То, что в нарядах употребляемо, было заменено нарядом, что была необходимость, то заменена такою же. Невозможно почти исчислить, чем заменены стали китайки, ибо употребления сего товара разнообразны. Сукно, каламенка, выбойка, миткаль, нитяные ткани Ярославских фабрик и даже крашенина, все служило в замену. Фанзы заменены были миткалем и тонким Ивановским полотном: ибо фанзы употреблялись Сибирскими жителями большею частию на рубахи. Вместо даб стали употреблять красные и синие пестреди, нитяные и полубумажные. Но что еще важнее, поселяне стали разводить лен в большом количестве, деревенские и городские бабы стали прясть и ткать: ибо к не малому своему удивлению, я во многих местах Сибири слышал, что многие бабы выучилися сему рукоделию назад тому три или четыре года. В Таре, а особливо в Томске, где много хорошего льна родится, холст начинал составлять отрасль торговли и его отвозили в Иркутскую губернию большими партиями. Шелковые другого рода товары, канфы, голи или камки нашли замену или в Лионских тканях или других Французских модах. Шелк, на фабрики Московские употребляемой, вывозить (говорю гадательно) стали, может быть, в большом количестве из Персии и Италии.

Другие статьи Китайских товаров, гораздо в меньшем количестве вывозимые, нечувствительны были при их лишении, исключая, может быть, сахара леденца, коего употребление было велико, а в Иркутске, Тобольске и прочих Сибирских городах почти повсеместно. Но высокие цены головного сахара более о нем заставляли тужить, нежели то, что не было Китайского леденца.

Посуда, какого бы звания и вида она ни была, не столь была завидна, чтобы она в счету могла стоять лишнее; а о других статьях и говорить нужды не нахожу в рассуждении их маловажности.

Из всего вышесказанного можем мы видеть, какое торг на Кяхте с Китайцами производит вообще действие над всем тем, чем он живится, и как он действовать может на то, чем в несуществование заменяется. Мы видели, что пресечение торга на Кяхте звериным промыслам не было в подрыв и что они от

того не уменьшились. Правда, если бы Китайцы совсем с Рос-сиею торговать перестали, то воспретило бы сие распространению промыслов, производимых от Охотска на берегах Американских. Признаться в том должно несомненно: они прибыльны, иногда прибыльны чрезмерно: но если они обогатить могут того или другого, какова из того польза вообще, мы постараемся показать ниже.

Обыкновенные же звериные промыслы распространиться кажутся не могут; но скорее желать надобно, чтобы они уменьшились, и жители, пропитание свое ныне от звериных промыслов снискивающие, начали бы прилежать к земледелию. В таком положении, как промыслы ныне производятся, они бы земледелию не были вредны, ибо производятся тогда, когда работ никаких не бывает. Но надеясь на зверскую добычу, все, оное промышляющие, земледелию не прилежат, и если на ловитве не шадят своих трудов и здоровья, оных в другую работу жалеют отменно. Сколь же такое пропитание не надежно, не имею нужды доказывать. Нынешнею весною в окружностях Илима лов был худ отменно, так что тот, кто добывал 500 или более белок, ныне имел не более 20 или 30. Не говорю о том, сколько много от того бывает несчастий; скитаясь по лесам, встречаются с медведями и жертвою бывают своей отважности; и алчностью прибытка водимы, пренебрегая нужду и непогоды, лишаются членов, на всю жизнь бывают калеки. Не думайте, однако же, чтобы они жили в изобилии. Правда, что все Сибирские крестьяне, Барабинских посельщиков исключая, лучше и изобильнее живут помещичьих крестьян, едят мясо, а в пост рыбу, но из того не следует, чтобы они жили в изобилии. Один из 100 или из 200 живет не в долг, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу закупают заранее; а корыстолюбивые и немилосердые торговщики пользуются трудами и ими обогащаются.

Многие из поселян, увидев ненадежность звериного промысла, оставляют свои жилища и, простясь с лесами, переходят и селятся на местах изобильнейших; едуци по Лене, в редком селении я того не находил. Таковые переселения бывают на Оку, где земли много и она плодородна. Если бы я не знал, сколь мало можно получать в распоряжение казенные деньги и сколь частое из оных делают злоупотребление, то я бы подал совет давать премии всем желающим оставлять жизнь лесную и звероловную и, селясь на местах плодородных, упражняться в земледелии.

Скотоводство, дающее часть своего произведения для торга на Кяхте, столь же мало или меньше потерпело от пресечения торга с Китайцами. По крайней мере можно сие сказать о скотоводстве Иркутской губернии. Мы видели, что она в торг дает две главные статьи товаров, мерлушки и кожи, а сии последние бывают выделываемы и отвозятся в Китай с юфтию.

Самую малую часть мерлушек дает губерния Иркутская; идет оных много от Киргизцов из за границы; остальные покупаются в разных местах и столь неприметно, что едва ли первая закупка чувствительна; почему можно предполагать, что первой продавец, имея невеликую прибыль в продаже и малую потерю, если у него мерлушек не покупают, число своего скота для сего ни умалит, ни усугубит, ибо одни только великие прибитки заставляют делать новые предприятия; но торг Кяхтинской, променивая мерлушки в великом количестве, побуждая к размножению скота, дающего мерлушку, не токмо, казалось бы, в сем случае благое будет иметь действие, но размножать волну и способствовать может к заведению или размножению суконных фабрик.

Но оставим все сии гадания и я лучше признаюсь, что о сем ничего основательного сказать не могу, потому что подробность сего торгога мне мало известна.

Торг юфтию, остановившийся на Кяхте, кажется, может разве вредить кожевенным заводам, а не умалить скотоводство. Следующее рассуждение может служить тому доказательством. На что держать большой рогатой скот? Или спросим определеннее и ближе к цели нашей: на какое употребление бьют скот и какая в том главная цель? Далеко ее, кажется, искать не надобно и сохранение своей жизни скажет, что нужда заставляет искать пищу и находить ее в скотском мясе. И по истине, если мы рассмотрим, что в скотине рогатой всего дороже, то найдем, что мясо всего дороже, за тем следует сало, а кожа в заключении. Они содержатся в следующей пропорции: $4\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{4}$. Из сего можно сделать вероятное заключение, что употребление мяс восстановило кожевенную торговлю и мануфактуру, а не прибитки торговли юфтию заставляют бить скотину, разве цена кож возрастет мгновенно, как то мы видели в цене сала, и для того, доколе будут люди употреблять говядину в кушанье, дотоле и торг юфтию не пресечется и будут существовать кожевенные заводы; ибо в них также настает надобность, а особливо в Сибири, где весь простой народ носит кожаную обувь, которая и во время закрытия торгога в высокой держится цене, хотя число битого скота не убывает, потому что употребители мяса те же.

Кажется, Кяхтинской торгога малое на земледелие может иметь действие. Однако же, если то правда, что мне сказывали, что во время сего торгога в Иркутске в год до 10.000 подвод переезжает, и с сими по меньшей пропорции 3.000 человек, то, полагая умножением расхода овса и хлеба то количество, которое употреблено быть может людьми и лошадьми во время продолжения дороги, можно почест сие распространением расхода; а потому в той же пропорции и земледелия.

Обратимся теперь к Китайским товарам и посмотрим, каково их действие. Мы видели, что в несуществовании Кяхтинского

торга товары, вымениваемые от Китайцов, были заменяемы совершенно, и недостаток в них чувствовали только те, которые, сделав к некоторым из оных привычку, не в силах были покупать таковые же, но по дорогой цене для людей состояния посредственного. Первые годы по закрытии торга на Кяхте возвышенные цены на Китайские товары показались несносными; но по времени к оным сделали привычку, и размножение некоторых, oprичь чая, привозом чрез порты цены оных понизило и недостатка в них уже не чувствовали. Хотя чай и дороже был прежнего, но все, кто чай пил (oprичь кирпичного), от чая не отстали; а ныне, при возобновлении торга, можно сказать с уверенением, что прежняя цена чая, на Кяхте вымениваемого, восстановиться не может, потому что числительная сумма денег в России умножилась по крайней мере одной третью всей массы, и если вздорожали от того имения недвижимые, то несомненно должно вздорожать и все другое. Какое же действие размножение одновременное денег имело на торг вообще, мы видим из состояния курса и из издержек последняя войны в сравнении с прежними.

Стараются обыкновенно доставлять Государству товары из первых рук, и Правительство сие вменяет себе должностию. Причина тому ощутительна. Получая товар из того места, где он производится непосредственно, он конечно обойдется дешевле, и употребители низкою ценою его иметь будут; но если то истина, хотя мало еще распространившаяся и немногим она очевидною является, что Государство в торгу точно столько же даст, сколько возьмет, а если и то, может быть, истина, что заплата бывает всегда тем, чем Государство изобилует, следовательно, если я вещь получаю дороже, то больше за нее возвращаю, а в общей пользе должно будет на весы положить, что нужнее, чтобы иностранные товары были дешевле, или чтобы больше выходило домашних на заплату сделанного взятъем товаров долга? Мне кажется, что начинают почитать доказанным, что невозможно, чтобы Государство какое либо торговало всегда в ущерб своего числительного богатства; ибо если положим, что оное равно 100, а Государство теряет ежегодно в торгу 5, то в 20 лет таковое Государство должно потерять всю свою монету и начинать повсюду торг меновной. Или если бы Государство ежегодно выигрывало монетою, напр. каждый год 5, умножая тем свое числительное богатство, состоящее из 100, то чрез двадцать лет, оно, удвоясь, удвоило бы всему цену; но сие умножение не бывает в сей соразмерности и числительное богатство входит в Государство по мере той, какую в нем имеет надобность. Если мы возьмем пример России, и хотя с 1762 года, то есть в течение 30 лет назначенном приращении, как то из ведомостей казалось, по 4 миллиона на год, что в 30 лет составит 120 мил. руб. серебряной монеты или серебра; и все сие серебро в 2 или 3 года из обращения:

истребился. Эпоха уменьшению серебряных денег есть начало войны со Шведами. Неужели каждой год война стоила 40 мил.? Может быть: ибо умножением денег цена на все умножалась. Но что становилось ополчение против Шведов, все оставалось в России. Или вдруг стало Государство столько терять в торгу ежегодно, нельзя подумать.

Итак, если Государство даст столько же, сколько берет, то будет брать то, что надобно, и давать, что может; следовательно: золото и серебро наряду пойдут с другими вещми.

Россия за вино, сахар и пр. дает железо, сало, пеньку и лен; Испания серебро и золото. И чем в торгу сии металлы могут быть преимущественнее? Единственно тем, что употребление их обширнее и что в общем соглашении они всякой товар представляют и на них всякой товар менять можно: ибо по конец всех изысканий всякой торг есть меновой. Для чего же извлекать их из торговли или назначать им особое в оной место? Золото и серебро суть произведения земные, как и другие металлы, а драгоценнее потому, что их меньше. В Перу до нашествия Испанцов золото худшим почиталось металлом: ибо было повсеместно. На что же их предпочитать в торгу другим произведениям, почто их почитать истинными богатствами и гоняться за ними, нарушая даже правила благоразумия? Или кусок золота или серебра драгоценнее сока винограда и тростника сладкого, сколь приятныя в употреблении, столь и здравую многополезныя? Или утварь серебряная драгоценнее произведения художества, воображения, рассудка? Ужели произведения мрачных вертепов Потозския, свидетели слез и стенаний несчастных, драгоценнее почитаться могут произведений Рафаила, Декарта, Мильтона, Монтекиё? О вы, проложившие путь умствованиям о благе народном, о благе общественном, о благе Государственном, Платон, Монтекиё, могли ли бы вы вообразить, что при вратах порубежных произведения бессмертные вашего разума могут на одни весы положены быть с произведением алчности, исторгаемым ударами у обогренного кровавым потом злосчастия! Отлети от сердца моего мысль тягостная, мысль гнусная, удалися! совет таковой не в моем водворится сердце.

Итак, если истина, что в торгу Государства ни продавец, ни покупатель ущерба не имеют, то все равно, от кого товар ни получать, правою ли рукою, левою ли; все равно для Государства, из первых ли идет что рук или посредственно. Все равно в торговле и безубыточно, что чай в Россию возят с Кяхты или из Петербурга, Архангельска, Риги и Ревеля: ибо он дороже, то за него дают более товара. Примечания достойно, не будет ли открытие торга на Кяхте действие иметь на количество вывозимого Россиею товара; но действие таковое ощути-тельно не одним годом, не тремя или четырьмя.

По возобновлении торга на Кяхте, торг чаем с Европою пресечется, но, думаю, не совсем, и если бы сравнить пошлину на чай, то бы торг сей был довольно обширен. Забайкальские жители и некоторые других мест Сибири возобновят пить Затурана, будут на нем пропиваться и сожалительно оставят траву, которую ныне вместо чая употребляют. Но более того сожаления достойно, что низкая цена китаек, а паче даб и фанз изгонит из употребления в Сибири многие Российские рукодельные и мануфактурные товары. Китайки и частью фанзы, хотя заменяемы были товарами иностранными, но вместо всех даб, многих китаек и фанз употреблялися товары Российские.

Не токмо размножалось делание пестредей (которые дабы заменяют ныне совершенно), тканей Ярославских, Ивановских полотен, сеяние льна и тканье простого полотна в Иркутской губернии и Томской области; но я имел случай видеть, что даже в деревнях губернии Нижегородской делать начинали китайки. Запрещение иностранных мануфактурных произведений неминуемо родит мануфактуры дома, а без того внутренние рукоделия могут прийти в запустение.

Кто бы подумать мог, что торг Кяхтинской умалит сообщение Сибири, а особо Иркутска, с Россиею, а паче с Москвою? Вот как сие разуместь должно. Доколе был торг на Кяхте, купцы не токмо Иркутские, но и Тобольские не имели другого предела к стороне России своим поездкам, как Иркутскую ярманку, редкие, и то Тобольские, приезжали на Макарьевскую, ибо имея себе надежное прокормление и барыш в торгу на Кяхте, все туда устремлялися и от нее удалялися неохотно. Все нужные товары из России привозили, как то и ныне по большей части купцы, а особливо в Иркутск, Велико-Российские, наипаче Архангельские, также Устюжские и другие; но когда в пресечение торга так называемые мелочники, не находя себе упражнения на Кяхте, отправилися по ярмонкам; тот, которой знал один Иркутск и Кяхту, отправился в Ирбит и к Макарью, и многие, отвозя пушные товары в Москву прямо, закупали все, что могло быть в Сибири потребно и заводили знакомства и сообщение.

По возобновлении торга некоторые из сделанных связей останутся, может быть, но большая часть прервется; ибо, находя надежное прокормление и столь же прибыльное у своего, так сказать, жилища, вдаль ездить перестанут, и Сибирь более будет посещаемая русскими купцами попрежнему. В отношении торга все равно, что справа едут налево, что слева направо, но не все равно в рассуждении образования и научения. Сибиряки, посещая Москву, приобретают многие понятия, каких не имели прежде, и все, что в путешествии есть полезного, бывает не потеряно; хотя нравы, образ жития и обращения везде одинаковы, как в Сибири, так и в России, но есть много и разли-

чия, и если, скитаяся по свету, изучаемся нередко худому, изучаемся однако же и доброму.

Но какую новую жизнь произведет в Иркутске возобновление торгога на Кяхте? Человеку, ведающему все действие сообщения между людей, я не имею нужды говорить обстоятельно. Низкого состояния люди, питающиеся от нашествия других, содержа постоялые дворы, приготовляя пищу, доставая пропитание от извозов, отдающие в наем дома, анбары и лавки, кормящиеся от водоходства, а паче малоимущее купечество и так называемые посадские, получают иные в самом Иркутске, иные отъезжая для мены на Кяхту, и крестьяне, пользующиеся извозом и судохождением, надежное пропитание.

А если бы и все сии выгоды могли быть противовешены другими и заменяемы совершенно, одна та мысль, что многие Барабинские поселенцы изменят смрадное свое рубище на теплую одежду, получив малой хотя прибыток от проезжающих, и [увидят] стнящих еще по 20-летнем отсутствии от прежних жилищ родственников и ближних (все, что человека во всех его состояниях воздыхать заставит может); если какая-либо выгода может загладить у сих несчастных тяготительные напоминования, то желание мое будет всегда, чтоб торг на Кяхте не пресекался николи.

Не знаю, М[илостивый] Г[осударь], довольно ли я объяснил мою мысль и может ли быть внятно мною сказанное, что пресечение торгога на Кяхте не есть такое зло, как кажется. И по истине, если мы краткими словами повторим сказанное: от пресечения торгога на Кяхте звериные промыслы не уменьшались и не уменьшатся, а есть ли в том польза, чтобы они в теперешнем положении Сибири размножались, остается для меня по крайней мере доселе проблемною. Скотоводству от того и земледелию помехи нет; в несуществовании сего торгога размножился посев льна в Иркутской губернии и тканье холста, а особливо в Томске и окружностях: торг Российскими полотнами, пестредями и другими льняными тканьями, крашениною и выбойкою Российского дела, в Сибири распространился на сумму весьма знатную, даже начали в России делать бумажные ткани, на подобие китайки; недостаток в Кяхтинском чаю совсем бы стал нечувствителен, если бы пошлину на него, в общем тарифе положенную, сравнить с Кяхтинскою; Забайкальские жители, вместо кирпичного чая, стали бы пить ими собираемые травы, для здоровья не меньше полезные; а сообщение Сибиряков с Российскими городами распространилось бы непременно.

Но с другой стороны возобновление торгога на Кяхте возвысит цену на мягкую рухлядь и распространит обилие между питающимися звериным промыслом, размножит кожевенное рукоделие в Иркутске, размножит плавание по Байкалу и рекам Сибирским, даст пропитание питающимся извозом, гостеприимством, удесатерит обращение денег в Иркутске, до-

ставит казне знатной годовой доход, доставит многому маломочному купечеству надежное пропитание, даст дешевую и прочную одежду не токмо Сибири, но и России, и подешевеет вожделенное всеми питье — чай, Забайкальские жители завтракать будут затураном и я, хотя не совсем одобряю торг сей, иногда невыгодный, охотно выпью несколько чашек чаю в день, лучшего, нежели ныне. Но что всего важнее, Иркутск, будучи теперь истинным центром Сибирския торговли, будет распространяться паче и паче, и если можно проникать слабыми нашими взорами в будущее, он по положению своему определен быть главою сильных и обширных областей.

Противовеса все выгоды и неудобства, случающиеся при торге Кяхтинском, так, как и при всяком другом, не возьму на себя сделать заключение в ту и другую сторону; и тем паче, что я для надежного о сих материях суждения недовольно жил в Иркутске, а Кяхты совсем не видал. Итак, все мною сказанное примите мимоходящими только рассуждениями, а не достоверными следствиями верных посылок. Если время переменит что либо в отношении Кяхтинского торга, то, признав истину, не постыжуся сказать: я заблуждал.

О ЧЕЛОВЕКЕ,
О ЕГО СМЕРТНОСТИ
И БЕССМЕРТИИ

Le temps présent est gros de
l'avenir. *Leibnitz.*

КНИГА ПЕРВАЯ

Начато 1792 года генваря 15.
Илимск.

Друзьям моим

Нечаянное мое преселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные мои, отъемя почти надежду видеться когда-либо с вами, побудило меня обратить мысль мою на будущее состояние моего существа, на то состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувствование, словом, на то состояние, в котором человек находиться будет, или может находиться по смерти. Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу в страну неведомую и устремляюся в область гаданий, предположений, систем; вы, вы тому единственною виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами, я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие, или же токмо единую возможность, что некогда, и где — не ведаю, облобызаю паки друзей моих, и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): *люблю вас по прежнему!* А если бы волшебная некая сила пренесла меня в сие мгновение в обитаемую вами храмину, я бы прижал вас к моему сердцу; тогда все будущее и самая вечность исчезли бы, как сон.

Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или, лучше сказать, наша единственность, сие столь чувствуемое я продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! — Будем? ... Помедлим заключением, любезные мои! сердце в восторге нередко ввергало разум в заблуждение.

Прежде нежели (как будто новый некий провидец) я прореку человеку, что он будет или быть может по разрушении тела его, я скажу, что человек был до его рождения. Изведши его на свет, я провлеку его полегоньку чрез терние житейское, и дыхание потом исторгнув, ввергну в вечность. Где был ты, доколе члены твои не образовались; прежде нежели ты узрел

светило дневное? что был ты, существо, всесилою и всеведению сопричастное в бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? или пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь в бездне вещества? — Вопросы дерзновенные, возлюбленные мои! но вопросы, подлежащие моему слову.

Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся, во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности. Не во внутренность ее проникнуть настоит нам возможность, но разве уловить малую нить, для руководствования в постижении постепенного ее шествия, оставляя существам, человека превышающим, созерцать ее внутренность и понимать всю связь ее деяний. Но сколь шествие в испытании природы ни препинаемо препятствиями разнородными, розыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует, или как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, розыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неясственные сопряжения их с другими вещами, деяниями или действиями; сблизит факты однородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и раздробляя паки проистекающие из того следствия, он, поступая от одного следствия к другому, достигнет и вознесется до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к оной ведущие.

Поищем таковых в природе фактов, до предрождественного существования человека касающихся, и обратим внимание наше на них.

Человек зачинается во чреве жены. Сие есть естественное происшествие. Он зачинается во чреве жены; в нем растет; и дозрев, по девятимесячном в утробе матерней пребывании исходит на свет, снабженный всеми органами чувств, глагола и разума, которые усовершенствования достигать могут постепенно; сие всем известно. Но деяние пророждения, то есть образ, как зародыш делается, растет, совершенствуется, есть и пребывает доселе таинством, от проницательнейших очей сокровенным. Любопытство наше в познании сего таинства удовлетворяем по возможности, и не токмо могли видеть, как постепенно животное растет по зачатию своем, но счастливые случаи, любопытством неутомимым соглядаемые, послужили наукам в пользу, и в России имеем прекрасное собрание растущих зародышей от первого почти дня зачатия даже до рождения. Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остается еще вопросом, которой в одних токмо догадках доселе имел решение. Но при сем, во мраке погруженном, деянии естественном можем провидеть нечто поучительное и луч слабый на испытание изливающее. Мы видим, что семя, от которого зародыш

зачинается, в некоторых животных существует в матери до плододейания; но для развержения, для рождения бессильно. Сие в животных пернатых видим ясно. Яице есть сие семя, и до плододейания содержит в себе те же, существенность его составляющие, части — белок и желток. Но если мы обратим взоры наши на существа, единою степенью на лестнице творений от животных отстоящие; если мы рассмотрим земную собратию нашу, растения, отличающуюся от животных лишением местоменяющейся способности, и следствием может быть оной способности чувствования, — то мы увидим ясно, что для произведения высочайшего кедра, сосны или дуба равно нужно зерно или семя, как для произведения малейшей травы, на дерне стелющейся, или по голом камени растущего мха.

Итак о растениях и о птицах можно не токмо сказать с вероятностию, но почти с убедительною ясностию, что семя существует не токмо до зачатия, но и до плододейания. Сие однакоже для тех и для других необходимо, и самка без самца * семя дает бесплодное. Заключение выводя по правилу сходственности, сказать можно то же о всех животных и о самом человеке. Итак заключим, что человек преджил до зачатия своего, или сказать правильнее, семя, содержащее будущего человека, существовало; но жизни, то есть способности расти и образоваться лишено. Следует, что нужна причина, которая воззовет его к жизни и к бытию действительному; ибо бытие без жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менее почти смерти.

Восходя таким образом от факта известного до вероятного, можно почти безошибочно сказать, что человек существует в жене до зачатия своего, но в полуничтожном своем виде; и нужна необходимо плододейательная влажность мужеская, чтобы воззвать семя от бездеятельности к деянию, от полуничтожества к жизни.

Семя мужеское есть средство, коим семя жены становится зародыш, как то из предыдущего следует: оно дает жизнь. И если нужно, чтобы бездейственная вещественность для получения движения имела начальное ударение, то для дания жизни нужно также ударение плододетельного сока. Если мы рассмотрим сопутствующие деянию зарождения обстоятельства в животных (даже в растениях сие приметно, хотя не столь явственно), а паче в человеке, то ударение, которое мужеский плододейательный сок впечатлевает семени, не может почтяться простым или единственно механическим. Сверх того, что сок сей имеет свойство весьма подстрекающее и способное возбуждать раздраженность семени женского, что он его проникает, кормит и образует; но воззри, до коликкой степени возвышенна раздраженность и чувственность во время плотского соития; воз-

* Славный Естествоиспытатель Линней привел в ясность различие полов в растениях и плододейание их посредством цветочной пыли, без коей цвет в плод превратиться не может.

зри, koliko живоносным веселием оно сопутствуемо; измерь, если можешь, на весах естественности и сие веселие и притяжание плотское и любовь. Или сия так же естествена и в естественности имеет свое начало; но как пища, поглощенная желудком, превратится в питательное млеко или хил, умножа гряду крови в животном, протекает неисчислимыми и неудобозримыми ходами, и очищаяся в нечисленных железах, достигает самого мозга, возобновляет его состав, и протекши и прешед тончайшие его каналы, производит нервную жидкость, едва понимаемую, но никогда незрющую. Но сего мало. Кусок хлеба, тобою поглощенный, превратится в орган твоея мысли. Тако любовь, прияв начало в телесности, в действии своем столь же далеко отстоит от начала своего, как кусок снедаемый, от действия мозга в мысленной силе. О ты, вкушавший в объятиях возлюбленных супруги кратчайшее, но величайшее веселие на земли, на тебя ссылаюся; вещай, не казалось ли тебе, что се конец бывает твоея жизни! Я не сладострастную здесь картину начертать намерен, но действие. Раздраженность всех частей тела, ею одаренных, чувствительность тех, коим она свойственна,* возвышаются в сию минуту до такой степени, что, кажется, тут предел бывает жизни. И действительно были примеры, что люди в соитии жизни лишались.** Иначе быть тому нельзя; се настоят прехождение от ничтожества к бытию, се жизнь сообщается. Не удивительно, что после соития слабость приметна в животном: он уделил жизни своея, коея нужное количество для своего состава он паки приобретет пищею, извлекая жизнь из того, чем питается: ибо все, его питающее, есть живо.

Но в сем безжизненном состоянии человека, когда он не есть еще зародыш, но семя или зерно, может ли он почесться человеком, может ли причтен быть к тварям разумным? Вопрос самой пустой и не стоящий ответа, если бы за ним не следовал другой, более казистой и вид сомнения имеющий. Что есть человек, и где он есть до произведения семени, из коего родиться имеет? Ибо, если можем понять, что семя предсуществует зачатию, то оно предсуществует в самке известной; но где оно было, доколе в ней не образовалось в виде семени?

Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но воззри на свое сложение; ты едва от земли отделен, и если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение твое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды досягающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллио-

* Славный Галлер доказал, что иные части чувственны, другие только раздражительны.

** Не говоря о других, можно в пример привести известного живописца Рафаеля.

нов раз увеличивающимися; что узришь ты? что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, не взирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. И узришь хотя часть органа, мысль тебе дающего; но какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлежит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела; ибо ты она, все прочее догадка.

Но дадим ответ на предъидущие вопросы, сколь нелепы они бы ни были. Если не достоверно, но хотя вероятно, что человек предсуществовал зачатию в семени, то суть две возможности, где существовало сие семя, опричь той вероятности, что оно в жене начиналося; а сие есть вероятнейшее других предположение. Но скажем хотя слово о них. Или семя содержалось одно в другом, из разверзшихся прежде его в бытие, и содержит в себе все семена, сколько их быть может, одно в другом до бесконечности. Или семя сие есть часть прежнего, которое было часть другого, прежде его к жизни воззванного, и может делиться паки на столько частей или новых семян, сколько то быть должно и может; равномерно и отделенные от него части паки делимы быть имеют до бесконечности. Бесконечность... о безумные мы! все, чего измерить не можем, для нас есть бесконечно; все, чему в продолжении не умеем назначить предела, вечно. Но для чего не утверждать, как то сказали мы выше, что семя образуется в жене? Ибо, если чувствительность, мысль и все свойства человека (не говоря о животных и растениях) образуются в нем постепенно и совершенствуют, то для чего не сказать, что и жизнь, которая в семени, яко в хранилище, пребывать имеет, * доколе не изведет на развержение, образуется в органах человека. Ибо всякая сила, не токмо действующая в человеке, но в вселенной вообще, действует органом; по крайней мере, мы иначе никакой силы постигать не можем. Когда всесильный восхотел, чтоб движение и жизнь нам явны быть могли, он поставил солнце: вот чувственный его орган! Почто же дивиться, что смертные его боготворили?

Прейдем к другому вопросу. Семя до зачатия, или человек в предрождественном своем состоянии, мог ли почестья тварью разумною, или другими словами, сопряжена ли была душа с семенем, доколе не прешло семя в зародыш? Какое слабое удовлетворение твоему высокомерию, если и согласимся дать семени душу! но что сия душа? свойство ее жизни, или в совершенном возрасте человека есть чувствовать и мыслить; а по-неже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие

* Не возможно ли уподобить душу металлу минерализованному? Когда огонь руду проникнет, металл отделяется и явится в своем блеске: так и огонь жизни, проникнув семя, являет душу.

мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнью тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок; что нервы толико тупеть могут, что суть иногда в болезненном состоянии тела почти бесчувственны; если же общий закон природы есть, что сила не иначе действует (для нас по крайней мере), как органом или орудием, то скажем не обинуясь, что до рождения, а паче до зачатия своего человек есть семя и не может быть что либо иное. Бесчувствен, нем, не ощущаяй, как может быть разумною тварию? И хотя бы (согласимся и на то), хотя бы душа жила в семени до начатия веков; но когда она начинает действовать и мыслить, того не знает, не воспоминает, что она когда-либо была жива. А поелику не помнит о своем предрождественном состоянии, то человек настоящий, я настоящее, я отличающееся от всех других обратных мне существ, не есть то я, что было; а хотя бы я нынешнее то же я было, которое было в предрождественном состоянии; но что в том мне пользы? Нет тождественности души в двух состояниях, то есть в нынешнем и предрождественном; * не все ли равно, что она не существовала до зачатия или рождения.

Но нет ли какой-либо возможности, что душа может существовать с семенем сопряженна до зачатия зародыша? Бы видели, мои возлюбленные, что все предъидущие умствования суть предположительные или паче гадательные, то и сие мнение о предрождественном существовании души, поелику противоречия в себе не заключает, есть возможно. А если к тому присовокупим, что поелику всякая сила действует свойственным ей органом, и семя есть орган, для действия души определенный, но не разверженный, то можно сказать, что сила живет в органе и душа в семени; ибо если орган или семя не разверженно и неустроенно, то из того не следует, чтобы оно было мертво; ибо смерть есть разрушение, или паче, как то увидим далее, смерть не существует в природе, но существует разрушение, а следствие одно токмо преобразование. Присовокупим к сему предварительно, что как из опытов знаем, что по разрушении каждая частица отходит к своей стихии или началу, да паки в сложение прейдет, то сила жизни не отойдет ли к своему началу или стихии; и поелику стихия каждая одинакова, то частица оной может пребывать семени совокупна.

Вот что возможно сказать о предрождественном состоянии человека; но и тут, как видите, друзья мои, много предположений, систем, догадок. Таково есть положение наше, что мы едва

* Нельзя ли сказать: несть тождественности души в рожденном ее состоянии и по смерти; ибо душа есть сила, действующая органом, а орган разрушится. Душа, лишенная воспоминования воплощенного ее состояния, будет особна, будет высшее существо, потому что напомнимения лишение лишит ее всего, что нас терзает: она будет я. Итак, соединится ли она со своим началом или пребудет особна, но будет высшее существо.

ли можем удостоверены быть о том токмо, что предлежит нашим чувствам. Сведение о вещах внутрезрительное несть свойство нашего разума. Если чего не ощущаем, то заключаем по сходствию. И дабы вам сие изъяснить примером: мы по сходствию токмо заключаем, что рождены и смертны есмы. Итак о прошедшем и будущем своем состоянии человек судит по сходствию. Блажен, если жребий его не есть блуждение!

Се настал час бытия и жизни! О всеильный! отпусти дерзновение мое; я умствованием одним угадать тебя тшуся, доколе не возван к жизни! Но я живу и тебя чувствую. О всеильный! в том нет дерзновения!

Представим себе мужа и жену в цветущих силою летах, горящих взаимною любовью; представим себе невинные их лобзания, преддверие веселия. Представим их на непорочном ложе вкушающих его приятности, ужели думаешь, что восторг, иступление, забвение самого себя (во время соития) суть напрасны, и должны существовать без намерения? Когда есть цель малейшему микроскопическому зверку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселие не имеет оной? И можно ли в ней ошибиться! Намерение есть чувствование, цель жизнь.

Уже жена зачала во чреве; уже зародыш жив. Сердце, сей источник крови и вѣмлице ее, в нем биет даже с первого дня соития. Началось кормление,* рощение. Уже мало по-малу члены его образуются. Каждое волокно ищет своих подруг, с коими согрудится,** и составляются мышцы. Но паче всего образуется голова, растет больше и величает. В ней пребывание чувствий и умственных сил! — Пребыв во чреве жены предопределенные девять месяцев, зародыш стал дитя.*** Орудии движения, чувствия, голоса и жизни получили свое дополнение; основание уже положено разумным силам, орган их уже готов, как гладкая таблица готова на восприятие впечатлений. Упругость, содрогательность существуют уже в образованном, да некогда производят страсти, притяжение и отвращение. И се рождается дитя — человек да будет.

Итак ишел на свет совершеннейший из тварей, венец сложений вещественных, царь земли, но единоутробный сродственник, брат всему на земле живущему, не токмо зверю, птице, рыбе, насекомому, черепокожному, полипу, но растению, грибу,

* Человек во чреве образуется подобно растению: он кормится пуповиною, как растение корнем.

** Peut-être les affinités suivent les loix de la force magnétique ou électrique; ne pourrait on pas dire que l'affinité est universelle par les intermédiaires. S'il y a des affinités doubles, n'y peut il y avoir des triples etc.

*** Легкое его еще не дышит, а большая грудная железа сосет; кажется, и у человека нет еще правых сердечных камеры, и вместо крови, белый сок протекает его жилы. Сердце потом образуется, кровь краснеет, и хотя легкого не касается, но обращение ее живее. Все в нем пульс; и как скоро выходит на свет, воздух и млеко составляют его пищу; самая боль и всякая потребность дают ему случай всосать теплоту тысячью стезями.

мху, плесне, металлу, стеклу, камню, земле. Ибо, сколь ни искусственно его сложение, начальные части его следуют одному закону с родящимся под землею. Если кристалл, металл или другой какой-либо камень образуется вследствие закона смежности, то и части, человека составляющие, тому же следуют правилу. Если он зарождается и растет во чреве матернем, прилежное розыскание показывает (хотя еще внимания на то не обращено), что для образования чего либо и в царстве ископаемом нужна матка; и если в животных то издревле известно, что матка без муского сообщения бесплодна, то ныне явно уже о растениях и о подземных вероятно. * Но если кристаллизация, если руденение далеко отстоят от зачатия, питания и рождения, не образование ли есть цель того и другого? Образование есть видимое действие; — но причина? не сомневайся! то же начало, которое жизнь тебе дает, действует и в законе смежности.

Мы не унижаем человека, находя сходственности в его сложении с другими тварями, показуя, что он в существенности следует одинаковым с ними законам. И как иначе то быть может? не веществен ли он? Но намерение наше, показав его в вещественности и единообразности, показать его отличие; и тогда не узрим ли мы сопричастность его вышшему порядку существ, которых можно токмо угадать бытие, но ни ощущать чувствами, ни понимать существенного сложения невозможно.

Человек, сходствуя с подземными, наипаче сходствует с растениями. Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение; ибо, хотя в обоих находятся великие сходства, но разность между ими неизмерима. В растении находим мы жилы, питательный сок, в оных обращающийся; находим различие полов, матку, плододение мужское, семя, зачатие, рождение, детство, мужественные лета, произведение, старость, смерть; следовательно растение есть существо живое, а может быть — и чувствительное, — (да не остановимся при словах!) но чувствительность сия есть другого рода, может быть, одна токмо раздражительность. А паче всего вертикальное положение растений сходственно единому человеку. Хотя в растениях чувствительность не явна (и самая чувственница из сего не исключается), но согласиться нельзя, чтобы обращение соков действовало в них по простым гидростатическим правилам. В них существует истинная жизнь. Они на земли не для обновления токмо родов своих, но служат в пищу вышшей степени существам. Сие есть одна простая догадка: но поелику органическое тело сохраниться может токмо пищею, то каждый род органических веществ питается веществами органическими же в разных их видах и сложениях; а питаясь сходствующими с органами его веществами, не жизнь ли он принимает в пищу, которая, почерпаясь

* Что есть металлическая жила, что земля купоросная, селитренная, если не матки? что пары металлические, купоросный и селитренный газ, если не мужский сок?

из нижнего рода веществ, протекши и процеждаясь, так сказать, сквозь бесчисленные каналы, единообразуется той, которая органы его движет.

Паче всего сходственность человека примечательна с животными. Равно как и они, он отличествует от растений тем, что имеет уста. Растение, стоя в нижней степени существ земных, есть вся уста, по выражению одного известного писателя. Сок из земли корнями, росу же небесную сосет оно листием. Человек уже отличествует, как и другие животные, от насекомых; ибо и сии, как гниды, суть токмо рот, желудок и его продолжение. Все органы, коими одарен человек, имеют и животные, разумя в назначенной их постепенности. Слух, обоняние, вкус, осязание, взор, все они имеют. Побуждение к пище равно терзательно и усладительно для всех живущих на лице земли, не исключая и растений. Исторгни его из недра земного, или замкни токмо источники небесные, цвет увянет, иссохнет корень, отпадет листие, и вместо красящегося зеленостию листов и всеми цветами раздробленного луча солнечного в цвету своем, узришь его поросшее мхом и плеснию подернутое, преходящее в разрушение. Равномерно, отыми яства от животного и человека, возбуди алчку и жажду в недрах его, лиша его всего того, что обновляет в нем кровь, дыхание и жизнь, ты скоро узришь страшные признаки смерти, окрест его летающие. Шествие будет токмо доколе не изнеможет. Взоры поникли, коими жизнь, кажется, помалу истступает, глаза въямившиеся, тело все обвисло морщинами; но вскоре остатки жизни превращаются в болезни лютые, в нестерпимые корчи и судороги, и будто жизнь, сие неведомое нами существо, в каждой фибре, в каждой нерве заключенное и растворенное, так сказать, во всех соках и твердых частях телес животных, жизнь начнет отделяться сперва с великим возбуждением чувственности, раздражительность вникает при конечном расслаблении, чувствительность живет при исчезании, и жизнь, сей безвещественный огонь, дав животному вздохнуть в последние, излетает. Труп холодеет, кровь, лимфа и водяность приходят в согнительное воскипение, все члены распадаются, каждое начало отходит к своей стихии, каменородная часть животного, кости, противятся несколько времени проникшему в него тлению; но скоро могущество воздуха, разрушив известное их сложение, разделит их на составляющие их части и, иссосав в воздухообразном виде содержащуюся в них кислоту, остатки предаст земле.

Человек, сходствуя в побуждении к питанию с животными, равно сходствует он с ними и растениями в плодородии. С большими и многими малыми животными он даже сходственные имеет уды детородные. Они все отстоят от главы в отдаленности, а вследствие возникшего положения человека они лежат в нижней его половине. Напротив того, они суть глава растений и их краса. Цветок — О ты, возмогший проникатель-

ностью твоею узреть сие таинство природы, бессмертный Линней, не возгнушайся жертвоприношением желающего тебя постигнуть! — цветок есть одр любовный, ложе брачное, на коем совершается таинство порождения. — Хотя многие животные, как то все птицы, разнятся от человека в порождении, но сходятся с ним все живорождающие. Многие самки носят девять месяцев; родят обыкновенно одного, и дитя своего вскармливают сосцами своими.

Внутренность человека равномерно сходствует со внутренностью животных. Кости суть основание тела; мышцы — орудия произвольного движения; нервы — причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий ее жир, наконец, мозг и зависящие от него деяния: понятие, память, рассудок. Не унижит то человека, если скажем, что звери имеют способность размышлять. Тот, кто их одарил чувствительностию, дал им мысль, склонности и страсти; и нет в человеке, может быть, ни единых склонности, ни единых добродетели, коих бы сходственности в животных не находилось.

Нашед многочисленные сходственности между животными и человеком, нужно нам видеть и то, чем он отличает от всех других животных, живущих на земле. Возниченный его образ отличает его внешность приметным образом и есть ему одному на земле свойствен. Хотя медведь становится на задние лапы, а обезьяны ходят и бегают на них, но сложение ног человеческих доказывает, что ему одному прямо ходить должно. Хотя сие хождение есть следствие искусственнейшего учения, хотя были примеры, что человек имел четвероножное шествие,* но из того не следует, что оно ему свойственно вследствие его сложения. Широкая его ступня, большой у ноги палец и положение других с движущими ступню мышцами суть явное доказательство, что человек не пресмыкаться должен по земле, а смотреть за ее пределы. Но сие то и есть паче всего человека отличающее качество, что совершенствовать он может, равно и развращаться; пределы тому и другому еще неизвестны. Но какое животное толико успевать может в добром и худом, как человек? Речь его и все оныя следствия, зверство его неограниченное убивая братию свою хладнокровно, повинуюся власти, которую сам создал; и какой зверь снедает себе подобного из лакомства, разве не он? Напротив, какое великодушие, отринувание самого себя; но о сем говорить еще не место.

Оставя теперь все следствия возниченного положения человека, мы находим, что сложение его паче всех животных без-

* Пример младенца и диких.

защитнейшее, а хотя нежнейший имеет состав, но твердейшее имеет здравие. Все звери, или паче животные живут в свойственном для них климате. Слон живет под жарким поясом, медведь белый на льдинах Северного Океана; но человек рассеян во всех климатах. Гладкая и бесшерстная, но твердая его кожа противостоит всем непогодам и водворяется во всех странах света. Но самая сия беззащитность родила вымысел, и человек облекся в одежду. Но не от единых нагости восприял он свой покров. Если она была к тому побуждением в холодном климате, живучи под равноденственным кругом не токмо казалась не нужна одежда, но тягостен и малейший на теле покров. Однакож мы противное тому видим. Жители Гвинеи, Сенегала, Нигера, Конго, носят опоясье. Сколь чувствования народов сих ни притупленны, но стыдливость есть корень сего обыкновения. Сие суждение не есть произвольное или догадка; когда самки некоторых зверей дубравных чувствуют сие движение, когда многих родов самки ждут прислуги самца и обуздывают, так сказать, свою похотливость, то ужели самке человеческой стыд будет чужд? Возниченное положение, открывая детородные части в человеке, влечет, кажется, за собою неминуемое следствие — опояску.

Паче всего кажется человек к силам умственным образован. * Горизонтальное положение всех зверей, обращая зрение их, обоняние и вкус книзу, кажется наипаче определяет их блаженствовать в насыщении желудка; ибо и другое чувственное блаженство, сонние, всем зверям есть временно. ** Самую обезьяну, и совершеннейшую из них и наиболее на человека похожую, Оранг-Утанга, из сего исключать не должно. Руки ее и ноги не сходятся с человеческими так как и вся почти внешность. Сколь некоторые роды людей, например, Эскимы и другие, внешностью ни уродливы (если можно разнообразие природы почесть уродством), но члены их соразмернее обезьяны. Бюффон называет род обезьян животным четвероруким; но не взирая на слабое сходствие очертаний у них с человеком, причтем и их к четвероногим; ибо по их сложению не имеют они той точки равновесия, которая, воздымая человека от земли, шествие его делает возниченным и вид приятным. Череп его круглеет, лоб воздымается, нос становится острее, две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка.

Казалось бы, что понеже человек, наипаче к мысленным действиям определенный, иметь долженствовал отменное во всем образование головного мозга, в котором, как то всякому чувствуемо, обитает мысль; и хотя находятся некоторые в нем отмены

* Он превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает; он подвержен многим болезням, но живет долее земных зверей. Детство, отрочество, юность долее в нем. Он долее всех учиться должен, ибо должен иметь более знания других.

** Одному человеку не поставлено в нем меры.

против мозга других животных, но доселе сие различие столь найдено повидимому маловажно, что нельзя сказать, в чем точно состоит преимущественная отмена в сложении мозга человеческого против мозга больших животных. Сверх же того, анатомия не была еще руководительницею к познанию, от чего в мозгу зависит память, воображение, рассудок и другие умственные силы. Сколь на сей конец опыты Галлеровы ни были многочисленны, но света действия умственных человеческия главы не распростерли. Доселе оно кажется трудно, а, может быть, совсем невозможно, если рассудишь, что действие разума есть неразделимо. И хотя толкователи сих действий решат оные неким (ими вымышленным) движением малейших фибр мозговых, но где находится среда, в которую все сии движения стекаются, никто не видал, ибо пинеальная железа, мозольное тело суть ли истинное пребывание души, о том только прежде сего гадали, а ныне молчат. Распространение просвещения и общий разум показали, что опыты суть основание всего естественного познания. Итак, может быть одно соразмерное сложение мозга, изящнейшее его положение, так, как приятная внешность человека, суть истинное отличие человеческого мозга в его образовании.

Некоторые писатели, представив себе мысленные линии, по человеческому образу проведенные, находили в большем или меньшем углу, от пресечения сих линий происходящем, различие человека от других животных, даже различие между народами; а известный Лафатер, в угле, также мысленно начертанном, не токмо находил различие разумов между людей, но оное выдавал за непреложное правило. Но оставим правила вероятной, но далеко распростертой и от того бессущественной его физиогномии; скажем нечто о других. Кампер проводит линию чрез утлость уха до основания носа, и другую линию с верхнего края лобных кости до наиболее иссунувшейся части бороды. В углу, где пресекаются сии линии, он находит различие животных от человека, а наипаче различие народов и определение их красоты. Птицы начертает, говорит Кампер, самый малейший угол. Чем более угол сей расширяется, тем животное сходственнее становится в образе своем человеку. Обезьяны имеют в образе своем сей угол от 42 до 50 степеней; сия последняя степень уже человекообразна. Европейцы 80, а Греческая воображимая красота от 90 степеней восходит до 100. Гердер, стараясь показать естественную сему причину, говорит, что она состоит в отношении животного к его горизонтальному или перпендикулярному строению и таковому положению его главы, от которого зависит счастливое положение головного мозга и красота и соразмерность всех личных частей. Протяни, говорит он, линии от последней шейныя кости, первую до точки, где кончится затылок, другую до высоты темя, третью до самого перада лба и линию до окончания бороды, то явно будет не токмо различие в образовании

головы, но и самая причина оных; то есть, что все зависит от строения и направления сих частей к горизонтальному или перпендикулярному шествию.

Вот как человек пресмыкается в стезе, когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам; воображает себе движение, тяжественность, притяжение, когда истолковать хочет ее силы; делит время годами, днями, часами, когда хочет изразить ее шествие, или свой шаг ставит мерою ее всеобъемлющему пространству. Но мера ее не шаг есть и не милионы миллионов шагов, а беспредельность; время есть не ее, но человеческое; силы же ее и образы суть токмо всеобщая жизнь.

Гельвеций не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму. И поистине, чему одолжен он изобретением всех художеств, всех рукоделий, всех пособий, для наук нужных? Но сие в человеке изящнейшее чувство осязания не ограничено на единые персты рук. Примеры видели удивительнейшие, что возможет человек, лишенный сих нужных для него членов. Если чувство его осязания не столь изошренно, как осязание паука, то нет ему в том нужды; оно бы было ему бесполезно, ибо несоразмерно бы было другим его чувствам и самому понятию его. Равным образом, отделяя от лица земли, вследствие своего строения, чувство обоняния и вкуса в нем притупели; ибо, прокормление не стало быть его первойшею целию. А хотя оно ему необходимо, то рука его, вооруженная искусством, заменяет стократно недостаток его в изящности помянутых двух чувств. Но и тут с лучшим правдоподобием сказать можно, что вкус и обоняние суть в человеке изящнее, нежели в прочих животных. Если он не равняется обонянием со псом, следы зверя оным угадывающего, то сколь изыскателен он в благовонии следов. Сравни сладострастного Сибарита или жителя пышных столиц в действиях вкуса и обоняния с действием тех же чувств в животных, и скажи, где будет перевес.

Человек равно преимуществует пред другими животными в чувствах зрения и слуха. Какое ухо ощущает благогласие звуков паче человеческого? Если оно в других животных (пускай слух и был бы в них изящнейший) служит токмо на отдаление опасности, на открытие удовлетворительного в пище, в человеке звук имеет тайное сопряжение с его внутренностию. Одни, может быть, певчие птицы могут быть причастны чувствуванию благогласия.* Птица поет, извлекает звуки из гортани своей, но ощущает ли она, как человек, все страсти, которые он един токмо на земле удобен ощущать при размерном сложении звуков? О вы, душу в исступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайден, о вы, орудие сих изящных слагателей звуков,

* Могли ли бы оне петь благогласно, не чувствуя благогласия?

Маркези, Мара, неужели вы не разнствуете с чижем или соловьем? Не птицы благопевчие были учителя человека в музыке; то было его собственное ухо, коего вглубленное перед другими животными в голове положение * всякий звук, с мыслию сопряженной, несет прямо в душу.

Орел, паря превыше облаков, зрит с высоты своего возлечения кроющуюся под травным листием свою снедь. Человек не столь имеет чувство зрения дальновидно, как он; миллионы животных ускользают от его взора своею малостию; но кто паче его возмог вооружить свое зрение? Он его расширил почти до беспредельности. С одного конца досязает туда, куда прежде единою мыслию достигать мог; с другого превышает почти и самое воображение. Кто может сравниться с Левенгуком, с Гершелем?

Но изящность зрения человеческого наипаче состоит в созерцании соразмерностей в образах естественных. Не изящность ли зрения, изощренного искусством, произвела Аполлона Бельведерского, Венеру Медицейскую, картину Преображения, Пантеон и церковь Св. Петра в Риме и все памятники живописи и ваяния?

Но все сии преимущества обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностью, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немые. Он един имеет нужные для речи органы. Хотя многие животные звуки гортанию производят, хотя птицы паче других в органах голоса сходствуют с человеком и некоторые изучиться могут произносить слова человеческия речи; но сорока, скворец или попугай ничто иное суть в сем случае, как обезьяны, человеку подражающие в его телодвижениях. Но если попугай может подражать в произношении некоторых слов человеку, если снегирь или канарейка подражают своим пением пению человеческому, то человек в подражании всех звуков пения превышает всех животных; и справедливо его один Англинский Писатель назвал *насмешником между всеми земными тварями*.

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шестивие разума без звучныя речи было томно и пресмыкающееся! О ты, ** возмогший речию одарить немаго, ты, соделавший чудо, многие пре-

* Уши зверей заостренные и все лежащие. Рассмотрение уха певчих птиц будет когда-либо сему ясным доказательством.

** Аббе де Л'епе.

вышающее, не возмог бы ты ничего, если бы сам был безгласен, когда бы речь в тебе силы разума твоего не изошрила! Если немый, тобою наставленный, может причастен быть в твоих размышлениях, невероятно, чтобы разум его воспарил до изобретений речию одаренного. Хотя и то истинно, что лишение одного чувства укрепляет какое-либо другое; но вообще разум лишенного речи более изошряется будет подражанием, нежели собственною своею силою; не имеющий слуха коликих внутренних чувствований будет лишен, и, кажется, изъявления оных ему мало быть могут свойственны. — Итак, речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всесилы.

Осмотрев таким образом человека во внешности его и внутренности, посмотрим, каковы суть действия его сложения, и не найдем ли, наконец, чего либо в них, что может дать вероятность бессмертия, или что, обнаружив какое-либо противоречие, идею второя жизни покажет нелепостию. Если заблуждение предлежит нам в стезе нашей, источник истины, всеотче! прости луч на разумение наше! Желание наше в познании нелицемерно и не тщеславием вождается, но любовью.

Из внешнего сложения человека видели мы, что менее всех других животных он способен к хищности. Пальцы его не вооружены острыми когтями для раздирания своая снеди, как у тигра; нет у него серпообразных клыков на отъятие жизни; напротив того зубы его суть, кажется, доказательство, что пища овощная сходственнее его сложению, нежели мясная; да когда он и сию вкушает, то прежде изменит ее существенность варением. Итак, человек не есть животное хищное. С другой стороны, сложение его рук препятствует ему укрываться там, где могут животные, когти имеющие. Стоящее его положение препятствует ему избегать опасности бегством; но искусственные его персты доставляют ему оборону издали. Итак, человек, вследствие телесного своего сложения, рожден, кажется, к тишине и миролюбию. О, как он удаляется от своая цели! Железом и огнем вооружив руки свои, на произведение искусственных действий сложенные, он воссвирепел паче льва и тигра; он убивает не в снесь себе, но на увеселение, не гладом в отчаяние приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнейшая из всех земнородных! на то ли тебе даны нервы?

Уже в некоторых животных примечается опрятность и благопристойность. Птица ощипывает носом своим перья, зверь лижет шерсть свою языком, а более всех других человек любит соблюдение своая благообразия. Хотя нередко страсти и неумеренность его обезображают, но примеры единственные не отвергают правила общего. Я пре́йду здесь охоту, примеченную во всех диких народах, к украшению своая тела; умолчу о той степени, на которой она находится в ученейших народах; не скажу ничего, сколь все украшения уродуют тело вместо усугуб-

ления его красоты; но что человеку благолепие сродно, то, с одной стороны, вообразим, что когда он изящнейшие черты изобразить хочет, он изображает нагость. Облеки в одежду Медицейскую Венеру, она ничто иное будет, как развратная жеманка Европейских столиц; левая рука ее целомудреннее всех вообразимых одежд. С другой стороны, представь себе вид безобразный: волосы растерзанные, лице испещренное жжением, колонием и краскою, уши или нос дырявые, губы разрезанные и зубы непокровенны, шея и чрево задавленные, ноги и персты сжатые. Привычка нас заставляет находить украшением то, что сами с некоторою отменю почитаем безобразностию. Итак свойственная человеку опрятность и благопристойность учили бы его сохранению своего образа в природном его виде, если бы превратность не учила другому. А ты, о превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о законодавец тигр! почто дерзаешь уродовать благообразие человека? Он хотя преступник, но тот же человек. Вникни в его естественность, увидишь, что благообразие ему дано тем, кто жизнь ему дал. Ты унижаешь его паче всякия твари, отъемля у него образование. И какая в том польза? —

Следствием нежности в нервенном сложении и раздражительности в сложении фибров, человек паче всех есть существо соучаствующее. Соучастование такое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь брату их. Но паче всех сдарен им человек. Жаль видеть обезображение даже неодушевленного. Вздохнешь, видя великолепные развалины; вздохнешь, видя следы опустошения, когда огонь и сталь распространяют смерть по лугам и нивам. Преселись на место, где позыбнулись земли до основания. Хотя бы животные избегли бедствий естественных и гнева стихий, но глубокопроникающая печаль обойдет твое сердце, и ты, если не камень, потрясешься и восплачешь.

Наипаче такое чувство возбуждается в нас, взирая на скорбь и терзание животного. Стрела болезни пройдет душу, и она содрогнется. Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует. Все чувство такое, проникающее нас посредством органов глазных, производит в нас страх и ужас. Но томящееся журчание, но воздыхание, но стон, крик, визг, хрипение, выводит нас из нас самих, возбуждает исступление. Чувствование предваряет рассудку, или, паче, человек во мгновение сие становится весь чувствование, рассудок молчит и страждет естественность. Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится. Войдя во храмину, где веселие распростерло жизнедательную масть свою в сердца, где около торжествующих все блещет радостью, где руки плещут и ноги сопутствуют восторгу, а паче грудь, исполненная утехи, образует глас в радование, вздыхает от нежности или испускает крик веселостей; когда сердце и душа, исполнясь блаженства,

явить хочет свое наслаждение и гортань поет; скажи, если ты не Альцест или не Тимон, не воспоешь ли с поющими, не умножишь ли хоровода пляшущих? Когда разве дряхлость отъяла силу движения в ногах, и лишила голос твой приятности, то не будешь участвовать в веселии общем. Но знай, что ты не токмо существо, соучаствующее всему чувствующему, но ты есть существо подражательное. Если можешь с безумными обезуметь, то там, где Оирс Вакхов вооружен блистает, как не быть тебе Вакхантом?

Сие соучаствование человеку толико сосущественно, что на нем основал он свое увеселение, к не малой чести изобретению разума человеческого служащее. Скажи, не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаоксона? Не увядает ли твое сердце, когда смотришь на Маврикия, занесшего ногу во гроб? Скажи, что чувствуешь, видя произведение Корреджия или Альбана, и что возбуждает в тебе кисть Ангелики Кауфман? Исследовал ли ты все, что в тебе происходит, когда на позорище видишь бессмертные произведения Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазия, Мольера и многих других, не исключая и нашего Сумарокова? — Не тебе ли Меропа, вознесши руку, вонзить хочет в грудь кинжал? Не ты ли Зопир, когда иступленный Сеид, вооруженный сталию, на злодеяние несется? Не трепещет ли дух в тебе, когда востреженный сновидением Ричард требует лошади? «Нет у него детей!» размышляет во мрачномтихом мщении Макбет; что мыслишь, когда он сие произносит? О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блажен, тобою стражду!

Я не намерен здесь распространяться примерами о том, что каждому известно; но представьте себе и очарованное око театральным украшением, и ухо, отсылающее дрожание в состав нервов и фибров, возбужденное благогласием; представьте себе игру, природе совершенно подражающую, и слово, сладости несравненного исполненное; представьте все сие себе, и кто сказать может, что человек не превыше всего на земле поставлен? Увеселение юных дней моих! к которому сердце мое столь было прилеплено, в коем никогда не почерпал развратности, от коего отходил всегда паче и паче удобренный, будь утешением чад моих! Да прилепятся они к тебе более других утех! Будь им истинным упражнением, а не тратою драгоценного времени!

Мы сказали, что человек есть существо подражательное, и сие его свойство есть ничто иное, как последование предъидущего или, лучше сказать, есть отрасль соучаствования. Я не розыскивал того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существует механизм в подражании и соучаствовании, как образ, вне нас лежащий, как звук, посторонним существом произнесенный, образуют внутренность нашу? Происходит ли то в первом случае какими-либо лучами, отражающимися от внешних тел, как будто электрическое вещество, исходящее заострениями, и не-

сущими образ на сеть глазную посредством светильного вещества; производит ли, в другом случае, звук, раздающийся в ухе нашем и тимпан оною ударяющий, производит ли в нервах дрожание, струнному орудию подобное (что вероятно); или нервный сок, прирав в себя внешние образы, внутреннюю чувственную им сходственность соделывает. Я уже сказал, в познаниях сих многие суть догадки; и мы, прешед причины, ибо нам оне неизвестны, не скажем, как то происходит, ибо того не ведаем, но скажем: *оно есть*. Давно всем известно, что человек, живучи с другими, приемлет их привычки, походки и проч., даже самые склонности. В семейственной жизни сие наиболее приметно бывает. Не токмо дети имеют иногда привычки своих родителей или наставников, но имеют нередко их страсти. Примеры сему не токмо из истории почерпнуть бы можно было, но можно иметь их из ежедневного общежития. И неудивительно уже, что частое долговременное повторение одинакового действия всегда имея пред собою, может в привычку преобразиться; но подражательность столь свойственна человеку, что единое мгновение оную приводит в действительность. На сем свойстве человека основывали многие управление толпы многочисленных. Первый Сципион, обвиняемый пред народом в злоупотреблении своея власти во время предводительствования Римскими войсками: «Народ! — воскликнул он, — сей день вождием моим вы победили неприятеля, воздадим благодарение богам!» и не ждав нимало пошел в Капитолию, народ ему последовал, и обвинитель его посрамлен остался. Ужели думаете, что убежденный благорассуждением народ Римский шествовал за Сципионом? Нимало! ни десятой доле бывшим в собрании не было слышно его изречение. Он пошел, друзья его за ним, и все машинально ему следовали. В магнетизме Месмеровом видели самое явное доказательство подражательности непреборимой. Сидящие около его чана едва одного из среды своей зрели в содрогании, все приходили в таковое же. Воображение ли над ними действовало или что другое, до того нет нам нужды; но что все чувствовали в нервной системе потрясение, то истинно. И сей нового рода врач, основав искусство свое на сем естественном подражании, приводил сим простым способом в движение, казалось, силу неизвестную. Но если бы помыслили, что буде в собрании, где наипаче объемлет скука, один зевнет, то все зевают, то бы Месмерово чудо таковым не казалось.

Различие полов, как то мы прежде уже видели, есть постановление природы повсеместное, на котором она основала сохранение родов не токмо животных, но растений, а может быть и ископаемых. Постановив различие [полов], она, может быть, столь же общим законом, возродила в них одного к другому побуждение; и можем ли ведать, что сила притяжения, действующая в химических смежностях, не действует и в телах органических? Животное иначе живет, нежели растение; но кто отвергнет,

что растение не живо? Чем более вникают в деяния природы, тем видима наиболее становится простота законов, коим следует она в своих деяниях. Итак на различии полов основала она в человеке склонность к общежитию, из коея паки истекают различные человеческие склонности и страсти. Но последуем ее постепенности.

Из различия полов следует склонность их одного к другому, склонность непреоборимая, столь сладостная в сердце добродетельном, столь зверская в развратном. Только могущественно, толико глубоко положила природа корень сея склонности, что единое произвольно кажущееся движение в растениях относится к ней. Я говорю здесь о так называемом сне растений.

В животных склонность сия временное имеет действие, но в человеке всегдашнее. В нем склонность сия хотя столь же почти необходима, как и в животных, но подчинена очарованиям приятности и оставлена его управлению, выбору, произволу и умеренности. В человеке склонность сия хотя в младости разверзается, но позже нежели во всех других животных, а потому самому может быть она в нем и продолжительнее. Она в человеке отличается тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно и свободно, нередко на целый их век. Кто из животных, разве не человеческие супруги, могут сказать: мы два плоть едина, мы душа единая! — О сладостный союз природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродован?

От любви супружней истекает любовь матерняя. Зачав во чреве своем, родив в болезни, питая своими сосцами,* дитя есть, поистине, отпрыск матери, отрасль совершенная, не по уподоблению токмо, но в самой существенности. Союз их есть почти механический. Да не унизим его таковым изречением; он есть органический и будет нравственный и духовный, когда вскармливание разверзет все новорожденного силы и образует его внутренность и внешность. О, чувствования преизящные! в вас лежит корень всякия добродетели. Наилютейшее чудовище мягчится семейственною любовию. Преторгла ею природа скитание зверообразного человека, обуздала его нежностью, и первое общество возникло в доме отеческом. Продолжительное младенчество, продолжительная в неопытности юность приучает его к общежитию неприметно. Сопутник неотлучный матери, лежа у сосцев ее и пресмыкаяся на земле, он, воспрянув на ноги отвесно, бежит во след отцу, естественному своему учителю. Малолетство его подчиняет его родителям в рассуждении его слабости; юность то же производит неопытностью. Привычка, благодарность, уважение, почтение делают сей союз наитвердейшим. Вот первое общество, вот первое начальство и царство первое. Человек рожден для общежития. Поздое его совершеннолетие вос-

* Примечания достойно, что из видимых членов в человеке зубы совершаются после всех других.

претит, да человеки не разыдутся, как звери. О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная? *

Человеку, и может быть животному вообще, кажется быть свойственно, вследствие его чувственного состава, внутреннее ощущение правого и неправого. Не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось, если не есть правило, из сложения чувствительного человека проистекающее, то разве начертанное в нас перстом всевечного. Все превратности, все лжи, все неправды, злобы, убийства не в силах опровергнуть сего чувствования. Возникшая страсть запирает глас чувствительности, но ужели нет ее, когда лежит поприща?

Единому человеку между всех земных тварей удалось познать, что существует всеотец, всему начало, источник всех сил. Я здесь не буду говорить, что он доходит до сего познания силою разума, возносяся от действий к причинам, и наконец к вышшей из всех причин; не розыщу, что познание бога проистекло от ужаса или радости и благодарности; понятие о всевышнем существе в нем есть; сам он его себе сложил или получил откуда, того мы не рассматриваем. Но то истинно, что когда разум, а паче сердце страстями незатменно, вся плоть, все кости ощущают над собою власть, их превышающую. Называй сие кто как хочет; но Гоббес, но Спиноза ее ощущали; и если ты не изверг, о человек! то отца своего ты чувствовать должен, ибо он повсюду; он в тебе живет, и что ты чувствуешь, есть дар вселюбящего.

Итак, познание бога может проистекать из единыя нашей чувствительности, и познание сие есть ее упражнение; упражнение, ведущее к вершине земного блаженства, внутреннего удовольствия, добродетели.

О, смертный, познавай бога! утешись, если страждешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. Он жив, и ты дышишь; он жив будет во веки, в тебе живет надежда, что и ты причастен будешь бессмертию. О, смертный! Отверзи очи твои, и узришь всеотца во свете. **

Обозрев человека в его чувствованиях и действиях, оттуда проистекаемых, порядок требовал бы, чтобы мы показали его во всей его славе, возносящегося превыше всего творения, постигающего начертание создания, и сим возвышающим его дарованием, разумом, божеству уподобляющегося. Но для постижения, колико человек велик, нужно токмо воззреть на все его изобретения, на все вымыслы и творения. Науки, художества,

* Смот. Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes.

** <В сем месте Сочинитель начертал только предметы, о которых рассуждать был намерен; вот они.—О различии людей в их чувствованиях и страстях и о степени оных в каждом человеке. От чего зависят температуры? Откуда различия в представлениях божества? Что оно часто похоже на человека, то неудивительно: человек его изображает, и поелику он человек, за человека зреть не может. Различие нравов, правлений и проч.>

общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земле поставлен. Но рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникающее незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует, заблуждает; да и столь заблуждение ему почти сродно, что прежде нежели истины достичь может, бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все однакоже заблуждения человека и нелепости суть доказательство мыслящего его существа, и что мысль есть наисвойственнейшее качество его.

Второе, что при рассмотрении умственных сил человека явно становится, есть то, что многие его умственные силы следуют законам естественности. Что сила воображения, например, зависит от климата, и что люди совсем бы иначе нам предъявлялись, если бы естественное житие, правление, законы, нравы и обычаи не делали его совсем от того, как рожден, отменным. Одна теплая хранина климат преображает, и какие из того последствия? Не из того ли проистекают и несообразности, которые видны часто в людских нравах и законоположениях?

Третье, что при рассмотрении умственных сил человека явственно становится, есть различие, в оных примечаемое, не токмо у одного народа с другим, но у человека с человеком. Но сколь один народ от другого ни отличествует, однако вообразя возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может он быть равен другому, что Индейцы, древние Греки, Европейцы суть по среде на стезе совершенствования; из чего заключить можно, что развержение народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств. Но совсем иначе судить должно о различии разумов между единственными человеками, и сколь Гельвеций ни остроумен, доказательства его о единосии разумов суть слабы.

Четвертое, что замечается при рассмотрении разумных сил человека, есть то, что силы сии ничто при рождении, разверзаются, укрепляются, совершенствуют, потом тупеют, ослабевают, немеют и исчезают; что сия постепенность следует постепенности в развержении и уничтожении сил телесных, и что тесное есть сопряжение между плододетельного сока и человеческих умственных сил. Свидетельствуют тому брада или безумие, следствие несчастного самораствления. Но прежде всего скажем нечто о умственных силах человека, о действовании оных и о чудесности их.

Человек имеет силу быть о вещах сведому. Следует, что он имеет силу познания, которая может существовать и тогда, когда человек не познает. Следует, что бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе.

Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первое называем *опыт*, второе *рассуждение*. Опыт бывает двоякий: 1-е, поелику сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в одной происходящая, — чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы воспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведение о испытанном чувствовании называем представление.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытывая от них перемены в силе понятия нашего. Сие называли мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть ничто иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт.

Вот краткое изображение сил умственных в человеке; но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима.

Однакож, раздробляя, так сказать, силу познания или паче, прилагая ее к разным предметам, ей надлежащим, человек воздвиг пространное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенной, куда бы смелый его рассудок не устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосязаемом; беспредельному и вечному дал меру; исчислил неприступное; преследовал жизнь и творение и дерзнул объять мыслию самого творца. Часто человек ниспадал во глубину блуждения и животворил мечтания, но и на косвенной стезе своей велик и богу подражающ. О, смертный! воспряни от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо сна есть искра божества!

Сколько есть способов познавать вещи, толико же путей и к заблуждению. Мы видели, что познание человеческое есть двояко: 1-е *опыт*, 2-е *рассуждение*. Если в первом случае, — мы ложно познаем перемены, происходящие в чувственности нашей; ибо заблуждение сего рода всегда происходит не от вещи и не от действия ее над нашими чувствами (поелику внешние вещи всегда действуют на нас соразмерно отношению, в котором оне с нами находятся), но от расположения нашей чувственности. Например: болящему желтухою все предметы представляются желтее; что белое для него было прежде, то ныне желтое; что

было желтое, то кирпичного цвета, и так далее. Правда, что раздробление луча солнечного есть седьмично, как и прежде, и болящему желтухою от рождения различие цветов будет равное со всяким другим; но тот кто видел предметы в другом виде, тот может судить о сем. — Например: колокол бьет; глухой, не чувствуя перемены в ухе своем, понятия иметь не будет о звуке, но другой скажет: слышу звон! Если звон колокола есть знак какого либо собрания, то слышащий пойдет, а глухой скажет: мне не повешали, — и чувства его обманут. Постепенность в таких заблуждениях и все следствия оных, бывающие новыми заблуждениями по чреде своей, суть неудобопредставляемы и многочисленны.

Если знаем ложно отношение вещей между собою, то опять заблуждаем. Отношение вещей между собою есть непременно, но ложность существует в познании нашем. Например: два предмета предстанут глазам моим, но не в равном расстоянии. Естественно, вследствие законов перспективы, что ближайший предмет должен казаться больше, а отдаленнейший меньше; но необычным очам они покажутся равны, и сравнение их будет ложно; ибо величина не есть сама по себе, но понятие относительное и от сравнения проистекающее. Число сих заблуждений, из познания отношения вещей проистекающих, происходит от рассуждения, и нередко заключая в себе оба рода предыдущих, тем сильнее бывает их действие, тем оно продолжительнее и преодоление их тем труднее, чем они далее отстоят от своего начала.

К рассуждению требуются две вещи, кои достоверными предполагаются: 1, союз, вследствие коего мы судим, и 2, вещь, из союза коея познать должно вещи, не подлежащие опыту. Сии предположения называются посылки, а познание, из оных проистекающее, — заключение. Но как все посылки суть предложения опытов и из оных извлечения или заключения, то заключения из посылок, или рассуждение, есть токмо прибавление опыта; следственно, познаем таким образом вещи, коих бытие познано опытом.

Из сего судить можем, коликократно могут быть заблуждения человеческие и нигде столь часты, как на стезе рассуждения. Ибо, сверх того, что и чувственность обмануть нас может и что худо познать можем союзы вещей или их отношение, ничего легче нет, как ложно извлекаемое из посылок заключение и рассуждение превратное. Тысячи тысяч вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка. Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмещая в среду рассуждения посторонние предметы, столь часто рождают нелепости, сколь часты шаги нашего в житии шествия. Когда рассматриваешь действия разумных сил и определяешь правила, коим оне следуют, то кажется ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва

изгладил ты стезю своему рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблющееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения. Единая леность и нерадение толикое множество производят ложных рассуждений, что число их ознаменовать трудно, а следствия исторгают слезы.

Сверх прямо извлекаемого рассуждения из предпосылаемых посылок, на опытах основанных, человек имеет два рода рассуждения, которые, возводя его к светлейшим и предвечным истинам, паки к неисчислимым и смешнейшим заблуждениям бывают случаем. Сии суть: уравниение и сходственность. Оне основаны на двух непреложных (сами в себе) правилах, а именно: 1-е, равные и одинаковые вещи состоят в равном или одинаковом союзе или отношении; 2-е, сходственные вещи имеют сходственное отношение или в сходственном состоят союзе. Сколь правила сии изобильны истинами, сколь много все науки им одолжены своим распространением, столь обильны оне были заблуждениями. Кто не знает, что мы наипаче убеждаемся сходственностью, что наши обыкновеннейшие суждения ее имеют основанием; что мы о важнейших вещах иначе судить не можем, как вследствие сходственности, и если надобен вам пример, то войдем во внутренность нашу на одно мгновение. Кто может, чувствуя токмо себя, рассматривая токмо себя, сказать: состав мой разрушиться имеет, я буду мертв! Напротив того, продолжению чувствования или жизни мы меры в себе не имеем, и могли бы заключить, что сложение наше бессмертно есть. Но видя окрест нас разрушение всеобщее, видя смерть нам подобных, мы заключаем, что и мы той же участи подвержены и умереть должны. Итак, заблуждение стоит воскрай истине, и как возможно, чтобы человек не заблуждал! Если бы познание его было нутрозрительное, то и рассуждение наше имело бы не достоверность, но ясность; ибо противоположность была бы во всяком рассуждении невозможна. В таком положении человек не заблуждал бы никогда, был бы бог. Итак, воздохнем о заблуждениях человеческих, но почерпнем из того вышшее стремление к познанию истины и ограждению рассудка от превратности.

Мы видели, что заблуждения наши основание свое нередко имеют в чувственности нашей; но если мы покажем, что разумные наши силы определяются внешностью, то заблуждения человека суть почти неизбежны, и будем иметь вящее побуждение снисходительно взирать не токмо на все заблуждения рода человеческого, но и на самые его дурачества. Блаженны, если можем за словом нашим на месте строгости суждения возродить соблезнование и человеколюбие.

Все действует на человека. Пища его и питье, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий к дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих его частей), электрическая и магнит-

ная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем. Влияние звезд, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо. Что могут лучи солнечные или их отсутствие, тому доказательством служат Негры и Ескимы. Что может луна, то яествует из периодического женского истечения и видно над многими ума лишенными. Хижина, поставленная над блатом и топью, дебрию или на горе вознесенная, различие производят в нас, и местоположение жилища нашего хотя не есть образователь единственный человека, но к образованию его много способствует. Все, что взоры наши ударяет, что колеблет слух, что колет язык или что ему льстит, все приятное и отвратительное обонянию, все образует чувства. Наконец, образователи осязания столь многочисленны, сколь различно бывает положение человека.

Из сего можно судить, сколь с чувственностью нашею и мысленность превращениям подвержена. Она следует в иных местах и случаях телесности приметным образом. Одним примером сие объяснить возможно. В Каире, даже в Марсели, когда подует известный ветер, то нападает на человека некая леность и изнеможение: силы телесные худо движутся, и душа расслабевает, тогда и мыслить тягостно. Вот пример действия внешней причины. Дадим примеры внутренних. Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что либо сочинять. Живя многие годы с Немцами, я приметил, что многие из ученых людей не могли вдаваться упражнению без трубки табаку; отними ее у них из рта, разум их стоит, как часы, от коих маетник отъят. Кто не знает, что Ломоносов наш не мог писать стихов, не напиваясь почти в полпьяна водкою виноградною? Кто не имел над собою опытов, что в один день разум его действует живее, в другой слабее! А от чего зависит сие? Нередко от худого варения желудка. Если бы мы действие сего прилежнее отыскали в Истории, то с ужасом усмотрели бы, что бедствия целых земель и народов часто зависели от худого действия внутренности и желудка.

Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода. Одне действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми, как то из предыдущих примеров очевидно. Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами. Хотя смеялся над славным Монтескьё, что он мнение свое о действии климата основал на замороженном телячьем языке, но если вникнем, что климат действует на все тела без различия, а паче на все жидкости, на воздух, лучи солнечные и проч.; что роза, пресаженная из одной страны в другую, теряет свою красоту; что человек, хотя везде человек, но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно, и что

оно человека погубляет, так сказать, непрямо и без явного принуждения. Возьми в пример Европейцев, переселяющихся в Индию, Африку и Америку, какая в них ужасная перемена! Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и *habeas corpus*; он паче всякого Индейского Набоба.

Наипаче действие естественности явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале своем всегда внешним влияниям. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из *Гюли-стани Саадиева*, из Европейских и Арабских, мне известных, Стихотворцев, что-либо из *Омира* и *Оссиана*. Различие областей, где они жилали, всякому явно бы стало; увидели бы, что воображение их образовалось всегда окрест их лежащею природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся саду, *Оссианово* несется на утлом древе, поверх валов. А если кто захочет сделать сравнение исповеданий и Мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовалось внешностию, никто не усумнится. Индейские боги купаются в водах млечных и сахарных; *Один* пьет пиво из черепа низложенного врага.

Но если климат и вообще естественность на умственность человека столь сильно действуют, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладню и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель. Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно; пускай была то *Церера* или *Триптолем*, или согнанный с пажити своя скотоводитель подражать стал природе сеянием злаков для питания своего скота, и после, возревновав его обилию, насадил хлеб. Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он притвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и, облекши его багрянницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрали обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий.

Животное, нагбенное к земле, следует своему стремлению в насыщении себя и в продолжении своего рода. Примеченный в нем слабый луч рассудка ограничивается токмо на два ска-

занные побуждения, и в удовлетворении оных состоит его блаженство, если можно назвать блаженством тупое услаждение своея потребности. Животное исполняет сие, направляемо к тому непреборимым стремлением. Но возникший образованием своим человек, слабый в своем сложении, имея многочисленные недостатки, нудясь к изобретению способов на свое сохранение, свободен в своем действии; стремление его и все склонности подчинены рассудку. И хотя сей, для определения своего, имеет побуждения, но оные возвесить может всегда и избирать. Таким образом он есть единое существо на земле, ведающее худое и злое, могущее избирать и способное к добродетели и порску, к бедствию и блаженству. Свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом с женою, а с семейственною жизнью перешел он в общественную, подчинил себя закону, власти, ибо способен приять награду и наказание; и став на пути просвещения помощию общественного жития, сцепляя действия с причинами за пределы зримого и незримого мира, то, что прежде могло токмо чувствовать, тут познал силой умствования, что есть бог.

Различие, примечаемое в разумных силах человека, тем явственнее становится, чем долее одно поколение отстоит от другого. Общественный разум единственно зависит от воспитания, а хотя розница в силах умственных велика между человека и человека, и кажется быть от природы происходящая, но воспитание делает все. В сем случае мысль наша разнствует от Гельвецевой; и как здесь не место говорить о сем пространно, то, сократя по приличности слово наше, мы постараемся предложить мысли наши с возможною ясностию.

Изящнейший учитель о воспитании, Ж. Ж. Руссо, разделяет его на три рода. «Первое, воспитание природы, то есть развержение внутреннее наших сил и органов. Второе, воспитание человека, то есть наставление, как употреблять сие развержение сил и органов. Третье, воспитание вещей, то есть приобретение нашей собственныя опытности над предметами, нас окружающими. Первое от нас независимо вовсе; третье зависит от нас в некоторых только этношениях; второе сосгоит в нашей воле, но и то токмо предположительно, ибо, как можно надеяться наставить совершенно речи и деяния всех, дитя окружающих?»

Сколь Гельвеций ни старался доказывать, что человек разумом своим никогда природе не обязан, однакоже для доказательства противного положения мы сошлемся на опытность каждого. Нет никого, кто с малым хотя вниманием примечал развержение разумных сил в человеке, нет никого, кто б не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто обращался с детьми, тот ясно понимает, что поелику побуждения в каждом человеке различествуют, поелику различны в людях темпераменты, поелику вследствие неравного сложения в нервах и фибрах, человек разнствует от другого в раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы ум-

ственные должны различествовать в каждом человеке неминуемо. Итак, не токмо развержение сил умственных будет в каждом человеке особо, но и самые силы сии разные должны иметь степени. Возьмем в пример память: посмотри, сколь один человек превосходит другого сим дарованием. Все примеры, приводимые в доказательство, что память может быть приобретенная, не опровергнут, что она есть дар природы. Войдем в первое училище и в самый первый класс, где побуждения к учению суть весьма ограничены; сделай один токмо вопрос, и убедишься в том, что природа бывает иногда нежною матерью, иногда махихою завистливою. Но нет; да отдалимся хуления! Природа всегда едина, и действия ее всегда одинаковы. — Что различие между умственными силами в человеках явны бывают даже от младенчества, то неоспоримо; но тот, который степению или многими степенями отстоит от своего товарища в учении, вследствие шествия естественности и законов ее, сотовариществовать бы ему не долженствовал; ибо семя, от него же рожденное, не могло достигнуть равной с тем организации, с коим оно сравнивается; ибо человек к совершенству доходит не одним поколением, но многими. Парадоксом сего почитать не должно; ибо кому не известно, что шествие природы есть тихо, неприметно и постепенно. Но и то нередко бывает, что наченшееся развержение останавливается, и сие бывает на счет рассудка. Если бы в то время, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и преселен на острова Южного Океана, возмог ли бы он быть то, что был? Конечно, нет. Ты скажешь: он лучшую бы изобрел ладню на преплытие ярящихся валов, и в Новой Зеландии он был бы Ньютон. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова и сравни их с понявшим и начертавшим путь телесам небесным и доказавшим их взаимное притяжение, и вещай!

Сие наипаче явственно, когда поставишь в сравнение один народ с другим, или пройдеши историю умообразования одного народа чрез несколько веков. Кажется, что сему можно бы было дать доказательства, на естественности человека основания. Но здесь тому не место и далеко отвело бы нас от предмета нашего. Случалось, и сей опыт повторять можно довольно часто, что взятому иногда во младенчестве дикому Европейцы старались дать сходственное со своим воспитание; но оно не бывало удачно. Я здесь многих видал Тунгузов, воспитанных в Руских домах; но на возрасте Тунгуз в силах умственных всегда почти далеко отстоял от Руского. Кажется из сего заключить можно, что надобно природе несколько поколений, чтобы уравниять в человеках силы умственные. Органы оных будут нежнее и тончее; кровь, лимфа, а особливо нервная, лучше преработанные, прейдут от отца в зародыш; и поелику есть в природе всеобщая постепенность, то и в сем случае она вероятна.

Как в постепенности таковой отстоит народ от народа, равно может отстоять человек от человека. Первый имел воспитание естественное и нравственное лучше своего отца; сыну своему мог дать лучшее своего; третий того же семейства, вероятно, изощреннее и понятнее будет первых двух.

Таким то образом воспитание в поколениях может остановиться. Один произойдет постепенно и непрерывно, пользуясь всеми воспитания выгодами, другой, которого воспитание не было окончано, остановится на пути. Могут ли они быть равны? Природа содействует в сем случае человеку. Возьмем пример животных, коих водворить хотим в другом климате. Перемещенное едва ли к нему привыкнет, но родившееся от него будет с оным согласнее, а третьего по происхождению можно почитать истинным той страны уроженцем, где дед его почитался странником.

Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все нас окружающее.

Приступим теперь к постепенности, которая примечается в природе, и обозрим ее в развержении сил умственных в человеке, которые, сказали мы, следуют во всем силам телесным. Будем восприимчивыми новорожденному, не оставим его ни на единое мгновение чрез все течение его жизни, и когда дойдем с ним до меты его, пребудем ему неотступны до последнего его вздыхания.

Четыре или пять месяцев после зачатия зародыш движется; сердце и глава образовались уже прежде и исполняли свое назначение. До девяти месяцев и до самого того мгновения, когда дитя исходит на свет, члены его и органы разверзаются и совершенствуют и, достигнув степени, превыше коей дальнейшее развержение и совершенствование невозможно в матерней утробе, он лучше требует пищи, свободнейшего движения, лучшей жизни. Легко проникается воздухом атмосферы, уста приемлют пищу, глаза приучаются к блеску и уши к звуку; но дитя едва ли в сии минуты может равняться с растением. Чувства его ударяемы внешними предметами, все жизненные соки обращаются, он уже чувствует. Нельзя, чтобы мозг был без действительности; но он еще токмо источник чувственности, а не орган мысленный. — Итак, дитя не мыслит; болезнь учит его, что он существует, но сие чувствование едва может сравниться с движением чувственности. Болезнь, а потом голод нудят его изъявлять их криком. — Помалу члены его укрепляются, движения его становятся сильнее, потребности величают; тогда делаются приметными в младенце побуждения. Он кричит сильнее и тем старается изъявлять свое желание. Если не удовольствован, то приходит в ярость, и сня страсть перее всех поселяется в сердце.

Все внешние предметы действуют на органы чувственные младенца неотступно, и приметно становится в нем начальное образование умственных сил. Он начинает познавать различие между вещей; знает, что вкусу его льстит и что ему противно; глаза его учатся размеру, слух привыкает ко звукам; он начинает распознавать вещи единими наименованиями; знает уже свое имя, следовательно, орган памяти также разверзся. Но хотя во всех сих случаях видна умственность, но сколь слаба она, сколь недостаточна и хуже звериного стремления. Иначе быть нельзя; он еще пресмыкается, ползает, четвероножен есть. Но уже восстает он от земли. Он зрит на выпренность; измерение ему становится свойственное, слух тончает, прилепление к дающей ему пищу становится сильнее. Он уже изучился изъяслять свою радость; изъясление скорби было первое его движение. Улыбка его переходит в смех, ярость становится нетерпелива, все побуждения стремительнее. Память его расширяется, приметно становится суждение, но весьма недостаточно. И язык его, произносивший доселе неясственные токмо звуки, начинает произносить слова. С того времени, как младенец научается говорить, развержение его умственных сил становится все приметнее; ибо он может изъяслять все, что чувствует, и все, чего желает, словом, все, что доселе мог обнаруживать токмо криком и слезами; самые слезы проливает он реже, и помалу младенец становится дитя. Силы телесные его укрепились, а с ними и умственные; он уже превышает оными других животных во многом, но точности в суждениях его нет. Понятия его становятся отвлеченны, хотя следует наипаче чувственности и примеру: сей его образует более всего. Страсти в нем разверзаются; рассудок начинает снискивать опору или в слышанном, или в испытанном, и дитя становится отрок. Силы телесные укрепились; отрок обык уже употреблению своих членов, чувств и органов; умственные его силы острятся; он испытал уже свободу, уже дерзает рассуждать, но опытность его мала, и рассуждения превратны и косвенны. Блажен, как то вещает Руссо, если отрок ничего еще не мыслил, не знал ничего, был чужд рассудку. Он удален ложных понятий, предрассуждений, превратности мнений и склонностей! И все члены его достигли уже своего совершенства, все сосуды исполнены влажностей, начинают уже избыточествовать. В юноше возникает новое некое чувствование. Грудь его вздымается чаще и сильнее, весь состав его ощущает необычайное движение, чувственность его потеряла свою плавность, она зыблется и недоумевает; тихая грусть обходит его; разум, начинавший действовать, затмевается; нижняя половина лица его покрывается власами; у женщин же является временное истечение; человек уже готов для пророждения. О любовь! о чувствование, паче всех сладчайшее! Кто возможет стремлению твоему противиться? Не разумно ли бы было таковое сопротивление? Природа влияла

тебя во всю нашу чувственность на наше услаждение и на соблюдение рода человеческого.

Едва познал он вину необычайного движения своей чувственности, как старается прилепить ее к достойному предмету, и не успокоится, доколе его не сыщут. Тогда самая сия чувственность, тогда родившаяся страсть начинают напрягать силы умственные. Оне получают новую от страсти упругость и, как лучи света, изливаются от среды своей во все точки круга, в котором действуют. Вот возмужалость, вот время страстей, укрепление сил умственных и возвышение их до степени для них возможной. Вот время достижения величайших истин и заблуждений; время, в которое человек уподобляется всевышнему или ниспадает ниже никакой степени животных.

Как трение стончевает пружины, так и силы телесные приупряжаются употреблением. Человек начинает расслабевать в силах своих телесных; душевные следуют за ними. Страсти исчезают, а с ними и рвение к познаниям. И хотя рассудок еще не ослабел, но вновь не делает приобретений. Новое его не движет, ибо чувства его притупели; память ослабла, и воображение потеряло крылья. И так рассудок вращается над постигнутыми истинами, но оные уже стоят все на вышшем круге и не для него. Настает старость. Сия истинная зима человеческого тела и разума, сия безнадежная зима обеснования, простирая мраз свой во весь состав человека, полагает предел всем силам его. Гибкие доселе члены начинают цепенеть; око померкло, ухо уже не слышит, не обоняет нос, и вкус остается на пряные и колющие язык яства; осязательность почти уже увяла; раздражительность фибров онемела и ярость свою потеряла; чувствительность притупела и ослабела; жизненные соки иссякли в источнике их, сердце бьет слабее, мозг твердеет; силы умственные угасают, понятие померкло, память совсем исчезла, рассудок пресмыкается и наконец истлевает совершенно. Телу для движения нужна оборона, разум нисшел до степени младенчества. Но и нить жизни преторглася! Грудь перестает дышать, сердце не бьет более, и светильник умственный потух.

Безумные! Почто слышу вопль ваш, почто стенания? Или вы хотите превратить предвечный закон природы и шествие его остановить на мгновение едино? Рыдания ваши и молитвы суть хуление. Вы мните, что всеотец вам подобен — вы скорбите, о несмысленные! — Жизнь погасшая не есть уничтожение. Смерть есть разрушение, превращение, возрождение. Ликуйте, о други! болезнь исчезла, терзание миновалось; злосчастию, гонению нет уже места; тягостная старость увяла, состав рушился, но возобновился. — В восторге алчные души вас видеть, едва не впал в погрешность, и заключение извлек, не дав ничего в доказательство.

Блажен, о человек! если смерть твоя была токмо естественная твоя кончина; если силы твои телесные и умственные токмо

изнемогли, и умереть мог от единыя старости. Житие твое было мудрственно и кончина легкий сон! Но таковая кончина редко бывает жребием человека. Восхищенный страстями, он носится по остриям; неумеренность раздирает его тело, неумеренность лишает его рассудка; состаревшись в бодрствующие свои лета, не ветхость дней замыкает ему очи; болезни, внедрившиеся в его тело, преторгают его дыхание беззреленно и раскаевающегося на одре смертном подавляют отчаянна. Во младости неумеренность любовныя страсти, в различных ее видах, расслабляет силы телесныя и умственныя. О, юноша! читай Тиссо об онанизме и ужаснися. О, юноша! войди в бедственное жилище скорбящих от неумеренности любострастия; возри на черты лиц страждущих: — се смерть летает окрест их. — Где разум, где рассудок, когда терзается чувственность? Они возникают, но мгновенно и едва блещут в простершемся мраке. Или думаешь, что орган умственный цел пребудет, когда органы жизни нарушены?

Но единая ли сия болезнь неумеренности снедает человека в силах его телесных и умственных! Посмотри на болящего огневицею, возри на того, у коего повредился орган умственный — Где ты, о дар божественный? О рассудок! где ты? . . .

Конец первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ

Итак достигли мы, странствуя чрез житие человеческое, до того часа, когда прерывается мера шествию, когда время и продолжение превращаются для него, и настает вечность. Но оставим на мгновение отходящего к ней, заградим врата ее надеждою и воззрим на нее оком беспристрастным. Да не улыбнется кто-либо при сем изречении! Сколько возможно иметь пристрастия к вещественности, равно возможно и к единой мысленности, хотя бы она ничто иное была, как мечта. Воззри на описание рая, или жилища душ, во всех известных религиях; розыщи побуждение страдавших за исповедание; устреми взор твой на веселящегося Катона, когда не оставалось ему ни вольности, ни убежища от победоносного Юлиева оружия: увидишь, что и желание вечности равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями.

Надежда, бывшая неотступною спутницею намерений в человеке, не оставляет занесшего уже ногу во гроб. Надежда путеводительствует его рассудку, и вот его заключение: «я жив, не можно мне умереть! я жив и вечно жить буду!» Се глас чувствования внутреннего и надежды вопреки всех других доводов. Кто может убедиться, если убеждение свое захочет основать единственно на внутреннем чувствовании, что он мертв быть может? Чувствовать и бесчувственну быть, жизнь и смерть суть противоречия, и если бы, как то мы видели, не имели мы основанием к рассуждению правила сходственности, то сего заключения нам сделать бы было невозможно; ибо познания не суть нутрозрительны. Но я зрю, что все, окрест меня существующее, изменяется; цвет блекнет и валится, трава иссыхает, животные теряют движение, дыхание, телесность их разрушается; то же вижу и в подобных мне существах. Я зрю везде смерть, то-есть разрушение; из того заключаю, что и я существовать престану. И кажется, если бы удалено было от мысленности нашей понятие о смерти, то живой ее бы не понимал; но смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия.

Представим себе теперь человека удостоверенного, что состав его разрушиться должен, что он должен умереть. Прилепленный к бытию своему накрепчайшими узами, разрушение кажется ему всегда ужасным. Колеблется, мятется, сто-

нет, когда приближившись к отверстию гроба, он зрит свое разрушение. Ты есть!.. Час бьет, нить дней твоих прервется, ты будешь мертв, бездыханен, бесчувствен, ты будешь ничто! — Ужасное превращение! чувства содрогаются, колеблется разум! трепещуща от страха и неизвестности мысль истлевающая носится во всех концах возможного, ловит тень, ловит подобие, и, если удалось ей ухватить какое-либо волокно, где она уцепиться может, не размышляя, вещественность ли то или воображение, прицепляется и виснет. И возможно ли человеку быть жития своего ненавистником? Когда вознесу ногу, да первый шаг исполню в вечность, я взоры обращаю вспять. «Постой, помедли на одну минуту! О ты, составлявший блаженство дней моих, куда идешь?..» О глас разительнее грома! Се глас любви, дружбы! мой друг, вся мысль мятется! я умираю, оставляя жену, детей! — Свершайся, жестокое решение, я лишаюсь друга! Не малодушие, возлюбленнейший мой, заставит меня вздохнуть при скончании течения дней моих. Если я равнодушно не терплю отсутствия твоего, каково будет мое лишение, если то будет в вечность.

Имея толикие побуждения к продолжению жития своего, но не находя способа к продолжению оною, гонимый с лица земли печалию, грустию, прещением, болезнию, скорбию, человек взоры свои отвращает от тления, устремляет за пределы дней своих, и паки надежда возникает в изнемогающем сердце. Он опять прибегает к своему внутреннему чувствованию и его вопрошает, и луч таинственный пронизает его рассудок. Видимый чувствованием и надеждою, имея опору в рассудке, а может быть, и в воображении, он прелетает неприметную черту, жизнь от смерти отделяющую, и первый шаг его был в вечность. Едва ощутил он, или лучше сказать, едва возмог вообразить, что смерть и разрушение тела не суть его кончина, что он по смерти жить может, воскреснет в жизнь новую, он восторжествовал и, попирая тление свое, отделился от него бодрственно и начал презирать все скорби, печали, мучительства. Болезнь лютая исчезла, как дым, пред твердою и бессмертия коснувшеюся его душею; неволя, заточение, пытки, казнь, все душевные и телесные огорчения легче легчайших паров отлетели от духа его, обновившегося и ощутившего вечность.

Таковые были, вероятно, побуждения человека, да возникнет в разуме и сердце его понятие будущия жизни. Многие ее чают быть; иные следуют в том единственно испступлению; другие, и сии суть многочисленны, уверению своему имеют основанием единое предубеждение и наследованное мнение; многие же мнение свое и уверение основывают на доводах. Но каково бы ни было основание сего мнения, все вообразительные возможности будущего человеческого бытия не ускользнули от ловственного его пронизания. Но были, и суть многие, которые, отмечая свое чувственное уверение и надежду и оспаривая

у человека будущее его бытие, старались находить доводы, что смерть в человеке есть его последняя и совершенная кончина; что он, совершивши течение дней своих, умрет навсегда и не возможет восстать, существовать, быть ни в какой воображительной возможности. Доводы их суть блестящи и, может быть, убедительны. Возвесья, по силе нашей, обе противоположности, я вам оставлю избирать, любезные мои, те, кои наиболее имеют правдоподобия или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный вас, о друзья мои, последую мнению, утешение вливающему в душу скорбящую.

Доселе почитали быть в природе два рода возможных существ. Все, к первому роду относящиеся, называют тела, а общее, или отвлеченное о них понятие, назвали вещество, материя. Вещество есть само в себе неизвестно человеку; но некоторые его качества подлежат его чувствам, и на познании оных лежит все его о веществе мудрование. К другому роду относящиеся существа чувствам нашим не подлежат, но некоторые феномены в мире были поводом, что оные почли не действием вещественности, но существ другого рода, коих качества казались быть качествам вещественности противоречащими. Таковые существа назвали духи. При первом шаге в область неосязательную, находим мы суждение произвольное; ибо, если дух чувствам нашим не подлежит, если познания наши не суть нутрозрительные, то заключение наше о бытии духов не иначе может быть, как вероятное, а не достоверное, а менее того ясное и очевидное. Кто вникал в деяния природы, тот знает, что она действует всегда одновременно или вдруг, и в сложениях, ею производимых, мы не находим черты, отличающей составляющую часть от другой, но всегда совокупность. Например, человек назвал противоречащими качествами тепло и стужу, находя действия их противоречащими; но природа и то, что тепло производит, и то, что производит стужу, вместила в единое смешение и, положив закон действованию их непременяющийся, явление оных таковым же учинила. Поистине, в природе меньше существует противоположных действий, нежели думали прежде; и то, что мы таковыми назвали, существует нередко токмо в нашем воображении.

Различие духа и вещественности произошло, может быть, от того, что мысль свойственна одной главе, а не ноге или руке. Различие такое есть самоизвольно; ибо, не ведая, ни что есть дух, ни что вещественность, долженствовали ль бы их поставлять различными существами, да и столь различными, что если бы сложение человека не убеждало очевидно, что качества, приписанные духу и вещественности, в нем находятся совокупны, то бы сказали, что дух не может там быть, где тело, и наоборот. Но как сопряжение такое очевидно, то вместо того, что бы сказать: существо человеческое имеет следующие качества, напр., мыслить, переменять место, чувствовать, пророждать и

проч., вместо того сказали: человек состоит из двух существ, и каждому из них назначена своя область для действия; вместо того, чтобы сказать, что то, из чего сложен мир (а кто исчислил все существа, оный составляющие?), имеет те и те свойства, сказали, что в нем находятся существа разнородные. О, умствователи! неужели не видите, что вы малейшую токмо частицу разнородности их ощутили, но что оне все в един гнезятся состав. Ведаешь издревле, сколь луч солнечный далеко отстоит от простыя глины или песка; ведал, что луч солнечный тебя греет и освещает, что глина дает тебе сосуд на пищу; а ныне ведаешь, что они находиться могут в одном составе существенно. Ты ведаешь, что мысль находится в твоей голове; но ведаешь ли, с чем она еще может быть сопряжена? Тот, кто силою своего слова мог вселить ее в мозг твой, ужели бессилен был вместиť ее в другое что-либо опричь тебя? О надменность!

Но обозрим быстротечно свойства, присвоенные вещественности, и свойства мысленности, и что в них может быть противоречное; или, нет ли следа, что они одинакородному существу свойственны быть могут?

Свойствами вещественности вообще почитаются следующие: непроницательность, протяженность, образ, делимость, твердость, бездействие. Свойствами духовных существ почитаются: мысль, чувственность, жизнь. Но сии свойства, духовным существам присвояемые, поелику являются нам посредством вещественности, почитаются токмо видимыми действиями или феноменами, происходящими от духовного существа, которое может само по себе иметь сии свойства и чувствам не подлежать. Итак вопрос настоять будет: может ли вещественность иметь жизнь, чувствовать и мыслить, или духовное существо иметь пространство, образ, делимость, твердость, бездействие? В обоих случаях произведение будет одинаково. Если сие доказать возможно, то разделение существ на вещественные и духовные исчезнет; если же доводы будут недостаточны, и найдутся доводы, противные сему доказывающие, то нужно, и нужно необходимо, поставлять бытие двух существ разнородных, духа * и вещественности.

Вещественностию называют то существо, которое есть предмет наших чувств, разумея, есть или быть может предметом наших чувств. Ибо, если оно им не подлежит теперь, то происходит оно от малости или тонкости своей, а не вследствие своего естества. Поступим теперь к изъяснению свойств вещественности.

Непроницательностию разумеем то, что две частицы вещественности, или два тела, не могут существовать в одном месте

* Говоря о духах, я разумею токмо одну, так называемую, душу человеческую.

в одно время. — Сие есть аксиома, ибо противное предложение есть противоречие. — Или, что неразделимая частица вещественности, или атом, встретившаяся на пути другой такой же частицы, сия последняя не может продолжать своего пути, доколе первая не уступит ей места. *Протяженность* есть то свойство вещественности, вследствие коего она занимает место в пространстве; а поелику протяженность имеет предел, то *всякую ограниченную протяженность называют образом*. В отношении определенности говорят, что протяженность имеет образ. Итак непроницаемость, протяженность и образ суть свойства нераздельные всякого существа, чувствам нашим подлежащего. Образ дает вещественности определенность, протяженность — место, а непроницаемость — отделенность.

Химические опыты доказывают чрезмерную *разделимость* вещественности. Но естествослывы разумеют, что есть возможность, чтоб малейшая частица вещественности разделена была до бесконечности достаточною на то силою. Ибо, воображая вещественность протяженною, сколь бы частица оная мала ни была, разум себе представить может частицы еще того меньше до бесконечности, разумея, что будет достаточная сила на их разделение.

Но как сие разделение существует токмо в возможности, и что нет естественныя силы на разделение начал вещественности, то в рассуждении сего приписуют ей свойство *твердости*.

Бездействие в отношении вещественности есть двояко. 1-е, вещественность в состоянии покоя пребывает в нем или может пребыть вечно, доколе какая-либо причина не даст ей действия. Заметим заранее, что сие свойство не есть качество существенное вещественности, но относительное, поелику ее почитать можно лишенною движения. 2-е, понятие о вещественности есть частица вещественности, в движение приведенная, которая продолжит движение свое с одинакою скоростию и в одинаковом направлении вечно, доколе что-либо не воспретит сему продолжению, или оное не преобразит.

Движение есть свойство прменять место. Иные говорят, что свойство сие вещественности существенно и от нее неотделимо. Другие почитают, что причина движения в вещественности не существует; а некоторые утверждают, что причина движения, для продолжения оногo, должна быть присносущна и происходит от существ, отличных от существа, имеющего непроницаемость, протяжение, образ, делимость и твердость; словом, что причина движения в вещественности не существует и быть в ней не может.

Тяжесть есть свойство, вследствие которого тело падает к середине земли, и частицы вещественности стремятся к их средоточию. Последствиями оная почитают притяжение и отражение.

Притяжение есть свойство, вследствие которого тела или частицы вещественности сближаются одна с другою. *Отражение* есть свойство сему противоположное, и вследствие которого тела или частицы одна от другой отдаляются.

Те, которые делают движение вещественности сосущественным, те оной не отрицают ни тяжести, ни притяжения, ни отражения. Но другие почитают сии свойства не свойствами, но явлениями и действиями причин, вне вещественности находящихся и ей несосущественных.

Рассмотрим поодиначке сии, вещественности приписываемые свойства; побудим себя уместовать над сими остатками древнего учения, которое распространившиеся опыты, и с ними лучшее познание естественности, опровергнут неминуемо. Свойства веществ столь разнообразны, начала оных столь разнородны, смежность же их, посредственная по крайней мере, столь размножена и может быть всеобщая, что рассуждения об общих свойствах, вещественности приписуемых, основанных на отвлеченных понятиях, вероятно, поростут мхом забвения и презрения, как ныне Аристотелевы категории и сокровенные качества Алхимистов. Ибо вопросы каждого беспристрастного: что есть вещественность? Ответ будет: не ведаю! А если к сему присовокупим, что Химия доказует, что начала первенственных веществ суть весьма различных свойств, и хотя она еще держится древнего разделения стихий, но то, что мы называем земля, вода, огонь, воздух, суть сложности. Стихийной земли никто еще не видал, и надежда некоторых видеть ее в алмазе исчезла с того времени, как опыты доказали, что он сгарает и возлетается. Кто возжигал огонь стихийный? Луч солнечный, раздробленный призмою, не есть одинакороден.* Самая электрическая искра, пременяя цвет подсолнечной окраски, серный ее запах, не суть ли доказательства ее сложности, и нет ли вероятности, что удачные опыты отделят когда-либо свет от теплоты? Опыты одного Доктора Пристлея, не говоря о последствующих, показали, сколь вещество, нами вдыхаемое, есть сложно, и что то вещество, которому можно оставить имя воздуха, не самую большую часть составляет воздуха атмосферического. Кто скажет ныне с прежним убеждением, что упругость есть свойство воздуха собственно, а не другого какого вещества воздухообразного? Не говоря о водяных частицах, в воздухе содержащихся, не говоря о веществах обонятельных и всех других, из тел истлеваемых испаряющихся, а наипаче алкалических, ныне ведают, что так называемая кислотность или твердый воздух, кислотность селитренная, воздух го-

* Лучи солнечные имеют два свойства: теплоту и свет. Но свет от теплоты доселе отличить можно было тем, что вещество света есть мгновенно, а теплота пребывающа. Поелику же флогистон есть основание цветов, то и луч солнечный его содержит в летучем состоянии.

рячий, * разделенны плавают в воздухе атмосферическом, ибо их можно из него извлечь; и что они суть его части существенные, ибо отдели их от него, воздух уже изменился. Что такое есть вода, ныне стало известно. Отсутствие из нее огня делает ее твердою, так нельзя ли сказать, что она, по существу своему, тело твердое? Отреши давящие ее столпы воздуха, увидишь, что она растянется, увеличится, испарится и сама представится в виде воздуха. Вообрази себе пустоту вместо атмосферы окрест земного шара, водимый опытами, ты землю узришь безводну и иссякшую, все, на ней живущее, исчезнет, растущее увянет и сгорит, распадется самая кристаллизация, и все явления, в след действиям воды идущие, минуют. О ты, основание земли, гранит, громада необъятная! Ты рассядешься, и шар земный воспылится.

Но обратимся к свойствам вещественности, и прежде всего посмотрим, столь ли приписуемые ей непроницательность и твердость ей нужны и необходимо истекают из понятия о вещественности. Если в понятии непроницательности заключается только то, что два тела, или атома, или две частицы того, что составляет вещественность, не могут находиться в одно время на одном месте, то сие можно разуметь не токмо о вещественности, но и о всяком существе, какого бы рода оно ни было. Ибо, поелику чувственностию имеем мы представление о вещах, а разумом получаем понятия, то есть познания их отношений; и поелику *общее* всех представлений есть *пространство*, *общее* всех понятий есть *время*, а *общайшее* сих *общих* есть *бытие*, то что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что *первое*, что ему нужно, есть *бытие*, ибо без того не может существовать о нем и мысль; *второе*, что ему нужно, есть *время*, ибо все вещи в отношении или союзе своем понимаются или *единовременны*, или в *последовании* одна за другою; *третье*, что ему нужно, есть *пространство*, ибо существенность всех являющихся нам существ состоит в том, что, действуя на нас, возбуждают они понятие о пространстве и непроницательности, и все, что ни действует на нашу чувственность, имеет место и производит в нас представление о протяжении посредством своего образа, равномерно производит в нас представление о *непроницательности*, поелику одна вещь, действуя на нас из места, дает нам чувствовать, что не есть другая, что заключает в себе понятие *непроницательности*; *общее* же понятие *непроницательности* и *протяжения* есть *пространство*. Итак все, что имеет *бытие* во *времени* и *пространстве*, заключает в себе понятие *непроницательности*; ибо и познания наши состоят токмо в сведении бытия вещей, в пространстве и времени.

* Зарождение селитры ясно доказывает ее в воздухе присутствие.

Одна первая причина всех вещей изъята из сего быть долженствует. Ибо, поелику определенные и конечные существа сами в себе не имеют достаточной причины своего бытия, то должно быть существу неопределенному и бесконечному; поелику существенность являющихся существ состоит в том, что они, действуя на нас, производят понятие о пространстве и, существуя в нем, суть самым тем определенны и конечны, то существо бесконечное чувственностью понято быть не может и долженствует отличиваться от существ, которые мы познаваем в пространстве и времени. А поелику познание первых причины основано на рассуждении отвлечением от испытанного и доказывается правилом достаточности, поелику воспящено и невозможно конечным существам иметь удостоверение о безусловной необходимости вышшего существа, ибо конечное от бесконечного отделенно и не одно есть; то понятие и сведение о необходимости бытия божия может иметь бог един. — Увы! мы должны ходить ощупью, как скоро вознесемся выше чувственности.

Но понятие непроницательности заключает в себе и то свойство, которым означается, что одна вещь чрез другую проходить не может. Приложив сие к телам, едва ли сие свойство какому-либо приписать возможно; ибо опыты доказывают, что наитвердейшие проницаются воздухом и водою, а огню нет ничего непроницаемого. Если бы здесь было место приводить в доказательство опыты физические, то можно бы показать было, сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение. Сверх того известно, что во всяком теле гораздо более находится пустоты, нежели согруднения. Сие особливо явствует из жидких тел, кои удивительно растягиваться и сжиматься могут, что и было поводом утверждать многим, что все твердое вещество, в системе солнечной содержащееся, можно вместить в одну ореховую шелуху; столь велика пустота в наигустейших телах в сравнении их твердых частей. Если же к сему рассудим, сколь, посредством химических смежностей, разные вещества смешаться могут, и из таковых смешений происходят совсем новые вещества, то едва ли не вероятно, что непроницательность в последнем смысле есть токмо вымышленное, а не действительное свойство вещественности.

Что мы сказали о непроницательности, как могущем быть свойстве всякого вещества, то же можем сказать о *протяженности* и о *образе*, который есть определенность протяжения. Ибо, сколь скоро какое-либо вещество занимает место в пространстве, то занимать его долженствует определенно; сколь скоро имеет место в пространстве определенное, то имеет уже образ, то есть протяженно, ибо образ есть определение протяжения. Сие понятие протяженности и образа столь свойственно нашему разуму, наитвлеченнейшие свои понятия почерпаю-

щему из вещей, чувствам подлежащих, что понятие, им противояжащее, он представляет себе токмо отрицательно.

Вследствие данного изъяснения, бесконечная разделимость вещественности есть свойство токмо воображенное, а не существующее, в чем признаются сами те, кои ей оное приписывают, говоря, что оно ей существенно, поелику возможно, и если бы достаточная была сила на произведение сего разделения, то бы оно произошло действительно. Я не возьмусь опровергать возможности, ибо несуществующее есть токмо мечта и опровержения не заслуживает. Если бы кто захотел сию разделимость распространить на самого бога, то стоил ли бы он единого на опровержение слова? — Улыбнемся безумию и замолчим.

Впрочем, можно сию разделимость распространить и на умственное вещество; ибо, поелику оно в протяженном заключено, а протяженность не токмо мыслию, но и действительно разделить можно, то для чего же неразделимым почитать вещество мыслящее, хотя действие одного неразделимо есть? Прейдем замысловатые бредни; ибо сколь ни замысловаты они, но все бред.

Твердость есть то свойство вещественности, которое препятствует ее бесконечной разделимости. Нет силы в мире вещественном, говорят естествослы, которая бы возмогла разделить стихийные начала. Согласимся на сие охотно, ибо опыты благоприятствуют сему мнению и делают его аксиомою. Кто не видит теперь, что твердость есть свойство, разделимости противоречащее, и что они в одном существе не могут быть совокупны. Ибо, с одной стороны, разделимость представляет разрушение малейших частиц до бесконечности, то есть доколе разум себе ее вообразить может (возможно ли так заблуждать и воображение пустое делать бытием?), с другой стороны, твердость препятствует разделению и, содержа стихийные начала плотными, представляет разрушению оплоту непреборимую (действие воображения и здесь явно). Скажите, о вы, у коих рассудок не затьмился предубеждениями учебными и предрассудками школы, скажите ваше о сем решение!

Оставя теперь воображенное свойство, скажем нечто о действительном, и посмотрим, твердость тел столь ли им свойственна и необходима, как то уверяют учителя.

Непрекословно надеюсь, согласятся, что тело, занимающее место в пространстве, имея протяженность и непроницательность, имеет также образ; ибо образ есть не что иное, как определение протяженности. Но сей образ не может иначе существовать, как вследствие сцепления или притяжения взаимного частей, как то скажут Физики; или вследствие законов смежности, как то назовут Химики. Следственно, сила, содержащая части в тесном или в отдаленном сцеплении, нужна для того, чтобы части были вместе, и нужна необходимо, по-

тому что, если бы она не существовала, то не было бы и самая твердости; если сцепление уничтожится, то все развалится. Сколь далеко завести может таковое предположение, всяк понять может, и не довольно того, что разрушатся тела и перейдут в хаос; но в сем разрушении, где никакая сила не действует, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль! уродливое воображение!

Итак нужна сила, чтобы какие-либо части вместе находились во взаимной проницательности, или хотя просто одна близь другой. Все равно где бы сила сия ни находилась, в самом ли веществе, или действует снаружи, она действует, она содержит в сцеплении, она дает образ; следовательно, образ без нее быть не может; уничтожается сцепление, и вещество исчезает; следовательно, сила сия всякому веществу сосущественна, и одного без другой вообразить не можно или не должно. Итак твердость есть следствие какая-либо силы; следует, что сила сия есть причина, а существо действие, от нее происходящее.

Сколь притяжение свойственно вещественности, столь свойственно ей и отражение. Опыты доказывают, сколь трудно, а может быть, и совсем невозможно привести два вещества в истинное прикосновение; и сия отраженность есть нечто, от твердого вещества совсем отменное, действующее даже в отдаленности от тела, к коему оно принадлежать имеет. Что делает, что наиплотнейшие тела и сильнейшим сцеплением стерженные столь проницательны? Что производит упругость, сжатие и растяжение? До какой удивительной степени некоторые вещества растяжены суть или быть могут, кто не убежден опытом, тому не легко поверить может. От чего одно вещество в стеснении становится упружее? От чего другое в растяжении? Отражение существует везде, как и притяжение, и вещества, в соразмерности действия одной силы, ощущают действие и другой. Итак некоторые справедливо заключают, что в самом деле в вещественности существуют токмо притяжения и отражения без всякой твердости. Ибо, для чего предполагать твердое, если части его сплотиться не могут никогда? Заключим, что есть место в пространстве, где каждая сила существует, и откуда действительность ее простирается, составляя действованию ее округу, могуществу ее соразмерную. Локк, или его истолкователь, желая изъяснить создание, говорит: вообразим себе пустое пространство, и всемогущество, вращающееся над ним, рекло: да разделится оно и отвердеет! и се явилась непроницательность, протяженность, образ. Дополним сию стихотворную и метафизическую картину и, вместо слова, явим мысль всемогущую. О дерзновение! изрекать словом, звуком, зыблением воздуха мысль предвечную! — Да будет сила в каждой точке пространства! и се действие началось. Притяжение и отражение простерлися из среды своей

действием, явился образ и протяженность, вещественность при- яла существо. Удел ли был в силах сих силы всемогущия, или новые созданы, тот знает, кто их явил; а мы, во тьме непрони- цаемой хождая, лоя мечту или блуждение, речем, как некогда Аякс Омиров: отреси мрак от очей моих, и узрю! — Удиви- тельно, говорит Пристлей, путеводительствующий нам в сих суждениях, что поелику твердость столь мало, кажется, имеет места в системе сей, удивительно, что мудрствовавшие давно не рассудили, что она и совсем нестати! —

Друзья мои! раздробляя свойства вещественности, да не исчезнет она совсем и да не будет сами тень и мечта.

Бездействие, вследствие данного нами изъяснения, есть то состояние существа, из коего оно исступить не может, доколе что-либо его из оного не извлечет. После всего, нами сказан- ного, утверждать, что бездействие есть свойство природы, ка- жется нелепо. Безрассудный! когда зришь в превыспренности и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысящи тысящей образах повсюду, ужели можешь сказать, что бездействие веществен- ности свойственно, и движение ей несродно? Когда все дви- жется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромнейшее подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движе- ние изыметь вон? Если ты ничего не знаешь бездействующего, если все видишь в движении, то не суетумудрие ли говорить о том, что не существует, и полагать не быть тому, что есть? На что нам знать, что до сложения мира было, и можно ли нам знать, как то было? Вещественность движется и живет; заключим, что движение ей сродно, а бездействие есть веще- ство твоего воспаленного мозга, есть мгла и тень. Сияет солнце, а ты хочешь, чтоб свойство его была тьма; огонь жжет, а ты велишь ему быть мразом. Отступи со своим всесилием, оно смех токмо возбуждает.

Итак, показав неосновательность мнения о бездействии ве- щественности, мы самым тем показали, что движение от нее неотделимо. И поистине, не напрасное ли умствование гово- рить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утвер- ждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно.

Неужели после всего, что мы сказали о движении, притяже- нии и отражении, нужно еще говорить о *тяжести*, дабы пока- зать, что свойство сие есть сосущественно вещественности? Сию всеобщую силу в природе (притяжение и отражение в ее понятии заключаются), предузнанную Кеплером и доказанную Ньютоном, ужели не свойством почтем естественности, потому только, что причина ее сокрывается от пронизания нашего, являя очам токмо свое действие? Но сила сия, действуя со-

размерно плотности или сгущению тел и отстоянию их, увеличиваясь по мере плотности и уменьшаясь по квадратам отстояния, да будет действие некоего упругого вещества, которое эфиром назвал Ньютон, или что другое, мы скажем, что она есть и действует с вещественностью нераздельно, следовательно, она ей сосущественна. Да и самый эфир, сколь жидок, сколь тонок, сколь пронизателен он бы ни был, не вещественность ли он сам? Но Ньютон, делая его причиною, кажется, его к веществу не причел; ибо, будучи причиною, он не может иметь свойств того, что производит; ибо, кажется, нелепо сказать, что причина тяжести или притяжения сама имеет тяжесть и притяжательна. Но бытие эфира есть токмо предположенное, а не доказанное, изобретенное для объяснения гипотезы, хотя и блестящая, но ничего другого, как предположения без опытности. Если к сему прибавим, что есть тела (ибо и жидкости суть тела), осязанию подверженные, коих свойство есть не тяжесть, а сила средодаляющаяся, как то огонь, воздухообразные вещества или газы, и самая вода; и кажется, что если оне следуют иногда закону тяжести, то токмо в совокуплении своем и отвердении. Их свойство не есть тяжесть, не сцепление, но растяжение и возлетание или, лучше сказать, оне суть и то и другое вследствие законов смежности. Я с трепетом возражаю что-либо изобретению остроумия и, дерзая противоречить Ньютону, покажусь несмысленным; но как сказать можно, что огонь имеет тяжесть, и где притяжение воспаряющей воды, лишенной воздуха и без давления атмосферы?

Сии то суть общие свойства вещественности, предлог общего естествословия, или онога метафизическая часть. Видите, сколь ненадежны суждения человеческие, сколь противоречимы, сколь оспориваемы; ибо все в оных зависит от первого изъяснения. Часто спорящиеся друг друга не понимают оттого, что разные о вещи имеют понятия, а чаще того желание заслужить имя остроумного и великого ввергает нас в область воображения, а потому и блуждения. Случается, и очень часто, что, нашед на пути опытов своих или наблюдений один факт новый, или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему; а поелику сие название стало несколько смешно, то изображаемым доводам дают имя Θεории, или умозрения. О умствователи! держитесь опытности и пользу свою почерпайте из нее. Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, к чему стремитесь, есть мысль всевышняя, а вы что? Ньютон, сопрягая изобретенную им тяжесть с измерением и исчислением, дал ей блестящее правдоподобие, и никто не смеет ему противоречить, ибо почтение к его изобретению иссосаем почти со млеком матерним. Тяжесть существует в природе, или, паче, притяжение неоспоримо; но тяжесть небесных системы и притяжение тел небесных, движущихся в на-

правлении прямой линии, едва ли не рушится, когда столь же замысловатый, столь же дерзновенный разум сопряжет новые откровения воедино и тяжесть оспорить захочет. Если можно истину предчувствовать, то сие предчувствование вероятно.

Но обратимся к нашему предлогу и разыщем: свойства вещественности могут ли быть свойства разумного вещества, или человеческия души? Мы не скажем, да и нелепо то было бы, что чувствование, мысль суть то же, что движение, притяжение или другое из описанных выше сего свойств вещественности. Но если мы покажем, что все оне могут быть или суть поистине свойства вещества чувствующего и мыслящего, то не в праве ли будем сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ее же свойства, но поколику она образуется в телах органических, что суть силы в природе, чувствам нашим подлежащие токмо в их сопряжении с телами, от чего бывают явления; что вещество, коему силы сии суть свойственны, нам неизвестно; что жизнь, сие действие неизвестного также вещества, везде рассеянна и разнообразна; что она явственнее там становится, где наиболее разных сил сопряжено воедино; что там их более, где превосходнее является организация; что там, где лучшая бывает организация, начинается и чувствование, которое, восходя и совершенствуя постепенно, досязает мысленности, разума, рассудка; что все сии силы, и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе, как вещественности совокупны; что мысленность следует всегда за нею, и перемены, в ней примеченные, соответствуют переменам вещественности, то заключим, что в видимом нами мире живет вещество одинакородное, различными свойствами одаренное; что силы в нем всегда существуют, следственно, ему искони присвоены. Но как союз сей произведен, то нам неизвестно; ибо понятие наше возвестися может токмо до познания первыя причины, но тут и наш предел. И прежде всего, непроницательность сколь свойственна вещественности, равномерно и мысленности. Уже я зрю заранее толпы, на нас восстающие; улыбки презрения, осмеяние, — о, если бы было одно опровержение доводов! — — — Пребудем в стезе нашей, и да молва не отвратит нас от нашей цели. — Непроницательность, видели мы, есть то свойство какого-либо вещества, вследствие коего оно с другим не может находиться на одном месте в одно время. Если сие свойство приписано вещественности, вот как оно разумеется, или как можно разуметь о умственности. Хотя здесь повторим прежние доводы, но из порядка, нами принятого, их исключить нельзя.

Все, что существует, не может иначе иметь бытие, как находясь где-либо, ибо хотя пространство есть понятие отвлеченное, но в самом деле существующее, не яко вещество, но как отбытие оного. А дабы убедиться в сем, то, если неоспоримо, что нужна пустота (как может без нее быть движение?), то

место, или точка, где она есть, дать может понятие о пространстве, то есть о вместилище бытия. Следует, что мысленное вещество должно где-либо находиться. А поелику каждое из них есть вещество особенное, особым бытием снабженное, то два таких вещества не могут быть на одном месте в одно время. Смейся, если лучше разумеешь, но воззри на себя и убедися. Где мысль твоя живет? Где ее источник? В главе твоей, в мозгу: сему учит опыт ежечасный, ежемгновенный, всеобщий. Но разум, но мысль стоящего близ тебя неужели в тебе, в мозгу твоём, для опровержения моих доводов? Всяк имеет свою главу, свою мысль, и мысль единого не есть мысль другого, и наоборот. Вы оба, или мысленности ваши, существуют не в одном месте, следовательно, непроницательны суть. Не возражай мне, что мозги ваши суть различные, или органы мысленности суть непроницательны. Напрасно, мысленность ваша такова. И если скажешь, мысленность наша отвлекает нас от телесности, и две особые мысленности могут быть совокупны относительно мыслению! — согласен; но осмотрим. Твое воображение клокочет и кипит, и где бы ты мысленно ни носился, пускай возницы твои легче звука и быстрее света, о тварь, се точка, и ты на ней!

Ступим шаг еще в изъяснении площадных наших доводов. Я скажу, мысленность твоя протяженна, мысленность твоя имеет образ. Вижу, вижу, смеешься, хохочешь, влечешь за собой меру и вопрошаешь: которой геометрической фигуре она подобна? Помедли и суди сам.

Протяженность есть то свойство вещества, вследствие коего оно занимает место в пространстве. Дадим еще оружие против себя. Протяженность есть то, что измерению подлежит. А поелику все, что измерению подлежит, имеет предел, то определенная протяженность или измеримость есть образ. Что мысленность твоя в мозгу заключена, о том, надеюся, не будешь спорить; что она не извне на мозг действует, и то, кажется, уступишь мне без прекословия; но во всем ли она мозгу, или в некоторой оного части, того сказать не можем. По вскрытии черепа головного нигде знаков пребывания ее не оказывалось. Но она в мозгу, и сие для нас довольно. Положим теперь, что кубическое содержание мозга есть сто дюймов, то мысленность твоя, в которой бы части ни была, сколь бы мала ни была, хотя бы была точка математическая, содержится во сто; ибо мозг измерить, свесить можно. * Если целое велико кажется, ставь дроби, ставь $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$, $\frac{1}{10000}$, до возможного; все будет известная для нее дробь и измеримая.

Дав протяженность мысленности твоей, дадим ей образ, сколь ни нелепо тебе то кажется; ибо, поелику образ есть опре-

* Кто знает, что не от тяжести ли или легкости происходит различие умов?

деление протяженности, мозг есть протяжен, а потому и все, содержащееся в нем. Сверх того, мозг имеет сам по себе определенный образ, следует, что и содержащееся в нем образованно. *Ваятель делает сперва глиняную форму, да образует своего Аполлона.* Но каков может быть образ твоей мысленности, до того мне нужды нет, да и определить того не могу. Или изведем, что воздух и подобное ему вещество, да и всякое жидкое тело образуется по сосуду, в коем содержится. Если воздуха никто на сажень не мерил, то, кажется, для того, что содержащееся его количество в кубической сажени может содержаться равно в кубическом дюйме и растянуться на сто кубических сажен. Но если воздух неудобоизмерим, то возвести его можно. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмен не положу. Сила электрическая, собранная в Лейденской склянице, взвешена. Кто знает протяжение и образ силы магнитной, кто взвешивал ее? Но кто отрицать станет, что она не вещественна?

О других свойствах вещественности, поколику они могут почитаться свойствами мысленности, нужды говорить не имеем; ибо 1-е, делимость есть свойство воображенное и несуществующее; 2-е, твердость есть свойство не столь ясно утвержденное, как то кажется при первом взгляде; 3-е, бездействие есть мечта; 4-е, движение, — мысленность один из его источников разнородных; 5-е, тяжесть, или паче притяжение и отражение. Имеет ли мысленность стремление к центру земли, того не ведаю; но питание, пророждение, жизнь, любовь и ненависть что суть?

Но если надобно кому-либо на сие доказательство, то не нужна ли сила притяжения на какое бы то сложение ни было? А если сила сия имеет точку, откуда действует, то что, паче мысленности, может быть действия средою? Оно таково в самом деле

Если мы оком размышляющим проникнем действия природы и, собрав опыты, вознамеримся отыскать в веществах различия, то не будет нужды напрягать воображение, дабы иметь какое-либо понятие о том, что едва ли мысль постигать может. Не будем творители новых веществ, а, паче, восстановив все на единой лестнице, мы явим неисчисленное вещественности разнообразие и могущество всеотца бесконечное.

Свойства вещественности, доселе предлогом нашего слова бывшие, суть токмо, так сказать, метафизические, заключались в отвлеченнейших понятиях. Но есть свойства вещественности, или паче веществ, поелику оне нам известны, кои, истекая от их коренного сложения, заимствуют свойства состоятельных или начальных частей веществ. Для познания такового нужно говорить о началах веществ, или стихиях, и о некоторых явлениях, первое место в природе занимающих.

Показав, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажем, поколику вероятно, что и мысленность есть вещественности свойство, и прежде всего спросим, какие суть свойства вещества мыслящего, не поколику мы оное предполагаем гадательно, но поколику мы оное познаем самым делом.

Свойства мысленного вещества, или явления, кои к действию его относиться могут, суть: жизнь, чувствование, мысленность. Сии свойства суть нечто более, нежели просто движение, притяжение и отражение, хотя сии силы в произведении сих свойств много участвуют, вероятно. Но поелику почитают, что движение и проч. не суть свойства веществ, чувствам нашим подлежащих, то да позволят мне удалиться от моего предмета и войти в некоторое рассмотрение о составлении тел вообще.

Начальные части всех тел называем мы стихии. Сии суть: земля, вода, воздух, огонь. Но в стихийном их состоянии мы их не знаем; мы видим их всегда в сопряжении одна с другою; да и все стихии, опричь земли, ускользали бы, может быть, от чувств наших, если бы земляных частиц в себе не содержали. Сколь стихии в чувственном их положении ни сложны, однако свойства имеют, отличающие их одни от других совсем; и если не дерзновенно будет оные определить, то скажем, что огонь, а, может быть, воздух и вода суть начала движущие, а земля, или твердейшая из стихий, разумея все ее роды, есть движимое. Я не утверждаю, что вода, воздух и огонь, в самом их стихийном состоянии, суть вещества, движение производящие сами по себе, или суть токмо, так сказать, орудие другого вещества, деятельность им сообщающего; но они суть то самое, что в телах движение производит, что всякое сложение и разрушение без них существовать не могут, и что они гораздо более места занимают, нежели твердая стихия земля; что в стихийном их состоянии, сколько то из опытов понимать можно, они чувствам нашим подлежать не могут, и что земляная стихия есть единая, которой, поистине, и мы вещественности принадлежать можем.

Но опыты являют нам, что есть вещества, движение производящие, или входящие в состав тел органических и других, кои, кажется, к веществам, стихиями называемым, не принадлежат. Например: свет, хотя он есть огню совокупен; сила электрическая, хотя и имеет свойство огня; сила магнитная; *стихия соли*, которая, кажется, есть всеобщий разделитель, а особливо соединяясь с воздухом и водою; и, может быть, многие другие. Наблюдая их прилежно, найдешь, что они истинную имеют силу или *энергию*; но что она есть? То может быть ей одной известно, или давшему ее стихиям.

Дабы показать, сколь разделение веществам, нами сделанное, на движущие и движимые, есть истинно и на опытах основано, войдем в некоторые подробности о стихиях и о их сложениях

Говоря о стихиях и о некоторых явлениях, в природе причисленных, которые, кажется, принадлежат к действию веществ, от четырех признанных стихий отличающихся, мы видели, что оне, совокупляясь одна с другою, столь естество свое изменяют, что почти кажутся быть совсем другими веществами. Вода становится земле подобна, огонь твердеет, становится осязателен, не жжет и не светит, а присутствие воздуха явно единою тяжестью. В других сложениях, а особливо сохраняя свою жидкость, они удерживают отчасти свои свойства, отчасти, изменяясь, паки представляют совсем новые явления.

Средства, употребляемые природою на сложение стихий, кажутся быть многочисленны и различны, но часто в разнообразии своем, как нам известно, следуют одинаковым законам. Естествословы, не входя в дальние рассмотрения, уобщая понятия и восходя от одной отвлеченности к другой, а паче сделав себе систему и вознеждая в нее все известные факты, сказали, что общий закон, вследствие коего делаются все сложения, есть притяжение. Но хотя Бюфон и говорит, что образ производит великую разность, но кристаллизация или стеклование суть ли одно? То и другое производит сцепление, но сколь оно разнообразно, сколь разнообразно в действии! Говорят, что все тела находятся в сложении своем токмо вследствие сцепления, и для доказательства сего употребляют известный всем опыт двух весьма гладких поверхностей; но сие сцепление есть одно из слабейших, и если не была другая сила, что удержало бы золото под молотом, что дало бы ему столь ужасное растяжение? Ужели сцепление в стекле сильнее золота?

Одно из главных средств, природою на сложение стихий и изменение их употребляемое, есть организация. В ней действуют все стихии совокупно; в ней и другие силы явственны. Анализ частей животного дает все стихии. Но тело органическое почесть можно химическою лабораториею, в коей происходят разного рода амальгамы, сложении, разделении и проч. и производят почти новые вещества. Не говоря ни о чем другом, воззрим на сложение мозга и на продолжение его нервов. А если и то истинно, что в них существует так названная нервная влажность, сколь отменное я существо от всего другого! Одно, что в ней сходственное примечается, есть то, что она похожа на силу электрическую и магнитную. Может быть и то, что сии оба вещества, всосанные в тело, в нем амальгамируются и передвоятся, и с другими стихиями составляют нервную жидкость.

Что сия существует в организации животных, вероятно, и разные на то отыскаться могут убедительные факты.

Мы сказали, что свойства мысленного вещества суть: жизнь, чувствование, мышление. Жизнь есть то действие явления, чрез которое семя разверзается, растет, получает совершенное дополнение всех своих сил, производит паки семя, подобное тому, из коего зачалось; потом начинает терять свои силы и прибли-

жаться к разрушению. Сия сила есть ли единственно простое произведение, из сложения стихий происходящее, то можно будет утверждать тогда, когда искусством можно будет производить тела органические. Жизнь свойственна не одним животным, но и растениям, а, вероятно, и ископаемым, что побуждает заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною в разных сложениях. А поелику явное присутствие огня с действием жизни совокупно,* то и не безрассудно заключать можно, что огонь есть одно из необходимых начал жизни, если он не есть самая она.

Раздраженность примечается в телах в их разделении, воскипании. Квас и все, что ферментациею называем, не есть начало раздраженности. Раздраженность примечательна уже в растениях, а, паче, в чувственнице. Есть ли она произведение силы электрической и какой другой, то неизвестно, но вероятно. Посмотри, как чувственница увядает от малейшего прикосновения.

Чувственность есть свойство ощущать. Опыты доказывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутствию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностию совокупна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание. Без жизни же и оне бы нам не были известны. Итак возможно, что жизнь, чувствование и мысль суть действие единого вещества, разнообразного в разнообразных сложениях, или же чувственность и мысль суть действие вещества отличного, в сложение которого однако же входит если не что другое, то сила электрическая или ей подобная. Итак, если мысленность мы там только обретаем, где обретаем чувственность, если чувственность неразлучна с жизнью, то не в праве ли мы сказать, что сии три явления тел суть действия единого вещества? Ибо, хотя жизнь находим мы без чувственности, а чувственность без мысли, однако кажется быть жизни спутницею раздраженности, что есть нижайшая токмо, может быть, степень чувственности, и если чувственность и мысль не спутницы всегдашние жизни, то по той токмо причине, что нет всегда свойственных им органов, нервов; ибо есть и таковые вещества, стоящие, так сказать, на смежности единыя жизни и чувственности, которые для того кажутся быть мысли лишены, что не имеют ее органа, мозга.

Прибавим еще и то: понеже в существо жизни входит частию составительною и, кажется, необходимою огонь; понеже в чувственности примечать можно явления, электрической силе подобные, что она действует на наши нервы, как то и сила магнитная; понеже чувственность кажется быть продолжением токмо мысленности, ибо и понятия и мысли все происходят от чувственности и органы сея суть продолжение органа мыслен-

* По отдалении солнца вся природа мертвет. Не умирают животные, ибо в себе заключают больше огня, нежели растения.

ного, — то не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательного, протяженного, образованного, твердого, и проч.; ибо огонь и сила электрическая и магнитная суть свойства того же вещества, или оное само.

Присовокупим к сим общим рассуждениям о вещественности некоторые подробности, которые объяснят и дополнят все, что о сей материи сказать можно.

«Приписывать действию особого вещества то, что может принадлежать другому, в полном действовании веществу, есть совсем излишнее и ненужное. Давать телу человеческого душу, существа совсем от него отменного и непонятного, есть не только излишнее, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душею, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные и не все еще испытанные. Если стихии толико могут изменяться в сложении своем, что совсем непохожи на свою первобытность, то почто заключать толико неосновательно и отрицать им действие того, где они части составительные? Успехи наук, а паче Химии и Физики, доказывают, что не невозможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу в ее творительном, производительном стану. И хотя бы чувственность и мысль были силы от всех известных нам отличные, то как быть столь скорым в решениях наших и отрицать, что не вещественности они суть свойства и сей никак принадлежать не могут, ибо ей суть будто противоречущи?»

«Не удивительно, что те, которым природа, так сказать, чужда, кои никогда на нее не обращают ока внимательного, не удивительно, что возмечтали быть себя бессмертными. Не удивительно, что бедствием гонимые, преследуемые скорбью, болезнию, мучением ищут прибежища превыше жизни. Но то казаться будет всегда странным, что те, коих природа есть упражнение всегдашнее, те, кои наипаче проникли в ее сокровенности, те, кои в розыскании ее тайнств находят свое увеселение, что и те, когда дойдет до решения между конечный смерти и возрождения, всегда к нему прилепляются. Столь слабость наша велика, столь возлюбляет человек бытие свое, столь боится разрушения! Сему и быть так должно, ибо во младенчестве, в детстве, в юности, во младости мы окружены всегда предметами, к жизни нас прилепляющими, окружены предубеждениями, о будущей жизни твердящими. И когда настают возмужалые лета, то совершенство жизни затмевает разрушение и его или представляет почти невероятным, или отвлекает мысли от сих предметов. Да и те, которые убедятся в противном, приспев ко гробу и чувствуя нечто необычайное, вдруг обращаются к мыслям, приобретенным в лета безрассудительные. Тот, кто совершенно и беспрестанно был блажен, тому жаль расстаться с утешительною и веселия исполненною жизнью, и

для того мнит продолжать ее бессмертием. Тот, который изменяет под тяжестью превратного счастья, тот в кончине своей зрит оным конец и, вкушав утехи когда-либо, мнит, что и оные возрождаются, и сердце, надеждою упоенное, отлетает в вечность».

«Но повторю: как отыскатели деяний природы могут ошибаться в ее действиях! Пройди всю жизнь человеческую от рождения его до кончины: чувственность и мысль следуют телесности в развержении ее, укреплении, совершенствовании, ослаблении, изнеможении, и когда рушится одна, престаёт действие и другая».

«Что мыслит родившийся, что чувствует он? Мысли совсем непричастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Оно укрепляется, и купно с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объемлют тело, скорбь мозжит его и сверлит, силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившего течение жизни: какая степень осталась в нем чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се одр твой, се покой тела твоего! все начала состава его притупились, и рушиться им должно. Почто же плачешь о неизбежном, почто убегаешь неминуемого? когда жизнь прервется, увянет и чувственность, иссякнет мысль, и всякое напоминовение прелетит, яко легкий дым. Жалеешь о блаженстве своем, то ужели жалеешь и о бедствии и скорбях? Возвесь все минуты печали, болезни и превратностей, и противоположи им минуты радости, здравие и благоденствие; увидишь, что чаша злосчастия всегда претянет чашу блаженства. То и другое суть удобоисчисляемы, и заключение верно. О чем же сетуешь? Воскликни: се час мой! скажи: прости! и отыди».

«Но прежде, нежели преступим к другим предметам, радования и надежды исполненным и отгоняющим отчаяние из сердца и разума, истощим все доводы и притупим, так сказать, тем самым стрелы, душу умерщвляющие».

«Защитники души безвещественныя, несложныя и потому бессмертныя, говорят: человек имеет два уха, два глаза; осязательность его рассеяна по всей поверхности его тела; но чувствование внутреннее, от разных чувств происходящее, но мысль, от чувств рождающаяся, есть неразделима, но сведение самого себя, столь живое, столь ясное, всегда едино, просто, неразделимо; а сие побуждает заключать, что вещество, к коему оно принадлежит, также есть простое и неразделимое. А поелику неразделимое разрушиться не может, то заключить должно, что душа, по разрушении тела, пребудет неразделима, следовательно, она есть безвещественна, а потому и бессмертна».

«Скажи, возражатель, неразделимость и вечность мечтаю-

щий, скажи и истолкуй мне: как вещество простое может действовать на сложное; как действует непротяженное на протяженность? И еще того непонятнее: как непротяженное заключается в протяженности; ибо ведаем, что понятие протяженности есть неразделимому противоречущее? Как безвещественная и непротяженная твоя душа заключена в протяженное твое влагалище, того я не знаю и молчу; да и ты не знаешь, и быти ей утверждаешь. Желая сделать душу, от тела твоего совсем отличную, простую, неразделимую, ты ее делаешь веществом совсем мысленным. Она уже не вещество, единственно отвлечение, точка математическая, следовательно, воображение, сон, мечта. Вещество неразделимое, простое, словом, душа твоя, есть ничтожество, бессуществование, небытие; ибо кто видал, кто ощущал, если не в мечтании, что-либо несложное, простое, неразделимое? Да и как нам себе его представить? Когда хотим изобразить точку, то говорим, что она есть конец линии. Чему же душа твоя есть окончание? Мне кажется, о ты, бессуществование утверждающий! что житие, что услаждение телесные и мысленные тебе наскучили: оставь же нас и отыди в своя превыспренность и веселися».

«Скажи, о отрицательные вещественные души! скажи, отчего находишь столь невозможным согласное действие всех чувств твоих и всех органов? Все, что существует, имеет свою цель, и все его части, способности и силы суть к оной обращены. Не в мысленности ли ты существуешь? Для чего же ты думаешь, что чувства твои, что органы не для нее суть, и она не от них? Или скажешь, что мусикийское благогласие невозможно, ибо звук единственный, нота мусикийская, неблагогласны суть? Из того, что пальцы твои на струнах скрипичных не умеют двигаться искусственно, ты заключаешь, что стройная звучность ей несвойственна. Не заключишь ли, что поелику единственная частица воздуха не может производить звука, что он не есть произведение воздуха? или, что синяя или красная отделенность луча неудобна на произведение света, что все семь отделенностей, составя луч, свет производить неудобны? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь в человеке есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрел! не завидую тебе, поистине, ни твоей мысленности. Кто рыщет в мечтании, недостоин, чтобы он был отлучен. Чувственность местию не замедлит; вошанные твои крылья растают от ее жаркости и, новый Икар, залетевший, куда сам не ведаешь, падешь».

«Скажи, вопрошу паки, как могли в мозг твой войти сия чрезыестественная души твоей простота и неразделимость? Возьми столь художественно изобретенное орудие на показание и деление времени, ударь его о камень, где будет сей почти разумный времени указатель? Или в каждой части? Металл, из коего он сложен, не возможен того без соразмерности в частях его, колесах и пружинах. Но ты паки говоришь, что душа

твоя неразделима! Но звук, но благогласие делимы ли суть? Орудия, оные производящие, суть делимы, суть сложны; но не действие их, не произведение. Не от чувств ли ты мысль свою получаешь? мысль твоя неразделима; но неужели неразделимы твое ухо, око, нос? Итак, произведение твоих чувств неразделимо, и скажем твоими словами: душа твоя неразделима. Согласен, что из одной души нельзя сделать двух душ; но следует ли из того, что с разрушением твоих органов и душа разрушиться не может? Разрежь, говорит Пристлей, один шар на двое, выдут ли из того два шара? Выдут две половины, но шара не будет».

«Ужели так трудно тебе вообразить единственность чувствования и мысли, и того, что ты душою называешь, не саму по себе единственную, простую и неразделимую, но единственную и неразделимую яко действие твоих органов и твоего сложения? Вообрази себе сие нравственное, сие соборное вещество, которое мы называем общество; представь себе сенат Римский или Афинскую площадь. Колико частей! колико пружин! колико действий! но все идет к единой цели, все общественного жития стяжают, все мыслят одно, одного желают. Я пример тебе даю, уподобление представляю, а не сравнение. Но все твои усилия, чтоб отделить душу твою от тела, напрасны суть и бессильны».

«Не с телом ли растет душа, не с ним ли мужает и крепится, не с ним ли вянет и тупеет? Не от чувств ли ты получаешь все свои понятия и мысли? Если ты мне не веришь, прочти Локка. Он удивит тебя, что все мысли твои, и самые отвлеченнейшие, в чувствах твоих имеют свое начало.* Как же душа твоя без них может приобретать понятия, как мыслить? Почто бесплодно делать ее особым от чувственности веществом? Ты похож в сем случае на того, кто бы захотел дать душу носу твоему, дать душу уху, дать ее глазу, а в осязательности твоей было бы столько душ, сколько точек есть на поверхности твоего тела. Неужели на всякое деяние тела дадим ему душу? Горгань моя возгласит песнь, и я скажу, что есть во мне вещество поющее; отверзу уста и возглаголю, а ты скажешь, что есть во мне вещество говорящее, и только для того, чтобы от телесности отбыть. Странник! ты чуждаешься матери твоей, отрицаешь чувствам мысленности происхождение. Все познания твои приходят к тебе от чувств твоих, и ты хочешь, чтоб мысленность моя была им чужда, имела существо, им совсем противоречащее».

«Но откуда возмечтал ты, что душа твоя не есть действие твоих органов, что она бестелесна? Вниди в себя и вонми, колико телесностей на нее действуют. Все чувственные предметы, все страсти, болезнь, жар, стужа, пища, питье, — все

* Здесь противоречия нет против сказанного выше, где говорится, что отвлечение есть действие рассудка. Мы здесь говорим, где корень понятий отвлеченных.

душу твою изменяет. Всё телесно есть; она страждет, а не тело. Может ли знать душа твоя, сие вышшая степени вещество. какая мысль в ней возродится чрез одно мгновение, чего она возжелает? Может ли она, если она тела твоего управитель, может ли знать, какое будет его движение чрез час один, и какое язык его произнесет слово? Окруженная со всех сторон предметами, она есть то, что они ей быть определяют. Если бы они не извещали чувства твои, что ты существуешь, если бы ты чувств лишен был (но того ли ты и желаешь, желая бессмертия?), не известен бы ты был, что ты есть, что существуешь; ибо никакая мысль в тебе не могла бы возродиться».

«Не токмо внешность, но вся внутренность царствует над твоею душою. Когда страсти возжгут огонь в крови твоей, когда неведомое какое беспокойствие обьет всего тебя, и ты, презирая все на свете и самую жизнь, течешь во след предмету, страстию вожденному, где тогда душа твоя? Где сей устроитель твоя телесности, сей судия твоих деяний, сей царь, где он? Иногда, иногда возвысит он глас, и мечта всемогущества думает страсть усмирить мановением единым, как Эол усмирял бунтующие ветры. Но сии непокорливые его подданныки, восстав с новою на него свирепостию, влекут его и, как новая Армида, заключают в цветящиеся и неоощушаемые оковы».

«Но не токмо страсти умерщвляют твою душу; все потребности твои, все недостатки властвуют над нею произвольно. Ощущал ли ты когда-либо терзание глада? Ведаешь ли всю власть желудка твоего над твоею мысленностию? Когда он тощ, тело твое изнеможет, и душа ослабеет. Но ты скорее знаешь действие пресыщения. Когда избыточные соками питательными яства обильный хил влиют в твои жилы, и естественность в тебе обновляться начнет, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя. Но вижу то, пресытился питием: обезображено лице, искажены взоры, язык коснеет, или и душа твоя причаствовала в чаше Вакха? О, вещество бестелесное! если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары, конечно, сильно на тебя действуют. Когда ты, о любитель духовных веществ! усумнишься в своей вещественности, то войди в сонм пьяных. Верь мне. скоро. скоро убедишься, что с телом и душа пьянеет».

«Мне скучно становится собирать еще доводы на то, что столь ясно кажется. Но я еще обращаю взор твой на тебя самого. Если ты не убедился о своей вещественности тем, что видел душевные силы возрастаемы с телесными; что оне расширены стали удобренным воспитанием; что воображение есть плод страны, где жительствуешь; что память твоя единственно зависит от твоего мозга, и когда он старится и твердеет, тогда и память теряет свою способность; что суть способы телесные на ее расширение, и что внимание твое утомляется напряжением: если все сие не есть тебе доказательством, войдем со мною во храмину, уготовленную человеколюбием для стражду-

щего человечества, в хранилище болезней. Не содрогается ли, не немеет ли вождь твой духовный от сего зрелища? Если ты нетрепетно восходил на стены градские и презирал тысячи смертей, окрест тебя летавших, то здесь весь состав твой потрясется! Ты зришь твое разрушение, ты зришь конечную и неминуемую твою смертность. Не тужи о воспаленном огневицею, не жалею о лишенном ума: они варяют в мечтаниях. Верь, они нередко нас блаженнее. Болезни своей они не ведают, и душа веселящихся полна мечтаний. Но содрогнись на беснующегося, вострепещи, взирая на имеющего в мозгу чирей! О, душа, существо безвещественное! что ты и где ты? Если все доводы Эпикура, Лукреция и всех новых их последователей слабы будут на свержение твое с возмечтанного твоего престола, то желающий убедиться в истинном ничтожестве своем найдет их в первой больнице в великом изобилии».

«Если и сего тебе мало, то соглядай вседневное свое положение, когда утомленное твое тело ищет покоя. Воззри на сон. Если хочешь вообразить, что душа твоя есть раб твоего тела, и каково будет состояние ее по смерти, то рассмотри, что есть сон, и познаешь. Первое, когда мечты исполняют главу твою, скажи, властен ли ты на их произведение? Сновидения твои столь же мало от тебя зависят, как и от твоего понятия. А если можно тому верить, что сновидение есть начало пробуждения и производится внешним чем-либо, то предварено твое возражение, когда хотел сновидение отнести к действию твоей души. Но рассмотри себя, когда пары, поднимающиеся от желудка твоего, не тревожат мозга, когда сон твой покоен и крепок, ты не токмо не чувствуешь, но и мысль твоя недействительна. А если и то тебя не убеждает, посмотри на тех, коим болезни дают сон долговременный; спроси у них, мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что в решении задач математических упражнялись? Впоследние скажу, воззри на обмятого обмороком и чувств лишенного. Если когда-либо излишне испущенная кровь повергала тебя в таковое положение, то знаешь ты, что смерть есть, и что душа твоя от жала ее не ускользнет. И как хочешь ты, чтоб я почел душу твою существенностию, от тела твоего отделенною, веществом особым и самим по себе, когда сон и обморок лишают ее того, что существо ее составляет».

«Скажи, о ты, желающий жить по смерти, скажи, размышляя ли ты, что оно не токмо невероятно, но и невозможно? Вообрази себе на одно мгновение, что ты уже мертв, что тело твое разрушилось. Ты говоришь, что душа твоя жива. Но она лишена чувств, следственно лишена орудий мысли, следственно она не то, что была в живом твоем состоянии. И если состояние ее изменилось, то вероятно ли, что она ощущать и мыслить может, чувств лишена? А если душа будет в другом положении, то следует, что ты в душе своей будешь не тот человек, который был до смерти. Ведаешь ли, от чего зависит твоя осо-

бенность, твоя личность, что ты есть ты? Помедлим немного при сем размышлении. Сие мгновение ты, посредством чувств, получаешь извещение о бытии твоём; в следующее мгновение то же чувствуешь; но дабы уверен ты был, что в протекшее мгновение чувствование происходило в том же человеке, в котором происходит в настоящее мгновение, то надлежит быть напоминовению; а если человек не был одарен памятью, то сверх того, чтобы он не мог иметь никаких знаний, но не ведал бы, что он был не далее, как в протекшее мгновение. Если по смерти твоей память твоя не будет души твоея свойство, то можно ли назвать тебя тем же человеком, который был в жизни? Все деяния твои будут новы и к прежним не будут относиться, то что успеешь, жил ли прежде или жив будешь по смерти? Жизни сии не суть единое продолжение; они прерываются. Жить вновь и не знать о том, что был, есть то же, что и не быть. Забвенное для нас не существовало. Что не можно душе твоей сохранить памяти, о том читай многочисленные и убедительные примеры в книгах врачебных. Памяти престол есть мозг; все ее действия зависят от него, и от него единственно; мозг есть вещественность, тело гниет, разрушается. Где же будет память твоя? Где будет прежний ты, где твоя особенность, где личность? Верь, по смерти все для тебя минует, и душа твоя исчезнет.

«По смерти все ничто
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья».

Сенка, в трагедии «Троада».

«Итак, если мозг и глава нужны для мышления, нервы для чувствования, то как столь безрассудно мечтать, что без них душа действовать может? Как может она быть, когда она их произведение, а они к разрушению осуждены? Не токмо не можно вообразить себе, что есть такое вещество простое, неразделимое, дух; но и того вообразить нельзя, чтобы они были по разрушении, хотя бы и существовали».

«Ведай, что всякое состояние вещества, какого бы то ни было, естественно предопределяется его предшедшим состоянием. Без того последующее состояние не имело бы причины к своему бытию. Итак, предрожденное состояние человека определяло его состояние в жизни, а жизненное его состояние определяет, что он будет по смерти. До зачатия своего человек был семя, коего определение было развержение. Состояние жизни приуготовляло распложение и разрушение. Когда же жизнь преидет, почто мечтать, что она может продлиться? Человек вышел из семени, и состав его рассеменится по сло-

жению стихий, его составлявших. И если по справедливости заключить можем из состояния человека до начатия его жизни о состоянии по скончании ее, то поелику он не имеет воспоминания, что существовал в семени, то не может иметь воспоминания по смерти о том, что был в жизни».

«Итак, о смертный! оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужное для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалась, скончалось для тебя время и настала вечность!» — — —

О, ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный человеконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокостию твоею и зверством ты превышаешь Тиверия, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заgrabляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению, всему есть предел непреборимый, за которым земная власть есть ничто. Едва дух жизненный излетит из уязвленного и изможденного тела, как вся власть тиранов утщется, все могущество их исчезнет, раздробится сила; ярость тогда напрасна, зверство ничтожествовать принуждено, кичение смешно. Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропротекающего радования, не веселия бременного и скоролетящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести земные, свинец и золото и чугун. Жестокосердый! ты лишаешь даже надежды претертую злосчастием душу, и луч сей единственный, освещавший ее во тьме печалей, ты погашаешь. Лишенного на земле утех, не ожидающего веселия ни на мгновение уже едино, ты ограбляешь его надеяния возродиться на радость и на воздаяние добродетели; ты лишаешь его будущия жизни. Ужель гонители Сократа на равную с ним участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребий всех добродетельных и злосчастных? — Но откуда твое дерзновение, откуда власть твоя, откуда веселие, разрушающее покой мой и надеяние? Или не ведаешь, что может отчаяние человека, лишенного семейства, друзей и всякия утехы? Не скроют тебя от карающих руки ни вертепы, ни леса дремучие, ни пустыни! мщенье тебя преследует, настигнет тебя, веселием упоенного, и, отъемля у тебя даже средства к утехе, радованию и упокоению, исторгнет из сердца твоего более самую жизнь. Я мысль даже в тебе претру надежды будущего, и вечность отлетит — — но что успею я? О, тигр! ты ее не чаешь!

Конец второй части.

КНИГА ТРЕТИЯ

Доселе, возлюбленные мои, я, собирая все возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающие, старался дать им возможную ясность и поставить их во всей их блистательности и прелестности, дабы тем явнее могла быть их слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное суждение, если где оно возгnezдилось. Обтекши всю мысленность и телесность человека и проникнув даже до незримых начал вещей, мы видели только то, что нужно было видеть, дабы снискать доказательство предложенной задачи. Теперь возвратимся паки по протекшему пути и соберем все, что найти можем на подкрепление противного мнения и постараемся восстановить человечество в ту истинную лучезарность, для коей оно кажется быть создано. О истина! непреложный орган всевышнего! спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждание, и тебя да узрю!

Желающему вникать в размышления о смертности и бессмертии человека, я бы нелицемерный подал совет стараться быть часто при одре умирающих своей или насильственной смертию. А тому, кто сам находился в преддверии вечности, имея полный и ненарушенный рассудок, тому в совет бы я дал в суждениях своих о смертности и бессмертии человека быть гораздо осторожным. Первый научиться бы мог познавать, что есть смерть; другой, бывши ее близок, мог бы рассуждения свои сопровождать внутренним своим чувствованием; ибо верьте, в касающемся до жизни и смерти, чувствование наше может быть безобманчивее разума. А тот, кто ее не предчувствовал николи, хотя и может иногда угадать то, что другой всюю внутренностию ощущает, но чаще, основав убеждение свое на слышанном и изученном, он сму токмо изыскивать будет доказательства для убеждения других в том, в чем сам убежден был не чувствованием, не рассудком, а токмо, так сказать, наслышкою.

Я всегда с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на праге вечности, и, соображая причину их кончины и побуждения, ими же вождаемы были, почерпал многое, что мне в другом месте находить не удавалось. Не разумею я здесь воображенные таковые положения, плод стихотворческого изобретения, но истинные таковые положения, в коих, по несчастию, человек случается нередко. Вы знаете едино-

словие или монолог Гамлета Шекспирова и единословие Катона Утицкого у Аддисона. Они прекрасны, но один в них порок — суть вымышленны.

Посторонний, а не вы, может меня спросить вследствие моего собственного положения: какое право имею я говорить о смерти человека? — Вопрос не лишний! и я ему скажу. . . Но, друзья мои, вы дадите за меня ответ вопрошающему, а я возвращусь к моему слову.

Вопросим паки, что есть смерть? — Смерть есть не что иное, как естественная перемена человеческого состояния. Перемене таковой не токмо причастны люди, но все животные, растения и другие вещества. Смерть на земле объемлет всю жизненную и нежизненную естественность. Знамение ее есть разрушение. Итак, куда бы мы очей своих ни обратили, везде обретаем смерть. Но вид ее угрюмый теряется пред видом жизни; стыдящаяся кроется под сень живущего, и жизнь зрится распростерта повсюду.

Но дабы в незыблемом паки утешении устремить взоры наши к неиссякаемому источнику жизни и к непрестанно обновляющемуся ее началу, отвратим око наше от жизни и прилепим его к тому, что свойство смертности составляет. В изъяснении, данном нами смерти, мы назвали ее переменою; и понеже смертная перемена есть общая в природе, то рассмотрим, что есть перемена вообще.

Вещь, говорим, переменяется, когда из двух противоположных определений, которые в ней произойти могут, одно перестает, другое же начинает быть действительным; например: темно и светло, легко и тяжело, порок и добродетель. Итак, перемена вообще есть переходение от одного противоположного определения вещи к другому. Но из шестивия природы явствует, что во всех переменах, в оной случающихся, находится между противоположностями всегда посредство, так, что если в ней переходит что из одного состояния в другое, первому противоположное, то между сими двумя состояниями находится всегда третье, или состояние среды, которое не иное что быть кажется, как продолжение первого состояния и изменение вещи постепенное, доколе не дойдет она до состояния противоположного. Но и сие состояние, поелику есть токмо последствие из предыдущего, можно назвать продолжением. Итак, утвердительно сказать можем, что будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые. Если мы хотим сие представить себе чувственно, то вообразим что-либо начинающее свое движение колообразно, которое, двигаясь в одинаковом всегда от центра отдалении, движется до тех пор, пока, дошед до того места, откуда началось его движение, останавливается. Следовательно, между первою точкою, где началось движение, которую назовем настоящим состоянием вещи, до той точки, где движе-

ние ее скончалось, которую назовем состоянием противоположным, существуют столько состояний, чрез которые вещь проходить имеет, сколько суть в окружности точек. Следовательно, когда движение вещи началось от одной точки и быть должно ствует колообразно, то без препятствия особой силы движение вещи колообразное продолжится до точки последней, следовательно, последняя точка есть произведение первой. Или желаете другой пример. Возьмите яйцо; вы знаете, что оно посредством насижения может оживотвориться и быть птицею. Но виден ли в яйце цыпленок, хотя не сомневаемся, что он в нем содержится? А если захотим преследовать прехождение яйца в цыпленка и ежедневно будем наблюдать его, то увидим постепенное его приращение. Сперва окажется начало жизни — сердце, потом глава, потом стан и другие части тела постепенно до того часа, как чрез 21 день созрев на ишестве, он проклюнет скорлупу яичную и, являясь пред создавшим свет живым уже существом, воскликнет аки бы: се аз на прославление твое! Из сего примера усматриваете, сколько состояний пройти имеет яйцо, дабы быть цыпленком. Из сего же видите, что все сии состояния суть непрерывны и выходят одно из другого естественно. Следственно, состояние яйца и цыпленка суть проистекающие одно от другого; следственно, насижением из яйца цыпленок выйдет, если в том что не воспрепятствует. Таково есть шествие сил естественных, что они, прияв единожды свое начало, действуют непрестанно и производят перемены постепенные, которые нам по времени токмо видимы становятся. Ничто не происходит скоком, говорит Лейбниц, все в ней постепенно.

Из всего предыдущего следует, что все переменяющееся не может быть непременно ни на единое мгновение. Ибо все переменяющееся (буде оно таково в самой вещи) иметь должно ствует силу действовать или способность страдать; но действуя или страдая становится оно не то, что было. Итак, что может воспятить стремлению перемены? Кто может? Разве тот, кто дал природе силу, кто действие ей дал, движение и жизнь. Вообрази себе напряжение всего, вообрази глубоко насажденную в естественности действительность и вещай, что может ей противостать. Катится время беспрерывно, усталости не знает, шлет грядущее во след претекшему, и все переменяющееся является нам в новый образ облеченно.

О, мера течения, шествия премен и жизни! о, время! помедли, помедли на мгновение хотя едино! — Се безрассудное желание многих, се желание внимающих гласу своих страстей и прихотей и отвращающих рассудок свой от познания вещей. Но время, не внемля глаголу безумия, течет в порядке непрерывном. Нет ни единого в нем мгновения, которое бы возможно было себе представить отделенно, и нет двух мгновений, коих бы предела означеновать возможно было. Не в след текут сии одно другому, но одно из другого рождается и все имеют

предел един и общий. Наималейшее мгновение разделить можно на части, которые все свойству времени причастны будут; и нет двух мгновений, где бы третье вогнездить было невозможно. А поелику время есть мера деянию и шествию, то нет двух состояний вещи, между коими бы немощно было вообразить третье, или, паче сказать, нет двух состояний, между которыми бы назначить можно было предел; ибо едва одно скончалось, другое уже существует. И сие шествие столь стесненно, столь неразрывно, что мысль наша за ним идти может токмо во след, а не одинаковою высотой; ибо вообрази себе мгновение и состояние вещи в нем, как оно уже претекло, и ты мыслишь уже в другом мгновении, и вещь находится уже не в том, в коем о ней ты мыслить стал, и мгновение уже позади тебя.

Приложим сие понятие о перемене к смертности человека. Жизнь и смерть суть состояния противоположные, а умирание средовое, или то состояние, чрез которое скончается жизнь и бывает смерть. Мы видели, что во времени нет и быть не может отделения; мы видели, что и в состояниях вещи разделения существенного нет, и когда движение началось, то непрерывно есть, доколе не скончается. И поелику перемена есть прехожжение из одного состояния в противоположное ему чрез состояния средние, одно из другого раждающиеся, то жизнь и смерть, поелику суть состояния противоположные, суть следствия одно другого, и можно сказать, когда природа человека производит, она ему готовит уже смерть. Сия есть следствие той и следствие неминуемое. И если бы мы имели о вещах познания нутрозрительные, то бы сия великая перемена в одушевленном, как то: прешествие от жизни к смерти, нам менее отделяющеюся казалася, нежели отделения дня от нощи,* ибо и сии существуют для того, что не можем им преследовать. Но представь себя, текущего по поверхности земли к западу ее, то-есть в противную страну ее обращения; представь шествие свое шествию земли равно скорое, то, начавши течение свое во время, например, полуденное, пребудешь в полудни чрез целые сутки и, пришед паки на то место, откуда началось твое шествие, найдешь паки время полуденное. Из сего примера видим, что перемены суть токмо для нас столь отделенны в прехожжениях своих, а не суть таковы по существу вещи.

Итак, не безрассудны ли наши стенания и вопль при умирании человека, если мы знаем и если уверены, что, родившись единожды, умереть ему должно? Сколь справедливее было некогда обыкновение рыдать при рождении младенца, по смерти же радоваться и расстание с умершими препровождать в пиршествах и веселиях. Когда неумолимая смерть прострет на чело мое мразное свое покрывало и узрите меня бездыханна,

* Примеры чувств. Увеличь взоры микроскопом, увидишь на руках дыры; в чистой воде суть чудовища живые.

не плачьте, о возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована была при рождестве, что она неизбежна, что яко бдение уготовляет сон, а сон уготовляет бдение, то почто не мыслить, что смерть, уготованная жизнию, уготовляет паки жизнь? — Столь в мире все непрерывно. О возлюбленные мои! восторжествуйте над кончиною моею: она будет конец скорби и терзанию. Исторгнутый от ига предрассудков, помните, что бедствие не есть уже жребий умершего.

Поелику душа и тело находятся в теснейшем союзе, как то явствует из всех их взаимных деяний, то вероятно, что смерть или скончание жизни равно касается того и другого; и если смертию изменяется тело, что видим из простого наблюдения, то должно думать, что изменяется и душа; а поелику телесности отторженная душа чувствам нашим подлежать не будет, то, что ей последует по отделении ее от тела, надлежит постигать единым рассудком.

Опыты нам показывают, что во всех органических телах суть три состояния или время в их бытии. Первое, когда органическое тело начинает подлежать чувствам нашим, то есть рождение его и жизнь; второе, когда чувства наши не ощущают в теле органическом жизненных движений, то есть смерть; и третье, когда вид и образ органического тела изменяются и от понятия чувств исчезают: сие называем разрушение, согниение. Но сии состояния суть для чувств наших токмо отделенны, в естественности же каждая из них есть токмо звено непрерывной цепи перемен, то есть постепенные развержения и облечения одной и той же вещи в несчетные виды и явления. Итак повторим, что жизнь и смерть и даже разрушение в своей существенности не столь разделенны, как то кажется нашим чувствам; они суть токмо суждения наших чувств о переменах вещественных, а не состояния сами по себе. Се первый луч надежды, о, возлюбленные! да торжествуют несчастные! се смерть им предстоит, се конец терзанию, се жизнь новая!

За смертию тела следует его разрушение. По разрушении же тела человеческого, части, его составлявшие, отходя к своим началам, как то мы сказали прежде, действовать и страдать не престанут, ибо не исчезнут. Между бытия и небытия есть посредство, вследствие того, что сказали выше; следовательно, одно не есть следствие другого непосредственное; следовательно после бытия небытие существовать не может, и природа равно сама по себе не может ни дать бытия, ни в небытие обратить вещь, или ее уничтожить.

Душа, находясь в теснейшем союзе с телом, следует всем переменам, с телом случающимся, и, участвовавши в веселиях его и печалях, в здравии его и болезни, достигнет постепенно до того мгновения, когда тело умрет. Но умрет ли и душа с телом, и есть ли на сие возможность? Буде умереть она долженствует, то или все силы ее и могущества, все действия ее и страдания

перестанут вдруг, и она исчезнет в одно мгновение; или, яко тело, подверженное тысяче перемен, испытает она разные образования; и в сем последствии перемен будет эпоха, когда душа, изменяясь совсем, не будет душа более и, яко тело, разделяясь на части, перейдет в другие сложения. Третье кажется быть невозможным; ибо природа, как то мы видели, ничего не уничтожает, и небытие или уничтожение есть напрасное слово и мысль пустая.

Обеспокоенные в невозможности небытия, мы рассмотрим вероятность разрушения души.

Если бы душа подвержена была всем переменам, которым подвержено тело, то бы, как то мы сказали, можно было назначить мгновение, когда она совсем изменится и, яко тело, разрушаясь, не будет тело, тако и душа, теряя все свои силы по-малу, распадется и не будет более душа. Но когда имеет быть сие мгновение? Разве тогда, когда не нужна она более телу, в коем испорченные органы, неспособные на содержание жизни, отчуждятся и души, тогда разве душа исчезнет. Но мы видели, что тело не исчезает, что нельзя почти сказать теперь: умирает животное; ибо видели, что рождение его смерть уже ему уготовляло и разрушение. Итак, разве душа, теряя по-малу свои силы, с телом будет подвержена единому жребию. Когда тело здраво и в крепости, равно и душа; тело изнемогло и заболело, равно и душа; тело умирает и распадается на части, то же будет с душою? Орудия ее чувствования и мысли разрушились, ей уже не принадлежит, весь состав уже разрушился; но ужели в ней все опустеет, все пропадут в ней мысли, воображения, все желания, склонности, все страсти, — все, и ни малейшего следа не останется? Не можно сего думать; ибо не иное сие бы было, как совершенное ее уничтожение. Но поелику силы природные, как то мы видели, на уничтожение не возмогают, то душа пребудет навсегда неразрушима, во веки не исчезнет. И поистине, как себе вообразить, как себе представить части души и неминуемое их прехождение, преобразование (полагая, что оне суть)? Части тела разрушаются, разделяются на стихии, из коих составлены были, которые паки переходят в другие составы. Части тела могут по чреде быть земля, растение в снесь животному, которое будет в снесь человеку; следовательно, человек, умерший за несколько лет прежде, будет частию существовать в другом последующем человеке. Но что будет из частей души? Какие суть стихии ее сложения, если бы она сложена быть могла? Куда перейдут сии стихии? — Не время еще ответствовать на сии вопросы; но можете видеть, сколь ответы гадательны быть должны.

Следствие всего предыдущего есть, что душа во веки не разрушится, не исчезнет, что существовать будет во веки; ибо, как бы далеко небытие от бытия ее ни отстояло, но таковое прехождение не может основываться ни в существе единых вещей, ни

в существе сложенных. Но если душа во веки жива пребудет, то будет ли она страдать и действовать? Страдать и действовать для души есть мыслить, желать и чувствовать; ибо сии суть действия и страдания мыслящего вещества. Но как возможно душе, от тела отделенной, чувствовать и мыслить; ибо срудий чувствования и мысли будет она лишена? Сие так кажется. Но понеже душа уничтожению не может быть причастна, то мысль свойственна ей пребудет, как и бытие; ибо, какое вещество то бы ни было, всякое действует вследствие своих сил и способностей, то неужели одна душа будет сил лишена и, яко первобытная вещественность, недвижима и недействуяй?

В дополнение вышесказанного присоедините и следующее размышление. Что научает нас, что мы без чувственности не могли иметь понятий, что сии суть единственно произведения ее, и что самые отвлеченнейшие понятия первое начало свое имеют в чувственности? Ответ на сие самый легкий и простой: учит тому нас опыт. Но какие же имеем мы опыты, чтобы заключать, что душа в отделенности от тела будет лишена чувствования и мысли? Никаких, поистине, не имеем и иметь не можем; то и заключение наше о сем неправильно будет, и мы отрицать станем силу в природе потому только, что она нам неизвестна. Точно бы так сие было, если бы житель Египта, видя всегда зыбкую поверхность Нила, заключал, что невозможно вообще, чтобы поверхность воды твердела. Сколь сие суждение нелепо, участвующим жаркого и мразного небесного пояса внятно. Но оно основано на существе вещей и понятий наших, от опытов происходящих. Так и мы, заключая о безмыслии души в отделении ее от телесности, заключим сходственно понятий наших, в опытности почерпнутых; но истинность заключения сего может равняться заключению жителя Египта о невозможности замерзания вод.

Из всего вышеписанного если не можно нам заключить с уверением, что душа бессмертна, если в доводах наших нет очевидности, то могло бы, может быть, для любящих добродетель найтись что-либо убедительное, дающее доводам перевес победоносный. Но из самых доводов рождаются возражения, которые, оставшись без ответа, могут почтены быть доказательством противоположности того, что доказать стараемся. Если бы одна была возможность, что душа есть вещество само по себе, то убеждение из того последовало бы очевидное. Но доколе не опровергнутся, столь же вероятностию почтется и то, что душа или то, что мысленным существом называем, есть свойство искусно сложенного тела, подобно как здравие или жизнь суть свойства тел органических. И сие возражение тем сильнее кажется, что оно осязательно быть зрится, а потому требует прилежнейшего рассмотрения и опровержения яснейшего и ни малейшего по себе сомнения не оставляющего.

Что обретаем мы в сложенном? Не то ли, что вещи, которые в некотором находились отдалении, сближаются? Не то ли, что вещи, которые находились в разделении, сообщаются, вступают в союз и составляют целое, сами становятся составительными его частями? Из сего сопряжения рождаются: 1, некоторый порядок в образе сложения составительных частей; 2, силы и действительных частей чрез то изменяются; ибо в действии нового сложения то препинаемы, то спешествуемы или перемеяемы в направлении своем. Но может ли в целости сложенного явиться новая сила, которая начало не находилось бы в действительности составляющих его частей? Невозможно, поистине невозможно. Если бы все части, все начала, все стихии вещественности были бездействующи и в покое бы находились смертном, то сколь бы сложение их искусственно ни было, сколь бы ни изящно, погрязши в недействии и неподвижности, пребыли бы навсегда мертвы, не возмогаяй на произведение движения, отражения или какия-либо силы. И сие положение хуже было бы хаоса древнего, если было быть ему возможно; ношь вечная была бы ее сопутница, и смерть свойство первое.

Однако же примечаем мы в сложении целого благогласие или согласие, соразмерность, хотя в частях его нет ни того, ни другого. Например, звук одинаковый благогласия не имеет, но сложение многих нередко производит наивелелепнейшее. Стекланный колокол, на котором мокрый перст движется, едва ли, кажется, производит скрип; но кто слышал гармонику, тот ведает, колико внутренность вся от игры ее потрясается. Кирпич, камень, кусок мрамора и меди какую имеют правильность, какую соразмерность? Но взгляни на храм св. Петра в Риме, взгляни на Пантеон, и не почувствуешь ли, что и мысль твоя изящною соразмерностию сих зданий благоустраивается? Но причина сего чувствования явствует из того, что уже сказали. Благогласие, соразмерность, порядок и все тому подобное не могут без различия быть понимаемы; ибо они не что иное значат, как отношение разных чувствований между собою в том порядке, как они нам предлежали. Итак, к сим понятиям принадлежит сравнение разных чувствований, которые вообще составляют целое, частям особенно не принадлежа. Могло ли бы родиться благогласие, если бы каждый звук не оставлял по себе впечатления? Могла ли бы быть соразмерность, если бы каждая оная часть не действовала на орган глазной? Не можно сего и вообразить, ибо действительность в целом не может возродиться, если начало ее не в частях находится. Итак, во всяком сложенном замечать нужно: 1, последование и порядок частей составительных в пространстве или времени; 2, сопряжение начальных сил и порядок, в котором оне являются в их сложении. И хотя в сопряжении своем силы ограничиваются взаимно, изменяются, уничтожаются или паче препинаются, никогда из сложения, какое бы оно ни было, сила возродиться не может. Равно как бы кто,

смешивая синюю краску с желтою, ожидал бы явления не зеленой, но красной. Частицы синие и желтые изменились, но в зеленом оне суть присносущны; а красное явиться бы не могло, ибо красные частицы суть другого совсем существования.

Итак, заключение извлекая из предыдущего, сказать можно: если душа наша или мыслящая сила не есть вещество само по себе, но свойственность сложения, то она происходит, подобно благогласию и соразмерности, из особого положения и порядка частей, или же как сила сложенного, которая начало свое имеет в действительности частей, целое составляющих. Третьего, какжется, мыслить нельзя.

Благогласие, как то мы видели, проистекает из сравнения простых звуков, а соразмерность из сравнения разных неправильных частей; ибо не имеют ни одинаковые звуки благогласия, ни отделенные части соразмерности; следовательно, благогласие и соразмерность основание свое имеют в сравнении. Но где в природе существует оно, где может существовать, разве не в душе? Что есть оно, разве не действие мысленных силы, и может ли оно быть действие чего другого? Нигде всемерно; ибо звуки сами по себе следуют токмо один за другим; в строении камни лежат токмо один возле другого, существуя каждый в своей особености, имея бытие отделенное; а благогласие и соразмерность суть принадлежности мысли, понятия отвлеченные и без мысли бытия не были бы причастны.* Но не токмо благогласие и соразмерность, но красота, изящность всякая и самая добродетель не иначе как в сравнении почерпают вещество свое и живут в мысли.

Скажите, можно ли из действия какой-либо вещи истолковать ее происхождение, и может ли причина, вещь производшая, понимаема быть из действия вещи или в нем существовать? Видя тень протяженную непрозрачного тела, можем ли что-либо заключить о причине, тело производшей, или сказать, что она есть вина существованию тела? Так и все, что есть действие сравнения, не может почесться причиною, оное производящею. Если сказать можем, что насвист снегиря или песня канарейки родили канарейку и снегиря, то и соразмерность, порядок, красота суть сами по себе, а не произведения сравнения. Заключим, возлюбленные мои, не обвинуясь, что поелику все выше-сказанные свойства суть произведения сравнения, а сравнение предполагает суждение, а сие рассудок и мысль, то все, что есть произведение сравнения, не может иначе быть, как в силе мыслящей и в ней токмо одной; итак, все сложенное, поколику к сравнению относится, начало свое имеет в мысленной силе. Засим возможно ли, чтобы мысленная сила, причина, вина и источник всяческого сравнения, возможно ли, чтобы она была

* Пантеон равен бы был Ивану Великому, если бы не было разумного вещества.

действие самой себя, чтобы была как соразмерность или благогласие, чтобы ее целостность состояла из частей, лежащих одна вне другой? ибо все сие действие мысли предполагает и не иначе может принять действительность, как чрез нее. Итак, поелику всякое целое, состоящее из частей, одна вне другой находящихся, предполагает сих частей сравнение, поелику сравнение есть действие силы мысленная, то невозможно силу сию приписывать целому, из частей состоящему; ибо сказать сие то же будет, если скажем, что вещь происходит от своего собственного действия. Нелепость сия столь велика, что дальнейшее о сем расположение не иное что, как скуку навлечь может.

Вторая и последняя возможность, что душа, или мыслящее существо, происходит от сложения телесных органов, состоит, как то видели, в том, что она есть сила или действительность сложенного. Дадим себе сие в задачу и рассмотрим оныя существенность, а потому и истинность.

Действительность, или сила сложенного, основание свое имеет в силах составляющих частей его. Например: шар Монгольфьеров имеет силу вознести человека выше облаков, выше области грома и молнии; но если бы оный не был наполнен веществом легче воздуха, нижнюю атмосферу наполняющего; если бы не был сделан из ткани, для вещества сего непроницаемой; если бы количество его не было соразмерно подъемной им тяжести, то не мог бы он возвестись, не мог бы сделать то действительным, что до того времени едва ли возможным почитали. Следовательно сила целого, или сложенного, происходит из действительности частей его. Силы же частей, целое составляющих, или сходствуют с силою целого, или с оною суть несходственны. Что такое силы частей, сходствующие с силою целого, довольно ясно. Например: возьми светильник, сплетенный из десяти свещей, из коих каждая имеет светильню отделенную. В сложении своем светильник дает свет, но свет сей происходит от того, что каждая светильня горит. Раздели свечи; они дадут каждая свет; сложи их, дадут все свет совокупно, но он будет сильнее. Но здесь не рассуждается о усугублении великости сил, а о их сходственности. Взгляни на Кулибинский ревербер. Горит пред ним одна лампада, а вдавленная за ним поверхность отражает ее свет. Но сие отражение составлено из отражения всех зеркальных стекол, ревербер составляющих. Возьми одно из сих стекол: оно свет отразит; составь все вместе, они также свет отразят, но многочисленно: все будет свет, но ярче. Но мы рассуждаем, повторяю, о сходственности сил, а не о великости их. Итак, силы частей могут с силою целого быть сходственны или же силы частей не сходствуют с силою целого и суть от нее отличны. Пример благогласия, происходящего от единственных и по себе особых звуков и в особенности своей ничего опричь простого звука не производящих, может здесь быть в объяснение. Слышали ли

вы, любезные мои, роговую егерскую музыку, которая изобретатель у нас был Обер-Егермейстер Нарышкин, и которая в действии своем с церковными органами столь может быть сходственна? Вам известно, что она исполняется посредством охотничьих рогов. Каждый рог производит один звук, и нередко звук весьма грубый; но искусством доведено, что хор роговой может играть разные музыкальные сочинения. И столь ясно действие, от общих роговых звуков происходящее, что буде находишься очень близко того места, где на них играют, то вместо благогласия слышны почти нестройные звуки. Удались от них, — зыбление воздуха, становясь плавнее в отдалении, отъекает грубость роговых звуков, и благогласие явно. Сие может служить примером, поелику сила целого не сходствовать может с силами частей. Сие правило может иметь сотичные приложения, и примеры оному могут быть многочисленны.

Вследствие сего скажем: силы частей, из коих происходит сила мыслящая, суть с нею сходственные, то есть так же, как и она, суть силы мысленные; или же оне с нею не сходствуют, то есть, что силы частей, коих сила мысленная есть произведение, суть другого существа и не мысленны. Третье посредство кажется быть невозможно. Но мы видели прежде, что всякое целое происходит от сравнения, от соображения мыслящего существа и существовать может только в нем; ибо части суть сами по себе, силы частей суть сами по себе, существуя в своей особенности, действуя каждая сама по себе, но в сложении изменяясь токмо и ограничиваясь взаимным действием, сохраняя однако же начальную свою свойственность. Упражняющимся в Химии довольно известно, что соль кислая с солью алкалическою есть качества совсем отменного; произведи из них смешение, то выйдет из них совсем соль новая или соль средняя; и хотя действие соли средней не есть действие соли кислой, ни соли алкалической, однако она сохраняет в смешении своем начальное свое происхождение, заимствуя свойства обеих солей. Итак, невозможно, чтобы сила новая в целом произошла единственно от действия взаимного сил частных. Но если таковая сила новая и от частных сил отличная должна понимаема быть в целом, то нужно, чтоб было мыслящее существо, которое оную составило из сравнения или соображения частных сил. Пример выше приведенный о смешении краски синей с желтою сие объяснит. Увеличивательное стекло показывает их особенными и в самом их смешении; но глаз в смешении сем зрит зеленость. Таковых примеров можно из чувственности нашей почерпнуть несчетное количество. Итак, поелику происхождение силы целого, не сходствующей с силами частей, предполагает сравнение или соображение, а сии предполагают существо мыслящее, то следует, что сила мысленная не может произтекать из частей, таковой же силы не имющих; следует, что сила мыслящая в целом или сложенном должна произтекать из частей, силами равными

одаренных, то есть из сил мыслящих. Сие будет предлог нашего разыскания.

Сие мнение, что мысленная сила, а потому и чувственная, есть произведение частей, с нею сходствующих, при первом взгляде покажется вероятным; ибо 1, пребывания чувств наших суть различны. Очи видят, уши слышат, язык вкушает, нос обоняет, осязание распростерто по всей поверхности тела. 2, Когда враждебное орудие уязвит руку, боль чувствую в руке; когда огонь приблизится ноге моей, в ней сжение чувствую; когда яства вкушаю, приятность оных чувствуема в моей гортани; воздух благорастворенный, растягивая легкое без раздиранья, дает чувствование приятное; любовное услаждение чувствуемо наипаче в органах, на даяние жизни устроенных. 3, Мы чувствуем, что мысль наша пребывание имеет в голове, и опытами знаем, что расстроенный мозг рождает расстроенный рассудок; но мозг есть тело сложное, имеющее части, следовательно и мысли могут находиться в нем частно. Вследствие сего опыт учит, что чувствие распростерто по всем членам, а умствование скажет, что и мысль также распростерта. Но рука, от туловища отделенная, нос, от главы отъятый, что чувствуют? Но были примеры, что и без руки рука была чувствуема. Не обоняем ли часто то, что от нас отдаленно? Возри на предстоящий тебе предлог, зажмурь потом глаза, — не зришь ли его пред собою? Отделенный от вас, о возлюбленные мои, на целую четверть окружности земнаго шара, когда захочу вас видеть, воззову из внутренности мысленного хранилища образы ваши; я зрю вас пред собою, беседую с вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мне насажденна, и, отдаленный, я живу с вами.

Рассудим еще и сие. В душе нашей находится несчетное количество понятий, познаний, склонностей, страстей, которых беспрестанная деятельность упражняет нас беспрестанно. Где находятся оне? В коих частях тела лежат рассеяны? Или находятся разделенны иные там, иные инде, воспрянув единожды и никогда не повторяемы; или же все оне в единую часть собираются, сопрягаются и составляют связь? Одно из двух: или каждая часть тела имеет силу мыслящую, следовательно столько в человеке мыслящих сил, сколько в нем членов или паче стихийных начал; или же она есть едина. Если силы сии многочисленны, пускай каждая из них душа есть совершенная, то нужно, чтобы все сии рассеянные души свои понятия и чувствования относили в единую среду, дабы составлялося целое; а без того, рассеянные везде, одна к другой не будет принадлежать, мысль не будет следовать мысли, ни заключение из посылок; не возможем мы ни вспоминать, ни сравнивать, ни рассуждать; оне могут быть понятия, но и то всякое по себе, отделенно, особенно, не входя ни в какую связь; и человек сего мгновения не будет ведать, тот ли он, что был за одно мгновение. Он не будет ныне то, что был вчера. Итак, нужно, чтобы для составления нашей

единственности, нужно, чтобы была в нас единая мысленная сила и при том неразделимая, непротяженная, частей не имеющая; ибо если в ней подозреваемы хотя будут части, то паки выйдет разногласие частей, единую среду требующих; нужно паки прибегнуть к тому, нечто соображающему, соединяющему в едино, что частями производимо, действуемо, чувствуемо, мыслимо. Следовательно, стремяся в противную стезю, мы обрящем себя там, где были прежде. И что претит нам, да назовем сие существо, особенность нашу составляющее, сию силу нашей мысленности, сие могущество, соединяющее во едино наши понятия, склонности, желания, стремления, сие существо простое, несложное, непротяженное, сие существо, известное нам токмо жизнью, чувствованием, мыслию, что претит, да существо сие назовем душею?

Не можно, друзья мои, не можно после всего сказанного усумниться более, чтобы душа в человеке не была существо само по себе, от телесности отличное, дающее ему движение, жизнь, чувствование, мысль. Она такова и есть в самом деле: проста, непротяженна, неразделима, среда всех чувствований и мыслей, словом, есть истинно душа, то есть существо, от вещественности отменное, и хотя между сими двумя и есть сходствия (действие их взаимное то доказывает), но силы, известные нам одной суть от сил другой отличны. А хотя бы кто еще и хотел назвать душу вещественною, то сие будет напрасное слово: вещь сама в себе, и то, что составляет мысль, что особенность каждого из нас составляет, наше внутреннее я пребудет ни сила магнитная, ни сила электрическая, ни сила притяжения, но нечто другое. А хотя бы она была в источнике своем с ними одинакова, то, проходя в теле органическом, в теле человека, проходя столь искусственные его органы, столь к усовершенствованию способна, что в соединении с телом она является силою лучше всех других известных сил, паче всех, лучше всех; а какова может быть усовершенствовавшись в телесности нашей, то едва нам понимать возможно. И как бы то ни было, всегда нужно мыслящее существо, чтобы было понимаемо протяженное и образованное; понимающее предшествует всегда понимаемому, мысленное идет во след мыслящему; нужно мыслящее существо для составления целого; без мыслящего существа не было бы ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего; не было бы ни постепенности, ни продолжения; исчезло бы время, пресеклося бы движение, хаос возродился бы ветхий, и паки бы настала вечность.

Для ищущего истину нелицемерно, доказательства о бессмертии души могут расположаться по мере желанья его познать сие таинство; ибо они рассеяны везде, и можно сказать, что вся природа свидетельствует о бессмертии человека. Но паче всего он в себе носит не токмо доводы и доказательства, что в смерти не есть его кончина; но он о истине сей имеет убе-

ждение, убеждение столь сильное, что за слабостию умственных доказательств оно одно становится для него уверением. А хотя и не имеет он о бессмертии своем математическая ясности, но глас внутреннего его чувствования, но столь явная его личность, столь единственное его я, от всего в нем отделенное и все в себя собирающее, едва ли о сем, столь многим распрям подверженном предложении, едва ли не раждает в нем очевидность.

Доселе доводы мои были просто метафизические, единственно умозрительные, основанные на общем рассмотрении вещей; и хотя для кого-либо из вас убедительными быть могут, для других они покажутся слабы. Я сам знаю, чувствую, что для убеждения в истине о бессмертии человека нужно нечто более, нежели доводы умственные; и поистине, касающееся до чувствования чувствованием должно быть подкрепляемо. Когда человек действует, то ближайшая причина к деянию его никогда есть умозрительна, но в чувствовании имеет свое начало; ибо убеждение наше о чем-либо редко существует в голове нашей, но всегда в сердце. Итак, для произведения убеждения о бессмертии человека нужны чувственные и, так сказать, сердечные доводы, и тогда, уверив в истине сей разум и сердце, уверение наше о ней тем будет сильнее, тем будет тверже. Но прежде нежели мы обратим взоры наши на самих себя для отыскания доводов о бессмертии нашем, обозрим оком любопытным всю окрест нас лежащую природу; соберем рассеянные ее виды, о бессмертии человека уверяющие; потом, сошед во внутренность нашу, положим венец нашему рассуждению.

Возри на все, окрест тебя живущее; прости любопытство твое и на то, что мы почитаем неодушевленным: от камня, где, кажется, явственна единая сила сцепления, где части, прилепленные одна к другой, существуют, как будто одна близь другой токмо положены, от камня до человека, коего состав столь искусствен, в коем стихии являются в толико различных сложениях, в коем все действатели, в природе известные, суть сложенные во едино, являют организацию превыше всего, чувствам нашим подлежащего; в коем явны кажутся быть силы, вещественность превышающие и деятельностью своею, скромностию и энергию участвующие силе всезидущей; от камня до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственна сия лествица веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется, различествуют, что единого другому обратным почесть можно с уверением; лествица, на коей гранит, рубин и алмаз, железо, ртуть и золото суть едиnorodны алою, тюльпану, кедру, дубу; где по чреде сии суть братия мотыльку, змие, орлу, жаворонку, овце, слону, человеку; лествица, на коей кристаллизация и минерализация заимствуют уже силы растительной, на коей коралл, губа, мох различествуют токмо утробною, в ней же зараждаются; лествица, на коей сила растительная, расширяя в другом сложе-

нии свою энергию, переходит по-малу в раздраженность, а из себя в чувствительность, где чувственница и полип содействуют; лествица, где чувствительность, распложаясь в чувственности, совокупляется с умственной силою; где оранг-утанг и пещери кажутся быть единокровны: потом все силы сии, тесняя воедино и расширив свою энергию, отверзают уста в человеке на глаголение и, влеча его насильственно в общественное сожитие, делают его способным постигать даже вселенный зиждителя. О, смертный! возри на свою телесность! ты еси земля, прах, сложение стихий, коего дивность толика же в камени, как и в тебе! труп твой, столь благолепый в жизни, жизненные искры лишенный, есть снедь червию и участок согнтия и разрушения. Но возри на разум свой всеобъемлющий, — олтарь тебе готовлю: ты бог еси! Итак, двух конечных свойств заимствуя, вознесися превыше всяя твари, над нею же поставлен, но не мечтай на земли быти более нежели еси. Но ты человек, есть в тебе надежда, и се степень к восхождению; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебе быть определено, гадай!

Если сия постепенность, если сия лествица восхождения в веществах не есть пустой вымысел и напрасное воображение, то неминуемо надлежит предполагать вещества превыше человека и силы невидимые. От самого неодушевленного даже до человека образы организации возрастают, и по мере искусственнейшего образа многообразнее становятся в нем действующие силы; но далее человека, изящнее и искусственнее его сложения мы не знаем. Он кажется быть венец сложений на земли. Но сии сложения, сколь они ни кажутся быть различны, имеют сходственность удивительную. Во всех трех царствах ростение и соблюдение твари есть усвоение, да и самое питание в животных не что есть иное, как усвоение; во всех трех царствах различие полов кажется быть для распложения необходимым, и что сие различие в царстве ископаемых нужно, кажется зарождение селитры и металов суть тому доказательства. Но сии сходственности вообще возрастают, так сказать, постепенно к совершенствованию от неодушевленного даже до человека; и если захочешь преследовать единую из начинающих сил и обработывание ее в различных организациях, то, взяв в пример единое усвоение, увидишь, что в ископаемых производит она охрустание, не говоря о других ее действиях, в растениях цветы и плод, в животных органы чувственные, орган мысли, мозг. Вообрази же расстояние кристала от органа разума, и помысли, что может единая из сил естества.

Восхождение сие явно во всех сложениях. Чем сложение искусственнее, тем части, его составляющие, многообразнее, различнее и более заимствующие от нижних сложений. Все возможные силы, сколь нам оне известны, соединены в человеке и действуют совокупно: в камени примечается простое усвоение; в ра...

стениях сила растущая и плодящаяся; в животных и то и другое, но паче чувствительность, мысль; а человек познает уже первую всему причину. Но неужели человек есть конец творению? Ужели сия удивления достойная постепенность, дошед до него, прерывается, останавливается, ничтожествует? Невозможно! и если бы других не было причин, то и для того только сие было бы невозможно, что человек телесностию своею столь много различествует от умственности своей, что, находя одной его половине сходственность с веществами нисходящую, нельзя не утверждать бытие восходящей сходственности с другою его половиною.

Уверение наше, что человек в настоящем своем виде не есть организации окончание, что он есть существо двуестественное, уверение сие, почерпнутое из постепенности видов организации, почерпнутое также из постепенности в сложении естественных сил, получит немалое подкрепление, если мы рассудим, вождаясь в том прилежным природы наблюдением, что 1, никакая в природе сила не действует без органа, без свойственного ей орудия; 2, что никакая сила в природе не может пропасть, исчезнуть; а если в том и в другом последовать может убеждение, то явственно будет, 1, что в человеке есть сила, которой тело его есть токмо орудие; 2, что сила сия и по разрушении тела не уничтожается, что может всегда существовать, может жить от тела отделенна, следовательно, что она есть бессмертна.

Что сила не есть орган и, наоборот, что сила не есть действие органа, что сила без орудия, ей свойственного, нам не может быть известна, что сила существует без органа, все сие доказывает опыт. Например: сила магнитная отлична от куска стали, чрез который явны нам ее действия; ибо соверши известные с оною силою опыты, выставь заостренное железо перпендикулярно, оно будет магнит; ударь по острию, магнитную силу имеющему, она в нем исчезает; три его паки в одинаковое направление, и паки приобщится к нему прежняя сила. Из сих опытов явствует, 1, что сила магнитная существует нам невидимо, и в железе; 2, что она нам явна бывает токмо тогда, когда приходит в железо; следует 3, что железо есть орган силы магнитной, а не действие ее; следует 4, что сила магнитная есть сама по себе. То же можно сказать и о силе электрической и проч. И кажется, 1, что все силы естественные невидимы суть и нам явственны бывають токмо, действуя чрез свое орудие; 2, что оне, нашед оное, к нему прилепляются.

Если же мы обратим взоры наши на силы, явственные в организациях, то более еще убедимся, что свойственный им орган нужен, да явственны будут, что оне к органу своему прилепляются, и что оне оный устроят, да сами паки явятся во всем совершенстве. Когда зерно, разверженное теплотою, начнет расти, когда яйцо начнет образоваться в птицу насижением матки, когда животное зачнется во утробе самки, не можно ли сказать, что им сообщается теплота жизненная, как то железу сила

магнитная? Но се и различие силы подчиненной, единственной, какова есть магнитная, от силы жизненной. Едва сия нашла свойственный ей орган, то, прилепясь к нему, усвоит себе все стихии, все силы подчиненные; разверзает или паче творит орган свой посредством усвоения совершеннее. Орган ее совершенствует, и она с ним могуществует и достигает той вершины совершенства, которое орган ее дать ей может. Что есть сила сия, жизнь дающая? Едва ли угадать можем, если скажем, что она есть свет, эфир или что-либо им подобное. Она ли есть средство между души и тела? Она ли есть ее вожатой на образование тела? Что бы то ни было, силе нужен орган, да действует, да явится в деяниях своих; следует, что тело наше есть орган нашей души, в коем действия ее разнообразно являются. И положим, что душа наша есть вещественна; положим, что она не иначе действует, как и другие силы; положим и то (и сие вероятно), что оне в теле посредством нервов чувствовать изучились, что посредством мозга изучились мыслить; положим и то, что она есть та же сила, которая является нам в других образах, например, в движении, в притяжении, в раздражительности; но может ли сила какая-либо пропасть, уничтожиться? Ибо, что такое назовем силы уничтожение? Мы видели, что сложное может токмо разрушиться, но остаются части; но как вообразить разрушение силы? Даже понятие о сем есть противоречие само в себе, более противоречие, нежели сказать, что ничто в ничто обратится. Что всеоживляющий, говорит Гердер, к жизни воззвал, живет; что действует единожды, действует вечно.

И понеже вообразить себе не можем, как сила какая-либо уничтожится, кольми паче нелепо есть воображать, что начало, в человеке действующее, что мыслящее его существо, что душа его уничтожиться долженствует, когда она есть сила, когда сила от органа отлична и не может быть его действие, то как вообразим ее уничтожение, уничтожение силы из всех на земли благолепнейших, себя самую познающих, собою управляющих, в деяниях своих уподобляющихся силе творчей? Она ли может уничтожиться, когда ни единая пылинка, атом единый, не могут изыти из пределов творения! ибо что есть уничтожение? Изъятие из вселенной, претворение в ничто. То и другое суть пустые слова, и опровергать их будет токмо времени потеря бесплодная и невозвратная. Нет! не токмо сила, в человеке чувствующая и мыслящая, не исчезнет; но вследствие непрерывного шествия, в природе явного, она перейдет в другой вещей порядок. Ибо, если в природе явно, что нижняя организация служит для вышней; если грубые земные части в растениях претворяются в тончайшие; если сии суть снедь животным, а все служат человеку, по изречению одного автора, наивеличайшему убийце на земли; если в животных низшие и простые силы претворяются в сложнейшие и тончайшие; если сия элаборация столь приметна в нижней естественности, ужели она остановится при че-

ловеке? Если растения и самые животные служат человеку в пищу, к чему же нужен его мозг и нервная влажность и то, что раздраженность мышц делает? Все силы стремятся выше, да в человеке соединены будут; ужели силы, в нем усовершенствованные, ни к чему не послужат? Ужели наилучшая организация определена разрушиться, не оставляя по себе ни малейшего следа? Или же все силы, теснившиеся в сложении человека, будут напрасны и токмо разойтись определены? Нет; столь безрассудно божество не определяло тут не было бы цели, ни намерения, и мысль всесовершенная, всемогущая, предвечная была бы ненацеленна! Се хуления!

Нашед для нас самих, по крайней мере, в общем шестивии естественности некоторое уверение, что душа наша, яко единая из сил естественных, исчезнуть не может по разрушении тела, к нему же здесь живет прилепленна, мы постараемся отыскать в нас самих чувственных доводов, которые бы водворять могли в душе нашей ближайшее убеждение о ее нетленности; дабы из того усмотреть, угадать, или же предощутить токмо, хотя несовершенно, каково будет ее состояние по отделении ее от тела.

1. Сколь ни искусственны суть доводы Гельвециевы, что все деяния разума суть не что иное, как простое чувствование; что способность понимать, судить и заключать не что иное есть, как чувствовать способность; но хотя бы то так и было, из того следовать только может, что чувственность есть токмо орудие разумных сил, но не действует; что чувствовать (то есть получать на чувства наши ударения предметов) есть самая сила, чувствованиям и мысли действительность дающая. Но паче наблюдения чувствований наших учат нас, что мысль от чувств совсем есть нечто отделенное; ибо когда предмет какой-либо предстоит очам моим, каждое око видит его особенно; ибо зажмурь одно, видишь другим весь предмет неразделимо; открой другое и зажмурь первое, видишь тот же предмет и так же неразделим. Следует, что каждое око получает особое впечатление от одного предмета. Но когда я на предмет взираю обеими, то хотя чувствования моих очей суть два, чувствование в душе есть одно; следовательно, чувствование очей не есть чувствование души: ибо в глазах два, в душе одно. Или же, я вижу колокол, я слышу его звон; я получаю два понятия: образа и звука; я его осязаю, осязаю, что колокол есть тело твердое и протяженное. Итак, я три чувствования имею вдруг, совсем разные, ибо получены мною разными чувствами, но вдруг, в одно мгновение; но я себе из трех чувствований составляю единое понятие, и изрекши: колокол, все три чувствования заключаю в нем. Итак, хотя все три чувствования различны, я вдруг их понимаю; и хотя понятие об образе, звуке, твердости и протяжении суть различные, но существуют в душе совокупно. Итак, чувствование или ударение предметов на чувства наши суть от понятий наша мысленная силы отличны.

Если же отличны суть понятия от чувствования и деяния силы от органов чувственных отличны, то наипаче отличаются от чувственных впечатлений наши суждения, а паче того еще заключения. Суждение есть сравнение двух понятий, или познание отношений, существующих между вещей. Но вещи существуют сами по себе, каждая в своей особенностях; познание же отношений их, сравнение оных предполагает сравнителя. А как вещи производят на чувства наши простые токмо ударения, то суждения от чувствований суть отличны. Не имею нужды расплывать слова о заключениях и рассуждениях, которые суть извлечения из суждений. И хотя все наши понятия, суждения и заключения, и самые отвлеченнейшие идеи, корень влекут от предметов чувственных, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственна? Она суть истинные произведения мысленных силы; и если бы она в нас не существовала, если бы она быть могла токмо следствие нашей чувственности, то не токмо наука числ и измерения не могли бы возродиться, но исчезла бы вся нравственность; великодушие, честность, добродетель были бы слова без мысли и—о всеильный! погубилося бы твое всемогущество. Да не возразят нам примером отроковицы, обретенной в лесах Шампани; что я покоюся и сплю, из того следует ли, что уже руки мои не осязают и ноги ходить перестали? Когда бы сила умственная не была сила по себе, Ньютон был бы не лучше самоседа, и падшее на него яблоко расшибло бы ему токмо нос, и притяжение небесных тел осталось бы неугаданным.

2. Душа в человеке не токмо имеет могущество творить понятия, как то мы видели, но она есть истинный оных повелитель. Когда чувства отнесли ей собранные образа предметов, на них ударявших, когда память соблюла их в своем хранилище, кто может сам у себя отрицать силу воздавать соблюденную мысль в действительность? От сна аки бы воспрянув, велением моея души мысль облакается паки во образ свой и выходит на зрелище пред воззавшую ее. Но сего еще мало. Протекая все исполненные образами вещей хранилища памяти, сила умственная не токмо может их по желанию своему воззывать на действительность, но, аки новая Медея, рассекая на части все образы соблюденные, творит из смешения их образ совсем новый, прекраснейший. Энеида, Генриада—суть ли простые изречения чувствований? Законоположение Ликургово, паче всех земных законоположений согласнейшее во всех частях своих, есть ли произведение чувств? Иль ухо или глаз, или нос были их творители? Когда ты читаешь картину лобзания первого мужа и жены во Эдеме; когда ты воззришь на изображение последнего суда и не почувствуешь, что сотворить могла их единая токмо сила, что сила их образовала во главе Мильтона и Михаила Анжела, то и я на то согласен, отрицаю во главе твоей быть силе; ты кукла Вокансонова.

3. Ничто, по мнению моему, толико не утверждает, что душа есть сила, и сила сама по себе, как могущество ее прилепляться по произволению своему к одной идеи. Сие называем вниманием. И, поистине, когда возникнет в душе воля, и велением ее воззвонится от покоя идея на действительность, воззри, как душа ее обозревает, как она ее раздробляет, как все ее виды, стороны, отношения, следствия она обтекает. Все другие мысли воззываются только для того, чтобы та, на которую устремлено внимание, становилась яснее, блистательнее, лучезарнее. Сравни устремляющего на идею все свое внимание с тем, коего внимание в разные расторгено стороны. Один из них Эйлер, другой большого света стрекоза, расчесанный в кудри и ароматами умащенный щеголь. — Что душа мыслями повелевать может, доказательство тому имеем в состоянии сна и болезней, не исключая и самого безумия.

4. Сон есть то, худо еще познанное, ежедневно возобновляющееся состояние животного, в котором действие внешних предметов на все или некоторые его чувства ему бывает неизвестно. В сем положении мысленность его на приобретение новых понятий неспособна, ибо чувства внешние покоятся; но творительная ее сила не коснеет. Проходя хранилище своих мыслей, она отвлекает от сохраненных понятий свойства по произволению своему и, сопрягая их, вследствие совсем новых правил, производит образы, коих единая возможность для бдящего есть неистощимая загадка. Нет для нее невозможного; свойства, которые противоречащими быть кажутся, для силы умственной, отвлеченной от чувств, суть сходственны; из неправильного она в сновидении творит правильное, из уродливого благолепное; то, что во бдении она едва ли подозревать быти возможно, во сновидении воззывает в действительность. Происшествия целых столетий вмещает она в единую минуту; пределы пространства почти уничтожает своею быстротечностию; беспредельное она измеряет единым шагом и, преторгнув течение времени, объемлет вечность. О, сон! брат смерти и смежность вечности! простри мрачный покров твой на томящееся сердце! да возникнут образы возлюбленных моих предо мною! Да лобжу их и блаженствую!

5. Если мысли сновидящего кажутся быть расстроены по той единственной, может быть, причине, что чрез меру живы суть, то с удивлением взирать должно на лунатиков, или ночных бродяг. Все известные о них примеры доказывают, что они в сонном своем хождении не токмо следуют правильному расположению мыслей, но что в сем положении власть мысленности над телесностию не исчезает; ибо лунатики имеют употребление своих членов подобно бдящим. Что они в сем состоянии предприемлют, поистине удивления достойно. Чужды всякого устрашения восходят на высоты, на которые во бдении с ужасом взирают. Сказать, как некоторый Немецкий писатель, что они для того отважны, что не знают опасности, в которую вдаются, есть

не иное что, как мнить, что можем всему назначить ясную причину. Конечно, лунатик, идущий по кровле высокого строения, не знает опасности; но опасность существует ли для него, или кто его от нее блюдет? Если тот, кто по веревке ходить изучен, опасности в том не знает, то следует ли, что и другой оный отчужден? Опытность, искусство дают сему лучшее шествие. Лунатик, коего чувства внешние в бездействии, вождается источником чувствования и мысли душею.

6. В состоянии сна, когда душа чувств лишена, тогда простая идея толико же жива, толико же явственна, как наивживейшее чувствование. То же самое происходит и в некоторых болезнях. Отторженная насильственно, так сказать, от союза своего с телом болезнию его, она с вящею действительностию вращается сама в себе. Нанудивительнейшие тогда бывают явления, коими врачебные летописи изобилуют. А чтобы не искать дальнейшего примера, будучи я болен жестокою лихорадкою, бывали мгновения, в которые я со врачом, предприявшим тогда мое пользование от сея болезни, говорил Латинским языком столько плавно и правильно, что когда по прошествии моей болезни о том мне сказывали, я дивился тому немало; ибо хотя я разумел язык древнего Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяснял на оном моих мыслей, и всегда мне стоило великого труда сложить период единый. Итак, посредством хотя мозга, но внутреннею своею силою, душа, в каком бы ни была состоянии, не может отчудиться своея деятельности в творении мысли; и если не может творить что-либо правильное, творит хотя урода, но творит, созидает, зиждет.

7. Воззри на лишенного рассудка, воззри на беснующегося. Ты скажешь, что душа ничтожествует в них, что нет ее, что орган мысли расстроенный равняет их скоту, зверю. Но наблюдаи шествие его мысли. Пораженный единою идеею, он все относит к ней, все к ней прилепляет; он не так судит о вещах, как оне ему представлялися, последование его мысли не сходствует с чувствованиями, их родившими; он все сочетает новым порядком, все наклоняет под властвующую над ним мысль. Се беснование его! судит же сам; се вышняя токмо степень внимания; и для того, различныя ради хотя причины, по просторечию речем: юроде! ты еси человек божий!

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направлению следует сочетание наших идей? Приметили ли вы, как с детства душа ваша училась сравнивать, измерять, училась совершенно и посредством чувств? Но как можно сказать, что чувства наши чувствовать учились? Не оне, но душа; ибо образ, в глазу начертанный, был с первого дня таковой же, как днесь. Но ведало ли дитя, что есть сей образ? Взирая на Ивана Великого, чувствует ли оно уродливую его соразмерность? Или: рассматривая Баженовы образцы зданий, понимает ли, что в зодчем сем присутствен дух Браманта? Когда бы я не имел убеждения ни

откуда, что сила душевная, что разум есть особое что-либо от телесности, то вообразил бы я себе Фридрика II в его детстве, взирающего на устройство войск Принцом Ангальтским, и потом стоило бы мне токмо взглянуть на его размерение долины при Мольвиге. Там взор веселящегося куклами; здесь око орлиное, одушевленное славы алчною. Там есть токмо простое чувствование; здесь мысль ироя, переходящая в действительность. О если бы, великий муж! слава твоя не стоила толиких слез человечеству, толиких стенаний! —

9. Мне кажется, одно из сильнейших доказательств о бестелесности души можем мы почерпнуть из нашей речи. Она есть наилучший и, может быть, единственный устроитель нашей мысленности; без нее мы бы ничем от других животных не отличались, и сие доказывают жившие нечаянно от людей в отдалении совершенном. Кто сказать может, что речь есть нечто телесное? Тот разве, кто звук и слово почтет за одно. Но поелику различествуют сии, тако различествует и душа от тела. Звук ознаменует слово, слово возбуждает идею; звук есть движение воздуха, ударяющего в тимпан органа слышания, но слово есть нечто живое, до тела нашего не касающееся; слово идет в душу; звук в ухе исчезает.

10. Чувственное расположение тела всякого животного уведомляет, что оно существует, что оно живет. Равно чувства напоминают человеку о его чувственности; но сие познание своего бытия в животном столь тупо, столь мрачно, так сказать, что с самопознанием человека ни в какое сравнение войти не может. Он один столь живо, столь ясно ощущает, и что он существует, и что он мыслит, и что мысль его принадлежит ему. Когда душа его возносится к познанию истины, и он ее уловляет в ее святости, тогда-то наипаче возрождается в нем яснейшее познание бытия своего, и сия ясность его особенности, столь живая, столь единственная, столь неразделимая, знаменует внутреннее его могущество, силу в нем живую.

Возражают утверждающим души бестелесность, а потому и бессмертие, что тело действует на нее всемогущественно; но внимали ли вы когда, колико власть души над телом оное превышает? Мы видели, что мыслями она повелевает, что рождает она их; но она толико властвует или может властвовать над нашими желаниями; но не токмо над желаниями, но над самою болезнию телесною она владычествовать может, и не токмо владычествует над нею, но, яко сон, производит то невольным образом, человек может сложить с себя чувствительность самопроизвольно и жить бестелесен в самом теле. Рассмотрим все сие порознь и преждем потом к способности совершенствования в человеке, в которой мы обрящем корень будущия нашей жизни.

1. Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностию столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует рука

твоя? скажи, что движет твои ноги? в главе родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? Конечно, и то и другое, или тому подобное. Но как бывает, что мысль, и всегда почти неясная, движет член? Ты скажешь: не ведаю; и я скажу то же. Но в том согласиться должен, что сколь бы махина ни была искусственна, какая бы из вещественных сил, опричь мысли, ей ни была дана, то никогда не произведет действия подобного твоему; ей будет нужен источник движения, который живет в тебе: она себе велеть не может. Толкни ее, она движется, а без того стоит; но движение твое принадлежит тебе: ты еси единый от источников оного. И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хошу, — и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действие; всесильный рек: да будет свет, — и бысть. И ты речешь себе; иди, — и шествуешь. О, человек! В округе своей ты всесилен; ты еси сын мысли! ты сын божий!

2. Колико человек властен над своими мыслями, толико же он властен и над своими желаниями и страстями. Хотя мы видим, что большая часть людей предаются стремлению оных, но суть и были примеры, что люди страсти свои совсем попрали; и хотя оно безумием кажется и казаться может и нередко то быть может, но тут видима власть души над телом, и власть сия есть самодержавна. Протеки житие древних пустынножителей и скажи, что тело их было душе не подвластно. Если удивляешься воздержанию Сципиона, не хотевшего зреть своя прекрасная пленницы, то для чего же не дивишься воздержанию пустынножителей? Умерщвление страстей совершенное есть уродливо: ибо противоречит цели естественной; но есть явное и сильное доказательство власти души над телесностию. Если бы и душа была телесности действие и произведение организации, то примеры толикого безумия не могли быть никогда. И се видишь, что и в самом отчуждении рассудка душа действует, вследствие особых правил, и не телесно.

3. Но самые страсти, самые желания наши суть действия нашей души, а не телесности. Хотя корень их веществен есть, хотя и цель оных нередко такова же; но что дает страсти в человеке толикую энергию и силу? Что силы дает ему на преодоление препятствий? Все, что делает тело, все вяло, все тяжко. Душа действию дает жизнь, и все легко. Воззри на влюбленного, воззри на сребролюбца, воззри на алчущего славы. Или думаешь, что одна телесность их вождает? И дабы менее усомниться, что не токмо душа дает страстям ту удивительную действительность, которая в них примечается, то возьмем в пример нантиелеснейшую из страстей, любовь. Кто не знает, что любовь Платоническая на земле есть бред, что источник и цель любви суть телесны? Но вообрази себе все, что человек любви ради

подъемлет; пройди примеры многочисленные, где любовь, отделяя своего начала, где цель свою теряя из виду, дает душе влюбленной (ей! душа влюбленна есть) столь силу превосходную, энергию толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мысленна. А дабы убедиться, что страсть есть действие, и действие ее единственное, то сколь скоро тело становится части причастно, то страсть исчезает. Из сего судить можем, чем предмет страсти менее веществен есть, тем она живее быть может и продолжительнее; чем удовлетворение страсти бестелеснее, тем страсть продолжительнее. О дружба! о страсть души усладительная! если ты на земле бываешь надежнейшая отрада сердца, то что будешь ты, когда душа, отрешенная от чувств внешних, сосределяясь сама в себе, вознесет действительность свою на превыспреннейшую возможность? Какое будет наше чувствование, когда усретимся за пределами мира сего? Где взять ему имя, когда едва ли мысль может его постигнуть? Пускай я брежу; но бред мой мое блаженство есть; и разве зависть, разве мучительство захочет прервать мое сновидение! не бойтесь; мгновение сие изъято из пределов мира, и кто за них возможен?

4. Что душа или мысленность властвует над болезнями тела, то может быть и бывает двояко. Болезнь возможен она дать телу и болезнь отъяти. Я не утверждаю, что все болезни в мысленности имеют свое начало; сие было бы нелепо и опытам противоречуще. Но если во множестве неисчисленном оных суть несколько, которые суть мысленности действие непосредственное, то утверждаемое мною уже более нежели вероятно; равно не утверждаю, что на все болезни лекарство существует в мысленности или душе. Но если имеем примеры явные, что многие единственным и простым действием души были исцеляемы, то кажется, что бы и сии духовные лекарства достойны равное в диспейсториях заслуживать место, как то: хина, меркурий и весь прочий аптекарский припас. Если кто спросит у меня: каким образом душа дает болезнь телу, и как она его лечит? Лечит она его, не щупая пульса и не смотря на язык; болезнь же дает, не отравляя. Более не скажу, ибо не знаю; но то, что всем известно быть может, на том основан будет мой довод.

О! вы, на коих печаль простирала свое жало, свидетельствуюся вами. Вас видел я в изнеможении телесном, вас бесчувственными я зрел, когда разящая весть блаженства вас лишенных объявляла. Или единое слово столь могущественно быть может, что угрожает жизни? Но что оно? Зыбление воздуха. Ужели он толико мгновенно может исполниться ядом и отравой, что шлет смерть и болезни? Какая зараза рассеет в нем мгновенно; какое вещество, какое химическое действие воздух жизненный может претворить в воздух горючий и смертоносный?—Но на что печали посредство зыблющегося воздуха, — да произведет в тебе болезнь, обморок, бесчувствие? Се лист, се хартия дается тебе

в руку; черты изображения на ней произвольные. И се чело твое бледнеет, мутятся взоры, нем стал язык, мраз обтекает всю твою внутренность, и труп твой валится долу. Или паче ядовитого взора баснословного василиска хартия сия и черты отраву носят? Или же зелием паче мышьяка и сулемы оне упитаны? Не манкательное ли се древо, мертвящее всех, под листвием его покоющихся? Но почто же один ты страдаешь? Почто электризуем ты один? — Возлюбленные мои! нет нужды нам искать решения задачи сей инде: она имеет корень в мысли. Слово, изреченное или начертанное, возбуждает волнение мысленности. Расстроенность произведет болезнь. Душа болит, душа страждет: от того болит и страждет тело. Когда источник отравлен, возможен ли истечение его быть здорово? Я прехожу здесь многочисленные и неисчетные примеры действия души над телом, коего конец была болезнь. Но дабы временно хотя улыбаться, говоря о страданиях человечества, мне помнится, где-то я читал, что женатый муж ощущал всегда страдание, когда жене его время приспевало разрешаться от беременности. Находят в сем примере иные отменно сходственное сложение нервов; но я признаюсь, сего истолкования не понимаю; другие же, разрешая узел, говорят: се вымышленное!

Прейдем на мгновение к увеселительнейшим предметам и ощутим души над телом действия благотворного. На всех сослаться в том можно, да и кому того испытать не случилось, или быть свидетелем самому или же слышать от свидетелей достоверных, сколь существительные иногда бывают действия души над телом. Кому не случилось быть больным и получить или же чувствовать хотя мгновенное облегчение при посещении возлюбленных нами? Древность сохранила нам пример (жаль, что история часто не что иное есть, как рассказы), сколь душа может дать болезнь телу и сколь могущественно она его исцелить может.

Юноша в бодрственных и цветущих летах начал изнемогать во здравии своем; увяла лица его живость, твердость мышц его онемела, смертная бледность простерлась по челу его, и, лишенный сил, на одр возлег. Все врачебные средства, все лекарства были напрасны, и болезнь его ускользала от проницания врачующих; восседая при одре болящего, единый от них, совокупляя с искусством своим дух любознательный, столь редкий в сем соединении, заметил в юноше движение необычайное, когда приходила младая Стратоника, жена отца его, а его махиха, к нему на посещение; кровь текла быстрее, взоры яснее становились, и юноша воззывался к жизни; когда же она отходила во свои чертоги, то паки истощевались его силы, и смертовецательная слабость обымала его паки, и каждый раз с вящим стремлением влекла его ко гробу. Удостоверясь в истине сей, он глас утешительного дружества простер во уши болящего, и, возывая надежду в отчаявшееся блаженства сердце, излек

из стнящего сердца таинство, которое добродетель сама от себя скрывать тщилась под густейшим мраком. Краснеть, стыдиться уже немощен, вещает юноша ко утешающему врачу: кровь мерзнет, чувствую, и отлетает жизнь; се вожденная смерть!.. Прииди, о жизни моей жизнь! услышь последнее прощание! твой взор остановит отлетающую душу; произнесу имя твое и умолкну навеки!—Подав надежду умирающему, врач уведомляет немедленно отца о испытанном таинстве. Любя жену, но любя сына, любовь отца в хладном уже от старости теле превозмогла слабую, может быть, страсть и тем паче, что он зрел, сколь любовь сына его была целомудренна и, сокровенна в едином его сердце, довела его до преддверия гроба. — Почто скрывал ты скорбь свою от отца своего? — вещает старец. Живи, если жить можешь, с Стратоникую: она твоя! — О любовь! богов и человек услаждение! ты к смерти юношу приблизила, ты паки ему жить повелеваешь. — Он стал здрав и верный супруг возлюбленной Стратоники, был блажен. Если пример сей есть не что иное, как изобретение стихотворческое, то и тогда он истинен: ибо в пределах лежит естественности; есть не чрезмерный и не токмо возможный, но вероятный.

Множество есть примеров исцеления болезней без всякого врачевательного посредства. Те, кои рассудить не хотят или не умеют, находят в них всегда чудесность, и чем менее просвещения, тем чудес больше. Многие повести о таковых чудесах суть лживы, но многие могут быть вероятны; если то истинно, как те увидим, что мысль может человека лишать чувствительности, то для чего дивиться, что надежда излечения излечить может? Примеры таковые бывали и бывают и, отложив все баснословное из происшествия излечившейся девки в Москве после сновидения, что она выздоровела без лекаря, то правда. Приписывают то непосредственному содействию божества, то есть противоестественному действованию его могущества. О, всевышний! уста мои заграждены на таковое существа твоего уничтожение! Действие то божественныя силы, то истинно; оно есть непосредственно или является чрез посредство какое-либо, того не ведаю; оно чудесно, ибо необыкновенно. Но как быть ему чрезъестественну? Всеотче! Ты еси повсюду! Почто ищу тебя, скитаяся? Ты во мне живешь; и если мы помыслим, то чудеса твои еже часно возобновляются, но не исходя за пределы естественности; в ней нам ты явен, явен впоследствии непреложных и непременных ее законов, тобою положенных. Естественность твоя есть чувственность; что ты без нее, как ведать нам?

5. Что мысленность и телесность в тесном находятся сопряжении, то всяк ощущает; что действия их суть взаимные, то всякому известно; но что человек забывать может свою телесность и жить почти в своей душе или мысленности, тому не все верят; да и не всяк только властвующ над собою, чтобы такую в себе отделенность производить мог. Возьмите все примеры

древние и новейшие, в коих мысленность столь является блестяща и пренебрежена телесность; вспомните Курция, во хлябь разверстую низвергающегося; вспомните Опдама, Сакена, с кораблями своими возлетающих; приведите на память многочисленные примеры отторгнувшихся жизни и возлюбивших смерть; соберите все примеры отъявших у себя жизнь из единого оныя пресыщения, примеры, в Англии столь частые; болезнь *сплин* почитается тому причиною. Но что бы то ни было, везде явна власть души над телом. И поистине, нужно великое, так сказать, сосредижение себя самого, чтобы решиться отъять у себя жизнь, не имея иногда причины оную возненавидеть. Ужели скажут, что и тут действует единая телесность? Как может сгущенные соков или другая какая-либо погрешность в жизненном строительстве произвести решимость к самоубийству, того, думаю, никто не понимает. Но когда душа вещает телу: ты узы мои! ты моя темница! ты мое терзание! я действовать хочу, ты мне воспышаешь! да рушится союз наш, прости во-веки! то сколько бы жало смерти болезненно ни было, притуплено единою мыслию, сладостнее, увеселительнее становится паче всех утех земных. Если покажется кому-либо, что лишить себя жизни не столь много требуется твердости духа, как кажется, ибо прехождение сие есть мгновенно, миг един, — то сомневающимся еще во власти души приведем в пример тех, которые не токмо смерть пренебрегли и равнодушно на нее взирали, но толико мысленностию отделилися от тела, что всякое мучение для них было легко и терзание нечувствительно. Вспомяните Амвросия, умирающего под повторяемыми ударами разъяренной и суеверием подстрекаемой Московской черни. Господи! отпусти им! — был глагол праведного: не ведают бо, что творят! — Вспомните Корнелия де Вита, поющего Горациеву песнь среди бунтующей Амстердамской черни, Оранианскими общниками прельщенной. Примеры мучеников, примеры диких, смеющихся среди терзаний, вам известны: и если не власть души тут явна, то где ж она быть может? А если и сие не убедительно еще, то кто не знает, что Руссо многие из своих бессмертных сочинений написал среди болезни непрестанной. Мендельсон, страдавший от несказанной слабости нервов многие лета, мог терпением, напряжением мысли еще в старости своей вознестись паки на высоту своей юности. Гарве чрез долгое время не мог ни читать, ни писать, даже мышление его было ему тягостно, превозмог оное и написал потом изящные примечания свои на Цицерона; но се его слова: благословенна буди, вещает он, — и самая немощь болезнующего тела, толико часто меня научавшая, сколь дух над телом возмогает! Верьте, то ведаю от опыта моего, что напряженне духовныя силы может подкрепить расслабленное тело и до известныя степени дать ему жизнь новую. Также ведаю, когда душа покоится, то и волнующаяся кровь тихое приемлет обращение, и встревоженные соки жизни смиряются; самая бо-

лезнь, если она не превышает меры, бежит от продолжающегося отпорствующия ей души терпения. Я своего примера дать по толиких не дерзаю; но то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю ее объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек не-сется в страну мысленную; время и пространство исчезают пред ним; он сокрушает все пределы, и занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна.

Конец третьей книги.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Вот, мои возлюбленные, все, что вероятным образом в за-
щищение бессмертия души сказать можно. Доводы наши, как
то вы видели, были троякие: первые почерпнуты были из суще-
ства вещей и единственно метафизические. Они нам непрерыв-
ным последствием посылок, одной из другой рождающихся,
показали, что существо в нас мыслящее есть простое и неслож-
ное, а потому неразрушимое, следовательно, бессмертное, и что
оно не может быть действие сложения нашего тела, сколь ис-
кусственно оно ни есть; вторые, основываясь на явственной
восходящей постепенности всех известных нам существ, но воз-
главив сея постепенности, сея лестницы в творении зримой
явили нам человека совершеннее всех земных сложений и орга-
низаций; в нем явны виделись нам все силы естественные, тес-
нящиеся воедино, но видели в нем силу, от всех сил естествен-
ных отличную. Из того вероятным образом заключали, что
человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать,
ибо если невозможно и само в себе противуречущее, что какая-
либо сила в природе исчезала, то мысленность его, будучи всех
сил естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не
может. Третьего рода доводы, заимствованные из чувственности
нашей, из нас самих извлеченные, показали нам, что мыслен-
ная в нас сила от чувственности отлична, что она хотя все свои
понятия от чувств получит, но возмогает творить новые, слож-
ные, отвлеченные; что она властвует над понятиями нашими,
воззывая их на действительность или устремляясь к единой;
что в отвлечении случайном от тела, мысленность не забывает
творительную свою силу, как то бывает во сне или в некоторых
болезнях: что сочетание наших идей с детства, что речь наша,
а, паче всего, что явственное наше о нас самих познание суть
убедительные доказательства, что мысленность наша не есть
явление наша телесности, ни действие нашего сложения. На-
конец, показали мы, дабы отразить зыблющееся хотя, но кази-
стое доказательство о всевластвовании тела нашего над душою,
показали мы, повторю, что власть души над телом оную гораздо
превышает; и для сего привели примеры из опытов ежедневных,
утвердив неоспоримо, что вина и корень всех движений телес-
ных есть мысленность; ибо в ней есть источник движения,
а потому не можно ли сказать, что в ней есть и источник

жизни; привели мы примеры, колико человек мысленностию своею властвующ над своими желаниями и страстями, что она возмoгает дать телу болезнь и здравие, и присовокупим, и самую смерть; что напряжение мысленности отвлекает ее от телесности, и делает человека способным на преодоление трудов, болезней и всего, под чем тело изнемогает без содействия души. Утвердив таким образом души неразрушимость, дерзнем поднять на самую малейшую дробь тяжелую завесу будущего; постараемся преуднать, предчувствовать хотя, что можем быть за пределами жизни. Пускай рассуждение наше воображению будет смежно, но поспешим уловить его, потечем ему во след в радовании; мечта ли то будет, или истинность; сблизиться с вами когда-либо мне есть рай. Лети, душа, жаждущая видети друзей моих, лети во сретение и самому сновидению; в нем блаженство твое, в нем жизнь.

Три суть возможности человеческого бытия по смерти: или я буду существо таковое же, какое я есмь, то есть, что душа моя по отделении ее от тела паки пройдет и оживит тело другое; или же состояние души моя по отделении ее от тела будет хуже, то есть, что она пройдет и оживит нижнего рода существо, например, зверя, птицу, насекомое или растение; или душа моя, отделенная смертию от тела, пройдет в состояние лучшее, совершеннейшее. Одно из сих трех быть долженствует, ибо хотя и суть вообразимые возможности иного бытия (чего не настроят воображение!), но на поверку всегда выходить будет или то же, или хуже, или лучше, четвертого вообразить не можно; но одному из трех быть должно, буде удостоверилися, что сила мыслящая в нас и чувствующая, что душа не исчезнет. Все сии возможности имели и имеют последователей; все подкрепляемы доводами. Рассмотрим основательность и вероятность оных и прилепимся к той, где вероятность родить может если не очевидность, то хотя убеждение. Блаженны, если вступим в путь истинный; сожаления будем достойны, но не наказания, если заблудим; ибо мы во след течем истине, мы ищем ее со рвением и нелицемерно.

Для удостоверения, что человек или кто-либо от людей бывал уже человек, но под образом другим, или же что кто-либо из людей бывал зверем или чем другим, но не человеком, нужно, кажется, ясное о том воспоминание; нужно, чтобы оное часто было повторяемо, чтобы было, так сказать, ощутительно; ибо пример единственный не может быть доводом или, лучше сказать, свидетельством того или другого доказательством не почтено, да хотя бы сто таковых было свидетельств; для того, что могут быть причины таковому свидетельству, основанные на предубеждениях или выгодах.

Хотя мнения сии не заслуживают почти опровержения, но взглянем на них любопытства ради и возвесим на весах беспристрастия. Древние Гимнософисты и Бракмань и нынешние

Брамины говорят, что человеческая душа в награждение за добрые дела, на земле соделанные, по отделении ее от тела смертию, преселяется в овцу, корову или слона белого; в возмездие же за дела злые преселяется в свинью, тигра или другого зверя. Древние Египтяне также думали, что души их переходили в животных и растения и для того столь тщательно избегали убийства животных, дабы не убить отца своего или мать или не съесть их в тюрьме.

Сию гипотезу можно наравне поставить со всеми другими вымышлениями, для награждения добрых дел и для наказания худых. Тартар и поля Елисейские и Гурии все одного суть свойства, бредни. Древние Кельты чаяли в Раю пить пиво из черепов своих неприятелей. Спроси Русского простолюдима: каков будет ад? — Язык немеет, — скажет он в ответ: будем сидеть в кипячей в котле смоле. Все таковые воображения суть одного рода; разница только та, что одна другой нелепее. Случалось вам видеть картину страшного суда, не Михаила Анжеля, но продаваемую в Москве на Спасском мосту? Посмотрите на нее и в заключении своем не ошибетесь; и смело распространяйте оное на все изобретения, представляющие состояние души хуже нынешнего, хуже нежели в сопряжении с телом.

Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находят будто правдоподобие имеющие доводы. Великие мужи, говорят они, суть всегда редки; нужны целые столетия, да родится великий муж. Но то примечания достойно, что великий муж никогда не бывает один. Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки от мрака к бытию, как будто от сна встают пробужденные, да воскреснут во множестве.

Если бы произведение великого мужа для природы было дело обыкновенное, то бы равно было для нее, да произведет его, когда бы то ни случилось, и тут и там, одного, двух. Но шествие ее не так бывает. Великий муж один не рождается, но если обрели одного, должны быть уверены, что имеет многих сопутников. И кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда рождаются на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; рождаются на пробуждение разума, на оживление добродетели. Подобно, как то уверяют, что землетрясение есть нужное действие естественного строительства на возобновление усыпляющихся сил природы, так и великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оныя, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся уснувшие души качества и силы ее да воскреснут. Если же еще помыслим, что не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа, но он бывает таков от природы врожденным неким чувствованием или вышшим будто вдохновением, то не подумал ли помыслить, что почти невозможно единого жития течения на произведение великого мужа, но нужны многие; ибо известно всем, сколь мешкотно, сколь

тихо бывает шествие наше в учении нашем, и распространение знаний не одним делается днем. Итак, можно вероятно заключить, что великий муж не есть новое произведение природы, но паки бытие, возрождение прежде бывшего, прежняя мысленность, в новые органы облеченная. Даже история сохранила примеры о воспоминавших о прежнем своем бытии. Пифагор помнил то ясно, Архий, Аполлоний Тианейский, и если б мнение таковое не было нашему веку посмеялищем, то можно подумать, что бы многие о таковом прежнего их бытия воспоминании дали бы знать свету, но паче сего можно сослаться на каждого собственное чувствование, если только кто захочет быть чистосердечен. Не имели ли мы все или многие из нас напоминовения о прежнем состоянии, которое не знаем где вклеить в течение жизни нашей? В начальные дни жития нашего случалось бывать на местах, видать людей, о коих поистине сказать бы могли, что они уже нам известны, хотя удостоверены, что их не знаем; откуда таковые напоминовения? Не из прежнего ли бытия, не прежняя ли жизни? Не для того ли они бывают иногда столь же сладостны, что уже были чувствуемы? Если всякой о сем вспоминать не может, то для того, что прилепленный к телесности чрез меру, не может от нее отторгнуться. Но те, кои упражняются в смиренномудрии и мысленности, тем таковое напоминовение легко быть может; чему и дали примеры Пифагор, Аполлоний и другие. Таковыми-то доводами, любезные мои, стараются дать вид правдоподобия нелепости, и смехотворному дают важность.

Колеблюся, нужно ли опровержение на таковые надутые доказательства; ибо известно, что нужно Пифагору было о себе сказать, что он был прежде Евфорбий, для того, что он утверждал преселение душ. Можно было и Аполлонию говорить то же; ибо если мог делать чудеса, всеми зримые, то верили ему, что он облечен уже в новой образ. Но ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние всевышнего могущества, и что всякий чудодеец есть богохульник. Вот для чего Шведенборг почитается вралем, а Сен-Жермень, утверждавший бессмертность в теле своем, есть обманщик. Какое пустое доказательство, что для произведения великого мужа прерождение нужно, да и в чем состоит таковая прерождения необходимость! Тот, кто может произвести великого мужа, может его произвести в один раз, равно как и в два. История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции, Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедши до Протекторства, явил великие дарования политические, как-то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу

монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа. Фридрих II не на престоле остался бы в толпе посредственных стихосплетчиков, и, может быть, ничего более.

Что многие великие мужи рождаются вдруг, то естественно есть и быть так долженствует. Изъятия тому есть, но редкие. Редко возмозаает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих. Уготовлено да будет место на развержение; великие души влекутся издалека, и да явится Ньютон, надлежало, да предшествует Кеплер. Естественно, говорю, чтобы великие мужи являлися вдруг, а не поодиначке. Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар велий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва един возмог, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепитися к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и яко вследствие законов движения, удар, данной единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим, в едином ли то направлении или раздельно, так и Електр души, возродяся единожды, изливается во все окрестности и стремится, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравненности.

Сколь тоще, сколь пусто доказательство, взятое из напоминовения, когда виды, новые предметы, кажется, будто видим виденные! столь верно, что сие напоминовение происходит от виденных, но подобных, хотя не самых тех, сколь верно, что все наши понятия происходят от чувств наших. Сочетание мыслей на яву имеет то же шествие, как и во сне; разность только та, что рассудок останавливает уродливое сочетание; но если вдашься воображению своему, то все чудесности небывалого Елдорады будут скоро действительны. Та же сила, которая напоминает при воззрении на новые предметы, будто они уже суть виденные, сочетая воедино виденного по частям, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря, и в Петерянной Рай вместить все изящности и все нелепости. Кто на яву ссылается на воображение, находится в опасности, что скоро забредит.

Но если предыдущие две возможности о посмертном нашем бытии суть произведения детства, а, может быть, и дряхлости рассуждения человеческого, — что столь же, кажется, нелепо думать, что я буду по кончине моей слон белый, как новой Чингис, Европы завоеватель, — возможность третия, то есть, что состояние наше посмертное удобриться долженствует, во всем нами прежде сказанном многие имела доводы, и, дабы ее утвер-

дить паче и паче, войдем еще в некоторые подробности. Может быть, я заблуждаю, но блуждение сие меня утешает, подавая надежду соединиться с вами: подобно, как будто привлекательное какое повествование, в истинности никакой основательности не имеющее, но живностию своих изображений, блеском картин и сходствием своих начертаний удаляя, отгоняя даже тень печального, влечет воображение, а за ним и сердце в царство хотя мечтаний, но в царство веселий и утех.

Мы видели и для нас по крайней мере доказанным почитаем, что в природе существует явная постепенность, что, восходя от единого существа к другому, мы находим, что одно другого совершеннее или, сказати точнее, одно другого искусственнее в своем сложении; что в сем веществ порядке человек превышает всех других равно искусственнейшим своим сложением, совершеннейшею своею организациею, в которой толико явственно соединены многие силы воедино, а паче всего умственную свою способность; тщательное наблюдение человеческого воспитания показывает нам, сколь способности в нем углубляются, ширятся, совершенствуют; история учит, колико народы могут в общем разуме своем совершенствоваться.

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная. Мне кажется, все равно сказать, что всеотец научил нас говорить каким-либо посредством, или, дав нам органы речи, он дал и способность говорить. Но, кажется, излишнее будет рассмотреть, каким образом, поколику речь к совершенствованию нашему способствует: ибо из того и явствовать будет, что водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная.

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъявляющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный, изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значущий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, — то в другом порядке вещей сие совсем показалося бы шелепым, невозможным: ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все. . . —

и ты, о всещедрый дарователь, и ты, о всесильный, не изъедем. . . — все преобразуем в малое движение воздуха, и аки неким волхвованием звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внемлите произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно: ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общезжитию из лесов и дебрей, в них бы скитались, аки звери дубровни и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока, и добродетель сотворил любезною? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладевшего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенныя, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва всесильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию, или мысль преобразил в чертоносное лепетание, — как будто окрест вращающегося среди густейшия мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину ваяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило. Если оно в человеке столь чудесно, столь чудодейтельно, то что возможет речь предвечного? Какой ее орган, какое знамение, кто может то ведать?

Но сия божественность, нам присвоенная, сия степень к совершенству, сей толико блестящий дар всеотца, речь наша, столь сама в себе малосущественна, столь зыблющаяся, столь летуча, что несовершеннее средства к нашему устроению, что бреннее союза между людьми почти себе нельзя представить. Конечно, и естественность наша здесь на земле толико несовершенна, что лучшее средство ее бы превышало, тяготило, словом, выше бы было человечества; ибо рассуди: речь выражает токмо имена, а не вещи, а потому человеческий разум вещей не познает, но имеет о них токмо знаменья, которые начертывает словами. Итак, вся человеческая наука не что иное есть, как изображение знамений вещей, есть роспись слов; да иначе и быть невозможно. Внутреннее существо вещей нам неизвестно; что есть сила сама в себе, не знаем, как действием следует из причины, не знаем, да и не имеем чувств на постижение всего того. О че-

ловек! когда, возгордившись паче меры, ты возлетаешь в чувствовании твоём, помысли, что знание твоё, что наука твоя есть плод твоей речи, или, паче, что она есть собрание различных звуков, помысли, и усмирися.

Вот, возлюбленные мои, вот на чем основаны человеческие познания. Мысли наши суть токмо знаменья вещей, выражаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения или союза между мыслию и словом; ибо все равно было назвать дурака дураком или вашим; в сем ни малейшего сомнения не может быть. Сколь скоро два языка кому известны, то сие явно. И се обильный источник наших заблуждений: ибо поелику во всех языках каждая вещь имеет уже название, и все несложные мысли свои знаменья, то когда возродится мысль новая, то * дают ей знамение, сложенное из прежних. Если ты разумеешь под знаменем то, что я, то мы друг друга разумеем; если же ты понимаешь иначе, то и выходит разгласие, вздор. Равно, как бы один говорил по Еврейски, а другой по Русски. Таковы-то однако же суть большею частию все мнения философические, все исповедания. Один сказал: да, — другой разумел: нет, — а третий и то и другое: от чего случается, что от первого изрекшего знамение вещи оно хотя переходит в том же звуке заключенное чрез многие столетия, но мысль, с ним сопряженная, различествует от первой, как день от ночи. Таковы суть и были наипаче мнения человеческие о вышней силе. Люди называли ее богом, не имея о ней ясного понятия. Вот как разум человеческий бродит, ищет истину, но вся мудрость его, все глубокомыслие заключены в утлом звуке, из гортани его исходямом и на устах его умираемом.

Не место здесь говорить о письме, которое не что иное есть, как произвольно начертанные знаки, кои означают звук, нами произносимой, слово. Но да позволено нам будет следующее токмо рассуждение: поелику звук, выражающий знамение вещи, есть произвольный, то на место сего звучного выражения, слуху нашему внятного, поставь выражение произвольное, подлежащее другому чувству, — то будешь иметь речь, не гласом произнесенную, но зримую, но вкушаемую, но обоняемую, но осязаемую. И се понимать можем, как изобретены письмена, которые суть истинная речь для органа зрения. Примеры лишенных некоторых чувств доказывают ясно, что речь, или произвольное выражение знаменья вещей, может вместо звучных знаков вмещаться в знаки, другим чувствам подлежащие. Глухие, а потому и немые изъясняются знаками и мысли свои заключают в знаках, подлежащих зрению. Из сего понятна возможность изучить их разуметь речь писанную, что Аббат де л'Епе произвел в действо с удивительным остроумием, а может быть,

* Доколе вещи не дано имя, доколе мысль не имеет знаменья, то она разуму нашему чужда, и он над нею не трудится. Дабы усвоить разуму какое-либо познание, нужно прежде всего ее ознаменовать.

взирая, каким образом немые изъясняют свои мысли, и видя, что они на место звучных знаков поставляют знаки зримые, изобретатель письмен внял, что им подражать можно, и начертал азбуку. А хотя он, по изречению одного славного Немецкого сочинителя, действовал между человеками, яко бог, но, заключая летущий ум в букву, он был не первый, который изобрел речь зримую. Живописец прежде его беседовал уже с нашими взорами; начертание образов зримого, картина была первое зримое изображение, речь звучную заменяемое; живопись родила Иероглифы, а сии гораздо уже позже — буквы.

Если бы другие наши чувства столь же удобны были на понимание речи, как ухо и глаз, то бы, конечно, можно было сделать азбуку обоняемую, вкушаемую или осязаемую. Хотя и видали примеры, что слепые могли различать цветы посредством осязания и, может быть, возможно было двух слепо-и немо-рожденных изучить сообщать друг другу свои мысли, но речь обоняемая, речь вкушаемая и даже речь осязаемая не могут быть толико совершенны, как речь зримая, а паче того речь звучная: ибо сия едина в произношении своем есть разновиднейшая и соответствующая истинному органу слова. Но едва человек мог соединить речь звучную с речью зримую, то потек на изобретения, дерзнул на возможность, и успел. Итак, сколь ни брэнна, сколь ни зыбка есть речь наша, яко средство совершенствования, однако к оному была она одно из сильнейших. Подражание, речь, рассудок были руководители его к изобретению и расширению наук и художеств. Да и в самом диком состоянии человека, в первенственном его состоянии, в состоянии естественном сии руководители его не оставляют. Сила мысленности его столь же могущественна, как живущего в просвещеннейших государствах, ибо, что язык одного народа искусственное, изглаженнее другого, что мысленная округа его расширеннее, пространнее, обильнее, из того не следует, что все особенники народа суть разумнее, в мысленности могущественнее наименее совершеннейших народов. Изобретал мысль един, другие же, яко пленники, к колеснице торжествователя сего пригвожденные, бредут ему во след. Они говорят говоренное, мыслят в мысли другого, и нередко не лучше суть младенца, лепечущего во след своя няньки.

Итак, в каком бы то состоянии ни было, человек удобряет свою чувственность, острит силы мысленные, укрепляет понятие, рассудок, ум, воображение и память. Он приобретает несчисленное количество понятий, и из сравнения его рождаются понятия о красоте, порядке, соразмерности, совершенстве. Побуждение его к сожитию ввело его в общественное житие, и се разверзаются в нем новые совершенства. Права и обязанности, в общежитии им приобретенные, возводят его на степень нравственности; се уже рождаются в нем понятия о честности, правосудии, чести, славе; уже из побуждений к сожитию рождается

любовь к отечеству, к человечеству вообще, а за ними следует тысячи добродетелей или паче сия из многих рождается; и сожалительность его претворилась в великодушие, щедроту, милосердие. Таким образом достигает он до вершины своего чувствования, до совершенства всех своих качеств, до высшего понятия о добродетели.

Хотя сказанное не на всех распространить можно, но различие между людьми состоит токмо в одной степени, а не в существенности. Да и тот, кто устраняется назначенного пути, устраняется, стремясь к совершенствованию, к блаженству: ибо все, что живет и мыслит, все стремится к расширению своих качеств, к совершенствованию; и сия есть мета мысленного существа. Хотите ли в том быть убеждены? Воззрите на то, что он на земли исполняет. На свет исходит, не имея никакой способности, ни умения, и является паче всех животных беззащитнее, беспомощнее, немощнее; и то природное стремление, которое другим животным столь явно руководствует, в человеке не существует. Но воззри на него, едва ощутил недостатки свои, едва возопил: немоществую, — уже вся природа стремится ему на вспомоществование. Чувства его изошряются, рассудок укрепляется; недостатки рождают склонности, речь ведет его беседовати с богом, и рожденный слабее, немощнее, тленнее, словом, хуже всех других тварей, вследствие способности совершенствования человек возвышается выше всех существ на земли, и явен становится ее властитель.

Итак, стремление к совершенствованию, приращение в совершенствовании кажется быть метою мысленного существа, и в сем заключается его блаженство; но сему стремлению к совершенствованию, сколь оно ни ограничено есть, предела и конца означить невозможно: ибо чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды. Подстрекаемый всегдашним стремлением, мета его есть шествие беспрестанное, почти бесконечно, и поелику мысленности существенно, то и сама вечность на достижения сея меты недостаточна. Оттуда все старания наши, все наши стремления беспредельны. Желание наше объемлет бесконечность, и вечностию его разве измерить можно, а не временем. Склонности и страсти удовлетворений не знают, и чем более угобжаются, тем сильнее возрастают. Все благородные склонности и все скарედности едину носят на себе печать. Рвение к науке ненасытимо, возродясь единожды; любочестие всеалчно, желало всю землю зреть своим подножием; и даже мерзкое сребролюбие жажде своей к имению не знает ни конца, ни предела. Всякую мысль, всякую мечту мы тщимся поставить мер превыше; где мы обретаем предел и ограду, там будто чувствуем плен и неволю, и мысль наша летит за пределы вселенная, за пределы пространства, в царство неиспытанного. Даже телесность наша тщится во след мысли и жаждет беспредельного:

ибо едва коснется пресыщения, то и наивеличайшее услаждение мерзит.

Поступим теперь к другому. Мы в предыдущем изъяснили, что понятия о красоте, благогласии, соразмерности, даже добродетели рождаются из сравнения: следовательно, не суть понятия сами по себе; мы видели, что сравнение есть деяние вещества мыслящего: следовательно, дабы что-либо поистине могло назваться прекрасным, изящным, нужно деяние умственное, да произойдет сравнение. А как без умственности сравнение быть не может, то не должны ли заключать, что бы и вся красота мира ничтожествовала, не бы были вещества мыслящие, разумные: следовательно, они в начертании сложения мира суть необходимы. Как же можно вообразить себе их уничтожение, а особливо тогда, когда деятельною мысленностью они усовершенствовались, следовательно, удобнее еще стали постигать все изящное, все превосходное, всю красоту.

Почерпая из сего новые еще доказательства о бессмертии души нашей, мы также научиться из них можем, что цель, что мета человечества есть совершенствование и блаженство, которое есть следствие добродетели, единыя от совершенств. И неужели блаженство наше есть мечта, обольщение? Ужели все-сильный, всеблагий отец хотел сделать из нас игральные куколочки? — Таковыми бы мы почтены быть должны, если бы блаженство наше с жизнью нашею скончалось; ибо недостатки телесности наша претят, да может быть совершенно. Теперь время уже, возлюбленные мои, поспешать к концу нашего предприятия и, удостоверившись всякими мерами, что душа наша бессмертна, что жить будет и не умрет, то есть не разрушится, — теперь надлежит сказать, что с душою останется, когда она от тела будет отделена. Многие суть случаи в жизни нашей, в которых нам показывается сходственность с первою степеню кончины нашей. Как скоро жизнь прервется, то последует бесчувственность, забвение самого себя. Подобные сему состояния суть: обморок, иступление, сон и множество других состояний; в таковых положениях человек забывает сам себя, теряет о себе сведение и лишается на время своей чувственности; итак, можно бы заключить, что подобно, как во сне, отъемлющем внешнюю нашу чувственность, остается в нас чувственность внутренняя, то есть мысленность, — подобно сему, говорю, и по смерти будем чувственности внешняя лишены, но сохраним мысленность. Но пребудет ли она такова в нас по смерти, как в состоянии сна? При первом взгляде сие таковым и покажется, и могло бы в нас произвести уверение, но оно противоречит нашему существу, противоречит мете нашего бытия, следственно, противоречит намерению творца в его творении. Постараемся отразить сие казистое доказательство и возвести мысленность нашу, по отлучении ее от тела, в то достоинство, на которое она кажется быть определена.

Из предыдущего видели мы, что мысленность человеку существенна, что она его составляет особенность, что человек и может по ней назваться человек, а без нее равнялся бы скотам. Мы видели также, что совершенствование ее есть свойство неотделимое; а потому и мета наша на земли относится к устройению нашему, из чего следствие бывает блаженство. Вследствие сих предпосылок человек во время жития своего дает всем силам своим всю возможную расширенность. Способность мыслить, с коею рождается, бывает разум, чувства наши изощряются, научаются, искусствуют; склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственности принятые, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою расширенность, становятся добродетели или пороки. Побуждения наши, сосреждаясь, так сказать, в душе, яко в средоточии зажигающего зеркала, родив в нас волю, дают столь широкую, столь твердую подножность, что если бы она не в человеке пребыла, то казалась бы божественною. Мы видели потом, что печать беспредельности наложена всему, что человек предпринимает; в самых силах его видна бывает толика энергия, что предел им назначить было бы отважно. Хотите ли сему примеры: Скалигер Омира выучил наизусть в три недели и в четыре месяца всех Греческих стихотворцев. Валлис извлекал в голове коренное число пятидесяти трех цифирей. И таковые примеры отменных энергии в силах умственных суть часты; незамеченны теряются, и для того не всяк о них знает. Из предшедших доказательств убедились, что мысленность наша, что сила наша разумная, что душа наша разрушиться не может: ибо, не яко тело, несложенна, следовательно, не пропадет, не исчезнет, не уничтожится, пребудет, поживет во-веки. Итак, из всего сказанного не ясно ли следует: 1. Поелику мысленность наша или душа не разрушится, то пребудет жива и по разрушении тела. 2. Поелику существенность ее состоит в непрестанном совершенствовании, то по отделении от тела душа ее сохранит, ибо если бы сия существенная ей способность изменилася, то бы она в худшее прешла состояние, не была бы душа, что также противно намерению, в сотворении человека явствующему. 3. Поелику же состояние сна лишает нас ясного о самих нас познания, а потому не столь есть состояние совершенное как состояние бдения, то смерть уподобится сну относительно человека разве в том только, что обновит силы его душевные, как-то сон обновляет телесные, а не в том, что лишит душу ясного о себе познания, в чем состоит преимущество человека пред другими животными. 4. Поелику в силах душевных является беспредельность, и ограниченность ее происходит от ее телесности, то, стрешенная от нее, она в деятельности своей будет свободнее. И, наконец, 5. Поелику душа сохранит свою способность совершенствования, то паче и паче будет совершенствовать.

А если бы захотел ты иметь сему совершенствованию меру, то помысли, каков человек родится и что он бывает в его возмужалости, помысли, что в совершенствовании не будет препинаем ни обстоятельствами, ни страстями, ни болезнями, ни всеми препонами, телесностию душе налагаемыми; помысли, сколь уже разум человеческий отстоит теперь от дикого, от грубого состояния человека, питающегося ловитвою; помысли и, начав от нынешнего совершенства, измеряй восхождение и знай, что не житием телесности то исполнять должно, но отрезая меру времени; помысли все сие и скажи: где есть предел совершенствования души? О человек! не ясно ли ты есть сын божества, не его ли в тебе живет сила беспредельная!

Как можно думать, чтобы состояние человека посмертное было сну подобное, чтобы человек стал лишен чувствования, самопознания и жил бы, так сказать, в непрестанном мечтании? Когда здешнее состояние человека цель имеет совершенствование, когда в посмертное перейдем совершенное, нежели рождены были, то как мыслить, чтобы будущее состояние было возвратно, ниже, хуже теперешнего, как то непрестанное состояние сну подобное. Если то истинно, что всякое настоящее состояние предопределяет состояние следующее (ибо сие без того не имело бы достаточных причины к существованию), а наше состояние на земли есть состояние совершенствования, в чем состоит мета нашего здесь пребывания, то не следует ли из того, что состояние будущее человека, поелику определяемо совершенствованием, будет совершеннее? Следует, что противоречие бы было в мете нашего бытия, чтобы следующее состояние человека подобно было сну, забвению, когда теперешнее состояние, будущее определяющее, есть состояние совершенствования. Возьмем известное уподобление, на перехождении человека от одной жизни к другой приложенное; последуем хотя косвенно в сем употреблении умственному исполнину, и да будет он нам опорю.

Лейбниц сохранение животного по смерти и переходение человека уподобляет прерождению червяка в бабочку и сохранению будущего строения бабочки в настоящем червяке. Посмотрите, колико оно сходственно. Зри убо скаредного на чреве своем пресмыкающегося червяка. Алчба его единственное побуждение; прилепленный к листьям, их пожирает и служит единой своей ненасытимиости; но се уже его кончина: смертная немощь объемлет его, сжимается, корчится, и се уже лежит бездыханен. Но сила, внутрь его живущая, не дремлет. Животное спит, покоится во смерти. И се происходит его прерождение. Ноги его растут, все члены претворяются; и едва новое его рождение достигло своего совершенства, то в жизни паки является, или паче пробужденный. Но какое превращение: вместо червяка является бабочка, простирает блестящие всеми цветами лучей солнечных крылия, возносится и, гнушаяся

прежняя своя пища, питается нежнейшею. Уже новое совсем имеет существо, другая его мета, другие побуждения. Червяк служил токмо своего чрева, а бабочка, вознесена до общия меты животных, служит прерождению. Кто бы мог вообразить в червяке бабочку, что они суть единое животное, и что превращение его есть токмо другое время его жизни? О умствователь! поставляй предел природе; она, смеясь бессилию твоему, в житие единое соцепляет многие миры.

Если худшее состояние человека по смерти противоречит его мете и его существенности, то паче противоречит оно намерению творца в его творении: ибо поелику мета его есть совершенствование, то состояние, оному возвратное, худшее, будучи оной противоречуще, противоречит и намерению творца потому, что в том и было его намерение, да совершенствуем.

Всемогущее существо в самом деле ни награждает, ни наказывает, но оно учредило порядок вещам непременный, от которого они удалиться не могут, разве изменя свою существенность.

Итак, добродетель имеет сама в себе возмездие, а пороки наказание. Что может быть сладостнее, как быть уверену, что пребыли всегда в стезе, нам назначенной? Что превышает удовольствие, как знать, что ничем мы сами себе упрекнуть не можем? Если бы вознялася легкая мгла, затмеваящая зеркало совести добродетельного человека, напоминовение соделанного добра разгонит мгновенно. Напротив, того, злые принужденны ежечасно упрекать себе свои злодеяния, терзаться, казнитья среди благоденствия. — Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно. Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы, и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременною постепенностию, но все суть единого рода; следовательно, и определение их, мета их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел налагают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дондеже не истребит в нем все преступное, все злое. Яко врачебное некое зелье, совесть есть лекарство злых дел, и если в жизни она нас не исцеляет, то, конечно, по смерти. Излеченных совестью ужели всеотец исключит из своих объятий? Почто мы бываем толико жестокосерды? Преступник не брат ли наш? И кто может столь сам пред собою оправдаться и сказать: никогда во мне ниже мысль злая не возникала?

Если возможно, сцепляя многие истины, постигнуть, что совершенствование есть цель человека, не токмо цель его на земли, но и по смерти, то весьма трудно, дабы не сказать —

невозможно, вообразить себе, каким образом продолжится совершенствование человека по смерти: ибо если на земли была в том ему пособием телесность и его органы, то как то может быть без оной? Чувства его дали ему понятие, а без них их бы он не имел. То два средства: или вновь понятия уже приобретать душа не будет, а действовать будет над прежними, или человек будет иметь новую организацию. Боннет старается доказать, что душа человеческая всегда будет сопряжена с телом, что, по смерти оставшихся семени сопряженна, человек из оного сопряжения родится паки двусуществен. Основывает он сие рассуждение на том, что поелику человек, как всякая тварь, содержится в семени до зачатия своего, то как оное семя кажется быть душе сосущественно, то она с ним навеки пребудет сопряженна. Если сие предположение невероятно, но возможно, — ибо то истинно кажется, как то мы видели в начале сего слова, что семя зачатию было предсущественно. Но запутание не совсем развязано: ибо семя, коему пред зачатием душа была союза, зачатием и рождением разверзлося и произвело новые семена, коих развержение новые произвело существа; но прежнее семя, семя отчее, уже разверженное, должно пребыть паки семя, что есть противоречие; то надлежит предполагать, что семя развержения произведет самого себя вновь. Вот круг, и затруднение не решено. — Таковы суть следствия семенного любомудрия, как то его называют; но сколь ни слабо сие рассуждение, оно имеет казистую сторону и находило последователей. Мне кажется, что все таковые системы суть плод стихотворческого более воображения, нежели остроумного размышления. За таковое же изобретение выдаю и следующее предположение: приметно или паче явственнo, что есть в природе вещество или сила, жизнь всему дающая. Чувствительность наша, электр и магнитная сила суть, может быть, ее токмо образования (modification), то не сие ли вещество, которое мы назвать не умеем, есть посредство, которым душа действует над телом? А поелику оно есть средство к действию души, то не вероятно ли, что, отступая от телосмертия, душа иметь будет то же посредство для своего действия? Но дабы действовать, нужны кажутся ей быть органы; а поелику душа в сожитии своем с телом стала совершеннее, то и органы нужны ей совершеннейшие. И для чего сего вероятным не почитать, когда и самая сила творчая явна токмо посредством вещественности, посредством органов? Какое противоречие мыслить, что может быть в сем же мире и может быть на земли другая организация, но нами не ощущаемая, нам неведомая, да и по той только причине, что она чувствам нашим не подлежит? А если бы чувства наши были изощреннее и совершеннее, то бы и сия нам неведомая организация была бы известна. Что чувства наши или, лучше сказать, что чувственность может быть изощреннее, то доказывали

примеры чувств, из соразмерности своей болезнью выведенные; дай глазу быть микроскопом или телескопом, какие новые миры ему откроются! И как сомневаться в возможности лучшей организации? Тот, кто мог дать человеку око на зрение красоты и соразмерности, ухо на слышание благогласия; тот, кто дал ему сердце на чувствование любви, дружбы; кто разум ему дал на постижение дателя; тот, кто огонь, воздух, землю и воду сплел воедино; тот, кто самую летучесть сгня претворяет в твердость и свет вмещает в части составительные веществ, может, конечно, может произвести новые смещения; благодать его к творению его не иссякнет, любовь к производению своему горячности своей не потеряет; и если единое его слово рождает чудесность, то оно и паки ее родить может. Или на что предполагать быть новому творению? Вся возможность прешла в действительном пред началом уже времен, и что будет, уже было в незабываемом порядке с того мгновения, как возблестало солнце и время отделилось от вечности.

Для чего предполагать невозможность быть другим организациям, опричь нами чувствуемых на самой земле, по той единственно причине, что они нам нечувствительны? Сколько веществ, ускользящих от наших чувств, иные своею малостию, иные своею прозрачностью или другими свойствами, чувствам нашим неподлежащими, и если мы в малостях видим, что насыщение одной вещи не исключает вьемлемость другой. Вода, насыщенная обыкновенною солюю, и не приемля ее более, приемлет и растворяет другую. Истолюк сию возможность, и если бы не опыт то доказывал, ты бы оному не верил.

Не так далеко, кажется, отстоять должно будущему состоянию человека от нынешнего, как то иногда воображают его, не за тридевять земель оно, и не на тридесятом царстве.

Если должно верить сходственности аналогии (да не на ней ли основаны большая часть наших познаний и заключений?), если должно ей верить, то вероятно, что будущее положение человека или же его будущая организация прористекать будет из нашей нынешняя, как-то сия прористекает из прежних организаций. Поелику к сложению человека нужны были стихии; поелику движение ему было необходимо; поелику все силы вещественности в нем действовали совокупно; поелику по смерти его и разрушении тела стихии, вышед из их союза, пребудут те же, что были до вступления в сложение человека, сохраняя все свои свойства; потолику и силы, действовавшие в нем, отрешась от тела, отойдут в свое начало и действовать будут в других сложениях; поелику же неизвестно, что бывает с силою или стихиею чувствующею, мыслящею, то нельзя ли сказать, что она вступит в союз с другими стихиями по свойству, может быть, смежности, нам неизвестной, и новое произведет сложение? О, возлюбленные мои, я чувствую, что

знесуся в область догадок, и, увы, догадка не есть действительность.

Повторим все сказанное краткими словами; человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушиться не может: ибо несложная есть; цель его на земли есть совершенствование, та же пребудет целию и по смерти; а из того следует, как средство совершенствования его было его организациею, то должно заключать, что он иметь будет другую, совершеннейшую и усовершенствованному его состоянию соразмерную.

Возвратной путь для него невозможен, и состояние его по смерти не может быть хуже настоящего; и для того вероятно или правдоподобно, что он сохранит свои мысли приобретенные, свои склонности, поелику они от телесности отделены быть могут; в новой своей организации он заблуждения свои исправит, склонности устремит к истине; поелику сохранит мысли, коих расширенность речь его имела началом, то будет одарен речию: ибо речь, яко составление произвольных знаков, знамение вещей означающее, и может внятна быть всякому чувству, то какая бы организация будущая ни была, если чувствительность будет сопричастна, то будет глаголом одаренна.

Положим конец нашим заключениям, да не зрится ищущими единственно мечтаний и чуждаемся истины. Но как бы то ни было, о, человек, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя с телом разрушиться не определена. Блаженство твое, совершенствование твое есть твоя цель. Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло. Казнь живет сосмежна злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих, и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устраниться или нарушить невозможно; зло, тобою соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта. —

СОКРАЩЕННОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ
О
ПРИБРЕТЕНИИ СИБИРИ
[ОТРЫВОК]

Сибирь известна была Россиянам задолго прежде предприятия в оную похода Ермаком Тимофеевичем. В то время, как потомки Чингисовы, царствуя в Датша-Кипчаке (что Российские летописи называют золотою Ордою), владычество свое простерли на разделенную Россию на уделы, Новгород, отделенный от Западной России лесами, горами и болотами, избег Татарского ига. Не отторгаясь вовсе от России, он имел своих Князей, Бояр, особое гражданское правление. Если вероятно, что торговое его сообщение с Гамбургом и Любеком и вступление его в Ганзейский союз, распространило в нем лучшие понятия о гражданской вольности, или же возбудило в жителях Нового города желание приобретения оной; если Степенной Посадник был сделан в подражание Бюргермейстерам Ганзейских городов, то вечевый колокол, палладиум вольности Новгородской, и собрание народа, об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее, и роду Славянскому сосущественно, с того может быть даже времени, одно, как Славяне начали жить в городах; другое, когда Христианский закон перенесен в Россию и при церквах колокола возведены.*

Укрепляясь в вольности, расширяя свою торговлю, Новгород распространил свое владычество на все северные страны России, куда власть Татарская не досягала. Пятина Обонежская заключала в себе земли, в окрестности Северной Двины лежащие и смежна была великой Пермии или земле Зырянской.

Черынь, если не была Столицею оной земли, была по крайней мере главный оный торговый город. Хотя он не принадлежал Царям Ордынским, но они торговлю, в оном производимую, не стесняли. Не токмо произведения царства Датши-Кипчака отвозились туда на обмен; но Персияне и Индейцы, приходя в устье Волги, всплывали на малых судах до Чер-

* 1. Даже до нынешних времен звон колокола, бьющего в набат, есть созыв народа: это было извещение, что помощь его нужна для спасения отечества. 2. Что собрания общественные в России были употребительны, в доказательство служат остатки оных; и сии соблюдались токмо в селах и деревнях. Когда крестьяне судить имеют о делах, до селения их касающихся, то делают сход; и на сем правильном, если не по закону основанном собрании, распоряжают они своими делами. Можно понять, сколь таковые сходы бывают шумны и расстройны; но общий приговор, хотя словесный, исполняется.

дыня. Новгородцы, близкие соседи Чердыни, привозили вероятно товары, получаемые ими из городов Ганзейских. На обмен тем и другим, Чердынь давала мягкую рухлядь, не токмо добываемую в области Зырянской, но и получаемую из Сибири, в чем, по положению сего города в смежности Уральского хребта, сомнения быть не может.

Когда же, с проповеданием в Зырянской земле Христианского закона, власть Великих Князей Московских и Владимирских начала в оную проникать и утверждаться; то вероятно, что Новгородцы сообщения свои с Чердынью усугубили, по той естественной причине, что одинаковое исповедание водворяет собратство даже между чужестранцами.

По расслаблении царства Ордынского, вероятно, торговля города Чердыни великой претерпела ущерб; и когда Российские селения в великой Пермии стали размножаться, то и торг, производимый Россиянами в сей земле, долженствовал принять другой вид. Сибирь тогда более стала им известна, но токмо Северная оная часть.

Простое соседство народов нередко вражду между ими возрождает, но она бывает неизбежною, если один из соседей оказывает мысль властвования и присвоения. Тогда-то возрождаются ненависти народные, которые и по совершенном покорении слабейшего не исчезают: ибо иго чужестранца тягчит паче домашнего; в таком положении находились Россияне в отношении других народов, в соседстве которых они жительствовавали. Пермь покорена не без сопротивления; но глас убеждающего исповедания, глас убеждения, употребленный св. Стефаном на приведение Пермских жителей в закон Христианский, обратился в глас вельительный: ибо убеждение действует часто сильнее, нежели самая сила.

Вогуличи, жительствовавшие по обоим сторонам Югорского хребта, что мы Уральскими, а древние Рифейскими горами называют, Вогуличи менее других терпеливо смотреть могли на укрепившихся в Пермии Россиян; по той естественной причине, что, будучи ближайšie к пределам Пермии, жребий порабощения им предлежал первее. Собираясь во множестве, они беспокоивали почасту селящихся в Пермии Россиян и нередко разоряли новые их селитьбы. В начале пришествия Россиян в великую Пермью, Российские Великие Князья малое могли давать подкрепление устремляющимся на властвование своим поданным: ибо, заметить то мимоходом, что присоединение Сибири к Российскому владению был плод усилия частных людей, жорыстолюбием вождаемых. Сие не на одного Ермака с его товарищами относиться долженствует, но на всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самыя Америки. Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличаю-

щие народ Российский. И если бы место было здесь на рассуждение, то бы показать можно было, что предприимчивость и ненарушимость в последовании предприятного есть и была первою причиною к успехам Россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного, сии качества в них не воздремали. О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!

Великий Князь Иван Васильевич, первый положивший основание к последственному величию России, восхотел воздержать беспокойных Вогуличей, а более того побуждаемый, может быть, желанием присвоения новых областей, приведением под державу свою живущих по берегам Ледовитого моря народов, известных под именем Самояди или Самоедов, отправил в 1499 году в Югорскую землю довольно войско под предводительством двух Воевод или Начальников. Успех оных был сходствующ с образом тогдашнего образа воевания. Степенные книги говорят: многие городки взяты, много людей побито, а Князья их на Москву приведены. Сей поход вероятно был поводом к предприятному после того чрез два года другому походу (или же сей был продолжением токмо первого), под предводительством тех же Воевод. Войско, с ними отправленное, состояло из живших в соседстве Югории ратных людей, по той естественной причине, что, будучи более о состоянии сей земли известны, побуждения их к воеванию ее могли быть тем вящшие, чем лучше знали они, что войною сею приобрести могли. В сей раз Российские войска доходили до Оби реки, около тех мест, где ныне стоит Берёзов. Но как не видно, чтобы тогда намерены были удержать сию землю под своею державою, то Россияне возвратились совсем из Сибири с добычею и пленниками.

Каковы были сношения России с Сибирью с того времени неизвестно до 1557 году; но из древней одной грамматы, писанной в сем году, а паче из Степенной книги под сим же годом, видно, что некоторые Сибирские земли были уже подвластны России: ибо от Царя Ивана Васильевича посланы туда были разные люди для получения дани, состоящей в соболях. А хотя Сибирский Князь Едигер и прислал царю присяжную граммату, но она следствия подданства не имела: ибо Едигер тогда же побежден Бухарским Ханом Кучумом, который завладел всеми землями, по течению Иртыша и впадающих в него рек лежащими, и Сибирь пребывала еще России неподвластною.

Таковые сношения с Сибирью подали Россиянам о сей земле высокие мысли, а особливо с того времени как знатный житель Соли Вычегодской Аника Строганов завел весьма прибыльную с Сибирью торговлю.

С вольностию Новагорода рушилась его обширная торговля, и многие из богатых его жителей, избегая утеснения новых власти, удалились в те страны, где прежде имели свои торговые обращения; между таковыми был отец или дед Аники Строганова. От Новагорода переселились они к Соли Вычегодской, где завели или имели уже прежде соляные варницы. Аника получал мягкую рухлядь из Сибири чрез тамошних жителей или чрез соседствующих с ними. Но желая торговать с Сибирскими народами непосредственно, отправил за Камень, то есть, за Уральские горы, в сопровождении тамошних жителей некоторое число своих людей и прикащиков, дабы достоверно узнать о состоянии Зауральских земель, о тамошнем торге и для заведения лучшего с жителями знакомства и сообщения. Предприятие его было удачно. Ознакомясь с Сибирью даже до Оби, он посылал туда мелочные и малоценные товары и получал на обмен дорогие.

Строганов не один участвовал в сем прибыльном торге; но все другие, пользовавшиеся в оном, скрывали оного богатые прибьтки. Неудивительно! те, кои были переселенцы Новогордские, боялись поистине, чтобы не постигла их равная участь с их собратиею (ибо тогда уже царствовал Иоанн Грозный); другие же избегали пошрины и десятины и всего того, что, поселяя в гражданах недоверчивость к правительству, к обманам и вероломству их поощряет. Напротив того, Строганов оные возвышал, и имея намерения сделать вящие в Сибири приобретения и избегнуть подозрения и налогов, он отправился в Москву, и Царю объявил, сколь Сибирь изобиловала драгоценною мягкою рухлядью и, обольщая его, сколь для казны его будет прибыльно, когда Россияне, проникнув в Сибирь, дань ему принесут от тамошних народов драгоценною мягкою рухлядью. Таковые слова тем еще Царю благоприятнее были, что Строганов просил дозволения поселиться в ближайшей к Уральскому хребту земле, наполнить ее людьми, завести земледелие, снабдить их огнестрельным оружием для защиты и держать для обороны военных людей. Все сие обещался устроить своим иждивением, прося в воздаяние за то пустые земли по Каме и Чусовой. Царь Иоанн охотно на все сие согласился и дал о владении Камских земель Строгановым грамматы. Сии грамматы достопамятны тем, что они даны: 1, на земли, России не принадлежащие, сперва по Каме и Чусовой, потом по Тоболу, Иртышу и даже Оби, так, как давали грамматы на Америку и пр. 2. Что Строгановы избавлены были со всеми их людьми не токмо от всяких податей на тридцать лет, но от начальства Государевых Наместников и их Тиунов, даже и в проезды их от Соли Вычегодской чрез Пермь, а если кто на них в чем иметь мог жалобу, тот долженствовал просить Царя на Москве; что Строгановы

своих слобожан могут судить сами. 3. Видно также, что истинное намерение Строгановых, поселяясь в сей новой земле, была звериная ловля: ибо Пермичам запрещается вступаться в Строгановские *ухожьи*, что и поныне в Сибири значит место, где ставят ловительные орудия на зверей. 4. Видно, что надеялся находить руды разные в горах Уральских: ибо железную разрабатывать дозволяется, а прочие делать токмо для опыгов, дозволяя то всяким людям с платежем в казну оброка. 5. Приказывается, набирая войско, ходить войною на Сибирского Хана и в дань приводить.

Снабженные толикими преимуществами, Строгановы прилагали возможные старания к устройению пожалованной им области. Завели крепости для обороны и защиты, земледелие, соляные варницы, звериные промыслы, а впоследствии и железные заводы, и ничего не проронили, от чего бы им могла быть польза. Страна сия стала по малу населяться всеми, ищущими прибытка, убегаящими угнетения, или укрывающимися за сделанные преступления от должных казни: ибо, хотя Строгановым запрещено было принимать записных и тяглых людей и всяких преступников; но невероятно, чтобы они всегда могли различать приходящих к ним на поселение, или же, чтобы правосудие могло преследовать преступника в пустыни Сибирские, а тем паче, когда Строгановых в том была польза, чтоб у них было более народа. Оно так и было: ибо, двести лет спустя, видели при ревизиях, что Строгановские деревни в Уральских горах содержали в себе более ста тысяч душ мужеска пола. А если бы в скором потом времени путь в Сибирь не открылся, и тем самым Строгановские преимущества не умалились, то селения их размножились бы до невероятности. С распространением гражданского правления в сих странах, Строгановы все преимущества свои потеряли. Правильно ли что или неправильно, остается вопросом законодурственным, к обыкновенным правилам не принадлежащим.

Таким образом Россияне приближались мало по малу к Сибири, вытесняя древних жителей из их жилищ, доколе завоеванием вся земля они их совсем не поработили. Но слава первого завоевания не на Россиян собственно отразиться долженствует, а на Донских козаков. Хотя они ныне все принадлежат к России, хотя и тогдашние были большею частию Российского происхождения, однако в то время они составляли особые воинские общества, России неподвластные.

Козак на Татарском языке значит воина, или вообще человека, от добычи пропитание имеющего. На Российском говорят по просторечию про кого-либо: *вольной козак*, кто живет в независимости. *Козаком* в деревнях и ныне называют из платы служащего работника. И действительно, козаки в прежние

времена были военные люди, снискивающие свое пропитание грабежом и добычею, или наймом в воинстве. *

В то время, как Россия избавилась от ига Татарского, вероятно Донские козаки общества не составляли, но разъезжая ватагами, состоявшими из разных людей, грабили кого можно было. Наблюдалися ли тогда между ими какие-либо положения и правила, неизвестно, и История их не сохранила; но всех, живущих таким образом, первое качество есть смелость и добродетель, если она между разбойниками быть может, верность к своему братству.

По разорении Казани и покорении Астрахани державе Российской, река Волга стала одно из главнейших сообщений, чрез которых разные области России между собою производят торг. Если уже народы, за Каспийским морем живущие, не посещали более Чердыня, но связь их торговая с Астраханью, а может быть и с Казанью, не прерывалась. Царь Иоанн, присвоив упомянутые города, желал сохранить их торговлю, ведая, сколь прибыльна она бывает для казны Государевой, которая, под видом общия пользы, берет участие во всех частных прибытках. Неизвестно, сколь велики были обороты торга, по Волге производимого, но то известно, что Донские козаки разграбляли едущих по Волге. Для живущих войною и грабежом все было равно, на кого падет жребий быть разграбленну. Купеческие клады, так называемые Персидские и Бухарские посланники, Царская казна, все одной были подвержены участи; и если в том была обида (преступлением неможно назвать насильства одного народа, другому неподвластного), то все равно, кто бы ограблен ни был. Сохранность и тишина общественные нарушились, и стрегущий их обязан был оные восстановить.

Вследствие сего Царь Иоанн отрядил против Донских козаков знатное число войска под предводительством Стольника Мурашкина, которой, преследуя козаков, разбивал их, если сражаться с ним отваживались, а всех, попадавшихся в полон или как либо захваченных, казнил смертию, по довольном розыске, прибавляет История. Таким-то образом усилившейся Иоанн почитал бунтовщиками всех, Россиянам единоплеменных, буде они самовластию его не покарался.

Козаки, в ужас приведенные, старались избегать предстоящего им жребия. Между таковыми, скрывающимися от мщениа Российских войск, находился Атаман или Предводитель партии Донских козаков, именем Ермолай, по просторечию Ермак Тимофеев. Преследуемый войсками Мурашкина, Ермак с товарищами своими из Волги вошел в Каму и плыл вверх оныя, сперва без всякого другого, может быть, намерения, как скрыться от мщениа Российского Самодержца.

* В войсках Российских бывали козаки наемные.

Дошед до Строгановских селений, неизвестно по какой причине, Ермак, имея с собою от 6 до 7000 человек войска и вероятно во всем нужном недостаток, не напал на оные. Или же, наскучив грабительством и разбойничеством, он, не входя еще в Каму, помышлял о предприятии похода в Сибирь; или же грабительства козаков простирались на всех других, опричь единоверцов их. И сие мнение также имеет правдоподобие, потому что 1, Летописцы говорят, что козаки грабили купеческие караваны, в России приходившие из Персии и Бухарии; 2, что они грабили Послов, к Царю посылаемых; 3, что они грабили Царскую казну. Но караваны сии состояли из иностранцев, из Магометан, но послы были не Христиане; но казну Царскую везли разве из Астрахани, может быть также иноверцы. Сколь бы ни ослабло где мнение народное, но при случаях оно является во всей своей силе; и потому мы видим, что в России, в глазах черни тот, кто не творит знамение креста и не содержит постов, хотя бы он и не Магометанин был, почитается неверным босурманом, наравне почти со скотиною. Сие мнение подкрепится и тем, что Ермак и его товарищи были очень набожны. Правда и то, что всякое бесчеловечие, неправда, вероломство, зверство, всякие пороки и неистовства с набожностью сопрягаются, и уголовные в России судопроизводства многочисленные содержат доказательства, что в прежние времена простолюдимы в России меньшим претрешением почитали отнять у человека жизнь, нежели есть в посты мясо, и были примеры, что убийца злодеяние свое начинал знамением креста.

Какие бы побуждения Ермак на то ни имел, он нимало не обеспокоил Строгановских селитьб, и был для того принят Максимом Строгановым дружелюбно и снабжен съестными и воинскими припасами для предприятия похода в Сибирь. Не входит в расположение нашего слова и то, что первый Ермаков поход был неудачен тем, что он ошибся в своем пути; ни то, сколько ему в продолжении его похода преодолеть надлежало трудностей и препятствий. По нашему мнению, много способствовало Ермаку к завоеванию Царства Кучумова 1, то, что он имел огнестрельное оружие; 2, что Хан Кучум был не истинный владетель Сибири, но пришлец и завоеватель, а потому, опричь пришедших с ним, подвластные ему повиновались из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях; следовательно, порабощенным народам, а паче Сибирским, которые платят дань или ясак, все равно было платить оный Ермаку, Царю Российскому или Хану Кучуму. Но сколь ни благоприятствовали обстоятельства Ермаку в его завоеваниях, надлежит справедливость отдать ему и его товарищам, что неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предприятного намерения были им свойственные качества; что Ермак, избранный единожды верховным начальником своею

собратию, умел над ними удержать свою власть во всех противных и неприязненных ему случаях: ибо, если нужно всегда утвержденное и наследованное мнение, чтобы владычествовать над множеством, то нужно величие духа, или же изящность почитаемого какого либо качества, чтобы уметь повелевать своею собратиею. Ермак имел первое и многие из тех свойств, которые нужны воинскому вождю, а паче вождю непорабощенных воинов.

Кинем взор на Зауральскую обширную страну, и из того, какова она есть, познаем, каковы были трудности и препятствия, встречавшиеся Россиянам на пути завоеваний их в сей Северной части Азии.

Сибирь, в том названии, как она ныне приемлется, то есть: пространная сия страна, простирающаяся почти на 12 миллионов квадратных верст, от Уральских гор до Восточного Океана и от Киргизской степи, Алтанского и Яблонного хребтов до Ледовитого моря, представляет естественно две, одна от другой совсем отменные половины. Одна, то-есть та, которая, взявшись от смежности Уральских гор, простирается до Енисея, другая та, которая заключает в себе верхнее течение Иртыша, Оби, Енисея, и все земли, к Востоку от оных реки лежащие. Первая представляет везде землю ровную, плоскую, и возвышения, где они есть, суть не иное что, как берега рек и укрепления вод. Реки, в ней текущие, суть тихие, плавные, и поелику один всегда имеют берег возвышенный, то подвержены разлитиям весною, когда тают снег и лед. Другая вся гористая почти без изъятия. Реки, сию часть Сибири протекающие, суть все почти быстры и разлития оных не могут быть столь велики: ибо течение совершают между гор; но возвышение в них воды бывает всегда, когда только могут накопиться, так что сильный или продолжительный дождь оную усугубляет. Сии две половины столь одна от другой отличаются, что до Енисея растения сходственны с Европейскими, а за оным с Азийскими.

На сем великом пространстве, исключая ближайших к Восточному Океану народов,* пять главных обитали в Сибири в то время, как Ермак, прешед Уральские хребты, в Сибирские спустился долины. Ближайшие к Югорскому хребту были к берегам Ледовитого моря Самояды, единоплеменники живущих в пределах нынешней Архангельской губернии. Древние их жилища были, кажется, те же, что и ныне: ибо, хотя в Южной Сибири существуют при вершине Енисея и на Саянских

* Сии суть: Юкагиры, Коряки, Чукчи, Камчадалы, Курильцы. Юкагиры, когда лучшие о них иметь будут известия, найдутся, уповательно, Самоядского происхождения. Чукчи едиnorodны быть кажутся жителям, соседствующим Америке; может быть, то же можно сказать о некоторой части Коряков. Прочие Коряки, Камчадалы, а паче того Курильцы, имеют, вероятно, происхождение от народов, живших на твердой земле или великих островах Восточного и Южного Океана, коих остатки находятся на многочисленных сих морей островах.

горах три Самоядские народа, а именно: Койбалы, Коргасы и Сойоты, равным образом хотя Остяки, жуващие по Енисею, суть также Самоядского происхождения; но одна пасства олень доказывает, что отечество их, как и сего животного, есть Северная часть земного шара.

В соседстве Самоядов, в близости Югорского хребта и вдоль Оби, почти до устья Тома, жили народы Финского племени, кои и доныне известны под именем Вогуличей и Остяков Березовских и Обских. Третьего племени народы были Татарские. Сии суть известны под разными именованиями; начиная от Уральских гор, они селитьбами и кочевьями своими распространилися по Южной Сибири до Оби и вершин Енисея, oprичь собственно Татарами именуемых, живущих по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби, Чулыму, Тому, Кему, Енисею и пр. Роды их в Сибири суть: 1, Киргизцы; 2, Бухарцы, переселившиеся уже в Сибирь во время владения Российского; 3, Барабинцы, так названные по месту их пребывания; 4, Телеуты, живущие при вершинах реки Тома; 5, Качинцы, так названные по реке Каче, в соседстве коея они кочуют; 6, Бельтиры, кочующие по вершине Абакана и 7, Якуты, кои сами себя называют Сох, живущие по Лене и другим рекам, ниже Якутска.

За сими следуют народы Мунгальского племени. Сии суть: 1, собственно Мунгалы, живущие в окрестностях Селенгинска; 2, Буряты, или братские, живущие в окрестностях Байкала и ближайших к оному рекам; 3, Калмыки, коих число очень мало и рассеяно.

Пятого поколения народы суть: Тунгусы, единоплеменники подвластным Китаю Даурам и правительствующим в оном Государстве Манжурам или Манджу. Тунгусы, разделяющиеся на многие роды и поколения, к которым принадлежат Ламуты,* то есть: поморские жители, кочуют от Енисея до пределов Китайских и до берегов Охотского моря.

Судя по пребыванию различных сих племен, усматривается, что преселения в Сибири были весьма частые и дальние. Татары и Мунгалы пришли с Юга; Финские народы с Запада; Самоядские племена от берегов Северного Океана, а Тунгусы, отделяясь от Дауров и Манжуров, рассеялися по Восточной части Сибири. Где первобытные всех сих народов были жилища, того определить точно невозможно. Происшествия, до них касающиеся, может быть, и не весьма древние, но за неимением памятников покрыты завесою непроницательнейшею. Но то вероятно, что Сибирь никогда великого населения не имела, а менее того вероятно, чтоб процветали в ней великие области и государства, славящиеся просвещением, от многолюдного обшежития происходящим.

* Лама по Тунгусски значит море.

Относительно Геологии Сибирь имеет многие достопамятности. Вся плоскость от гор Уральских до Енисея, а паче Бараба и степь Киргизская, свидетельствуют, что море покрывало сию землю и может быть позже других мест. Растерзанные недра гор, наклонное и понурое положение слоистых гор доказывают сколь сильны в Заенисейских странах были землетрясения. Кости великих животных, которые ныне обитают токмо в жарких странах, знойному поясу соседственных, и таких, каких ныне нигде не находится, обретаемые на многие сажени земляными слоями покрытые, доказывают, что или ось земли потряслася, или, что вероятнее, обращение земли было от Севера к Югу, как-то оно ныне от Востока к Западу.

Но относительно истории человека или народов, памятники суть бедны, нищи. То, что письменные сохранили предания в летописях Татарских, касаются до самых последних народов, в Сибирь пришедших. Остатки зданий в близости крепостей Усть-Каменогорской и Семипалатной, древностию прежних не превосходят: те и другие суть младшие времени славного Чингиса. Могильные холмы и камни, при вершине Енисея и других ближних рек, хотя и древнее быть кажутся нашествия Татар в Сибирь; но древнее ли они Могольских племен, то неизвестно. Они доказывают, что остатки суть народов, коим делание меди и серебра было известно. К той же эпохе отнести должно и древние рудники, найденные в горах Алтайских и Аргунских. Древнее сих еще те острые и твердые камни, которые близ рек находят, служившие вместо топоров и ножей.

Если мы сообразим и повествование и памятники и нынешнее состояние народов, в Сибири живущих, то найдем 1, что Татары в Сибирь пришли прежде Мунгалов; 2, что хотя они еще и были народ кочевой и скотоводной, но начинали уже переходить из сего положения к земледелию. В сию эпоху своей истории они пришли в Сибирь; 3, что Мунгалы или Моголы, хотя и были токмо скотоводы в то время, как вошли в Сибирь; но имели многие художества и рукоделия, свойственные народам земледельным и вероятно быть может, что рудокопи на Алтайских горах суть их дело; 4, что народы Самоядские кажется быть всегда кочевые, жившие всегда на Севере: ибо и те, кои живут на Юге, водят оленей, что по нашему мнению есть собственное самых Северных жителей упражнение; 5, Финского племени народы в Сибирь преселились, вероятно, избегая утеснения, сперва Татар, а потом Россиян; 6, что первые жилища Тунгусских племен, кажется, были всегда в Восточной Сибири и Даурии, и что недалное их ремесло было то же, что и ныне; что Дауры или Забайкальские и Китайские Тунгусы скотоводству научились от соседственных им Мунгалов, а Манжуры подражать стали в художествах, приближаясь к Китаю, которой наконец и покорили.

Все сии народы, в то время, как Россияне вступили, в Сибирь жили обществами отделенными. Древние жители были в угнетении, а царствовали пришельцы. Хотя от самых Уральских гор по Южной Сибири до Восточного Океана владычествовали те же народы, кои столь страшно во время Чингиса прославились, но дух сего завоевателя в погломках его исчез. Многие царства, основанные потомками сего славного завоевателя, из уделов его завоеваний уже погибли; многие были немощны и в расстройке. Забайкальские страны, где было первое пребывание Чингиса, потомками его без уважения оставлены и Буряты, хотя Мунгалам единоплеменны, но к ним не присоединены, и избегнув ига Чингисова, пребывали в первенственном своем состоянии, разделенные на разные роды, из коих каждой повиновался избранному или наследному начальнику, некоторые однако же из живущих за Байкалом платили дань Мунгалам или паче Китайцам. Укрыты или Елеуты, известные в России под именем Калмыков, хотя и были подданные Чингисовы, но при входе Россиян в Сибирь, имели своего особого Государя, и те, кои освободились от ига Мунгальского, составляли разные, одно от другого независимые, Княжества. Некоторые из их владельцев покорили себе разные малые рассеянные в Южной Сибири племена Татарские, Самоядские и другие, и брали от них дань. Якуты, Тунгусы, Остяки и другие народы, живущие по разным странам пространнее, жили все разделенными обществами, из коих иное больше, иное меньше в зависимости общей не были, и хотя восставали общим согласием на угнетение, однако же сие соединение было мгновенно, и едва общая опасность миновалась, то нарушалась и связь, оною воздвигнутая. Но по течению Иртыша и при берегах впадающих в него рек распростерлось владычествование одного Государя, которое из всех Сибирских царств хотя сильнейшее, стремлению Российских завоевателей противиться не могло: столь превозмогает мужество, отважность над властью; столь превыше стоит устройство воинское над бесправильностью; а паче всего огнестрельное оружие превозможет всегда худо вооруженную толпу; и хотя Ермак с товарищами своими Сибирским народам не казались быть богами, носящими огонь и молнию; но превосходство Ермакова оружия, сколь тогда оно несовершенно ни было, сильно было чувствуемо и предшествуемо было страхом и трепетом.

Какого племени были прежние Татарские владельцы при берегах Иртыша и других рек, не есть наше дело для разыскания; но мы скажем только то, что не в давном времени до пришествия в Сибирь Россиян Хан Кучум потомства Чингисова, живший в Киргис-Кайсацкой орде или в Бухарии, победил прежних Татарских владельцев, покорив державе своей все земли по Иртышу, Тоболу, Туре и других, и все живущие

при оных реках народы: Татары, Остяки, Вогуличи были его подданныки.

Возвратимся к Ермаку, которого мы оставили переходящаго Уральские хребты, разогнав Вогуличей, препятствовавших ему плаванию по Чусовой. Он с вершин Серебрянки перешел на речку Боракчу, а с сей на Тагиль, впадающую в Туру, преодолевая все опасности, превозмогая все препятствия, побивая встречающагося неприятеля; а паче всего увещевая своих товарищей к терпению, и убеждая желающих возвратиться в Россию к продолжению предприятаго, Ермак приплыл на устье Тобола, и победив Хана Кучума при Чувашском мысу, принудил его удалиться бегством, и наконец овладел столицею Ханскою, впусе оставленною.

Побежденный Кумум испытал все то, что влечет за собою превратное счастье. Народы, бывшие его подданные или данники, не только от него отложились и не помышляли о защищении своего Государя, но предались добровольно победившему его. В бегстве спутники его были одни Татары, да и может быть токмо его единоплеменники, то есть: те только, которые пришли с ним по завоевании Сибири или их дети. Сие вероятно быть кажется из того, что Татарские семьи, удалившиеся из жилищ своих при нашествии козаков, из лесов, где крылись, возвратились.

Разбив еще Татарское войско, под предводительством Царевича Меметкуля бывшее, Ермак видел себя обладателем весьма пространна области. Уже на четвертой день по въезде его в столицу Ханскую, Князь Бояр Остяцкой, тогда при реке Демьяке бывший, пришел к нему с великим множеством народа, и принес дары, состоящие в съестных припасах и дорогой мягкой рухляди. Сии Остяки находились в войске Кучумовом, когда оно разбито было Козаками под Чувашским мысом, и не ожидая насильного порабощения, Ермаку покорились добровольно. Но ласковой его прием сих добровольных подданных, обещание защиты от озлобления и содержания жития спокойнаго и неугнетеннаго, имели то действие, что ушедшие из жилищ своих Татары в оные возвратились, и не токмо мирные были подданные, но в последствии в Российском войске находились против самого Хана Кумуча и его детей. Все сие доказывает, что владычество Кучума основано было силою, и что побежденные им народы мало к нему имели привязанности. Столь истинно, что иго мягкосерднейшаго завоевателя, доколе не утвердится в мнении следующих поколений, что право есть, тягчит, и несносно. Но слава подвигов Козацких и ужас их оружия привлек в подданство им народы отдаленные. Летописцы повествуют, что пришли к Ермаку с великими подарками два Князя, один с реки Суклемы, впадающей в Тобол, другой с вершин Кояды, из за болот Ескалбинских, именем Ишбердей, и сих покоряющихся принял Ермак благосклонно, стараясь

утвердить мягкосердием то, что приобрел жестокостию и на место боязни старался водворить повинование непринужденное.

Какие постановления и учреждения Ермак делал в завоеванных им областях, то неизвестно, и вероятно, что они не могли быть обширны. Подданным своим он кажется оставлял полную свободу жить по прежнему, не стесняя их свободы ни в чем, довольствуясь тем, что обязал их в верном подданстве присягою и налагал на них дань, которая большею частию состояла в соболях, яко драгоценнейшем произведении стран пустынных. Малая часть дани состоять могла в съестных припасах: ибо количество воинов Ермаковых уже временно убавлялось и самыми победами.

Войско Ермаково, при входе его в Каму, состояло из 7000 человек. По другим же известиям из 5000. Во время плаванья его по Тоболу у него было немного больше 1 000 человек. Когда же Ермак победил Хана Кучума под мысом Чувашским, то козаков не более было, как 500. Вероятно, что в сем сражении многие козаки погибли. Ибо если верить должно, что в два сражения, которые Ермак имел с Татарами во время плаванья своего по Тоболу, он потерял 500 человек, то есть половину своего войска; если верить должно, что у Кучума были две пушки, которые достались козакам в добычу, то думать должно, что сражение под мысом Чувашским дорого стоило козакам. Итак, сколь победа, ими одержанная над Татарами, ни была совершенна, сколь следствия оныя благоуспешны ни были; но великое умаление войска заставляло Ермака и его товарищей помышлять о своей сохранности, и тем паче, что в воинских снарядах, что истинную их составляло силу, начал оказываться недостаток. Не надеясь получить помощи ни откуда: ибо если и могли от Строгановых получить еще воинские припасы, но главной нужде, то есть недостатку в людях, пособить бы было нечем, Ермак с товарищами своими вознамерился прибегнуть к Царю Русскому. Может быть и того опасались, если к Царю дойдет известие о их завоеваниях, что он вознамерится их оных лишить, и они, будучи совсем в бессилии, противиться ему не возмогут, и потеряют плоды всех своих трудов и подвигов; сие также было не невозможно: ибо знали властолюбие Царя Иоанна, знали, сколько он любил завоевания; и то могло быть известно им, что до прихода Хана Кучума в Сибирь некоторые Сибирские владельцы давали Царю Русскому дань, и Царь, услыша о сделанном козаками завоевании, почитать станет их принадлежащими ему и вознамерится их отнять по той токмо причине, что завоеватели были в числе его подданных. Козакам могло также по справедливости казаться, что тот, кто из России за ними вслед пойдет, не будет иметь тех препятствий в пути, которые они имели: ибо если в новом каком-либо деле первой шаг труден, второй

и все последующие легки. Для открытия Америки в Колумбе нужно было соитие многих великих качеств и дарований; за ним ныне всякой простой кормчий ведет корабль свой в новой свет безпрепятственно. Толико всякой изобретатель далеко отстоит от последователей, в совершенстве его превосходящих.

Водимый столь сильными побуждениями Ермак отправил к Царю Атамана Ивана Кольцова с 50 человеками козаков. Отписка их к Царю, которую летописцы и их последователи называют челобитною,* содержит одно токмо известие о покорении Сибири и приведении жителей к Шерте, и о наложении на них ясака, то есть дани, в мягкой рухляди состоящей. Сия отписка сопровождается была 60 сороками соболей, 20 черными лисицами и 50 бобрами. Кольцов принят был с отменною от Царя ласкою, все прежние козацкие досады забыты, все козаки одарены щедро; и тот самый, который не за долго пред сим за столь же храбрые дела почитался разбойником, ныне почтен был отлично за то только, что насильственные его поступки были удачны и сходны с пользами общественными. Столь величие и низкость близятся во мнениях человека.

Между тем Ермак помышлял о истреблении совершенном Татарских сил и о покорении новых народов. Напавши на оплошных, он разбил войска Царевича Меметкуля при Вагае, и его взял в плен. С другой стороны всех живших Остяков по Иртышу и многих, живших по Оби, также и Вогуличей, живших по Тавде, покорил и наложил обыкновенную дань мягкой рухлядью.

С Атаманом Кольцовым приехал из Москвы Воевода Князь Болховской в Сибирь с 500 человеками для умножения козацкого войска; но нигде не упоминается, чтоб Ермак лишен был власти; да и Воевода недолго пожил после своего приезда в Сибирь. Умножение народа в сем городе истошило весь козацкий запас, которого вновь получить было невозможно: ибо все почти покорившиеся Татары паки возмущались до приезда еще Воеводы с войском, будучи в том подкрепляемы одним Татарским Мурзою именем Карача.

Недостаток съестных припасов столь был у Русских в Сибири велик, что многие из них померли, а оставшиеся ели тела умерших своих товарищей; в таких обстоятельствах, возмущивши против Россиян побежденных Татар и Остяков, Мурза Карача осадил Сибирь, надеясь принудить голодом Россиян к сдаче; но Ермак его отбил и стан его взял. Сия победа обратив паки в подданство Русских побежденные ими народы возобновили паки к нам изобилие и Ермак помышлять стал о утверждении власти своея в завоеванной им земле.

Хан Кучум с своей стороны помышлял о отмщении Рос-

* Миллер. Гл. 2.

сиянам за причинные ему бедствия; а как не надеялся их победить явно, то прибегнул к хитрости, и подослал одного Татарина к Ермаку с ложным известием, что Хан Кучум остановил Бухарской торговой караван, едущий в Сибирь к козакам для торга. Ермак, поверив сему ложному известию, отправился оному каравану навстречу сперва вверх по Иртышу, а потом по Вагаю. Но шед долгое время, никого не встречая, и видя, что известие о караване было ложное, обратился назад, и не опасаясь ни от кого неприятельского нападения, пристал к берегу и вознамерился на оном ночевать. Непрестанные в пути труды, утомив козаков, заставили забыть осторожность и повергли их в крепкой сон. В сем случае первую, может быть, Ермак показал оплошность, не поставив около своего ночлега отводных караулов и сия оплошность стоила ему жизни: ибо Хан Кучум недреманно ему преследовал, и улучив сей удобной оплошностию козаков случай, напал на спящих и всех почти побил. Ермак, не оторопев в опасности, но пробившись сквозь Татар до берега, сскочил в лодку, которая по несчастию его находилась тогда в небольшем от берега расстоянии. Ермак упал в воду. Темная ночь и тяжелые его доспехи препятствовали ему достигнуть до лодки. И сей смелый и твердый в предприятиях своих муж скончал скачком жизнь свою, которую смерть щадила доселе на сражениях с неприятелем.

Едва известие о смерти Ермака Тимофеевича дошло в Сибирь, как письменный голова Иван Глухов, не надеясь быть безопасным между неприязненных народов, вознамерился возвратиться в Россию с оставшим войском; но боясь скорого преследования в пути от Хана Кучума, он обыкновенную дорогу вверх по Тавде почел опасною в рассуждении медленности плавания против течения воды; и сев в суда с остальными 150 козаками поплыл вниз по Иртышу и Оби и чрез Югорские горы приплыл на Печору.

Между тем отправлен был из Москвы новой Воевода Иван Мансуров с 100 человеками, и несколько пушек в Сибирь. Приплыв по Тоболу до Иртыша, он узнал от Татар, что козаки Сибирь оставили, и что вся земля паки подвластна Князьям Татарским. Мансуров, побуждаемый теми же причинами как и Глухов, не хотел испытывать счастья оружия, оставаясь в сей земле, ниже возвращаться по Тоболу в рассуждении медленности; он поплыл вниз по Иртышу, но воспрепятствуемый в плавании зимою, построил при устье оныя реки на берегу Оби городок, где пробыл зиму в немалом от Остяков обеспокоивании. С наступившею весною он отправился вниз по Оби и возвратился в Россию тем же путем как и Глухов. Итак, завоеванная козаками земля обратилась паки в подданство Татарских владетелей, и ни одного Русского в ней не оставалось.

Сибирь оставленная не была совсем забыта; едва Глухов привез в Москву известие о смерти Ермака Тимофеевича и о исходе Русских, как Царь велел нарядить войско для приобретения потерянного. Дорогая мягкая рухлядь, присланная к Царю завоевателем Сибири, та, которую вероятно привез с собою Глухов, новое титуло и приобретение великой области малыми средствами были для Царя довольные побуждения не забывать Сибири. И для того отправил для возвращения оныя двух Воевод Сукина и Мясова и письменного Голову Чулкова с 300 козаков.

Сии новые вожди Российских воинов пременили образ прежних военных действий, и последовали надежнейшему в незабываемом укоренении в Сибири Российского владычества.

Ермак, вступая в Сибирь, не имел нужды стараться о общении с Россиею. Отторгнутый от своего отечества без возвратныя надежды, ища лучшия страны, которая бы его вместо отечества восприяла; избегая мщениа Иоаннова, не надеясь на подкрепление ни откуда, разве своего мужества, он устремлялся токмо на завоевание, стараясь силы свои иметь совокупными, и вероятно, победы его не дороги ему становились. Еслиб слепое суеверие не отдаляло его от вступления в родство с побежденными, заключая с дочерьми их брачные союзы, Ермак не помыслил бы о извещении Царя и о своем завоевании; основал бы в Сибири область от России независимую, и утвердил бы в ней свое владычество. Новые же начальники, от Царя на возвращение Сибири посланные, наставленные примерами Глухова и Мансурова, и отправленные с тем намерением, чтобы утвердить в Зауральской стране владычество России и удержать навсегда в подданстве обитающих в оной народов, должныствовали прежде всего помышлять, каким образом можно утвердить сообщения России с Сибирью, и проезд во оную оградить от набегов соседственных народов.

Было ли таковое дано Воеводе Сукину наставление, или он следовал своего разума расположению; но едва вступил с войском своим в Татарские пределы, то вознамерился иметь при самом въезде в их область место укрепленное, для сохранения всех своих припасов и воздержания остающихся назади Вогуличей. Нашед для оного удобным место на возвышенном берегу реки Туры, где прежде был Татарский город Цимги, он тут построил укрепление и жилища и назвал оное Тюменем.

В то время как Россияне по смерти Ермака Тимофеевича вышли из Сибири, воспоследовала в правлении оной великая перемена. Кучум Хан, изгнанный из своей столицы и много раз побежденный, находился в тесных обстоятельствах. Князь Сейдяк потомства прежних Сибирских владетелей, коего родители были побеждены Кучумом, пользуясь его отдалением, возвратился из своего изгнания в Сибирь, был принят и при-

знан Государем; народ Татарский, укорененный в порабощении, мыслил, что платить ясак не можно иначе как Хану. Но сия не одна была причина восприятия Сейдяка. Сибирские Татары искали защищения против Россиян. Хотя Кучум был их завоеватель; но был их единоплеменник, был единого с ними исповедания, был отрасль славного поколения; то хотя для Сибирских Татар и был чужестранец; но иго его легче казаться могло ига Россиян: сии представлялися им ужасными; и если бы не что другое между ими вперяло различие, как исповедание, то отвращение Татар к Россиянам должно было быть велико.

Владение Князя Сейдяка хотя новое, имело однако же две не малые опоры. Один Ханской сын козачей Орды пришел к нему с изрядным войском, другая состояла в том, что сильный Мурза Карачи, отложившийся от Кучума, но Россиянам враг непримиримый, был вспомоществователь Сейдяку. При таких обстоятельствах Царские Воеводы не рассудили за благо нападать на Татар; но истребовали от Царя нового войска, и пришел Царской Указ, сопровождаемый пятьюстами козаков, с повелением построить город в близости Ханския столицы, что письменной голова Чулков исполнил весною 1587 года без малейшего от Татар препятствия, построив укрепление при устье реки Тобола, в Иртыш впадающей, и сие было началом первых Российския столицы всея Сибири, Тобольска. На сказку несколько похоже то повествование, что Чулков, зазвав к себе в гости Сейдяка, Царевича козачей Орды и Мурзу Карачу, сделал их своими пленниками; но как бы они в руки Россиян ни попались, то истинно, что после того остальные Татары, их подданные, удалились от Тобольска и Сибири и более оных не беспокоили. Пленники же отосланы были в Москву.

Утвердившись таким образом в середине земли, Россияне помышлять стали о распространении своего владычества, следуя принятому ими правилу заводить в новоприобретенных землях укрепленные места для защиты и хранения всяких припасов. Они прежде всего старались сообщение с Россиею сделать наивышше способнейшим и безопаснейшим; в сем намерении построен был город Лозвин*, которой потом запустел и уничтожен, когда лучший путь вместо Тавды открыт был с вершин Туры.

Для усмирения и удержания в подданстве Вогуличей построен Пельм** (а), для владычествования над Обию построены Березов** (б) и Сургут** (в), для охранения подвластных Татар, вверху Иртыша живущих, от набегов Хана Кучума, который не преставал беспокоивать России подданных весей и

* Около 1590 году.

** (а, б, в) 1592.

для распространения владычества ее над жителями Барабы в 1594 году построен город Тара.

Соседственность сего города со многими народами побудила сной населить паче других Сибирских городов, и снабжен всем нужным для продолжения побед и завоеваний. Действие соответствовало намерению. Хан Кучум был побежден совершенно, дети его взяты в плен и отведены в Москву, и он сам едва мог спастись бегством. Барабинцы были покорены, и сколь предпринятой против них поход труден ни был,* однако ничто не могло противустать мужеству Россиян, корыстолюбием подкрепляемому. С другой стороны Ургутские козаки владычество Российское распространили вверх по Оби, что поводом было к построению Нарыма в 1596 году.

Ничто алчности прибытка в Россиянах противиться не могло. Презирая все трудности и препятствия, превозмогая самую естественность, жители Березова, покорив всех окрестных народов, известились, что суть другие великие реки в Ледовитое море впадающие, при коих обитают разные народы. Сего уже было довольно, и вследствие разведанного Березовскими жителями отправлены были Князь Шаховской и Хрипунов и письменные головы с 100 козаками из Тобольска для строения на сих реках города. Сии, спустясь от Березова в Обьскую губу, а оттуда на лыжах на реку Таз, построили в 1600 году город Мангазею.

Обыкновенная дорога из России в Сибирь чрез Чердынь и Лотву на реку Тавду найдена многотрудною; и для того, ее оставя, стали ходить по Туре; и для того город Лозва уничтожен, а построены Верхотурье, для ямщиков же Туринск; сию новую дорогу от Соликамской на верховье реки Туры отыскал и прочистил некто житель Соликамской Артемий Бабинов, коего потомки и доньне живут в окрестностях города Верхотурья, за что он от Царя Годунова и Михайлы Феодоровича пожалован землею при реках Енве и Чикмане в вотчину и освобожден был со двором своим и деревнею от всех податей. О сем грамота Царская хранится у них и доньне, и любопытна для всякого любителя отечественной Истории.

Укрепясь на реке Оби, из Нарыма Россияне владычество свое простерли даже до вершины Кети и почти до устья Тома, и вся сия область состояла в ведомстве Сургута, опричь одного Татарского рода, Еушта называемого, которые над другими Татарскими близ живущими поколениями власть себе присвоили. Начальник сего рода именем Тояк, видя силы Российские, до него досягающие, и желая избегнуть жребия побежденных, поехал в Москву к Царю и добровольно по-

* Бараба, как известно, покрыта вся болотами и озерами, то иначе нельзя в сей поход отправиться как зимою. То учинено было в 159... году на лыжах.

рился его державе, предложив, чтобы в улусе его построен был город. Сие его предложение исполнено, и отряженный для сего строения козацей голова Писемской был основателем города Томска в 1604 году, откуда власть Россиян скоро простерлась по всему течению Тома и Чулыма и покорены были, хотя с сопротивлением, Кузнецкие Татарские роды и для удержания их в подданстве в 1617 году построен город Кузнецк. Что же касается до Тояна и Еуштинцов, то они по желанию их ясаком не обложены, а поверстаны в козацкую службу. Тояновы потомки управляли оным родом до нашего времени.

Колико тщательны были Российские Военачальники в покорении новых земель державе Царской, толико со своей стороны Цари Российские прилагали старание о безопасности, о внутреннем устройении покоренных в Сибири земель и о снабжении всем нужным содержащих в подданстве Царском Сибирские народы воинов. Не излишнее будет здесь пройти сокращенно все предметы государственного управления в новозавоеванных странах.

АНГЕЛ ТЬМЫ

[ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ „ЕРМАК“]

И се древний возмутитель небесных сил подьмлет из мрачного своего обитания огромное свое чело, излучистыми морщинами препоясанное, но яко волны обширного Океана, то досягающие зыбями своими до дна моря при напряжении бури и вихря, то изглажающиеся при отишии и зеркаловидные. Развесистые брови закрывают сверкающие очи, на коих обитает лесь, неистовство, обман, иступление, лжесмехи, коварство и ярость; изрыгающие, егда вещает, ложь, смерть и проклятие; еже зажаты житель всегдашняя ноши и отец призраков, терзаемый бессонницею вечною, едва возмогает отвыкшии от света разверзсти вежды. Но яко стрела, мощною древнего Парфянина рукою на луке задержанная, мгновенно излетает, парит по воздушной долине, едва оком в полете преследуемая, или паче, яко заключенный в медное жерло шаровидной чугуи внезапно громораждающим смещением из заклет своих исторгается, громовым треском и блистанием молнии сопутствуемый, свистит, несется, визжит, рассекает вихрящийся воздух окрест его, ускользя от преследующего ему ока; и, едва вообразить возможем, он меты уже достиг. Тако отец мятежа, неустройства и суеверия, отрясая с главы своей темноту, едва напряг сильные на злодеяния мышцы, уже возлетел, яко вихрь порывистый, на вершину Уральского хребта. И се жизненность восстенала, ощутив приближение своего непримиримого врага, удалилась от места, идеже он восседал. Острые верхи гор обнажились и покрылись льдяною корою на веки. Кремнистые гор сердца вострещали под тяжкою его пятою, разверзались и необъятные в недрах сотворили хляби. И се стихии, ощутив пустоту и пространство, внезапно стремятся на равновесие. Легчайшая из стихий огонь, возвиваясь от среды земная, летит вихрящаяся к ее поверхности, разъяренная в полете облаком, которой он пожирает, горя. Тяжкая из стихий вода, расторгнув состав земли и пресытятся ее растворов, катится отягченная от лица обиталища животных в разверзстый зев. Встречаются ненавидящиеся взаимно сии вещественности начала, но духом жизни в составе ее укрощаемые, встречаются и паче древних исполинов, устремляясь яростны одна на другую, не яко сложенные тела ударяемые, но пронизая одна другую во внутренности своей растворяемы, ботеют, множатся. Уже каждая капля воды, уже малейшая искра возрастают тмократно, расширяются и тесны окружить неизмеримые недра земноводного, упирают в них,

жмут, возносят, разметають и, не находя ни укротительныя прохладности, ни места на растяжение, колеблют всю внутренность, свергают горы, изглажают долины, отверзають хляби и пропасти и в бешенстве своем грозят природе, являя ей разрушение. Радость на единое мгновение возродила в нем древний образ Ангела света. Но радость сия была радость беснования, не могла не позабынуться; уже паки сердце его колеблется завистию и алчбою зла, подобно сердцу властолюбивого завоевателя, стремящегося на покорение вселенныя; уже взоры его новою блистають яростию, яко до белизны раскаленное железо, стреляя в окрест кипящие искры: уста дрожат и пенятся, трясутся все члены и, яко при нашествии незапныя тучи облако, рассеченное молниею, низвергает мгновенно смерть с ужасным треском; тако враг природы, возвыся грозящий глас, вещал.

О П И С А Н И Е
МОЕГО
В Л А Д Е Н И Я

ВОТ ОПИСАНИЕ МОЕГО ВЛАДЕНИЯ, ПОМЕСТЬЯ, ВОТЧИНЫ, ДЕРЕВНИ ИЛИ НАЗОВИ КАК ХОЧЕШЬ.

Проехав наш бывшей окружной городок, открывается довольно пространное поле, которое по временам года то серую единообразную представляет поверхность, то оную же покрытою редкою зеленостию, сквозь поблеклые остатки желтой жатвы проседающей. Тут видны на тощей пажити скитающиеся небольшие стада, поистине скитающиеся: ибо пасущиеся чрез целый день от утренней зари до вечерней, едва ли не тощи возвращаются во свое домовище. Сия серая поверхность поля, возделанная и утучненная, покрывается густою зеленостию, которая издали взору, бродящему по ней, представляет величественно распростертой ковер, какой очам все сильного явила юная Природа, на произведение любовью его воспаленная; и возрастая до совершенствования семени, зеленое былие желтеет. Зри, — восстав, дух бури несется по поверхности нив, колеблет желтые злаки и оку очарованному Океан представляет белокурый, на коем зренье тем паче услаждается, что зрит тут исполнившуюся уже надежду возделателя и совершившуюся благодать Природы на его прокормление. Настал день жатвы. И се при востечении денного светила зрится в селитьбах мирная тревога. Селяне оставляют дома свои и вышед, яко сильное ополчение, из-за оград жилищ своих, распростираются по нивам своим, где согбенны до земли и в поте лица своего подсекают волнующуюся жатву; несут ее воедино и возводят из нее, да сохранится от стихий и непогоды, сии готического Зодчества здания, сии заостренные конусы, скоро разрушиться долженствующие на продолжение жития нашего или воскошенные на утешение житейских скорбей и печали. Уже радостные раздаются по нивам клики. Жители, паки собравшася вкупе, возвращаются; торжественные гласы песни, победили убо скупую, но равно и милующую Природу, и надежные в прокормлении своем, восприемлют, возвратяся в дома, щенцов своих на лоно свое. Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминание! ниву селянин возделывал чуждую и сам, сам чужд есть, увы!

До распутия проехав полем сим (помянутое о коем при первом въезде моем исторгло сие стихотворческое изображение), начинается межа нашего владения, и дорога спускается

по пригорку и, подъехав к спуску довольно крутому едва по мелкому камню текущей речки, по левую сторону виден пространной яблонной сад, плетнем огороженной; за ним высокая роща, несколько хижин, покрытых соломою, между коими видны остатки каменного дома, которой даже в развалинах своих ничего готического не представляет. В правую сторону от дороги за речкою построена деревня, из 36 дворов состоящая. Прямо против двора, при въезде, стоят три березы, современницы моего детства, кои напомнили мне о беззаботливом начале жития человеческого и нередко о горестном его окончании.

Для другого я бы здесь окончил мое описание, но я знаю, ты сказанным удовлетворен не будешь; тебе нужны всякие подробности, не токмо число земли пашенной и другой, но соразмерность оной к числу поселян; имущество оных, способы и орудия воздѣлывания, оного обряды и многое другое, не говоря о качестве земли. Но ведаешь ли, соразмерны ли силы мои твоим требованиям и вместо чего-нибудь удовлетворительного не выйдет нелепое какое творение? Но как бы то ни было, мой друг того желает, а желание его для меня закон.

Прежде всего я тебе скажу что-нибудь о земле и о всем, до того принадлежащем, потом крестьянах, на оной живущих, далее доме моем и себе, и всем, ко двору моему принадлежащем, а наконец о способах к лучшему хозяйству. То же, что я произведу по устроеному мною плану, буду тебе сообщать по времену. Итак слушай и не наскучь.

Земля владения моего вся отмежевана и состоит в даче, принадлежащей собственно к селению, и во многих пустошах; иные рядом с главною дачею, иные отдѣленные другими владениями и некоторые за пять и двенадцать верст от моего селения. Первое неудобство в порядочном землестроительстве. Все сии земли не одному принадлежат в собственность, но разным, и в селении моем существует чересполосное владение. Вторая преграда на устроение порядочного земледелия. — Всей земли моего владения состоит около 1400 десятин, в том числе половина: лес, кустарник, луга и земля неудобная. Крестьян мужеска и женеска пола, то-есть всех поселян, на земле моей живущих и от нея пропитание свое восприемлющих, 360. Итак, на каждую душу, как то у нас говорится, приходит пашенной земли едва ли по 2, а всей, может быть, по 4 десятины указанных, то есть на каждых 10 000 квадратных сажен живет человек; на квадратной версте 25, или на квадратной миле 175. Какая пустыня в сравнении населения не токмо Мальты, но других государств! Со всем тем мы говорим, земли у нас очень мало, и ныне правилом полагается, что на ревизскую душу надобно 15, то-есть по моему исчислению на каждого жителя по 18 000 квадратных сажен, то-есть едва на квадратную версту 14, а на милю квадратную 98. Но исчислим, что

может земля дать возделателю и сколько потребно для его прокормления. Возьмем мерою исчисления квадратную милю и жителей на ней 100, и будет на каждого жителя 17 500 саж. квадр., или $7\frac{1}{2}$ десятин и более $\frac{1}{3}$, что и выйдет почти 15 десятин на ревизскую душу (из 100 жителей положим работников 50); положим $\frac{2}{3}$ оной земли на возделание, то-есть на пашню, конопляники, огороды и усадьбы. Если земля даст плод токмо третичный, то каждой селянин будет иметь на прокормление свое и своего скота 10 четвертей разного хлеба, ибо полагая во 100 только 50 работников, то на каждого выйдет 8 750 или 3 десятины и 1 550, то-есть меньше указанного положения на возделание, когда на тягло полагается пашни по 3 десятины в каждом поле. Но на прокормление его и его скота довольно 4 четверти, следовательно, остается на продажу 6 четвертей; избыток великой, если будет возможность на возделание толикого числа земли.

Вот еще подробности. Дача, к селению собственно принадлежащая, составляет многоугольный параллелограмм (в математике сие выражение есть, может быть, невежды, варвары), посредине оной протекает речка в довольно узких, но по величине ее довольно глубоких берегах, и вся почти дача, малое пространство исключая, есть по обе стороны скат к реке, сопровождаемый многими непродолжительными, но при устье глубокими рытьвинами, из коих большая часть уже поросла травой, которую косят на сено; в вершинах иных рытьвин болотины и застои водяные. По одну сторону речки построено селение; в ряды дома по улице, довольно тесно для деревянного соломоу крытого строения; позади пространные огороды или лучше конопляники: ибо огородных овощей сеют очень мало. Во сте саженьях господской двор с садом, в коем земли огорожено около 8 десятин; подле саду роща изрядная. Позади сей рощи к Востоку примыкает пустошь моего владения, в коей участника нет; из коей половина пашни, другая поросла лесом, простирающимся на версту в длину и 150 саж. может быть в ширину; в нем мы обильную имеем жатву грибов всякого рода. За сим лесом другая примыкает пустошь, которая большею частию принадлежит брату и еще другому владельцу; на ней поселено несколько дворов. За три версты от дома идучи к Северо-Востоку есть земля моего владения, большею частию мелким лесом поросшая, между оным сенокос и мочежины. Пашенная земля тут почитается доброю; думают, потому что недавно возделана, и место ровное, препятствуя стекать воде, напояет корни прозябений. К Востоку за 5 верст лежит небольшая пустошь по обе стороны мокрой весною лощины, дающей редкую траву. Тут есть и пашня. К Юго-Востоку находятся две пустоши: одна пашенная, а другая совсем почти лесная; лес осиновой строевой, но весь почти от небрежения вырублен. В середине его лужайки, на которых косят сено. В

нем много родится орехов и грибов. В малом расстоянии лежит небольшая деревня разных владельцев, в том числе пять дворов монахов. Земля владения чересполосного. В 13 верстах от селения, прямо к Югу, между двух небольших речек, лежит луг величиною 31 десятина единственного владения, которой по причине весеннего разлития рек изрядную дает траву, и сена дает от 2000 до 2500 пудов; заведений никаких нет, деревня была на оброке. Дом господской каменной развалился и все к оному принадлежащие строения; сад огорожен плетнем, подле сада пруд, за прудом сад другой; оба приносят в год оброку за оставшие деревья 125 руб. в год.

Качества земли химически я не следовал. Таковые опыты я делал над черноземом Тютнарским, отменно к плодородию способным; но опыты мои очень еще недостаточны. Чернозем лежит очень толстым слоем, и когда глубже аршина, под ним глина, а чаще охра желтая, оранжевая, местом опока или мергель песчаной, песок, еще ниже к водяному горизонту слои разной толщины глины, содержащей в себе купорос; там, кажется, и несколько травяных кореньев. По промывке водою, нашел я в черноземе половину почти белого кварцового песку и сия-то есть истинная причина рыхлости чернозема. Черной ил, от песку отделенной, дал с селитряной кислотою несколько селитры и железной соли; после вымытой ил остался сер. Кажется, в черноземе найти можно газов разного рода. Заключение и догадками воздержусь, доколе не исследую основательно.

Земля моего владения видом сера, а когда будет частым проездом убита, видом почти бела. Та и другая в воде распускаются и садятся илом; свежая земля немного посереет, но осушившись солнцем, крепнет, от воды липнет и мнется почти подобно глине, но в огне не твердеет и разваливается, с кислотами не кипит и песку в себе не содержит ни мало. Слоем на поверхности лежит тонким, не более шести вершков; под ним глина желтая, которая иногда с песком, иногда без песку, и сия на воздухе крепнет. Чернозем Тютнарской не требует для произведения навозения, иногда оно нужно, а во многом количестве вредит. Серая же земля без навозу дает редко что либо, oprичь соломы, барыша. Чернозем пашут меньше, а серую больше. Сказав, какова земля, скажу теперь образ оныя возделывания и способы к оному употребляемые. О задатках, даваемых земледельцами, их расчет капитала с доходом, от возделывания земли получаемым, сказать будет нужно что-нибудь, хотя в России (редко где исключая) разве одни семена почитаются задатки, орудие и здания кое-когда, а работа — ни за что.

Земля не вся одинакового качества, земля огородная и конопляники лучше всех: ибо навозится чаще других; за нею следуют полосы издревле крестьянского владения; сия земля,

исключая коноплянников, лучше других, ибо она унавоживается чрез два года в третий, или когда пашется под пар. За сею лучшею почитается та, которая прежь сего почиталася господскою пашнею; ибо она тогда бывала удобряема и, кажется, она лучше другой, хотя уже десять лет на нее навоза не кладут. Всех хуже почитают пашни отдаленные, на которые навоза не кладут никогда по причине их отдаленности; но и между ими есть разница, ибо то поле, которое лежит без скатов, равниною, имеет во мнении земледельцев преимущество, по той, может быть, причине, что более может иметь влажности.

Вся пашенная земля разделена на три части, или, по обыкновенному названию, на три поля: [одно] называется озимое, другое — яровое, третье — паровое: яровое есть то, которое начинают пахать как скоро снег сойдет и земля будет тала и, по вспахании, засевают яровыми или летними семенами, а паровое поле есть то, на котором с начала весны никакой не производят работы и которое начинают обрабатывать, то-есть удобрявать навозом, пахать и боронить после ярового сева, которое потом, после сенокоса и по снятии озимой жатвы, а иногда в продолжении оной, то-есть в Августе месяце, паки вспахивают и засевают озимым хлебом. Таким образом паровое поле, в озимое преобразованное, остается в следующее потом лето без возделания; итак озимое поле есть то, которое ни с начала весны, ни во все продолжение лета не возделывается, потому что оно уже засеяно осенью. Из сих изъяснений виден чин работ сельских, до земли относящихся, коих череда в естестве основана, а различия истекают от различия почвы, местоположения, а более всего климата.

Едва жизнедательную своею теплотою солнце начинает сгонять мертвую, но плододательную в Северных краях сдину зимы, как начнет в земледельце, а паче в России, возникать некая благая работливость; ибо зима, поражая преходящую смертью Природу, отъемлет у земледельца, хотя частию, его деятельность. Густеет, твердеет всякая от мороза влажность, и житель Северных стран, объятый мерзлою атмосферою, чувствует члены свои немелыми, позывает на лень и возлюбляет недействие. Но солнце, возвращая деятельность всей Природе, возвращает ее и человеку. Священные обряды подкрепляют в России веселое начатие весны: ибо скоро по равноденствию, когда продолжительное освещение Отца Природы начнет мертвить мерзлое дыхание зимы, учреждено величайшее и наиболее почитаемое торжество, во всех Греческого исповедания землях, Пасхи. Измождив седмиседмичным пощением тело свое, селянин обновляет силы свои тучною пищею и загустевшую кровь свою разжижает и воспламеняет крепкими восквашенными напитками. Праздник Пасхи будет в России долго священ, хотя бы исповедание ее переменилось; ибо в

сие время лучи солнечные, падая на землю более в отвес прежнего, растворяют мерзлую ее внутренность и делают ее удобною на возделание и на восприятие питательных зерн.

Поверхность земли потемнела, внутренность ее уже не мерзла, и земледелец, исправив свои орудия, приуговоряется к трудам.

Мы опишем по чреде труды селянина при возделании на разных полях земли, при кошении трав по лугам и по лесам, и при убиении хлеба на нивах. Земля вся разделена участками или полосами и каждой крестьянин, или лучше сказать, дома каждого хозяин владеет по мере, сколько считается у него душ, не ревизских, но полагая две души на тягло.

Нивы пашут больше и меньше, смотря по хлебу, какой на них сеется. Следующие суть роды хлеба, употребляемые земледельцами моими для посева ярового: ячмень, овес, греча, горох, лен и конопля; под ячмень и лен избирается земля лучше других, под овес похуже, а гречу сеют на самой худой; думают, как то и в других землях, что греча землю удабρίζει: и поистине, греча, будучи более свойства травяного, нежели зернистые злаки, хотя не удобряет, но не истощевает ниву. Солома гречневая почитается хорошим зимним кормом, по крайней мере лучше соломы ржаной. Но на Тютнаре говорят, что от нее скотина шелудивеет; а потому и в пищу скоту ее не употребляют; думать надобно потому, что она тучную дает пищу, подобно дятлевине; сему удивляться не надлежит; ибо если скотина много наестся озимей, то желудок не сварит сей тучной пищи, и скотину, как говорят, раздует, от чего и умирает; а лошади, однако же, озимь едят невредимо. Наконец, конопля сеют на наиболее навозом удобренной земле.

Пашут под разные хлебы различным образом: под ячмень три раза, под овес два раза, под горох два раза, под лен два раза, под конопля два раза, под гречу один раз. Пахать начинают в самом исходе Апреля месяца, и пашня и сев продолжают более двух недель; гречу сеют всего позже; ибо она холоду не терпит, хотя Сибирская греча или карлык может быть озимая. Предавши таким образом надежду свою земле, земледелец приступает к другим работам. В сем случае жители низовых стран пред здешними облегчены гораздо, ибо: 1, вместо двукратной и троекратной пашни, низовой земледелец сеет яровой хлеб прямо по жниву и редкой запахивает семена два раза, а чаще один раз вспашет и заборонит. Искусство его состоять должно только избирать лучшую для посева погоду. Но о благопоспешной или противной погоде будем говорить после.

По совершении всего сева, земледелец начинает обрабатывать паровое поле, да удобным его сделать на произведение плода в будущий год, и прежде всего земледелец удобряет ниву навозом; но сколь они в сем случае мало сведущи, мо-

жешь судить из следующего. Прежде всего старается он увозить коноплянки, что делает с начала весны; остальной навоз вывозит весь без остатку. Но лучшей двор, то-есть наиболее скотом изобилующий, в одно лето увозит разве десятину; на оную полагается телег до 400. Вывоз навоз на нивы, разбивают его по всей поверхности, елико возможно равнее и, разостлав оной, запахивают, стараясь, чтобы оно на поверхности не оставалось нимало. Сия есть вторая работа земледельца. Унавожение и пахание сие продолжается недели две, а тогда луговые травы, получив полной свой возраст, зрелы становятся для скошения. Перед Петровым днем или немного после оною начинают сенокосы. Сие есть поистине самое приятнейшее и опрятнейшее упражнение из всех работ земледельческих; сено косят у нас в шести местах, не говоря о малых лощинах; поелику сена мало, и действительно оно мало в соразмерности скота, то убирают его поспешно и с великим тщанием. Подкошенное сено мужчинами, женщины тщательно переворачивают, дабы обращая, представляя разные скошенной травы поверхности к солнцу, она скорее высохла и обратилась в сено. Скошенное и высушенное сено сгребают в копны, но на лугах никогда не оставляют, а свозят все домой и сохраняют его под сараями.

Сенокос еще не окончился, как приспела жатва ржи, что бывает обыкновенно в конце Июля месяца. Если рожь родилась густа и велика, то ее жнут женщины серпами, если же редка, то косят; вяжут снопы и кладут в адоньи, иногда на поле, а чаще позади коноплянников. Рожь еще не вся убрана, как начинают пахать и боронить паровое поле по одному разу; между тем сушат новосжатую рожь на овинах, молотят на семена, которыми засевают вспаханной пар. Старыми семенами хотя сеют, но редко; а никогда сыромолотным зерном не сеют, как то бывает в низовых местах; там таковой хлеб почитается лучшим для сева, ибо скорее всходит, а здесь им не сеют для того, что родится с травью. Думать надобно, если и здесь хлеб вывезть чисто, то он будет для сева лучше сушеного. Вспахав землю и посеяв рожь, начинают жать хлеб яровой. Сперва ячмень и овес, потом гречу и горох. Убирание хлеба ярового происходит поспешнее озимого: ибо оной жнут только тогда, когда мужчинам недосуг, а обыкновеннее его косят. Снопы вяжут не очень великие, дабы их лучше можно было сушить; между тем как возят с полей, оной уже молотить начинают; горох, конопля, гречу прежде, а потом и другие хлеба. Молотьбу производят почти чрез всю зиму. Еще до заморозов мочат конопля и стелют лен, собирают то и другое, сушат в избах, банях и овинах и мнут уже женщины; в Ноябре большею частию, а в Октябре мало, по свозке хлеба с полей, ездят в леса и приготавливают дрова, особливо на овины. Во время убирания хлеба по воскресеньям и праздникам бабы хо-

дят в лес по ягоды, орехи и грибы; двух последних родится у меня очень много.

Если меньшее количество земли дает больше плода, нежели пространнейшее, то прокормляет большее число людей, следственно предпочтется может в земледелии другой работе, которая меньшее число людей прокормит в состоянии. В сем то разуме огородное земледелие заслуживает внимание не только сельского жителя, но и самого Правительства.

Но с сей стороны работы моих земледельцов ничего не знающие и почти не существуют. Огородная работа совсем предоставлена женскому полу; разве когда мужчина вспашет огород, дабы тем работа была поспешнее. Итак, огороды сперва уваживаются, потом или пашут их грядами, или гряды вскапывают заступами. В разные времена полют негодную траву руками; насажденные вновь плоды поливают,нося воду или из реки, или колодезя ушатами или кувшинами; ибо, мимоходом сказать можно, что ведры в селении моем неупотребительны. Первое в Русском огороде и наиболее других уважаемое растение есть капуста, ибо она составляет основание ежедневной пищи Русского народа, шей или штей; потом редька и лук, яко пища постных дней, насаждается предпочтительно; спречь того в огородах садят огурцы, морковь, маленько репы, да в двух огородах, дворовым людям принадлежащих, садят картофели или яблоки земляные; сверх того, многие в огородах своих имеют несколько яблонь.

Образ огородного земледелия есть таков, что не может быть обширен ради трудного образа полонья и поливанья. Если бы для полонья употребляли скребки, маленькие заступы или сохи ручные, а поливали бы желобками, то великая бы произошла в сем земледелии перемена. Но доколе сего не будет, огородное земледелие будет всегда во младенчестве.

Капустные семена сеют всегда в рассадниках, то есть в ящиках на четырех колях, вышиною от земли аршина в два. Сии семена сеют в исходе Апреля месяца, прилежно поливают, на ночь закрывают и дают расти целой почти месяц и называется россодою. Когда растение уматерее, тогда сажают его по одиначке, на три четверти одно от другого расстоянием, на особых грядах; сначала два или три раза в день поливают, а когда оно хорошо укоренится, тогда уже его более не поливают, но только полют. Лук, морковь, свеклу и картофель садят около Николина дня; огурцы, репу и редьку гораздо позже. В близь-лежащем от меня городе садят брюкву или бушму в земле, которая родится величиною в человеческую голову. Садят также несколько бобов, но мало. Но опречь капусты и свеклы, которую рубят и квасют, все овощи едят зеленью. К огородному земледелию надлежит причислить хмель и расположение оного. А в заключение, расположение плодородных дерев, то есть одних яблонь.

Способы возделывания у нас не весьма обильны, а потому и хлеба родится у нас мало. Если крестьянин не семьянист, то он близко того, чтобы быть нищим; если одинокой, да и почти всякой крестьянин, богат, то конечно не от земледелия. Они не знают, каким образом оное обогащать может и вместо того, чтобы прилежать к оному, — прилежат к торгу и когда богатеют, то богатеют оным. Но о сем будем говорить пространнее, когда коснемся промыслов и упражнений крестьянских.

Способ первый к возделыванию земли есть рабочий скот. В нашей стороне землю возделывают лошадыми. Следующая есть соразмерность лошадей к населению и пашне.

Всего населения	360
Пашни	700 десятин
Лошадей	150

Итак на одну лошадь два селянина, то-есть по лошади на работника, считая мужчину и женщину, и $4\frac{2}{3}$ десятины на лошадь. Исчислим все труды ее во время пашни. Вспахать, положим, каждую десятину два раза и два раза боронить. Из $4\frac{2}{3}$ две трети возделывают в лето, то-есть 47 сажень в ширину и 80 в длину. Полагая на аршин три борозды, выйдет 423 борозды по 80 сажень длиною; умножив двумя, итак лошадь пройдет $270\frac{2}{3}$ версты сохою и 30 верст бороною, полагая две бороны на сажень. Итак, лошадь в три раза летом, то-есть в 12 дней, совершит 300 верст, по 25 каждой день; приложи к сему 50 поездок за навозом, 4 за сеном, из коих две за 13 верст, и всю уборку хлеба, то удивиться можно, как крестьянские лошади могут сию работу исправлять, сообразя с тем зимний корм — солома с малою посыпкою, а летом трава; приложи к трудам ее все поездки в лес за дровами и другими нуждами, подводы казенные общественные и господские, то едва ли должно заботиться, чтобы лошади были у крестьян хорошие: ибо сколь бы она хороша ни была, худому подвержена будет жребию.

За лошадыми следует скот рогатой: 100 коров, телок и телят, едва ли больше 300 овец, 70 или до 100 свиней и боронов. Когда же было господское хозяйство, то было овец 200, рогатого скота 50, лошадей 30; но крестьяне держали по пропорции лошадей меньше. От лошадей польза в возделывании земли и все нами исчисленные работы; от коров молоко, выручаемые деньги за бычков; от овец шерсть и овчины на одежды, мясо для пищи; свињи для мяса, поросята и кормные борова на продажу. Птиц держат очень мало, и то одних кур. А от всего скота навоз, которой умножают постилкою ежедневною ржаной соломы, которая, смешавшись с калом и урином скотским, перегнив, производит наилучшее вещество для удобрения пашен; но количество оно очень мало. Каж-

дая лошадь едва ли вывезет 50 возов, но положим 100 на лошадь, то сделает, что все крестьяне вывезут навозу 15 000 возов, разделим по 400 на десятину, то выходит, что селяне мои уваживают в год $37\frac{1}{2}$ десятин; а поелику навоз возят на три поля попеременно, то всей навозной земли в пашне нашей $112\frac{1}{2}$ десятин, то-есть из всей пашни немного больше седьмой доли. Какое бедственное хлебопашество, но со всем тем, если бы к сему земледелию присовокупляли крестьяне земледелие огородное, то обильное бы имели прокормление; ибо положим урожай сам четвертой, то озимого хлеба будет 320, а ярового вдвое, то и придет всякого хлеба на жителя почти по 3 четверти. Употребляя затем зимнее время в работу или промысел, состояние земледельца трудолюбивого может быть сносно, но только сносно, без избытка. Таков счет крестьян Ярославских, Костромских и некоторых других.

Говоря о скоте рабочем и другом, яко способе возделанию и удобрению земли и размножению хлебопашества, я не лишним почитаю сказать несколько слов о скотоводстве нашем вообще. Из предыдущего видно соразмерность нашего скотоводства к земледелию, теперь скажу о образе прокормления и воспитания скота. Лошади в селении моем весьма малы ценою, от 6 до 25 рублей: ибо из селян моих мало извозничают и дорогих лошадей не держат. Итак, весь капитал лошадиной не дороже положить можно, как 2000 руб. Жеребцов в селении нашем нет и кобыл очень мало, а потому и жеребят; и можно сказать, что скотоводство в сем отношении ничего не значит и почти принужденно; и если бы необходимость того не требовала, что нужны лошади для земледелия, то лошадей бы у нас не было. Теперь лошадей у нас на убылые места покупают, да и прокормление их таково, что жеребенок худо вырости может: ибо во всю зиму лошади опричь месива ничего не знают, то-есть сечки с малою посыпкою. Итак, солома яровая, а в недостатке и ржаная, есть главной зимний корм. Овес и сено дают только тогда, когда отъезжают в дорогу. Весною и летом во время пашни лошади питаются травой, растущей около полос; по ночам отъезжают с ними малые ребята, девки уже довольно взрослые, а иногда и молодые бабы в лес версты за две или за три. Когда же хлеб уберут с полей, то лошади ходят по жнитву, а в осень нередко и по озимям; при таком корме лошади бывают тощи и хотя бы были хорошей породы, то не возмужая истощают и к употреблению слабы.

Быков держат в селении нашем случайно; коровы есть во всяком дворе. Скотина вся очень малоросла и нехорошей породы, от 5 до 12 рублей. Итак весь рогатой скот стоит может 800 или по высокой цене 1000 руб. Летом все пасутся в общем стаде, сперва около лесов, потом по паровому полю, а после жатвы по жнивам и луговинам. Зимую скотину кормят яровую соломою, отелившихся коров только сеном; при таком

худом корме скотина тоща, молока дает на самую нужду, а масла копят только на розговенья и на масленицу. Рогатый скот в работу не употребляется, да и употреблять не умеют.

Овцы летом пасутся вместе с рогатым скотом; зимою кормят их сеном; соломою кормить боятся, говорят — помрут; когда ягнятся, то держат матку и ягнят с собою в избах, также телят и поросят со свиньею. Овец держат не в приборе, от того, думаю, их шерсть песиковата; стригут их в начале весны и осенью; доить их здесь не в обыкновении; хлевов или овчарен особых оне не имеют. Овца продается от 150 коп. до 2 руб. По средней пропорции капитал в овцах немного более 500 руб.

Свиньи летом пасутся в стаде, а зимою кормят мякиною; опоросившуюся свинью и взрослых боровов, готовящихся на убой, кормят несколько хлебом. Капитал в свиньях стоит до 200 руб. Итак, весь капитал в скоте состоит из 3700 руб., положим 4000. К упражнению скотоводства можно присовокупить пчеловодство; пчелы в 4 дворах, ульев счетом между 40 и 50.

Орудия земледельческие суть второй способ возделывания. Оне самые простые, таковы, каковы были, может быть, за сто лет. Землю пашут сохою о двух сошниках гораздо тупых, да и нужды нет, чтобы были очень остры: ибо земля столь тоща, что мало травы производит. У сохи железная палица, а в Туле видел я палицы полированные. Второе орудие есть борона: шесть рядов или 36 зубов деревянных, сплетенных прутьями. Огородное орудие: заступ не очень ловкой и грабли. Для сена: грабли и коса; заметим, что косы все Немецкие; одна была фабрика косная, но не знаю, существует ли. Горбуш или Сибирских кос не знают, которые тем только преимущественны, что сено сохнет скорее. При жатве хлеба употребляют: серп и косу с пальцами, что гораздо поспешнее и выгоднее. Такими бесхитростными орудиями возделывается у нас земля. Всякому новому заведению противится и предрассуждение, и малые крестьянские капиталы и нерадивость земледельцов. Капитал, употребленный на таковые орудия, очень мал и едва ли стоит 200 рублей, считая тут телеги и упряжку конскую.

В соразмерности со всем состоят и земледельческие строения; не кладу я в счет избу и баню, которые нужны всякому состоянию; опричь того двор покрытый, весною и осенью очень грязной. Хлев, сарай сенной, довольно непространной, и овин обыкновенной, весьма дурного и опасного сооружения; стоит до 1000 рублей.

Способ последний земледелия суть задатки, земле даваемые. Сии суть удобрения земли для семян. Удобрение делается посредством навоза, на дворах накапливаемого; он ничего не стоит, да и купить его нельзя. Другого рода удобрения у нас не знают.

Семян по сказанной нами уже пропорции в посеве на десятину выходит в год на 2000 или 2500 руб., в дорогой год может быть на 3000. Повторим.

Капитал скота	4000
„ орудия	200
„ строения	1000
„ семян	3000
<hr/>	
Всего	8200

Работу земледельческую за мужчину по 20, женщину—10, девок и ребят взрослых по 5 на лето, может стоить в лето 2500 руб.

Сравним мимоходом, не разбивая в разные стороны, доход всех моих селян с избытком хлеба, за исключением семян; в сей статье заключится также доход от лошадей и навоза. Семян выходит ежегодно:

Озимых	250	четверт.
Яровых	500	„

Урожай мы полагали третичной, то:

Озимого хлеба	750
Ярового	1500

За вычетом семян,

Озимого	500
Ярового	1000

По средней цене за яровой по 2 руб., за озимой 3 руб. будет:

За озимой	1500	руб.
„ яровой	2000	„

Итого с хлеба 3500 „

С коров доходу в каждой год, считая молоко, масло и продажных телят	600	руб.
С овец шерсть, битые бараны и овчины	250	„
Со свиней, считая битых поросят и боровов	70	„
С пеньки, покони и льна	580	„

Всего крестьянск. дохода . . . 5000 руб.

Что и составит более 50 процентов.

Исчислим также издержки подушных и прочих

около	230	руб.
Рекрутских деньгами в год	100	
Прочих и общественных	70	
На содержание свое хлебом	2000	
Доход с коров почти весь	500	
Доход с овец	250	

Со свиней	40
Посконь и лен	280
На мелочи всякие	30
	<hr/>
	3500 руб.
Господского оброка	800
	<hr/>
	4300

Остается 700, — на 360 — почти по 2 рубли, что каждый год от земледелия приобретается. К сему прибавить 50 человек, ходящих в зимнюю работу и выработывающих по 15 рублей каждой; будет да 750 руб.
. 700 „

1450

Итак, можно считать, что каждой год селяне мои около 1500 руб. приобретали капитала, из коего оточтя 500 руб. на праздники, выйдет по 25 рублей каждой год в клад. Сие исчисление, конечно, не увеличено, но если найдутся дворов десять, которые имеют капитала от 25 до 200 руб., то у других нет в кладу ни копейки, по причине или распутной жизни, или несчастных приключений, как то: скотский падеж, совершенной неурожай и прочее, тому подобное.

Исчислив таким образом все упражнения селян, относящиеся до земледелия и скотоводства, яко пособия оногo, теперь рассмотрим их рукоделия и способы приобретения, особнящиеся от земледелия. Рукоделие крестьянское всякое, если оно его не отлучает от земледелия, есть весьма полезно. — Следует, что самые мануфактуры, фабрики, заводы, звериные промыслы, извозы, поелику совершаются в зимнее время, суть весьма полезны: ибо долговременная наша зима, оставляя много праздного времени, не может лучше употреблена быть, как на что либо полезное или нужное. Но рукоделие и ремесло моих селян таково, что далеко их отвлекает от дома, да и на долгое время. Общее рукоделие женщин есть: прясть и ткать; прядут лен, шерсть, посконь, а конопли обращают в пеньку, которую продают купцам для отвоза на Гжацкую пристань.

Испряденную шерсть употребляют на сукно, черное и смурое, на зипуны или кафтаны, белое на онучи. Окрасив белую пряденую шерсть, ткут из нее панёвы, пояса и оборки.

Лен и посконь прядут, и ткут холст; но всегда не шире десяти или двенадцати вершков; ткут полотенцы с красными коймами. Холст идет на рубашки и частию на продажу.

Мимоходом заметим, что в России вообще три рода женского платья в простом народе, oprичь того, которое носят, подражая вышним сословиям: сарафан, панёва и полушубок или телогрейка с юбкою. У нас носят панёвы, то-есть: короткая шерстяная юбка, узоры которых доказывают Финское ее

происхождение; рубаха шитая. Девки ходят в одних рубахах; летом у мужчин рубахи с шитым подолом, воротом и красные оплечья и ластовки. Все сие заставляет думать, что толико легкое одеяние происхождения свое имеет из теплых климатов. Полушубок есть Греческое; сарафан, может быть, Славянское; но я удалился от моего предмета.

Рукоделия мужские суть различны. Первым крестьянским можно почесть плотничную работу: ибо нужда того требует; и в России, а у меня в особенности, всякой селянин — плотник; но сверх того между ними суть такие, которые плотничаньем приобретают деньги и таковых только я поставлю в счет. Следующие суть роды рукоделий:

Серебренники.	Плотники.
Канительщики.	Извозчики.
Кожевники.	Известники.
Пильщики.	Мостовщики.
Кирпичники.	Торгаши.
Каменьщики.	Пастухи и батраки.
Овчинники.	Лапотники столько, сколько
Портные.	дворов.

В других землях таковое исчисление рукоделий имеет место между городскими жителями, но в России долгая зима, малое плодородие некоторых губерний и худое хлебопашество преобразуют множество деревень в города.

Рассмотрим вышесказанные рукоделия, и поколику каждое из них полезно в связи своей с земледелием, и которое для него удручительно и расторгает.

Серебренник не есть земледелец и не вышел рукоделием своим из своего состояния. Хотя умеет делать всякую работу, но упражняется только в починках окладов, делает перстеньки, кресты, серги и другие для селян нужные вещи серебряные и медные; ездит по ярмонкам, продает оные и покупает выжигу или из чего оную делать может.

Живет обыкновенно дома и если бы он был земледелец, то мастерство его ему бы не было помехою в возделывании земли. Упражняется с женою в огородничестве и садоводстве; выучился по отцовскому приказу, которой заплатил деньги; умеет читать и писать.

Канительщик выучился сам; отец заплатил за него 20 руб.; живет обыкновенно в Москве один; имеет жену и детей, живущих у его отца; приходит в год два или три; прибыль получает очень хорошей; но не есть уже земледелец.

Кожевник, отходя на работу, бывал на заводах кожевенных и выучился сам; но сей род упражнения показался ему невыгоден, и он оставил почти свое ремесло, которое его от земледелия не отвлекало: ибо и ныне летом живет дома и возделывает землю.

Пильщиков ремесло почитается за весьма выгодное; ибо они более других достают денег. Обыкновенно, когда отходят, берут с собою из дому рублей до пятнадцати, ибо ходят далеко: в Малороссию, Киев, Херсон, Саратов, Астрахань и Петербург, где пилят корабельной лес. Пилы имеют свои, Немецкой, а более Английской работы, но не всякой имеет, и для того неимеющий идет в товарищи; всегда ходят по двое, в год вырабатывают на двух до ста рублей и более, но из того вычти, что возьмет с собою на дорогу, что на месте издержит. Уходят из домов в начале Сентября, когда хлеб убирать начнут, возвращаются в начале Июля: итак, дома не бывают от 9 до 10 месяцев. Земледельческих работ исправляют только сенокос и жатвы две трети. Итак сказать можно, что сии начинают уже выходить из звания земледельцев, любят сию работу, по той более причине, что живут на воле.

Кирпичников было больше, но с тех пор, как завелись пильщики, то их немного; работают в Москве во все лето и имеют на земледелие время только в Апреле и в конце Августа. Иногда тот же, который ходит летом в Москву делать кирпичи, зимою ходит в другую работу; итак, кирпичник, так, как пильщик и каменщик, есть худой земледелец. Каждой кирпичник в лето вырабатывает не более 50 руб., но половину проживает.

Каменьщики работают случайно, но поблизости бывает работа, и они, находя выгоднее в дом нанять работника, сами дом оставляют, но сия работа не ежегодная бывает, так же, как и мостовая; но сия еще меньше отвлекает от земледелия: ибо исправляют ее по времени.

Сколько есть пильщиков, более еще овчинников, и с сего ремесла начинают все молодые люди, из домов отходящие. Многие из них отъезжают на лошадях; те, которые ходят хозяевами, получают до 60 рублей и кормят лошадей во всю зиму, другие же идут в работники из половины, третьей и четвертой доли; сверх денег получают пищу.

Портные отходят от домов только зимою; шьют по большей части только шубы и крестьянские кафтаны; вырабатывают неравно.

Плотники работают всегда поблизости, по большей части весною и осенью, и сия работа мало их отвлекает от земледелия.

Извозничают очень мало и совсем безвыгодно, хотя то и бывает зимою.

Лапотников найдешь в каждом дворе, ибо кожаную обувь редко увидишь.

Известку ломают и жгут, если есть на то случай; ломают весною и осенью, жгут и возят зимою. Сверх сего двое держат постоянные дворы, получая в год каждой барыша до 30 руб. Промышляют иногда торгом, покупая сено, и отвозят

его на торг в город, или с решетками и кадушками в степные хлебные места, где товар меняют на хлеб. Помоложе нанимаются в пастухи и в летние работники, в лето за 10 и 15 руб., иногда и бабы нанимаются в казачихи.

Из всего вышесказанного можно видеть, что пильщики, каменщики, кирпичники суть худые земледельцы, потому что не живут дома и можно сказать, что $\frac{1}{4}$ работников земли не возделывают и не только от того вред земледелию, но вред населению: ибо отлучен от семейства, вдается в пороки, приносит болезни в дом. Баб с двадцать молодых бездетны, и удивляться не должно, что оне не соблюдают верность брачного ложа; живут одни без мужей, а сии им в распутной жизни дают пример.

К сему предварительному, паче многолетних войны опустошению, коего причина во всегдашней и долговременной отлучке крестьян от домов своих, можно другую же, оному поборствующую, найти причину, то-есть несоразмерность браков. Всеобщее почти у нас обыкновение женить малолетних ребят на взрослых девках. От того следующее неудобство: если девка 18, 19 и 20 лет, а парень 14, 15, а иногда 13 и 12 лет, то сперва молодая баба научится жить распутно, нередко берет ее свекор для себя; или же муж ее, начав очень рано, ястоцать должен свои силы, и до двадцати еще лет может стать к браку уже худо способен. Потом баба состарается и муж станет жить распутно, чему, ходя по свету, выучивается.

Прививание оспы не в употреблении.

Если мы рассмотрим состояние земледельца в подробности, то величайшие его отношения и обязанности состоят против его господина: 1. Сей может его продать оптом или по-дробно; не шуткою сие сказано: ибо сия по-дробность может быть такова, что дочь от матери, сын от отца и, может быть, жена от мужа продается. Но с публичного торгу только в разницу продавать запрещено, а оптом. Есть экономы, которые, изнузив земледельца работою, продают его остальные силы. 2. Господин может его заставить работать, сколько хочет. Ныне только запрещено работать по воскресеньям, и советом сказано, что довольно трех дней на господскую работу; но на нынешнее время законоположение сие не великое будет иметь действие, ибо состояние ни земледельца, ни дворового не определено. 3. Господин может его наказывать по своему рассмотрению, он судия его и исполнитель своих приговоров. 4. Господин есть господин его имени и детей его, дает и отъемлет по своей воле. 5. Распоряжает браками и спаряет, как хочет: следовательно земледелец есть раб в сем отношении совершенно. Итак, не может господин уволить селянина своего от Государственных податей, от наказания за преступления, заставить жениться на родне и в посты есть мясо.

В отношении Государства селянин обязан жить на одном месте, но и то, доколе господин его хочет; отдавать рекрут всякого рода какие бы ни были; платить подати; судиму быть за общественные преступления в судебных местах. Итак, селянин, если имеет употребление чего-либо, то делается только из благосердия господина. Но, кажется, поелику поселянин платит подать, то он, дая удовлетворения тому, должен иметь собственность, и проч.

Показав тебе какого рода земля моего владения, какие употребляются средства к ее удобрению, образ возделывания оной и насаждения, орудия для оного употребляемые, каким образом производится жатва и приготовления сена; словом, сказав тебе все то, что касается до строительства моего селения и до самих поселян, я чувствую, что желанию твоему не удовлетворил по мере твоего любопытства. Ты захочешь иметь исследование химическое верхнего и прозябательного слоя земли, да и тем паче, что кажется в подробности оного не исследовано, и поколику каждое начало оных земли действует на произведение былий, слышу ты вещаешь: лучшее средство исследования есть сделать состав земли, верхнему слою подобный, и подражать его плодородности; но ты требуешь нечто от меня нового и больше, может быть, нежели доколе досязается химическое мое знание; итак, жди, когда я оное исследую и представлю на твое суждение сделанные мои опыты — вновь ли изобретенные или повторенные. — Ты пожелаешь потом узнать, какие суть лучшие способы и обряды удобрения земли пахатной: ибо справедливо заключаешь, что нынешние суть весьма недостаточны; количество навоза на то употребляемого есть малообильно, равно как и способы к размножению оного; захочешь узнать о лучшем образе возделывания земли и об орудиях, лучшему хлебопашеству соразмерных, — о лучшем образе засева и собирания плодов, с исправленными для того орудиями. Ведая, что сена в соразмерности пашни мало, захочешь узнать о способах размножения оного, о удобрении лугов природных и о разведении искусственных, как и о размножении трав и овощей или кореньев съестных для произведения лучшего скоту корма и паств; захочешь узнать о лучшем способе в содержании скота и оттуда проистекающее размножение оного, — потребуешь о лучшем строении, для земледелия нужном и, наконец, о средствах дать селянам упражнение в зиму, яко праздное в деревне время.

I

Поелику один верхней слой земли есть слой прозябательный и производящий, то мы о нем только говорить станем и его исследование полезно быть может, а прежде всего скажем то, что он никогда не однороден и, кажется, что счастливое и случайное смешение разных земель делает весьма слой пло-

дородным или бесплодным. К плодородию много способствует климат и попеременное влияние дождя, теплоты, ветров и, может быть, грома и молнии: ибо не было еще толь тщательных наблюдений, чтобы узнать, какая погода есть самоплодороднейшая. Иногда она такова, что самые худые земли производят, как хорошие, как то в начале 1797 года. Также всякой земле находятся разные соли и металлы, а из сих, когда никакой другой, то железо конечно. Если то верно, что почти всем вещам железо дает цвет, траве зеленость, румянец розе, небесную синеву васильку, то не с вероятностию ли заключить можно, что черной и серой цвет земли от повсеместного расположения сего металла происходит, так как цвет глины — красный, желтый, синий. А поелику горючий газ есть одно из составительных веществ растений, то или земля содержит его в себе в каком-либо изменении или, что вероподобнее, что он производится посредством содержащегося в прозябательной земле железа, в кислоти какой либо растворенно, и сие произведение бывает наипаче после дождя; тогда при согревании солнца земля есть истинная песочная баня. Но о сем жди исследования моего.*

Я мало читал химических и экономических книг; в первых я находил исследования разных начальных земель, но не нашел исследования разных земель прозябательных: ибо оную почитают смешением разных начальных земель. Начальные: или первоственные земли по Кирвенову разделению суть:

- A. 1. Каменная или песочная.
 2. Квасцовая, основание всех глин.
 3. Известковая.
 4. Горькая, или магнисная, или терпентинная.
 5. Тяжелая.
- B. Металлические земли суть толики, колики суть металлы.
- C. Солей, сколько из составов разных кислотей с землями, металлами и алкалиями быть может.
- D. Газы многообразные.

По наружности земледельцы земли разделяют: на чернозем, на землю глинистую, песчаную и меловую; на всякой глинистой и песчаной есть чернозем и они потому плодородны, поелику велик в них оного примес. Та земля, где много песку, но не голой песок, называют супесь; а ту, которая более имеет глины — сухлить. Кажется наш кряж, хотя по виду есть глина, но есть иловатая земля: ибо в огне не твердеет, с водою хотя льнет, но обгорев, разваливается. Кряж около Пе-

* Что кислоты купоросной вероятно много в черноземе, то явствует на Тютнаре; ибо слой земли купоросной лежит под нею и много охры, которая есть также растворение железа.

тербурга, особливо в Нарве, каменист. Обыкновенным земледельцы разговором, говоря про земли, ставят противоположности: горяча или студена, мокра или суха, рыхла или плотна, мягка или тверда, легка или тяжела, сочна или тоща; но все сии названия суть мало определены, и дабы о них ясное иметь понятие, то бы должно было их точнее определить, в чем каждое свойство состоит и от какого земель смещения зависит.

Один Российско-Английский писатель о земледелии преподает следующие способы к познанию разного свойства земель: положив правилом, чтобы ниже верхнего слоя никогда ни пахать, ни копать. 1. Вырой яму по произволению шириною, глубиною во всю толщину слоя, тогда свойства ее вышепомянутые будут явны, горяча ли она или холодна и проч. Дай сей вырытой земле полежать на воздухе день или два, потом ввали ее в ту же яму и утопчи: то тощая и скудная не наполнит, средственная наполнит, а богатая и тучная преисполнит яму, так, что как ее ни топчи, но не вместится. Я не говорю для чего бывает так по его мнению, ибо оно для меня неубедительно. — 2. Добрая земля бывает черна или исчерна сера, после дождя приятной запах испускает, на языке рассыпается и тает, и если потереть ее между пальцами, она к ним льнет и мягка, жирна и слизка бывает; напротив того, худая бывает иссветла сера или желта, или ничем не пахнет, или пахнет худо, на языке дает вкус горькой, кислой или вязкой, в руке шароховата, легка и ноздревата. 3. На горах, холмах и косогорах земля хуже, нежели в долинах, лощинах, займищах, оврагах и буераках. 4. Где растет дуб, клен, вяз, яблонник, буквица, ромен, клубника, там земля добра. Березник показывает убогую глину, а сосняк, можжевельник и молодиль сухую супесь; а тростник, мох, жвощ, осока мокрую землю и болотную.

Для исследования, из каких веществ состоит верхняя слой земли, следующие суть опыты: на 16 золотников земли налей 4 зол. морской кислоты и 39 зол. воды перегнатою: если много кипит, то прибавь еще кислоты и дай отстояться, доколе кипеть перестанут. Подливай кислоту, доколе кипеть не перестанут. Процеди сквозь серую бумагу; на землю, в цеделе оставшуюся, влей $\frac{1}{8}$ ведра воды, жижу храни, а землю из цедела разведи водою и размешай. Песок, в земле содержащейся, отсыдет скоро, с оною слей воду мутную, и если в ней есть глина, то сыдет после; высуши, и узнаешь количество песку и глины. Буде в земле есть колчеданы, те тут же отсыдут. Его в земле истребляют многократным паханьем и известью. В цедежу на 8 золот. кислоты прибавь 12 золот. едкой летучей соли щелочной или водки соли амонянской с кипелкою; если, цедея, замутится, то в земле есть магнисная или квасцовая земля или металлическая, то-есть железная или медная известь. Про-

цеди замутившуюся цезу опять и влей раствору *неподвижной травной щелочной соли*. Если цеза замутится, то есть в ней известь; подливая соли пока мутится не перестанет, процеди, мой остаток в воде, и что отстанет, то будет известь. — В хорошей земле обыкновенно $\frac{1}{4}$ воды; дабы узнать количество питательного сока в земле, от согнтия животных и прозябательных вещей происходящего, возьми пуд земли, влей $2\frac{1}{2}$ ведра воды, кипяти *целой час*, дай отстояться, слей жижу, сделай то в другой раз, жижу выпари до суха; остаток сок сей, его бывает $\frac{1}{400}$.

Узнать металлическую или земляную соль: на 8 фун. земли влей кипятку $\frac{1}{32}$ ведра; дай постоять, смешав, процеди сквозь бумагу, в цезу влей *alcali fixe vegetal* разведенной; цеза замутится, если есть соль металлическая или земляная. Процедив, паки *едкой алкали летучей*. Процеди и прибавь *alcali vegetal*; если замутится, то есть соль известная; если замутится от *alcali летучей едкой*, то какая-либо другая тут соль земляная или металлическая; в цезу прибавь наливки орешковой; если замутится, то есть квасцы или металлическая соль, если почернеет, то железо, если посереет, то медь или квасцы. Если же прибавишь *alcali*, то от меди посинеет, от железа позеленеет, а от квасцов побелеет. — В цезу к наливке орешковой влей *едкой летучей alcali*, то отсядет магнисная земля. Соли в цезах садятся кристаллами — сии соли истребляют в земле кипелкою.

Из всех сих опытов видно, сколь они недостаточны, и что точно прозябанию лучшему способствует, оным не узнаешь. В трудах Экономического Общества переведено небольшое Французское сочинение, содержащее решение задачи, предложенной Бурдовскою Академиею: *какая причина вероятнейшая к плодородию земному?* Автор говорит: поелику растения не из одних водяных состоят частей, но и земляных, следовательно и питательной сок состоит из того и другого. Под именем земляных частей разумеет Автор также и соляные и тучные частицы; ибо они не токмо смешаны (*intimement*) с земляными, но и существование свое имеют от земли. Сии части, водою растворенные, входят в корень и питают растения; следовательно плодородная земля есть та, которая оные части содержит, а бесплодная, которая их не имеет, а может оные получить чрез искусство. Для познания сих частей следующий сделал он опыт:

На плодородную ненавоженную землю налив кипятку, дал стоять несколько часов, щелок тогда имел гвоздичной цвет. Процедил, цезу выварил, щелок под конец был темногвоздичного цвета. По краям сосуда приставала тонкая и тучная земля; щелок покрылся перепонкою. По совершенном выпарении осталось соляное вещество гвоздичного цвета. По частом цезении и выпарении ничего не осталось; чем земля плод-

роднее, тем крепче щелок. Земля кисловатая, глинистая и песчаная щелока дает мало. — Перегнал щелочной экстракт; сперва пошла флегма равного с землею запаха и вкуса. При умножении огня желтоватая пошла влага крепкого и вонючего запаха. Если же огонь очень силен, то, вспенясь, перешла вся. На дне осталась белая, легкая и ноздреватая земля; выщелочив оную, получил $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ постоянную соль сложную, которая с кислотами не кипит, иногда же она сама *alcali*.

Итак, плодородная земля содержит 5 частей растворимой земли и 1 часть соли. (Какая земля и какая соль не сказано). И Автор заключает, что она тучна: ибо пенится растворима; ибо расходуется в воде до чиста и тонка; ибо проходит сквозь серую бумагу и не делает осадки и пристает к краям сосуда во время варения. — Соль вываренная бывает неодинакова, иногда селитряна, ибо экстракт на огне трещит и пыхает, а *sarat mortuum* есть соль средняя, ибо не кипит; также садятся малые кубики поваренной соли.

Я предварительно сообщу некоторые замечания в испытании земель и их плодородия. Земля моего владения серовата изжелта; порастает, если не пахана, елкою и щевелем; без навоза родит яровое, а рожь не всегда; родится всегда ячмень лучше другого хлеба. Следственно, по правилам и практике она самого худого рода; но бывают годы, как то 1797, что она родит хлеб всякой без удобрения: следовательно, одно влияние духокружия может доставлять ей плодородие. Положив в стакан кусочик сей земли, я налил ее водою и чрез несколько времени находил, что вода сквозь всю ее проступила, она вся распустилась, села на дно, и воду оставила прозрачную без всякого вкуса и запаха; но вода в нее не так скоро проходит, как в тютнарской чернозем: ибо сей пронизаем бывает мгновенно; а причина тому, что в тютнарском черноземе есть половина песку самого белого, довольно крупноватого. Кажется, что можно заключить, что чем вода лучше и скорее пронизает землю, тем она лучший дает плод. Сие подтверждает опыт; в нашей стороне те места, где пашня не поката, она плодороднее других. Земля около Петербурга совсем сера и плоха, но лучше нашей: ибо в ней много камня, и вода ее пронизает удобнее. Если пашня у нас мягко распахана, то вода ее лучше пронизает и более способствует к ее плодородию.

Следующие опыты я делал с тютнарским черноземом: — в огне обожженной совершенно, но не столько, как горшки, он пожелтел; а один раз, обожженный и намочен водою, испустил дух серной печенки, которой однако же скоро разлетелся. Сей дух, думать надобно, произошел от пережженного колчедана. Размешанной в воде, дал половину белого песку и несколько весьма черного, на железной похожего, но магнит его не притягивал. Земля, отделенная от песка, была очень тонка, как бы тончайшая глина, и тихо садилась на дно, но села, и

вода осталась прозрачною. На землю налил я селитряной кислоты или крепкой водки белой, потом сливной щелок сей и землю омыл и высушил, стала бело-серая; водка стала желта, сильной испускала запах, хотя не дымилась; а сгущенная, оставила несколько кристалльных иголок, коих вида определить было не можно за неимением микроскопа. Вкус сих кристаллей показывал стягивающее и железистое вещество. Сей опыт и черной вид земли доказывают, что она много содержит железа, растворенного неизвестною жидкостию, и вероятно удобно производящего воздух горючей, в состав всех растений входящий. — Купоросная кислотность, влитая на сию землю, не отвлекла ничего и бела осталась.

Но не время еще говорить мне о том, чего я не исследовал с точностию; опыты недостаточные могут в вящее завести заблуждение; доселе известно то, что можно, посредством наипаче навоза, сделать землю худую равною хорошей в произведении; но удобрение сие есть временное, а чернозем остается плодороден навсегда. Если кто искусством покажет путь легкий и малоиздержестный к претворению всякой земли в чернозем, то будет толикой же благодетель рода человеческого, как Триптолем или Церера, научившие смертных возделывать землю: но хотя бы он и явился, благодетель сей Гений, Правительства наши не уважат его трудов, и сей жизнедательный новый Ираклий поживет неуважаем, презрен, в изгнании, и истине — не велико ли ослепление их? Если до сего еще не достигли счастливые или остроумные опыты, то обретением хлебного дерева сама природа дала к благоденствию вящему неимущего знак, но никто его еще не познает.

II

Обратимся теперь к средствам, изведенным и в новые времена употребляемым для удобрения. В Английском земледелии правилом полагается, чтоб, удобрив землю, должно стараться сохранять данную доброту земле. Сего последнего в России совсем не знают; во многих странах земли не удобряют (может быть и не имеют в том нужды), а где удобрение и бывает, то оно не надолго. Итак, средства сии мы отыщем не дома, но у других народов.

Земля удобряется двояко: 1. Возделанием или паханием. 2. Навозом, то-есть примесом в пашенную землю каких-либо веществ, силу плодородию умножающих.

Хорошее возделание земли зависит от повторяемого пахания, свойству почвы соразмерного, от приличного свойству почвы сеямого хлеба и от доброты земледельческих орудий. Тот почтется в сем отношении искуснейшим, кто в кратчайшее время возделает более земли таким образом, что извлечет из нее наиболее возможный плод, употребляя на то

мало-убыточные средства; но все сие не иначе, как относительно понимать можно: ибо тот, которой, вспахав десятину один раз, в один день, на одной лошади, получит с нее хлеба сам третий, не может в прибытке равняться с тем, которой, десятину пахав два дни, два раза, на двух лошадях, получит хлеб сам шесть. На одном количестве земли один против другого иждивил вдвое, но и получил вдвое: следственно есть лучший земледелец. Хотя бы первый второй день употребил на другую и прибыльную работу, и капитал, на вторую лошадь употребленный вторым, употребил также с пользою, но то будет не на земледелие. Но если, получивый с нивы своей хлеб сам третий, хлеб его был драгоценнее другого, и он продажею его выручил более получившего хлеб сам шестой, или хотя с ним наравне, то первого можно почесть лучшим земледельцем или, по крайней мере, остроумнейшим, ибо меньшим иждивением и работою меньшею получил прибыль равную.

В Англии начинают думать, что заступ есть орудие предпочтительнее всех других для земледелия: ибо посредством оного земля гораздо лучше возделывается, нежели сохою, и на такой земле драгоценнейшие плоды возрастить удобно. И истине: если я с двух десятин в каждом из трех полей с наилучшим возделыванием, рачением и удобрением не более получу счастья, один год за другой, как 200 рублей, по другому же разделению с одной десятины в шести полях 350 рублей, то-есть: что шесть десятин по старому наилучшему обряду дадут мне 200 рублей, или по новому Английскому манеру 350 рублей, а употребляя заступ и с двух или же с одной десятины получу столько же, то вопрошу: что прибыльнее? И для того-то можно бы в полуденных у нас местах искутиться в насаждении сахарного тростника, пшена срачинского и проч. А хотя смеяться будешь, но скажу, что я в Земцове намерен садить арбузы; и если можно сохи все истреблю.

Возделывание или пахание, разумею употребление сохи и бороны, нив почестья может тройко: 1. Вспарение или пар, то есть приуготовительное пахание. 2. Пахание для посева. 3. Пахание для очищения и удобрения, какое употребляется в Англии и в других местах, где лучшей введен образ земледелия, но у нас совсем неупотребительное.

Пар обыкновенно пашут в России только под озимь, обыкновенно в начале Июля месяца по окончании ярового посева, а где кладут на землю навоз, там по вывозе с дворов навоза. Редко где случится (да и то делает разве какой помещик, земледелец или паче прибыток свой любящий), чтоб вспаривали поля осенью яровые или озимые. Хотя тому, кто сие делает, довольно известно, сколько сие для лучшего урожая в хлебе полезно. И то можно назвать паром, что пашут повторительно хотя перед посевом яровым, но всегда с перемешкою. Озимое

поле парют один раз сохою и один бороною. Новину или чищебу, может быть, больше; и сие делают в России повсеместно. Поелику под ячмень у нас пашут три раза, под овес два, то и можно первые паханья почесть вспарением. В Англии в иных местах под пшеницу пашут до шести раз и все сии предварительные возделывания можно назвать паром. Разные овощи, на полях производимые, требуют вспарение пашни.

Засеяв землю в иных местах в России употребляют соху, в иных бороны. Вспахав и взборонив последний раз под яровое, засевают ниву и семена закрывают землею посредством бороны. Вспахав и заборонив последний раз под озимь, по засеяния землю взрывают сохою без бороны. На Тютнаре яровое сеют по жниву, подпашут сохою и боронят, а иногда сохою два раза. Под озимь предварительно вспашут, сеют и паки пашут. Следственно, работа в низовых местах гораздо лучше.

Паханье по посеве для очищения пашни в России не употребительно. В Англии производят то на овощных полях. Луга также вздирают скарификором или сглаживают бороною без зубцов.

Обыкновенным образом пашут, делая борозду одну подле другой сохою; доехав до конца полосы, оборачивают сохою и, переложив палицу, начинают другую борозду подле же сделанной. Плугом же или косулею, сделав борозду с одного бока борозды, другую начинают с другого бока. Последние борозды сходят на средние полосы; и сие делают для того, что плуг землю всегда отворачивает на одну сторону. Боронуют, ездя взад и вперед по полосе, иногда и поперег; также иногда пашут поперег, но в России сие мало случается.

Пред некоторым временем известный земледелец Толль, утверждая, что земля без навоза всякая, но одним влиянием воздуха, удобна производить всякие плоды, предложил новый образ возделывания земли. Он велит пахать землю высокими, но узкими грядами и таким образом вспаханное паровое поле пахать вторично и грядки делать на тех местах, где были борозды. Воздух, по его мнению, проищая землю, делает ее плодородною, и тем лучше она бывает, чем чаще возделывается грядами: ибо новую всегда представит на проищение поверхность; но опыты такового земледелия были неудачны, и Толлевы правила мало в Англии имеют последователей.

Здесь присовокупим мы несколько еще правил, опытами утвержденных, до возделывания земли касающихся. Возделывать, утверждают многие, должно только верхний слой земли, нижнего не касаясь, ибо оной совсем бесплоден. Но кажется, что сие правило не может быть общее и повсеместное: ибо если верхний слой глина, а нижний опока или мел, то смешение сих двух земель произведет почву плодородную. Если положение мест

таково, что требует насаждения лучших родов хлеба, например, пшеницы, а известно, что сия любит глинистую землю, а верхний слой черноземом* с большею частию песка, то нужно возделывать нижний слой земли, если он глина: ибо смешение произведет изобилие плодов. Следует, что возделывание нижнего слоя может служить удобрением.

Если пашня лежит по отлогому косягору, то нужно борозды делать поперег оного, дабы снеговая вода и дождевая бороздами была сдерживаема; если же пашня лежит по крутому пригорку, то надобно некоторые по крайней мере борозды сделать вдоль, то-есть сверху вниз, дабы вода свободно сбегала и не делала бы водомоин.

Также кажется, что по свойству земли надлежит употреблять и земледельческие орудия. Залопи и землю рыхлую и глубокую лучше поднимать плугом, а не сохою; а тот, кто захочет в Ингерманландии пахать плугом, тот труд свой терять будет втуне.

Утучнение земли в России в низовых, степных и Украинских местах не употребительно, также в Сибири по большей части; в прочих же местах употребляют только скотский навоз, но в оном не делают различия никакого. У селян весь скот, то-есть лошади, коровы, овцы и свиньи стоят вместе, и навоз их вывозят вместе всегда летом; на десятину кладут по 100 телег, считая на телеге по 15 пуд. Конопляники и огородные места навозят ежегодно, но нивы не чаще, как в третий год, а иногда и того реже.

Иные помещики делают и другие утучнения; наприм., лист древесной, кожанная кора, ил прудовой и золу; но мало. То все селяне знают, что всякое на пашне гноение ей полезно и утучнительно. В других землях, а паче в Англии, в великом употреблении *опока* или мергель, известь, мел. Рассуждая, что сии земли принадлежат к роду солей, что удобно притягивают в себя сырость из воздуха; зная из опытов, что известька есть матка селитры, то не побуждаемся ли заключить, что они суть навоз, поголику, поколику суть притягательны; и что плодородная сила земли получается ею из атмосферы; навоз же скотский, известно то из опытов, также родит селитру, имеет в себе летучую щелочную соль и удобно-втягивательною своею силою сообщает земле плодородие, из атмосферы оною привлекает. Но чернозем мало и очень мало соли в себе содержит, и опытами известно, что глинистую пашню можно удобрить песком или хрящем; и поелику в Тютнарском черноземе

* На Тютнаре и около чернозем родит обильно рожь, овес, гречу, годами просо; с навозом: конопля, ямень, но пшеницы не родит. На Волге, где земля рожь родит худо, пшеницы рожь в изобилии.

содержится наполовину песку белого кварцового, то не должно ли с вероятием заключать, что смешение разных земель также утучняет землю, по той причине, что оно делает землю рыхлою и ко влиянию атмосферы удобною.

Селянам нашим и то известно, что та нива, на которой посеяна была греча, та земля лучше родит рожь. Но не ведают, для чего, не понимая, что толстые ее коренья, землю раздвигают и согнив, дают навоз. Следует, что всякая даже трава, сгноенная на ниве, ее утучняет.

Но навоз надобно, чтобы хорошо был раздроблен по пашне. Из чего заключить можно, что он пашню делает рыхлою. Итак, думать можно, что все то, что пашню делает рыхлою, как то пахание, делает ее и плодородною. Итак, песок, положенной на глинистой ниве, способствовать будет к ее плодородию; но если к тому прибавится навоз, тогда она равняется с черноземом; ибо Английские земледельцы признаются, что на земле, удобренной мергелем, если положен будет навоз, то она плод даст гораздо лучший.

Знают ныне средства к умножению навоза, способствуя гниению. Делают в покрытых от зною, дождя, а у нас и от снега местах кучи, возведенные по чреде из скотского вымета, земли, хворосту и чего бы то ни было, и дабы скорее произошло согниение, то оные кучи ворочают часто. Таким образом производят навоза большее количество.

Количество потребного на ниву навоза должно соразмеряться доброте или худобе нивы и качеству навоза. Около Москвы и Петербурга навозят пашни сколь можно. В Тамбовской и частью в Тульской губерниях навозят поменьше; а если бы в Симбирской и Саратовской губерниях навозить хорошие земли изобильно, то хлеб никогда бы не созрел, ложась от силы и изобилия.

Удобрят также нивы сутолокою, то-есть оставляя скот, а паче овец, на пашне, на полдень или на ночь, делая около их загородки.

О удобрении лугов будем говорить после.

Новой род сеяния Г. Толля и Дегамеля состоит в том, что на ниве, вспаханной узкими грядами, сеять редко или сделанною для того нарочно сеяльницею сеять рядами на двух футах три ряда жита, а потом оставлять четыре фута пустого места, которое засеивается в будущей посев. Зерно будет одно от другого на семь и восемь дюймов. Следующею весною вырывают восшедшей хлеб, где он меньше четырех и пяти дюймов в расстоянии, потом пашут пустые места особою сохою, что повторяют, когда хлеб начнет колоситься.

Многие из земледельцев семена хлебные готовят: иные их копят в ригах, другие моют или вывевают; иные

мочат в щелочку или россоле и после посыпают известью, иные сеют сыромолотные семена, иные молоченные из сушеного хлеба. Но в том согласны все, что мытые, копченые или моченые пшеничные семена головни не родят, а кажется, опыты удостоверили, что на черноземе сыромолот лучше, а на навозе сушеные семена. Но перемена семян избавляет и от головни и лучшею всегда дает жатву.

Примечено, что когда после обильных осенних дождей бывают заморозы сильные, то хлеб родится лучше, также, когда первому снегу бывает осадка: ибо в сем случае земля удобнее промерзает. В записках Стокгольмской Академии подают совет: снег на нивах укатывать тяжелым катком. Для глинистых земель кажется весьма хорошо, чтобы земля промерзла: ибо известно, что глина, приготовляемая горшечниками, кирпичниками, гончерами бывает лучше, когда зиму пролежит на морозе и оным будет проницаема.

Количество семян, высеваемых на известном пространстве земли, соразмеряется по доброты земли и по качеству хлеба или паче по времени сеяния. В том все согласны, что на добрых землях меньше надлежит вверять семян ниве, нежели на худых, что озимого хлеба в половину надлежит сеять против ярового. Образ сеяния Г. Толля есть самой редкой, на десятину выходит по четверти; в России моченых семян на десятину по десяти и двенадцати четвериков, озимого хлеба от двенадцати до шестнадцати четвериков, ярового овса и ячменя от трех до четырех четвертей.

Орудия, употребляемые в России для возделывания земли, суть плуг, косуля, которую можно назвать полуплугом, и соха; сверх того у некоторых помещиков найдутся плуги на иностранной манер; также катки гладкие и с зубьями, но редко. Бороны разных видов: бывает железная, как то в Камышлове и на Тютнаре, деревянные зубья сплетенные, сделанные из еловых сучьев. Сохи около Петербурга имеют маленькие сошники; бороны похожие на грабли треугольные; но я думаю, внешний их вид каков бы ни был, доброты их не прибавит, а доброта их зависит от положения зубцов. Четвероугольную борону таца с угла, действие ея будет двух треугольных.

ПАМЯТНИК
ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКОМУ
ВИТЯЗЮ
ИЛИ
ДРАМАТИКОПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ
БЕСЕДЫ
ЮНОШИ С ПЕСТУНОМ ЕГО,
ОПИСАННЫЕ
СОСТАВОМ НЕСТИХОСЛОВНЫХ
РЕЧИ ОТРЫВКАМИ,
ИЗ ИРОИЧЕСКИХ ПИИМЫ
СЛАВНОГО В УЧЕНОМ СВЕТЕ
МУЖА
N N.
ПОБОРНИКОМ ЕГО ЗНАМЕНИТОГО
ТВОРЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ, ПРЕДЪИЗЪЯС- НЕНИЕ, ПРЕД.. И ВСЕ ТОМУ ПОДОБНОЕ

Для дополнения стихотворного отделения моей библиотеки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купил Тилимахиду; развернул ее (некогда для отдохновения от чтения торжественных песней), перебирал я в ней листы, и нашел, к удивлению моему, нашел в ней несколько стихов посредственных, множество великое стихов нестерпимо дурных... нашел, подивитесь теперь и вы, нашел стихи хорошие, но мало, очень мало. В сию минуту вошел ко мне знакомой мой N... Он держал в руках Жизнь моего отца, сочинения Коцебу. Мысль сверкнула в уме моем и я предпринял, наподобие сказанной книги или несколько на нее похожее, начертать что либо в честь впадшего в столь уничижительное презрение Творца Тилимахиды; попросил я моего знакомого взять перо и писать то, что я ему сказывать буду; а я, перебегая сначала листы сея тяжеловесныя пиимы, следующие произнес слова:

1. Вступление, Тилимахида на что нибудь годится, ни на что не годится. 2. Дядька, буря, мельничная плотина, виноград в боченке, поля, хрустальная лавка. 3. Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурной и бурой, небесная планисфера, огненной змей, Никола Подкопай, наряды Московские, алая телогрея, закусил язык, околица, Фалелеюшка мой батюшка, овин, пророк Валаам. 4. Портрет Цымбалды, охота к женитьбе, сечь лозою, Дон-Кишот, страшная пещера, подземная держава, кузница, как дураков дразнят, грязь, группа, дрянь, Лукерья, Енкалад, провались ставши, конец. 5. Время, силлогизм in varbaga, коментарии, смаху, ирой пчелы, странствование, Надворный Советник, глава и голова, петух, брысь, Зевес, узел, черти, Овидий, стал в пень и аминь. 6. Заключение, или апология Телемахиды и шестистопов.

Вместив все сии слова в VI номеров или отделений, повествованием, из Тилимахиды извлеченным, дав всему некоторую связь и сделав несколько примечаний о шестистопных стихах Российских, большим поэмам приличных, я составил следующую диссертацию, разыскание, разглагольствие, или... нечто, дрянь... или памятник. — Читатель! если ты раз хотя один улыбнешься, то цели моей я уже достиг.

I

Вступление

Тилимахида на что-нибудь годится, ни на что не годится.

Разговор

Б. и П.

Б. Предубеждение твое против Творца Тилимахиды чрез меру велико. Если ты рассудишь, что вымысел сея книги не его, что он отвечать не должен ни за ненужное и к Ироической песни неприличное, ни за места слабые или растянутые... то о нем должно судить разве как о человеке, полюбившем страстно Фенелонова Телемака, захотевшем одеть его в Русской кафтан, но будучи худой закройщик, он не умел ему дать модного вида и для прикрасы обвесил его колокольчиками.

П. Но его нелепые стихи, переставление речи столь странное, столь глупое, столь смешное. — Невозможно подумать, чтоб книга сия на иное что годилася, как на завивальные бумажки или на — что пожелаешь.

Б. Согласен во всем том, что ты сказал; — да читал ли ты Тилимахиду?

П. Читал ли? — Можно ли не ради смеха сделать такой вопрос? — Или думаешь, что я хочу занемочь?

Б. Занемочь? — Разве Тилимахида не может служить вместо сиденгамова жидкого лаудана?

П. Нет, конечно. Она ни на что не годна, ниже от бессонницы. Правда, многие Российские творения (а паче стихи) могут служить вместо усыпительного зелья, но не Тилимахида.

Б. Могу и в том согласен быть с тобою. Но ты не читал ее и для того воздержись от решительного приговора и сентенции ее не подписывай, ибо (так говорит какой то славной писатель), что нет столь худого сочинения, в котором бы не нашлось чего-либо хорошего.

П. Что может быть в Тилимахиде хорошее? И тому я не верю, чтобы ты в самом деле противное моему имел о ней мнение.

Б. Я истинно думаю, что она не вовсе бесполезна, — а если можно убедить, что она годится на что-нибудь такое, что доставить может удовольствие, если творец Тилимахиды заставит тебя улыбнуться, то венец ему уже готов.

П. Верить не могу, чтобы возможность была заставить с Тилимахидою улыбаться. Зевать заставишь, зевать до ушей.

Б. Зевать нас многие заставляют; но иная зевота бывает в пору, кстати, иногда похожа быть может на улыбку, — но прочти следующее, потом станем опять говорить о Тилимахиде.

II

Дядька, язык Французской и Чухонской, бирюлки, дичь, сказка, буря, роскошная жизнь, мельничная плотина, столпы и кумиры, виноград в боченке, поля, хрустальная лавка, то-есть лавка, где продают хрустальную посуду, зеленая постеля.

Летописи повествуют, что у Митрофана Простякова был меньшей брат, не по росту, не по уму, но по рождению меньшей, именов Фалелей; что матушка его, видя неудачу в воспитании большого своего сына, вместо няни Еремевны приставила к меньшему дядьку, которого назовем мы именов славнейшего из всех дядек — Цымбалдоу; и что госпожа Простякова выгнала предварительно из дома своего всех учителей: Кутейкина для того, что он не знал гражданских писмен и что Цымбалда сам мог Фалелея учить грамоте; Цыфиркина для того, что нужды нет нимадой тому в арифметике, кто умеет считать на счетах; Вральмана (выгнали даже Вральмана!) для того, что сыну ее был случай учиться с меньшим иждивением всем наукам и языкам иностранным, хотя не по Французски, но все равно, языку древнего Финского народа у пастора Лютеранской церкви, где крестьяне Простякова были прихожаны.

Зане ведать надлежит, что Простяковы, избавляясь опеки (под которую отданы были за лютость поступков своих с подчиненными их людьми властью Правительства, о чем с Недорослем справиться можно), истребовали дозволения продать деревни и на вырученные за то деньги купили в Копорье мызу Наренгоф, где крестьян было половина Русских, половина Финнов или Чухонцев. Итак, известные лютым своим обхождением с крепостными своими в одном углу Российского пространного Государства, жили как добрые люди в другом углу и, сравнивая обряды новые, которым они учились у своих соседей, с обрядами тех мест, где они жили, они находили (по мнению своему), что они оглашены в жестокостях несправедливо.

Фалелей был избалован, но не столько, как его большой брат. В куклы уже играть перестал, боялся лозы и своей матушки, которой родительская любовь не отымала еще охоту в нем к учению, не сделала его еще болваном совершенным, или, сказать точнее, не поставила его еще на стезе быть дураком или повесою. Цымбалда был дворовой человек г. Простякова, доставшийся ему по наследству. Он когда-то учился грамоте, не пил ни вина, ни водки... но лучшее в нем качество было его простодушие. Прежней его барин был также грамотей, имел несколько книг, которые читывал только в праздное время, занят будучи всегдашнею карточной игрою, но, неза-

долго перед своею смертию, все книги он проиграл, почитая за ненужное их взять с собою, опричь двух томов Тилимахида, которую ни в какой цене разыгрывать не хотели, бояся, что принесет — к тому, кому она достанется, в дом скуку несносную; столь велико было предубеждение к сему великому Творению. Итак, Тилимахида досталась Цымбалде. Он в доме Простяковых был доселе без должности (зане присмотр за певчими птицами и очищение их клеток важным именем должности нарицать нельзя, хотя и то правда, что рачение о чижах и щеглятах доставило ему звание Фалеева дядьки); без должности Цымбалда, и в скуке почти, читал и перечитывал Тилимахиду, выучил ее столь твердо наизусть, что если бы Цензура строгость свою на нее простерла и чтение ее запретила, то он бы, как Кремуций Корд, во время Тиверия Кесаря, сказать мог: запрети и меня.

Цымбалда читать мог то только хорошо и твердо, что читывал много раз, что, затвердивши, мог читать без книги; писать не иначе мог он как по линейкам, не иначе, как имея всегда пропись пред глазами. Будучи пожалован в дядьки и Профессоры к Фалелею, обязан будучи учить его чему-нибудь и не зная ничего, опричь Тилимахида, он вознамерился преподавать наставления своему воспитаннику так, как то дельвали некоторые древние философы в Афинах, то-есть, преподавать учение в разговорах во время прогулки. Встретившись таким образом мыслию с Руссо и Базедовом, относительно изящности чувственного учения, он с новоманерным своим Емилем ходил в ясные дни Маия и Июня гулять вдаль от дома, или когда ненастная погода не позволяла им делать Емилеподобные представления по лесам, лугам и нивам, то комната их превращалась в Филантропину, где недоставало только Вольке и Базедова с их начальною или стихийною книгою и нужных для нее картин, а то бы мыза Наренгоф столь же прославилась в Европе, как и заведенное в Германии училище сими славными Педагогами.

Некогда в один осенний день дождливой, Фалелей с дядькою не выходил из комнаты своей никуда и, наскучив играть долго в бирюлки (как употреблять должно бирюлки при чувственном воспитании, о том Цымбалда обещал издать в свет описание), Фалелей и Цымбалда легли спать ранее обыкновенного.

Полежав гораздо долго, повертевшись с боку на бок, Фалелей сказал:

— Дядька, а дядька!

Цымбалда.

Что ты, батюшка, почивать не изволишь? Завтра, кажется, день будет сухой, и дождь перестал; мы утром встанем пораньше и пойдем в рошу.

Фалелей.

Не спится, дядька, как ты хочешь. Дичь такая в голову лезет — скажи пожалуй мне сказку. Няня Еремевна брата Митрофана всегда усыпляла сказками, какое-то финисно ясно перышко, Фомка, Тимоня, Бова... Дядька! ты ведь читать умеешь. Пожалуй, расскажи, я засну скорее.

.

Фалелей.

Нет, дядька, в Москве вертепы носят деревянные. Помнишь, мы видели о святках? Куды как хорошо!..

Цымбалда.

«Стены одеты младым виноградом, распускающим всюду гибкие свои отрасли»... .

Фалелей.

(вскочив, сел на постели).

Дядька! попроси завтра у матушки винограда, я видел привезли ей из Москвы целой боченок; но мне она ныне не дает ничего, говоря: избалуешься так же, как Митрофан.

Цымбалда.

(продолжав).

«Животворны Зефиры блюли от солнечна зноя нежну прохладу. Тихо журча, текли ручьи по полям цветоносным и представляли струи вод чистых, как кристалы».

Фалелей.

Помнишь ли, дядька, как мы были в хрустальной лавке, но воды хрустальной я там не видал.

Цымбалда.

(с нетерпением).

Спи, Фалелей. (Говорит поспешно). «Множество разных цветов распещряло зелены постели»... .

Фалелей.

Знаю, дядька, знаю; у матушки есть приданая штофная зеленая постель.

Цымбалда.

Спи, или я перестану. (Говорит очень скоро). «В рошу лучи солнца не могли проникнуть. Слышно было в ней пение птичек, и шум быстра потока, которой устремлял свой бег с верхов многопенисто и, по лугам пресмыкаяся, вдаль убегал».

Цымбалда, приметив, что Фалелей заснул, прервал речь свою. Правду сказать, он не знал, как взяться за рассказы и для того связи в речах его мало было. Доволен тем, что усыпил Фалелея, он лег. Маковые пары, исторгшиеся из Тилимахида, скоро обременили его вежди, и он захрапел столь же звонко, как храпит стих Тредьяковского или... чей еще, то скажем в другое время.

III

Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурной и бурой, небесная планисфера, огненной змей, наряды Московские, алая телогрея, закусил язык, околица, Фалелеюшка, мой батюшка, овин, пророк Валаам.

На утрине... Цымбалда, пробудившись, был смутен. Он видел сон, и сон его беспокоил. Лучшие в историях и в сказках Ирои смущались сновидениями, — жаль, что нет предо мною теперь всеобщей какой истории. Лежат на столе моем Расин, Шакеспир и пресловутая Россияда. Из них возьмем примеры. У Расина встревоженная виденным ею во сне образом юного Иоаза, Нафалия, смущенная чрез целой день, не может подкрепить духа своего доводами неверующего в чудодеяния разума: «Ужель, вещает она, мне верить сновидению?» Но дух в ней трепещет. — У Шекеспира злобной Ричард, убося сонныя мечты, воспрянул от ложа своего: «Коня, коня!» вещает. Ему зрится Ричмонд, и он предузнает свою кончину. В Россияде... Теперь довольно; а о сновидениях Россияды в другое время.

Цымбалда, смущенной духом от сновидения...

Вопрос: Да что же он видел?

Ответ: Подожди немного; Фалелей еще спит — но вижу, что начинает шевелиться и потягиваться; надежда есть, что скоро проснётся изволит. Итак подожди, ибо Цымбалда не для нас отверзает велеречивые свои уста; не для нас, но для Фалелея, дитяти в семнадцать лет. Ведомо всем да будет только то, что Цымбалда верил снам, почитал тех людей, которые сны толковать умели, и сам выучился немного определять их смысл и значение по печатному соннику. Дарование не малое! которое не иначе приобрести можно, как за двадцать алтын с гривною, или же за целой рубль от Гл...ва или Со...ва, у коих в телячьих, златом и разными шарами испещренных ризах, хранятся творения Ч..., Лирическое (в целой том) Послание Н..., Земледелие Р..., Поваренной Словарь, Стихотворения К..., (между которыми прекрасного перевода его А — ы печатать видно не дозволено), Тилимахида, Иерихон К... ча и пр. и пр.

Фалелей.

(Сперва потянулся, потом отверзая глаза).

Дядька! ты меня так напугал вчера бурей или тучей, что мне она и приснилась.

Цымбалда.

Сон? Сон? сударь! — С нами крестная сила! и тебе, ба-
тюшка, грезилось? ..

Фалелей.

Дядька! что ты глаза так выпялил? Я видел точно такую
бурю во сне, как ты мне рассказывал.

Цымбалда.

Не томи меня, дитяtko, расскажи поскорее. . .

Мы уже читателей наших предварили, что Фалелей не столь
был болвановат, как брат его Митрофан; рассуждения его,
конечно, не были остроумны, но он имел память. Сколько
людей известных нам, которые, выучив только наизусть Поми-
луй мя боже или. . . что другое, не последними почитаются
в свете. Итак Фалелей, забрав в память несколько Тилимахидо-
дядькиных выражений, начал сон свой рассказывать, как то
следует ниже сего:

«Я сидел на хорошем корабле или судне». . . — Дядька! что
такое корабль или судно? Нет ли чего на них похожего у ба-
тюшки в амбаре?

Цымбалда.

Корабль есть. . . корабль; он похож. . . сам на себя. А суд-
но. . . продолжай, Фалелеюшка; когда будешь в Петербурге,
то увидишь и корабли и суда. У нас и в песни про суда поют;
по той ли по матушке Камышенке реке плывут, выплывают два
суденышка.

Фалелей.

* «Ветр надувал парусы наши. . . — Дядька! а что ж такое
парусы? Я знаю у матушки девки носят парусинные юбки,
у Тараса кучера есть парусинной балахон; как он сядет на
козлы, то ветер его развеивает. . . Вчера я видел как ветер на-
дувал юпку у Лукерьи. — Дядька! которой ей год? — Она
такая хорошенькая! всегда со мной играет.

Цымбалда.

(про себя).

Как не верить снам!.. (Громко). Что нам до Лукерьи. Рас-
сказывай, что тебе во сне виделось.

Фалелей.

«Гора уже нам хохолком малым являлась». — Дядька! ка-
кие на горах хохлы бывают? Я не видывал. У Митрофановых

* Тил. книга VI, стих 318 и след.

голубей есть хохлы, у Еремевниных куриц есть также хохлы; в Москве на головах у каретных лошадей хохлы ставят. — — —

Цымбалда.

Не хохолком изволь говорить, но холмиком... хер, он, — хо; люди, мыслете, иже, — ами, холми; како, он, — жо, холмико; мыслете ер — мь, холмиком; а холмик — маленькая горка.

Фалелей.

«Всякая мышь»... Дядька! сыщи пожалуй кошку, мыши у меня съели кусок миндального пирога, что матушка мне пожаловала.

Цымбалда.

Не мышь, сударь, а мыс.

Фалелей.

Дядька! я не знаю, что такое мыс, ну так: «Всякой мыс и все берега от очей исчезали». (Фалелей, перервав речь свою поет тихонько): Очи ясны, уста красны, личико беленько. (Помолчав немного): Се... сеж. Дядька! что такое се?

Цымбалда.
(важно).

Слово, есть, — се.

Фалелей.

Знаю, Дядька, се же.

«Се вдруг бурой свистун омрачил синее небо». Как это, дядька, быть может бурой свистун? Сёмка повар свистун великой; а бурой — жеребец, что батюшка купил на ярмонке для завода?

Цымбалда.

Не бурой, а бурной...

Фалелей.

(перерывая речь его поспешно).

Дядька! бывал ли кто на небе?.. Как туда ездят?

Цымбалда.

Как туда ездят не знаю (извините, если Цымбалда не вспомнил о воздушных путешествиях, позабыл Икара, Монгольфьеров, Бланшарда и прочих, или их не знал), но посмотри в календарь, там говорят о небе, как будто туда ездили.

Фалелей.

И подлинно чудеса! Ты мне, дядька, рассказывал про гу картину, которая осталась в Московском нашем доме после жильца.

Цымбалда.

Помню; подписана небесная планисфера; а что такое, не знаю. На ней были всякие звери, медведи, змеи...

Фалелей.

Матушка иногда рассказывает, как змеи огненные летают по небу.

Цымбалда.

А сон мы забыли?

Фалелей.

Изволь: «Возмутилась морская вода; день переменялся в ночь — смерть предстала...» Видал я, дядька, смерть, сперва написанную, а после видел настоящую смерть у того же Московского жильца, которой оставил картину. Ах, дядька, как она страшна! Одне ребра, ноги как спицы, руки висят как плети, голова плешивая, глаза две дыры, нос также, рот страшнее всего, до самых ушей; зубы все наружи; батюшка и матушка так испугались, что матушку вынесли без памяти, а батюшка ушел, боялся, чтобы не съела. То-то страху было! Ну, за то жильца матушка сослала со двора на другой же день; — теперь еще мороз по коже подирает. (*Задумался*). Дядька! смерть отбила у меня память, и я сон забыл.

Цымбалда.

Изволь вставать с постельки, пора покушать. —

Сон не выходил из головы у дядьки. Ему приснилася Лукерья, которая отняла у него Фалелея и с ним исчезла. Цымбалда боялся, не берет ли его воспитанника охота жениться, как-то бывало с Митрофаном, и для того он испытать захотел его. В таком намерении, позавтракав немного, повел его гулять вокруг деревни.

Фалелей

(идучи).

Дядька! что ж ты молчишь? Расскажи что-нибудь.

Цымбалда

(не спуская с него взоров).

* «Мы приплыли на остров Кипр, посвященной богине Афродите».

Фалелей.

Дядька! как мы домой придем, сыщи мне в святцах, в которой день ей празднуют.

* Кн. IV, ст. 262 и сл.

Цымбалда
(не прерывая речи).

«Сшед на остров, почувствовали воздух тихий, вдыхающ нрав веселой и игривой. Поля были плодоносны, прекрасны, но везде впусе, столь все жители были трудам неприятели. Жены и девы, нарядно одетые, шли в ликах, Афродите хвалы воспевая. Шли в ее храм, посвящать ей свои сердца. На лице их красота, приятность, миловидность, но притворны они были; их старание, их мысли всегдашние были токмо о нарядах; заплетенные их космы по хребту распущенны; волосы завитые возвышались рядами, переменные рясны в одеждах пестротой блестящих цветов».

Фалелей.

Ты что-то хорошо рассказываешь; а кто ж такие нарядные барыни?

Цымбалда.

Нарядные все живут в Москве, а в деревне на крестьянках сарафаны, на дворовых телогреи.

Цымбалда приметил, что Фалелей против своего обыкновения речи его мало перерывал вопросами, глаза его сверкали, дыхание было скорое. Цымбалда, хотя был не Любомудр, но практическая философия свойственна может быть самому простому человеку; он видел в питомце своем необыкновенную перемену, ясно видел, что хотения начинали тревожить если не его душу, то по крайней мере чувства. Подумав немного, он стал продолжать свое повествование:

* «На Евхарите одежда Артемиды богини...»

Фалелей.

Не Артемида, дядка, а Артемий.

Цымбалда
(не возражая ничего).

«Одежды придавали ей приятности новы...»

Фалелей
(прерывая).

Ах, дядька, в праздничной день нарядится в алую телогрею и на голову повяжет алой шелковой платок, то лучше всякой твоей богини.

Цымбалда закусил язык и умолк; Фалелей сколько ни просил его, чтобы он ему рассказал еще что-нибудь, но все

бесплодно. Дядька сурово на него изредка поглядывал и молчал.

Между тем дошли они до ворот околицы. День был воскресной; деревенские девки в праздничных нарядах, стоя кучкою, пели песни.

Фалелей.

Остановимся послушать песен; я знаю, что ты охотник до них; иногда, слышал, поешь: Горе мне грешнику сушу.

Но дядька, не ответствуя ни слова, шел мимо. Ему предстоял другой удар, паче прежнего. Фалелей воззрился, как гончий выжлец, что в толпе девичей была его любимая Лукерья, пустился к ней на всех парусах; обнял ее, хотел целовать; но девка, вырвавшись, побежала, прыгнула через забор; Фалелей за ней в угонку; дядька кричал ему вслед: Фалелеюшко, мой батюшка! (Старые его ноги бегать уже разучились). Куда изволишь? Постой... Но Фалелей летит на крыльях ветра; он и девка скрылись от его взоров; чрез малое время видит он их на задворье, на огороде, бегут стремительно, только слышно ему было, что Лукерья смеялась громко, видно, что часто оглядывалась на Фалелея. Уже он ее угоняет; дядька в восторге негодования воздымает руки свои горе...; как некогда лжепророк Валаам, видя спасшейся народ Иудейской, воздел руки на небо, да проречет на него проклятие, и он да гибнет; тако дядька стоял с простертыми вверх руками и прещение или проклятие готово излететь из уст его. Он видит Фалелея, настигающа бегущую девку — — и се, он уж ее почти настиг; бегут по гумну и в вертеп или в пещеру, тут в виде овина стоящую, скрылись. Тут дядька, новой Валаам, не в силах изрещи прещения, возопил гласом велиим: *Помогай бог.*

IV

Портрет Цымбалды, охота к женитьбе, кузница или вход в подземное Царство, как дураков дразнят, смерть с косою, грязь, група или мала куча, провалитесь вставши, конец.

Цымбалда наш был древен,* имел главу, власов обнаженну, чело с морщинами; долгая даже за перси брада седая висела; стан его высок, величествен, цвет в лице свеж и румян, проницательны очи; голос тих, слова просты, приятны; благоразумием зрел, будущее прозревал глубиною мудрости своею, знал людей и к чему они преклонны, снисходителен, весел; юность сама толико не имеет приятностей, как он в старых летах любил молодых людей.

Скоро возлюбил Фалелея, звал его чадом, а сей ему по часту говаривал: отче мой дражайший! Бог даровал мне тебя.

* Кн. II, ст. 338 и сл.

* Он открылся ему, не медля ни мало, о склонности сердца. Будешь бранить меня, говорил Фалелей, что склонностям я подвергаюсь. Но непрестанно бы сердце меня укоряло, еслиб я от тебя утаил, что люблю Лукерью и не льщуся, что мысли наши сретались, и сердце весть подало сердцу. Нет, страсть сия не слепая, имени ее не могу произнестъ, чтоб сердцем и духом глубоко не возмутиться. Время и отсутствие не загладят ее в памяти, ибо не пристрастна любовь моя. О коль счастливы бы я был, провождая всю жизнь с нею! Ежели мне родители избрать жену попустят, то она супруга моя будет. Нравится мне в ней молчание, скромность, уединение и к трудам прилежность, радение о доме родителя, после как мать ее скончалась, презрение к суетным всем уборам и незнание красоты своей; счастлив тот человек, кто сопряжется с ней. Буду любить ее, доколе жив буду. Если другому она достанется, то пребуду всегда в горькой печали. Я не хочу говорить о моей любви ни ей самой, ни родителям моим, но тебе единому. Цымбалда дивился, откуда взялось красноречие Фалелеево, не хотел его огорчить, видя, что страсть его была столь уже сильна; но думал, что лучше сделает, если не противореча ему, а паче потакая, он, делав ему препятствия другого рода и отдаляя о том объявлять отцу его и матери, он успеет, может быть, и отвратить намерение его жениться на Лушке. И для того, вместо угроз или упреков, он начал хвалить Лукерью, превознося ее до небес, желая видеть, какое действие чрезмерная похвала произведет над Фалелеем. Итак Цымбалда ему отвечивал: о Фалелей! я не прекословлю: смиренномудра Гликерия твоя; руки ее трудов конечно не презирают; умеет молчать; всякой час в упражнении; в родительском доме доброй порядок, и тем более красится, нежели красотою. В деревне всеми любима; ибо в ней нет никакого пристрастия, ни упрямства, ни легкомыслия, ни своенравия; взором одним дает себя разуметь. Правда твоя, Фалелей, Лукерья есть сокровище и достойна женихов достойнейших. Не величается украшением; мысли ее быстры, но воздержны: не говорит она кроме того, что нужно и должно; а когда отверзает уста к вещанию, то из них лиется непритворная и сладкая приятность. Так Лукерья без власти и даже не красотою, но будет владеть сердцем супруга. Я повторяю, Фалелей, любовь твоя к ней праведна; но должно ждать, да родители твои на то согласятся.

Доколе Цымбалда продолжал речь свою, радость живо избражалася на лице Фалелея, и он неоднократно, вспрыгнув на шею к дядьке своему, его целовал от всего своего сердца, но слыша, что после всего одобрения, дядька сказал, что на то надлежит иметь согласие г. Простякова и его супруги, то он

гораздо пригорюнился, бояся, когда о сем скажут любезной его матушки, что она конечно изволит его высечь лозою, как дитя, и может быть очень больно, а Лушку куда-нибудь ушлет или отдаст замуж в дальное место. От таких мыслей Фалелей повесил голову и шел задумавшись. На пути своем нашли они кузницу, где слышен был стук молотов, и искры пламенные возлетали из горна высоко на воздух. Цымбалда, начитавшись много тех книг, которые ему достались после барина, хотя не таков был, как Дон Кишот, начитавшись рыцарских романов, и не совершалось то в очью его, что находилось только в его воображении, и при всяком случае, где он малейшее находил сходство того, что было пред его глазами, с тем, чего читался, он читал то сходное место из книги, имея на старости память довольно острую. Итак, увидев кузницу еще издали, он возгласил:

* «Самая страшная тут находилась пещера. ** Из пещеры исходил дым черной и густой и делал ночь посреди дня. *** Серная мгла дышала непрестанно, чрез отверстие то, весь воздух вокруг заражало. Окрест не расло ни былинки, ни травочки. . .»

Фалелей

(в грусти идет и с досадой вдруг прерывает речь дядьки).

Врешь ты, Цымбалда, видишь около кузницы трава.

Цымбалда

(рад тому, что Фалелей стал заниматься его рассказами, продолжал).

**** «Прибыв ко входу пещеры, услышал подземну державу грозно рычащу. Вся земля тряслась под его стопами».

Фалелей.

Дядька! я не слышу, кто рычит, нет тут ни телят, ни коров; я не чувствую, чтоб земля дрожала, но я только дрожу: становится холодно, зайдем в кузницу и потреемся.

Цымбалда.

«Дым густой, бывшей при входе в пещеру, когда приближились, исчез, и дух ядовитой престал, вшел один. . .»

Между тем, как Цымбалда сие говорил, Фалелей подошел ко дверям кузницы, когда дядька говорил: вшел один. Он впрыгнул в кузницу и (половина шуткою, половина, будучи достойное, хоть не совсем, дитя своей матушки, ради мщенья за

* Кн. XVIII, ст. 92.

** Ъ, стр. 125.

*** Ъ. ст. 100.

**** Ъ. ст. 150.

последние слова дядькины) дверь затворил и запер крюком, говоря: дядька, ты сказал: вшел один; я один и вошел, а ты там стой и мерзни, (полегоньку) мерзни, старой чорт!

Цымбалда

(приложив рот к щелке на дверях, продолжает и голос его проходя сквозь щелку звончее был свистоват и завывал).

* «Сидел на престоле из черного дерева, бледен и суров, сверкающи очи и впадшие; чело браздисто и грозно».

Фалелей оглянулся назад и видит кузнеца, сидевшего на наковальне, между тем, как железо калилось в горну. Слышит дядькины слова, и душа в нем дрогнула.

Цымбалда, желая немного проучить своего питомца, зная его трусливой нрав, говорил в щелку в полкрика хриплым голосом:

** «Внизу на престоле стояла смерть бледная *(прибавляя голоса до конца речи, как то в музыке крещендо)*, чудовище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо в руках имело преострую косу...

Фалелей уже дрожал, слыша дядькины речи, от дверей не отходил и давно уже покушался отворить дверь, но, затворив ее с розмаха, то не легко было, а в ту минуту, как Цымбалда говорил: в руках имела косу, — кузнец вынул каленой железной прут, разогревшийся в горну, махнул им поспешно и, положив на наковальню (в то самое время как Фалелей оглянулся), ударил молотком по железу; каленые искры посыпались и полетели и одна попала Фалелею на лице. Он, завизжав от боли и ужаса, размахнул двери, разбил дядьке нос до крови, сам упал чрез порог в бывшую тут грязную лужу почти без чувства. Кузнец, видя барского сына в грязи, дядьку, стоящего в оцепенелости окровавленным, бросил железо в воду и сунулся на помощь к барину. Фалелей, слыша близь ушей клочот и шипенье горячего в воде железа и стремящегося к нему, наклонившись, кузнеца, которого он считал в сию минуту по крайней мере Сатанюю, а с другой стороны дядьку, наклонившегося с окровавленной рожею, также чтобы поднять его из грязи, кричал кузнецу: помилуй, не буду больше, помилуй, не буду; вертелся в грязи и барахтался, не даваясь кузнецу или чорту в руки. Но помня свою досаду за прежние речи, протянутую вью дядьки обнял руками крепко и, приблизившись к его лицу, будто приподымается, укусил его столь больно за нос, приговаривая: вот тебе, старой чорт, за давшнее; — что бедной старик упал без памяти, окровавлен еще больше, упал

* Кн. XVIII, ст. 298.

** Ib. ст. 310

и шиб с ног наклонившегося кузнеца, и все трое лежали крест на крест: Фалелей внизу, кузнец на нем, а Цымбалда наверху.

Прекраснейшая группа, которой ниже тени никогда ни Новерр ни Анджелини не могли произвести в прекрасных своих балетах, и столпообразный Лаокоон, гордясь своею лепотою в чертогах Ватиканских, был в сравнении сея группы дрянь. Для дополнения сея картины, достойной Момической кисти Гогарта, явилась тут из-за угла прекрасная Лукерья с кувшином. Созонт, кузнец, был ее отец, и она ему несла квасу. — Вообразите Фалелея, барахтающегося в грязной луже под тяжестью кузнеца и дядьки, вымаранная рожка, руки и платье, вообразите положение его души, видя чудесное нашествие его любовницы. Лукерья, едва увидела сию неоцененную группу, захохотала и вскричала: мала куча! Фалелей, раздраженный сею колкою насмешкою, поворотился под своею тяжестью паче древнего Енкалада, которой мог только заставить Етну, на груди его лежащую, изрыгнуть огонь, дым, камни, пепел и лаву, Фалелей поворотился сильно, свергнул бремя, в грязи его давившее, и, вскочив, помчался домой, вымаранный в грязи, как чорт, без шляпы; Цымбалда, опомнившись, с кровавым лицом и откушенным носом, поспешал, бежал шагом за ним вслед, с обыкновенным своим припевом: постой, Фалелеюшка, постой, батюшка; а кузнец, вставши, плюнул с негодованием в полсмеха: провалитесь вы, вставши; Лукерья еще усмехнулась, а мы? — Мы скажем: конец.

АПОЛОГИЯ ТИЛИМАХИДЫ И ШЕСТИСТОПОВ

П. Согласен в том, что Тилимахида может быть поводом к чему-нибудь смешному, но чтобы в ней что-нибудь было хорошее — нет, нельзя.

Б. Да ты ее не читал.

П. Что нужды в том, что я ее не читал от доски до доски; но разверни ее где хочешь, то везде найдешь нелепость.

Б. А я ее читал, правда случайно, и вот что я о ней думаю. Поелику Тредьяковский отвечает только за стихи, то надлежит сказать во-первых что по несчастью его он писал Русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел Россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей сам понесся путем непроложенным, где ему вождало остроумие; словом: прежде, нежели он показал истинное свойство языка Российского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучиваться. Тредьяковский разумел очень хорошо, что такое Стихосложение и, поняв нестройность стихов Симеона Полоцкого и Кантемира, писал стихами такими, какими писали Греки и Римляне, то-есть для Российского слуха совсем новыми; но, зная лучше язык Virгилиев, нежели свой, он думал, что

и преношения в Российском языке можно делать такие, как в Латинском. Несчастье его было то, что он, будучи муж ученой, вкуса не имел. Он столь упитан был чтением правил стихосложных, употребляемых древними, и столь знал красоты их благогласия, что явственно тому подражал, и в Тилимахиде много стихов...

П. Апология, защищение, по речению какого-то автора, и омег можно заглушить медом; — ты шутишь, защищая нелепости первого нумера.

Б. Не шучу, и в доказательство разогнем Тилимахиду:

«Но на ближних горах зеленели кусты винограды,
Коиx листья, как венки и цепочки висели,
Грозды красней багреца не могли под листом укрыться».

П. Правда, стихи изрядные.

Б. Такие, каких очень мало в лучших сочинениях.

«Пристань и вся земля убежать созади нас казались».

П. Стих посредственной.

Б. Изрядной, если бы не было Галлицизма: *убежать казались*.

«Тā рāзлūкā бѣлā мнѣ вмѣстѣ Пѣрūннā удāрā».

П. Хорош.

Б. Не только хорош, но и очень хорош, ибо препинание стиха первое после слова *разлука*, другое и скорое затем после *мне*, а потом непрерывно два дактиля, долгая, ударяя или запиная, совсем на *у* в *Перунна*, за *у* повторительное и глухое *нна* и за ними привскакивающее краткое *у*, и наконец, падающее, раздающееся в слухе *да*, с окончанием *ра*, делают сей стих хорошим; поставь его в другое место, а не в Тилимахиду, то всяк скажет хорош.

П. Неужели ты мне говоришь не в шутку?

Б. Не шутка, конечно: повтори чтение, читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток, то-есть следующим образом:

«Тā рāзлūкā | бѣлā мнѣ | вмѣстѣ Пѣрūннā удāрā».

И если разыщешь сей стих еще больше и раздобишь его, то найдешь, что сверх числительных звонкости, в нем есть еще сие изящное уподобительное благогласие, коего столь изобильные примеры находятся в Омире, в Виргилии и во всех великих стихотворцах.

«Дѣбрыѣ ждūt | пѣкā нѣ взѣщūtся ѥ прѣзвѣтсѣя.

Злѣе ж | , сѣмū нāпрѣтѣв, сūtь смѣлѣи, ѡбманчивѣи, дѣрзкѣи.

Скѣрѣ вкрāстсѣя | во всем ѹгѣждātь, прѣтвѣрѣтсѣя ѥскуснѣи,

Сдѣлātь | гѣтѣвѣи все | , чтѣ прѣтѣвнѣо | совѣстѣи, чѣстѣи».

П. Это не стихи.

Б. Первой, хотя стих, но очень походит на прозу, для того, что в нем меры времен (*rithme*) не суть стихотворны. Ибо стопы слов в их последовании одна за другою, не суть благогласны, а особливо после долгого *ждут* читать *пѣкā* хореем.

Если же будешь его читать спондеем, а *й* *призв*овут не дактилем, а триврахийей, что также очень ловко, то стих будет гораздо лучше. Читай сии стихи по сделанным отделениям и поставленным ударениям, то оне покажутся благогласнее. Сказать ли тебе мое истинное мнение? У нас разумеют, что есть дактилий, а не *шестистоп* дактилохореической и дактилоспондеической (да простят мне все школьные учителя и все стиходетели употребляемое мною здесь наименование!) и шестистоп дактилотриврахийской, а из шестостопов сих трех названий может быть истинной шестистоп Российской, которой можно употреблять с успехом. Читая Тилимахиду, всегда ищут в ней дактилий, и читают ее всегда дактилем. Клопшток сие запрещает именно; и если его Мессию читать так же станешь, то вместо его благогласных стихов выйдут скачущие и жесткие дактилохореи. Но читая по стопам слов, то находишь в них благогласие непрерывное, стих в ухе не звенит и его гармония есть точно та, какую в стихах искали Греки и Римляне.

П. Я никогда не воображал себе, чтобы в Тилимахиде мог быть стих порядочной. Его смерть и Кервер суть смехотворны:

«Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо;
Чудище обло, озорно, огромно с тризевной и лаей».

Б. Конечно так; но отчего? Не от дактилия и не от шестистоба, но от нелепых слов: *дивище мозгло*, ибо то и другое в Поэму не годится. И Тредьяковский не дактилиями смешон, но для того, что не имел вкуса; он сделал дактилии смешными, он стихотворец, но не пиит, в чем есть великая разница. Если растряхнуть котомки иных наших славящихся Парнасских рыцарей, то не лучше что из них вылетит, как что излетело из Пандориной коробки, но не зло, не болезни и не недуги, но стихи нелепые дерут слухи, и достойны поместиться в Тилимахиде. Но дабы никого не оскорбить, мы воздержимся от примеров. Знаешь ли верное средство узнать, стихотворен ли стих (если так изъясниться можно)? Сделай из него предложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу благосклонную. Если в предложении твоём останется Поэзия, то стих есть истинной стих; напр.:

«О ты, что в горести напрасно» и пр.

Преложи его как хочешь, перенося, но грамматикально, слова сей строфы, то и в прозе будет Поэзия. Преложи многие строфы из оды к Фелице, а особливо, где Мурза описывает сам себя, без стихов останется почти то же Поэзия, но преложи... и без предубеждения скажи, что вышло? Но мы Тилимахиду забыли, а я вижу, ты ее сложил, разогни опять и продолжим. Читай здесь:

«Тотчас̄ й хлы̄нул | пот̄ок мясно̄багр̄ йз него̄ йзды̄хавш̄а.»

П. Какой нелепой стих!

Б. Нелеп совершенно. Но чем же?

П. Да тем, что сказать то же можно лучше:

И се поток багров течет из ран глубоких

Едва он жив, едва он дышет.

И сѣ пѣтѣкъ бѣгрѣвой вдрѣг хлѣнул ѣз рѣн ѣздѣхавшѣ.

Б. Согласен. Твое предложение сделано с разборчивостью и со вкусом. Но Тредьяковского стих более картина, но без вкуса; а если бы он у него был, то бы стих его был бы может следующей:

Я не имел уже и утечи бедныя, выбрать

Кое-нибудь одно, меж рабством и смертию в горе;

Надобно стало быть рабом и сносить терпеливо, и пр.

П. Стихи очень слабые!

Б. Не только стихи слабые, но и слабая проза, чего везде довольно. Теперь будь уверен в том, что читая иначе стихи Тилимахида, много найдешь стихов слабых и стихов посредственных, ибо и сама мысль преложить Телемака в стихи есть неудачное нечто. Но теперь постараемся найти стихов, хотя несколько, хороших, где много гармонии; ибо мимоходом заметим, что в Тилимахиде есть стихов много нелепых, но благогласных. Вот пример стихов негладких, где благогласия очень много:

«Гор посредине крутых буераки столь преглубоки,

Что едва осиять глубь может солнце лучами».

Но выслушай следующее:

«Стѣлькѣ ж | грѣбых, | скѣль тѣ всѣ зѣмля дѣкѣ ѣ рѣбрѣстѣ»,

Читая первое отделение спондеем, второе хореем, третье полудолгими, если так их назвать можно, кратко-долгими или долго-краткими, то-есть как просодия нашего языка требует, и ударяя сильно на последнем слоге сего отделения, читаешь в последнем две кратких и хорей. Сколь от сего произношения, то-есть читая стопами слов по Клопштокову наставлению, стих хорош, столь он дурен, если читаем его размером хореев и дактилий.

«В сѣй чѣс | ѣ ѣсмѣтрѣл | , что гѣрѣ | кѣлѣблѣтсѣ стрѣшнѣ,
Дѣбѣ ѣ сѣснѣ | мнѣ кѣзѣлѣсь, схѣдѣщѣ | с хрѣбтов гѣр».

Как хорошо в первом стихе, после начальных спондеев и долгого ударения, на конце третьего отделения следуют четыре одинаково краткие в колеблется, и полудлинные спондеев в страшно.

Во втором: в первом отделении дактиль и хорей, во втором столь поспешные пять почти равно кратких и в окончательном

три долгие, из коих первая долга, но две последних посредством глухого *о* от *ъ* за ним стоящего, столь же, кажется, тяжелы, как хребет горной.

«Прѣвѣзнѣсѣтся | слāвā дѡ сāmых свѣтил, | дѡ звѣзд пѡднѣ-
бѣсных».

Какой стих! я уверен, что и сам Ломоносов его бы похвалил. Не только в нем числительная красота, красота мерная времени, но и самая изразительная гармония, происходящая от повторения букв *е* и *ь* с *д* и *п* сперва в запинательной стопе слова *превознесется* краткодолгими, потом ямба с анапестом в окончательном отделении. Я знаю, что кто бы более имел вкуса, не сказал бы: звезды поднебесные.

«[Коя] приводит в лед всю кровь, текущую в жилах».

Не порицай пожалуй слабого *приводит* вместо *превращает*: ибо первое тянется, мерзнет; а другое с повторительными *р* после гласной, скорей сходствует с кипеньем воды на огне, нежели с охлаждением крови в жилах.

«И к воздержанию всех стремлений юности резвой».

Нет, кажется, уже нужды замечать красоту от повторений *е* и *ь*, *и* и *ю*, соединенно со скоростью слов *воздержание*, а паче *стремлений*, в середине стоящего.

«[Да и тех положил]сѣнь смѣрти сѡйми стрѣлами».

Как томно! Или:

«Прāзднā уѣжѣ кѡлѣснїцā сāmā сѡй бѣг нāпрāвлялā».

Какая легкость!

«Слѣшимѡ бѣлѡ | вѣздѣ | ѡднѡ щѣбѣтāнїѣ птїчѣк,
Иль блāгѡвѡннїй дѡх | ѡт Зѣфирѡв | вѣющих тїхѡ,
С вѣтви нā вѣтвь | дрѣвѣс | прѣлѣтāющих | в шѡмѣ прѡ-
хлāдном».

Иль жѡрчāнїѣ | чїстā рѡчьā | упāдāющā с кāmнā».

Четыре хороших стиха; после двух хореев, составляющих первое отделение, и запинание легкого спондея (помните, что я говорю о стопах слов, а не о стихе) второго отделения, шесть кратких, меж которых только три долгие; одну и первую из них произнести надлежит кратко, на вторую чуть опереться и сделать ударение на третье, при помощи повторительных сначала *о*, а на конце *я*, *и* и *е*, кажется, слышно песни не соловья, не снигиря и не малиновки или пеночки, но чечета, клеста а может и дикого чижа и щегленка. Раздробите второй стих и найдете, что его красота происходит от длинного первого отделения, где гласные *а*, *о*, *о*, *ый* льются, так сказать, в слове *благовонный*, преломляемые мягкими только согласными, и пре-

пинаются плавно на слове *дух*; потом, прешед тихо дрожание второго отделения, окончивают точно так, что изображают. В третьем стихе посмотрите, сколь изразительны три первые отделения, а в четвертом два первые отделения, где посредством слогов: *журч. чис. руч.*, которые одно за одним следуют, не слышится ли то, что Автор описывает? а в последнем отделении в слогах, звучностию похожих, и с ними гласное одинаковое *па, да, ца, ка, мня*, изображают будто падающие воды на камень.

П. Изъяснение твое изрядно, но или я ничего в сих стихах не слышу, или препятствует тому великое предубеждение.

Б. Вероятно последнее.

«[И] воздымало волны, катя огромны, что горы».

Если б не было нелепого *что*, то стих был бы очень хорош.

«Издали гор и холмов верхи пред взором мелькали».

Но таких примеров очень много и повторяя их можно наскучить.

П. Еще немного.

Б. Выслушай следующей стих и особливо первую столь изразительную половину стиха.

«Дыбом подняв лев свою косматую гриву».

А все сие происходит от повторенного звука *дыб* — *ом* — *под* — *няв* — *лев*.

«Зев отворяет сухой, и пылко пышущий жаром;

Ярки лучи его верхи гор всех позлащали.

Гора Ливана, Кояя верх, сквозь облаки, звезд достигнуть
стремится.

Вечный лед чело ея покрывает, не тая».

Сии два стиха, следуя один за одним и изображая две картины одного и того же предмета, суть хороший пример изразительных гармоний:

«В нем не находишь теперь кроме печальных останков

От величия, уже грозяща падением громким».

Вот три стиха, в которых повторение гласной *и* делает один изящным, а два дурными:

«И мы видели, там все страхи близкия смерти.

Книга, держама им, была собрание Имнов,

Яви стези итти премудрости за светом».

Отчего же так первый хорош, а два другие дурны? Кажется, все чародейство изразительной гармонии состоит в повторении единойзвучной гласной, но с разными согласными. Во

втором стихе в начале *има*, *им* и на конце *нис*, *йм* несносную делают какафонию, так, как и в третьем *стеzi итти... сти*.

«Тайна и тиха мною всем овладела раслаба,
Я возлюбил яд лестный, лился что из жилы в другую».

Какая сладость при дурном выборе слов; или какая легкость в следующем:

«Зрилась сия колесница лететь по наверхности водной».

А еще легче действительно, как нечто легкое, виоущееся по ветру:

«И трепетались играньми ветра, вьясь, извиваясь».

Сказанного мною кажется уже довольно для доказательства, что в Тилимахиде находятся несколько стихов превосходных, несколько хороших, много посредственных и слабых, а нелепых столько, что счесть хотя их можно, но никто не возьмется оное сделать. Итак, скажем: Тилимахида есть творение человека ученого в Стихотворстве, но не имевшего о вкусе ни-малого понятия.

ПРИЛОЖЕНИЕ I
ПЕРЕВОДЫ

[ЖЕЛАНИИ ГРЕКОВ, К ЕВРОПЕ ХРИСТИАНСКОЙ]

Из Клева от 20 июля.

Мы получили из Архипелага, чрез Италию, некоторую пису которая по обстоятельствам своим за весьма важную и любопытства достойную почестся может: она называется, Желании Греков, к Европе христианской. Это некоторой род весьма длиннаго, на греческом языке писаннаго манифеста, и в коем Греки весьма жалостно и чувствительно изображают бедственное свое состояние под областью турецкою, и желание которое они имеют подверженными быть власти какой ни есть христианской державы. Ясно видеть можно с каким намереньем, и кем пиеса сия была сочинена. Мы тем охотнее приемлем на себя перевод оной, что по всем обстоятельствам, думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении кроме сих листов. Она состоит в следующих словах.

«Благополучие времен древней Греции есть столь славная в хронике света эпоха, что бесполезно бы было повторять, что самая сия страна которая ныне есть феатром толь многих злоключений, под игом наших тиранов, была прежде, когда предки наши жили под державою вольности, феатром славы, благополучия и изобилия. Там мудрыя были учреждены законы; почитаемое там правосудие было с такою же справедливостию и в воинском искусстве наблюдаемо, благороднейшие и полезнейшия художества там процветали, но более всего была страна сия отменна исполнением всех общих и частных добродетелей. Столько же бы было бесполезно, напоминать здесь происшествии уже всей Европе известныя, то есть, сколь бедно состояние всех христианских Греков, с тех пор как слабостию Константинопольских обладателей, принуждены были они поддаться власти турецкой; если ктонибудь которой бы не ведал, что не имеют они законов которыя бы их защищали; и что они суть гнусныя орудии своих властелинов, которыя будучи возбуждаемы суеверием закона магометова, правила к обращение или истребление имеющаго давно бы всех их погубили, еслиб чаяли наитить в том свою пользу.

Если справедливо то, что климат и род натуральныя свойства челоуеков составляют, которыя способом законов и воспитания оказываются и в совершенство приводятся, то нынешния греки живущие в том же климате праотцов своих, так же

могут сделаться способными к превозходным и великим делам, которые толь славными их творили. Небоположение все то же, и те же правила гонения веры разделяющия турков от всех протчих народов, странным образом споспешествовали к сохранению между Греками прежних нравов их предков. И так не удивительно естли во время 318 лет не могли они совершенно к раболепному начальству приучится; и во все сие время не пропускали они ни одного случая, или возвратить свою вольность, или по крайней мере быть под начальством менее жестоким и умереннейшим какой ни есть христианской державы.

(Продолжение, последует.)

Из Клева от 24 июля.

Продолжение пиесы названной: Желании Греков и пр.: «Безсомнения не удивятся что под начальством варварским где знании бесполезны или вредны, науки и художествы столь мало между Греками в обыкновении. . . более будут иметь причин к удивлению, что в бедственных обстоятельствах дел находится еще в разных европейских училищах такое множество Греков, которыя стараются там полезным наукам обучатся. Надлежит приметить, что все художествы и отправления торгов у турков в их находятся руках. Естлиж кому покажется чрезвычайным, что есть между народом более трех веков в рабстве пребывающем, люди, имеющие нравы и обычаи рабские, то просим мы его, рассмотреть, что в рабском состоянии, всякая добродетель есть преступление которое злодейством против тирана почитается; что под начальством, где мужество и откровенность творят людей несчастливими, может то за героичное действие почестся, дабы отрещися от всякого лукавства что трудно надеятся, чтоб все люди к тому способны были; и что наконец, мудрой законодатель, может дать другой предмет склонностям человеческим, и лехко ему будет обратить их к добру, когда всякой найдет собственное свое Благополучие в Благополучии общественном и в исполнении добродетели. Но лехко можно будет разсудить из того, что мы для пользы христианских государей которыя с нашими тиранами воевали делали, отступились ли Греки от всех добродетелей, а паче от той которая побуждает людей пренебрегать собственную свою пользу, жертвовать своим именем, жизнею, детьми своими, для спасения своего отечества и подкрепления веры. Венецианцы должны нам ответствовать за всю пролитую нами кровь, когда помогали мы им завоевать Морею. И наше постоянство при трудной и долговременной осаде Скандии будет навсегда славно. Но славный австрийской дом может более всего засвидетельствовать наше усердие и верность, напоминая героичной подвижителей коронских которыя погибли за Карла V. Сей светлейшей дом не забыл может быть еще что в недавном времени в

1737. множество Греков жертвовали жизнью в надежде видеть штандарты И. Х. с нова в сих местах водруженные; но белградской мир зделал все сии старания тщетными, и лутчие наши надежды в ничто обратил. Не для того напоминаем мы то что мы были прежде, что мы теперь, и что можем быть вперед, чтоб превозносится тем; но для того чтоб убедить христиан братьий наших не предать нас на произвол уготованной нам свирепой судьбины. Естли б могло сие способствовать несколько к преклонению сердец их в нашу пользу, то показали б мы им что любовь к святой христовой вере могла нас более возбудить нежели самая ненависть и бедствы ужаснаго 300 летняго рабства. Мы знаем, что исполнение должностей наших, а паче еще должности толь святой, надлежит быть для человека праведнаго причиною ко утешению, а не к питанию в нем гордости. Но естли исполнение должности какой требует от того которой оною исполняет, истребление и преодоление натуральных страстей человеческих, то заслуживает он чрез то почтение и отличность от равных себе. Помыслите, что сколько миллионов Греков, которыя уже целыя три века в бедности и угнетении живут, могут единым действием своего желанья, зделаться друзьями тираннов своих, и разделять с ними их выгоды и преимущества: но такое состояние приводит в трепет христианина; оно состоит в том чтоб отрещися от христианскаго закона, и изповедовать веру магометову, да сохранит нас бог впредь от сей суетности человек, как сохранял он нас во время минувших веков! Скоро не останется нам выбирать между от падением от веры и рабством, но между отпадением и смертью, и сия жестокая крайность непременно будет соединена со всеми варварствами и со всеми природными свирепствами безчеловечных наших тиранов. Сия самая причина, дабы избавить богослужение И. Х. от гонения и свергнуть иго наших мучителей, побуждающая нас прежде приставать то к венещанцам, то к австрийскому дому, в новь возбудила в нас наше мужество, и преклонила к восприятию оружия для непобедимой Героини царствующей над россиянами. Сия славная государыня, которая мудрым своим правлением, и несравненными законами толикое множество подверженных ей народов творит благополучными, которая принуждена была начать войну с турками, потому что они осмелились прежде мир нарушить, кажется что только для того скорыя победы свои продолжает, дабы истребить общаго врага; и чтоб отдаленнейшия народы разделили с подданными Ея то благополучие которым они под державою Ея наслаждаются: важность и скорость Ея побед, и усугубляющаяся робость наших тиранов, заставили нас почитать уже близкими минуты нашего избавления. Мы надеялись что покровительство великодушной сей избавительницы еще раз допустит нас жить под управлением законов, что вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежней

свой вид получит. Надежда толиких выгод, в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изъятий тиранинами нашими нам приуготавливаемых, как из отмщенья, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаяньем. Мы должны опасатся чтоб россияне не положили победоноснаго оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю. Да отвратит нас грозящее сие бедство. Наша конечная погибель есть малейшей вред которой от того произойти может. Мы трепещем еще больше о судьбе наших одноземцов, которыя довольно будут слабы, чтоб поколебатся ужасом страшных изъятий, и которыя предпочтут сию брениую жизнь вере И. Х. и жизни безконечной». (Сии последняя строки с лишком Греческия.)

Продолжение вперед будет.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИЛИ О ПРИЧИНАХ БЛАГОДЕНСТВИЯ И НЕСЧАСТΙΑ ГРЕКОВ

Сочинение г. аббата де Мабли

Переведено с французского

КНИГА ПЕРВАЯ

Нравы и правление первых Греков. Причины составившия из Греции союзную республику, которая Лакедемон стал столицею. Разсуждение о сем образе правления. О войне со Ксеркссом

История представляет нам первых Греков, скитающимися из единыя страны в другую. Не знали они земледелия, не имели учрежденнаго жилища; и не будучи сопряжены ни сообщением, ни установлениями, ни законами, всегда ходили вооруженны и другаго права не ведали, опричь права силы: Таковы были все народы, при своем начале; таковы суть еще дикие Американские жители, коих частое с Европейцами сообщение грубости не изтребило. Сколь ни было велико зло, которое разныя Греческия орды взаимно себе причиняли, однакож не были они главные свои неприятели. Ближних островов жители, их еще свирепее, частыя, если историкам верить можно, на Греческие берега делали нападения. Страсть ко грабежу, или лучше сказать к опустошению, не редко устремляла их даже до внутренности земель, и своими разорениями они чаяли оставить по себе достопамятные знаки своего мужества.

Некоторые писатели далее сих варварских веков восходили; и *Дикеарк*, который по мнению *Порфирия* с наибольшею изо всех философов описал точностию начальныя Греков нравы, представляет их мудрецами, препровождающими жизнь тихую и непорочную между тем, как земля, вникнув их потребностям, без одобрения плоды производила.

Златый сей век, мечтою стихотворцев быти токмо долженствующий, составлял едино из правил веры древния Философии. *Платон* поставляет царство правосудия и благоденствия у первых человеков: но уже ныне знаем, что думать о тех дерновых одрах, о тех пеннях, о той сладкой праздности, соделывающей приятности общества, страстей неведающаго.

С тех пор, как *Миной* за правосудие свое в ад судию баснословием постановленный, *Критян* научил быти счастливыми,

повинуясь законам, коих премудрости вся удивлялася древность, возгордевшийся Крит не мог воспретить себе, чтобы не презирать своих соседей; а чувствование своего превосходства вперило ему желание их покорить. Внук сего Государя, *Миной* именованный, воспользовался рождающимся властолюбием своих подданных, и разпространил свое владение. Построив суда, науча Критян мореходству и военному искусству, завоевал он острова близь его государства лежащие, и заставил почитать свои законы, учредя там поселения. Видя потребность, беспрепятственное имети сообщение между отделенных частей своего владения, он очистил море от разбойников; и утверждая тем свое владычество, стал, не ведая того, благодетель Греков, коих берега остались в безопасности. Сему от единых части зол своих избавленному народу осталася токмо свирепость своя ужасна; а вкушение перваго блага подало ему желание оное усугубить.

Аттика, земля бесплодная, меньше других Греческих провинций была подвержена неприятельским набегам. Убегшия туда семьи с трудом питалися природными земли произведениями; но бедность их, говорит *Фукидид*, доставила им споспешествующее успехам общежития спокойствие: вымысел их изострился, и они первые скитающуюся жизнь оставили. Пример их научил остальную Грецию: и поелику земледеляющия народы умножились, и составляли некоторый род республик, могущих защищать свою жатву и хижины; по толику и грабеж становился труднее и опаснее. Обманутые в своей надежде грабители меньше на свои силы полагаются, часто возвращались без добычи, и необходимость принуждала их наконец к земледелию, дабы чрез то иметь пропитание. Прилепились они к землям ими удобряемым и так все Греки приобрели жилища и поместья неподвижные.

Я прехожу те времена, в кои Греция, еще в глубочайшее неведение должностей человечества поверженная, имела Ироев и Полубогов толь славных в ея баснословных преданиях. Человек, достойнейший благодарности и почтения Греков, был непрекословно тот, который им поведал общее их произхождение. Учение сие умягчило разумы; селения, составляющия неподвластные и неприязненные единое другому общества, престали ненавидеть друг друга, и начали соделывать союзы. Взаимныя благодеяния уверили их, что они един токмо народ составляют; а скоро по том узрели все, что целая Греция, почитая себя участницею обиды *Паридом* соделанной *Менелаю*, укрепилаь союзами для отомщения оныя. Разумы в сие время великие уже сделали успехи; и хотя Ирои *Омировы* нравы имели еще свирепыя, но Греки уже упражнялися в художествах, требующих проницаия.

По возвращении из Троянского похода казалось, что покровительствующие царство и род *Приямов* боги, хотели, разоряя Грецию, отомстить его несчастья. В самом деле она претерпела великия перемены, могущия истребить грубыя правила правления, нравоучения, порядка и повиновения ею принятыя, и ко-

торья токмо мир мог привести в совершенство. Несогласие вооружило Греков друг против друга; война истребила многие народы или принудила их оставить земли, которые они начинали именовать отечеством. Таким то образом выгнанные Фессалиянами из Арны Веотияне поселилися в Кадменде, дав ей свое имя. Пелопонис пременял вид своей по возвращении Ираклидов. Побежденные или уstraшенные сея провинции народы оставили свою землю; и сии люди, не возмогшие защищать свое поместье, имели довольно сил или храбрости, чтобы завоевать новыя. Греция, мало почти для своих жителей места имеющая, наполнялась изгнанными и шатающимися народами, прибежища ищущими, которые, грабежом жить будучи не в состоянии, древняя восприяли нравы своих предков. Побежденные часто бывали истребляемы; всегда многою кровию купленные победы самих победителей расслабляли, и истощенные народы заняли на конец неподвижныя жилища; но воспоминание обид и зол, взаимно учиненных усугубило между ими причины ненависти и несогласия, и два селения не могли быть соседи, не быв друг другу неприятели.

По счастью Греков, что они побуждаемы были на войну токмо зверством и раздражением, а властолюбие не влагало им в руки оружия. Когда бы они восхотели друг над другом делать завоевания, то бы распри их не прервались. Ненависть и мщенье будучи не столь медлительны и не столь умышленны, как властолюбие, не столь долго в человеческом пребывают сердце; и большая часть городов утомлены будучи своими несогласиями, кои не токмо не увеличивали но уменьшали их благодеяния, возобновили свои прежние союзы. Земледельцы без опасности пользовались своими наследствами; преходящее спокойствие показало всю цену безпрестаннаго мира; стали изыскивать средства утвердить оной; собственная польза научила народы быть правосудными: и в то время, как между ими учреждалися празднества, жертвоприношения общия, и всенародное право, то законы приходили в каждом городе в совершенство, и Греки получившие о должностях своих большее сведение начинали нечувствительно составлять общества благоучрежденные.

Греция до сих пор имела воинское правление, то есть, что полководец был судиею, для того, что Греки все были воины; но с миром начиная быть гражданами, возъимели новыя потребности, новых опасалися бедствий, и новые законы потребны были вместо древних, сделавшихся недостаточными. Полководцы, пользовавшиеся под царским именем непрестанною и мало ограничленною властью во время войны и сметания, узрели оную миром умаляему, и сан их почти уничтожался. Без сомнения восхотели они возстановить свой урон и во гражданах обрести то же повиновение, к коему они воинов приучили. Но народы, научившиеся чувствовать всю цену гражданския вольности самым злоупотреблением начальничей власти, опасалися, чтобы не быть

рабами там, где законы не будут выше судей. Чем более движущее разуму беспокойствие близкую перемену возвещало; тем более владетели старались удержать влекомую власть из их десницы. Но простота их нравов воспретила им вдаться тайнствам притворства и мучительства: а властолюбие их воздвигло людей бедных, мужественных и коих гордость не была смягчаема тьмою излишних недостатков и робких страстей, приведших потомков их в рабство.

Едва некоторые города иго своих полководцов свергли, как вся Греция восхотела быть вольною. Народ не довольствовался быть управляем своими законами, побуждаем или мнением, что вольности его полезно не зреть у соседей заразительный пример тиранства, или что вероятнее, следуя восхищению, коему предаемся в первом перемены жару, подавал помощь всем, кто хотел Царей низвергнуть. Тогда любовь к безподданству стала отличающим Греков качеством: даже Царское имя им стало ненавистно, и удрученный город мучителем был бы всей Греции поношением. Без сей перемены, новья Грекам качества даровавшей, вероятно, что они одно бы жребие имели с теми народами, коих мы не знаем ни истории ни имени. Король Аргской, Микенской, Коринфской, Фивской или другого какого города, покорил бы своих соседей и утвердил бы власть свою над своими подданными. Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностию и соревнованием в ней произращенных. Пресмыкаяся в немощи, или не ведая искусства употребляти свои силы, она бы в рабстве изнемогала и ожидала, чтобы кто ее сделал частью своего владения.

Взаимные услуги, кои Греки при сих переменах друг другу сказали, со всем утушили ненависти республики, их разделяющие; и как скоро они друг друга ненавидеть перестали, то немощь и любовь к отечеству привлекли их общим совокупиться союзом, а многие из них народы частным уже были сопряжены.

Не упоминая о городах, депутатов на Олимпийския, Коринфския и Немеийския игры посылавших для жертвоприношения их общим богам и стеснения их дружбы, давно уже явно было благоденствие разных народов Амфикициею, третим Афинским Царем, тесным сопряженных союзом. Депутаты их всякий год съезжались в Делф или к Фермопилам, и судили о их общих и частных делах. И сии верные данной клятве союзники, коею ни какого зла соделывать себе обещались, но защищать и общими силами отмщевать Дельфийскому храму соделанныя обиды, зрели успехи своих внутренних дел; извне же их боялися, любили и почитали. Новые республики желали так же присовокупиться к сему союзу, дабы пользоваться его покровительством; и Амфикиционическия собрания стали, если можно сказать, общие государственныя чины Греции. Сто вольных и неподвластных городов составили наконец одну токмо союзную республику, коея мы во Швейцарии довольно сходственный видим образ.

Как бы выгоды, Греками чрез союз приобретенныя велики ни были, какое бы благо они себе из онаго впредь ни обещали; но их новое правление не могло удовлетворять всем их потребностям и удалять все опасности, которых политика предвидящая и просвещенная остерегается. Хотя новыя Амфиктийскаго совета союзники заимствовали от него премудрость, правосудие и безкорыстие, но и он у них заимствовал их пороки. На ходатайство токмо ограниченный, не имея права ни предписывать общих Греции законов, ни достаточных сил, чтобы принудить повиноватися своим повелениям, он возмог однакож удержать в тесном союзе республик равную славу приобретших, мир любящих и имеющих одинаковое правление, одинаковыя боязни и одних неприятелей; но не мог он иметь те же успехи, сколь скоро приобщил к себе посланников тьмы республик, не равных силами и управляющихся противными правилами. Многия суть политическия установления, коих весь плод пропадает, сколь скоро они превосходят положенные пределы. Если бы соседственныя Швейцарии провинции захотели с нею совокупиться, то не вероятно ли, что бы Гельветический союз ослабел.

Если Греки мир наблюдали, или по крайней мере если токмо преходящия и малозначущия между ими бывали ссоры, то оное не было действие единаго Амфиктийскаго правления. Древнее обыкновение, высылать граждан на поселения, и домашния их распри с возстановления вольности, на развалинах монархии, равно к сему способствовали: и все сии причины споспешествовали к содержанию союза.

Павсаний повествует, что *Оснотрий* младший *Ликаонов* сын, смел, предприимчив и преисполнен надежды *Ироев* оживляющия, испросив у *Никтима*, брата своего, кораблей и воинов, вздумал, первый из Греков, положить основание новаго государства в земле чужестранной. Ветр принес его в Италию, где он царствовал со славою. Успехам сих отважных людей все удивлялись. Счастье их возбудило всеобщее соревнование: и все беспокойные и властолюбивые Греции граждане помышляли токмо и по истреблении Государей о учреждении поселений, коих отдаление, новыя корысти, и дух независимости, из перваго их отечества с ними пришедший, в скорое время сделали их столицам чуждыми. Между тем, как Греки Италию и брега Африки и Азии населяли, города их, никогда излишними гражданами не наполнясь, не чувствовали недостатка в приобретении новых земель для их содержания; и немощь сия, делающая их неспособными долговременныя вести войны, воспрещала им привыкнуть ко властолюбию, и в предприятиях иметь сие упорное постоянство, без коего народ не бывает никогда властолюбив и завоеватель.

Всякий город, вновь к Амфиктическому совету приобщенный, будучи много занят своим внутренним правлением, не беспокоил своих соседей. Случай учреждал правления в то время, как они от мучительства своих предводителей освободились; а законы

даваемые были поспешно без всякого правила и основания. Всякий старался, употребляя перемену в свою пользу, завладеть властью; а как тишина в разумах учреждаться начинала, то все, рассуждая о своем состоянии, находились не довольными. Со всех сторон возрастали распри между благородными и чернию, между судьями и гражданами; всегдашняя бывали прения о учреждении их прав и имений. Противные требования, жалобы, всегда новая боязнь или надежда препятствовали республикам твердый принять образ. Едва закон издали, как чувствительна была уже надобность, или оный уничтожить, или ограничить: новые законы тому же подвергались жребию, как рушившиеся ими; да и при таких все города тревожащих смятениях, Амфикионам удавалось между ими мир поддерживать.

Однакож не возможно было, чтоб из толикаго числа республик единая не восприяла наконец вид правления мудрый и неподвижный; и не должно ли было опасаться, что употребляя во зло правильное учреждение своих законов, свои силы, и безпорядок других народов, она предается властолюбию. Какая же бы власть тогда Амфикического была совета, когда уже он не предупредил несчастныя действия соперничества Афин и Спарты; да и в такое время, как союзная Греков республика казалась утверждена привычкою многих столетий.

Моглоб еще и то случиться, что господствующая в городе страна соделала бы себе правило отвращать народ от домашних корыстей, упражняя его внешними предприятиями: таков то был жребий Римлян, всегдашними соседей своих войнами безпокоящих, поддерживая тем тишину в своем городе.

Если бы же Греции чужестранная держава войною угрожала, то невероятно ли, что для общия защиты совокупляя народов вольных, не подвластных и ревнующих своему величеству, Амфикионы никогда бы их не принудили к повиновению, без коего однакож Греки поставили бы противу неприятеля токмо половину сил своих, или несогласных воинов, опасаясь покориться власти самодержавца, республики бы предводителя не избрали; все хотели бы повелевать, повиноваться же ни единая; и не имея главнаго побуждения их соединяющаго, учреждающаго их действия, и по чреде оные одерживающаго, или устремляющаго, были бы добычею чужестранцов.

Ликург доставил Грекам то, чего им недоставало; и правлением в Спарте им учрежденным стал он некоторым образом законодатель всея Греции. Как по смерти брата своего *Полидекта* до рождения *Харилая* своего племянника, сей великий муж делами отечества своего предводительствовал; то *Лакедемон* в толь же худом находился состоянии, как и другия Греческия республики. Два Царя для того им не свергнутые, что разделенная их власть не столь их делала предприимчивыми, как других Государей, хотели мучители быть законов; а подданные их, не различая вольности от своевольства, ни какия власти не признавали.

Партии по чреде овладели верховною властью, и всегда мучительству, или безначальству преданное правление по чреде перешло со рвением из единых крайности в другую.

По возвращении своем из Крита и Египта, знатнейших тогда в свете государств, коих *Ликург* научиться ездил нравам и законам, помышлял он о преображении Спартян. Не так он мыслил, как другие после его в Греции возставшие законодатели, которые от робкаго угождения, желая всем удовлетворить гражданам, ни кого не удовольствовали; оставили семена всех несогласий или исправили одно злоупотребление, дабы тем удовлетворить другому. Политика должна конечно повиноваться расположению умов и не оскорблять народные нравы, когда она дает законы великому государству, для того что народный разум необходимо сильнее разума законодателя: но коли дело имееш с небольшим числом граждан, единую в городских стенах семью составляющих, то нет нужды в таком снисхождении. *Ликургов* дух противуборствовал духу Лакедемонян, и отважному следуя предприятю, вознамерился он новый из них народ соделать. Не почел он невозможным, что бы побуждая их надеждою или боязнию, они не восхотели помышляемой им перемены. Приобретши друзей достойных своей мудрости и мужества, велел он им явиться вооруженным на площади, где хотел объявить свои законы; и не имея другаго права, как любовию к благу и к спасению отечества подаваемого, принудил Лакедемонян быть мудрыми и счастливыми.

Ликург сохранил в Лакедедоне сугубое царское правление; что было свойственностью двух потомства *Ираклиева* отраслей. Оставляя сим государям неограниченную, как полководцам над войском власть, принудил их как судей, купно с Сенатом, быть токмо орудием или исполнителями законов. Народному же телу отдал законодатель сей власть самодержавную, то есть право давать законы, учреждать мир или войну, и поставлять судей, коим он долженствовал повиноватися. Но дабы народ не тревожился о своем состоянии, и чтобы под видом сохранения своей вольности, он не предался бы беспокоящейся и волнующейся недоверенности; то *Ликург* учредил в его пользу *Ефоров* * или

* *Г. Мабли* не с довольным, мне кажется, основанием приступает ко мнению, приписующему честь установления *Ефоров* *Ликургу*. Правда, что и *Иродот* древнейший Греческий историк, отцем Истории названный, сего же мнения: *Ксенофонт* относит сие установление так же ко временам *Ликурга*. Но *Аристотель* и *Плутарх* определяют учреждение *Ефоров* при Царях *Феопомпе* и *Полидоре*, приписуя онаго честь сему последнему: которое мнение мне кажется есть справедливое. *Ликург*, полагая явные пределы власти народа и власти Царей, не имел нужды учреждать между ними посредников. Мнение сие тем более подтверждается, что *Ефоры* не имели положенных пределов своей власти; по чему и кажется, что они были учреждены во время несогласия и возмущения: а до времен *Феопомпа* и *Полидора* История не упоминает ни о каких смятениях в Спарте происшедших. Учреждение *Ефоров* можно почесть средством употребленным к восстановлению тишины и спокойствия. Как можно поверить, что *Ликург*, сей муд-

Надзирателей. Им особливо препоручено было предохранять, чтобы Цари или Сенаторы не употребляли во зло исполнительную власть, а чрез то не освободились бы от законов, и их бы не нарушили. В чину сем граждане переменялися ежегодно, для того, чтобы они прилежнее были к своей должности, и не столь предприимчивы. Таким образом удерживали они республику в безопасности, подающей единую всем гражданам корысть.

Сенат, составленный из двадцати осми народом выбранных граждан, исполнявших шестидесятилетнее жизни течение, отправлял гражданския должности, служил обоим Царям советом, которым без их согласия ни чего предпринимать не дозволялося и предлагал народному собранию те дела, которыя оно судить и решить долженствовало.

Ликургова республика так же, как *Полибий* сказал после о Римской республике, сопрягая все выгоды, коих Монархия, Аристократия и Демократия заключают в себе токмо слабейшую часть, если они не соединяются в едином правлении, не имела ни единого им естественного порока. Самодержавство, коим народ пользовался, побуждало его без напряжения ко всему тому, что в народноуправляемом государстве любовь вольности и отечества могут произвести великаго и великодушнаго. Но в следствие учрежденнаго между различными властями равновесия, демократическая правления часть всегда бывала безильна и утеснена судейскою властью, сколь скоро она свою власть во зло употребить хотела. И для того не видно было в Лакедемоне ни своезавия, ни вспыльчивости, ни ложнаго страха, ни насилия, безславящих большую часть Греческих республик. В следствие того же властей равновесия всемогущия по своей чреде судии предшествием пред ними закона находились, удаляясь правил, под рукою повелительную народа. Чины государственные друг другу помогали, друг друга освещали, приходили взаимным порицанием в совершенство. Великия злоупотребления были невозможны предупреждением малых. Сенат, долженствующий бдению *Ефоров* своею умеренностию и премудростию в употреблении исполнительных власти, научал народ разбирать и познавать истинныя свои корысти, основываться на правилах, и разум сохранять непременяющийся. Цари ни какия не имели власти, когда не были Сената устами; они придавали однако же войскам скорое и поспешное действие, оживляющее воинское производство и успехи, и почти у вольных народов неизвестное.

Сколь ни премудро было сие правление, о коем *Ликург* у Критян первое получил понятие; но он не надеялся получить от

рый Законодатель, был учредитель *Ефорския* власти? он, который с такою точностию полагал пределы различных властей Лакедемонскаго правления; когда *Плутарх* сомневается, были ли они поставлены для того, чтобы соглашать различныя мнения своих Царей, или избираемы самими ими, когда долговременная война принуждала их отлучаться из Спарты.

него успеха, если древняя не истребятся нравы. И в самом деле, какой был бы плод порядка им учрежденного, дабы сделать единые законы всемогущими и самодержавными, если бы богатства, и с ними всегда сопряженная роскошь, и последующее им повреждение нравов, граждан неравенство, и по тому мучительство и рабство, научили Лакедемонян презирать, или осмеивать свои новые законы? Бедностию в презрение вверженный народ не мог бы сохранить своего достоинства; продавал бы свое согласие, свои права, и свою вольность, более дающему. Сенаторския места, добродетельнейших мужей украшать определенныя, доставали бы богатейшим; чины гражданские покупали бы для удовлетворения своего тщеславия, или для поносного своего власти торгу. Цари споспешествуя повреждению, дабы чрез то найти повинующихся их воле рабов, жертвовали бы отечеством частным своим корыстям. В Египте *Ликург* познал власть нравов над обществом. Многие же народы, не ведая, как сей законодатель, взаимное действие законов над нравами и нравов над законами, почерпнули токмо посредственныя выгоды из приложенных ими стараний к ограничению единою другую различных государства властей, и к удержанию их в равновесии. *Ликург*, желая граждан сделать достойными истинную вкушати вольность, учредил в имени их совершенное равенство; но он не остановился при новом земель разделе. Природа вселила в Лакедемонян без сомнения неодинаковые страсти; не тот же замысл в приращении своих наследств: и для того он опасался, чтобы сребролюбие не собрало поместья в единую руку. А дабы Спарта не пользовалася токмо преходящею переменою; то он низшел, так сказать, даже во внутренность сердец граждан своих, и истребил в оном семена сребролюбия.

Ликург изгнал употребление сребра и злата, и пустил в обращение железную монету. Он учредил народные столы; где каждый гражданин принужден был непрестанной подавать пример воздержания и строгости. Домовой Лакедемонский прибор делан был топором и пилою; словом, он ограничил их потребности на требуемыя токмо природою невозбранно. Тогда художества, роскоши служащая, Лаконию оставили; излишними ставши богатства казались презрительны; и Спарта неприступною повреждению стала крепостию. Народным воспитанием устроенные отроки навывкали с рождения добродетелям отцов своих. Женщины всегда удовлетворением их слабости законами униженныя, введши почти во все государства послабление нравов, в Спарте возбуждали и поддерживали мужей добродетель. Великия телодвижения, уделяя им силы и мужское телосложение, возвышали их сверх их пола, и уготовляли их дух к терпению, к мужеству, и к иройской твердости.

Любовь к бедности отвлекала внимание Лакедемонян от добычи и дани побежденных. Питаясь плодом земель своих, не имея других денег, как незнаемыя прочим народам, не имея для

будущия нужды положеннаго сокровища; не возможно им было производить войну, вне своих областей. Закон, запрещающий им уделять чужестранцам право быть их согражданами, препятствовал им возстановлять урон, самую победою им причиненный. И так все их побуждало мир почитать драгоценнейшим человеком благом. Однако же *Ликург* не положился на столь удобныя побуждения, чтобы отечество свое удержал в пределах правосудия и умеренности. Имея хорошее о человеческом сердце сведение, и о том, что составляет непременное государств благоденствие; не уверялся он обольщающим внешностям властолюбия, сей изобилующей надеждою и обещаниями страсти: но в малое время коли не счастлива приводящей народ в погибель, во счастья превращающейся в сребролюбие и грабительство, нравы и состояние граждан пременяющей и разрушающей правления правила. Сей законодатель издал закон, запрещающий Лакедемонянам производить войну, разве для своей защиты; и никогда не пользоваться победою, гонясь за разбитым войском.

Сия по виду чрезмерная предосторожность была необходимо нужна; ибо *Ликург* (дабы Лакедемон укрепить сколько возможно) сделал его более воинским станом, нежели городом. Там беспрестанно происходили воинския упражнения; всякия другия были в презрении. Все граждане были воины. Не быть в состоянии сносить голод, перемену погоды, и труды величайшие, не умирать за отечество и не поражая неприятеля жизнью жертвовать, почиталось безчестием. Легко могло бы случиться, что Лакедемоняне, влекомы и прельщенны своим мужеством, устремили бы к увеличиванию своих областей данные им для их защиты качества. Чем меньше сей храбрый и к войне склонный народ искал своей славы во исполнении правосудия и умеренности; тем более *Ликург*, соделова воинов, долженствовал им подтверждать наблюдение мира.

Хотя сие мною Лакедемона сделанное описание первыя токмо в себе черты содержит; однако можно по ним судить о почтении, или лучше сказать о удивлении Греции к Лакедемонянам. Позабыто их жестокосердие против Илотских граждан, коих потомков они содержали еще в рабстве. Обе их после *Ликурга* с Мессенианами войны, окончавшияся разрушением *Ифомы* и *Иры* и порабощением всех Мессении жителей, почитались задумчивости мгновениями, долговременным замененными исполнением добродетели.

Ираклий, говорит *Плутарх*, путешествуя по свету, единою вооружен палицею, истреблял мучителей и разбойников; а Спарта с бедностию своею такое же в Греции имела владычество. Правосудие ея, умеренность и мужество, столь там были знаемы, что не вооружая граждан, не выводя их в поле, утушала она помощию единого посланника домашние Греков мятежи, принуждала мучителей слагать с себя присвоенную ими незаконно

власть, и пресекала возставшия между двух городов несогласия.

Сей всегда порядку споспешествующий род ходатайства тем легче Спарте приобрел ощутительное пред другими республиками превосходство, что они беспрестанно принуждены были прибегать к ея покровительству. Блаженны по чреде ея благодеяниями, ни единая из них не отрицалася следовать ея советам. Лестно человечеству (да сие есть и правило нравочения и политики изящное) взирать на народ, долженствующий своим благодеянием любви своей ко правосудию и благодеянию. Лакедемон приобрел в Греции недостающую Амфикионскому совету силу, для содержания между ея частей сопряжения. Между тем как Греки навывкали повиноватися Лакедемонянам, для того что бы безумно было не почитать их премудрость и мужество; то повинование во всех частях учреждалося: нечувствительно город их становился Греции столицею, и наслаждаяся без прекословия соединенных ея войск предводительством, придавал сей союзной Греческой республике все возможное ею восприть могущество.

Ныне ложно в Европе судя о государственной силе, более по пространству земель и числу граждан, нежели по премудрости законов, подумают без сомнения, что Греки, населяя мало пространства землю, не сохранили своея вольности, как до тех пор, пока в их соседстве не возстала держава, их покорить могущая, и из того заключат, что Греки должныствовали увеличивать свое владение и делать завоевания. Похвала Лакедемонян умеренность, владычество Греции им доставившею, похвлят ту же умеренность удерживавшею Греков в прежней их немощи, когда в следствие вечных превращений, вид мира переменяющихся, соседи их к размножению земель своих стремились.

Но не рассматривая то, что действительное составляет государства могущество, заметим, что пружины союзных республики столь суть многочисленны, столь сплетенны и столь медлительны в своих действиях, что она токмо на себя с успехом внимание обращать может. Должноли было Спартиянам побуждать Грецию к завоеваниям, которыя, не обогащая ни единого из ея городов особо, соделали бы общество ея могущественнее? Осторожность не позволяла оное испытывать: всяк знает, что отдаленная корысть никогда большую часть людей не привлекает; общая же корысть трогае их слабо.

Хотя бы кому удалось в общем Амфикионском собрании вперить Грекам страсть к общим завоеваниям: но скоро бы безчисленные препятствия, привязанныя к сему предприятию, их от онаго отвратили. Союзная республика для того защищается с успехом, что великий предмет ея сохранения, когда вольность ея оскорбляется, единую всем ея частям влагает корысть. Наступательная война не токмо союзников не соглашает, но паче всегда их почти разделяет. Начиная предприятие, всяк старается как можно меньше споспособствовать оному; а всяк однакоже хо-

чет получить из онаго наибольшую выгоду. В достоинство поставляется обмануть хитро своих союзников, и не исполнить свои обещания. Удастся или нет, но ни кто себе не отдает справедливости, ни кто не хочет быть виною претерпенных несчастий; все хотят быть зиждителями благих успехов, и союз окончивается ненавистию.

Греки, делая к завоеваниям вне земель своих предприятия, узрели бы несогласия, между их республик возстающих, и возрастающую между ними ненависть неутолимую. Всякий город имел бы неприятелей при вратах своих, или бы приобрел худо служащих себе подданных. И так не порочить, но паче выхвалять должно умеренность Лакедемонян и других Греков, если они находили в самих себе довольныя средства против нападений сильнейших держав.

Греция не имела в разсуждении своего пространства в войнах недостатка; а в землях ея, благоразумно по разным государствам разделенных, законы свято были наблюдаемы. Представим себе землю сию наполненную республиками, пышность и роскошь ненавидящими, населенную воинскими гражданами, любящими токмо правосудие, славу, вольность и отечество: что ей нужды, что в соседстве ея могущественныя возстают державы? Повторить ли мне здесь то, что в других политических находится сочинениях, что неизбежная в великих государствах роскошь их истощевает? Там законы изнемогают и силы бывают без действия.

На конец возрасла та могущественная держава. Между всеми Асийскими народами, богатством токмо славящимися, был народ малочисленный, ксего области отгоняя от себя сребролюбие, роскошь, сладострастие, были убежищем великих дарований, мужества и других добродетелей, самодержавством у соседей его изгнанных. *Кир* был их Царь: но прельщенный своим властолюбием не познал он блаженства управлять едиными Персами. Лидийскаго царства завоевание предало ему в руки *Крисово* богатство, и всю Малую Асию ему покорило. Он пошел войною на Сирию, овладел ею и Аравиею, могущество Ассириан рушил, взял Вавилон; и владение его простираяся наконец чрез все земли, лежащия между Индом, морями Каспийским, Черным, Егейским, Ефиопиею и Аравийским морем, от Греции токмо морским (слабая защита!) проливом отделялося.

Кирова История дошла до нас детскими обезображена баснями, коими ее *Иродот* украсить помышлял; или украшенная историком *Философом*, не столь истинну предать нам помышлявшим, как преподавать Царям учения, дабы они научились быть достойными своего щастия. Как бы то ни было, видно что сей Государь, исполнив Асию славою своих деяний, восприял жребий мужей чрезвычайных, коих История тем более наполняется вымыслами и чрезъестественными происхождениями, чем меньше величество их сих смешных требует украшений, дабы

возбудить удивление. *Кир* был непрекословно единый из славнейших в древности мужей своими дарованиями; да и по учреждении своего обширного владения, каким бы Греки могли быть подвержены опасностям, если бы, следуя примеру Спарты, они исправили свое правление? *Киру*, Асиею обладающему, единые Персы были истинною силою; прочие его подданные должны ни во что вменяться.

Чем владение сего Государя было пространнее, тем меньше опасаться можно было его могущества. *Камвису*, сыну своему и наследнику, оставил он чрезмерное счастье, под бременем коего сей изнемог. Не надлежит человеку налагать должности, силы человечества превосходящая. И сам *Кир* не мог бы воспрепятствовать разслаблению пружин правления. Чем больше начало войны между Персов и Греков отдалялося, тем безопаснее становилось оно Грекам; да могло бы и то быть, что Кировы наследники, удрученные тягостию своего величества, своих пороков и своих предприятий, отложили бы намерение делать завоевания, и не вооружались бы против Греции, если бы она, следуя благоразумию, о себе токмо помышляла.

Война началась за учрежденные на берегах малыя Азии поселения. Они не составляли единое с Греческими республиками тело, с которыми они не наблюдали союза; и хотя они не имели свойственные вольному народу качества, но нетерпеливо Персидских Царей сносили владычество. *Аристагор*, человек столь же отважный, как властолюбивый, непрестанно поощрял Милетских жителей к бунту; а наперстники его, наполняющия Грецию, испросили без труда у Афинян помощи Асийским Грекам, по большей части из Аттики происшедшим. *Афины*, свергнувши тогда иго *Пизистратов*, находились еще в восторге раждающияся вольности; а последний их мучитель *Гиппий* нашел убежище и отменную защиту у *Артаферна*, Лидийскаго градодержателя. Сия республика обещала поселениям свое покровительство; а бунт их открылся взятием *Сардиса*, превращеннаго ими тогда в пепел.

Дарий, сидящий тогда на Персидском престоле, без труда отмстил сию обиду. Преданный *Милет* ярости и сребролюбию воинов, испытал всю их лютость. Победитель, покорив *Ионию* и все острова близ ея лежащая, восхотел простерти наказание во всю Грецию: он послал туда вестников со требованием земли и воды, то есть с повелением покориться его державе. Афиняне не раскаиваясь об оном уготовились к войне, и дошед до *Маратона*, где уже Персы их ожидали, разбили их под предводительством *Милтиада*.

Дарий воскипел яростию, узнав соделанное войскам своим безславие. Он приготовлялся уже вторично напасть на Грецию с силою прежнюю превосходящею, как смерть его поразила; а возшедший на престол *Ксеркс* взирал токмо на соделанную Афинянами отцу своему обиду. Един из его вельможей получил пове-

ление возобновлять ежедневно оныя воспоминание, «Если я забуду, говаривал сей Государь, сожжение *Сардиса*, дерзкие набеги Европейских Греков в Асию, и *Марафонской* бой; то не мните, чтобы они тронуты были моим воздержанием. Гордость их без ужаса на мое могущество взирающая, тем смелее будет в соделании мне обид. Великодушные мое почтется боязнию или немощию; а сии ненаказанные мною народы войдут еще в Асию вооруженною рукою. Не возможно ни Персам, ни Грекам взирати друг на друга равнодушным оком; великая ненависть их разделяет, великия подозрения препятствуют их согласию. Персия должна повиноваться Греции, или Греция покорится Персии».

Сколь нетерпеливость *Ксерксова*, чтобы начать войну со Грециею, велика ни была; но он употребил четыре года на уготовления к сему походу, и собрал так сказать все силы Азии. Сухопутное его войско состояло из миллиона семи сот тысяч воинов, а морское войско, из пяти сот тысяч состоящее, плыло на тысяче и двух стах кораблях со тремя стами транспортных судов. Кажется, что сие исчисление *Ксерксовых* сил увеличено: но, следуя повествованию других Историков, сей Государь имел войско довольно великое, чтобы восхотеть покорить целую Европу, если бы довольно было собрать великое людей множество, чтобы быть завоевателем и производить великия деяния.

Спарта свято еще наблюдала наистрожайшия *Ликурговы* узаконения и все ея граждане подобны были трем стам ироям, жертвовавшим собою при защищении *Фермопил*. *Афины* второе между Греками занимали место, и никогда они в толь цветущем не находились состоянии. Заняты старанием возобновить свою вольность и отрясти срам своего порабощения, приобрели они под мучительством *Пизистратов* все добродетели вольной город прославить могущия: но о которых ныне трудно иметь истинное понятие; все распри и ненависти умолкли; а награждение, честь, слава предоставлялись добродетелям и великим дарованиям. *Марафонской* бой усугубил их мужество; а как *Ксеркс* вошел во Грецию, то не было Афинянам невозможности сохранить своя слава.

Если бы все Греческия республики, хотя не сходствуя со *Спартою* и *Афинами*, могли бы однакож их повиноваться веляниям, или по крайней мере им не изменять; то бы Персидскаго Царя предприятие почлось без сомнения отважным и безразсудным. Но не все Греки могли не ужасаяся взирать на грозящую им бурю.

Спарта не воспользовалася имеющею к себе доверенностию, дабы побудить своих соседей к восприятию свойственных ей добродетелей и учреждений. Она могла бы исправить большую часть несправедливых законов и вредных обыкновений в Грецию вкравшихся. Но едва своею мудростию приобрела она владычество, как восхотела оное соблюсти обыкновенными власто-

любия средствами: и без сомнения не может у смертных быть добродетель непорочна, когда Спартянская не была такова.

Республика их, испытывая всечасно, что недостаточное Греческих городов правление единых в крайней удержало посредственности, принуждало других просить у нея помощи и в разсуждении ея содержало их во истинном повиновении, опасалась показаться не столь нужною, как она была в самом деле и зреть власть свою уничтожаему, если Греческое правление столь будет мудро, как оно быть могло. Восхотела, чтобы покровительство ея было необходимо; ни когда не искала средства ко изсушению источника тревожащих Афинян распрей. А как по свержении *Пизистратов* ига она начала приобретать славу, то столь была завистлива, что восхотела поставить над ними повелителя, возводя паки *Гиппия* на престол.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать: сожалительно, что *Ликург*, предписывая согражданам своим мудрые законы, не открыл им дальнейшия оных следствия. «Поступайте неотменно, сказал бы им, по законам, кои наблюдать вы во присутствии богов клялися. Они соделают вашу безопасность, и вы не будете подвержены ни единому из зол, другими народами испытываемых. Я обещаю вам, что делая вас достойными Греции доверенности, они доставят вам владычество над нею; но тогда остерегайтесь, чтобы такое благополучия начало вас не повредило. Пороки Греков подвергнут их вашей власти; но не мните, чтобы сии пороки нужны были вашему величеству. Вы составляете столь изящную республику, что соседи ваши никогда с вами сравниться не могут; а хотя бы все Греки вам уподобились, не утвердилось ли бы тем более ваше благоденствие, для того, чтобы вы окружаемы были народами, сребролюбие и властолюбие ненавидящими и ставящими себе в закон вашей воляности почитание и защищение. Если же вы опасаетесь, что в Греции новыя возрастут добродетели; то будьте уверены, что не полагаяся на самую вашу добродетель, вы скоро прибегнете к политике обмана, коея способы и средства сперва бывают обоядны, и неосновательны, а наконец разорительны. Будьте уверены, что чем более вы стараться станете исправляти Греции нравы и учреждати правосудие в ея городах, тем послушнее они будут вашим велениям, для того, что ни подозрение, ни боязнь не воспретят им со всем предаться своей благодарности и вашему великодушию».

«Повелеваю вам, примолвил бы *Ликург*, стараться внушати Грекам добродетель; да тем только и можете вы быть всегда сами добродетельны. Да почтется тот изменником общему отечеству, а паче *Лакедемону*, кто восхощет вас уверить, что в то то ваша и польза, чтобы Греки были ни столь мужественны, ни столь правосудны, как вы. Если пороки ваших соседей доставят вам некоторое превосходство, то оное будет неосновательно; а во многочисленных случаях пороки сии будут вас бес-

покоить и вам препятствовать. Если вы воспретите Греции, дабы господствовать над нею, быть столь сильною, как она быть может; то вы уподобитесь самодержавцу безумному, приводящему подданных своих во изнеможение оказывать ему услуги, дабы тем легче их удручить можно было. Владычество ваше не утвердится; да вы его и потеряете, когда нападет на вас с великими силами внешний неприятель».

Некоторые города, пользуясь примером Спартою им подаваемым, внушили гражданам своим любовь вольности и общаго блага; но при начатии Мидийския войны большая часть из них не утвердили еще свои законы и не учредили еще правильного правления. Единые завидуя беспрестанно своим соседям, или управляемы с самага своего начала пронырствами своих судей и знатных граждан, всем жертвовали корыстям их страстей, или их намерений. Другия окостенев, если так сказать можно, от долговременнаго мира, и предавшись торговле и художествам, мнили, что Греции нещастия час уже приспел; и сии республики, вступая в союз с Персами, держалися противныя неприятелей их стороны, или хотели предупредить свое истребление. Таковы были жители Фессалии и Етолии, Долоны, Ениане, Перевы, Локриане, Магнеты, Мелиане, Фтиоты, Фивяне и все жители Веотии, кроме Фиспян и Платеян. Да и в самом Пелопонесе Аргиане и Ахеане приняли Ксеркову сторону.

Греческой союз рушился отпадением имянованных мною народов, и родившейся из онаго ужас причинил бы, казалось, разрушение всех республик. Надлежит признаться, сколько Спартяне, Афиняне, и их союзники крепости духа ни имели, но вероятно ли, что имея во всей Греции сообщников и будучи в состоянии побеждать Греков самими Греками. Ксеркс не успел во своем предприятии?

Я знаю, что многия историки вымыслили, дабы изъяснить печальное Мидийския войны окончание. Они представили Асии воинов более женщинами, нежели мужами, поверженными в роскошь и сладострастие; но хотя Персия не была такова, как при владения Кира: однакож не впала еще в безчувственное и смертное состояние, в коем ея обрел по том Александр великий. Ксенофонт упрекает Ксерковых наследников многими пороками, коих не знали его предшественники. Если пышность, слабость и гордость Камвиса безславили престол его отца; то наследовавший ему Дарий любил славу. Правда что Персия лучшая свои войски в нещастных потеряла войнах с Аммониянами и Скифами; но ужели не было во владение Ксеркса никаких войск Киром устроенных? Или дух сего Государя всю Асию оживлявший совсем истребился? Народ, беспрестанно воевавший, сохранил бы по малой мере предание своея древния дисциплины, и имел бы несколько испытанных воинов. Да и сам Иродот повествует, что добродетель у Персов тогда была почитаема, и что мужество и искусство степенями были к достижению достоинств.

Многие воины отличились и в Мидийскую войну делами редкия храбрости; да и целыя войски следовали их примеру.

Мы не знаем, что такое есть покорение вольнаго народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разумы равно от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война производится в землях к повиновению обыхких и защищаемых наемниками. Самыя республики нам предлагающия представляют токмо толпу мещан прилепленных ко гражданским упражнениям: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов предпочитающих разрушение свое потерянию своєю вольности. Спартяне и Афиняне хотели умереть свободны: но какой был плод их мужества? Жертвуя великим числом воинов для занятия *Фермопил*, *Ксеркс* наконец овладел ими; а следуя сему порядку мог бы он везде такой же иметь успех.

Чем более рассматриваешь состояние несогласныя Греции, тем более удостоверяешься, что ей не возможно было избежать угрожаемаго ей падения. Токмо превозходство *Фемистоклово* над *Ксерксом*, а *Павсаниево* над *Мардонием* спасло Греков. Сравнивая сих славных мужей, мы можем объяснить почти невероятное Мидийския войны окончание.

Фемистокл родился со чрезмерною ко славе страстию. Нетерпеливо желая прославиться, сказывают, что *Марафонской* бой, *Милтиадом* выигранной, отгонял сон от очей его. В нем соединялися все качества великаго мужа составляющия; и ни кто (сию похвалу приписует ему *Фукидид*) не заслужил лучше удивления потомства. Некое непреложное стремление, наиредчайшее природы дарование, представляло ему лучшее всегда средство; храбрость его никогда не изумлялася для того, что благоразумие его, превзошед все препоны, предвидя оныя, возвышало его сверх всех произшествий.

Между тем как *Афины* о смирении *Дария* предавалися радости, *Фемистокл* взирал на *Марафонской* бой, как на предвестника ближайшия бури; но он не хотел нарушить радости своих сограждан, угрожая им Персидскаго Царя мщением. Они требовали лести, а не предвидения злополучий. Предвидение его почлось бы преступлением или воображением смеха достойным. Пользуясь благосклонностию к себе народа и гордостию щастием его усугубляемою, он воздвигает гнев его против *Егинны*, могущественныя тогда в море республики; доводит Афинян постепенно до объявления ей войны, и таким образом принуждает ее завести флот, которой будет их и целой Греции спасением.

В самом деле, если бы *Ксеркс*, господствуя в море, мог по своей воле чинить на Пелопониския и Аттиския берега нападения в то время, как сухопутное его войско входило в *Фокиду*; Греки не знали бы ни где собирать, ни куда устремлять свои силы: и каждый народ, опасаясь неприятельскаго набегу, не удалялся бы земель своих для их защищения. Таким образом каж-

дый народ, от других отделенный, видел бы свою немощь и на помощь не надеялся бы. Всеобщий ужас сделал бы разумы неподвижными; и сомневаться не должно, что многия города, верные Греции пребывшие, жертвовали бы тогда общею отечества корыстию частному своему спасению, следуя примеру республик с Персами соединившихся.

Не столь великий муж, как *Фемистокл*, помышлял бы только о защищении *Афин*; их укрепления, пристань, оружейница, съестный припас совсем бы его заняли. Напротив того, исполненный правилами, силу союзных республик соделовавшими, он почитал Грецию *Афинскою* стеною. Если она покорена будет, то знал, что единые *Афины* противиться не возмогут. Казалось, что он отечеством жертвует: но он с пользою ему служит, для того, что Греков приводит в состояние защищаться; а если они не погибнут, то победительныя *Афины* осенятся славою.

Не знаю, вняли ли довольно великости духа *Афинян* при пренесении их в *Саламину* и *Тресну* своих жен, детей и стариков; сами же оставаяся без отечества или, лучше сказать, предавая оное варварской ярости, укрылися в корабли из древа домов своих построенные. Сие предприятие, коего мудрость малому числу была понятна, представляло всем уничтожительной и ужасной образ бегства или конечного разорения. Надлежит преселиться в те отдаленныя времена и познать оных предразсудки, коли хотим судить о могущественных и неизчислимых препятствиях, *Фемистоклом* обретенных, когда он побуждал своих сограждан к оставлению своих домов, храмов, богов и гробниц отцев своих. Греция была бы безнадежна, если бы сей полководец не имел всяческаго дарования и все роды разума. Упражняем величайшими мыслями и труднейшими политическими и военными соображениями, он прибегнул ко средствам лести и пронырства, дабы уверять людей, понимать его не могущих. Не могши возвесть черни до своих мыслей, убеждал ее властью; возбуждал ее веру; отверзал уста богов; и Грецию исполнил прорицаниями, способствующими его предприятиям.

Овладев *Фермопилами*, Персы разсеялись по всей Греции, оную опустошали. *Делф* долженствовал спасением своим незапной буре, которою ужаснувшись варвары почли знаком гнева божества, град сей покровительствующаго и ими раздраженнаго, *Феспия* и *Платея* превращены ими в пепел; с обнаженным мечем взяли они *Афинской* замок, не взирая на удивительную оставшихся в отечестве *Афинян* храбрость: один токмо *Пелопонис* остался Персам затворен.

Против неизчислимаго *Ксерксова* флота Греки поставили только триста восемьдесят кораблей, под предводительством, во имя *Лакедемона*, неведающаго своея должности полководца. Или *Еврипад* поражен слабостию своих сил, и внимая токмо ужасу, мнил, что неприятель уже близок; или безразсудно помышляя, что

для безопасности *Пелопониса* должно было ходить подле его берегов, или стоять близ *Пилоса* и *Феры*, и равным образом покровительствовать всем его частям, вознамерился оставить *Саламинской* пролив. *Фемистокл* мужественно ему в оном противоречил, представил Грекам, что токмо в сем проливе может малое число их кораблей с успехом противиться Персов превосходству; показал, что неприятели их, отходя ко берегам *Мессении*, *Елиды* и *Ахеи*, подвергнут везущие к ним военные припасы потере опасности, пока Греческий флот находится будет в *Саламине*; доказал, что весьма полезно устрашить *Аргос*, явившийся изменным городом, и что все равно, что Персам оставить Грецию, что удалиться от *Коринфского* перешейка, когда *Ксеркс* все войско свое в сию устремлял сторону, желая открыть себе путь в *Пелопонис*. В самом деле, если бы *Евривиад* вышел из *Саламинского* залива, то бы варвары оной заняли, осадили бы *Коринф* с сухаго пути и моря, и сколь бы Греки упорно не защищались, *Ксеркс* наконец торжествовал бы, как при *Фермопилах*, над их искусством и отчаянием.

Фемистокловы представления были бесплодны. Он предупредил *Евривиадово* намерение, приняв на себя вид изменника (последнее изступление любви великаго мужа к отечеству!), подал *Ксерксу* известие, что Греки хотят укрыться, и чтобы он спешил на них нападать, если хочет препятствовать их удалению; что несогласие господствующее во Греческом флоте уготовляет ему победу; и что он там найдет друзей служить ему желающих. *Ксеркс* дался в обман, а *Евривиад* принужден был к бою. Греки, в безопасности быть в сем проливе окруженны, действовали все вдруг, а варвары, не имея довольно места для расширения сил своих, действовали токмо малою оных частию. Разбитие первой их линии привело весь флот в замешательство, который скоро по том обращен был в бегство.

Глупость *Ксерксова* сделала *Саламинской* бой решительным. Урон его был велик: но собрав остатки своего флота, не осталось ли ему еще довольно кораблей для господствования в море. Почто мнит он, что все уже пропало? Сухопутное его войско ни малаго не претерпело урона, и вся почти Греция была ему покорена. Если бы сей Государь не был трус и глуп, дался ли бы он в другой раз *Фемистоклу* в обман, который ему подал известие, что Греки хотят разорить мост, на *Босфоре* им построенной? Конечно не оставили бы они у себя сильнаго неприятеля, приведши его в необходимость победить или погибнуть. Какія бы подобный *Ксерксу* Государь войски ни имел, то определено ему быть побежденну *Фемистоклом*. Величайшия силы в руках его подобны *Ираклиевой* палице в руках младенца, поднять оную не могущаго. *Ксеркс* обратился в бегство, и оставя во Греции *Мардония* со тремястами тысячами человек, кроме союзных войск, помышлял не столь о ея покорении, как о ея упражнении

во время своего возвращения и о препятствовании ей прострети свое оружие в Асию.

Мардониево войско в ужас Греков привести еще могущее, когда бы они большей не избегли опасности, казалось им презрительным по отшествии и переправе *Ксеркса* чрез море со главными своими силами. Они уже о победе и не сомневались; а изумленные Персы начинали напротив того отчаяваться во успехе. Греция однакож наполнилась еще изменниками, несмелыми покаяться во своем вероломстве, и по тому служащими еще варварам. Спартянам и Афинянам нужна была изящнейшая мудрость к удержанию во пределах своего мужества. Неосновательность с их стороны могла бы возвратить неприятелю смелость, и дать способ обрести в самом себе силы и средства, *Мардонию* по видимому не ведомая. И так, спасение Греков зависело токмо от искусства в войне; а с сей стороны *Павсаний*, предводительствующий их войском, гораздо превосходил Персидскаго полководца.

Знаю, что сей вождь, ослеплен по том *Ксерксовыми* дарами и обещаниями, изменил Греции, и восхотел быть мучителем своего отечества. Обоязнен, не угрызением совести, но затруднениями своего предприятия, он раскаявался иногда во своем намерении, не имея мудрости оное оставить. Влеком по чредевластолюбием и удерживаем боязнию, не оказал во своих поступках, как немощь и раздумчивость, стыд заговорщика совершающих и делающих его столь же презрительным, как ненавистным.

Таков то был *Павсаний*, как статский человек: но очень часто находим мы людей, кои будучи велики и малы в разных разсуждениях заслуживают в единое время удивление наше и презрение. Если природа не уделила ему нужных качеств гражданину помышляющему и уготовляющему перемену во своем отечестве, то она осыпала его дарованиями великаго вождя. В то время, как никогда не решившийся *Мардоний* не ведает, что начинать, негоцирует когда биться должно, и словом не знает искусства употреблять свои силы, *Павсаний* действует, бдеет и, предводительствуя войском, не устрашается; узнает *Мардониево* намерение, окружает его ловитвами, со всех сторон его утесняет, и принуждает его наконец к бою при *Платее*, в месте узком, где силы его не действуя становятся ему бесполезными; и откуду токмо сорок тысяч Персов бегством спаслося под предводительством *Артаваса*; другие совсем были разбиты.

В тот же день, как *Павсаний* торжествовал при *Платее*, *Леотихид* Царь Спартянской и *Ксантин* Афинянин одержали при *Микале* совершенную над Персами победу. Лакедемонский предводитель, не ведая происшедшаго во Греции, разгласил по брегам Азии побеждение *Мардония*, и чтобы поселения, видя Греков от ига Персиею им грозившаго освобожденных, воспринимали паки свою свободу. *Диодор* примечает, что Греки ни храбростию, ни искусством в войне победили в сем случае. Победа

была сомнительна; *Самиане* и *Милесиане* перешед на Греческую сторону установили ее на их стороне. Устрашенные сим нечаянным отпадением, Персы пришли в замешательство, а Асийские Греки видя оное соединились со Европейскими ко изстреблению общих своих неприятелей.

Остановившейся в *Сардисе* *Ксеркс*, узнав конечное войск своих разбитие, не почитал себя в безопасности, побегал поспешно в *Еквату*, разсеявая в земле своей сопутешествующий ему ужас. Чем более сей Государь со удовольствием наслаждался зрелищем своего могущества и величества, взирая на собранные им против Греков силы, тем более чувствовал он себя униженна своим нещастием. Прежде хотел целой завоевать свет; теперь казалось ему, что зрит уже *Спартян* и *Афинян* среди своего государства, и недерзал почти надеяться сохранить отца своего наследие. *Саламина*, *Платея*, *Микала*, ужасныя имена! возобновили воспоминание претерпенных Персиею нещастий в войне с *Ефиопиею*, с *Аммониянами* и со *Скифами*. Мысли властолюбия и завоевания, вперенные *Киром* его преемникам, истребились изо всех разумов; и *Ксеркс* оставил наследникам свою токмо боязнь и малодушие.

Греция не могла угаить опасность, в кою ее ввергнула измена некоторых городов. Она испытала, что добродетели и великия дарования, плоды вольности, произвести могут ко утверждению и продолжению ея благоденствия. Надлежало ей с большею горячностью прилепиться ко древним своим правилам, и помышлять о почти разрушенном всех ея народов союзе. Следуя мудрости умягчила она закон осуждающий к потереянию десятой всего своего имения доли всех Персам предавшихся или даровавших им свою дружбу. Исполнение сего закона, возжигая в Греции междоусобную брань, возобновило бы и умножило древняя несогласия. Победители Персов были снисходительны: народов пощадили, а наказали токмо судей уговоривших их ко измене своея должности.

Греки оказали еще свою умеренность не послушав *Лакедемонян*, требовавших, следуя недостойной их политике, изгнания из *Амфиктионскаго* собрания депутатов городов с Персами в союз вступивших. Делая во Греции многих недовольными, они бы разрушили связи союза, и соблюли бы в недрах ея союзников чужестранным. Но со всюю мудростию, столь вольнаго народа достойною, союзная Греческая республика не много не рушилася. Персы, если можно так сказать, заразили Греции воздух; и казалось, что *Ксеркс*, отмщевая свои уруны, изрыгнул, убегая, дух несогласия на *Лакедемон* и *Афины*.

Полученная при *Платее* добыча влияла Грекам любовь к богатству: сами *Спартяне* дерзнули взять из оныя долю, и осквернили город свой Персидским златом в то время, как *Афиняне*, не помышляя, что чрезмерное щастие близкое почти всегда государствам возвещает падение, предавались несмысленному вы-

сокомерию. Всегда их движущаяся и спокойствием утомляемая республика мнила с самага своего начала сужденною управлять целым светом; и наслаждаяся заранее сим желаемым владычеством, клятвою обязывала своих граждан почитать ей подвластными все земли производящия виноград, масличныя древа и пшеницу. Сие детское властолюбие отверзало Афинян душу великим надеждам; и после чудесных премудрости и мужества дел, в Мидийскую войну ими оказанных, коли они не явили желания владычествовать во Греции, то не довольны были занимати в оной нижнее место. Как они со своими женами, детьми и стариками возвратилися в разоренныя свои жилища, то *Лакедемон*, завидуя ея власти тем более, что они большую приобрели славу, захотел воспретить возставление стен и укреплений их города. «Если *Ксеркс*, говорили Спартяне, сокрывая истинныя свои намерения под видом общаго блага, возобновит с нами войну, отмщевая свои уроны; то Афиняне принуждены будут в другой раз оставить свой город. Но думаете ли вы, что Персы удовольствуются разорением онаго укреплений? Наученные опытом, они оныя усугубят и составят среди нас воинский город, который отнять у них мы будем не в состоянии, и откуда они препятствовать будут Греции действиям».

Афины, во мзду своего великодушия в жертвовании собою спасению Греков, были бы город отверстый и не могущий защищать *Аттику* и ей покровительствовать, если бы *Фемистоклу* не удалось, обманув *Лакедемонян*, возвратить им прежнее их состояние. Он поехал к ним послом; и между тем, как он их ухищренною своею негодностию улещал медлительностию, Афиняне неусыпно старались о возстановлении своих стен. Известие об оном пришло в *Лакедемон*; и *Фемистокл* обвинил завистных и злоумышленных людей в разсеянии известия, могущаго нарушить Греции спокойствие. Как он на конец узнал, что уже укрепления *Афин* почти были окончаны, и что не дерзнут более требовать их разрушения или недоделывания, «Почто, сказал он тогда *Лакедемонянам*, толико бесплодных жалоб? Если вы думаете, что я вас ложным обманываю повествованием, то для чего не пошлете вы туда кого либо из своих граждан? Они истинну познают на месте, и известие их прекратит, на конец, наши распри». *Фемистоклу* они поверили; и *Афины* приняли *Спартянских посланцов*, как аманатов, ответствующих им за их посла. Ни едина из сих двух республик не дерзнула произнести жалобу; но неправосудие и вероломство их поступков начинали превращать зависть их в ненависть, и научили их всему тому, чем они друг другу были опасны.

Спартяне, *Ликургових* установлений еще держущиеся, обрели в самых своих законах препону раждающимся зависти, ненависти и властолюбию: но Афиняне находилися в другом состоянии. *Полибий* уподобляет их республику жораблю ни кем неуправляемому, или в коем все повелевают. Единые, говорит сей

историк, хотят путь продолжать, другие пристать ко ближнему берегу: сии собирают парусы, а те их распускают; и в таком замешательстве преданное власти ветров и не имеющее цели судно стремится всегда ко своему сокрушению.

В самом деле *Афины*, всегда произшествиями и страстями своими влекомыя, не могли еще утвердить правил своего правления. При самом их начале граждане их были несогласны: горные жители хотели всю власть отдать народу, жители долины желали напротив того учреждения стгогрия Аристократии; а на берегах моря живущие, умнее других, требовали, чтобы власть разделялася между бедными и богатыми, и чтобы посредством смешаннаго правления, все власти в равновесии взаимно удерживающаго, предупреждалося мучительство судей и граждан распускность.

Ни единая сторона не имела довольно силы, ни искусства, дабы восторжествовать над другими. Афиняне, всегдашние своих неосновательных заков злодеи, не имели, казалось, другаго поведения правила, как пример своенравия отцов своих; и среди безпрестанных превращений они привыкли быть тщеславны, вспыльчивы, безразсудны, честолюбивы, ветрены, столь же чрезмерны в пороках, как в добродетелях, или лучше сказать, не иметь ни какого нрава. Утомленные на конце домашних беспорядками, прибегнули они к *Солону*, и поручили ему предписание им законов; но желая исправить республики зло, сей безразсудный законодатель оное токмо умягчил, или, лучше сказать, приддал новую силу древним правления порокам.

Предоставляя народным собраниям право давать законы, избирать судей, и учреждать общия дела, на пример мир, войну, союзы и прочее, он разделил граждан на разныя части, по различию их имения, и повелел, чтобы судейския места уделяемы были только тем, кои собирали с земли своей по крайней мере двести мер пшеницы, деревяннаго масла или вина. *Солон*, казалось, удаляя благоразумно от правления дел людей, малое в общем благе участие приемлющих; разными законами возвращал *Ареопагу* прежнюю его власть, и давал довольныя судьям власть и силу к содержанию повиновения и порядка: но в самом деле он дал народу поползновение презирать и законы и судей. Позволяя переносить решения, определения и приказы всех судей в шумныя народа собрания, не отдавал ли он чрез сие всемогущий сан толпе несмысленной, неосновательной, завидующей щастию богатых, в обман пронырливаго человека всегда вдавающейся, и всегда управляемой гражданами беспокойными и ведающими ласкать ея пороки? Не учреждал ли он под именем Демократии истинное безначальство? Хотя бы сей законодатель обнародовал законы, касающиеся до всех частных общества предметов, и могущие онаго соделать благоденствие; но то бы было без успеху, для того, что не возможно было, чтобы ненависть, пристрастие, невежество и вспыльчивость, общенародныя

колеблющая собрания, допустили учредить непреложные правосудия правила. Власть законов противуборствовала власть народного суда, и врата были отверсты всем злоупотреблениям.

Солон учредил Сенат, составленный из ста граждан каждой семьи; и общество сие, управляющее делами, приготовляющее их для народного собрания, и освещающее и предводительствующее народу в его судах, принесло бы правительству великую пользу, если бы законодатель знал искусство сообразить таким образом власть его со властью народа, чтобы они, не истребляя единая другую, удерживались во взаимном равновесии. *Солону* надлежало бы умалить число частых народа собраний. Сенат (не считая чрезвычайные созовы, дозволенные требовать всякому судии и воинскому вождю), долженствующий собирать народ четыре раза в каждую Пританию, то есть каждые тридцать четыре дни, не мог быть в почтении. Народ видел его во близи и очень часто об нем судил. *Солон* унижил его еще тем больше, и сделал его почти ненужным, что позволял всякому пятидесяти лет гражданину речь держать в народном собрании. Витийство приобрело сан, власть Сената превышающий; и посредством свойственного его искусству прехождения заблуждало в чуждых предметах разуму, и судейскую мудрость покоряло своевольству народа.

Солон видел ко стыду своему мучительство *Пизистратов* возвышающееся на развалинах своего слабого правления. Хотя особливый причины с тех пор, как *Афины* паки приобрели свою вольность, побудили их к великим предприятиям, и народу мудрое правление имеющему почти невозможным; но они доставляли им преходящую токмо пользу. Город сей, обожающий и злодействующий великим дарованиям и добродетелям, не обрел другаго средства к сохранению своей вольности, не вредя тем соревнованию, как отменно служащим отечеству величайшую уделять честь и достоинства, а чрезмерно ему служивших наказывать изгнанием *Остракисма*, то есть десятилетней ссылки. *Аристид*, по разбитии *Ксеркса*, дал закон позволяющий всякому гражданину стяжать судейский сан. И так правление, имея еще больше пороков, нежели исходя из руки *Солона*, должноствовало еще большее производить зло, когда стремящее *Афины* к добру упорство истребится.

Конец первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ

Соперничество Афин с Лакедемоном. Разсуждения о правлении Кимона и Перикла, о войне Пелопонесской. Падение Спартян; приобретенное ими во Греции владычество истребляется Фивянами.

Греки, прежде о себе токмо помышлявшие и во своих внутренних смятениях сухопутное токмо войско употреблявшие, малое о кораблях и о мореплавателях, служивших в торговых походах, имели попечение. Но Мидийская война учредила у них новыя корысти и новую политику. Они опасались мщенья Персидскаго двора; поношением себе считали служение своих поселений *Ксерксу*: и желая иметь крепчайшую защиту, и отверсти себе вход во Асию, заключили с оными тесный союз. Хотя бы Греция не должествовала Саламинскому бою своим спасением; но корабли свои почла бы она наиболее безопаснейшим против варваров остением, и нужною связию для сопряжения многих народов морем разделяемых, для их сближения и подаяния взаимныя помощи.

Сей новый род мыслей уязвил власть *Спартою* присвоенную. Какую славу сия республика в Мидийской войне ни приобрела, сколь хорошо она ни была основана, и сколь давно имя ее ни славилось: но не имея кораблей и довольнаго к содержанию флота иждивения, снишла со своея возвышенныя степени. Покровительство ея впало во пренебрежение, а *Афины*, посредством своих многочисленных кораблей, привлекли на себя всех взоры и завладели, казалось, превосходством свойственным еще ея сопернице.

Афины пользовались бы маловремянным почтением, если бы Спартяне воздвигли против ея гордости и властолюбия древния свои добродетели. Сия безразсудная республика, теряющая свое могущество онаго злоупотреблением, скоро бы обстоятельствами принуждена была воспринять нижнее место, во Греческом союзе ею занимаемое. Боязнь *Ксерсова* мщенья была ложной ужас, скоро исчезнуть определенной. Асийския поселения, к миру привыкшия и ревнующия ко своей вольности, утомилися бы безпокоющим и мучительным Афинян покровительством. Греки, из заблуждения выведенные, узрели бы свой проступок, что в забвении оставляли государство, шесть сот лет мудро ими управляющее, и не предались бы вождению народа обыкшаго, в следствие погрешностей своих законов, действовать своенравно и со пристрастием, и немогущаго предводительство-

вать делами. Чем бы Спартяне терпеливее сносили обиду причиняемую им раждающею Афинян властью, тем бы Греки скорее к ним обратились со всевозможною доверенностию.

Не ведали они, что преходящее зло надлежит сносить терпеливо, и остерегаться, чтобы оное не усугубить безразсудными врачеваниями; не знали, что Государство, приведенное переменю во смятение, еще не погибло, коли оно свято наблюдает соделавшия его могущество узаконения. Зависть их к Афинянам приуготовила их к соделанию неправосудия всей Греции; и вместо того, чтобы препоручить повеления над войсками, определенными войну производить в Азии и поселениям даровать свободу, вождю возбуждающему любовь и почтение ко власти своего отечества, они вверили оное *Павсанию*, Платейскою добычею повредившемуся. Приемляй мзду от Ксерксовых наперстников, он поступал с равною против Греков надменностию и жестокостию, а с Персами слабо и с удовлетворением. Сие возбуждало всеобщее возмущение; *Лакедемон*, отмщевая всем Грекам за властолюбие Афинян, не внимал жалобам на вождя своего произносимым. Обременю, мнил он, иго, да оное не свергнется.

Поступок сей был сравнен с поступком *Афин*, где по изгнании остракисмом *Фемистокла*, *Аристид* и *Кимон* величайшую приобрели власть. Все Греки, Пелопоннских изключая, прибегнули к их покровительству; и дабы освободиться от *Павсаниева* мучительства, обещали Афинскому народу, довольствовавшемуся повелением морских войск, как *Спарта* сухопутных, на войну не ходить, как под ея предводительством.

Хотя Лакедемоняне более не помышляли о соблюдении владычества в Греции, теми же средствами коими они приобрели оное, а ослепленные Афиняне своим щастием предавались обширнейшим надеждам; Греция однакож наслаждалася миром. Древний дух союзнаго правления побуждал еще сих двух народов, по их привычке, к безчисленным стараниям, дабы угасить их ненависти. Сколь Греки к городу, коего они были граждане, прилеплены ни были, но непозволительным еще считали жертвования его корыстям корыстями всея Греции, общаго их отечества. *Афины* и *Спарта*, соперницы и почти друг другу злодей, довольствовались взаимным присмотром и обезпокоиванием; причиненную обиду никогда со всем не заглаживали. По примеру других городов, называли они себя *обе ноги, обе руки, оба глаза Греции*; из того заключали, что по истреблении единых, Греция будет *хромонога, безрука и крива*, и таким образом ужаснувшееся их воображение охладевало жар их властолюбия и зависти.

К тому же *Лакедемон*, медлительный в своих решениях, самым оных порядком, и следуя издревле правилам умеренности и правосудия, не мог вдруг предаться своему властолюбию; не мог он от себя скрыть немощь свою во унижении неприятеля

усугубившаго своими успехами свою к себе доверенность и свое мужество; могущаго, управляя почти всеми Греции силами, с помощью своего флота делать нападения на все части *Пелопониса*, неприятеля предводительствуемаго в сие время людьми дарований изящнейших. Афиняне напротив того со ужасом должныствовали взирать на славу *Лакедемона*. Если по естеству их правления своенравие решения их учреждало; то модное тогда на площади своенравие было слепое повиновение градоначальнику, доверенность их приобретаему; а после своих великих по изгнании *Пизистратов* дел, познав достоинство, не вверяли они правления людям не предвидящим в какія бы бедствия война против *Спарты* ввергла их отечество и всю Грецию.

Хотя *Фемистокл* Лакедемонянин ненавидел и с радостью зрел отечество свое, им управляемое, становящееся господствующею во Греции державою, но не побудил съ его отмстить оружием первыя обиды Спартянами ему соделанныя. Величество его духа не дозволило ему сделаться нужным изменою. Ведаая, что Афиняне были народ всегда щастие свое во зло употребляющий, познал он, что удовлетворить его страстям, а не истинной его пользе, буде поставить его главою союзных республики, коея все движения с наивысшею распологаемы должны быть осторожностию.

Аристид, будучи добродетельнее *Фемистокла*, своего предшественника, не имел других политических правил, как правила наистрожайшаго нравочения, и чтил древнюю власть *Лакедемона*. *Кимон*, столь же добрый гражданин, как *Аристид*, всеми силами старался разорительное сих двух республик утушить соперничество, и сохранить древнее учреждение Греции. Властолюбию сограждан своих противоборствовал он со успехом, возбудив войну в Азии с Персами. В собрании народа похваляя он простоту, воздержность и умеренность Спартян, коих он сам имел нравы. *Лакония*, потеряв землетрясением двадцать тысяч человек, он помогал ей возстановить свой урон. *Илоты* и *Мессениане* взбунтовались. А как витий *Ефиальт* желал, отводя сограждан своих от подаяния им помощи, совершить падение *Лакедемона*, то *Кимон* объявил себя его покровителем, дабы возобновить согласие между им и своим отечеством; побудил Афинян подать им помощь и простить им обиду, бывшую возмездием их великодушия: ибо Спартяне считали их тайными сообщниками своих взбунтовавшихся рабов.

Имея великия богатства, умерен будучи в домостроительстве, расточитель вне дома, он сопрягал непорочность и просвещение великаго градоначальника со редчайшими и нужнейшими воинскими дарованиями. Заслужил необыкновенную славу, одержав в единый день две победы, в море и на сухом пути. Блистающия его в Азии дела приобрели ему в *Аттике* злодеев; добродетели его и великия дарования стали подозре-

вать опасными: и *Афины* возымели доверенность к человеку предприавшему и произведшему в действие *Кимоново* падение. Сей был *Перикл*. Преизящная точность разума предлагала ему всегда вернейшия к достижению цели средства. Он имел дар усвоявать чуждейшия ему чувствования, понимать вдруг многие предметы, и соображать их с величайшею точностию; великий полководец, витий превосходный. Никогда *Афины* не имели гражданина соединяющаго в себе толикое число удобных ко правлению народа дарований: но все сии великия качества, еще большему *Периклову* властолюбию служащия, соделали нещастие его отечества и всяя Греции.

Он приметил, что в следствие смешения безкорыстия и сребролюбия, твердости и снизхождения большая часть градоначальников, предшествовавших ему во правлении дел, неосновательно пользовались народа благосклонностию; а что те, которые во время своего правления пеклись о общем благе, во чрезмерное пали нещастие. И так вместо того, чтобы быть в половину добродетельным и в половину злодеем, в едином случае народ раздражать, а в другом оказывать ему рабское почтение; то сделал он себе непреложное правило, чтобы всем жертвовать своей ко правлению республикою страсти.

Надлежало ему привести в забвение расточительныя *Кимовы* подаяния; а *Перикл*, посредственное имея иждивение, восхотел быть государственных богатств расточитель: он раздавал народу награждения за присутствие его при суде и представлениях. Чернь, получивши страсть к суду, оставляла площадь токмо для феатра. *Солон* хотел, чтобы народ был трудолюбив, и предписал *Ареопагу* наведываться о упражненииа каждого гражданина и наказывать неработающих. Отец, не научивший ни какому ремеслу своего сына, терял по законам естественныя над ним права, и не мог во старости ни малыя от него требовать помощи. Законодатель надеялся без сомнения, что упражняющейся в рукомеслах народ не столь часто будет находиться на площади, и предоставит больше власти сенату и судиям. Сии намерения *Перикла* не тронули. Не помышляя о том, что, изгубив охоту и привычку к работе, праздность народа умножит некогда пороки Демократии, он желал теперешним его признанием прилепить его ко своему благодетелю. Чернь, всегда слепая и пристрастная во своих решениях, уничтожила власть всех почти правительств, и упражнялася на площади в пополнении, толковании, ограничивании и избежании законов, без действия чрез то остающихся: того то *Перикл* и желал. Возвышаяся падением судейския власти, и не хотя во правлении препятствован быть ни каким законом, с радостию предвидел, что *Афины*, среди празнеств, зрелищ, веселий, потеряют приличные вольному государству нравы; что ненужныя искусства будут в почтении; и что Афиняне, отвлеченные от своих должностей, будут наконец стяжать дет-

скую и опасную славу, быть вежливейшим и любезнейшим Греции народом. Чем меньше республика внимание свое на производство дел обращала, тем более оныя первый судия имел власти.

Сей хитрый *Афин* мучитель знал, что не мог он полагаться на благосклонность народа, если не будет непрестанно стараться о своем утверждении. Великое его искусство состояло в лобзании черни, налагая тем соперникам своим молчание, и во избирании предприятий имеющих удачныя следствия. Сколь сильно ни было его красноречие, но противный случай *Афинския* празнества прервавший, иссушивший источник его роскоши или неприятеля введший в *Аттику*, привел бы вития в замешательство; а народ, зря токмо теперешний миг, и судя по произшествиям, мог бы яростию побуждаем низвергнуть обожаемого им кумира.

Тогда не с меньшею *Кимона* прискорбною, но для других причин, взирал *Перикл* на устроившееся между отечеством его и *Лакедемоном* соперничество. Если *Спартяне*, помышляя он, вспомошествованы силами *Пелопониса*, войну объявят; то сан *Афинскаго* начальника будет для него чрез меру тяжкое бремя, и он может быть изнеможен под тягостию войны приятной против народа, по мнению всех, непобедимаго.

По примеру *Кимона* овладел он ненавистию *Афинян* к *Лакедемону*, упражняя их *Персидскими* походами: но самые сии успехи, чем они блестящее были, тем более возжигали *Спартян* зависть. Терпение их уже изнемогало, взирая на победы своих неприятелей во *Асии*; они утомлялися слухом великих их дел и хвалю *Грецию* им воздаваемою. В *Спарте* же мало находилося граждан, следующих древним *Ликурговым* законам, познавших истинныя *Греции* и отчества своего корысти, и воздержность наблюдающих. Сия слабая часть народа не могла бы воспретить начатию войны, если бы *Перикл* не воспользовался начинанием повреждения, *Платейскою* добычею в *Лакедемоне* произведеннаго. Ежегодно отсылал он туда десять талантов, раздавая их всем тем, коих он подкупить мог, и повелевал им мыслить и говорить, как добрым людям.

Но сей мир, способствовавший сперва *Перикловым* намерениям, стал наконец новым для него самого неудобством. Сидяныя стороны *Персидская* война выходила уже из моды, хотя и предлагала безтрудныя победы и великую добычу: что, казалось, долженствовало бы удовлетворить сугубой *Афинян* склонности ко славе их оружия и к великолепию их зрелищ. Со другой стороны опасно было оставлять республику со всем без действия. Недостаточно было ко упражнению ветреных разумов и ко движению обыкших, чтобы хвалить или порочить феатральное сочинение, картину, статую, здания; противоречить *Ареопагу* или решить несколько частных тяжб. *Афинянам* надобны были неприятели, войска в поле, успехи, уроны, надежда

и боязнь: и их природное беспокойство правление ими делало трудным.

По частию *Перикла* Афинские союзники не столь довольны были его правлением, как Афиняне. Асийския поселения не порицали ни роскоши, ни веселостей, в кои республика вдавалась: но они тем не довольны были, что празнества и зрелища делались на их деньги, и что *Перикл* требовал от них шесть сот талантов дани для бесполезных граждан своих увеселений; когда *Кимон* брал с них для Персидския войны токмо шестьдесят талантов. *Перикл* поставил себе правилом приводить в отчаяние народы, не могущия без своея погибели взбунтоваться против *Афин*. Кроме того, что они союза между собою не имели, и что им по тому не возможно было действовать согласно, они никогда не были властолюбивы и, довольствуясь возвращением своея вольности, испросили они у *Кимона*, чтоб им в войне, Грециею за них с Персидским царем производимою, помогать только деньгами и кораблями. Поселения, привыкнув чрез сие к тишине и сладостям покойныя жизни, отвыкли действовать оружием; а по справедливому *Фукидидову* примечанию, будучи истощены платимою ими данию, не могли бы они избежать Афинскаго ига, если бы сей народ восхотел с ними поступать как с подданными, а не как с союзниками.

Представляя справедливыя сих народов жалобы, как дерзновение непозволительное и могущее истребить повинование, *Перикл* легко их соделал ненавистными; побудил Афинян к войне, власть его утверждающей, обещающей им верныя успехи и великую державу. В самом деле, республика их, довольствуясь одержанием побед и взятием городов, во что бы то ни становилось, и не ведая своих корыстей, не примечала, что уничтожение ея союзников предвещало ей падение, и что их бунт в ту же приводил ее немощь, в коей она находилась перед начатием Мидийския войны.

Афины неприметно бы восприяли второе место, прежде сего в союзе Греческом ими занимаемое, если бы сия война, делающая ее ненавистною, столь долго протянулася, чтобы союзники их, отпадая по малу от их союза, лишили их своея помощи. Но *Афины* непрестанные имели успехи; а боязнь удерживала еще многия поселения в подданстве, как *Перикл* возымел нужду дать республике своей важное упражнение.

Время настало отчета его правления: что было дело весьма щекотливое. Хотя он и не обогатился государственными доходами, но или от небрежения с его стороны, или от неверности со стороны его подчиненных, употребленных им во правлении государственных доходов, что расходу великих сумм показано не было, и что приходы республики уменьшились. Уничжительно было для *Перикла* показать Афинянам казну их в безпорядке; признаться же, что разточение, празнества, игры, зре-

лица окончились разорением республики и ее союзников, было же, что оныя порочить.

Весь свет знает *Алкивиадово* на сей случай слово. Пришедшу ему с *Периклом* повидаться, говорят, что он ни кого не принимает, будучи удручен делами, и помышляет как ему давать отчет. *Кабы он меня послушал, ответственвал Алкивиад, то бы скорее помышлял, как ему не давать отчета.* Шутка сия послужила *Периклу* советом; и он стал помышлять, как бы отвратить Афинян внимание от их домашних дел каким либо вне *Аттики* предприятием. К нещастию его ни один соседственный Город не смел тронуться. Единые, утрашены будучи жестокаго наказания примерами, Афинами данными; другие, удерживаемы тем, что *Лакедемон* не берет в их делах участия и медлительностию действий сея республики, заграждали свое мщение ожидая удобных случаев, и *Перикл* доведен был до крайности раздражать зависть самих Спартян, коих он боялся.

Ведаю, что Коринфяне не позабыли еще обиду, Афинами им соделанную в едва оконченной *Коркирской* войне, он надеялся, что осаждая *Потидею*, важное для них место, он их принудит принять оружие. В самое то время, как он единому из сильнейших в *Пелопонисе* народов соделовае обиду, то уже более в *Лакедемон* денег он не посылает; а наемники его отмстить ему могущия, продолжая сограждан своих побуждать к миру, умолкли не к стати и *Периклу* услужили.

Спартяне, ни малейшим в ненависти своей не удерживаемые препятствием, созвали общее своих союзников собрание, дабы разсуждать о состоянии *Пелопониса* и об опасностях Греции угрожаемых. Кириинфяне с великим пред всеми говорили жаром. «Спартяне, сказали они, вы есте избавители Греции, вы ее покровители: но или сложите с себя сие название, или спешите избавлять нас от зол нами претерпеваемых, и кои вы предупредить должныствовали. Время уже, чтобы ваше чистосердечие не было более игральщем Афинян властолюбия. Не ожидайте к отмщению нашему, что бы ваше истребилося могущество. Познайте Афинян: они вольности себе токмо желают, и суть главнейшия Греции злодеи. Всегда смелы, всегда предприимчивы, всегда поспешны к действию, успех, урон, все усугубляет равномерно их доверенность и властолюбие. Они мнят, что республика их приходит в упадок, коли не увеличивается. Ныне уже почитают они себя повелителями городов им надобных, и кои они покорить вознамерилися. Что вы Спартяне противопоставляете сему нетерпеливому властолюбию? Чрезмерную медлительность. Что будет ея плод? Отпадение ваших союзников и возвышение ваших неприятелей. Оставшия наконец со своими токмо силами, вознамеритесь, но уже поздно, избежать жребий многими испытанный народами. Города, ныне вас молящия, покорившися тогда Афинянам, помогут им вас удручить. Или боги напрасно человеку дали дар предвидеть будущее, на-

учаяся прошедшему? Дабы умеренным быть противу неприятеля, непрестанно вам соделовающаго обиды, не будьте неправосудны к вашим союзникам, служить вам желающим. Вы нам покровительством вашим должны. Вера союзных заключений и клятвенное обещание принуждают вас ко оному, и мы желаем зреть оных действие ныне, для вашей собственныя пользы».

Отправленные в сие собрание Афинами послы сходственно поступили с *Перикловыми* намерениями. Говоря неутвердительно о своем желании мира, дабы не показаться, если то возможно, войны начинщиками, не соделали предложения показующаго их желание вступить в переговоры, удовлетворить обидам, и впредь разумы обнадежить. Непрестанно воображая *Марафонское* и *Саламинское* сражения, не сокрыли, что республике, два раза Грецию спасшей, принадлежит по справедливости над оною владычество. Издревле бывает, сказали они, что сильнейшие повелевают; не мы предписали сей закон: он во природе свое имеет основание. По их мнению надлежало бы думать, что величество повеления унижается умеренностию, правосудием и благодеянием. Сия грубая речь и достойная *Персидскаго* Сатрапа, рабам говорящаго, возбудила негодование людей быть вольными хотящих; а *Лакедемон* объявил, что в покровительство свое он берет *Коринф*, *Потидею*, *Егину* и *Мегару*.

Перикл, коему все удавалось, пользуясь сим *Спарты* поступком, побудил Афинян воспринять крайнее намерение. Изображая ложными чертами ея и всех Пелопониских городов поступок: «Теперь то, говорил он тщеславнейшему и гордейшему во всей Греции народу, не надлежит оказывать подлаго снисхождения к велениям *Лакедемонян*. Если бы они нас не нудили оставить *Потидею*, освободить *Егину*, и отменить соделанное нами против *Мегары* определение; то бы мы может быть могли, без собственнаго вреда, внушить нашу умеренность. Но как *Лакедемон* мнит, что он имеет прежнее еще владычество, и для того повелевает, то *Афины*, дабы не обезславиться, не должны им повиноваться. Если вы угрожению войны уступите, то они подумают, что вас объял страх; они новыя соделают вам требования, кои вы отметнете, дабы их не подвергнуться игу. Ныне можете вы отдалить опасность вам угрожающую, оказывая свое могущество: тем вы устршите своих союзников, тем вы научите на всегда *Лакедемонян*, какой успех они ожидать должны от своая гордости; но завтра будет может быть уже поздно».

Едва *Афины* и *Лакедемон* войну начали, как уже не было надежды, чтобы конечным единыя из сих двух республик истреблением могло возобновиться древнее Греческое союзное правление, и пребыть. Хотя частныя *Перикловы* и *Коринфян* корысти к восприятию побудили оружия, но в самом деле со-

перничество *Спарты* и *Афин* было сея войны виною. Она возбудила загражденную, но неистребленную зависть; а чем Спартяне и Афиняне были храбрее, тем ненависть их, усугубляясь, становилась неутолимою. Первое неприятельское действие было вечный распрей источник. В Монархиях, соделанныя им обиды забыться могут, для того, что Государь уделяет нрав свой народу, и может быть ни мстителен, ни властолюбив, ни завистлив. Но в республиках, народом управляемых, каковы были тогда во Греции, мог ли градоначальник противоборствовать стремлению народного мнения, и оное обращать во другую сторону? И так Греки другия политики не имели, как политику своих страстей.

С таким то рассуждением должно было *Периклу* начинать и продолжать свои действия. Надлежало узнать, что будет предмет, пружина и цель войны. Ложному бы последовал он правилу, если бы все зло от войны происходящее устремил он на *Мегару*, *Егину* и *Потидею*. Сожигая Коринфския корабли и жатву, не решил бы он, кому достанется владычество Греции, за которое однако же войну начинали. *Афинам* должно было устремляться прямо на свою соперницу, коея падение привело бы к повиновению всех ея союзников. Но *Перикл*, обладаем единою токмо ко правлению отечеством страстию, опасался, чтобы не вдаться в великия неудобства, или себя не обуздать, предлагая намерение уничтожить Спартян и принудить их Афин признать превосходство. Если бы он един токмо раз сей отважной внял надежде, то бы не в силах уже был оное оставить, не обезславя себя и не потеряя своей власти. Он соделал неутвердительное расположение, дабы иметь свободу переманять намерение по обстоятельствам, ити вперед или назад, по своей воле, и ежедневно лучшия для своих намерений избирать средства.

Лакедемоняне не лучшей себе во предпритой ими войне дали отчет. Когда бы им поспешать должно было в начинании неприятельских действий, дабы предупредить своего неприятеля; то они много потеряли времени в бесплодных переговорах. Отправленные ими в *Афины* послы то требовали удовлетворения не знаю какому богохульному делу, в чем на них *Делфийские* жрецы жаловались, то побуждали их оставить осаду *Потидеи*, возвратить вольность *Егинетам* и *Мегарянам*; или предлагали, чтобы заключить трактат, коим бы все обязались не делать ни какого предприятия предосудительнаго Греческой вольности. Вместо того, чтобы почитать неприятелями Афинских только союзников, упорно держащихся своих прежних обязательств, они простерли свою свирепость и на тех, кои токмо ожидали призыву и помощи для свержения Афинскаго ига. Проступок сей был весьма велик: однакож он был не главнейший из соделанных Спартянами проступков. Вместо того, чтобы войну вести под видом, что за Греческую они вступаются вольность,

они снизкивали Персидскаго двора дружбу, и отдали ему Асийския поселения, коим *Кимон* возвратил вольность; а чрез то не заслуживали ли они ненависть, а может быть и презрение Греции?

Лакедемонские и Афинские полководцы употребили во производстве сея войны без сомнения всевозможное искусство, и мне о них судить не довлеет: но и то правда, что История мало войн описывает, коея бы главная цель столь безразсудно была приуготовлена и достигаема. *Демосфен* упрекал во другое время Афинян, что они с *Филиппом* воюют так, как варвары в кулачки бьются. «Если кто из сих грубых бойцов получит удар, то он о нем только и помышляет. По другому ли месту его ударят; он за оное рукою хватает: но удалять удары, но взирать неустрашимо на своего неприятеля и его предупреждать он не умеет и не дерзает. Вы таковы же, Афиняне! Коли вам скажут, что *Филипп* в *Херсонесе*, то вы повелеваете подавать ей помощь. Если вы узнаете, что он занял *Фермопилы*, тоже и для *Фермопил* повелеваете. Если он обращает стопы своя в какую либо сторону, то вы за ним следуете, как его наемники и подчиненные. Но ведайте, что как полководец предшествует войску, так и политика должна делам предшествовать!»

Афины и *Лакедемон* заслужили в Пелопоннскую войну таковыя укоризны. Безпрестанно теряли они друг друга из виду и ничего решительнаго не предпринимали. Единая никакого не предпринимала намерения, пока другая не выступила в поле. Делали набеги в *Аттику* или *Лаконию*, и все их предприятия были некоторым образом стычки, а не главное сражение. В то время, как *Архидам* на *Платеян* и на *Акарнанию* нападает, Афиняне стремятся в *Калкиду* и *Вотидею*. Сколь скоро некоторой из его союзников взбунтовался, то все их внимание обращается в ту сторону. Война производится то в острове *Леозе*, в земле *Мегарской*, в острове *Коркире*; то в *Етолии*, в *Веотии* или во *Фракии*. Начиная разныя предприятия каждая республика разделяет свои войска и не может пользоваться своими выгодами. С единыя стороны бывает щастие, со другия нещастие; успехи противоборствуемы бывають почти равными уронами. В немощь пришедшия *Афины* и *Лакедемон* не могут друг другу предписать закона; но ненависть их усугубляется и лютеет от немогущих ей удовлетворить усилий; а бесплодное их властолюбие преломляет наконец чувствительным образом все пружины Греческаго правления.

Если бы *Перикл* долее прожил, то вероятно, что бы *Афины* не впали во презрение, в кое их ввергнули его преемники. Сколь предприятия его ни были противны корыстям его отечества; но он их исполнял с неким блеском и мужеством, народ ослеплять могущими. Могло бы случиться, что сей муж, коего Греция по справедливости удивлялася превосходным дарованиям, возымел более смелости, видя *Спартян* ошибки, медлительность

и нерешимость; могло бы случиться, что он, не опасаясь более ни чего, восхотел бы окончить решительно распри сих двух республик, великое зло взаимно себе соделавших, и коим для того не можно было престать ненавидеть друг друга. Правление его соделало Греции смертельную язву; а смерть его, в третий год сея войны воспоследовавшая, ни малыя не оставила надежды к действительному оныя излечению. Во преемники *Периклу* предстала толпа людей, маловажным властолюбием побуждаемых, кои, не имея ни каких дарований, ни сведений, ни сердечныя правоты, ни возвышения разума, думали, что будучи только пронырливыми, удручая достоинство и лаская пристрастиям народа, они могут управлять республикою.

Перикл удалял всегда со тщанием людей достойных, приобщая ко производству дел под своим повелением людей, токмо ему преданных и немогущих возбудить его подозрения; но сие не единая была причина, истребившая в *Афинах* разум превосходный, или удалившая его от правления республики. Закон *Остракисма* не производил сперва худых действий, для того, что граждане привыкли любить славу и вольность; и сколь долго то продолжалось, что для приобретения почтения в *Афинах* надлежало иметь дарования великаго политика, столь долго и безбоязненно подвергались они изгнанию и неблагодарности своих сограждан. Но с тех пор, как *Афиняне* под правлением *Перикла* пристрастились к философии и ко свободным художествам, так, что отличившимся в оных равное с великими полководцами и с великими градоначальниками оказывали почтение; то разумные люди, увидя безопасный путь, отверстый ко славе, стали мыслить, как отец *Фемистоклов*, который со прискорбною взирал на стяжание сына своего чинов в республике неблагодарной и поощряющей достоинство обманчивыми токмо награждениями. Он иногда водил, говорит *Плутарх*, сына своего на брег моря, и показывая ему старья суда, гниению преданныя, уподоблял их великим гражданам, в небрежении всегда остающимся, сколь скоро они уже не нужны. Всякий честный человек долженствовал так думать в таком городе, где честолюбие, пронырливыми людьми во презрение приведенное, с любовию ко славе не сопрягалось.

Да и весьма бы трудно было, чтоб *Афиняне* способны были к великим делам, упражняяся в веселиях, играх, празнествах и зрелищах, с тех пор, как их сребролюбие и роскошь с союзников их дань собирало. Могущество их в море, оградю Греции быть долженствовавшее, служило, говорит *Ксенофонт*, ко изоощрению их склонности ко сладострастию; на столе их находилися все редкости и изящности *Сицилии*, *Италии*, *Кипра*, *Египта* и берегов *Еллеспонта*. Предавшагося роскоши города, нравы могут произвести человека любезнаго, но не великаго мужа.

Как бы то ни было, *Клеон*, о котором все историки говорят со презрением, приобрел некоторое превосходство над всеми теми, кои восхотели овладеть властью, *Периклом* приобретенною. Щастие его вперило во пронырливых людей уверение; к возвышению своему или ко истреблению своего соперника они употребляли токмо хитрость, ласкательство, ложь, клевету, и все подлая средства служащая в поврежденной республике к достижению достоинств; но в оных поддерживать не могущия, разве она дошла до вершины повреждения. Востревоженный народ ухищрениями и составившимися дабы его обманывать партиями свергнул на конец иго лениности, с кою он предавался гражданину доверенность его приобретаемому. Он не полагался более ни на кого, всегда остерегался, стал несговорчив, и не мог управлять ни быть управляем.

Клеон ввергал уже республику в нещастие, как знатнейшия граждане, коих он стал злодей, желая снискать благосклонность черни, возбудили ему соперника; но лучше *Никия* к сему никого не сыскали, которой от чрезмерныя застенчивости боялся народного присудствия. Из сего можно видеть, сколь он был способен к тому, к чему его определяли. Он имел добродетели, великия дарования, красноречие; но незнаю, от некоей робкой к себе недоверенности не смел показать себя таким, каков он был в самом деле. С шумною своею наглостию, *Клеон* угнетал *Никиево* смиренномудрие; единому прощался грабеж, а другаго безкорыстие и не приметно было. Храбрый воин; но раздумчивый вождь; всякое предприятие *Никию* казалось невозможным; когда же он начинал наконец действовать, то способный к тому миг уже прошел. Он только сомневается, размышляет; а едва решиться начинает, как ему лучшее средство представляется, которое он так же для другаго отмечает. *Клеон*, напротив того, не сомневался ни в чем; мудрое или отважное предприятие, благоразумныя или безраздумныя средства, все ему было равно. Наконец все *Афины*, не решившиися или разделенные между добродетелями и застенчивыми качествами *Никия* и *Клеоновыми* пороками и безстыдным сумозбродством, не дерзали принять намерения, а если что делали, то худое к тому избирали средство.

Скоро потом совместником их стал *Алкивиад*. Он не был человек честолюбивый, но тщеславный, желающий, чтоб об нем знали и чтобы об нем говорили. Храбрость его, красноречие, все в нем украшалось приятностями. Вдавшиися сладостям пирования и любви, наблюдая приятности и некоторой выбор во нравах, всегда их падение предвещающий, казалось, что он для отдохновения только от веселий вступался в дела республики. Разум имел он великаго мужа; но душа его, пришедшая в немощь постоянное имети прилежание, вздымалася к великому токмо мгновенно. Трудно поверить, что человек довольно гибкий, дабы в *Спарте* быть столь суровым и стро-

гим как Спартянин, в *Ионии* столь веселия изыскивающим как *Ионианин*, который во *Фракии* примеры подавал грубости, а в *Асии* превосходил выбором своея роскоши *Персидскаго царя Сатрапов*, мог бы быть великим мужем. Хотя он и ходил в *Сократово училище*; но сомнительно, был ли он уверен, что во свете есть иное благо и зло иное, как его веселия и его печали. Всяк знает, что ему сказал *Тимон Нелюдим*: не унывай, друг мой, я рад, что ты в народе снискал благосклонность; будь у всех в чести, ты за меня отмстишь нашим глупым *Афинянам*. В самом деле всё уже пропало, когда человек *Алкивиадова* нрава предводительствует делами. Приятности смягчают вид пороков; падение нравов причиняет падение законов; приятныя токмо дарования бывают поощряемы и в почтении, а правление, будучи без правила, действует по своеправию.

С такими правителями *Афиняне* предпринимали токмо неистовыя и не соображенныя намерения. Многяя союзники от них отпали, другие являли то же намерение; и по десятилетней войне *Амфипольское* сражение не истребило их тщетную надежду владычествовать во *Греции*. *Лакедемоняне* со своей стороны, не отрицаяся властолюбия, утомлялися войною в разорение их приведшею. Рабы их бегали от них ежедневно, над союзниками же своими они уже не имели прежней власти. *Клеон* и *Врасид*, сии вечные мира злодеи, уже умерли. Тревожащийся войны опасностями и переменами *Никий* желал в покое пользоваться приобретенною им властью; а *Плистианакс* Спартянской царь тысячу имел особенных причин, дабы стараться успокоить *Грецию*.

Спартяне и *Афиняне* сделали наконец перемирие; а мирное заключение, святейшими клятвами утвержденное, слабый бы был залог общественныя тишины. Исполненные всегда властолюбием и недоверенностию, сии два народа не токмо не соединяли своих сил, так как они условилися, дабы поспешить во исполнении заключеннаго ими трактата, к коему союзники их приступить отрицалися; но изыскивали напротив того средства, дабы нарушить свои обязательства. Они себе поставили правилом взаимной себе тайно делать вред; и не взирая на свой союз, будучи всегда войну начать готовы, наслаждалися токмо обманчивым миром; как *Афины*, неким пораженные безумием, соделав себе внезапно усилие, ужасное собрали войско, дабы овладеть *Сицилиею*.

Давно уже сие завоевание прельщало *Афинян* властолюбие, и *Перикл* со всею своею властью едва их мог удержать от сего предприятия. «Что вам дела, говорил *Никий*, до *Сицилий*? Мы уже давно испытываем, что республика утомляется множеством своих союзников. Правда, что *Леонтияне* и *Егестяне* живут в безпокойствии, и послы их справедливые приносят на мучительство *Сиракусы* жалобы; но мучительство сие каким

Афинам угрожает нещастием? Время ли тогда помышлять об отдаленных завоеваниях, когда все нас побуждает стараться о собственной безопасности? Можно ли поверить, что мы миром наслаждаемся, когда вся Греция в огне? Желая всегда почти принять участие в войне наших союзников с Лакедемонянами, или для того, что мы не умеем снискать в них повиновения, или для того, что мы не хотим, чтобы они нам повиновались, мы уверены, что Спартяне нас ненавидят; какую же неосновательностию побуждаемы хотим мы пренести силы наши вне *Атики* в такое время, когда бы мы оныя призвать должныствовали, если бы они от нас отдалены были? или мы хотим немощию нашею побудить неприятелей наших к нарушению обязательства их безпокоющаго? Или мы хотим прити в несостояние противиться войскам *Пелопониса*, когда оныя вступят в *Атику*».

Афиняне не были уже способны слушать сии мудрыя разсуждения; *Алкивиад* исполнил их несмысленными надеждами: предвидеть шрепоны и опасности сего отважного предприятия, было бы дело худаго гражданина. Республика столь же прискучившая перемирием с *Лакедемоном*, как утомленная войною, ласкалася возстановить на щет *Сиракусян* уроны *Спартою* ей причиненныя. Она не сомневалася, чтобы покорение *Сикилии* не могло окончаться в единое лето, и взирая на *Сиракусу*, как на место военных своих снарядов, откуда распространит она владычество свое над *Италиєю*, и над *Африкою*, готовилася уже нападать на *Пелопонис* с соединенными сих покоренных земель силами.

Сколь предприятие сея войны было само по себе несмысленно, столь и выбранные ко исполнению онаго средства были сумозбродны. Перед отъездом своего флота Афиняне определили, чтобы, по разорении *Сиракусы* и *Селинуита*, жители их были проданы, а с других *Сикилии* городов взята бы была дань. Через сие побуждали они *Сиракусян* и *Селинуитян* защищаться до самые крайности; а приводя их в отчаяние, они их делали непобедимыми, если им к оному оставалося средство. Через сие отвлекали они от себя сердца *Сикилиан*, отметали их помощь против *Селинуита* и *Сиракусы*, единую им с сими двумя городами влагали корысть и единое с ними побуждали защищать отечество.

Как Афиняне уже *Фемистокла* не имели, которой бы своею мудростию и своими великими дарованиями мог совершить худо начатое предприятие: то война сия потолику могла некоторую успеха подать надежду, поелику оною производить будет *Алкивиад*, коего храбрость и разум могли произвести странныя произшествия, чрезвычайныя перемены, неожиданные счастья удары, разум в замешательство приводящия, и переменяющия естество вещей. Но едва вождь сей пристал ко брегам *Сикилии*, как злодеи его, погубление его умыслившия и привлекшия

на свою сторону священников и веру, устроили его возвращение, обвиняя его перед народом во злодейском преступлении. *Никий*, почитавший некоторым изумлением своих сограждан войну сию, разделил полководство с *Ламахом*, воином предприимчивым, мнящим, что все он превозможет упорным мужеством, и что к действию способнейшия обстоятельства суть те, в коиx он находится.

По смерти сего вождя *Никий* убоялся войском един предводительствовать; противореча всегда *Ламаху*, он принужден был иметь какое-либо мнение: но никакого уже не имел, как все в его осталось ведомстве. Он просил помощи и товарищей; а их ожидая оставался без действия или помышлял о возвращении. *Демосфен* и *Евримедон* были к нему присланы; а сии вожди будучи весьма несходных нравов, и по тому несогласны, не имели бы успеха в наилегчайшем предприятии.

Сиракусяне, вспомоществуемая Коринфянами и Спартянами, и под предводительством *Гилипа* освободили город свой от осады. Многократно разбитые в море и на сухом пути Афиняне, и заключенные некоторым образом в *Сикилии*, где они не могли ожидать привозу съестных припасов, и откуда им не возможно было укрыться, принуждены были предаться власти неприятеля. Воины были проданы как рабы, или посланы в каменоломную работу, а полководцы их, *Никий* и *Демосфен*, избежали уготовленные им казни, предавая сами себя смерти.

Перемирие между *Афин* и *Лакедемона* уже прошло; а первая из сих республик, будучи устремляема, так сказать, слепым роком ко своей гибели, внимала токмо ненависти и отваге, вместо того, чтобы ей весьма полезно было, снисходительной быть ко древним своим неприятелям. Спартяне подавали слабую *Сиракусе* помощь, коея послы сильныя просили диверсии; они противились еще своей ненависти и *Алкивиадовым* пронырствам, которой, мстя своему отечеству, старался возбуждать ему неприятелей. Вместо того, чтобы пользуясь такими расположениями превратить перемирие в основательный мир, Афиняне, зная свои в *Сикилии* худыя успехи, сами начали неприятельския действия, нападая на *Лаконию*.

По чрезвычайных расходах и уронах в *Сикилии* ими претерпенных, республика их не могла уже противиться *Лакедемонянам*. Казна их была истощена; людей, могущих носить оружие, у нее не было. Не имея ни кораблей, ни матрозов, едва некоторое морем получала пропитание; *Аттику* уже не пахали с тех пор, как *Лакедемоняне*, по совету убегаго к ним *Алкивиада*, укрепили *Декалию*, откуда они безвозмездно опустошали всю землю. Презренные союзниками своими Афиняне оставлены были и теми, кои им до сих пор были верны. *Спарта*, коей Сиракусяне, отмщевая сами себя, дали многочисленный флот, владычествовала по своей чреде в море, а послы

Тисаферна, Сатрапа малыя Азии, обещавали ей помощь, и требовали конечнаго *Афин* разорения.

Среди толиких бед, жесточайших между *Афиня*н возстали несогласия. Народ обвинял богатых во всех республикою терпимых нещастиях. Богатые ставили тому виною наглость народа, и говорили, что не будет уже пути ко спасению, если у него не отыщется власть, которую он не престанет употреблять во зло. *Писандр*, их глава, уничтожил народное правление и препоручил самодержавную власть совету, коего он был начальник, и которой, желая утвердить рабство народа, употребил во тщетно все жестокости мучительства. Раздраженные но не покоренные разумы возмутились с новым стремлением; а если бы *Спартяне* напали на *Пирей*, в то время как ярость распрей величайшая рождала насилия, то *Афиняне*, говорит *Фукидид*, изнемогли бы прежде, нежели бы могли соединиться и принять намерение; но сие было, продолжает сей историк, не в первый раз, что природная *Лакедемоня*н медлительность упустила их выгоды.

Превосходство *Спарты* скоро исчезло. *Сиракусяне* возвратили свои войска, дабы защищаться против *Карфагенцов*; а *Алкивиад*, по смирении своего отечества, презрение испытывший, бояся чтобы при падении онаго не быть угнетену онаго бременем, показал *Тисаферну* истинныя корысти Персии. Он убедил его, что ему не надлежит оканчивать войну, Грецию опустошающую, и великую против *Афин* подавать *Спартя*нам помощь; но поддерживать сих двух республик соперничество, содержать их в равновесии, уравнивать их выгоды и истощевать их единую другую, дабы принудить их прибегнуть к покровительству Персидскаго царя, который будет ходатай, или лучше сказать судия Греции.

При сих обстоятельствах, *Алкивиад* возвратился в *Афины*; а народ, не зная кому вручить свою доверенность, прибегнул к нему и возлюбил его до боготворения, для того, что он его гнал. Внезапу унынию наследует мужество; вождь вселил уже во всех разумы свою надежду; последнее делают усилие, все вооружаются, ищут неприятеля, нетерпеливо желая победить или умереть; и *Афиняне* одерживают победу, довольно знатную, чтобы принудить их неприятелей просить мира.

«Время уже, о *Афиняне*, сказали *Спартянские* послы, прекратить наши долговременные распри; война есть равно для вас и для нас разорительна, она умалила нашу власть во Греции; а как она у вас отъемлет союзников, то не надейтесь, чтобы она вам отдала владычество, вами присвоемое: боги хотят без сомнения, чтобы единый из наших городов другому не повиновался. Да не заградит последний ваш выигрыш сердца ваши миру: не благоразумно будет на щастие полагаться; вы и мы довольно испытали онаго непостоянство. Судите нас, но судите и себя правосудно. Мы населяем плодоносныя *Пелопо-*

нуса земли, а вы имеете токмо бесплодную *Аттику*. Войною вы потеряли многих из ваших союзников, дружбу вашу искавших. Богатейший и могущественнейший всея земли Царь дает нам вперед деньги на военные расходы: а вам платят дань токмо несколько народов, обнищавших вашими потребностями. Таково наше взаимное состояние; мы однакоже просим у вас мира, не хотя употреблять во зло наши выгоды. Останемся с обеих сторон повелителями городов, бывших прежде войны в нашем подданстве; возвратим друг другу равное число пленников, и выведем гарнизоны поставленные нами в города нам не принадлежащая».

Афиняне отвергли сие Спартян предложение, не для того, что не восходя до источника несогласий, им не можно было твердый между обоими народами заключити мир; но ради своея надежды и властолюбия равно высокомерных. Сия республика не мнила, что может испытать нещастие под предводительством *Алкивиада*: да и в самом деле, вождь сей был счастлив во своих предприятиях; но она еще не знала своего собственного непостоянства. *Алкивиад*, не основательным своим поведением подавая всегда злодеям своим средства ко своему несчастью, вторично потерял свое место; да и в самое то время, как младший *Кир*, нижняя Азии градодержатель, помышляя взбунтоваться против *Артаксеркса Мнемона*, брата своего, дал великий *Лакедемонянам* флот, дабы тем привлечь *Пелопонисских* народов на свою сторону, и как *Лисандр* начинал управлять делами в *Лакедемонне*.

Сей вождь показал наконец заблуждение их поведения. Он разсуждал, что к войне, столь долгое время продолжающейся, и с такою ненавистью и упорством производимой, крайность будет благоразумна, что *Лакедемон* и *Афины* великия друг другу соделав обиды не могут искренно помириться, и что единая должна другой собою жертвовать. Он разглагольствовал, что дело идет не о корыстях некоторых союзников; но о владычестве Греции, что Афиняне онаго не отрекутся, пока не будут уничтожены; что необходимо надлежало у них отнять всю надежду, разоряя их в конец; и что другим образом мир будет преходящее токмо перемирие, и нарушится вероятно в таких обстоятельствах, когда *Лакедемон* не будет в состоянии сопротивляться. И так *Лисандр* взирал на каждый успех не иначе, как на возводящую его степень к овладению *Афинами*. Если он истребил остатки морских их сил, то оное было в том намерении, чтобы их осадить с моря в то время, как *Агид* и *Павсаний* осадят их с сухаго пути.

Нещастный Афинянин час приспел. В крайность приведенный, не имеют они мужества погрестися во своих развалинах, единое средство оставшееся им к одержанию победы. Просили мира, согласились разорить свои укрепления и *Пирейския* стены, освободили города платившия им дань, призвали паки

изгнанных, отдали все свои галеры, oprичь двенадцати, и объявились войну производить токмо под предводительством *Лакедемона*. Наконец *Лисандер*, совершая уничижение сея республики, вверил всю власть тридцати гражданам, оную удержать могущим повинуюся рабски его повелениям.

Афины служили местом ярости тридцати мучителей погубивших всех тех, коих мужество им опасно было, или у которых они не могли отнять имения. Город сей, исполненный трофеями мужеству и любви вольности воздвигнутыми, заключал в себе токмо презрительную чернь; со всех сторон видны были нещастные временем недостатков удрученные, потерявшие при *Перикловом* правлении навык работы и получившие страсть веселий, и жалеющие о своей праздности и зрелищах, а не о своей вольности.

Трасивул, коего *Павсаний* мудрейшим и мужественнейшим из Афинян называет, соделал заговор для спасения своего отечества. С шестидесятью изгнанниками, как сам, рушил он мучительство и возвратил Афинянам свободу. Но мог ли он возвратить нравы и мужество, приличные вольному народу, людям привыкшим к поруганиям и сраму? Демократия будет правление наглой толпы, которая не будет тронута славою отцов своих. Все достоинства снидут с своей степени. Воинския качества и Гражданския добродетели ни во что вменятся. Стихотворцы, мусиканты, комедианты, украшатели феатра будут республики начальниками. Позволят ли мне предварить времена? *Еввул* скоро издаст безестное повеление, коим определится употреблять на зрелища капитал на войну положенный, и под смертною казнию запретится, чтобы ни кто не предлагал о уничтожении онаго определения. Сие спящее к общему благу равнодушие, *Демосфеном* Афинянам упрекаемое, стало всеобщим республики разумом. «Ваши *Панафенеи* и *Вакханалии*, скоро скажет им сей витий, празднуются всегда с великолепием, и в определенной для оных день. Вы все предвидели, ни какое препятствие вас не останавливает. Дошло ли дело до зрелищ? — то о раздавании роль разсуждаете вы с великим прилежанием, и всяк из вас знает имя гражданина, выбраннаго каждою семьею, для надзирания в повторениях над своими мусикантами и бойцами. Разсуждаете ли вы о вашей безопасности и о предупреждении неприятеля вольности вашей грозящего? — то вы теряете ваше внимание, разсуждение вас утомляет, вы ничего не предвидите; и если наконец вы сделаете определение, то оно всегда от части токмо исполняется, да и то поздно».

Между тем, как Спартяне радости предавались, и мнили впредь над Грециею царствовать без прекословия, «не полагайтесь на ваши триумфы, сказал им тут сенатор, достойный места в отечестве своем им занимаемаго. Безмерное уверение сопутешествует всегда щастию; Афиняне, предавшиеся ему

слепо, восхотели, после Мидийския войны отнять у вас владычество во Греции. Ныне видите вы плод их властолюбия; бойтесь, чтобы и ваше не равной имело успех. Мы победили, а может быть мы достигаем до часа нашего падения. Сколь мы уже далеко отстоим от щастия, если мы мним, что страсти наши превосходят мудростию *Ликурговы* законы! Если бы властолюбие усугубляло щастие республики, то повелел ли бы он помышлять нам токмо о нашей сохранности?»

«В таком правлении, какое теперь есть во Греции, где все города равно своей ревнуют вольности, почтение токмо и доверенность могут вам их покорить ныне, как они их некогда покорили отцам вашим. Что вы от хитрости ждете? С каким бы искусством она ни была уготовленна, то скоро она откроется. Прибегните ли вы к силе? оное конечно не удастся; самая беда ваша служит оному доказательством; в какое вы впали истощение уничижая Афинян? Каким трудам, каким бедствиям вы подвергнетесь, если взятие каждого города вам так дорого станет, как взятие *Афин*? Почто ласкаетесь вы, что Афинян порабощение уготовляет вам повиновение всея Греции? Мы зрели уstraшенных нашими распрями и нашими предприятиями Греков, союзы заключающих и наблюдающих свою безопасность; коли они теперь в смятении, то будьте уверены, что оному скоро последует негодование; оно уже в их сердце».

«Но пускай столь же неправосудные, как мы, боги споспешествуют нашим властолюбивым предприятиям; вы будете господствовать во Греции страхом, но с сего же мгновения предвидеть должны будете, что не можно иначе вам сохранить владычества, как уничижая разумы, так чтобы они не имели довольно мужества восхотеть свергнуть ваше иго. В какую вы немощь ввергнете Грецию, коея вольность соделоваает могущество? Если Персидский царь в другой раз покорить ее вознамерится, если другой неприятель явится у ваших пределов, то какия силы вы против их поставите? Обращаете ли вы с рабами вашими паки *Саламину*, *Платею* и *Микалю*? Я вам не предвещаю сии мнимыя нещастия; и то, что вы в Пелопонискую войну испытали, может вас научить, в чем состоят ваши корысти. Сколь долго мы свято исполняли *Ликурговы* законы, и старались о согласии Греции, то ничто не могло умалить нашего благоденствия; да и с малым числом наших граждан и мало пространною нашею землею силы наши были непреоборимы. С тех пор, как вы внушили вашу зависть, властолюбие и ненависть, то принуждены были прибегнуть к покровительству Персии, вами побежденной; вы искали мира, сражаясь за владычество, да вы и принудить не могли ваших союзников к наблюдению перемирия с Афинами вами заключеннаго».

«Возрим на наше состояние; поспешим, Спартяне, клясться пред алтарями богов, что мы наблюдать будем *Ликурговы* за-

коны; и что отрицаяся нещастнаго властолюбия, пороки всех народов нам придающаго, мы почитим Греции вольность и утвердим колеблющееся ее правление».

«Поспешим собратъ всех Греков; и не оказывая им наглую победителей радость, предстанем им в печальных одеждах, устыженные плачевным состоянием, в кое ввергнуть Афинян нас привела необходимость. Признавая нашу вину против сего народа, коего бы мы не долженствовали завистию нашею возбуждати властолюбия; поведаем, что, по злощастных между нами распрях, нужно было неуголимыми жертвовать *Афинами* всеобщему спокойствию. Обвиняя великодушно нашу неправоту противу всея Греции, над коею мы права не имеем, приобретем паки нашим раскаянием доверенность потерянную нашим безразсудным властолюбием. Докажем, что мы не можем в другой раз в тот же впасти проступок. Да будут все Греки вольны, и да не усумнятся в том, видя наше старание к возстановлению Афинских развалин».

Хотя бы кичащійся *Лакедемон* мог следовать сим советам, если бы они ему были даваемы победившим неприятеля полководцем; но никогда Спартянин не имел нравы столь отменные от нравов своего отечества, как *Лисандер*. Клятва, обязательство, добродетель, вероломство, все что у человекоевъ есть свято, все что им есть ненавистно, почитал он тщетными словами. Сан гражданина казался ему презрителен; он стяжал престола, не как мучитель хотящій взойти на оной силою; но как человек хитрый, пронырливый, под видом исправления в правлении злоупотреблений. Намерение его, повествуют историки, стремилось к охулению наследия престола, как грубаго и мучительскаго закона, вверяющаго государство часто малолетнему младенцу, старику или человеку, едва гражданином быть достойному; а благосостояние общества требует, чтобы царский венец был награждением достоинства.

Для приуготовления разумов к толь важной перемене, надлежало влиять склонность к новостям, расслабить власть *Ликурговых* законов, повредить нравы и привести все страсти в действие. В то время, как Спартяне по толиких трудах торжествовали над своими неприятелями, и как их щастие отвращало их внимание от самих себя, *Лисандеру* было не трудно их обмануть. Он их не токмо не возвращал к их древним правилам; но напротив того уверил их, что другія времена, другія обстоятельства требовали от них новых мыслей и новую политику. Они перенесли в город свой полученную над неприятелем добычу; взяли дань со своих союзников, и начиная мыслить, что имеющія в руках власть, главныя оныя должны иметь выгоды, хотели во Греции столь же сурово владычествовать, как Афиняне. Собирая сокровища, думали они, веря *Лисандеру*, что чрез то будут в состоянии великое морское дело ополчение, войну производить отдаленную от земли своєю,

и расширить свое могущество; но в самом деле удовлетворяли они намерениям человека честолюбиваго, который не имел бы ни малых надежды, сколь долго бедные и бедностию своею довольные граждане ни малых не будут иметь выгоды разрушать законы, и государством жертвовать частному своему блаженству.

Лисандер уверил *Лакедемонян*, что все бедствия Греции происходят от великия Греков вольности; а дабы воспретить им быть должностей своих изменниками, то надлежит искоренить народное правление, и вверить оное судиям (которых ему без труда можно будет привлечь на свою сторону, или обязать), власть, коею народ никогда не может пользоваться благоразумно. Он подал *Спартянам* надежду, что республики, смятенные падением *Афин*, коих они боятся могущества удивляясь оному, повиноваться будут жребию им уготовляемому, не дерзая произносить жалобы. Он их осудил потерять свои законы и правление, а учрежденные им у них правители были честолюбия его орудиями, долженствующими по его воле во Греции производить действия.

Лисандерова смерть предохранила *Спартян* от бедствий, мучительством его им угрожаемых; но оставила им владычество, коего им не возможно было сохранить. Извне имели они многочисленных неприятелей, а внутри пороки, гораздо оных опаснее. Хотя и определено было, говорит *Плутарх*, чтобы принесенные в *Лакедемон* богатства на государственныя токмо употреблялися нужды, и чтобы уличенной гражданин, что имеет у себя золотую или серебряную монету, предавался смерти; однакож золото и серебро скоро из государственных казны рассыпались по гражданам, и со сребролюбием принесли в дома их повреждение нравов. Можно ли было надеяться, прибавляет сей благоразумный историк, чтобы почтенныя обществом богатства были презренны частными людьми? К чему то служило, что закон был у *Спартянских* дверей стражею, затворяя вход злату в их дома, когда душа их сребролюбие отверзлася.

Однакож несправедливое те себе сделают представление о беспорядках, в кои *Спартянская* впадала республика при начале своего повреждения, кои об оных будут судить по беспорядкам в других государствах произведенным сребролюбием и роскошью. *Лакедемонян* строгость медлительно навывкала изыскиваему выбору веселий и сладострастий, сопутствующих изобилию и праздности. Сперва богатства нарушили токмо некоторые *Ликурговы* законы; а навык добрых нравов придавал еще новым поркам некоторой род застенчивости, успех оных одерживающей. И так *Лакедемон* представил бы в самом своем повреждении зрелище удивления Греков достойное, если бы они внимание свое обращали не столь на оставленные ими добродетели, как на оставшия у них. Хотя *Спартянские* гражд-

дане не дерзали еще пользоваться богатством; но тайно собирали уже оное и ожидая для показания своих соблазнительных сокровищ, чтобы число виновных могло осмеять и удручить закон, они были более ко своему нежели к государственному прилеплены сокровищу. Общему благу внимали они без рачения: народ, исправляться начинающий, может великия произвести дела, не взирая на пороки, коих он еще не истребил; но народ повреждающийся никакой почти пользы не получает от оставшихся ему добродетелей.

Когда бы *Лакедемон* другого порока и не имел, как властолюбие побуждающее его к явному во Греции владычеству присвоению, то я знаю, что окружен будучи народами беспокойными, завистными и храбрыми, нетерпеливо господство его сносящими, он бы потерял свою власть. Я не порицаю его наконец изнеможение, для того что падение его было необходимо; но порицаю его в том, что не принял осторожности обыкновенным разсудком ему предписуемой, дабы предварить или отдалить опасности ему угрожаемая. Прилепленные чрезмерно ко властолюбию *Спартяне* и потому не в состоянии будучи возстановить древнее свое правление; имея уже противныя карысти всей Греции, и не имея ея по тому преградою против варваров, они должны были прибегнуть к политике хитрости и пронырства, коея во истории мы столь много видим примеров и oprичь которыхы мы ныне в Европе другия не знаем; они должны были скорить своих соседей и союзы заключать с чужестранцами. Не говоря о *Фракианах* и *Македонянах* надлежало *Лакедемону* отпереться от предприятия младшего *Кира* и от Греков последовавших ему в его походе; надлежало привлечь на свою сторону Сатрапов нижния Азии, снискать дружбу *Артаксеркса* и согласиться быть в его зависимости, дабы царствовать над Грециею. В новой совсем вещи округе *Спартяне* сохранили в разсуждении чужестранцов древния свои правила; и воюя против Персов, поколебали и привели в презрение свою власть во Греции.

Сколь скоро *Агесилай* начал в Азии усиливаться, то *Артаксеркс* сооружил флот, и дал предводительство онаго *Конону*, Афинянину убегшему в его государство. В то же время послал он *Тимократа* родянина во Грецию, дабы в оной произвести бунт против *Лакедемона*. Сей посланец, разсыпая великия деньги, привел Афинян в состояние возстановить свои стены и побудил без труда знатнейших граждан *Фив*, *Коринфа* и *Аргоса* сделать в пользу Персидскаго двора в *Пелопонис* диверсию. Одержанная союзниками при *Алиарте* победа столь жестокой причинила *Спартянам* ужас, что они повелели *Агесилаю* покинуть завоевания и прити к ним на помощь. Победенные по своей чреде при *Немее* и *Коронее*, союзники мира не просили; но и при сих двух победах *Лакедемонское* владычество столь поколебалося, что Персидский царь, бояся пре-

жде из государства своего быть выгнан, то же был в несогласной Греции, что бы их была республика, любя правосудие, то есть он стал их судиею. Повелел чтобы все города были вольными и управлялися по своим законам; союзники немогшия предаться мщению, и продолжать войну не получая от Персии денег, и истощенные Спартяне равно повиновалися предписанию Персидскаго двора: таково то было подлое малодушие, в кое Греки ввержены были своими распрями.

Уступая необходимости, всегда властолюбивый *Лакедемон*, и не наученный своим нещастием познавать свои корысти, положил оружие в намерении паки воспринять оное при первом удобном случае. Оной явился в скором времени; как Персидский двор не имел более дела с Греками, которых он уже не боялся, то *Олинф*, *Флионт*, *Коринфия*, *Атика*, *Арголиада*, *Веотия*, словом вся Греция почувствовала Спартян превосходство; из *Кадмейския* крепости, где они учредили мучителей во имя их в *Фивах* царствующих, произошел на конец удар разрушивший их могущество.

Можно в историках видеть, до какого зверства доходили *Кадмейския* мучители, и с каким мужеством и осторожностью *Пелопид* их истребил и взял сию крепость, прежде нежели *Лакедемоняне* могли к ней притти на помощь. Сие неприятельское действие было началом малья войны, в которой *Фивяне* часто побеждали. Поведение в оной *Агесилаево* подало бы причину думать, что успехи его в Азии не столь были плод его искусства, как превосходства Греков над Персами; если бы не можно было обвинить его великия лета в угашении сего огня, сего проворства, сего предвидения, *Ксенофонтом* столь много похваляемых. Сей государь не предпринял ничего великаго, ничего решительнаго; по справедливости ему упрекают, что шабеги его на *Фивянския* земли испытывали *Фивян* мужество и их воевать научали.

Тогда начали *Фивами* управлять *Пелопид* и *Епаминонд*. Свойственно было, чтобы в поврежденном городе, ни когда мудрых законов не имевшем, и разделенном на партии, сии два великия мужа были совместники, и чтобы их зависть вредила делам их отечества; но их добродетель, равная их великим дарованиям, единую им дала корысть и сопрягла их узами наитеснейшия дружбы. *Пелопид* презирал богатства, родившия между ними; *Епаминонд* боялся, чтобы счастье не нарушило своею благосклонностию *Философскую* бедность, коею он наслаждался. Тот, в войне стремителен, проворен, горяч, имея о всех ея частях сведение, не столь любил славу как отечество. Редкая похвала! Он радовался, что друг его полезнее его был *Фивянам*. *Епаминонд* же, казалось, не ведал превосходства своих великих дарований. Перешед по неволе из училищ любомудрия ко правлению государства, он соединял Со-

кратовы добродетели с мужеством, с просвещением и с великими качествами *Фемистокла*.

Пелопид выиграл бой при *Тегире*; и сие было, говорит *Плутарх*, опыт славной *Левктрской* победы, рушившей щастие *Лакедемонян*. До тех пор граждан побегший пред неприятелем или оружие потерявший бывал ошельмован. Исклученный из судейскаго достоинства, из народных собраний и так сказать из сообщества с людьми, семья, чрез брак в родство с ним вступившая, почла бы себя участницею его срама. Всем гражданам, с ним встретившимся, позволялось его бить, и закон запрещал ему защищаться. Число граждан, при *Левктре* обезчестившихся, *Агесилая* ужаснуло. Видя республику людьми истощенную, дал совет, оставить сей раз без действия закон трусость наказующий; и сохраняя несколько бесполезных отечеству защитников, он рушил правление, коего воинския добродетели были главною пружиною, с тех пор как *Спартяне* потеряли презренье богатств, любовь бедности и умеренность *Ликургом* им дарованная. Не можно читать историю сего славнейшаго и добродетельнейшаго во древности народа, видеть тогда его несчастный конец, когда он мнит, что на вышшую взошел степень могущества, и не быть тронуту человечества жребием и тленностию наших добродетелей. Людям то, сужденным управлять государствами, довлеет почерпнути в сих великих произшествиях нужная просвещения к соделанию истиннаго народов могущества и благоденствия.

Епаминонд утвердил уничтожение *Спарты*, построя на пределах *Лаконии* *Мегалополь*, и населя его *Аркадианами* рассеянными прежде сего по малым селениям: по соединении своем, узнав свои силы, они были в состоянии отмщевать обиды *Лакедемоном* им соделанные. Он призвал паки в *Пелопонис* *Мессениан*, сохранивших неким чудом (живши почти три столетия во *Греции* и в ближних к ней землях, рассеянными) свои обыкновения, свой язык, свои нравы, воспоминание *Аристоклимовых* великих дел, ненависть ко *Спартянам*, надежду мщения и их удручения.

Побежденные еще *Фивянами* при *Мантинее* *Лакедемоняне* впади во срамнейшее уничижение, сколь скоро *Ефор* *Епитадей*, отвержая безпрепятственной сребролюбиво путь, издал закон позволяющий продавать свои поместья и распоряжать оныя духовными. Жадность богатых овладела всею *Лакониею*, а оставшиеся без поместья граждане снискивали рабским образом их благосклонность, или делали возмущения, желая возратить потерянные свои имения. Руки *Спартян*, *Ликургом* уготованные ко владению мечем, щитом и копием обезчестились орудиями художеств роскошию введенных во изумленную *Лаконию*.

КНИГА ТРЕТЯЯ

О причинах воспрепятствовавших по падении Афин и Спарты восстановлению во Греции союзного правления. Положение Македонии. Рассмотрение Филиппова поведения. Разсуждение об Александре Великом.

Положим, чтобы *Фивы* по своих победах исправили свое правление и законы, чтобы имели сухопутное войско, подобное *Лакедемонскому*, и флот *Афинский*, положим чтобы мгновенно восприяли нравы и политику господствующей державе приличные; однакож они не соблюли бы владычества над *Грециею*. Сия республика, давно уже известная тупым понятием граждан своих, своими домашними распрями и союзом со *Ксерксом*, не уготовила Греков к оказыванию ей почтения, сего произведения времени, основанием служащаго к возвышению государства, и коего ни что не заменяет. *Епаминонд*, всегда правосуден и собою обладай и величайшем щастии, ни когда не дерзнул оное употребить во зло. Осуждая суровость *Афинян* и *Спартян* против их союзников и неприятелей, он поступил с величайшим человеколюбием с *Орхоменом* и с городами *Фокиды*, *Локриды* и *Етолии*, оставил всякому народу его законы, его градоначальников и его правление; он старался союз со своим отечеством соделать драгоценным, однако же ни кто в *Фивянах* не почтил добродетели их вождя.

«*Афины* уже уничижены, говорил *Фиссалианам Язон* мучитель *Ферский*, величество *Спарты* пропало: *Фивяне* возвышаются, а я предвижу их падение: помышляйте же и вы по чреде вашей овладеть властью, которую они потеряют». Что *Язон* столь безрассудно вещал *Фиссалианам*, то всякий во *Греции* градоначальник говорил своей республике: не было города, которой бы не помышлял стяжать щастия *Фивян*; ни един не ужасался уничижением *Спартян* и *Афинян*, а все безрассудно ласкались утвердить свое владычество властолюбием большим искусством препровождаемым. Сие то и мнил *Демосфен*, когда приносил жалобы, что со всех сторон возставали державы хвальныеся *Грецию* принять во свое покровительство; а в самом деле старающияся оную удручить, или по крайней мере покорить своих соседей. «Греки, говорил он, суть днесь главнейшие свои неприятели. *Аргос*, *Фивы*, *Коринф*, *Лакедемон*, *Аркадия*, *Аттика*, всякая страна, ни единыя не изключая, особыя соделовает себе корысти».

Сие безначальство, по примечанию *Диодора*, происходило от трактата, заключенного Афинами с *Лакедемоном* в десятый год Пелопониския войны, чрез который они безрассудной своей жертвовали жадности корыстями своих союзников. Согласясь оставить за собою города, коими они овладели во время войны, предоставили себе власть прменять свои условия, или учредить другая, смотря по обстоятельствам. Сие, говорит тот же историк, навело всей *Греции* страх. Долговременное злоупотребление своея власти сих обеих республик подало причину думать, что они для того только помирились, дабы соединясь удручить своих союзников, или их разделить имение; и Греки начали заключать союзы против мучительства, коего они боялись. *Аргос*, *Фивы*, *Коринф* и *Елия* были предводители сих негоциаций, а многочисленные частные союзы Греков рушили наконец их общий союз. Амфикисионский совет ни малья не соблюл власти; могущественные народы презрительно почли послать на оной своих депутатов; другие явились там токмо с бесплодными жалобами; а со всех сторон видны были частныя собрания, составляющия толикое же число заговоров против *Греции*.

Тем труднее было возстановить порядок нарушенный толиким числом противных корыстей и долговременным неправосудием, что партии, в большей части республик устроившияся, ни малья законам не оставляли власти. В первые годы Пелопониския войны, говорит *Фукидид*, несчастныя между *Коркириан* возстали распри. Градоначальники и сильнейшие граждане под видом распространения и сохранения прав народа, или возведения в государственныя чины честных людей, стараяся в самом деле быть сильнее и богаче, не имели другаго в поведении своем правила, как свою частную корысть. Сребролюбие и любочестие соделали партии, кои усялись по малу под покровительством *Афин* и *Лакедемона*, стали в скором времени не примиримы. Спартяне споспешествовали Аристократии, то есть судейской власти, и хотели чтобы сенат большее в *Коркирских* делах брал участие; для того что они долговременным опытом научились никогда не полагаться на обязательство республики всем народом управляемой. Афиняне, напротив того, подтверждали всеми силами требованию народа и споспешествующия Демократии учреждения; или для того, что сами таковое имели правление, или только чтобы противоречить своим неприятелям *Лакедемонянам*.

Сия *Коркириан* болезнь, продолжает *Фукидид*, сделалася заразою и объяла всю *Грецию*. Взаимная боязнь благородных, богатых и народа, продолжающаяся со времени свержения ига их полководцов, возбуждала во всякое время некоторыя смятения; но сии возмущения никогда почти не имели несчастных следствий, сколь долго *Лакедемон*, прилепленный ко своим должностям, употреблял свое ходатайство только к соглашению

разумов и споспешествованию правосудию; а *Афины*, упражненные своими собственными переменами, не вступали в дела своих соседей. Все вид свой переменяло, сколь скоро сии республики почли разные партии, *Коркиру* в несогласии держущия, средствами ко снисканию сообщников. Уже не было пронырливого ни честолюбиваго человека во *Греции*, который бы не полагался, возбуждая смятения во своем отечестве, на покровительство Спартян или Афинян; сия надежда придала им смелости и все города впади в крайнее безначальство.

Всяк делал требования чрезмерныя и утверждал их упорно. Доводам своих противников не правду утверждающая сторона противоположала наглые и шумные крики, и приводила неприятелей своих в отчаяние. В собрание приходили вооруженны и доходили до кровопролития; для того что превозмогшая партия, не довольствуясь утверждением своея власти, желала вкушати удовольствие мщениа за причиненныя ей обиды. Пороки и добродетели вдруг пременили свое название; вспыльчивость назалася мужеством, а обман благоразумием. Воздержный человек почелся трусом, безстыдный ревностным другом, и политика стала искусством делать, а не отвращать зло. Ни единому гражданину не позволялося быть посредным или честным человеком; а клятвы стали сетьми уловляющими имоверность. Наконец, по повествованию того же историка, если что было в сих несчастиях утешением, то что грубые люди часто других превозмогали; не полагаяся на свое искусство, прибежали они к сильным и скорым средствам, а злодеи их давалися в обман своего ухищрения и проницества.

Сии непорядки, говорит *Диодор*, умножились еще более, как Фивяне, по смерти *Еламинонда*, вдруг низпали с высокия степени, куда их возвел сей вождь. Ежедневно граждане были выгнаны из какого нибудь города; и сии шатающиеся из страны в другую изгнанники искали злодеев своему отечеству. А как они об оном менее всего помышляли, то бывали паки призываемы партиєю имеющею нужду в их помощи, дабы удержаться во правлении, и которая скоро по том опровергаема была в другую перемену.

Каждая республика столько же различных имела корыстей, сколько было в ней партий. Сии безчисленныя корысти непрестанно бывали единая другой противны и единая другою истребляемы. Сего дня был ты союзник того города, а завтра он твой неприятель. Сообщники твои оттуда выгнаны или побиты и противная партия управляет уже делами, следуя противным правилам. Ежедневно новыя начинаются негоциации; каждая новая негоциация, подавая новыя боязни и новыя надежды, уготовляет новую перемену, которая произведет тысячу перемен; и всегда не основательная политика не дает ни советов, ни предпринимает намерений спасительных.

Греки дошед паки до времен смятений и несогласий, о коих я упоминал в начале сего сочинения, и будучи исполнены ненавистию и недоверенностию взаимными, не могли в другой раз устроить связи союза силу их составлявшего. Сколь скоро народ вольный столь уже поврежден, что не повинуется более законом, то он привыкает ко своим порокам, их возлюбяет, а редко случается, чтобы гражданин или градоначальник довольно имел мужества, чтобы противоборствовать предразсудкам, обыкновениям и страстям царствующим самовластно над не послушною толпою, и столько власти, чтобы подвигнуть своих сограждан к возшествию, делая самим себе насилие, на степень с коея они низпали. Если единая республика не в состоянии бывает исправиться, что же можно было ожидать от Греции заключающей в себе толикое число республик, сколько в ней было городов? Целая история представляет едва три или четыре примера вольных народов допустивших законодателя до истребления их заблуждений и их злоупотреблений.

Надлежало Грекам, многочисленными научившись опытами, почесть ложным свое властолюбие, свое сребролюбие, свою на обмане основанную политику; и что бы принужденные злополучиями, начали они утомляться своим теперешним состоянием. Ожидая сию перемену, которая должна была быть тем медлительнее, чем они были добродетельнее и просвещеннее в разсуждении должностей общежития, должно им было истребляться между усобными воинами; а изнеможение их, необходимое следствие их распрей, ввергало их в опасность быть пищею чужестранцов.

По щастию Греции, в Асии не осталось ни малейшия искры властолюбиваго Ксерксова духа; Персидские цари давно уже предалися сладострастной праздности. Запиралися во своих чертогах, а под имянем своим оставляли правление вельможам сребролюбивым, жестокосердым, невеждам, вероломным и упражняющимся во удерживании в рабстве земель к оному привыкших. Артаксеркс, Долгорукий названный, будучи самими Греками приглашен ко принятию в их распрях участия, довольствовался тем, что вооружал их единого против другаго, уравнивал их выгоды и поддерживал их соперничество. Он мог бы их покорить, но упражняя их во Греции он воспящал им входить в Асию. Сию политику внушала ему боязнь, а не умеренность. Ксеркс II и Согдиан появились токмо на престоле обезчещенном их распускною жизнью и их мучительством. Сим двум чудовищам наследовал Дарий Ноф; он был раб покрытый царскою одеждою. Устроенный к повиновению, всяк восхотел им управлять, а он не свергнул ига некоторых скопцов соделавших его орудием своих коварств, как для того, чтобы подвергнуться игу своей супруги.

Артаксеркс Мнемон мог бы отмстить Персию; но поелику пороки худо устроенныя вольности умножилися во Греции, то

Азия напротив того ежедневно снизходила со своей степени чрез самодержавное правление. Да сей государь и не был в состоянии принять смелое намерение, возвращение десяти тысяч по разбитии младшаго *Кира* и *Агесилаевы* победы приучили его трепетать при воспоминовении Греческаго имени. *Иллирия*, *Епир* и *Фракия* непрестанно воевали против своих древних неприятелей, не одерживая решительных побед. Наконец *Македония* ни малейшим не пользовавшаяся почтением находилась во плачевном состоянии, как связи древняго Греческаго правления рушились.

Аминт, отец *Филиппов*, был государь слабый: удрученный могуществом *Иллириан*, и теряяй свой венец, ему не оставалось другаго средства, дабы отмстить свои уроны и соделать злодеев своим победителям, как отдать свое государство *Олифянам*. Испытав жесточайшия нещастия, он паки был возведен на престол *Фиссалиянами*; он царствовал с робостию человека видевшаго в близи свою погибель и долженствовавшего своим спасением помощи чужестранцов. *Александр* старший его сын ему наследовал, а подданные не повиновались царю, повелевать ими неведающему. В то время как он был побеждаем *Иллириянами*, то часть *Македонии* взбунтовалася и государство его был почти совсем обладаемо его неприятелями, как он умер.

Еще недостойнее своего сана, нежели государь, которому он наследовал, *Пердикк* не имел ни единого дарования удобнаго возбуждать к нему почтение, и в таких обстоятельствах, когда бы ему надлежало управлять народом токмо благополучным и повинующимся. *Птолемей* побочный *Аминтов* сын завладел единою провинциею *Македонии*, и стал там неподвластным. *Павсаний*, князь царския крови, который был изгнан, вошед, пользуясь смятениями, паки в государство, и обрел многих сообщников во гражданах правлением недовольных; и в сей толпе людей незнакомых, безпокойных и почерпающих изо всего при перемене надежду, а ни чего нетеряющих, *Пердикк* был убит в бою против *Иллириан*, а *Македония* столь была нещастлива, что почитала смерть его злополучием, для того что царский венец переходил на главу младенца.

Павсаний, видя что все ему споспешествует, явил тогда желание взойти на престол; а *Аргей* другой князь царския крови, который имел таковое же властолюбие, собрал войско, желая в оном предупредить своего совместника. Чужестранцы воспользовались сими домашними распрями, проникли уже до внутренности государства, как *Филипп* младший *Аминтов* сын ушел из *Фив*, где он был аманатом и приспел на помощь царства своих предков. Кто бы подумал, обращая взоры свои на сию нещастную землю, что вскоре в ней уготовятся узы вся Азии и Греции? Едва *Филипп* явился в *Македонии*, как уже его присутствие было чувствительно. Он был поставлен правителем государства до совершеннаго возраста *Аминта* своего

племянника; но скоро Македоняне, испытывая, сколь им нужно было повиноваться такому государю, каков был *Филипп*, возложили венец на главу его.

Каково *Македонии* состояние ни было, но болезни ея не были неизцелимы, как то были болезни *Греции*. *Филипповы* предшественники не царствовали над своими подданным со властью слепую и неограниченную, человечество в *Персии* унижающею; а как *Монархии* не пришли еще в самодержавство,* отъемлющее у души все ея пружины, то гражданин соблюдал чувствование добродетели и мужества, а государь созидал, если хотел, народ совсем новый. Народ, навывший повиноваться без малодушия, не будучи сам свой законодатель, никогда не противится примеру своих государей. Он изступает из своего забвения, отмечает свои пороки, и не ведая сам того, воспринимает новый нрав и добродетель ему подаваемую.

Ни единый государь не был способнее *Филиппа* ко произведению столь щастливых перемен. Великия его дарования, с коими он родился, не токмо не затмевались худым воспитанием, но нещастия его рода послужили к их объяснению и расширению. Воспитан будучи в такой республике, где народ ревнуя своей вольности презирает единоначальство, не зрел он там ни гордости, ни пышности, ни ласкательства дворы окружающих, упоющих государей их величеством, и их уверяющих, что они довольно велики своим саном, и не имеют нужды во другом величестве. Свидетель удовлетворений, с коими судия и Демократии исполняет власть ему врученную, вперяет свои мнения, и убеждает с немалым искусством толпу ему повелевающую; он восприял притворно на престоле умеренность, терпение, милость и почитание законов, всегда не ограниченную власть подающих государю желающему казаться исполнителем правосудия.

Филипп, воюя с *Аргеєм*, с сим упорным, честолюбивым и храбрым мужем, не примиримым до изнеможения, старается истребить *Павсания* негоциациями. В то время как он деньги и обещания, так сказать, сыплет, отвлекая *Фракию* от стороны сего возмутителя, он его ласкает, подает ему надежду и удерживает его в недействии, ожидая времени когда он возможет

* Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другаго права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный договор*. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народного общества.*

грозить ему соединенными своими силами. Принужденный Филипп завоевывать свое государство уготовляет к победе навывших в бегство обращаться воинов; он вперяет в них мужество, приводя в честь между войск своих терпение, умеренность в питии и пище, повинование и телесныя упражнения. Желая вселить в них уверенность, и научить их почитать самих себя, он оказывает им почтение ими еще не заслуживаемое; испытывает по малу их храбрость и научает их искусству побеждать, сражаясь сам пред ними. Словом научаясь войне под вождением Епаминонда, он пренес в Македонию дисциплину сим великим мужем Фивянам дарованную и изобрел фалангу.

Сей порядок сражения, столь страшный Павлу Эмилию показавшийся, да и в такое время, когда оный исправлением был разслаблен, был при своем начале составлен из шести до семи тысяч человек поставленных в шестнадцать шеренг. Все фалангисты стояли сомкнуты и вооружены длинными копьями; копья последняя шеренга досязали на два фута далее первая, а другая по размеру сих; так что фаланга, представляя фронт с бесчисленным оружием, казалась неприятелю неприступною и долженствовала своею тягостию опровергнуть все, что ей противилось.

Полибий, сравнивая сей порядок с Римским, Римский предпочитает; для того что фаланга редко находила удобное ей для сражения место. Холм, ров, рывтина, забор, ручей, все нарушало оныя порядок. Без всякаго внешнего препятствия, весьма было трудно, когда она атаковать начинала, или когда от неприятеля отступала, чтобы на ходу не колебалась; а если она не была сомкнута, то была побежденна. Без труда можно было войти в провал когда она приходила в замешательство; и фалангист, немогуший делать ни малаго движения, становиться опять в порядок, ни сражаться в близи, по причине длиннаго своего оружия, обращался в бегство или убиваем был не защищаяся.

Сие Полибиево разсуждение было весьма благоразумно, в то время как он сие писал. Филипповы наследники, составляя фалангу из шестнадцати тысяч человек, безчисленно усугубили препятствия противящияся ей ходу и ей движениям. Правда и то, что порядок Римлян в постановлении их войск в три шеренги и отделенными корпусами, равно удобными ко сражению на всяком месте, ко всяким движениям, к подаванию взаимной помощи, к совокупленному и разделенному по обстоятельствам действию, и переходить во мгновение с места на место, был без сомнения простее, разумнее и подавал им великое над неприятелем превосходство. Но сей порядок приличествует войскам выученным и привыкшим ко строжайшей дисциплине. Македоняне не были таковы при возшествии Филиппа на престол; им надобен был порядок сражения, которой бы по естеству своему придавал им смелость, и не требо-

вал ни малейшего почти испытания во употреблении оружия и в военных действиях.

Сколь скоро тишина установилась внутри *Македонии*, то *Филипп* старался употреблять в пользу все государственные силы; он боялся чтобы не придать сил злоупотреблению, если изгоняя оное он не надеется оное истребить. Он притворяется, что не видит того порока, коего он корени извлечь не может, а о учреждении полезного порядка помышляет уже по изобретении средства к его утверждению. Он дает законы, а разум приучил уже оным повиноваться; он новое придает *Македонии* движение, и ни что в ней не остается праздно и бесполезно; таков то бывает путь властолюбия просвещенного, уготовляющего верные предприятия своим успехи; прежде воздвижения здания, оно полагает онаго основания.

Филиппу удалось истребить главнейших *Македонии* злодеев, я говорю о лености его подданных, о их робости и о их равнодушии к общему благу; но он производит сии великия намерения не как политический Философ, старающийся о благоденствии государства и счастии граждан: он был честолюбец приобщаяй *Македонян* своему любочестию, дабы их соделать орудиями своего счастья; а тогда то предстала ему опасная препона. Сей государь бывал во знатнейших республиках *Греции*, и познал сам собою их разум, корысти, силы, немощь и средства. Он знал состояние *Афин*, был свидетель падения *Спарты*, зрел *Фив* соблюдающих по смерти *Епаминонда* токмо гордость великаго счастья: вся *Греция*, как уже мы видели, пребывающая в несогласии от несчастных страстей, Пелопонискою войною рожденных, стремилась, казалось, под иго и просила повелителя. Вступая в нее, можно было быть уверену, что найдеш в ней союзников. Коликую надежду мог получить *Филипп*? Покорив славнейший на земли народ, мог он льститься, что ни единый из его неприятелей не дерзнет ему противиться.

Да дозволят мне сделать здесь примечание. История представляет нам тысячу примеров, что государства с величайшими выгодами, войною ими приобретенными, остались во прежнем мраке, да и разорилися, не ведая что в политике есть искусство превосходящее искусство одерживать победы, и наука полезнее сил, — наука их употреблять. Сие то искусство знали столь хорошо *Римляне*, искусство соблюдать свои силы, распространять их к state, и никогда не делать себе новаго неприятеля, не опровергнув обидившаго их. *Филипп* ведал, как и они, что наблюдение порядка нужно было, дабы не иметь бесплодных успехов; что действие прежде всех предприемлемое, для того и трудно и само по себе есть бесполезно, а будет легко, утвердит прежняя выигрыши и к новым не ложную подаст надежду, если ему будет предшествовать другое предприятие. Положим что сей государь напал бы в самом деле прежде всего на *Греков*, то древняя неприятели *Македонии* не преминули бы воз-

обновить свои набеги. *Пеониане, Фракиане, Иллириане* были *Греции* помощники; а принужденный *Филипп* остановить свои усилия во единой стороне, дабы итти в другую, был бы принужден разделить свои силы. Непрестанно переходя от Греков к варварам а от варваров ко Грекам, и ни чего не окончивая, усугубил бы он препятствия возстающия против его властолюбия. Если бы ему оное удалось, то по крайней мере надлежало бы ему побеждать вдруг и с великим трудом неприятелей, которых бы он мог истребить единого другим.

Филипп устремляет сперва силы свои против *Пеониан* и их покоряет. Потом нападает на *Иллириан*, разбивает по чреде *Фракиан*, отъемлет у тех и у других завоеванные ими у *Македонии* земли, разоряет их главные крепости, строит новыя на своих пределах; и токмо по уничижении варвар и приведении своих земель в безопасность, помышляет он о завоевании *Греции*.

Большая часть предприятий для того бывають не удачны, что начинают оных исполнение в самый тот миг, как оныя соделать вознамерятся, не предвидя препятствия; нет ничего к побеждению их готоваго. Спешат делать распоряжения; а предметы представляются не явственно и сквозь обманывающую страсть. Не в состоянии противиться первым противным случаям, бывають оными удручаемы; повинуются произшествиям, вместо того, чтобы повелевать ими; а политика столь же не основательна, как щастие не имеет уже правил. Еще чаще случается, что государства не определенную и зыблющуюся имеют цель своего расширения; а тогда держава, союзников не имеющая и подозрительная всем своим соседям, не ведает точно, кто ея будет неприятель; она не может к единой цели устремлять свои намерения, переговорами приготавливать успехи своего оружия, ни наслаждаться всеми свойственными ей выгодами. Наконец, редко чтобы государство умело пользоваться всеми пороками своих неприятелей, и нападая на них со слабыя их стороны, имело искусство противопоставить им сторону, коею оно их превосходит.

Филипп долгое помышляя время о своем противу Греков предприятии. Он готовится на них напасть; но хочет, чтобы думали, что он чуждыми войне занят мыслями. Под видом, что он не имеет денег, и что хочет воздвигать здания и их украшать всем тем, что художества имеют драгоценнаго; он великия во всех Греческих городах берет в заем деньги, платя за то великую лихву, а тем приобрел он во свои руки иждивение знатнейших граждан каждая республики. Тем соделал он себе наемников, а казалось, что они его токмо заимодавцы; искал средства умножить пороки Греков, дабы их разслабить, и мнил, что уже городом овладел, если привлек несколько в нем судей на свою сторону.

С каким старанием он *Македонян* к войне ни приучил; но силую те только преодолевал трудности, кои разум его през-

зойти не мог. Опасаяся, чтобы против его не сделался заговор, он старался усугублять зависть и ненависть, Греков в несогласии держащих. Дабы им подать новую надежду, новую боязнь, новые подозрения, новые корысти, ласкает он гордость единой республики, обещает другой свое покровительство, а себя снискивает дружбу, отказывает, подает или отъекает свою помощь, смотря по надобности ускорять или останавливать движения своих союзников или своих неприятелей. То покоряет он некоторый народ своими благодеяниями; таков был жребий *Фиссалиан* от мучителей им освобожденных, и паки воспринятых в совет Амфикионский. То кажется, что он почти по неволе приступает ко исполнению намерений, кои он сам внушил. Если начинает войну с какою либо Греческою землею, то сие для того, что туда его призвали; таким то образом входит он в *Пелопонис*, по прошению *Мессены* и *Мегалополя*, на коих *Лакедемоняне* чинили нападения. Если он видит надобность овладеть неким городом, то он его не раздражает, а предлагает ему напротив того свою дружбу, и хитро возбуждает его властолюбие, дабы поссорить его с его соседями. Но едва сия несчастная республика, союзом с *Македонцею* возгордившаяся, впала в поставленные ей сети; как *Филипп*, приводя в движение средства уготованные им к соделанию их размовки, или под видом, что он защищает удрученных; он истребляет своего неприятеля не делая себя ненавистным. *Олифяне* были обмануты такового политикою, как полагаемая на его покровительство, они раздражили жителей *Потидеи*.

Ни единый государь не знал столь хорошо, дабы быть не постижиму, как *Филипп* искусства перемещать поступки не отходя от своих правил; переговоры, союзы, мир, перемирие, неприятельския действия, отступ, недействие, все употреблял он по чреде, и все равно стремил к концу, от коего, казалось, он всегда отдалялся, зная как управлять страстями, возбуждать подозрение, сомнение, боязнь, надежду, смешивать или разделять предметы; неприятели его оставались всегда властолюбцы, союзники не благодарны, а он один собирал плоды войны, в коей он был только вспомогателем.

Фивяне, препоручая *Филиппу* Делфскаго храма мщение, подали ему главнейшее средство к достижению господства над *Грециею*. Сие мщение произвел он над *Фокианами*, пахавшими для своей пользы часть *Киррейския* земли *Аполлону*, посвященной; *Фокиане* упорствуя во своем безбожии отрицались платить пеню Амфикионами на них возложенную. Священная война продолжалась уже десять лет; все почти Греческия народы приняли в ней участие, а от равномерных успехов казалось, что она будет вечная, как истощенные *Фивяне* прибежали на конец к *Филиппу*. Сей государь вошел в *Локриду* с великою армиею, а *Фалек*, *Фокианский* полководец, не будучи в состоянии сражаться с неприятелем, столь сильно на него на-

ступающим, предложил средства ко примирению. Ему было позволено выйти из *Фокиды* с воинами нанимаемыми им за похищенные им в Дельфском храме богатства; а *Фокиане*, по его отшествии, принуждены были повиноваться *Филиппу* и *Фивянам*. Право посылать депутатов в Амфиктионский совет, снятое у побежденных, было на всегда отдано *Македонии*, которая разделила так же с *Веотианами* и *Фессалианами* преимущество председания в Пифийских играх, отнятое у *Коринфян* в наказание за поданную ими в сей войне *Фокианам* помощь.

Сии два преимущества казались по себе ни чего не значущими; но в руках *Филиппа* переменяли они некоторым образом свое естество. Пифийския игры и другия Греции торжества были хотя ненужныя зрелища и празнества; но как Греки столь ветрены стали, что оныя важным почитали предметом, то государю столь хитрому, каков был *Филипп*, не без нужды было в оных иметь председание и некоторым образом правление их веселостей. Хотя Амфиктионское собрание и не имело власти, опричь вещей до веры касающихся, а преступники божиих законов сильных имели между человек неприятелей; *Филипп* однакож много выигрывал, будучи приобщен оному. Кто его был способнее употреблять во свою пользу народное суеврие? Он уже не был более во *Греции* чужестранец; не делаяся подозрительным, мог он во всех делах брать участие, возобновить власть Амфиктионов, и возвращая им древния их преимущества соделать их полезным орудием своего властолюбия.

Жрецы и все служащия богу в Делфском храме особы начали уже прославлять почитание и ревность к богам *Филиппову*; наемники его выхваляли тогда его умеренность и правосудие, и во всей *Греции* слышно было ожидание возвращения златаго века. Утомленные домашними смятениями граждане ласкались, что мир утвердится, а люди честолюбивые, пронырливые и предводители партий, радуясь внутренно о власти покровителем их приобретенной, близкую предвидели перемену, и своими похвалами способствовали всех обманывать. Таково то было Греков к *Филиппу* предубеждение, что *Демосфен* главнейший его неприятель, и во время священных войны негодовавший против его в пользу *Фокиан*, вдруг пременял свое слово. В место того, чтобы Афинян поощрять к войне, он уговаривал их к миру; старался побудить ко признанию новаго *Филиппова* сана и ко утверждению определения, коим *Амфиктионы* его приняли во свое собрание.

Сей витий, познавая только един во *Греции* властолюбивыя *Македонии* намерения, увидел опасность грозящую вольности своего отечества. Если бы кто в состоянии был Афинян извлечь из унижения, в кое их ввергнула страсть веселостей, возвратит Грекам древнее их мужество, и единую им вложить корысть; то сие был *Демосфен*, коего горящее слово теперь еще читателя воспламеняет. Но он вещал глухим; а красноре-

чивья Филипповы подаяния соделали то, что как скоро сей витий грому подобным гласом предлагал о заключении союзов, о собирании войск, о сооружении галер, то тысяча голосов вещали, что мир величайшее есть благо, и что не надлежит теперешним жертвовать мгновением мысленным о будущем боязням. *Демосфен* обращал слово свое к любви отечества, к любви вольности, а сих добродетелей во *Греции* уже не было: Филипповы наемники напротив того возбуждали в его пользу леность и сребролюбие.

Хотя бы сей государь и не столь хитро умел сокрывать намерения своего властолюбия, но можно ли было надеяться, что Греки вновь соединятся и общий против *Македонии* соделают союз, как некогда они соделали против *Персии*? «Сколь *Демосфен*, говорит *Полибий*, хвалы ни достоин во многих рассуждениях; но в том извинить его не можно, что он называл срамным именем изменника знатнейших граждан многих республик, для того, что они были со стороны *Филиппа*. Все сии судии, коих *Демосфен* затъмить хотел славу, без труда могли оправдать поступок усугубивший, по происшедших переменях в политической системе *Греции*, силы и могущество их отечества или сохранившей его от погибели. Если *Мессениане* и *Аркадиане* мнили, что их корысти не одинаковы были с Афинскими, если они хотели лучше просить *Филиппова* покровительства, нежели быть приведенным в рабство *Лакедемонянами*, если они пренебрегли зло отдаленное и искали средства к отвращению зла им настоящего; долженствовал ли *Демосфен* оное им поставлять в преступление? Сей витий очень ошибался, коли желал, чтобы все Греки располагались по корыстям *Афин* в наблюдении своих выгод».

Если по разрушении союзного правления, каждая республика должна была на себя только надеяться, и если соседи ея были ей злодеи; то для чего *Демосфен* думал что он право имеет требовать, чтобы *Фессалиане*, на пределах *Македонии* живущие и *Филиппом* от мучителей избавленные, были неблагодарны, и подвергая себя прежде всех всем воинским действиям, подавали бы бесплодно *Греции* пример мужества, и казались бы прилеплены ко правилам согласия, коих уже более не было? Если *Аргивяне* просили *Филиппова* покровительства, то сие происходило от того, что *Лакедемон* хотел еще быть Пелопониским мучителем, и что не могли верного ни с какою во *Греции* республикою заключить союза, *Македония* токмо могла им действительную подать помощь. Если *Фивяне* в союз вступили с *Филиппом*, то сие было для того, что они видели, что Греки не хотели уже быть вольными, что все стяжали мучительство, и за благоразумное почитали дело не оскорблять сильнейшего неприятеля народных вольности.

Как *Демосфен* не чувствовал, что ругательства изрекаемая им на знатнейших судей *Миссены*, *Мегалополя*, *Фив*, *Аргоса*,

Фиссалии и проч. не токмо не приготавливали разумы к союзам, о коих он помышлял, но могли усугубить и домашния распри *Греции*? Испытав *Афинян* немощь, нерешимость и подлую робость, для чего хотел он чтобы другие города делали для них то, чего они сами не делали? Познав опытом что посольства, коими он утруждал *Грецию*, были бесполезны, для чего он не переменил намерения? и можно ли не презирать его как политика и как гражданина, в то время как ему, как витию удивляешься?

Он дерзнул предложить *Афинянам* набрать две тысячи человек пехоты и двести человек конницы, из коих граждане составят третью часть и снарядить десять галер легко вооруженных. *Я более не требую*, говорил он, *для того, что теперешнее наше состояние не дозволяет нам довольно имети войска, дабы с Филиппом сражаться в поле.* Какое же было *Демосфеново* намерение? *мы должны*, продолжает он, *делать только набег.* Странное намерение! кое вместо мужества вперить должно было *Афинянам* смешное безпокойствие, которое не токмо не вселяло страха в неприятеля их силами превосходящаго, но могло его раздражить, и оправдало бы его властолюбие. Или *Демосфен* надеялся, что сие слабое усилие возбудит вновь мужество *Греции* и вселит в нее уверенность и соревнование? Он сам ничего не ожидал от своих предприятий для того что в великом множестве вступлений, кои он приготавливал заранее и употреблял при случае, едва найдутся два или три, кои бы он приготовил для счастливаго случая. *Полибий* упрекает ему, что он будущаго не предузнавал, а вместо политики имел дерзкую вспыльчивость. *Афиняне*, говорит сей историк, снисходя на конец на прошения своего вития, встали против *Филиппа*; разбиты при *Херонее*, они бы не соблюли ни своих домов, ни храмов, ни гражданского сана, если бы победитель не внушал своему великодушью.

Мне гораздо лучше кажется разсуждение *Фокиона*, который, будучи столь же великий полководец как *Демосфен* худый воин, располагался по своим согражданам и побуждал их к миру, хотя война поставила бы его республики главою. «*Я согласен*, говорил он некогда *Афинянам*, что вам надлежит стараться быть всех сильнее, или снискивать сильнейших дружбу. Не жалуйтесь на ваших союзников; но на самих себя. Вы, коих роскош вкореняет все злоупотребления, жалуйтесь на ваших полководцов, коих грабительство возмущает против вас даже и те народы, кои погибнут, если вы побеждены будете. *Я* вам, говорил он, буду тогда войну советовать, когда вы будете в состоянии оную производить, когда я увижу, что молодые люди повинуются, и своего в бою места не покидают, что богатые добровольно помогают республике в ея нуждах, а витии общества не грабят».

В сем то состояла вся политика сего великаго мужа, который не судил о силах и средствах государства по припадкам

так сказать мужества и смелости от своенравия происходящим, и разрушающимся своенравием; но по своему нраву и своей привычке утвержденным законами непреложными. *Фокион* взирал на *Афины* и на всю *Грецию* как на больных, которым не вдруг должно возвращать здравие; но коих надлежит продолжать жизнь и укреплять телосложение по малу *диетою* благо-разумною и осторожною. В самом деле расслаблены долго-временным течением зол, им необходимо должно было погибнуть в случае обоюдном сильными врачеваниями причиненном. Народу добродетельному *Фокион* позволил бы предаться отчаянию, для того, что от онаго произойти может его спасение; но он знал, что поврежденная республика бывает только от-важна, если дерзнет предпринять трудное намерение.

Хотя *Демосфен* не основательным своим поступком усугублял Греков несогласие, и следовательно сам служил властолюбию *Филиппа*; однако же сей государь, будучи уверен, что он может во *Греции* производить движения чрез своих наемников и союзников, и по своей воле возбуждать в ней смятения, всевозможно старался привлечь сего вития на свою сторону или воспретить ему говорить к народу. Он мог бы обойтись без услуг *Демосфеном* ему оказуемых; но он боялся стремительного его красноречия представляющего сего государя мучителем. Он не хотел, чтобы гордость Греков возобновлялася воспоминанием великих дел их предков. Говорить им о цене вольности было то же, что принуждать его действовать с безпокойною для властолюбиваго человека осторожностью. Чем более *Филипп* старался вперить Грекам нерадение о своей вольности и некоторое недоумение, кое бы их к повиновению уготовило, когда она будет побеждена; тем прискорбнее для него было видети, что *Афинский* витий открывал его намерения, научал Греков заранее стыдиться своим порабощением, коего им избежать было не возможно, и делал некоторым образом плод его побед не верным, приготовляя их быть не спокойными и мятежниками.

К тому же сей государь в последних войнах видел, что *Спарта*, *Афины*, *Фивы* и другие республики прибегали по чреде к покровительству Персии и к побеждению своих неприятелей употребляли ея силы. Таковая политика не казалася уже более ненавистною; и не удивительно бы было, что *Демосфен*, не сыскав во *Греции* помощи против *Македонии*, прибегнул бы к *Асийскому* Сатрапам. *Филиппу* тем более должно было ожидать таковаго поступка от сего вития, что он, как всем знакомо было, имел с Персидским двором переписку, да и был наемник.

Если бы сия держава вмешалася в дела *Греции*, то бы *Филипповы* намерения не удалися, или по крайней мере исполнение оных гораздо бы было труднее. Безчисленные богатства *Асии* отвлекли бы от сего государя всех его друзей; царей

Персидских деньги легко бы соединили всех не согласных республик, для того что их судии равную имели к богатству страсть. Вместо того, чтобы Греками побеждать Греков, *Филипп* был бы принужден на их соединившийся напасть силы; а дабы их покорить, то надлежало бы победить и самих Персов.

Время оказало справедливость того, чего *Филипп* опасался. *Демосфен* предложил мнение, что надлежит послать к Персидскому царю послов, дабы ему представить, сколько ему полезно, чтобы *Македония* не усиливалась, и просить о присылке Афинянам помощи. Витий испытав сперва положение разумов всевозможно побуждал в другом своем слове сограждан своих к сему предприятию; на которое на конец народ согласился. Афинянам в оном удалось; а *Филипп* соделав нужную для него осаду *Перинфы* и *Византии* принужден был переменить свое намерение для того, что Персидский двор и Афинская республика прислали осажденным вспомогательное войско.

Тогда то оказал сей государь всю свою премудрость. Он разсудил, что упорствуя во своем предприятии, он раздражит неприятелей своих, сопряжет их тесным союзом, и принудит им соделать то пристрастием, к чему бы их никогда не побудило ни мужество ни благоразумие. Дабы отвратить грозящую ему бурю, он оставляет осаду городов почти ему здающихся, и устремляет оружие свое против *Скифов*.

Афиняне тем тщеславнее, чем они были подлее, не сомневались, чтобы *Филиппов* поход во *Скифию* не происходил от отчаяния; мнили, что уничиженный своим уроном, он тамо стыд свой сокрыть хочет; видя его войну предприемляющаго против народа неведающаго земледелия, твердаго жилища не имеющаго, пасущаго пред собою стадо свое, и неприятелю оставляющаго свою степь, в коей сему питаться нечем, льстилися что *Македония* погибнет. Однако же *Филипп* намерения своего против *Скифов* в самом деле не исполняет; и без нужды не начинает военных действий, которые бы ему препятствовали войти во *Грецию*, когда он захочет; а Афиняне почитают его благоразумный поступок знаком его смятения и радуются уже его замешательству. Персидский же двор привыкший к рабскому ласкательству внушил несмысленному *Оху*, что он над *Филиппом* торжествует. Чем менее труда сия победа стоила, тем более сей гордый самодержавец мнил, что не нужно уже большия против *Филиппа* устремлять силы, и что ужас его имени наложит узы *Филиппову* властолюбию. Гордость союзников и радость их воспретили им принять меры для будущаго времени, и связь их совокупляющая по предсказанию их врага расслабла.

Однако же *Филипп* не спуская с них взоров помышлял и во *Скифии* о мщении; но дабы скорее всех привести в замеша-

тельство и возбудить между *Персиею* и *Афин* несогласие, вознамерился он Греков упражнить таким делом, в коем казалось, что он не приемлет ни малейшаго участия. Пользуясь своею над *Амфиктионами* властью, он побуждает их к объявлению войны *Амфиским Локрианам*, завладевшим некоторыми полями *Дельфискому храму* посвященными; и по его наставлению отдают они предводительство войск *Коттифу*, преданному со всем *Филипповым* повелениям. Сей послушный данным ему наставлениям льстец войну производит слабо, и не токмо не желает иметь успехов, но *Локрианам* предоставляет столько выгод, что набожные люди боялися соблаза, и опасалися, чтобы величество *Дельфискаго божества* не осталось без мщенья. Все приходят в движение, при жалобах *Аполлоновых* и *Филипповых* соучастников; вся *Греция* намеряется соделать всеобщее усилие, ко истреблению поругателей божества. *Локриане* напоминают о *Фокеанах*; *Филипп* их победил, он токмо и сих покорить может; народное желание вручает ему повеление, злодея его не дерзают тому противиться, опасаяся быть в безбожии обвиненным, и на конец *Амфиктионы* к нему прибегают.

Сколько сей государь сокрывал до сего времени свои намерения, столько он старался величеством сего похода привести в робость своих неприятелей, сколь скоро он признан был *Греции* мстителем, и как в самом деле мститель соделанной *Дельфискому храму* обиды, он мог предаться своему властолюбию. Едва он разбил *Локриан*, как под видом, чтобы принудить *Афинян* отпасть от союза бунтующих, он вошел в *Фокиду* и взял *Елатею*, прежде нежели кто проникнул его истинныя намерения.

Сия ведомость и известие о его походе в *Аттику* получены были в *Афинах* среди ночи; смятенныя градоначальники объявили оное тот же миг чрез народных возвестителей: все приходят в движение, смятение распространяется по всему городу; и граждане, не дожидаяся созыву, притекают на место собрания, где сперва царствует молчание велие. Ни единый витий не осмеливается взойти на кафедру, как *Демосфен*, ободренный народом взоры свои на него устремившим, начал говорить. Он увещавал сограждан своих, чтобы они не отчаявалися во спасении отечества, и предлагал чтобы послать посольство к *Фивянам* для испрошения помощи против неприятеля, не старающагося уже сокрывать своего властолюбия, и коего новое предприятие равно их и *Аттики* вольности угрожает. Народ утвердил сие предприятие своими плесканиями; и *Демосфен* без труда заключил союз с республикою, которою *Филипп* начал притеснять, с тех пор как он ее сделал *Веотии* ненавистною. Казалось что сии обе союзницы воспринимали паки дух сживлявший их под предводительством *Фемистокла* и *Епаминонда*; при *Херонее* сражались оне с удивительным мужеством, но шастие им стало противно.

Филипп стараяся всегда ссорить своих неприятелей и смягчать милосердием своим строгость, к коей наблюдение собственного блага его иногда принуждало, предупредил Афинян благодеяниями, отдал им их пленников без выкупа, и предложил им выгодный мир; а за Фивянами гнался он с наивеличайшим жаром и не прежде даровал им мир, как поставил войско свое в их городе.

Сей государь овладел уже наиважнейшими во Греции государствами, войски его обыкли побеждать, все республики трепетали пред именем победителя, или возвышали его умеренность. Но далеко было от того, что бы сие владычество *Македонии* непоколебимо утвердилось; да и гораздо было труднее сделать Греков терпеливыми под игом на них наложенным, нежели их победить. Пороки их и распри довели их не приметно до порабощения; но присутствии вождя могло им возвратить древний их дух, отверзая их очи над их жребием: и народ ни когда столь опасен не бывает, как когда он сражается для возвращения потерянных своей вольности, не привыкнув еще повиноваться. В народе непостоянном, беспокоящемся, гордом, дерзком и воинственном малейшее произшествие могло бы произвести перемену или по крайней мере всегда новые бунты, кои бы на конец истощили силы *Македонии*, или которые бы ее привели в необходимость сражаться еще долгое время, прежде нежели она бы могла пользоваться своими победами.

Филипп не был ослеплен своими успехами; подобен Римлянам, столь ведавшим искусство управлять по воле своей народами, и покорившим спустя несколько столетий Греков, он знал все средину, чрез кои народу переходить должно из вольности в рабство, и медлительность, с коюо надлежит его препровождать, дабы приучить его к послушанию. Он смягчил гордость своя победы, привлек к себе паки разумы, коих щастие его, казалось, отчуждило, старался уверить Греков, что войну он вел до сего и побеждал для того только, что бы их избавить от их мучителей и покровительствовать их независимости. Изящнейшее действие его политики было то, что он их поссорил с Персидским двором. Возжигая паки их древнюю ненависть против сея державы, руководствуя им в завоевании Азии он угождал их гордости, отвращал внимание их от потеряния вольности, насыщал их природную беспокойность и присоедал все те силы, кои бы *Греция* могла против его обратить.

По завоевании Сатрапств малыя Азии, *Греция* находяся в средине Македонския державы, и не имея ни союзников, ни соседей, ни надеяся на чужую помощь, узрела бы себя немощною возвратити свою свободу: скоро бы почувствовала она под *Филипповой* рукою сие тяжкое рабство, к коему ея осудили Римляне. Наизнаменитейшая республика могла бы токмо соделать возмущение, и все Греки скоро бы познали опасность и неудобства сих преходящих волнований, кои мучи-

тельство употребляет всегда для расширения своих прав и оных утверждения.

Награждая единою рукою, нося во другой казнь, *Филипп* утомил бы твердость своих неприятелей и усугубил бы число своих участников. Довольно для него было отдавать единых от градоначальства, а других облекать в оное чрез свои проски, дабы наслаждаться наконец сею неограниченною властью, коея властолюбцы столь жаждут, и которая однакоже бывает предтеча их немощи, падения и разрушения.

Я не знаю, представляло ли властолюбие какого человека столь притяжательное зрелище, как царствование *Филиппа*. Какое остроумие, какое мужество во всех подробностях поведения сего государя! Какая точность в порядке возвышения, которое он себе сделал предметом! Не можно довольно удивляться, с каким постоянством он ему следовал. Какое знание человеческого сердца! Какое искусство во приведении его в движение; сколь мудро он умел пользоваться страстями! Всякий государь, который имея такой же разум, будет поступать по тем же правилам, будет без сомнения иметь равномерныя успехи; он ужасен будет своим соседям, победит неприятелей и сделает завоевания. И я бы по возможности моей старался разыскать пружины сея несчастныя политики, если бы предполагаемой ею предмет не казался мал, презрителен и осуждаем сею изящною политикою, не старающеюся служить страстям правителя, но пекущеюся о благоденствии государств. И в самом деле, что соделал *Филипп* для благополучия *Македонии* и своего дома? Помышляя только о своем частном блаженстве, стараяся только о удовольствовании своего властолюбия, он употребил наивеличайшия дарования и наиредчайшия средства остроты душевныя к возведению здания, кое скоро после его обвалиться долженствовало. Люди худо понимают корысти человечества, когда несмысленно удивляясь превзойденным трудностям; они без исключения выхваляют дарования, коих употребление было вредно.

Была ли в том нужда *Филипповой* фамилии и его государству, чтобы он основал великое владение? Усиливаясь столь много, он насадил семена тьмы воин, и уготовил миру превращения и опустошения. Если бы наследник его был человек обыкновенный, то бы весь плод трудов его исчез в единый день. Он оставил венец свой *Ирою*, соделав его довольно могущественным, чтобы завоевать *Асию*; но сии завоевания не были обладаемы *Александровыми* потомками и *Македониею*. Наследники сего государя погибли жалостным образом; а государство их, стесненное паки в прежния свои пределы, сохранило из прежняго своего щастия, токмо неограниченное властолюбие, его истощевающее, а наконец стало хищею *Римлян*. Если бы *Филипп* имел достойнаго себе наследника, то есть такого, которой бы вместо того, чтобы помышлять о завоевании всего света, утвер-

дил свое владычество во Греции; то можно бы его было похвалить искусство в уничтожении Греков, и в истреблении остатков мужества, от вольности их произшедшаго. Наконец для чего не порочить употребление соделанное *Филиппом* своих дарований, ибо щастие, которое он стяжал, могло только повредить его наследников, и усугубить тяжесть царския должности?

Сколь велика была бы слава сего государя, если бы по вшествии своем в Амфиктионский совет, он старался только приобрести такое владычество, какое имела *Спарта*, и оживляя угасший дух союза, он бы возобновил древнее Греков сопряжение. Время уже было помышлять о таком поновлении. Республики, будучи довольно могущественны к ощущению властолюбия, довольно уже испытали бедствий, чтобы увидеть, что оне только не основательныя сооружали предприятия. Все чувствовали нужду в союзах, от того произошли их непрестанные негоциации, а если союзы их были не тверды, то сие было для того, что ни единый город не имел ни довольно силы, ни довольно мудрости, чтобы вселить в других уверение, и им покровительствовать действительно. Какую бы заслужил *Филипп* хвалу, если бы по исправлении пороков своего государства, он утвердил свои учреждения, придавая законам ту власть, коея он столь жаждал; если бы он воспретил своим наследникам употреблять во зло могущество, кое он им оставил; и становяся так сказать зиждитель всего блага, кое они соделают, он составил бы единый народ из своих древних подданных и из Греков! Сей государь сравнился бы с *Ликургом*. Щастливая внутри *Македония* была бы от чужестранцов в безопасности; силы ея, соединенныя с силами Греции, могли бы противиться нападениям, и вероятно, чтобы Римское могущество рушилося, сражаяся с сим *слитком* государств вольных и цветущих.

Назначенный *Филипп* вождем Греков для Асийския войны послал уже туда некоторых из своих полководцов и вознамерялся сам за ними следовать с ужасным войском, как он был убит. Получа сие известие, *Фракиане*, *Пеониане*, *Иллириане* и *Тавлентяне* воспринимают оружие, и они рушили бы худо утвержденное *Македонян* могущество, если бы не *Филиппу* наследовал *Александр*. Греки с своея стороны мнили, что уже паки приобрели свою вольность. *Афиняне*, побуждаемы *Демосфеном*, не хотели чужестранному повиноватися вождю; и сопрягаяся с *Атталом*, братом вторья *Филипповой* супруги и *Александровым* неприятелем, ласкалися возбудить столько в *Македонии* возмущений, что Грекам легко будет возстановить свою независимость. *Етолиане* спешили призвать обратно в *Акарнанию* изгнанных *Филиппом* жителей. *Амвракиоты* выгнали поставленный у них сим государем гарнизон. Жители *Аргоса*, *Елиса*, *Спартяне* и *Аркадиане* подали в *Пелопонисе* пример возмущения; а *Фивяне* отрицая *Александрю* титул вождя, дан-

ное ими его отцу, определили, чтобы находящиеся в *Кадмеи** Македониане вышли из оныя.

Таким образом Греки упаявались надеждою, что младый *Филиппов* наследник удержан будет во своем государстве войною с варварами; но ему ни что не противится. *Фракиане, Иллириане, Пеониане, Тавлентяне*, все уже восприяли казнь, все обратилия паки ко своей должности. *Александр* является во *Греции*, а *Фивяне* не покидают при приходе его осаду *Кадмеи*. Они ругаются сему государю, которой их самих в городе их осаждает. Не взирая на чудесную храбрость, отчаянием им внушенную, город их взят приступом, и несчастное их отечество было позорищем ужасных войны бедствий. Все воины погибли мечем. Жены, дети, старики, извлеченные из храмов служивших им убежищем, проданы были с публичнаго торгу. Под смертною казнию запрещено было всякому Греку принять в дом своей бегственного *Фивянина*, и *Фивы* в пепл обращенныя представляли только кучу развалин. Вольность Греции казалась уже разрушенною; и *Александр*, пользуясь распростертым им ужасом, получает титул вождя *Греции*, которое имел *Филипп*, и грядет завоевати *Персию*.

Если государь не смысленный или злой может легко рушить монархию основанную на крепчайших основаниях; то как *Кирово* государство могло бы противиться силам, с коими *Филипп* на него напасть вознамерился? Государям презрения достойным, о коих я уже имел случай говорить, наследовал *Ох*. Сей изверг, погубив достойнейших себя престола своих братьев, распростер зверство над всем своим родом. Обагранный кровию своих родственников и подданных, вдался он в роскоши. Единый человек был во всей *Персии* столь же мерзок, как *Ох*; сей был скопец *Багоас* его любимец. Безчеловечество и злодейство, кои он употребил дабы погубить своего государя, возбуждают ужасное трепетание; но то успокоевает, видя что сие то и нужно было, дабы отмстить достойно за претерпенное Персами зло. *Арсей* с трепетом возшел на родительский престол; а *Багоас* погубив его в скором времени возложил венец на *Дария Кодомана* сужденнаго зрети падении Персидскаго владения.

Историки гораздо с меньшим о *Дарии* говорят презрением, нежели о его предшественниках. Сей государь был храбр, великодушен, мог даже следовать правосудию и чтить права человечества, имея власть безпредельную. Но будучи не решителен и мало просвещен, имел он недостаток в потребных качествах ко правлению в обоюдных обстоятельствах. *Дарий* возшел на престол почти в то же время, как *Александр* наследовал *Филиппу*; и хотя бы он был и великий муж, то как мог бы он отвратить грозящую ему бурю? Каким искусством мог бы он

* Фивская цитадель называлася *Кадмея*, от имени *Кадма* царя Фивскаго ее построившаго.

незапно исправить застарелые Персии пороки, побудить рабов ко старанию о государственном благе, словом придать владению своему пружины могущия оное приводить в движение? Неприятелю своему противопоставлял он неученое и храбрости не имеющее войско, обыкшее пред Греками обращаться в бегство, и наперстников пользующихся слабостями своего государя и народными бедствиями для удовольствования своего сребролюбия, своего рабскаго любочестия и разделяющей их зависти; словом людей отечества неведающих, познавших долговременным испытанием, что им никогда не можно участвовать во благоденствии государя.

Александр вошел во Асию с тридцатью тысячами человек пехоты и с пятью тысячами конницы. *Дарий* был побежден, Персия покорена Македонским оружием; но Филиппово намерение не исполнилось. Сей государь (я уже оное сказал) помышлял о завоеваниях в Азии, дабы утвердить власть свою во Греции, а *Александр* вошел напротив того в Дариевы области, как завоеватель, старающийся только опровергать, а не созидать. Он покоряет земли не помышляя о том, как их сохранять; довольствуется удручать их ужасом своего имени, и составляет владение, коего части почти уже распадаются.

Филипп для завоевания Персии хотел присовокупить ко своим войскам двести тридцать тысяч Греков; а сею политикою он не токмо уверен был, что победит *Дария*; но отнимал у Греции воинов опасных для Македонии, предварял бунтам и обезсиливая ее нечувствительно приучал ее к повиновению. Сын же его напротив оставил в государстве своем только двенадцать тысяч человек, под повелениями *Антипатра*, дабы удерживать в послушании землю, коея он знал к возмущению склонность; землю наполненную гражданами ревнующими ко своей вольности и в войнах оружие носить обыкновенными ко своей мощи своим примером возбудить ко свержению ига *Фракию*, *Иллирию* и проч. Однако же единый из наших славнейших писателей похваляет его, что *при начале своего предприятия, он мало вещей подвергал случаю, и что поздно уже употребил отвагу, как средство к достижению цели.* * Что же будет отважно, коли благоразумно восхотеть завоевать Асию с тридцатью пятью тысячами воинов и заграбить чужия земли, не приведши прежде своих в безопасность? Или Греки, противопоставивши *Ксерксу* в четверо более сих силы, жертвовали сными без нужды; или они не столь были храбры, не столь изучены, как Александровы воины, или им нужны были многочисленные войска?

* *Монтескью о разуме законов*, том I. Кн. X. Гл. XIV об *Александр* Великом. Вот его точныя слова: «В начале своего предприятия, то есть в такое время, когда малый урон мог бы его опровергнуть, он мало вещей подвергал случаю; но как счастье поставило его превыше произшествий, то отвага бывала иногда единое из его средств».

Если бы в самом деле *Дарий* хотя столько имел мужества, чтобы не страшиться *Александровой* отважности ужас наводящая, и следуя мудрому совету *Мемнона*, разсыпал бы, по примеру единого из своих предшественников, во *Греции* серебро, дабы побудить ее к нападению на *Македонию* в пользу *Асии*, и вооружил бы к защищению *Персии* воинов, коих неприятель его по неосторожности не сделал своими наемниками; то вероятно, что сей отважный *Александр* поход не лучший бы восприял жребий, как поход *Агесилая*. Сей принужден был оставить свои завоевания и идти на помощь *Спарты*, а другой принужден бы был спешить к защищению своего государства, и истощил бы свои силы покоряя *Грецию*, *Дариевыми* деньгами совою пленную.

Что *Александр* был великий полководец, в том ни кто не сомневается; но он может быть мудрый был воин в подробностях всякаго своего воинскаго движения, а очень не осторожный политик в общем начертании своих предприятий. Например сего государя хвалят за то, что пользуясь *Исским* сражением он покорил *Египет*, когда *Дарий* выведши из онаго войски несчетныя в другом конце мира собирая силы. *. Но мне кажется, что они хвалят ошибку. Почто нападать на отверстую землю, которая бы без труда *Македонянам* покорилася? *Александру* должно было по *Исском* сражении гнаться за *Дарием* с таким же жаром и с такою же поспешностию, как он за ним гнался по *Арвельском* сражении. Между тем, как он без нужды осаждает *Тир*, и драгоценное теряет время во *Египте* и во храме *Юпитера Аммона*, *Дарий* собирает восемь сот тысяч человек пехоты и двести тысяч конницы; сие войско он вооружает, обучает и являясь в *Арвельских* долинах с большими нежели при *Иссе* силами, принуждает своего неприятеля подвергать свое счастье и славу удаче вторичнаго боя, когда бы сей мог первый соделать окончательным.

Александр оказал может быть в течении своих подвигов все дарования составляющия наивеличайшаго вождя; но не меньше того справедливо, что не будучи доволен *Кировым* владением, проникая во *Индию*, помышляя о завоевании *Африки*, хотя покорить *Испанию*, *Галлов*, перейти *Алпийския* горы и возвратиться в *Македонию* чрез побежденную *Италию*, он чрезмерно удалялся от *Филипповых* намерений, и вместо оных мечтал себе безразсудное. Каковы суть те завоевания, коих предмет есть земли опустошение? Какое довольно ненавистное имя дадим мы завоевателю, смотрящему всегда вперед, и ни когда очи вспять не обращающаго, грядущаго с шумом и стремлением разливашагося источника, истекающаго и исчезающаго, а по себе оставляющаго только развалины? Чего надеялся

* *Монтескью* о разуме законов, том I. Кн. X. Гл. XIV об *Александр* Великом.

Александр? Не чувствовал ли он, что завоевания столь стремительные, столь пространные и столь много *Македонии* силы превосходящие, соблюденны быть не могут? Если он не ощущал столь простые истинны, если он не познал средства и цели политики отца своего, то *Ирой* сей долженствовал очень быть ограничен во своем просвещении; если же напротив того ни что из онаго не избежало его проницания, и он не мог при том воздержать свои желания; то он был бешеный, коего людям ненавидеть должно.

Дарий давал *Александру* десять тысяч талантов и половину своего владения, и *Парменион* думал, что благоразумно будет не отвергать сии предложения. *Я бы на оныя согласился*, сказал он, *если бы я был Александр; и я бы*, отвечивал *Александр*, *если бы я был Парменион*. * Сему не смысленному ствету удивлялися для того, что оной означает некоторым образом весь *Александров* нрав, и представляет разуму безпредельное властолюбие и мужество. *Филипп* согласился бы с *Парменионом*, и заключая мир с *Дарием*, он испытал бы по крайней мере составить владение, коего чрезмерное пространство не было бы непреодолимою препоною к его благоденствию и сохранности.

Разсматривая под единым видом сих двух государей, какое между ими находишь чрезмерное неравенство! В *Филиппе* вижу я мужа превыше всех произшествий. Щастье не может ему противопоставить препон, коих бы он не предвидел, и которые бы он не превзошел своею мудростию, своим терпением, своим мужеством или своим проворством. Я обретаю в нем разум пространный, коего все предприятия совокупны и взаимную себе придают силу. Исполняемое им, приготовляет всегда успех начинаемого им предприятия. В *Александрѣ* вижу я только непонятнаго воина, единым средством действующаго, коего дерзкое и нетерпеливое мужество разсекает везде гордианский узел, которой бы *Филипп* развязал. Безмерие его качеств объемлет воображение, и кажет его великим, для того что разсматривающим его он дает возчувствовать слабость их духа: вместо того, чтобы токмо объятым быть сим редким явлением, мы оному удивляемся.

Вообразим мы себе *Филиппа* во *Асии*, вождем *Греческих* войск. Если мудрость его не столь великий сперва в *Дария* вселит страх, как изступление *Александрово*, но она его доведет до тоя же цели. Смелость *Александрова* для того была ему удачна, что возбудила в неприятеле его боязнь, сию страсть разум стесняющую, застужающую воображение, и обременяю-

* У *Кв. Курция Александр* отвечает *Пармениону* следующими словами: *и я бы лучше возлюбил деньги, нежели славу, если бы я был Парменион: но я Александр, бедности не боюся и помню, что я не купец, но царь*. Сии слова суть несколько *Пармениону* уничижительны и побуждают думать, что *Александр* не самаго лучшаго о нем был мнения.

щую все душевные силы. *Филипп* окружил бы *Дария* ловитвами и стремнинами. Он бы воспользовался распрями Азии, коея земли, различествующия нравами, законами и верою, ни малаго между собою не имели сообщения. Он бы искусил властолюбие и сребролюбие сих гордых и алчных Сатрапов, управляющих землями сего государства не будучи прилеплены к его правлению; он бы торговал их города; и как уже сказано, ведучи войну как купец и как воин, он бы разорил может быть Персидскую Монархию, не побеждая *Дария* оружием.

Поставь *Александра* в те же обстоятельства, в коих находился отец его, то увидишь *Македонию*, не изнемогшую еще совсем под несмысленностию последних своих царей, раздавленою Александровым мужеством. Если единый из его неприятелей захочет воспользоваться его немощию и замешательством его дел; то он бросится к отмщению не уготовя оное. Здесь не нужно будет проходить все щекотливыя обстоятельства, в коих *Филипп* находился; я напоминаю только осады *Перинфы* и *Византии*: *Александр* мог ли бы поступить так как он.

Наконец он покинул Греческие или Македонские нравы и восприял нравы Персов. Некоторые писатели, желая соблюсти славу сего Ироя, возмечтали что сия перемена была действие его политики, и что он помышлял чрез то приобрести доверенность варваров для подкрепления своей державы. Но хотя бы сие было в самом деле тайное Александрово намерение, сию перемену произведшее, то меньше ли будет грубо его заблуждение? Угождая Персам, благоразумно ли было претить Македонянам? Давая победителям нравы побежденных, он их устраивал погибель, он делал ее неизбежною; да и думают, что *Александр*, не ведая сея простыя истинны, почитал повреждение и уничтожение Македонян основанием своего могущества. Азиатцы, обыкшия под самодержавством пресмыкаться, должныствовали оковы носить с послушанием. Единые Греки достойны были блюдения. Храбры, воинственны и ревнители вольности, они покусились свергнуть Македонское иго, в то время как *Александр* исполнял Асию ужасом своего имени; а терпеливые и послушные Персы, под рукою их угнетающею, ни когда не мыслили взбунтоваться: какое им было дело до жребия их повелителя? Перемена, возложившая *Дариев* венец на главу *Александра*, не была перемена для государства, оно в том же оставалось положением.

Какия бы нашли Персы выгоды, говорит один славный политик, лучше повиноваться роду *Дариеву*, нежели *Александру*? По что им хотеть было отмщевать погибель государя, коего они любить не должныствовали. Кому удастся, продолжает *Махиабель*, свергнуть с престола государя самодержавнаго, тот не боится, заступая его место, что у него отнимут его хищу. Победенный повелевал людьми робкими, кои не

будут столь мужественны, чтобы за него отмстить. Он един всею владел властью; и ни кто по его падении не будет в народе довольно иметь доверенности, чтобы его вооружить, быть его вождем и покуситься опровергнуть щастие победителя. И в самом деле, властолюбие то Македонских полководцов, а не Персов непослушание, произвело при Александровых преемниках великий ряд превращений.

Перемена сего государя была истинное повреждение, произшедшее от чрезмернаго щастия для единого человека. Он одержал победу при *Иссе*, и душу еще имея отверстую только страсти завоевания, он не мог однакож воспретить себе, чтобы не быть ослепленну богатствами обретенными в *Дариевой* палатке, и чтобы не сказать тем, кто с ним были, что сие то было то, что называть должно царствовать. О как по сем слове, *Ирой* кажется мне обыкновенным человеком! Щастие произнесло плоды сокрывавшагося в сердце его семени повреждения. Обладая всем, *Александр* восхотел наконец оным наслаждаться. Не политика была причиною, что он сжег *Персеполь*; предался сладостям трапезы; собрал во дворец свой три или четыреста наипрекраснейших женщин своего государства, которые всякой вечер приходили испытывать над ним власть своих прелестей; и восхотел, не почитая себя более уже человеком, чтобы придворные его творили ему то же богослужение как *Вакху* и *Ираклию*.

Не взирая на то, что говорит *Плутарх*, не должно мнить, чтобы сей *Ирой* помышлял о тесном сопряжении разных земель своего владения, дабы составить единое тело, вечно жить долженствующее. *Диодор* сохранил нам оставшия *Александровы* записки, в которых заключалися предприятия, кои он хотел произвести в действие. Там упоминалося о новой надгробной чести, которою он воздать хотел *Ефестионову* воспоминению, о возведении *Филиппу* гробницы, которая сравнилася бы с *Египетскими* пирамидами, о созидании разных храмов, о войне в *Африке*, в *Испании*, в *Сицилии*; а для произведения в действо сего намерения, он хотел сооронить тысячу кораблей величиною превосходящих обыкновенныя галеры, и уготовить пристани для сего флота долженствовавшего овладеть средиземным морем. *Александр* назначал средства к населению новых городов им построенных, и намерение имел послать во *Асию* поселян *Европейских*, а в *Европу* *Асийских*.

Ни что в записках сих не являет намерения основателя твердыя монархии; они содержат только предприятия человека тщеславнаго, людей удивить хотящаго, и властолюбца не утомляющагося деланием завоеваний. Покорением ли новыя земли утверждается пространное государство? Какое *Александр* оказал почтение правосудию? Какия были его старания в основании правления? Почему можно в нем познать разум законодателя? *Александр*, говорит один славный писатель, оставил по-

бежденным их гражданские законы, а иногда и их правление; он не прикоснулся древних преданий и всех знамений славы и тщеславия народов.* А из онаго позволяется ли заключить что *Александр* был законодатель? Довольно ли того к достижению имени законодателя, чтобы не разрушать все законы и правления покоренных народов? *Александр* был бы не смысден, если бы не чувствовал невозможности дать в единый день новые законы половине света. Должно ли его осыпать похвалами, для того, что не имел он несмысленного зверства некоторых завоевателей, кои не мнили царствовать, коли не наложат всем законам молчание во своем присудствии. Сия мудрость, коей удивляются в *Александре*, бывает не редка; да и варвары, овладевшие Римскою Империею, оную имели. *Александр*, поспешая всегда к новым завоеваниям, не имел времени давать законы. Почто разрушать ему знамения славы и тщеславия народов? Чрез то сделался бы он ненавистным без всякаго плода; чрез то затмил бы он честь имени побежденных и помрачил бы славу своих побед.

Правда, что *Александр* построил города и учредил в завоеванных землях Греческия поселения; но для чего делать честь его политике делами его тщеславия? Завоевания его находились ли между народов безпокойных, непослушных и воинственных, которых бы должно было содержать в порядке гарнизонами и крепостьми? Преселенные Греки и Македоняне в *Персию* и *Египет*, не удобнее ли были подать пример бунта, нежели повиновения? И в самом деле *Александр* помышлял только о воздвижении знаков своея славы. Сии города им построенные, сии поселения им учрежденные почитал он трофеями, кои Греки, по своему обыкновению, воздвигали на местах одержанной ими победы.

Как обрящем мы разум и намерения законодателя или политика, великое будущаго пространство объемлющаго, в государе, которой не токмо не учредил наследие своего владения и не предварил бедствиям от властолюбия наперстников его произшедшим; но который напротив того предвидел с некоею радостию их распри, и взирал на их междоусобныя брани, как на игры надгробныя, коими они почтят его похороны? Не подавал ли он к начатию оных знака, называя преемником своим достойнейшаго ему наследовать. *Александр* мнил может быть, что для сохранения его славы надлежит преемнику его не столь быть могущественному как он, и чтобы из единаго его государства возрасли многия знаменитыя монархии.

Конец третья книги.

* *Монтескью о разуме законов.* Том I. Кн. X. Гл. XIV. Об *Александре* Великом.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Состояние Греков по смерти Александра и при его преемниках. О начале, нравах и законах Ахейского союза. Римляне начинают вмешиваться во Греческия дела; Греция становится Римскою провинциею.

Ужас распростертый Александровым именем, удивление его особе великим множеством Иройских качеств вперенное, и некоторое изступление, войско его оживляющее, были единыя связи, стеснившия в единое тело все части Македонския империи. Сей государь царствовал краткое время; а как он умер, тогда владение его очень еще ново было, чтобы в нем были обычаи силу законов имеющия. Всяк знает, что *Пердикку*, коему *Александр* умирая вручил свое кольцо, препоручено было правление государства. На престол возведены были во единое время *Аридей* сын *Филиппов* и в пеленах еще находящийся младенец, коего *Александр* прижил с *Роксаною*; правление же Сатрапов препоручено было знатнейшим полководцам.

Не возможно было, чтобы в сем правлении не произошла перемена в скором времени. Военский Александров Стан не был училищем, где бы можно было научиться быть правосудным и умеренным; а наместники Ироя почитавшаго мужество и силу законными титулами к царствованию везде, где были люди, должныствовали быть упоенными властолюбием. Возможно ли им было повиноватися долгое время власти младенца или несмысленнаго *Аридея*, которой им столь же казался презрителен, как *Александр* велик? Ограничивая власть свою во своих Сатрапствах, они бы разслабили правления пружины. Вероятно, что при царствовании *Александра* не имели ни малаго понятия о сих мудрых установлениях, коими власть ограничивается, для предупреждения оныя злоупотреблений; а хотя бы таковая политика им и была сведома, каким бы образом мог правитель оную употребить в дело? В *Пердикке* было то порок, коего ни что не могло исправить, что он был наровне со градодержателями провинции: если бы они боялися его власти, то бы они ей завидывали и старалися бы от оныя освободитися, если же они ее не страшилися, то им должно было ее пренебрегать. Угрозы *Пердикковы* были тщетны людям могущим во своих землях собирать войски; обещания же его их мало трогали, для того что от властолюбия своего они большого ожидали счастья, нежели от своей ко правлению верности.

Хотя градодержатели, боясь сделаться ненавистными, не дерзали возстать противу законных власти, однако же всякий делал себе во своем Сатрапстве правила правления, располагая по своим частным корыстям. Всякий имел свои войска и свои крепости, и отрицался давать отчет в данях и податях собираемых его подчиненными. Подданным быть не захочеш имея царския силы и богатства. Сатрапы сопряглися между собою союзами, а *Пердикк* со своея стороны принужден был вступать в переговоры, дабы сохранить правительству хотя тень власти: словом, Македонская Монархия, по виду еще соединенная и составляющая единое тело, разделялася в самом деле на разные независимыя единое от другаго государства, и единое другому завидующия.

Антигон, коему на долю досталася *Памфилия*, *Ликия* и великая *Фригия*, был из всех вельмож тот, коего властолюбие наинетерпеливейшим образом мир сносило. Он непрестанно *Пердикка* представлял мучителем, старающимся под тщетными видами отнять у вельможей земли их правлению порученныя, а на место их поставить своих наперсников, дабы по том безпрепятственно погубить обоих царей и завладеть престолом. Подозрения, ненависть, дух возмущения и независимости столь усилилися, что *Пердикку* не можно было иначе сохранить власть ему препорученную, как уничтожая своих совместников; сие надлежало сделать для примеру; он собрал свои войска и отправился с великою силою, дабы покорить *Египет*.

Жестокостию и гордостью своими стал он ненавистным собственным своим воинам; а противное ему счастье при начале сего похода возмутило их противу его. Поведение его сравнивали с поведением *Птолемя*, который своим благоразумием, своим мужеством, своим правосудием и человеколюбием привлек к себе во *Египте* равно любовь и почтение. Военачальники соделали всеобщий бунт; а по убиении *Пердикка*, войска хотели отдать правление самому *Птолею*, с коим они войну имели.

Сей государь, ибо можно уже начинать давать ему сие название, хотя он еще онаго не принял, отрекся благоразумно от сана, коего он не мог соблюсти преимущества, не становяся неприятелем всех правителей провинций; которые, оставляя ему мнимую и спорную власть над всею *Александровою* Империею, лишили бы его, вероятно, *Египта*. Правительство всея Империи вручено было *Аридею* и *Пифону*, начальникам бунта погубившим *Пердикка*; но или ради частых своих дел, требующих присудствие сих двух мужей во другом месте, или удрученны будучи тягостию своего сана, они оной возложили на *Антипатра* Македонскаго градодержателя, пришедшаго из Европы во Асию с войсками, дабы учинить диверсию в пользу *Птолемя*, и напасть на *Евмена* и на других полководцов оставшихся с *Пердикковой* стороны.

Столь же искусен, как *Птолемей*, *Антипатер* не жертвовал счастьем, коим он наслаждался, корыстям правлению всея Империи. Зная намерения бунтовщиков чрез сообщение, которое он имел с ними, он разсудил, что распадение *Александровой* монархии было неизбежно. Он видел опасность отпасть от древних союзов, для составления союзов новых и сомнительных с *Пердикковыми* друзьями; и покидая общия дела Империи, он хотел, казалось, царствовать только в *Македонии*; вместо того, чтобы усмирять возмущения во *Асии*, он их почел способными ко утверждению своея власти в Европе; он усугубил оныя, отнимая у *Евмена*, *Алкита* и у других полководцов земли, которыя они имели, и отдавая их наиглавнейшим *Пердикковым* неприятелям: единые не таковы были, чтобы покинуть вверенныя им земли, если то повелит Империи правитель, а другим должно было стараться всяким образом, дабы овладеть оными. *Антигон* поставлен был вождем войск, которыя оба цари имели во *Асии*, не столько для того, чтобы власть их была почитаема, как для разрушения оныя; а *Кассандр* сын *Антипатров* был его наместник. Между тем как властолюбие сих двух мужей новыя возмущало распри, войну и блиское распадение *Александровых* завоеваний, правитель Империи перешел паки во Европу, имея под смотрением своим обоих царей, которые некоторым образом были его пленники.

Греки благоразумно бы поступали, если бы для возвращения своея вольности, они дождались, чтобы первыя несогласия, о коих я теперь говорил, и кои легко предвидеть можно было, стали явны во *Асии*. *Фокион* употребил все к удержанию стремления, с коим *Афиняне* восхотели воспрять оружие, получив известие о *Александровой* смерти. Если *Александр*, говорил он им, мертв сего дня, то он и завтра и после завтра будет мертв. Но *Македонское* господство уже наскучило; Греки чувствовали, что соделали проступок не предупреждая *Дариева* падения, и хотели неосторожность свою наградить отвагою. *Демосфен*, возвращенный из ссылки, явил, с обыкновенным своим красноречием, срам и зло порабощения; а *Афиняне*, почитая трусостию, что за несколько лет назад не подали помощи *Спартянам* и Царю *Агиду*, погибшим сражаяся за вольность Греции, предались восторгу своего *Вития*.

Республика объявляет войну *Македонии*, повелевает, чтобы все города освобождены были от находящихся в них чужестранных гарнизонов, строит флот, вооружает всех граждан, коим не было сорока лет, и посылает послов во всю Грецию, побуждая ее ко свержению ига общими силами. С *Афинянами* вступили в союз *Етолиане*, *Фессалиане*, *Фтиоты*, *Мелсане*, жители *Дориды*, *Фокиды* и *Локриды*, *Ениане*, *Алиссиане*, *Долопы*, *Афаманты*, *Левкадиане*, *Молоссы*, некоторыя места *Иллири* и *Фракии*, а в *Пелопонисе* *Аргиане*, *Сикиониане*, *Елеане*, *Мессениане*, и жители *Актеи*. *Леосфен*, вождь сего совокупления, одержал

победу над *Антипатром*, которому не осталось другого убежища, как укрыться с остатками своих войск в *Ламию*, где союзники его осадили.

Между тем, как Греки радовались, не имел ли *Фокион* права говорить, чтобы он очень был доволен, если бы выиграл ту баталию, которая покрыла *Леосфена* славою; но чтобы стыдился, если бы он ее дать присоветовал. Чего надеялись союзники? Бунт их против Македонской Империи, коея части еще были совокупны и управляемы мужами достойными наследовать *Филиппу* и *Александрю*, не могло быть иное что, как возмущение за кое они жестокою казнь воспримут. В самом деле, едва известие о *Леосфеновой* победе дошло во Асию, как *Леонат*, градодержатель *Еллеспонтския Фригии*, спешил перейти в Европу с дватцатью тысячами воинов. Сие на помощь пришедшее войско было так же разбито *Антифилом*, которой восприял предводительство над Греками по смерти *Леосфена* убитаго при осаде *Ламии*; но *Клит* сооружал уже великий флот, а *Кратер* Киликийский градодержатель вел к *Антипатру* тысячу воинственных Персов, тысячу пять сот конницы и десять тысяч Македонян, кои большая половина была с *Александром* во всех его походах.

Македония тем легче отмстила первые свои уроны, что союзники, будучи столь же наглы по своих двух победах, как был дерски начинающая войну, мнили, прежде нежели старались о утверждении своей вольности, что уже оную возвратили. Войско их было со всем разбито; и смятение последовало смелости, как *Антипатр* объявил, что он не вступит в переговоры об общем мире; но что выслушает послов, кои пришлются к нему от каждого города, каждого особо: те, которые первые сделали предложения, восчувствовали победителево милосердие; а сего уже довольно было, чтобы рушить Греческий союз. Каждая республика спешила договориться на щет других, а Афиняне, положив оружие позже всех, были принуждены оставить *Антипатру* власть предписать мирныя условия. Он переселил во *Фракию* дватцать две тысячи граждан, которых не имея никакого иждивения, всегда готовы были возмущаться противу теперешняго правления. На место народнаго правления учредил он Аристократию, а в *Мунихиской* крепости оставил Македонской гарнизон. Но хотя бы сей вождь и вспомогательные войски, присланные к нему *Леонатом*, *Критом* и *Кратером*, много раз еще разбиты были, то не несомнительно, чтобы к нему новыя из Азии присланы были войски; и что разслабевшая Греция своими победами, и неимеющая уже ни единыя из древних своих добродетелей, принуждена бы была наконец принять закон от победителя.

Если же бы напротив того Афиняне дожидались, чтобы взбунтоваться, того времени, как распри Александровых наместников явны будут; то бы они могли надеяться привлечь во свой союз многих республик, которых, предвидя бедственные

следствия *Ламийския* войны, остались посредными или верными *Македонии*. *Антипатр* помощи из Азии не получил бы, для того, чтобы все градодержатели имели нужду во своих войсках. Греки имели бы ту выгоду, чтобы напали на *Македонию* в такое время, когда во оной не было войск; ибо не для чего сомневаться, чтобы *Антипатр*, долженствуя сопротивлягися *Пердиккову* властолюбию, и помогать *Птолемееву* и *Антигонову* бунту, коего успех всем нужен был властолюбцам, не пошел во Асию при первом известии о начавшейся там войне. Вся Греция столь же бы тогда была для них опасна, как были *Етолиане*, коих дружества и союза *Антипатр* и *Пердикк* на прерыв просили, сколь скоро начались первыя замешательства.

Успех в сих обстоятельствах бесплоден бы не был; и Греки, вспооществуемые и подкрепляемые против *Македонии* согласною с Империею партией, возвратили бы и укрепили свою вольность. Напротив того смятенные тщетным усилением ко свержению ига, и обезсиленные казнию воспоследовавшею им за их возмущение, они ни малаго у самих себя не обрели убежища, как война возгорелася между *Александровыми* наследниками. Они были чрезмеру уничижены, чтобы с ними стали поступать со удовлетворением; а республики, подавшия подозрение стяжания независимости, были тот же миг удручены. Греция стала тогда войны позорищем; и была всегда жертвою, каковы произшествия ни были. Города, сохранившия доселе хотя вид вольности при прежнем образе их правления, были хищею тысячи мучителей заграбивших верховную власть, пользуясь смятениями *Александрову* Империи тревожащими, о коих я говорить буду столько, сколько нужно будет для объяснения положения Греции.

Антипатр не долго пользовался своим возвышением; и вместо того, чтобы при смерти своей вручить общее Империи правление и частное правление *Македонии* своему сыну, он вверил оное *Полиперхонту*. *Кассандр*, негодуя на мнимую несправедливость отца своего, сгорал во мщении и жаждал завладеть царством, кое он своим почитал наследием; но будучи доселе всегда в нижних чинах, у него не было ни денег, ни кораблей, ни войск. Сокрывая свое властолюбие, и показывая себя довольным своим жребием, он тайно вступал во Египте со *Птолемеем* в переговоры, старался привлечь на свою сторону *Селевка*, Вавилонскаго градодержателя, и просил помощи у *Антигона*, который победив *Алкита*, *Евмена* и *Аттала*, стал некоторым образом повелителем Азии. Сии государи стараяся усугублять замешательства, содержащия их в независимости, тем более долженствовали радоватися, видя *Кассандрово* властолюбие, что *Полиперхонт* отвергся *Антипатровой* политики. Или новой правитель прельстился мнимую властью своего сана; или следуя некаким должности правилам, он был прилеплен к корыстям обоих царей, что явился другом *Пердикковых* сообщников; а заграбители,

дабы ему отомстить, дали *Кассандру* войско, и привели его в состояние соделать предприятие на *Македонию*.

Полиперхонт предвидел войну ему угрожающую; и опасаясь, чтобы гарнизоны, поставленные *Антипатром* в выгоднейших местах Греции, не приняли *Кассандрову* сторону, повелел, чтобы все республики, кои по окончании *Ламийския* войны *Аристократическое* восприяли правление, имели отселе *Демократическое*. Он им повелел возвратить изгнанных, изгнать своих градоначальников, и клятвенно обещаться никогда ни чего не предпринимать противнаго корыстям *Македонии*. Правитель думал, что Греция, обязанная ему возвращением своея вольности, прилепится к его жребию, и будет *Македонии* оградю; но повеление сие умножило токмо беспорядки, возобновляя изгнаний и ссылок обыкновение. Города, востревоженные новыми распрями, не могли воспрять образ какого либо правления, и безначальство вселилось во всю Грецию.

Однако же худо утвержденный во своем правлении *Полиперхонт* принужден был оное оставить приближающуюся *Кассандру*; он укрылся со своими войсками в *Пелопонис*, взяв с собою извлеченное богатство из сокровища царей *Македонских*. Он принял во свою службу всех Греков, которые в следствие многих обращений не имея ни отечества, ни иждивения, другаго не имели убежища, как служить за деньги какому-либо полководцу, и коим *Филипп* сказал, что война есть мирное время.

Между тем, как правитель Империи был в *Пелопонисе* подобен бродяге, а *Македония* ежедневно новыя испытывала превращения, в коих весь *Александров* род погиб наиплачевнейшим образом; *Антигон* разбил *Евмена*, *Алкита* и *Атгала*, и разсыпал последние остатки сообщников *Пердикка* и правления. По таковых успехах, вождь сей стал повелителем Азии; но единая *Александрова* монархия могла удовольствовать его властолюбие. *Кассандр*, *Птолемей*, *Селевк* и *Лисимах* были его совмestники, на счастье коих он взирал со скорбью. Или считая в *Македонии* найти наиблистательное мужеству своему ристалище, в разсуждении приобретенной ею при *Филиппе* и *Александрe* славы, или думая, что земля сия даст царям своим право на отделенныя от нея части; *Антигон* вознамерился объявить *Кассандру* войну прежде всех.

Желая приобрести приятельство *Полиперхонта*, он ему послал войско на помощь, дабы сей мог укрепляться в *Пелопонисе*; но дабы в то же время привлечь Греческия города на свою сторону, он повелел им быть вольными, и освободил их от удручающих их чужестранных гарнизонов. Сын его *Димитрий Полиоркит* ходил два раза во Грецию для произведения в действо сего повеления. Сей юный Ирой хотя и отнял у *Птолемея* большую часть городов, где он имел гарнизоны, и выгнал *Кассандра* из тех, кои он занял; но Греки тем счастливы не были; войски, опустошающия их землю, лишали их вольности, кою им

безполезныя усвоявали повеления; а вся их выгода (если только то выгода есть) состояла в том, что они переменили иго, и зрели злодеев своих по чреде друг друга терзающих, и взаимно наказывающихся за свое властолюбие.

Кассандр, видя себя из *Македонии* изгоняема, вывел *Птолема*, *Селевка* и *Лисимаха* из слепоты, в коей они находились, и показал им, что опасности в коих он находился, были для них общия, и что их падение последует за его падением. Он им представил, что *Антигон* был чрезмеру властолюбив, дабы *Македонию* сделать пределом своих завоеваний; и что теперь то уже время, или никогда оно не будет, соединиться противу сего удручителя. Сии четыре государя сопряглися, и славное *Ипское* сражение решило на конец *Александрово* наследство твердым образом: разбитый *Антигон* потерял в сем сражении жизнь, а неприятели его разделили его владение.

Греция узрела бы себя освобожденну от сей тьмы мучителей ея удручающих; или по крайней мере она бы начала чувствовать некоторыя выгоды мира, под покровительством *Македонских* царей, коим она на долю досталася, если бы она не была суждена быть феатром странных приключений государя, над коим, казалось, счастье хотело истощить все свое своенравие. *Димитрий Полиоркит* собрал из остатков отцовскаго счастья только *Тир*, остров *Кипр*, и несколько весьма ограниченных владений на брегах *Асии*; но ему оставалися еще его властолюбие, мужество и надежда; а со времен *Александра* сии то и были титла ко стяжанию царствия. Он вошел во *Грецию*, где имел друзей и сообщников; и между тем, как предводительствуя войском бродяг его достойных, он делал завоевания, то потерял свои другия земли. Счастье наградило его за оныя; распри, возставшие между *Кассандровых* сыновей за его наследство, отверзли ему путь к *Македонскому* престолу. Изгнанный из онаго царства, по семилетнем правлении, безпокойность его переселила его во *Асию*, для снискания новаго государства, и сыну своему *Антигону Гонату* он покинул там силы, коими он держался во *Греции*. Сей то был оный государь, который, по повествованию историков, не довольствуясь учреждением *Аристократии* вместо народнаго правления, поставил во всех почти городах мучителей, или явил себя покровителем всех желавших заграбить верховную власть во своем отечестве. С их помощию, он сделался столь силен, что по смерти *Сосфена* он овладел *Македониею*, утвердился во оной и покинул ее своим наследникам.

Греция, неотринувшаяся еще надежды быть вольною, но всегда новыми колеблема превращениями, долженствовала, казалось, бояться токмо властолюбия *Александровых* наследников, как узрела покрытою себя бурей, воздвигшеюся на другом конце *Европы*. На пределах *Фессалии* явились двести тысячъ *Галлов* под предводительством *Бренна*. Сии варвары не имели другаго намерения, как жить грабежем, и брать со вся земли

так сказать контрибуцию. Издревле природная беспокойность Галлов выводила их из их земли, и Греция со ужасом еще напоминала их прежнее опустошение *Фракии*, *Иллирии* и *Македонии*. Страх был общественен всем Грекам, общая корысть должествовала их соединить; но плачевное состояние многих республик связывало им руки, и ко изгнанию сих новых неприятелей восприяли оружие согласно токмо *Веотиане*, *Локриане*, *Етолиане*, жители *Мегары* и *Фокиды* и *Афиняне*.

Галлы, перешед безпрепятственно *Сперхии*, поставили стан свой близь *Ираклии*; а во сражении их со Греками видно было все превосходство воинскаго распорядка, упражнения и искусства над зверским мужеством ведающим токмо не бояться смерти. Галлы, говорит *Павсаний*, сражались с великим жаром; смелость начерталась на лицах умирающих, и многия извлекиши из ран своих стрелы, смертельно их ранившия, метали еще оныя в неприятеля.

Сие разбитие и другое, которое они испытали спустя несколько дней, когда они хотели ворваться в *Фермопильское* ущелье, *Етолианами* защищаемое, не отвратило их от их предприятия. *Бренн*, отрядив от своего войска сорок тысяч человек, послал их во *Етолию*, дабы принудить ее возвратить своих воинов; но сия диверсия не отверзла бы ему внутренности Греции, если бы *Ираклиоты* утомленные зрением, что земля их служит войне позорищем, не показали Галлам дороги, которою прошли некогда Персы во *Ксерксовой* войне. Густой туман способствовал им в пути, и они напали нечаянно на *Фокиан* защищавших *Фермопилы*, сие прославившееся место храбростию *Леонида* и трех сот *Спартян*. *Фокиане*, не ожидавшие сего нападения, защищались сперва с великою храбростию; но наконец принужденны будучи уступить множеству, под коим они изнемогали, нанесли бегучи ужас на Греческий стан, который тот же миг разбежался, не дерзая ко стыду своему дожидатися неприятеля.

Галлы подступили к *Делфским* стенам, а *Аполлоновы* жрецы спасли Грецию. Они взбудили *Делфиан* мужество, обещая им чудесныя от бога их помощи, и счастье исполнило их обещание. Во время ночи возстал ужасная буря, гром многократно низпал в Галлской стан, и место, где он стоял, почувствовало землетрясение. *Етолиане* и *Фокиане* не сомневаяся, чтобы *Аполлон* за них не сражался, напали на уstraшенных Галлов при восходе солнца. *Бренн* ранен, воины его разбежались, наконець ночь их остановила; и объятые ложным ужасом, они перебили друг друга, думая, что защищаются противу Греков. Гонимые голодом, не осмелилися остановиться в *Ираклийском* своем стану, и были разбиты в другой раз переходя *Сперхии* *Етолианами* и *Фокианами*. Тогда *Бренн* следуя своему отчаянию принял яд, а остатки его войска погибли в засадах, соделанных им *Малианами* и *Фесалианами*.

Могло бы случиться, что Греки, ревнуя всегда ко своей вольности, и наконец познав, чрез великое множество непрерывных бедств, истинныя свои корысти, были в состоянии опомниться, воспринять древнюю свою политику и соединиться; если бы какой народ имея добрую славу, оказал всей Греции такая услуги, какия ей оказали Етолиане во время войны с Галлами. Случай казался быть к тому удобном. Силы Александровых наследников гораздо менее были ужасны, нежели силы *Александра* и отца его; дух властолюбия и завоевания их уже не оживотворял, с тех пор, как *Ипской* бой ввел любовь мира на место древних распрей. Государи, Асию между собою разделившие, старались более наслаждаться своим счастьем, нежели оное усугублять; а *Македония*, во прежния свои пределы приведенная и утомленная бедствиями, из Александрова счастья произросшими, не была уже управляема государем, подобным *Филиппу*. Мучители, возставшие во многих Греции округах, боялися своих сограждан, от чужестранцов же едва ожидали покровительства. Наконец естественно было, чтобы разбитие Галлов возвратило Греции чрезмерное на себя самое надеяние, и чтобы республика ее спасаая, пользуясь своим мужеством, составила новый союз; но нравы Етолиан чрезмерно были свирепы, чтобы Греки могли на них положиться и почитать их вольности покровителями. Чем более Етолиане великия делали дела, тем более соседи стали их опасаться; они столько же ненавистны были, как Галлы; они соблюдали сей дух грабежа и разбойничества, истребившийся во других Греках при составлении правильных обществ.

Етолиане, говорит *Полибий*, походят более на диких зверей, нежели на людей. Правосудие, право, союзы, договоры, клятвы суть для них суетныя имена, кои они презирают. Привыкнув жить грабежем, они тогда только щадят своих союзников, когда неприятели довольствуют их сребролюбие. Сколь долго Греция единую составляла республику под правлением *Спарты*, то разбойники сии, населяя бесплодные поля на берегу моря, между *Акарнании* и *Локриды*, делали набеги только на *Македонию*, *Иллирию* и на те острова, которые малое с твердою землею имели сообщение. Они возсмеляли увидя Греков ослабевших домашними войнами; и ограбя сперва некоторыя части *Пелопоннуса*, например, *Ахею* и *Елиду*, начали в скором времени опустошать весь сей полуостров; и пользуясь союзом, который они по том всегда имели с некоторым из Александровых наследников, разсыпалися по всей Греции и соделовали наивеличайшия грабежи и мучительства.

Чудное действие сего страннаго своевольства, сцепляющаго дела человеческия, или лучше сказать, слепоты смертных, долженствующих бедством изучатися своя должности, и быть по неволе несчастием стремимым ко счастью! Етолиане оказали Греции услуги самими своими насильствиями и неправосудием; для того, что не хотя быть их жертвою, наизнатнейшия города

Ахеи положили между собою основания союза, которой, казалось, возобновил древнее Греции правление. Достигши Ахеи до той степени, на коей прежде сего находились во Греции *Лакедемон* и *Афины*, надлежит описать нравы, законы и успехи.

Ахея, так как и другия земли Греции, имела сперва полководцов или царей. Сии государи были *Орестова* поколения, и род их соблюл венец до сыновей *Огига*, кои став ненавистными, изгнаны были из своего владения. Тогда Ахеяне начали быть вольны. В городах ея были одинаковые весы, одинаковыя меры, одинаковые законы, одинаковый дух и одинаковыя корысти; однако же каждый из оных составлял независимую республику, имеющую свое правление, свою землю и своих градоначальников. Различие введенное градоначальством между граждан исчезло; не было уже более благородных преимуществами гордящихся; и общее народа собрание имело в каждом городе верховную власть. Сие народное правление, столь бурное во всей Греции, не произвело в Ахеи ни малаго беспорядка, или для того, что законы основаны были на мудром равновесии, так что оставляя градоначальникам довольно власти, дабы заставить себе повиноватися, мало им оныя оставили, дабы делать из оных злоупотребления; или для того, что Ахеяне, подверженные всегда набегам *Етолиан* своих соседей, не имели досуги думать о домашних распрях, и что общий совет их союза прилагал наивеличайшее старание ко предупреждению и утушению оных при их рождении.

Каждая из их республик отинулася преимуществва частые заключать союзы с чужестранцами, и все условилися, чтобы чрезмерное равенство было основанием их союза, а чтобы могущество и древность какого либо города не давала ему преимуществва пред другими. Они учредили общий сенат всея нации, который собирался два раза в год в *Егионе*, в начале весны и осени; и составлен был из равнаго числа депутатов от каждая республики. Сие собрание определяло войну или мир, делало союзы, давало законы, частной ея порядок учреждающие, посылало послов или принимало оных, как присланных к Ахеянам. Если случилось какое важное дело в то время, как сенат не присудствовал, то два Претора созывали оной не в очередь. Сии градоначальники, коих власть год продолжалася, предводительствовали войсками; и хотя они ничего не могли предпринять без согласия десяти комисаров, совет их составлявших, однако же они казались некоторым образом хранителями всея народной власти, сколь скоро сенат, где они первенствовали, не был в собрании.

Ахеяне не желали ни приобретать великих богатств ни сделаться ужасными своими подвигами; они стяжали мрачное благополучие, для коего то, вероятно, люди и сотворены. Сенат их, принужденный согласовать поведение свое с разумом всея нации, был не властолюбив, и для того правосуден без принуж-

дения. Любовь его ко правосудию делала его почтенным, и соблюдала ему славу быть не редко судиею возставших распрей в Пелопонисе, и в других землях Греции и даже у чужестранцев.

Как сей народ не был подозрителен ни Филиппу ни его сыну, то сии государи сохранили их законы, его правление, я скажу почти его вольность; но он не избегнул бедств испытанных Грециею при их наследниках. Ахейские города почувствовали удары частых превращений тревожащих Македонию; единые приняли гарнизоны от Полиперхонта, Димитрия, Кассандра, и после того от Антигона Гоната; другия узрели мучителей из недр их возрастающих. Различие их счастья дало им разныя корысти, повелители оныя имели часто противныя, и весь союз рушился.

Однако же Дим, Патр, Тритя и Фар, пользуясь счастливыми обстоятельствами для свержения ига, возобновили свой союз; и будучи в состоянии противитися Етолианам, положили основание втораго союза, который не взирая на теперешния Греции пороки предположил себе первый союз образцем и восприял онаго нравы, законы и политику. Егиане, освободясь чрез пять лет от гарнизона их удручавшаго, соединились с сею рождающеюся республикою, усилившеюся совокуплением Карниан и Вурян побивших своих мучителей. Некоторые Пелопониския города просили из милости быть принятыми в сей союз; другия ждали, чтоб им показали их корысти, или чтобы даже соделали им род насилия, коим они по том очень были довольны.

Между тем, как Македония, занятая внутренними делами, на Греческия дела слабое обращала внимание, Ахейский союз, говорит Полибий, весьма бы мог усилиться, если бы онаго градоначальники воспользовались сими обстоятельствами с большим искусством и мужеством. Или усмирение Греков и их распри заставляли обоих Преторов думать, что дерзко или по крайней мере бесполезно будет возобновить древния правила; или завидя друг другу, не могли они произвести важнаго в действие предприятия: и для того в бесплодном пребывали недействии. Союз сей не присоединил к себе ни единого вновь народа, и не прежде восприял новый вид, усугубляя число своих союзников, как когда, сделав щастливую ошибку, вверил правление всех дел единому Претору.

Чрез четыре года, после сего преобразования правления, Арат освободил Сикион, свое отечество, от мучителя Никоклея оным овладевшаго, и соединил оный с Ахейским союзом. Превосходныя качества сего великаго мужа возвели его на Претуру; уверенные Ахеане в его честности, мнили что не погрешат противу правил благоразумия, коли сделают, так сказать, его сан вечным; и он явил Греции позорище совсем странное. Не побуждаемые ни властолюбием ни жаждою завоеваний, Ахеане объявили некоторый род войны всем Пелопониским мучителям. Они напали нечаянно на некоторые города, их освободили, и по-

читали, что довольную воспримут мзду за убытки и опасности своих предприятий, если сопрягут их с обществом, в коем они наслаждались тою же независимостию и теми же преимуществами, как города издревле союзные. Многие мучители ненаходя себя в безопасности, по смерти *Димитрия* царя Македонскаго, им покровительствовавшего, сложили власть свою самовольно.

Взирая на незапную перемену в *Пелопонисе* приключившуюся, взирая на знаменитую степень, на кою взошли *Ахеане*, всяк сказал бы, что Греческие народы, заразившись новою к вольности страстию, и научившись испытанием, достигали до счастливаго мгновения, в коей они единую токмо республику составят; но зависть и пронырство *Лакедемона* и *Афин* тому воспрепятствовали; оскверненные и хотя низшедшия с вышния степени ради своих пороков, сии оба города соблюдали еще свою древнюю гордость, и со рвением терпели, что *Ахея*, столь прежде сего пред *Лаконию* и *Аттикою* низившаяся, хотела занять место, которым они тщетно паки овладеть старались. Умеренность *Ахеян*, столь удобная привлечь им Греции почтение и доверенность, возторжествовала бы на конец над всеми препонами, если бы сей народ по примеру древних Спартян знал искусство сотворять полководцов, и мудрый и строгий воинский порядок. Никогда республика, желающая возвыситься над Грециею, и быть точкою соединения всех ея народов, не имела столь нужды во процветании воинских качеств и добродетелей; но любовь *Ахеян* к миру побуждала их насаждать с большим старанием должности гражданския, нежели свойственныя качества военному человеку. Некоторый род нерадения воспрещало им составлять смелыя предприятия; а как казалось, что они не полагаются на свои силы, то и другим они посредственную внушали смелость. Огранича себя на исполнение более верных, нежели блестящих предприятий, они не возбуждали сие удивление, кое столь нужно было для отвращения Греков от их зависти, и для свержения боязни и обезумения, к коим их приучили бедственные времена, *Александровы* подвиги и могущество его наследников.

Арат, коего можно почитать творцом вторичнаго *Ахейскаго* союза, весьма способствовал к соблюдению сего духа. Он был, говорит *Полибий*, наиспособнейший человек ко правлению дел в республике. Преизящная точность разсуждения побуждала его ко принятию наилучших средств во гражданских мятежах. Умея удовлетворять различным страстям тех людей, с коими он вступал в переговоры, он говорил с приятною осанкою, умел молчать, и знал искусство приобретать друзей и прилеплять их ко своему жребию. Искусен во привлечении сообщников, в поставлении неприятелю сетей, и в нечаянных на онаго нападениях, ничто не могло сравниться с его проворством и с его мужеством во произвождении и во исполнении сего рода предприятий. *Арат*, столь превосходный муж в таковых делах, был предводительствуя войском человек посредственный: не реши-

телен, когда явную силу употреблять должно, незапная робость заграждала некоторым образом действие его разума; и хотя он наполнил *Пелопонис* знаками своих побед, однако же мало было полководцов, имевших менее его к войне способности. *Полибий* долженствовал бы прибавить, что *Арат* отдавал себе справедливость, и чувствовал, предводительствуя войском, свое замешательство. Он сам в том признавался, история оное повествует; и свойственно было, чтобы он обращал все свои мысли к миру, дабы не прити в замешательство, и чтобы он в *Ахейнах* питал боязни чувства, кои произвели их союз.

Дабы предварить опасностям, которые *Ахейнам* уготовляли не воинственные их учреждения, имея же при вратах своих опаснаго в *Македонском* царе неприятеля, ожидающаго удобнаго случая их поработить; *Арат* употребил в пользу соперничество, господствовавшее между *Александровых* наследников. Хотя властолюбие сих государей казалось удовольствовано разделом по *Ипском* бое воспоследовавшим; но они непрестанно друг другу недоверялись. Друг за другом они примечали, с сею беспокоящею политикою тревожащею ныне *Европу*. Всякой из них хотел распространить свое владение, и воспретить другим новья делать приобретения; они имели нашу политику о равновесии. *Египетский* и *Сирский* дворы более всех наблюдали движения царей *Македонских*, которые, почитая себя истинными *Александра* наследниками, думали, что все отпадшия от его *Империи* земли, должны им принадлежать; и намерялись их привести паки под свою державу, как скоро порабощение всея *Греции* подаст им способ собрать оныя силы, и принять то же намерение, которое имел *Филипп*, а в действо произвел *Александр*.

Сии державы с веселием взирали, что *Пелопонис* не только не подвергался игу, но соделовал еще союзы вольности его способствовавшие, и что противяся *Македонии*, он им служил защитою. Они долженствовали покровительствовать *Ахейнам*; *Арат* оное почувствовал, и заключив союзы с *Египетским* и *Сирским* царями, он заставил *Антигона Гоната* и его сына *Димитрия* себя бояться и почитать.

Сколь сия политика благоразумна ни была, однако далеко от того было, чтобы *Арат* мог *Ахею* почитать совсем в безопасности. Могло случиться, чтобы покровители или союзники *Ахейскаго* союза между собою поссорилися, или будучи заняты некими важными делами, они принуждены были нерадеть тогда о делах *Греции*, когда *Пелопонису* наибольшая нужда была в их помощи. Вольные народы, коих правление не совсем есть *Демократическое*, имеют во своих правилах и своем поведении некоторый род постоянства, служащаго предписанием и *компасом* их союзникам и их неприятелям, и утверждающаго на определенной точке их боязнь и надежду; но самодержавные государи не внемлют часто как своей воли, а воля их всегда

бывает колеблющаяся; иногда почитают они корысть своих страстей корыстию своего государства, а страсти их превращаются и переменяются по воле обстоятельств и особ их окружающих. Случай мог бы возвести на Македонский престол царя действие любящаго, воинственного, и предприимчиваго, а *Египет* и *Асия* повиновались бы владельцам ленивым и робким: какія бы бедства угрожали тогда Ахейской республике! Но могло случиться и то, чтобы Македонский царь уловя союзников Греции представил им их корысти под ложным видом, купил бы, так сказать, подарками Египетских и Сирских Министров и полководцов, и уготовил бы таким образом завоевание *Пелопониса*. Кто может предвидеть все своенравия счастья и все государств опасности? И в самом деле в *Пелопонисе* явилось такое нечаянное приключение, которое принудило *Арата* переменить политику: сие была перемена произшедшая в *Лакедемон* при царствовании *Клеомена*.

Уже в сем городе давно не видно было нималейшаго следа древних нравов. Царь *Агид*, желавший возобновить *Ликурговы* законы, воздвиг противу себя всеобщий бунт; а плачевная его смерть, коею Спартяне наказали его добродетель, увенчала, казалось, их осквернение. Но *Клеомен* не обезмужал от онаго, и властолюбие побудило его предпрять то, что *Агид* умыслил из ревности к общему благу. Он уничтожил долги, сделал земли новой раздел, а выведенные им из бедности граждане, коим он подавал надежду ко приобретению великаго иждивения, обещавая им добычу, сделанную над соседними народами, объялися неким изступлением. *Лакедемон* восприял новый вид; вторично явился он населенным воинами, коих мужество и смелость побудили их вождя сделать предприятие достойное его властолюбия и дарований; и *Клеомен* обратил все свои силы против Ахейян, завладевших владычеством в *Пелопонисе*.

Арат почувствовал тот же миг, что Сирскому и Египетскому царям не было столько нужды защищать Ахейский союз противу Спартской республики, как против *Македонии*. И в самом деле, то мало до них касалось, который из Пелопонисских городов возвысится по чреде над другими, а только бы *Македония* оставалася во прежнем своем состоянии. Да может быть им и должно было способствовать той республике, которая приобрев паки свою славу, явилася бы гораздо достойнее Ахейскаго союза соединить Греков противу *Македонии*, и вспомоществовать их независимости.

Да хотя бы *Арат* и надеялся на покровительство своих союзников, то бы много прошло между тем времени, как бы он послал послов, и вступал бы в переговоры, а проворный, прилежный, неутомимый *Клеомен* вел бы в то время войну стремительно, и не терял бы ни единого мгновения. Положим, хотя и не вероятно, чтобы Сирский и Александрийский дворы поспешили подать Ахейнам помощь; то мне кажется, чтобы *Арат*

весьма поступил неосторожно, если бы призвал в *Пелопонис* их войска. Сие уже очевидно, если не ошибаюсь, чтобы *Македония* не равнодушно возрила на пришествие своих во Грецию неприятелей; являя в сем случае боязнь или бессмысленное равнодушие в разсуждении жребия *Пелопониса*, побудила бы она чужестранцов к соделанию поселений и к нанесению войны даже в недры *Македонии*. Хотя бы *Антигон Дозон* и сердечно желал мира, однако ему должно бы было прити на помощь к *Спартянам*; частная война *Лакедемонян* с *Ахейянами* сделалась бы общею войною между *Александровых* наследников; а держава, превозмогшая другия, употребила бы свое превосходство к удручению *Спартянской* республики, *Ахейскаго* союза и всего *Пелопониса*.

Мне кажется не можно довольно хвалить *Арата*, прибегнувшего к покровительству самой *Македонии* в опасных обстоятельствах, от чего зависило *Ахейя* спасение. *Плутарх* иначе рассуждает. «*Арат*, говорит он, долженствовал лучше уступить *Клеомену*, нежели наполнить *Пелопонис* вторично *Македонянами*. Каков сей государь ни был, но он происходил от *Ираклия* и родился в *Лакедемонии*; да *Пелопонисским* жителям пристойнее бы было повиноватися последнему из *Спартян*, нежели *Царю* *Македонскому*».

Плутарх, сей великий живописец славных мужей, коих он начертал жизни, но посредственный иногда политик, не легко ли убеждает себя, что возможно было побудить *Ахейя* признать над собою власть *Клеомена*? В сем полагатися надлежит на *Полибия*, почти современного историка, наивеличайшия имевшаго сведения о делах войны и мира. Он нам повествует, что сей государь, став ненавистным всей *Греции*, почитался по справедливости мучителем своего отечества и злодеем своих соседей: тщетно сообщники его старались оправдать его примером *Ликурга*, соделавшаго иногда *Спартянам* мудрое насилие, дабы преобразить их нравы и законы. В сем законодателе являлся отец отечества, забываяй во своем предприятии сам о себе, дабы помышлять единственно об общем благе, и старатися соделать своих сограждан столь же добродетельными, каков он был сам. Напротив того *Клеомен* начал свое преобразование отравлением *Евридама*, своего на царстве сотоварища. Он мучительно отнял у сенаторов их власть, соделал других, которым он оставил тщетное токмо титуло; он погубил *Ефоров*, и пользуясь, как творец сея перемены, властью ею ему данною, сделался в отечестве своем самодержавным; буде он издал несколько мудрых законов, то в оном поступил он как мучитель несправедливый, притворяющийся и вероломный.

Если бы сей государь подобен был несходственному своему образу, *Плутархом* начертанному, и возобновил бы в самом деле *Ликургово* в *Лакедемонии* правление; то бы не токмо он не восхотел поработить *Ахейя*, но желал бы быть приобщен их союзу,

и был бы наивеличайший муж во Греции. Но если сребролюбивый, властолюбивый, ядодатель *Клеомен* являлся Грекам осквернен такими пороками; то я желал бы, чтобы *Плутарх* нам открыл таинственное средство, коим бы он вместо *Арата* побудил города Ахейского союза отрещися своей вольности. Какая Пелопониским народам была в том польза, что Спартяне прежнее восприяли мужество, и воинский порядок, если сии новыя добродетели должныствовали служить токмо орудием *Клеомону* властолюбию? *Лакедемон* долженствовал тем ненавистнее быть своим соседям.

Или *Плутарх* не знал, что народ никогда по воле своей не оставляет свою независимость, и что он скорее сам над собою поставит мучителя, нежели станет повиноватися хотящему похитить его вольность? Таково есть течение страстей в человеческом сердце. К тому же Ахейский союз был составлен из великаго числа таких городов, которые бы захотели лучше погрестись во своих развалинах, нежели отрещися вкоренившейся в них ненависти к Спартянам: да и тогда бы со трудом оную отложили, когда бы *Лакедемон* восприял паки под десницею втораго *Ликурга* все свои древния добродетели. *Полибий* повествует, что *Мессения* и *Мегалополь* хотели, отделяясь от союза, прибегнуть к покровительству *Македонии*. Не должныствовали и все другия Пелопониския города иметь почти таковую же политику; для того, что *Клеомен*, обещавая уничтожить долги, и новыи в землях им завоеванных учинить раздел, воздвиг противу себя граждан, имевших тогда в *Пелопонисе* наибольшую власть.

Что наиболее всего возбудило в *Плутархе* противное сему мнение, то было сие; что по конечном разбитии *Клеомена* и Спартян при *Селасии*, *Антигон* названный *Досон*, правитель *Македонии* во время малолетия *Филиппа*, сына *Димитриева*, наложил некоторым образом на *Пелопонис* оковы. Народы Ахейского союза взирали без сомнения с безпокойствием на *Филипповы* гарнизоны в *Коринфе* и *Орхомине*; и вольность их от онаго претерпевала; но довольно ли сего побуждения, чтобы обвинять *Арата*? Были ли бы жители *Пелопониса*, полагаясь на совесть *Лакедемона*, вольнее и счастливее? *Македонский* двор не нарушил ни их правления, ни законов и оставил им их градоначальников; а властолюбивый *Клеомен* не употребил ли бы напротив того с наглостию во зло свое превосходство.

Арат был единый из наивеличайших мужей во древности; но таков то есть жребий правителей народов, что их часто судят, не взирая на то, что политика, повинуюся течению обстоятельств, узы на нее полагающих, не зрит во круг себя, как токмо преткновения, и выбирать долженствует токмо между бедствиями. *Арат* побудил слабую свою республику противитися *Клеомену*, прибегнуть к единому средству, кое могло предварить ея погибели; он удерживает ее на краю пропасти, воспрещает ей в оную упасть; а его порочат, что Ахеяне, соблюдая свою воль-

ность, принуждены были иметь снисхождения ко двору Македонскому.

Как уже пороки, кои Греции не были более чужды, воспрещали ей воспринять паки сие мудрое правление, устроившее некогда ее блаженство и могущество, то надлежит союз Ахейн с Антигоном Досоном почитать наисчастливейшим для Греков и Македонян произшествием, если мы обратим внимание наше на войну, возставшую вскоре по том между двумя наимогущественнейшими в мире народами, которая, уготоля повелителя языкам, долженствовала новья для них соделать корысти.

Между тем, как Греция обращала внимание свое на позорище, явившееся ей приходом Карфагенцов во Италию, и колебалася между Ганнибаловым духом и духом Римския республики; она еще не предвидела, что сама будет сея войны жертвою. «Колико бы желать должно было, говорил Агелай Навпактский, чтобы боги вселили в нас чувства союза и согласия, дабы соединив наши силы, отечество наше не подвержено было наглости варваров! Не надлежит быть великим политиком, дабы предвидеть, что победитель, хотя Рим, хотя Карфаген, не ограничит владычество свое на Италию и Сицилию. Там не велико пространство для его властолюбия; он обратит оружие свое на наше отечество. Если туча, грядущая к нам со западу, над нами разверзется, то смотрите, можно ли будет противиться сей буре. Не в нашей уже воле будет вести войну по произволу или договариваться о мире; мы должны будем повиноваться».

Для оправдания истиннаго Агелаева опасения довольно бы было явить здесь Римский дух; разыскать причины величества сего властолюбиваго народа, возшедшаго из наиподлейшаго состояния до величайшия степени, который побуждаем будучи пружинами своего правления к расширению, не прежде прекратить долженствовал свои победы, как когда бы покорил всех или сам бы побежден был своим счастьем. Римляне стяжали в самом деле всеобщую Монархию, все их установления делали ее воинственным народом, спокойствие ненавидеть долженствующим; для того что война не токмо его не истощевала, но неким чудесным образом усугубляла его силы и средства. Они с рождения своего обыкли вмешиваться в дела долженствующие по виду казаться до них не касающимися; не возможно было быть их соседями, и не сделаться их неприятелями, или их подданными, под именем союзников; а властолюбие их всегда скрывалось под завесою правосудия, умеренности и великодушия: меры взятыя ими для покорения Италии, Сицилии и Сардинии, являли то, что они соделают усугубляя свои силы, и что сии по побеждении Африки нападут на Грецию и на Македонию.

«Ни Греция ни Македония, говорил Агелай, не могут никогда каждая особо противиться силам победителя. Нам твоя помощь нужна, продолжал он, обращая речь к Филиппу, для

подкрепления сил наших противу варваров. Тебе боги велят покровительствовать нашей вольности: пользуйся их милостию; но защищая Греков, помни что для самого себя трудишься, помни, что царство твое обрящет по своей чреде во дружестве их нужные средства ко своему величеству. Вся твоя политика долженствует состоять в чистосердечии. Если Греки подозревать будут, что ты для того защищаешь вход в их землю чужестранцам, дабы предоставить себе оныя завоевания, то я предвещаю, что уже все пропало. Устрашенные наши города не убоятся вступить в союз с варварами; а удовольствие тебе отмстить устремит их ко своей гибели, единственно для того, чтобы и тебя погубить».

Филипп, наученный советами *Агелая*, коему просвещение разума открывало будущее, долженствовал бы в столь обоюдных обстоятельствах быть вторым *Фемистоклом*: хотя бы он имел дело не со *Ксерксом*, не с *Мардонием*, и не с Асийскими воинами, однако же Римским легионам противопоставил бы он людей могущих привести их во удивление, и может быть положить пределы из завоеваниям; если бы он продолжал поступать по мудрым и умеренным правилам, прославившим начало его царствования, и *Антигоном Досоном* ему данным.

Природа, говорят историки, соединила в *Филиппе* все качества, честь престолу делающия. Разум имел он острый, пространный, и пронизательный. Иройская храбрость тем удобнее могла привлечь ему сердца, что он совокупял с нею сие прелестное нравиться искусство, плод приветливости, соединенный со властью и с великими дарованиями. Славу любил он страстно, и мнил, что она не может совокупляться с неправосудием. Мудрая умеренность отдаляла все подозрения, которые бы Греков принуждали его опасаться. Все сии добродетели исчезли во один день; что было явление, если можно так сказать, тем удивительнее, что сей государь будучи давно уже окружен подлецами, не могущими возвыситься иначе, как соделовав своего государя столь же презрительным, каковы они суть сами, имел, казалось, уже и нрав и качества испытанные.

Дмитрий Фарский возбудил Филиппово властолюбие, представляя ему завоевание *Италии* весьма легким предприятием после *Канскаго* сражения. По его мнению Римляне не могли возстановить своих уронов; *Карфагенской* же республике, будучи столь худо управляемой, не возможно было утвердить над побежденными своего владычества, и соблюсти свою хищу, если *Филипп* оную у них отнять восхощет. Сей государь, упоенный *Димитриевыми* обнадеживаниями, престал радеть о своих истинных корыстях, и с тех пор каждый его поступок была погрешность. Вместо того, чтобы, пользуясь превосходством своим над *Етолианами*, ему их надлежало привести в несостояние нарушать спокойствие *Греции* и царствовавшее тогда согласие между *Пелопониса* и *Македонии*, он снискивал их дружество, и сде-

лался подозрительным, вступая в союз с народом, ненавистным всей Греции: странный поступок! Поссориться со своими соседями для того, что намерение имеешь завоевать землю отдаленную.

Если *Филипп* мнил, что могущественный дух *Ганнибала* разрушит Римскую республику, то ему надлежало бы дожидаться для произведения своего властолюбивого умысла, пока *Италия* подвластна станет купцам, *Ганнибал* умрет, и *Карфагенцы* не будут более опасны. Если же, напротив того, он не надеялся на успехи сего вождя, и посредством основательнейшаго сведения Римскаго правления, нравов и политики, он судил, что их прибежища превосходят их уруны, что их надлежит истребить, если хочет воспретить им быть обладателями мира, то без сомнения должно ему было, совокупляясь с *Ганнибалом*, помогать ему всеми силами и употреблять в пользу его все способы, которые бы сам *Карфаген* употребить долженствовал.

Но Римляне, сведав о его союзе, ему грозили; чего он убоясь, прешел из чрезмерных бодрости в боязнь чрезмерную, видя же к тому, что они в величайших бедствиях соблюдали величайшую надежду, и уже полупобежденные имели мужество делать нападения на его земли. Он возкаялся о своем предприятии, онаго совсем не покинул, и впал в новыя погрешности, желая исправить прежния. Если он вздумает приготовляться к войне и прити в защитительное противу Римлян состояние; то позабывает мудрые *Агелаевы* советы, думает, что для усугубления своих сил надлежит сперва поработить Грецию, а сим безумным поступком соделовае себе новаго злодея.

Каждый *Филиппов* поступок умножал его замешательства и его опасности. Он ищет причин, дабы покорить Грецию; досадует на царствующую в оной тишину, возбуждает смятения и возобновляет древния распри. Между *Мессенян* возстали домашния неустройства; или вы не имеете законов, говорит он богачам, что вы не можете укротить дерзость черни? Или у вас нет рук, говорит он народу, что вы не свсрзите своих мучителей. Он повелел отравить *Арата*, *Евриклида* и *Микона*; чрез что пришел у всех в омерзение, и союзники его стали ему злодеи. *Ахеяне*, со всею своею терпеливостию, взбунтовались; и под предводительством столь великаго полководца, каков был *Филопмен*, последним из Греков названный, и поставивший *Епанимонда* себе примером, они защищали вольности свою с большим мужеством, нежели Греки онаго ожидать дерзали. *Филипп*, коего надежда вся исчезла, зрел, что *Италия* отходила от *Карфагенцов*; он не может покорить Греков, боится мщения Римлян, и несчастья его столь много его ожесточили, что следуя токмо гневу и боязни, он стал наконец от отчаяния наискарденнейший мучитель.

Римская республика соблюдала еще строгость нравов, столь могущественною ее соделавшую, как *Етолиане*, *Ахея* и *Афины*

просили ее отомстить за них *Филиппу*. Обогащенный Рим Карфагенскою добычею мог наиразточительнейшая войны сносить убытки. Затворенное в народной казне ее богатство не ввело еще повреждение в жилище граждан: союз наитеснейший царствовал между ими; бедствия, коими угрожал им *Ганнибал*, новую придали токмо силу пружинам правления. На конец Римляне уверены были, что они все возмогут своею терпеливостию, своею любовию ко славе, и мужеством своих легионов. Сколь бы кто малое сведение ни имел о второй Пунической войне; но чувствовать должно, сколь велико было неравенство между силами *Македонии* и силами Римския республики, от части Греками вспомоществуемой: и для того то *Филипп* был побежден и принужден согласиться на условия уничижительнаго мира, чрез которой он лишился городов занятых им во Греции, остался без кораблей и истощил свою казну.

С тех пор Римляне начали употреблять над Греками сию искусную и мудрую политику, обманувшую и поработившую толкое число народов. Под видом, что они хотят возвратить каждому городу его вольность, законы и правление, они запретили им вступать в союзы и привели Грецию в несостояние иметь единую корысть и соединиться. Римская республика начала над Греками господствовать чрез самих Греков; она вознамерилась их сперва соделать подлыми и разслабить, дабы тем легче ей было удручить их силою оружия. Она соделала себе во всяком городе сообщников, осыпая благодеяниями граждан, держащих ея сторону: История соблюла имена многих из сих мерзских людей, вещавших (будучи почреде осудители в Риме сограждан своих и сооружатели мучительства своему отечеству), не быти во Греции другаго права, других законов, других нравов и других обыкновений, опречь воли Римлян. При малейшем несогласии республика предлагала свое ходатайство, дабы приучить Греков признавать ее судиею; говорили всегда о мире, для того, что она желала иметь исключительное преимущество начинать войну; давали советы, дерзали иногда отдавать приказы; но всегда во удобных случаях, и сокрывая свое властолюбие под покровом общаго блага.

Етолиане обещавали себе, вспомоществуя Римскому оружию, против *Филиппа* великия выгоды; но в воздаяние за оное принуждены были или более не тревожить Грецию своими грабительствами и в бедности погибнуть, или привыкать к работе, и награждать честным промыслом зло, миром им причиняемое. Почитая себя поверженными несносным мучительством, умыслили бунт; но не надеясь без чужия помощи свергнуть Римское иго, они послали несколько из своих граждан к Сирскому двору, дабы побудить *Антиоха* к восприятию оружия противу Римския республики. Разбитие сего государя отняло у него малую Асию; а Греки, оставшияся без прибежища, стали со всех сторон окружены Римским могуществом.

Первый плод сего выигрыша для победителей было разорение Етолиан. Римская республика даровала им мир, но с таким условием, чтобы они всегда находились в готовности служить под ее повелениями, и никогда не давали помощи ея неприятелям, ни неприятелям ея союзникам. Етолианский союз заплатил Римлянам двести талантов, и обязался дать им еще триста через шесть лет. Он выдал им сорок из своих знатнейших граждан, которые посланы были в Рим, и ему не дозволено было выбирать других бо свои градоначальники, как из сих Аманатов. Города, порицавшие союз его с Антиохом, объявлены были вольными. Наконец Римляне отдали Акарнанианам, во мзду их верности, город и землю Ениадов. Не в силах будучи более обижать своих соседей, Етолиане, говорит Полибий, обратили лютость свою противу самих себя, и их домашния неуройства побудили их к наижесточайшим насилиям. Сей народ отмстил наконец сам себе за свое безчеловечие противу Греков, и во всей Етолии не видно было инаго, как только неправосудие, смятение, смерть и убивство.

Греки ревнуя всегда ко своей вольности, но день ото дня становясь менее вольными, познали соделанный проступок, что прибегнули против Филиппа к покровительству Римския республики; хотя отмстить злодею, коему они могли противиться, они поставили над собою властителя, коему они должны были повиноваться. С радостным узрели они восторгом, что Персей покушался изступить из унижения, в коем его содержали Римляне; но сей дерзкий и боязливый государь был побежден так, как Филипп отец его, и с ним поступлено было столь же жестоко. Он украсил торжество Павла Емилия; престол Филиппов и Александров уничтожился; Македония, покорившая целую Асию, стала Римскою провинциею; победители переселили оныя жителей из единого места во другое, дабы она была послушна; и Греция со ужасом узрела образ жребия ей уготованного, если дерзнет возстать против такой республики, которая начиная терять свои нравы, начинала уже не почитать более своих законов, и которую безпредельное щастие побуждало употреблять во зло свою власть.

Римский сенат навик призывать к себе на суд те города, между которыми случались несогласия; он им давал токмо совет, он был их токмо третьейской судия; но Греки возчувствовали, что им не повиноваться было преступление. Среди сего всеобщаго порабощения единый Ахейский союз дерзал являться вольным: он без согласия сената учреждал внутренния свои дела, и заключал союзы; он мнил, что имеет еще права; твердил об оных ежечасно; но был однакоже столь благоразумен, чтобы не дерзать почти оными пользоваться. «Если то, что Римляне от нас требуют, говорили по словам Филопемена знаменитые в народе своем Ахеяне, сходствует с законом, со правосудием и договорами с ними нами заключенными, то да неукоснем

оказать им мудрое снисхождение; но если требования их оскорбляют нашу вольность и наши обыкновения, то да покажем им причины, ради коих мы им не повинujemyся. Представления, прозбы, неоспоримое право, все ли будет бесплодно? Поставим богов свидетелями неправосудия, нам соделоваемаго; но и тут да повинujemyся и уступим насилию, или лучше сказать необходимости».

Сие смешение повиновения и твердости, боязни и мужества делало Ахеян подозрительными; но Римская республика мудростию своею, во предварении наималейшим опасностям, сооружала ежедневно великость своего жребия. И для того боялася, чтобы Ахеян гордость, оставаяся неукрощенной, не сделалася во Греции заразительною и не возбудила бы в оной воспоминание древния ея независимости. К тому же она на столь великую взшла степень возвышения, и все народы столь были пред нею уничиженны, что она уже не различала представления от бунтов. Жалоба щиталася непочтением; и все честные и добрые Ахейские граждане осуждены были законом о изгнании оставить свое отечество.

Сей строгости пример долженствовал было истребить в *Пелопонисе* даже надежду вольности; но он напротив того озлобил всех. Стали жаловаться, стали роптать без меры; и якобы хотели навязать к бунту приучая себя презирать Римлян, разгласили во всей Греции, что владычество их было действие счастья. Сколь таковое мнение несмысленно ни было; но оно долженствовало утвердиться у народа тщеславнаго, почитающаго других варварами, и для того ласкающаго себя исключительным имуществом всех дарований. Ахеяне не укоснули быть жертвами их тщеславия. Римская республика, искавшая случая к их уничтожению, воспользовалася происшедшим несогласием между ею и Спартянами и назначила Коммисаров, которым, под видом суда, поручено было разслаблять Ахейский союз и отвлекать от онаго сколько можно более городов, а наипаче *Спарту*, *Аргос*, *Орхомен* и *Ираклию*.

Ахеяне дерзнули явить к Римским депутатам знаки презрения; но сия республика, коея политика столь хорошо умела устремить к погибели народ довольно мудрый, чтоб оныя удаляться, и под ложным видом подавать вспомошествоующую десницу тому, которой сам в оную низвергался, скрыла обиду, соделанную ея посланникам. Сенат назначил других Коммисаров, коим повелел поступать с великою ласкою, и токмо побуждать Ахеян возвратить свои войска и прекратить неприятельския действия, в Спартской земле ими начатыя.

Таковым поведением, по виду столь умеренным, они старались только обвинить *Ахею*, и оправдать чрезмерную строгость, которую они противу ея употребить хотели. Чем более они являли ложно удовлетворения и умеренности, тем более осмелившиеся Ахеяне оказывали гордости и наглости. *Дией* и *Критолай* правили тогда союзом; и *Полибий* описывает их двумя зло-

деями, коих владычество было безпредельное над всеми гражданами обезщеченными, и столь разоренными, что им нечего было терять в погибели отечества. Полагаясь на сих двух человек поверили, что притворная Римския республики ласка была плод ея боязни. Они уверили Ахеян, что занята будучи третию войною против Карфагенцов, столь могущественнаго народа, она сперва старалася обоязнить Греков пышным посольством; но как сей способ ей не удался, то она прислала новых послов, коих умеренное поведение являло, что Римляне не дерзали сделать себе новых неприятелей и каялися, что своими мучительствами они потрясли владычество над Грециею ими приобретенное, и от коего уже время настало им освободиться. «Рим трепещет, говорили они, и для того надлежит нам ныне или отрещися не возвратно нашея вольности, или пользуясь сим последним случаем, оною защитити и утвердить». Таковыя чувства вселилися во все сердца, и вторыя Римския посланцы столь же неудачной имели успех, как и прежняя.

Метелл, повелевавшей тогда в *Македонии*, употребил все ко истреблению заблуждения Ахеян и к побуждению их к повиновению; но все его усилия были безплодны, наконец послал он против их легионы. Ахея со своей стороны приготовилася уже к войне; войски сошлися в *Локриде*, и не взирая на знатный урон претерпенный Ахеянами, они не отчаялися еще своего спасения. *Критолой* был убит; *Дисей* товарищ его собрал остатки разбитаго войска, и вооружая даже рабов, мнил что в состоянии будет противиться еще счастью Римлян.

Метелл, дошед до *Коринфа*, делал непрестанно предложения о мире, как *Муммию* вручено было войск предводительство. Сей Консул столь же известный во Греции грубостию своего нрава и своим неведением художеств ее прельщающих, как жестокостию, с коюю он поступил с нею, разбил совсем Ахеян; коих смятение после сражения столь же было велико, как была дерзка к себе доверенность, с коюю они в оное вступили.

Надлежало, чтобы избегшие Римскаго меча сокрылися в *Коринф*: и защищая город, который был ключь *Пелопониса*, сделали довольно сильное сопротивление, чтобы можно было сдаться на честный для них договор, или оправдать дерзость вложившую им в руки оружие. Но смятенные солдаты, будучи столь близки от своих победителей, побежали в беспорядке внутрь *Пелопониса*, и большая часть *Коринфян*, пришед в равномерный с войском ужас, сами оставили свой город. *Муммий* предал оный граблению своих воиннов. Все оставшиися тут граждане погибли мечем; жены, девицы, дети, все были проданы. Гордый *Коринф* превратился в пепел, а Греческая вольность погреблася в его развалинах. Римляне сломали стены всех городов, участвовавших в бунте. Они уничтожили везде народное правление. Словом, Греция потеряла свои законы и своих градоначальников;

а управляема будучи Претором, стала провинциею Римския Империи под именем Ахейския провинции.

Сей то был жребий народа наизнаменительшаго может быть вся древности, и коего слава возбудила, при самом его падении, в Римлянах зависть. Есть ли другой народ, коего бы история предлагала политическим размышлениям столь верныя и столь великое число правил, для всего того, что может соделать обществ благоденствие или бедствие? Со времен *Ликурга*, до того бедственного мгновения, как властолюбие возжгло войну Пелопонискую, ненависти и мщения не были непреоборимы; таковы то были их установления, что разум воспринимая паки в скоре владычество свое над страстьми, мир обновлялся прежде нежели немощь продолжать войну или надежда делать завоевания были почувствованы. Любовь к тишине, с любовью ко славе всегда сопряженная, не превратилась в сии щастливыя времена во праздную и томлящуюся леность, которая, возбуждая в их соседах презрение ко Грекам, соделала бы им неприятелей. Уготованные играми Греки к воинским упражнениям всегда могли защищать свое отечество; скорее бы они погибли, нежели бы снесли обиду; и некое то было чудо, что сии воинственные граждане не употребляли во зло ни своего мужества, ни своего воинскаго порядка, ни других своих превосходств против своих соседей, и не помышляли отнять у них имения.

Ни единыя во Греции не было республики, которая бы не прославилась. Я не упомяну о *Афинах*, *Коринфе*, *Аркадии*, *Всотии* и пр. Но кое общество явило когда разуму благороднейшее, величественнейшее зрелище, как *Лакедемон*? Более шести сот лет *Ликурговы* законы, превосходящие мудростию все данные законы человекам, были там наблюдаемы с наивышшею точностию. Который народ будучи столь прилеплен к добродетелям, как *Спартяне*, давал примеры столь великие, столь непрерывные умеренности, терпения, мужества, великодушия, воздержания, правосудия, презрения богатств и любви вольности и отечества? Читая их историю, мы возпламеняемся; если в сердце своем имеем хотя малое зерно добродетели, то дух наш воздымается, и хочет, кажется, изступитъ из тесных пределов, в коих нас удерживает повреждение нашего века.

Как ни старается единый из наиразумнейших в древности писателей, умаляя славу Греков, доказать, что их история заимствует наибольшее свое сияние от разума и искусства великих мужей оную писавших; но он в оном не уверит. Можно ли возреть на все тело Греческаго языка, и не признаться, что он иногда превышает силы человечества? Мы видим иногда целый народ, который бывает столь же великодушен, как *Фемистокл*, и столь же правосуден, как *Аристид*. Не признает ли *Саллустий*, что *Марафон*, *Фермопилы*, *Саламина*, *Платея*, *Микаля*, возвращение десяти тысяч и множество других подвигов произведенных внутри самыя Греции, во время ея междоусобных

браней, превышают хвалы историками им возданныя? Римляне победили Греков самими Греками. Но каково было бы счастье сих победителей, если бы вместо поврежденной Греции тьмою пороков и ослабевшей своими ненавистными и внутренними распрями, они бы обрели полководцов, воинов, градоначальников, граждан торжествовавших над Ксерксовым оружием? Тогда бы мужество противилось мужеству, воинский порядок воинскому порядку, воздержание воздержанию, просвещение просвещению, любовь вольности отечества и славы — любви вольности отечества и славы.

Чем более всех Греция хвалы достойна, то тем, что произвела наивеличайших мужей, коих история долженствует сохранять воспоминание. Я не изключу и Римскую республику коея правление столь удобно было воспламенять разумы, возбуждать дарования, и являть их во всем их сиянии. Кого сравнит она с *Ликургом*, с *Фемистоклом*, с *Кимоном*, с *Епаминондом* и пр. Можно сказать, что величество Римлян было действие всея республики; ни единый Римский гражданин не превышает своего века и мудрость государства, дабы новое принять намерение и новый ей придати вид. Каждый Римлянин не был мудр и велик, как мудростию правления; он следует пути проложенному, и наивеличайший человек подается токмо на несколько шагов далее других. Во Греции же, напротив того, я вижу часто сии обширные, могущественные, жиздительные разумы, стремлению обычаев противящиеся, различные недостатки государства исправляющие, новый себе путь отверзающие, и будущее ощущая овладевающие произшествиями. Греции не приключилось ни единого бедствия, которое бы за долгое время не было предузнано некоторым из ея градоначальников; да и многие граждане извлекли отечество свое из презрения, в кое оно впало и явили оное в наивеличайшем сиянии. Но кто из Римлян предвещал республике, что завоевания причинят ее падение? Когда правление разстроилось, когда Проконсулам давалась власть, долженствовавшая освободить их от ига законов, кто тогда из Римлян предсказал, что республика побеждена будет собственными своими войсками? Как *Рим* колебнулся во своем падении, кто из его граждан пришел к нему на помощь, и мудростию своею противился судьбине влекущей, казалось, оков гибель?

Как скоро Римляне лишились своей вольности, то они стали наискареднейшие рабы. Порабощенные Греки *Филиппом* и *Александром* не отчаявались еще возвратить своей вольности; и в самом деле они сделались не подвластны преемникам сих государей. Если во Греции возстали тысячи мучителей, то возстали в оной так же тысячи *Тразивулов*.

Угнетенная на конец тягостию своих несогласий и Римскаго могущества, Греция соблюла над своими победителями некоторый род весьма похвальнаго владычества. Просвещение ее и

склонность ко словесным наукам, философии и художествам отмстили, так сказать, за ее побеждение и покорили по чреде гордость Римлян. Победители стали ученики побежденных, и обучились языку, которой *Омиры, Пиндары, Фукидиды, Ксенофонты, Демосфены, Платоны, Еврипиды* и пр., украсили всеми прелестями своего разума. Витии, *Рим* уже прельщающие, шли во Грецию почерпнуть сей острый и разборчивый вкус, напредчайшее может быть дарование, и сии таинства художества, новую разуму силу придающия; словом, они шли научиться обавяющему дарованию все украшати. В училищах любомудрия, где наизнаменитейшие Римляне слагали свои предразсуждения, они научались почитать Греков; они приносили с собою в отечество свое благодарность и удивление, и *Рим* облегчал свое над ними иго; он боялся употребить во зло право победы, и своими благодеяниями отличал Грецию от других земель им побежденных. Колика слава для наук, что оне предостерегли землю, им учившуюся, от зол коих ее законодатели, ее градоначальники и ее полководцы не могли ее избавить. Оне отмщены за презрение, кое к ним являет невежество, и будут конечно почтены, когда случатся столь же правдивые ценители достоинства как Римляне.

Конец четвертая и последняя книги.

ОФИЦЕРСКИЯ УПРАЖНЕНИЯ

ЧАСТЬ I,

*содержащая упражнения пехотных Офицеров, от
Капитана до Прапорщика, в окружных местах
их гарнизона*

Переведено с Немецкаго языка

При Императорской Академии Наук, 1777 года

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Я за нужное нахожу объявить в сем предуведомлении причины, побудившие меня к сему сочинению; велико и пространно оно не будет, для того что я в оном говорить буду только об офицерах.

Если мы себе нижняго и средняго чину офицеров вообще представим в таком положении, в каком они теперь находятся во всех Европейских войсках, и из них выберем одного, котораго мы начнем рассматривать со вступления его в службу, и дойдем с ним до того достоинства, в котором он теперь находится; то мы удивимся, с каким он принялся равнодушием за сие важное ремесло, как мало он старался оному научиться, и как он исполняет онаго должности.

Мне случалось неоднократно слышать от достойных офицеров средняго чина, сколь они много сожалеют о своих молодых летах, в праздности препровожденных, а наипаче во время их службы в нижних чинах. И для того то я при нижнем офицерском достоинстве останавливаюся. Все на своей воле живущие молодые люди о себе нерадеют; но то уже непростительно, когда об них нерадеют и начальники. Следствия такового нерадения в воинском состоянии бывают ужасны и плачевны. Если кто паче чаяния захочет в сем ремесле быть искусным, тому конечно надлежит начинать с строеваго устава и других учреждений, в которых малая служба описана подробно. Буде же он захочет большее о сем ремесле иметь сведение, то переходит он чрез все средние офицерские чины, и старается приобрести знания полководцу подлежащая; с таким намерением читает он Фюкиера, Фоларда и проч. с величайшим вниманием: получает хорошия сведения, которыя ему впред, когда он изберется в полководцы, будут полезны; теперь же не знает, что с ним так как с офицером нижняго чина случиться может, что ему может быть препоручено, и каким образом он препорученное ему окончат с честью и с хорошим успехом. Сколь же мало число людей упражняющихся в том, что до войны касается. Вообще сказать, все мирное время проходит в праздности; а как война начнется, то часто случается, что находится более полководцев, нежели поручиков, капитанов и штаб-офицеров.

Сведения имеющие офицеры знают, как во время войны целые полки приходят в пренебрежение, незнанием некоторых нижняго чину офицеров, худо исполнивших препорученное им дело; равным образом как напротив того, полк приобретает

великую славу чрез хорошее и благоразумное исполнение препорученных экспедицій нижним чинам.

Я лишняго не скажу, если утверждать буду, что в том или другом полку едва найдется один нижняго чину офицер, который бы с надлежащею точностию препорученное ему исполнил. Многие из них, которым благополучно удалось окончить препорученное им дело, благодарить за то должныствуют случай, а многие погибают и дорого платят за свои ошибки, от незнания их происшедшия: прочие же пребывают в невинном состоянии, ни о чем многия лета не пекутся, а присбредают однако же название офицеров старых и заслуженых. Сие великое невежество, в коем нижняго и средняго чина офицеры стареют и седеют, происходит, по моему мнению, от двух причин: 1) что нет о военном искусстве книги, которая бы руководствовала поручику, капитану и штаб-офицеру, и показывала как они в таком или другом случае препорученное им по их чину исполнить могут. Все воинские писатели пренебрегают таковыя подробности, научающия офицеров нижняго и средняго чина: они дают наставления только полководцам; от того то и происходит, что несколько сведущий поручик разсуждает о действиях своего Генерала нарочито; а сам, если пошлется с тридцатью человеками в запасной дом за деньгами, или хлебом, и если ему сквозь неприятеля пробиваться должно, то не знает, что ему делать, и с котораго начинать конца. 2) В мирное время начальники и штаб-офицеры весьма погрешают, препоручая молодому офицеру какое нибудь дело, и оставляя онаго производство на его распоряжение и на удачу, не давая ему сперва наставления, а после не спрашивая его, каким образом он производил оно. Извинение, что теперь мирное время и что ему нечего опасаться, весьма дурно, для того что оно ложно, и довольнаго основания не имеет; ибо сколь скоро ружье в руках, то уже тогда война, в какое бы то время и при каком бы то случае ни было.

И для того, я думаю, полезно будет 1) никогда себе не представлять мира, а всегда войну, особливо же в то время, когда офицер отправляется в какую нибудь посылку. 2) А хотя и никакой посылки не случится, вымышлять таковыя приказы, отдавать их офицерам писменно, и сажая их в отделенные покои принуждать их ко сделанию на бумаге такого распоряжения, какое бы они сделали при настоящей посылке.

Какие бы при наступающей войне имел пред другими выгоды, полк составленной из таких знающих и испытанных офицеров; выгоды, коих место не заступит чтение Вобана, Клерака, Фюкиера, Фоларда и других подобных книг. Я скажу мнение мое прямо: мне кажется, что для двух вышеозначенных причин мы столь редко и видим сияние великих полководцев на воинском горизонте. Если молодой человек способность и склонность имеет к воинскому состоянию, то ему ко-

нечно надлежит начинать с малых службы; а что он отселе вдруг за Фоларда, Фюкиера и других подобных писателей принимается, то сие в самом деле называется перескакивать с одного конца на другой, а всю средину оставлять пустою. Я уверен, что сие невредно, но польза из онаго для военных людей очень мала, и почти ничего не значит. А если ити постепенно и наперед познать основательно те вещи, которыя нижняго и средняго чину офицерам могут быть поручены для исполнения, и при том читать великих воинских писателей; то я уверен, что тогда во всяких возможных случаях можно поступать по правилам непреложным и основательным.

Я сомневаюсь, чтоб один офицер, могущий хотя мало обозреть свое искусство, со мною не согласился в том, что я сказал в начале, то есть: *нижняя чина о себе не радеют, да и начальники не пекутся о них.* Несколько кратких примеров, из которых первые два до меня касаются, оное объяснят. 1749 года в мирное время был я послан из Берлина в Мунхенберг с тридцатью рекрутами. Мне не дали ни малейшаго наставления, сколь я молод и не испытан ни был. Утомлен летним зноем, остановился я с моим отрядом и рекрутами в Кепнинском лесу без всякаго порядка. Сей глупый поступок стоил мне одного рекрута, который тут ушел, ни малейшаго по себе не оставил следа. Ночлег мой был в Тасдорфе: я разставил отряд мой по крестьянам, в избу по четыре рекрута и по два солдата. От сей глупости потерял я еще двух рекрут, которые ушли в сию ночь. По возвращении моем посадили меня на две недели под караул; и сие было наилучшее для меня учение. По том в 1756 году был я в военное время послан за фуражем, для гренадерскаго баталиона, в котором я находился, в одну деревню Стольскаго уезда; при чем Комисариаг присил, чтобы приказано было посланному офицеру осведомиться, сколько в отстоящей от той деревни на полторы мили другой деревне можно найти фуражу. Сие также мне было препоручено: да к чему в войне не бывает офицер употребляем! Бог знает, как я оное исполнил; ибо в ту же зиму Генерал-Провиантмейстер сказал мне, что он из моего рапорта не понял ни слова.

Почти невероятно, чтобы пятнадцать лет служивший нижняго чина офицер, при Глокавском приступе в 1741 году, подвергая жизнь свою опасности, вскочил в сухой ров, для того, что в разпоряжении стояло: *Шестой плутонг гренадерскаго Кведскаго баталиона, которым тот офицер предводительствовал, имеет занять плац дарм, состоящий по левую сторону Люнеты, между Ииосифским и Непомуценским бастионами.*

Погиб ли бы и тот весьма хороший офицер, которому препоручено было захватить славнаго Варгоча, если бы он умел хорошо разпоряжать тридцатью или сорока драгунами, которые при нем были, да и тогда, как уже его пленник у него был в руках.

Можно ли поверить, что один очень знающий и испытанный офицер, которому одно ущелье занять было должно, оное занял с одной стороны при входе, для того, что близ живущий мельник закинул перед мостом рогатку; а все по ту сторону лежащее ущелье на тысячу шагов в длину простирающееся, покинул неприятелю, который по щастию оным не воспользовался. Генерал-Порутчик Н. Н. избравший сего офицера, не приметил сию грубую ошибку. Я более примеров не приведу, а предоставлю всем Военачальникам на рассмотрение, сколь нужно печися о изучении молодых офицеров в мирное время. Правда, что до селе не было надлежащих средств к начинанию и окончанию такового учения. Многие достойные штаб-офицеры оным бы воспользовались, если бы им начальное преподано было руководство. И так, дабы заменить сей недостаток, принял я на себя сей труд. Я сие сочинение не выдаю за совершенное, я доволен буду, если щастливо проложу путь ко приобретению лучших, нежели теперь имеем, офицеров. Возможно, что по отверстии пути, другой меня превзойдет, что меня однако же мало будет беспокоить.

Теперь остается мне назначить разделения, употребленныя мною при сем сочинении.

Часть первая, содержит в себе разные приказы и послышки капитанам и нижняго чина офицерам в близь лежащих местах их гарнизона. Дабы сии Феоретическия упражнения сделать практическими и оныя расположить по естеству вещи, то я все послышки превратил в настоящия приказы, которые каждому офицеру в отделенном покое дать можно, с тем, чтобы он писменное по оному сочинил распоряжение. А дабы штаб-офицеры могли экзамен без труда производить, как бы задачи решены ни были, худо или хорошо; то я при всяком приказе отменными буквами назначил, в чем долженствует состоять доброе исполнение каждого приказа.

Часть вторая, содержит в себе разные приказы капитанам и нижняго чину офицерам вне гарнизона.

Часть третья содержит в себе разные приказы капитанам и штаб-офицерам вне гарнизона.

Часть четвертая содержит в себе разныя великия движения, производимыя одним баталионом на 8 плутонгов разделенным. Таковыя движения могут производимы быть целым корпусом, поставляя на месте плутонг баталион, полк, бригаду или дивизию. Я с намерением здесь не упоминал о коннице, дабы тем не сделать в чертежах замешательства, а только пехоте предписать ея должности.

Я признаюсь, что подробности, в которыя принужден я был входить, мне очень наскучили; связь обстоятельств меня к тому принудила, да и попавши один раз на прямую дорогу, надлежало мне или по ней следовать или запутаться. Чтение всех здесь подробно описанных мелкостей знающим и испытанным офицерам наскучит; но они успокоются тем, что таковыя мелкости полезны вообще: а кому они не понравятся, или кто их порочить станет, тому я отвечаю из жизни господина Маркиза Де-Фюкиера следующим: «Многия суть таковыя правила, которыя иным людям покажутся маловажными, для того что оне очень часто бывают в употреблении. Но для того те

самого Маркиза Де-Фюкиера почитал их наинужнейшими. Один раз читал он одному из своих друзей главу, об открытии траншей, где он говорит, что землю надлежит метать к городу. Сие примечание показалось другу его очень просто: *Нет, ничего*, сказал он, *мы оное оставим*. Или он предвидел, что при последней осаде Филиппсбурга в оном погрешат? Сию погрешность надлежит приписать офицеру предводительствовавшему работниками, который их поставил по сию сторону стези траншей, когда ему надлежало их поставить по другую сторону. Шефы и штаб-офицеры не могут с довольным прилежанием обучать молодых офицеров».

Может случиться и то, что порядок сего сочинения покажется чрез меру практическим, и что его порочить станут, для того, что я некоторые города, деревни, реки, и проч. поимянно называл, и что сии упражнения полезны будут в окрестностях Варшавы, а более нигде. А я отвечаю, что во всех известных землях и местах находятся подобныя сим вещи; следовательно, переменяя только место, можно из сего равномерное сделать употребление в Кракове, во Львове, в Вилне точно как в Варшаве.

Мне бы очень приятно было, если бы мне к сему сочинению можно было присовокупить пятую часть о глазомере. Таковыя упражнения суть весьма пужны и полезны, как для молодых, так и для старых офицеров. Все мои в разсуждении сей части опыты мне не удался, и вместо того, чтобы преподавать руководство молодым офицерам, впал я в геометрическая загадки. В сем намерении прибегнул я к опыту военного искусства Графа Тюрпина де Криссе, и нашел в его предупреждении следующее*: «Глазомер есть ничто иное, как та проникающая острота, которая ничего не проронит; он видит в сердцах до наималейшаго движения, которое их возбудить может. Генерал умеющий совокупить с спокойством духа сие дарование, не имеет никогда в прибежище недостатка: он и те случаи, которые бы иному были предвещанием поражения, обратит в побеждение своих неприятелей». Вместо изъяснения глазомера и руководства, как оной приобретать, если онаго не дала природа, Граф де Криссе сделал здесь онаго пространное описание, равномерно до министра и до судьи касающееся. Ежели стряпчей имеет *проникающую остроту и ничего не пророняет*, так что он все положение очень запутаннаго дела вдруг обозревает, то он имеет глазомер Графа Тюрпина.

По том заглянул я в примечания рыцаря Фоларда на Полюбия (том I, стран. 274, § 4), в заглавии написано: *глазомер, приведенный в правила*. Но признаюсь, что я в нем кроме порядка не нашел ни оснований, ни правил. Оба сии писатели погрешают более в том, что они понятие, разсуждение и разум,

* Стран. XVII перевода на Российский язык.

непрестанно мешают с глазомером.* А как я воинский глазомер единственным сделал себе предлогом; то я нашел, что для приобретения онаго надлежит сперва определять разстояния. Те люди, которые онаго с природы не имеют, должны оный приобретать искусством и прилежностію; а в сем намерении начинать с малых разстояній, например на десять шагов, по том на пятьдесят, по том на такое разстояние, как можно кинуть камнем; по том на пистолетной, а наконец на пушечной выстрел.

Таковую постепенностію глаз привыкнет судить о положении подлежащаго места, которое на правую и на левую сторону даже из виду вон простирается.

При возвышенных местах надлежит рассматривать: 1) которая повелевают; 2) можно ли к ним подойти; ибо не редко они кажутся спереди приступны, а с боку в самом деле бывают не приступны.

Часто случается, что два пригорка, коих отлогость почти неприметна, составляют пропасть, которая глубина по глазомеру и по настоящему измерению весьма различна: для того то и должно упражняться в подобных случаях в глазомере, дабы не впасть в великую погрешность.

Наконец надлежит для предстоящих болот, озер, рек и лесов, приобретать об их пространстве и повелевающих берегах необманчивый глазомер непрестанным упражнением. Если бы я мог о преждереченном предложить здесь хотя один пример, то бы я чрез то нашел тропину, которая бы меня довела до надлежащаго пути: но мои старания были безплодны, и я другаго средства для сего не нахожу, как молодых офицеров, инженеров и землемеров учить рисовальному искусству, дабы они летним временем на поле училися без надлежащаго орудия, снимать местоположения и определять разстояния, и все до глазомера касающіяся вещи.

При окончании сего предуведомления надлежит мне предупредить тех, которые меня обвинять станут, что я хочу удержать молодых офицеров от изучения великия войны, и ограничивать их на то только, что их чину соответствует. Но кто сие предисловие с некоторым прочтет вниманием, тот найдет, что я противнаго сему мнения; да при сем случае ссылаюсь и на то, что я уже сказал в моем предисловии *стран. 12* к Полибию, на Немецкій язык переведенному где я опровергнул странное следующее мнение: *если нижняго чину офицер читает Фоларда, то он грешит против подчиненности: и так я остаюсь при том, что я там сказал.*

* В воинских наставлениях в 6 статье *стран. 24* находится очень хорошее изъяснение глазомера. Оно разделено на две главныя послылки: 1) что глаз делать должен; 2) что разум и рассуждение делать должны над тем, что глаз видел. Высокій писатель оных наставлений не мог войти в подробнейшія разделения.

ОФИЦЕРСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

ПРИКАЗ I

В лагере близ Варшавы, 1771 года

Господину поручику N. N. повелевается чрез сие отправиться с одним прапорщиком, с тремя унтер-офицерами, с 1 барабанщиком и с 30 рядовыми тот час по прочтении сего на *Виллановскую* дорогу, в лошине лежащую, и занять проход при находящейся там рогатке. В наставление дается нижеследующее:

1) Вы для того должны занять сие место, что чрез оное полк пойдет наутри.

2) Если неприятель занял уже оное место, то надлежит его выгнать оттуду неотменно.

3) По разнесшимся слухам, в Вилланове стоит крепкой неприятельской форпост.

4) И для того должно вам употреблять всевозможную осторожность, дабы соблюсти сей пост; а наипаче остерегаться,

5) чтобы ради окружающей долины не быть отрезану.

6) Прочее же оставляется на ваше благоустройство: сверх всего подтверждается, чтобы вы в случае нападения были в осторожности.

I

Если захотят вышеозначенный приказ задать ротным нижнего чина офицерам для решения, как я то в предуведомлении советовал, и потребовать от них писменного распоряжения, которое бы они в случае настоящей посылки употребили; то для облегчения сего труда Шефам и повелевающим, я старался означить, в чем доброе и правильное решение вышеозначенного приказа состоять может, и для различия означил оное отменными буквами.

1) Посылаемый офицер имеет право выбрать унтер-офицеров и рядовых, которые составят его отряд. Ему не для чего брать посылаемых от рот по очереди. Посылка его есть важная, и никто не захочет погрешности его на себя принять, если ради худых с ним посланных солдат ему прикажутся нещастие.

2) Он должен осмотреть ружье, в хорошем ли оное состоянии; в курке новой, а в кармане запасной кремень каждому иметь надлежит. Также

должен он осмотреть, все ли в суме исправно, и приказать запастися новою мякотью.

3) Ранцов не надобно брать с собою; их можно привезти после: чрез то солдаты будут поворотливее и могут, если они усердны будут, сильнее сражаться с неприятелем.

4) Теперь отправляется он в путь. Барабанщик идет впереди, а солдаты идут в 10 взводов по трое в ряд, один унтер-офицер на фланке, а двое замыкают.

5) Дошед до *Бельведера* останавливается. Он посылает одного унтер-офицера с 6 солдатами на левую сторону дороги, с приказанием осмотреть кирпичные сараи, дома, конюшни, анбары и проч. Вошедши им самим в оные, нет ли там чего подозрительного, и приказывает ему остановиться в последнем доме.

6) Посылает также на правую сторону дороги одного унтер-офицера с 6 рядовыми, с таким же приказом.

7) Сам идет с двумя солдатами по дороге, а в пятидесяти шагах позади его идут еще 4 человека солдат.

8) В 300 или 400 шагах следует за ним прапорщик с остальным унтер-офицером и 12 рядовыми. Они разделяются на двое: прапорщик с 6 рядовыми идет на правую сторону дороги к домам, а унтер-офицер с 6 рядовыми на левую сторону дороги к домам же.

9) Находящиеся же там унтер-офицеры идут со своими отрядами далее; а между тем как поручик с своими шестью человеками идет по дороге тихими шагами; то оба унтер-офицера идут по сторонам на 50 или 60 шагов от него разстоянием, как будто бы они хотят рогатку в стороне оставить. Прошед же оную на десять шагов, поворачиваются на право и на лево, и идут прямо на рогатку, которой они приходят в тыл. В самой тот миг идет поручик большими шагами прямо к рогатке. Таким образом сходятся вместе один офицер, 2 унтер-офицера, барабанщик и 18 рядовых. Если же неприятель рогаткою овладел; то должно на него напасть с переди и со сторон с примкнутыми штыками, и его от оной отогнать. Ему должно будет уступить для того, что от находящегося в *Вилланове* форпоста помощи ему не будет: к тому же сей пост есть очень слаб; и если к нему зайдешь в тыл и его отрежешь, то им легко овладеть можно.

10) И так поручик рогаткою овладел. В прямой линии в левую сторону на 150 шагов разстояния, поставит он одного унтер-офицера с 6 рядовыми, а на правую сторону в таком же разстоянии ставит он прапорщика с 6 же рядовыми.

11) Позади его находится гора *Белведер*, на которой учреждена батарея, и к которой он при внезапном нападении отступить может.

12) А как разстояние очень велико, то в двух или трех стах шагах ставит он вежу, и уведомляет оба свои отряда, что оная вежа будет точка соединения, если один из них прогнан будет; тут же будут они под защещением батареи.

13) Теперь делает он цепь из шести двойных постов; при чем солдатам приказывает, чтоб они не более, как на два часа от поста своего отлучились. Днем разстояние постов бывает на 100 шагов, а с 10 часов вечера сближает он их на 50 шагов. Так же запрещает, чтобы не курили табаку и огня не высекали, чтобы те, которые не стоят на часах, саднялись, а не ложились, ружье бы держали между ног стоя, и с полки бы напольник сняли: если же дождь идет, то встав прямо брали бы ружье под левую руку. Часовые не должны окликать, и для того он им не дает лозунга: буде же кто к ним подходить или подбегать станет, то им должно, не стреляя по нем, ити к нему прямо, взять его под караул, и отдать его на гаупт вахту. И так поручик содержать имеет у себя всех захваченных в ночное время людей до разсвета. Сверх того может он солдатам сказать то, что им отвечать должно, если неприятель из них кого захватит и допрашивать станет. Они могут ему сказать следующее: что с 9 часов вечера ходят малые отряды один за другим, что они прошли между кирпичных сараев, и что они не знают, куда они делись.

Таковая ложь бывает всегда полезна, неприятеля смущает, а пленным от нея худа произойти не может. В таком положении поруччик осматривает все разставленные посты безпрестанно, и ожидает разсвета; а как армия показываться станет, тогда ему отдохнуть позволяется.

ПРИКАЗ II

Как деревня Сельце, позади лагеря лежащая, назначена от Комисариата полку для фуражирования, и для заготовления там на 6 дней потребных припасов; то для прикрытия телег и выючных лошадей имеет туда отправиться г. капитан N. N. с двумя офицерами, с двумя барабанщиками, с шестью унтер-офицерами, и со 100 рядовыми. Наказ дается ему следующий:

1) Как сзади и в близости лагеря малые только и легкого войска находятся неприятельския партии; то вам не для чего много опасаться: но не взирая на все то, надлежит деревню осадить, а прежде всего пресечь все в оную лежащая дороги.

2) Погонщиков должно вам содержать весьма строго, и предупреждать всякие беспорядки. Крестьянские дворы имете вы разделить надлежащим образом.

3) По фуражировании надлежит вам назначить место, где всем фуражирам собираться.

4) На возвратном пути имете вы учредить арьергарду; сами пойдете вы с фуражирами к лагерю, арьергарда же тогда должна выступить в путь, когда фуражиры почти из виду у нее выходить будут.

5) Буде же погонщики или крестьяне заведут шум или драку, то вам надлежит их наказывать тот же миг с наивеличайшею строгостию; а более всего должно вам запрещать, чтобы при фуражировании табаку не было курено.

6) На возвратном пути должны салдаты итти сомкнувшись. При отводных лагеря караулах надлежит вам остановиться и дожидаться вашей арьергарды. Фуражиры остаются не разбиваясь при вашем прикрытии до тех пор, пока все в лагерь к вашему полку ввезено будет: чрез то фураж не продается чужим маркитантам, а все отдастся в полк.

II

Сему офицеру препоручено по вышеозначенному приказу такое дело, какое не всякий надлежащим образом исправить может.

1) Во первых надлежит ему разсуждать, сия деревня в своей ли, или в чужой земле находится? В первом случае надлежит ему остерегаться, что бы крестьяне после не жаловалися. Если не молоченой хлеб на фураж берется, то должно все брать с осторожностью, и в присутствии помещика. Всякому погонщику отдается столько раценов, а во всяком рацоне по столько фуража. Сие надлежит объявить крестьянам, и всякой из них даст столько немолоченаго хлеба, сколько молоченаго бы надлежало

выдать. Если же онаго мало, то более не должно брать силою, а с согласия старосты и старшин, которые в удовольствие присланнаго офицера конечно ничего не откажут в таких обстоятельствах. В другом случае желательнее, что бы и в неприятельской земле таким же поступаемо было образом; ибо чрез то продовольствование может более продолжаться, да и не столько из жителей неприятельския земли будет шпионов: противным же образом выйдет из фуражирования не только грабеж, но и опустошение. При всем том редко можно избежать малых злоупотреблений, на которые крестьянин неприятельския земли почти не жалуется, если его только оставляют жива.

2) Сие примечание есть очень нужное. И так, описав фуражирование в своей земле, которому препятствовать неприятель имеет мало нужды, я приступаю к фуражированию в земле неприятельской.

3) Осмотрев все, капитан ставит своих солдат по три человека в ряд, и разделет их на 4 взвода: второму взводу велит он поворотиться на право, а третьему на лево. Оба сии взвода вдвигают третью шеренгу: первый взвод будет голова, а четвертый хвост; в средину включает он телеги и выючных лошадей. Таким образом учреждает он авангарду, из одного унтер-офицера и шести рядовых в две шеренги, которые выступают на 50 шагов в перед, и в сем положении идет он к деревне Сельце.

4) Пришед к деревне он останавливается. Посылает авангарду в деревню для осмотра, и приказывает привести с собою старосту; между тем ставит он одного офицера с одним унтер-офицером и 30 рядовыми по правую сторону деревни, и столько же по левую. Сии становятся по ту сторону деревни в разстоянии от оной на 100 шагов, и учреждают между собою цепь, каждой из трех сугубых постов. На 50 шагов от них впереди ставит он одного унтер-офицера с 20 рядовыми, которые составят отводный караул; каждому из офицеров даст он по барабанщику. С ним остается один унтер-офицер с 20 рядовыми, которым он приказывает занимать дома.

5) По окончании сего надлежит всем фуражирам и крестьянам собираться посреди деревни.

6) Тут с согласия старосты определяется на каждого крестьянина одна или две роты, для снабжения оной на 6 ден толиким числом рационов; в рацион считается по столько овса, соломы и сена. Каждому крестьянину приказывается брать с собою доставшихся на его долю погонщиков, выдать им фураж, и сдать его в деревни с рук на руки капитану; при том позволяется ему жаловаться, если погонщики с ним худо поступили, если что силою у него просили, или что отняли. Во всех сих случаях надлежит крестьянам возвращать у них похищенное и наискорейшее им чинить удовлетворение.

7) По принятии надлежащаго погонщиками фуража на одну или более рот, оставшейся при капитане унтер-офицер выводит их из деревни вон. Все с фуражем приезжающие погонщики отсылаются к нему; а как все уже из деревни выйдут, то капитан собирает разставленных по дворам солдат, и выводит их вон из деревни.

8) Вышед из оной соединяется он со стоящими по правую и по левую деревни сторону офицерами. На отводном же карауле стоящий унтер-офицер составляет арьергарду и остается в деревне; а между тем

9) Капитан, созвав всех крестьян, велит фуражированныя связки обыскать, не спрятал ли кто в них, чего не должно. Если же ничего не нашлось;

10) То капитан дает квитанцию, что он для полка на 6 дней столько то получил рационов; а староста дает капитану росписку, что оный столько то фуража требовал, и столько то ему выдано.

11) По том капитан посылает одного офицера, одного унтер-офицера, одного барабанщика с десятью рядовыми назад в деревню к находящимся в оной 20 человекам. И так арьергарда состоять будет из 30 человек.

12) Остальных 70 человек ставит он в две в шеренги, и разделяет их на 35 плутонов, из которых 3 идут впереди, 2 сзади и 15 на каждой

стороне в двойном разстоянии. Замкнув всех фуражиров в средину, возвращается он к лагерю. За ним следует арьергарда, не выпуская фуражиров из виду.

13) При отводных лагеря караулах он останавливается, и дождавшись арьергарды вступает в лагерь своего полка, не дозволяя ни одному погонщику оставлять своего места.

14) Я здесь не упоминал о всех подробностях, касающихся до содержания погонщиков в порядке. Капитану надлежит не токмо запрещать курение табаку, крик и шум, делание деревенским жителям обид, вход в дом без позволения, отнятие чего силою, или грабеж; но за оное в тот же миг жестоко наказывать. Как погонщики суть наигрубейшия в свете люди, то наималейшее к ним снисхождение есть проступок. Может быть для некоторых людей не бесполезно будет означить, сколь бедственных следствия происходят от непорядков погонщиков. Не упоминаю о других малых примерах, думаю я, что воспоследовавшее по описанию Аббата де Фонтена (в *Польских переменах*, том I, стр. 60) достойному и искусному Польскому полководцу Зоткевскому в Молдавии в 1620 годе во время войны с Турками, будет наиболеешим. Сей Генерал с 4000 человеками был окружен Турецкою армиею, состоявшею из 80000 Турков и Татар. Ему неотменно отступить надлежало, и в три дни он бы путь свой окончал. Но ставя войски свои в каре, ему надлежало убежать горы, ушелья и леса, и держаться всегда долины. С наивеличайшим искусством отступал он целую неделю; днем сражался, а шел ночью, и был уже очень близко Днестра, как погонщики его вообразили себе при фуражировании, что Татара были в засаде позади сенных копен. Сей ложный ужас привел их в такое замешательство, что они с великим криком и в беспорядке к армии возвратились, и всех привели в смятение. Неприятель, приметив сие, приступил ближе и пользуясь общим их смятением, всех христиан порубил. Хотя голова сего искуснаго Польского полководца послана была в Константинополь, но отступный его поход делает ему великую честь. Всякий военный человек, о ремесле своем сведение имеющий, не может читать сие приключение без огорчения. Возми все обстоятельства Ксенофонта возвращения, возми обстоятельства отступа Графа Шуленбурга (сии то суть два славнейшия отступные походы, над коих описанием великое число перьев притупилося) и сравни их с вышеереченными, то я уверен, что сей Польского полководца отступ гораздо оные превосходит, хотя он был и не удачен ради толь жалостныя и маловажныя причины.

ПРИКАЗ III

В Виаланове 177 — года, противное распоряжение первому.

Как неприятель сбил наш отводный караул, находившийся при рогатке на Варшавской дороге; то г. капитану N. N. повелевается чрез сие, взяв с собою двух офицеров, двух барабанщиков, 8 унтер-офицеров, 100 рядовых с одною пушкою, выступить сего же дня в путь и скрываться в близости онаго поста до утра; а на разсвете напасть на неприятеля, и его выгнать неотменно. В наставление дается следующее:

1) Что бы место, где вы ночь препроводить имеете, было весьма скрытое.

2) Если ночью наедет на вас уланский или гусарский объезд, то оный не надлежит окликать; а хотя неприятель стрелять будет, но вам отстреливаться не должно.

3) На разсвете надлежит вам напасть на сей пост.

4) Вам остерегаться должно, что бы не попасть на неприятеля.

тельскую засаду, также не гнаться далеко за неприятелем, дабы не подойти под батарею огонь.

5) Овладев сим постом прикажите вы срубленные большие деревья притащить на дорогу с неприятельския стороны, для прикрытия пушки.

6) На конце должно вам защищать сей пост до крайности, пока подойдет армия. Все прочее оставляется в ваше распоряжение.

III

Сия посылка противу полагается первой. Здесь надлежит более всего смотреть на сделанныя положения.

1) Посылка сего капитана, отправленного из неприятельскаго форпоста в Виланове стоящаго с двумя офицерами, с 8 унтер-офицерами и со 100 рядовыми, есть очень трудная для того, что она располагаться имеет по определенному и точному приказу.

2) Он имеет право выбирать солдат, осмотреть ружье и сумы, а ранцов с собою не брать.

3) В 8 часов вечеру отправляется он в путь, разделяет свою команду на 33 плутонга в 4 взвода и учреждает перед пушкою авангарду из 1 унтер-офицера и 6 рядовых.

4) Из Виланова идет прямо к Чернышеву, останавливается перед воротами онаго, и входит с 1 унтер-офицером и 12 рядовыми в город, дабы наведаться, нет ли в городе земледельцов, которые бы землю свою близ города имели. Взяв из них 6 человек, распрашивает он их, где их лежит земля, по правую или по левую сторону города, какия на Варшавской дороге близ рогатки находятся строения. Они ему отвечают, что по левую сторону лежащие кирпичные сараи подались к дороге, а принадлежащий сарай к Чернышеву по правую сторону лежит и есть ближайший к рогатке.

5) И так взяв из земледельцев двух человек вожатыми и отдав их одному из своих офицеров, отправляет его с 24 человеками на правую сторону рогатки к ближнему кирпичному сараю. Так же взяв еще из них двух человек, и отдав их другому офицеру, посылает его с 24 рядовыми на левую сторону рогатки к ближнему сараю; а при себе оставя последних двух вожатых идет по Варшавской дороге. Дошед по их сказанию на 200 шагов от рогатки разстояния, останавливается.

6) Остальных 52 человек с одною пушкою разделяет он на три части: 12 человек под предводительством добраго унтер-офицера оставляет он на дороге; 12 человек с унтер-офицером посылает на правую сторону дороги в разстоянии 30 шагов от оной. А сам с 28 рядовыми и пушкою идет по левую сторону дороги не далее, как на 40 шагов от оной.

7) Разлучаясь с ними отрядами дает он им надлежащее наставление, как им располагаться. 1. Проводников не прежде отпустить, как разсветет. 2. Не курить табаку и огня не высекать. 3. Ружье иметь всегда в готовности, однако же не стрелять. 4. Как скоро отряды подойдут к кирпичным сараям, то выбрав ефрейтера с тремя рядовыми из нанотважнейших, велеть им, не стреляя, подкрасться как можно к ним ближе, часовых скрасть или переколоть штыками. 5. За ефрейтером следует офицер с остальными солдатами тихим шагом. 6. Ефрейтер скрав или побив часовых уведомит о том своего офицера, который остановясь дожидается разсвета. 7. Сие расположение при насыпных дорогах негодится, но вместо того унтер-офицер посылает шестерых из своих солдат на 10 шагов к рогатке ближе. Ему надлежит только слушать, и что слышит, о том сказывать. 8. Все малые отряды получают приказ располагаться по отряду стоящему по правую

руку Чернышевского кирпичного завода. По том начинается действие; а к началу онаго будет сигналом пальба из мелкаго ружья. Оба офицеры непременно должны неприятелю зайти в тыл, своими отрядами его окружить и в полон взять. Чрез то предварится неудобство погони за обратным в бегство неприятелем.

8) Ему не будет никакия подмоги; и для того надлежит всем отрядам действовать согласно и взаимную подавать себе помощь.

9) Победив неприятеля и овладев рогаткою не надлежит посылать в погоню за 4 или за 6 в бегство давшимися салдатами, разве на ружейный выстрел. Тот час после сего должно поставить одного офицера с 30 рядовыми во 100 шагах разстояния по правую сторону, и в таком же разстоянии офицера же с 30 рядовыми по левую сторону; а капитан остается с 40 человеками и с пушкою у рогатки. Тот же час надлежит поставить во круг всего отряда отводные караулы. Все солдаты должны стоять в ружье, кроме третьей шеренги, которой приказано будет срубать все близ стоящия деревья, и сколько возможно будет прикрыть оными фронт, оставляя одну дорогу безпрепятственну для проезжих.

10) Все прочее, касающееся до предосторожности перед действием, будет зависеть от капитанскаго распоряжения; на пример: что солдатам делать, буде дождь пойдет, не окликивать, кто идет, не спрашивать лозунга, что бы все отряды имели знаки, по которым бы они себя узнавали, как-то: свист, плесканье руками и тому подобное. В прочем не надлежит ни кричать, ни кликать, ни кашлять, ни шуметь. Пушкарю должно иметь другой огонь, а не горящий фитиль. Таким образом капитан оставаяся с 28 рядовыми на своем poste посылает под защитою 1 ефрейтера и 2 рядовых погонщиков и артиллерию свою обратно в деревню Сельц.

11) Если сие предприятие не удачно будет, и неприятельской пост станет умножаться, так что мы принуждены будем отступить: то место соединения для всех будет в Сельце. В сем намерении надлежит погонщикам с артиллериею и прикрытием туда поспешать, дабы успеть запрячь лошадей и дожидаться в готовности; ибо таковые отступы бывають всегда поспешны.

В сих трех первых распоряжениях входил я и в самых безделицах в величайшие подробности, в чем вперед мне нужды, я думаю, не будет для того, что поняв то, что тут сказано, прочее будет гораздо легче.

ПРИЛОЖЕНИЕ II
ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
РАДИЩЕВУ

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ

В * * *
И * * * Т * * *

ГЛАВА XIV

..... По выезде моем из сего города, я останавливался во всяком почти селе и деревне: ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали; но в три дни сего путешествия, ничего не нашел я похвалы достойного: *Бедность* и *рабство* повсюду встречались со мною в образе крестьян. Непаханые поля, худый урожай хлеба возвещали мне какие помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы огороженные плетнями, небольшие *одоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого Государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или лучше сказать бедные развалившиеся хижины, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просяхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача, я не видал ни одного человека. День тогда

был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько беспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучшей во всей деревне, и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому, что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго; но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаем, казалась, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя ввезена была на грязный двор, намощенный соломою: ежели оною намостить можно грязное и болотное место; а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякия нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух отуду меня выгоняли; а вопль трех оставленных младенцев удерживал в оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел, обернувшегося лицом к подушонке из самая толстая холстины набитая соломою; я тотчас его оборотил, и увидел, что без скорыя помощи лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и почернев был уже в руках смерти; скоро и етот успокоился. Подошед к третьему увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лице сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и етому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но однакож сухими пеленками, которые в избе тогда развешены были; поправил солому, которую он борохтаясь ногами взбил: замолчал и етот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насыщенный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносит ли он о том жалобы? — Нет: он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, — сказал я, проливая слезы: произносите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее: призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед ко своей коляске, упал я без чувства в оную. Приключившейся мне обморок был не продол-

жителен; я опомнился, спрашивал холодной воды: извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой; но в ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет, и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помещики, — сказал я: вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома, извозчик отвечал, что все крестьяне и крестьянки в поле; прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время в задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого ни будь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что увидев из далека пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. Они скоро придут, — сказал извозчик; я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь им на лапти. Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках; и столь были дики и застрашены именем боярина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: *не бойтесь, он вас не убьет: он боярин добрый; он пожалует вам на лапти.* Робятишки подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад крича: *ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте нас!* Извозчик схватя одного из них спрашивал, чего они испужались. Мальчишка трясучись от страха говорил: *да! чево испужались... ты нас обманул... на этом барине красной кафтан... это никак наш барин... он нас засечот.* Вот плоды жестокости и страха: о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас как диких зверей! Не бойся, друг мой, — сказал я испуженному красным кафтаном мальчику: я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег. Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклонился в ноги, и оборотясь кричал другим: *ступайте сюда робята! это не наш барин; этот барин доброй: он дает деньги и не дерется!* Робятишки тотчас все ко мне прибежали: я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: *у меня деньги! у меня пирог!*

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневный жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем богачи, любимцы *Плутовы*, препроводя весь день в веселии и пированьях, к новым приготавлиаялися увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными, и радовались, что один день убавился из их века. Худый Судья

и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и Щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег* для свиданья. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые Щеголихи воспаляли великое число восковых свеч, и устроив лице свое различными хитростями, торжествовали восхождение престарелья луны, своея благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами, и там теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года, и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены, и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: Не прогневайся, господин доброй, что нас никою не прилучилося дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесной дал нам ведро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожди не захватили. По сѣсь день господень всѣо таки у нас, родимой, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились: авось таки милосливой спас подержит над нами свою руку, и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся! У нашева боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда ево боярской убираем; а с своим те де, изволит баять, вы и после уберіѳтесь. Ну, а ты рассуди кормилец, вить мы себе не лиходен: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлебот наш и пропадает. Дай ему бог здорovie! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорей Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю! — Подите, друзья мои, — сказал я им: отдохайте: взавтра Воскресенье, и вы конечно на работу не пойдете, так мы поговорим побольше. — И! родимой! — сказал крестьянин: как не роботать в Воскресенье! По-

* Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде. [Примеч. в «Живописце», — Ред.].

молясь богу, не што же делать нам, как не за роботу приниматься; кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и работать было. Вить мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять; полно тово, что и они в праздничные дни по пустому шатаются. После чего крестьяне пошли, а я остался в коляске своей и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов по полуночи.

На другой день, поговоря с хозяином, я отправился в путь свой, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучных деревни*: хозяин мой, столько наказывал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

ДРЕВНОСТЬ

1.

Древность, ты, которой мирна мышца
Усыпила ранни племена,
Зрящая в скрижали летописца,
Пишущая славных имена!
Ты, что связку венчиков * имея,
В думе ждешь царей у мавзолея.
Успокоив персть отцев моих,
Повели моей дрожащей трости
Прежде чем мои починют кости,
Свиток положить у ног твоих.

2

Соглядая веки обмертвелы,
Над которыми туман повис,
И юдоли древних запустелы,
По которым вырос кипарис,
Мнится, вижу вдоль сея трещобы
Праотцов расписанные гробы,
Мнится, что на всех гробах резец
Начертал девиз их просвещенья,
Врезал истины и заблужденья
Поздному потомству в образец.

3

Но почто против сего уроку
Памятников истины бежим?
По какому горестному року
Подле памятников лжи стоим?
Как бы мним, что гении усопши
Пустят луч сквозь гробы мхом заросши,
Между тем как зрим пиры одни.
Тщетно — тщетно ждем небесной силы,

* Венчики называются бумажки, полагаемые на лбы умершим.

Тщетно ждем лучей вокруг могилы,
Где блудящи лишь горят огни.

4

Слабый смертный! сколь потребно мало,
Чтоб занять власть над твоим умом,
Если заблуждения зеркало
Древним вокруг очернено жезлом:
Стоит, чтоб оракулом явиться,
Лишь на персях древности родиться.
Разве гений истины слетал
На сосцы вселенной тот лишь термин,
В коем разум, первенец Минервин,
В сирой колыбели почивал?

5

Нет — и ныне истина над миром
Всходит как бы из-за облаков.
Если ж ложь, кадыца пред кумиром,
Не сгущает над умом паров:
Для чего ж среди сего тумана
Сильный разум, пад на истукана.
С олтаря не опрокинет персть?
Должно ль, чтоб одни его скрижали
Мание Сатурна презирали,
Если все его чтит грозный перст?

6

Должно ль, чтоб отцы столпотворенья,
Скрывши темя в сумраке небес,
И вися над бездной заблужденья,
На истлевшей вазе древних грез,
Уцелели до всеобща труса,
Если сферы терпят тяжесть бруса,
Коем время их браздит в пески,
Если солнце сыплется комками
И с янтарных стен уже местами
Крошатся огнистые куски.*

7

Древность, мавзолеей свой украшая.
Лишь над нами упражняет гнев,
И осьмнадцатый век удушая,

* С одной стороны северные явления, падающие из солнечной системы, а с другой пятна, в солнце усматриваемые, делают понятною сию фразу.

Высечет лишь новый барельеф.
 Франклин, преломивши скиптр Британской,
 Рейналь с хартией в руке гражданской,
 Как оракул вольных страны,
 И мурза в чалме, певец Астреи,
 Под венком дубовым, в гривне с шеи
 Будут у тебя иссечены.

8

Но кака там тень среди тумана
 Стелет по Карпатским остриям?
 Темный профиль исполинска стана
 В светлой Висле льется по струям.
 Сбиты локоны по плечам веют,
 А по ризе пятна сплошь багреют,
 С рама обнаженный меч висит,
 На руках лежат с короной стрелы,
 На главе орел гнездится белый;
 Это падшей Польши тень парит.

9

Все стремится к древности суровой;
 Царства почему обвиты в тис,
 Опираясь об скиптр свинцовой,
 Сходят с зыблющихся тронов вниз,
 И преклоншися с гербом руины,
 Временам дают свои судьбины,
 Все к кивоту древности падёт.
 Лишь святых душ лучезарны мощи,
 Как в пещерах фосфоры средь ночи,
 В раках не померкнут в род и род.

10

Все падёт — так что ж надменный
 Смертный предваряет потрясать
 Обветшалые столпы вселенны
 И перуном землю колебать?
 Должно ль царства превращать в могилы,
 Чтоб гигантам свесить толщу силы
 И исследовать порыв рамен?
 Разве нет ему твердыней,
 Разве нет в отечестве пустыней,
 Где бы меч его был изоцрен? —

11

Эх! почийте, грозны Марса други,
 В просеках лавровых вдоль лесов!
 Облеченны в панцырь и кольчуги,
 Мчитесь вы против каких врагов!
 Эх! почийте лучше, бранны ходы
 Двиньте на стихии злой природы;
 От потопа нас сдержи порой;
 В труссе на зыбях сдержи руины,
 В сопках пламенны залей пучины,
 И тогда речем, что ты Герой.

12

Вы ль, дымящиеся Чингис-Ханы,
 Нам поведайте свои дела?
 Ах! не вы ль, как пышущи вулканы
 Изрыгали жупел на поля?
 Пламя с дымом било вверх клубами,
 Рдяна лава пенилась валами;
 Ныне ж? — вы потухли под землей.
 Ныне, мню, над вашими гробами
 Красны заревы стоят столбами;
 Древность! с именем их прах развей! —

13

Прах развей! — но буде кость злодеев
 Не умякнет под земным пластом,
 Будто прах под грузом мавзолеев
 Не смесится с илом и песком?
 Праздны черепы, сии избытки,
 Мать-земля расплавит в новы слитки;
 Внутри ее зияли, где погряз
 Геркулан со знамям и щитами,
 Лиссабон с хоругвью и крестами,
 Плавится людей оседших связь.

14

Мнится, что миры людей дремучи,
 Кои прилегли к земной груди,
 С спящих мышц стряхнут надгробны кучи,
 И в чреду проснутся на трубы;
 Так как мир, кой оюнев днесь паки
 Предкам зиждет по кладбищам раки,
 Может быть из-под сырых холмов
 Воспрянул, чтоб лечь в земной утробе;

Так не все ль мы в раздвижном сем гробе
Переводим с древних дух веков?

15

Кто ж присвоит право первородства?
Ты, остаток древняя резьбы,
Сын наследственного благородства,
Тщетно режешь старые гербы,
Тщетно в славе предков ищешь тени,
Кроясь как бы под безлистные клены;
Прадедов увядшие дела
И дипломы, ими заслуженны,
Как сухи листы с дерев стрясенны
Не украсят твоего чела.

16

Пусть тебе природа даровала
В люльке князя, графа имена,
Пусть звезда сверху на грудь упала,
Разметав по плечам ордена;
Но поверь, что яркой сей феномен
Для твоих достоинств вероломен,
Все сии насечки вмиг спадут.
И гремящие без дел титулы,
Так же, как наследной славы гулы,
До горы потомства не дойдут.

17

Знай — один лишь разум просвещенный
В поздних переломится веках!
Хоть над жизнью гениев почтенных
Тучи расстилались в облаках,
Тучи град и дождь на них лиющи,
Но по смерти их, над темной кущи,
Над которой буря пролилась,
Мирна радуга для них явилась,
Половиной в древность наклонилась,
А другой в потомстве оперлась.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

В состав второго тома входят все произведения Радищева в прозе, написанные между 1791 и 1802 гг., т. е. после процесса Радищева. В качестве первого приложения даются полностью перевод брошюры «Желания Греков» (перевод не был закончен Радищевым) и перевод книги Мабли «Размышления о греческой истории», сделанный Радищевым и снабженный его примечаниями. Всего нам известно три перевода Радищева: кроме книги Мабли и брошюры о греках еще четыре тома «Офицерских упражнений» (перевод выполнен в 1773 г.). В виду того, что этот перевод в меньшей степени характеризует, по самому содержанию книги, интересы и взгляды Радищева, мы не сочли нужным включить его в издание сочинений Радищева целиком; однако мы даем сведения о нем в примечаниях и приводим достаточно обширные отрывки из него в тексте, чтобы можно было судить о языке и общем характере этого перевода.

Второе приложение составляют произведения, приписываемые Радищеву; отсутствие документальных данных об авторстве Радищева не позволило включить «Отрывок Путешествия в*** И*** Т***» в основной текст его произведений, хотя редакция считает, что автором этого очерка был Радищев. Более спорен вопрос об оде «Древность». Другие произведения, в разное время приписывавшиеся Радищеву без сколько-нибудь серьезных оснований, не включены в издание, но сведения о них сообщены в примечаниях.

В отношении источников текста произведения Радищева, помещенные во II томе, распадаются на те же две группы, что и в I томе (см. т. I, стр. 441—442). Текст перевода книги Мабли и перевода «Офицерских упражнений», изданных при жизни Радищева и, без сомнения, под его наблюдением, мы сохраняем в максимальной неприкосновенности в отношении даже орфографическом (отбрасывая лишь буквы дореволюционного правописания). То же относится и к тексту перевода «Желания Греков», дошедшему до нас в автографе (мы меняем лишь пунктуацию, и то в тех только случаях, когда это необходимо для понимания текста). Текст других произведений, дошедший до нас в издании «Оставшихся сочинений» 1807 (1806)—1811 гг., передается с сохранением лишь характерных и существенных в фонетическом и смысловом отношении написаний слов. То же относится и к приписываемым Радищеву произведениям: «Отрывку Путешествия в*** И*** Т***», напечатанному в «Живописце», орфография которого, повидимому, унифицирована Новиковым, и оде «Древность», дошедшей до нас в неисправном списке.

[ПИСЬМО О КИТАЙСКОМ ТОРГЕ]

Напечатано в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (ч. VI, М., 1811); рукопись не сохранилась. В издании 1811 г. при заглавии, повидимому данным редакторами издания, поставлена дата: «Письмо о Китайском торге, 1792 года». Дата верна, как это видно из дальнейшего.

К тексту «Письма» в издании 1811 г. сделано два подстрочных примечания, помимо Радищевских. Первое — к словам «население всего Российского Государства положим в 26 миллионов» (стр. — 15): «Должно напомнить, что сие письмо писано в начале 1792 года»; это примечание, без сомнения, написано редакторами издания. Второе — к словам «и не умеют еще варить хорошего пива» (стр. 17): «Благодетельность правительства и вся его деятельность обратились теперь на наши мануфактуры, а во время наложенное запрещение на изделия иностранные неминуемо должно возвысить курс в нашу пользу. *Прим. изд.*».

Кроме того, в тексте издания 1811 г. в фразе «нынешнюю весною в округностях Илама лов был худ отменно» (стр. 29) после слова «весною» вставлено «(1792)», несомненно редакторами этого издания.

Мы исправили явные ошибки издания 1811 г., напр. в написании термина «al rail» (стр. 17, в издании 1811 г. «au rail»), или заменили предположительно на стр. 34 слово «заставит» словом «увидят» (в квадратных скобках) и т. п.

«Письмо» адресовано А. Р. Воронцову, но оно составляет самостоятельный и довольно обширный политико-экономический трактат, посланный Воронцову Радищевым; форма письма придана этому трактату условно.

Интерес Радищева к вопросам и явлениям народнохозяйственного значения вытекал из всего его революционного мировоззрения. Немалую роль в усилении этого интереса сыграла и служба его в Коммерц-коллегии (1777—1780), а затем в Петербургской таможене. Не случайно было и участие Радищева в составлении тарифа 1782 г.

С экономической литературой, в частности относящейся к торговле, Радищев стал знакомиться задолго до написания им «Письма о Китайском торге». Так, в показаниях во время следствия, данных Радищевым Шешковскому, он заявил: «Когда я определен был в Коммерц-коллегию [22 декабря 1777 г.], то за долг мой почел приобрести знания, до торговой части вообще касающиеся, и для того сверх обыкновенного упражнения в делах, я читал книги, до коммерции касающиеся... и старался приобрести в Российском законоположении, до торгу вообще относящиеся».

Невольно оказавшись в Сибири, Радищев самым внимательным образом изучил экономическое положение нового для него края. Его заинтересовал важный вопрос о торговле с Китаем. Свои замечания об экономике Сибири он сообщал А. Р. Воронцову, своему другу и покровителю, президенту Коммерц-коллегии. Сведения и соображения, заключенные в письмах Радищева к Воронцову из Сибири, должны были, конечно, не просто удовлетворять любопытству вельможи, а определять его действия, как руководителя русской торговой политики. К этой же цели был направлен

и специальный трактат Радищева, так наз. «Письмо о Китайском торге». Таким образом, Радищев сразу же после процесса и приговора не хотел и не мог отказаться от попыток воздействовать на реальную политическую жизнь своего отечества, как он не потерял активности, воли к действию до самого конца своей жизни. Уже 15 марта 1791 г. Радищев писал А. Р. Воронцову из Тобольска: «Говоря о городе и деревнях, не могу не упомянуть вашему сиятельству об общем или почти общем желании возобновления Китайского торга. Пользы, от него проистекающие, велики, согласен. Но как я часто раскольник бывал во многих мнениях, то и в сем случае мне вред от пресечения торга с Китаем не столь кажется повсеместным. Думаю, что есть и некоторая полезность. Но мысли мои о сем еще не зрелы, и я их не осмеливаюсь предложить вашему сиятельству».

Таким образом, первоначально Радищев не имел определенного суждения по данному вопросу. Также и в письме к Воронцову от 8 мая 1791 г. из Тобольска он не высказывается решительно. «Я желал бы говорить с вашим сиятельством о предмете более интересном и возвратиться к предмету, которого я бегло коснулся в одном из писем; это — торговля с Китаем. Но я могу сейчас высказать лишь предварительное суждение. Мне не хватает нескольких данных, чтобы сделать оценку полезности внешней торговли, которая на мой взгляд хороша лишь в том случае, когда дает пищу торговле внутренней. Чем большее число разных рук проходит товар, будь то местного или иностранного происхождения, тем более ценным должен он быть в глазах правительства. Товар, который, вступив в страну, идет прямо к потребителю, не бывает и не должен быть дорогим стоящим предметом. Я позволю себе здесь привести одно только соображение: по моему мнению лишь небольшой недостаток чая, употребление которого стало первой необходимостью, заставляет желать торговли с Китаем. Ввоз китайки скорее вреден для России, чем полезен. Полный недостаток дабы, грубой хлопчатобумажной ткани, китайки и легких тканей из китайского шелка, ведет к тому, что начинают возделывать лен в Сибири: эта культура была здесь совершенно неизвестна. Если в пользу китайской торговли ссылаются на то, что она поглощала все наши меха, я скажу, что почти весь этот товар, поступающий из Сибири, сбывается в России; лучший товар и тот, коего требуют китайцы, поступает с Алеутских и прочих островов. Торговля, отнимающая у земледелия руки, которые могли бы быть ему посвящены, хищническая торговля, заглушающая в сердце человеческого зерно жалости... опустим занавес» (перев. с франц.).

Затем — 14 октября Радищев пишет уже из Иркутска, повидимому отвечая на вопрос Воронцова о китайском торге: «На многие письма вашего сиятельства, которые я здесь имел честь получить, я ничего сказать не имею, как изъявить мою наичистейшую благодарность. На некоторые же буду отвечать по мере и мысли моею о Китайском торге изъяснить постараюсь. Предварительно то только сказать могу, что Иркутская губерния более страждет от пресечения сего торга, нежели Тобольская».

В письме от 5 ноября из Иркутска читаем: «Здесь все с нетерпеливостью ожидают ответа Китайского Трибунала о Кяхтинском торге и надеются, что ответ будет благосклонный». В письме от 14 ноября оттуда же: «Здесь ждут со дня на день и с величайшим нетерпением ответа от Китайцев по поводу открытия торговли в Кяхте» (перев. с франц.). В письме от 10 декабря оттуда же: «От Китайцев нет еще ответа, и все сроки прошли, в который онный ждали. Желательно, чтоб они согласились на открытие торга; если медленность их происходит не от упорства, то подождать не беда, долго ждали, немного разности не делает; но если противное, то ладить с ними, видимо, мудрено». В письме от 6 февраля 1792 г. — уже из Илимска: «Если торговля с Кяхтой возобновится, что вероятно, то дешевизна еще увеличится во многих отношениях» (перев. с франц.); ниже в том же письме об Иркутске: «Это — складочное место для всей почти торговли в этой губернии, за исключением того, что сво-

рочивает от Якутска прямо на Енисейск. Когда я буду говорить вашему сиятельству о торговле с Кяхтой, я упомяну об этой. Но вам следует простить мне мою небрежность. Это однако не небрежность, особенно, когда дело идет об исполнении ваших поручений; но моя голова еще в большом беспорядке, и мне кажется даже, что моя память ослабела. Но я надеюсь, что приведу себя в порядок, и в более спокойном расположении постараюсь выполнить ваши приказания» (перев. с франц.). Следовательно, 6 февраля 1792 г. Радищев только собирается писать «Письмо о Китайском торге», и он должен сделать это по прямому поручению Воронцова, без сомнения хотевшего занять своего сыльного друга делом, чтобы отвлечь его от печальных мыслей и создать для него атмосферу полезной деятельности. В следующем письме от 17 февраля Радищев опять пишет о Кяхтинском торге, отвечая на недошедшее до нас письмо Воронцова: «Илимск не может оживиться благодаря торговле с китайцами, как ваше сиятельство полагали. Вся его торговля мехами, — а другой у него нет, — ограничивается продажей оптом того, что город собирает в розницу у своих жителей, 30—40 тысяч белок самой невысокой породы» (перев. с франц.); выше: «уверяю вас... что не нуждаюсь ни в чем; а как только начнется торговля с Кяхтой, мы будем еще более обеспечены» (перев. с франц.). Повидимому, вскоре после этого Радищев написал «Письмо о Китайском торге»; это было не ранее весны 1792 г., так как в тексте «Письма» есть фраза (стр. 29): «Нынешнюю весною в окрестностях Илима лов был худ отменно»; «нынешняя весна» — несомненно 1792 года. Затем тема Кяхтинской торговли на некоторое время исчезает из писем Радищева. Написав свой трактат, он отправил его Воронцову. Несомненно, препроводительным письмом при трактате было следующее недатированное письмо к Воронцову:

«Милостивый мой государь, граф Александр Романович. Препровождаю к вашему сиятельству некоторые примечания, которые угодно вам было приказать мне написать; надеясь на ваше снисхождение, я все писал, что мне в голову притти могло, и от пространства моего маранья произошло, что я умедлил сие доставить к вашему сиятельству, в чем покорнейше прошу меня извинить, поставя сию непоспешность на счет природной медленности разума, нежели на счет лени. Счастливи буду, если ваше сиятельство удостоите приложное при сем прочтении, а еще более, если найдете в нем что-либо хоть вид полезного имеющее. С глубочайшим почтением имею честь быть вашего сиятельства, милостивого моего государя, покорнейший слуга А. Радищев».

Кроме того, в бумагах Воронцова сохранился еще один документ, относящийся сюда же; это — также записка Радищева о торговле с Китаем, составляющая как бы конспективное изложение итогов его обширного трактата и местами дублирующая его заключительную часть. Очевидно, Радищев опасался, что обширность трактата затруднит и прочтение и восприятие его, и послал Воронцову тогда же как бы записку об итогах его, своего рода экстракт из него. Вот эта записка: «Не знаю, милостивой мой государь, довольно ли я объяснил мысль мою и может ли изречение мое, к предлинному и, может быть, скучному сему письму случай подавшее, быть верным. Хотя впрочем нередко случается, что из самой среды зла рождается добро, и если мы соблизим все, нами сказанное, то из того явствовать будет, что перемежка в торгу с Китаем (1-е) обыкновенным звериным промыслом в подрыв не была, и они от того не уменьшились, ибо произведение оных находили полезные истоки не токмо внутри государства, но и в чужие земли; а может ли то быть полезно в теперешнем положении многих Сибирских округ, чтобы промыслы сии распространились, остается, для меня по крайней мере, нерешенною задачей; 2-е) что скотоводство от того не потерпело, с одной стороны по той причине, что чрезмерно раздробленная закупка его произведений, в торге употребительных, раздробляя прибыли, делает и потерю их нечувствительною, и что сие обращается иногда в пользу граждан малоимущих; с другой же стороны, скотоводство не потерпело по той причине, что пределы

размножения оно у кочевых народов не от торгоа зависят, но от избыльных или тощих пажитей; 3-е) что земледелие не только от того не потеряло, но паче имело приращение размножением посевов льна в Иркутской и Тобольской губерниях, а 4-е) следствие того было размножение холста; 5-е) что из окрестностей Томска холст начинал уже составлять отрасль торговли; 6-е) что размножился расход в Сибири на Российские тонкие и толстые полотна, на пестреды льняные и полубумажные; * равным образом 7-е) на Российские выбойки, и что делали уже в России бумажные ткани на подобие китайки, хотя в малом количестве; 8-е) что недостаток в чаю стал, особливо в последние годы, мало чувствителен и был бы еще меньше чувствителен, если бы пошлина с чая, из Европы привозимого, сравнена была с пошлиною Сибирского тарифа; 9-е) что Забайкальские жители, да и другие в Сибири, вместо кирпичного чая в затуране своем варили разные, ими собираемые, травы, не меньше как чай для здоровья человеческого благодетельные; 10-е) что Россия для Сибиряков стала известнее, и что они ездить стали в Москву и заводить торговые связи; 11-е) что наконец прерывка торгоа на Кяхте на понижение курса действия не имела, ибо сей торгоа есть отъемный, меновой, и дебет и кредит его не входят в сумму торговых России оборотов с Европейскими государствами.

Но с другой стороны пользы торгоа с Китайцами суть сотичны; 1-е) обращение денег чрез возобновление торгоа сего усугубится всею суммою товаров Китайских, а действие того наипаче чувствуюемо будет в Иркутске; 2-е) казенный пошлинный доход возобновится; 3-е) цены на мягкую рухлядь будут возвышаться хотя повременно, а сие обратится в пользу питающихся промыслом звериным и распространит между ими обилие, хотя мгновенно; 4-е) кожевенное рукоделие в Сибири получит паки великий исток, а в Иркутске будет вероятно иметь приращение; 5-е) плавание по Байкалу и Сибирским рекам усугубится, следовательно и прокормление всех, от водоходства питающихся; 6-е) люди низкого состояния, питающиеся от нашествия других, иметь будут пропитание от гостеприимства, содержа постоялые дворы, приготовляя пищу людям и лошадям, и пр.; 7-е) имеющиеся в Иркутске лавки, анбары и дома для наймов получат избыточную за наем оных плату; 8-е) крестьяне питаться будут свойственною им отраслю прокормления — извозом, а сумма всего приобретаемого оным капитала есть весьма знатная; 9-е) купечество Иркутское, а паче так называемые посадские, могут иметь надежное пропитание, иные — дома, другие — отъезжая на Кяхту и на Енисейскую, Ирбитскую и Макарьевские ярманки, служа прикащиками или производя все на свой счет; 10-е) Китайские шелковые ткани дадут прочной и щеголеватой наряд Сибирскому народу, а вытканные по данным образцам могут в России заменять Французские и другие шелковые материи с большею выгодною, в рассуждении их доброты и прочности; 11-е) Российское шелковое рукоделие, рукоделие столь выгодное, ибо соединяется с земледелием, получит распространение и обилие от вывозимого шелка из Китая; 12-е) китайки дадут прочную и дешевую одежду многим в России состояниям; 13-е) Сибирский народ будет паки носить любимые им *дабы* * на рубахах; наконец 14-е) подешевеет вождеденное всеми питье, чай; Забайкальские жители завтракать будут по прежнему затураном, из кирпичного чая приготовленным; и я также, хотя недостатка в чае не имел, употребляя привозимый из Европейских государств, по возобновлении торгоа с Китайцами, буду пить чай гораздо охотнее, нежели теперь, по самой естественной и важной причине, что он будет лучше.

Противуясь все выгоды торгоа, производимого на Кяхте с Китайцами, с выгодами, которые в несуществование оногo возродиться могли, я ника-

* *Даб*, на рубахи, в Сибири простым народом употребляемых, вывозили в год более 2.000.000 аршин, фанз — до 300.000 аршин, всего по цене гораздо более 200.000 р. Все сие количество заменяемо было Сибирским и Российским холстом и пестредью.

кого не сделаю заключения, наипаче для того, что для надежнейшего о сих материях суждения надлежало бы мне долее пробыть в Иркутске, нежели как мне там быть случилось; а Кяхты я совсем не видал. Итак, все, мною сказанное, примите, милостивой государь, мимоходящими токмо размышлениями, а не достоверными следствиями непреложных посылок. Если время и лучшее познание переменит мои мысли в чем-либо в отношении торга на Кяхте с Китайцами, то, убедая истинною, не постыжуся, признав ее, сказать: я заблуждал».

Через полтора года тема кяхтинского торга вновь появляется в письмах Радищева. В письме к А. Р. Воронцову от 13 сентября (1793 г.) Радищев пишет: «В один из последних дней у нас здесь было воспроизведение, но совсем в миниатюре, биржи или скорее разгрузочной пристани петербургской таможи. Это был Якутский караван, который проходил здесь, направляясь в Енисейск... В нынешнем году он был значительнее, потому что большая часть товаров пошла в Якутск для торговли с Кяхтой...» и далее описание маршрута каравана и др. В декабре того же года Радищев пространно остановился в письме к Воронцову на мысли о необходимости преобразовать Кяхтинский торг. Наконец, еще 20 ноября 1795 г. он писал Воронцову: «Единственный продукт нашей местности, который имеет сбыт в Кяхтинской торговле и идет иногда в обмен, являясь как бы термометром торговли вдоль течения Илимма, а именно белка, очень вздорожала с тех пор, как китайцы возобновили свои посещения Кяхты. Причина на мой взгляд состоит не столько в сбыте ее, сколько в ее редкости (большое число охотников не дают белке времени размножаться) и в избытке звонкой монеты (курс был 35 в 1790 году и сейчас иной раз около 25 на Амстердам), которая с возобновлением торговли с китайцами притекла в Сибирь и сделала то, что за обмен медной монеты платят 5, 7, 10, а иногда и более. Это повышение цен на все товары, обмениваемые в Кяхте, сделало то, что в этой торговле нельзя получить никакого барыша на русских товарах и что все прибыли получают с китайских товаров, что вызвало повышение цен на них более чем вдвое. Это имело даже хорошие последствия: даба, т. е. ткань синего цвета, столь дешевая раньше, теперь не может быть более употребляема всем простым народом. Во время торговли с китайцами начинают распространяться культура льна, а по вышеуказанной причине ее увеличивают вдвое, ибо носят полотняные рубашки. Можно было бы в короткий срок написать целый том на эту тему, но я не хотел бы этим предметом утомлять внимание вашего сиятельства по крайней мере в настоящее время» (перев. с франц.).

Предложение А. Р. Воронцова заняться вопросом о торговле с Китаем было, пожалуй, толчком для Радищева, но не основной причиной, заставившей его приняться за изучение этого вопроса.

Рабстая в Коммерц-коллегии и таможене, Радищев знал, конечно, какое значение придавалось торговле с Китаем. Поэтому естественно, что он сразу же ухватился за возможность проникнуть в сущность торговли России на Востоке. Этим он удовлетворял свою потребность глубже познать нужды народного хозяйства России и одновременно выполнял желание своего заступника и покровителя.

Вопрос о торговле России с Китаем был в то время актуален. В истории внешней торговли царской России с Дальним Востоком в XVIII в. Китай занимал первое место. В конце царствования Екатерины II было сделано несколько попыток установить дипломатические и торговые отношения и с Японией, но они оказались неудачными (Исторический журнал, 1937, № 3—4, стр. 233—235). Первые попытки сближения России с Китаем начинаются еще с середины XVI в. при Иване IV. На ряду с колонизацией Сибири в течение XVII и XVIII вв. ведется политика укрепления торговых взаимоотношений России с Китаем. В 1689 г. заключается льготный для Китая Нерчинский договор, так как торговля с Китаем считается чрезвычайно важной для сбыта пушных богатств Сибири. «Московский великий государь» с надеждой смотрит на китайский рынок,

поскольку поступавший в казну в виде «ясака» пушной товар не поглощался внутренним рынком и продажей его в Турцию, Иран (Персию) и Западную Европу. Петр I предпринял энергичные меры для организации торговли сибирским товаром с Китаем. Одним из основных вопросов восточной политики при Петре было установление соседских отношений через Сибирь с Китаем. Но из этого ничего не вышло. Китай относился отрицательно к торговле с Россией. В 1727 г. России удалось заключить Кяхтинский договор (трактат) с Китаем, ратифицированный и размененный в 1728 г. По этому договору Китайское правительство открыло для русско-китайской торговли два пограничных пункта: один на р. Кяхте, другой на Аргуни около Нерчинска (урочище Цурухайту). В результате Кяхтинского договора русско-китайская торговля оживилась. Наиболее успешно стала она развиваться на р. Кяхте, где и возникло одноименное селение Кяхта. С 1743 г. Кяхта по сенатскому указу стала торговой слободой. Ныне Кяхта (б. Троицкосавск) — город, районный центр в Бурят-Монгольской АССР, в 230 км к югу от Улан-Удэ.

При Петре III казенная торговля с Китаем за невыгодностью была отменена (В. Пичета. История народного хозяйства России. 1923, стр. 24). В связи с этим Кяхта потеряла то значение, которое она имела согласно торговому договору 1727 г., разрешавшему свободную торговлю в Кяхте для России и Китая. А Екатерина II именным указом от 31 июля 1762 г. в числе многочисленных монополий отменила монополию на право торговли с Китаем (Полное собрание законов, т. XVI, стр. 31—38, № 11630). Хотя эта мера Екатерины и дала больше простора торгово-промышленной инициативе, торговля с Китаем не подвинулась вперед. «Неприятности и остановки в торговле с Китаем не прекращались и после 1762 г., когда так называемый Китайский караван был отдан в вольную торговлю; с 1762 до 1792 г., в течение 30 лет, торговля с Китаем останавливалась 14 раз. Русское правительство, ради Китайского рынка для Сибири, было в высшей степени осторожно в своих отношениях к китайцам, но согласия с ними не было» (Фирсов. Чтения по истории Сибири, вып. II, ГИЗ, 1921, стр. 36). Насколько велика была заинтересованность в установлении нормальной торговли с Китаем и как велика была осторожность правительства Екатерины II, чтобы не допустить осложнений в торговле с Китаем, видно из факта, который приводит Фирсов в «Чтениях по истории Сибири (вып. II, стр. 26): «экспедиции проф. Лаксмана, отправленной в 1791 году на казенный счет в Японию, было запрещено производить изыскания нового пути по р. Амуру, дабы тем не возбудить подозрений в Китайском правительстве и в переговорах об открытии взаимного торгового пути к новым затруднениям».

Вопрос о торговле с Китаем на Кяхте интересовал многих современников Радищева. Кн. Щербатов в 1788 г. писал, что «Китайский торговый рушен от несогласия нашего с Китайцами». Известные ученые путешественники Лепехин и Паллас, о которых Радищев упоминает в одном месте своего «Письма о Китайском торге», оставили ряд интересных свидетельств, относящихся к торговле на Кяхте. М. Чулков в своем много-томном сочинении «Историческое описание Российской коммерции привсех портах и границах с древнейших времен до настоящего времени» (1785) в книге 1-й и 2-й III тома подробно останавливается на Иркутске, Кяхте, торговле с Китаем и Монголией через Кяхту, приводит документы по торговле России с Китаем. Радищев несомненно знал эту работу Чулкова. Знаком был Радищев и с произведением Лепехина и с «Путешествием по разным провинциям Российского государства» Палласа, который (в третьей части, изд. Академии Наук в 1788 г.) обстоятельно описывает на протяжении 47 страниц состояние китайского торгового дела на Кяхте в 1770—1772 гг.

Заминки, прекращение торговли с Китаем служили предметом специального обсуждения в Комиссии о коммерции. Одну из главных причин, создавших неблагоприятный торговый баланс и низкий вексельный курс, эта комиссия видела в 1788 г. в прекращении торговли с Китаем. На это

же указывали в своих мнениях о причинах низкого вексельного курса и русские купцы, подчеркивая необходимость возобновления торговли с Китаем.

Когда Радищев приехал в Сибирь, торговля с Китаем была остановлена вследствие трений с китайским правительством. Возобновлена она была в 1792 г.

После подробного разбора значения Кяхты для торговли России в «Письме о Китайском торге» Радищев приходит к выводу: «Пресечение оного (Кяхтинского торга, — *Ред.*) не есть столь великий вред, как то обыкновенно представляется... и если я говорю, что не так велик вред от пресечения торга на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, что его возобновление было вредно;... какое действие открытие торга на Кяхте будет иметь — не знаю. Китайский торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири, или же некоторой ее части, почти только лежащей по сю сторону Енисея». Некоторая неопределенность этого вывода вытекала в известной мере из того, что Радищев не делал окончательных заключений до тех пор, пока не изучит вопроса до конца. При этом он сомневался в точности части сведений, которыми располагал. На это он указывает сам в «Письме о Китайском торге»: «Передо мною лежит теперь ведомость без году отпущенных в Китай товаров. В[аше] С[иятельство] довольно знаете, коликую степень вероятности все таможенные ведомости иметь могут, но за неимением лучших исчислений, они бывают основанием». Радищев придавал большое значение статистическим данным. В «Записке о законоположении», написанной почти на десять лет позже «Письма о Китайском торге», Радищев снова, но уже более обстоятельно, говорит о необходимости точных статистических сведений при решении государственных вопросов.

Ключом к пониманию причин кажущейся неопределенности мнения Радищева о китайской торговле служит также следующее принципиальное заявление, сделанное им почти в начале «Письма о Китайском торге»: «В Европе говорят, что все преграды в торговле вредны, ибо сама себя содержит всегда в неизбежном равновесии. Если бы захотели следовать новейшему мнению относительно внешней торговли, то возобновление торга с Китаем выходило бы из оного естественным следствием. Но как оное в России в строительстве государственном не приемлемо (*разр. наша, — Ред.*) и принять быть не может, то, следуя противному мнению, посмотрим, чего Сибирь и Россия пресечением торга с Китаем лишаются». Словам Радищева: «и принять быть не может» не следует придавать принципиального значения, так как Радищев в «Письме о Китайском торге» почти во всех своих рассуждениях выступает сторонником свободной торговли.

Радищев думает о развитии отечественной промышленности, но исходит из интересов не столько купечества, сколько крестьянства. Вступаясь за крестьян, он готов отдать даже предпочтение деревенским кустарным промыслам перед большими мануфактурами, поскольку «обыкновенные мануфактуры», как он поясняет в «Письме о Китайском торге», «не исключая английских и французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан, и за каждые 200, 300 или 1000 человек, получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан, в то время, как рукоделие, не обогащая ни одного, многим частным и большей частью сельским жителям доставляет большое питание». Радищев в «Письме» с ненавистью говорит и о роли скупщика-купца, живущего за счет труда крестьянина. «Один из 100 или из 200 крестьян, — пишет Радищев, — живет не в долгу, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу продают заранее, а корыстолюбивые и немилосердные торговцы пользуются трудами их и обогащаются». Радищев не может примириться с тяжелым положением крестьянина и поэтому выступает не только против помещика, но и против купца, когда последний становится угнетателем крестьянина. Требования земледельца и крестьянского рукоделья Радищев кладет во главу угла в вопросе о китайской торговле.

В одном из писем к Воронцову он прямо заявляет, что «из-за торговли забывают земледелие, которое было бы полезно, тем более что это торговля хищная и убивает в сердцах людей всякий зародыш жалости». В «Письме о Китайском торге» в своих доводах как за, так и против возобновления торговли России с Китаем, Радищев главным образом ищет выгод от торговли с Китаем для крестьянина и зверолова. Он констатирует, что возобновление торговли с Китаем выгодно, поскольку: 1) цены на мягкую рухлядь, т. е. пушнину, будут постепенно повышаться, а это благоприятно отзовется на положении селян-промышленников, которые занимаются «промыслом звериным». 2) Сельские жители получат дополнительный заработок от проезжающих купцов в виде платы за пищу, сено, овес и пр. Кроме того увеличится доход крестьян от извоза, что особенно полезно для них, так как сумма дохода от последнего велика. 3) Возобновится ввоз шелка-сырца, а от этого «распространится российское шелковое рукоделие, столь выгодное, ибо соединяется с земледелием».

С другой стороны, Радищев подчеркивает, что прекращение торговли с Китаем привело к увеличению земледелия в связи с посевом льна в Иркутской и Тобольской губерниях, в результате чего «явилось размножение холста», который в окрестностях г. Томска начал продаваться, как товар, положив этим начало новой отрасли торговли. От прекращения торговли с Китаем Россия в этом смысле не только не проиграла, но и выиграла, так как обыкновенные звериные промыслы не уменьшились, а пушнина нашла себе сбыт не только внутри страны, но и за границей.

Остановливаясь на зверобойных промыслах, Радищев, оставаясь верен себе, жалеет звероловов, у которых «препитание ненадежно». Ему не нравится, что «зверинные промыслы» отвлекают население от земледелия. Радищев не видит вреда от прекращения торговли с Китаем и для скотоводства. Взвешивая пользу и вред от возобновления торговли на Кяхте, с точки зрения развития земледелия, крестьянских ремесел, улучшения условий жизни крестьян, Радищев воздержался от окончательного заключения: выгоден или нет китайский торг. Для нас эта осторожность Радищева, не имевшего всех данных для решения конкретного вопроса, следует ли возобновлять китайский торг, нисколько не умаляет ценности «Письма о Китайском торге». Вполне вероятно, что если бы Радищеву пришлось решать вопрос о китайском торге не в условиях ссылки, если бы он мог побывать лично на Кяхте, то он сказал бы свое окончательное мнение. Радищев несколько раз упоминает в «Письме» о необходимости побывать на Кяхте, чтобы иметь возможность потом прийти к твердому мнению о китайском торге.

При сравнении «Письма о Китайском торге» со всем, что говорилось в различных комиссиях о китайской торговле при Екатерине II, сразу бросается в глаза разница принципиальных положений в решении вопроса. Если для Палласа, Лепехина, Чулкова и для различных комиссий вопрос сводился к требованиям «коммерции», то для автора «Путешествия» основным было в пользу китайской торговли для крестьянства.

Рассматривая вопрос о китайском торге, исходя из потребностей всего населения Сибири и России в целом, Радищев особенно выделяет из всех товаров значение чая в торговле с Китаем. Выдвигая из всех товаров на первое место чай, Радищев подметил основную линию торговли с Китаем, которая еще только вырисовывалась в XVIII в., поскольку в торговом балансе пушнина занимала почти такое же место, как и чай. Только в следующем столетии стали тесно связывать торговлю на Кяхте с вопросом о чае.

Радищев стоит за возобновление торговли с Китаем еще и потому, что, по его мнению, остановка торгова на Кяхте не повлияла на понижение курса, «ибо сей торг есть отъемный, меновой, и дебет и кредит его не входит в сумму торговых России оборотов с Европейскими государствами». Прочитированные слова из приложенной к «Письму» «Записки» противоположны тому, что доказывалось в Комиссии о коммерции в 1788 г.

и поддерживалось современниками Радищева, видными государственными деятелями царствования Екатерины II. Выступая против распространенного в то время взгляда, согласно которому причину низкого вексельного курса видели в прекращении торговли с Китаем, Радищев дает свое объяснение причине понижения вексельного курса в России.

Вопрос о низком вексельном курсе в XVIII в. имел свою историю. Для разрешения этого вопроса Екатерина II создала специальную комиссию «о причинах и способах поднятия вексельного курса». Результаты работ этой комиссии освещены Н. Н. Фирсовым в статье «Вопрос о причинах падения вексельного курса России и о средствах к его возвышению в царствование Екатерины II», помещенной в книге «Исторические характеристики и эскизы» (т. I, Казань, 1922, стр. 188—241).

Радищев отрицал влияние китайского торгова на низкий вексельный курс, исходя из положения, что китайский торг — меновой и не влияет на торговый оборот России с европейскими государствами. Характеристика Радищевым китайского торгова, как меновой торговли, правильна. Это подтверждает и Паллас, наблюдавший в 1770—1772 г. торговлю на Кяхте; он записал в своем «Путешествии» (ч. III, 1788, стр. 182): «торг с Китаем производится меною товара на товар». Меновою торговля на Кяхте была и в XIX в. Об этом говорит К. Маркс, прекрасно знавший все особенности мировой торговли, ссылаясь в своей работе «К критике политической экономии» на Кяхту, как на пример меновой торговли. Маркс пишет: «Серебро служит мерою цен в торговом обороте между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей» (Партиздат, 1935, стр. 81); и ниже Маркс еще раз подтверждает это: «Пограничная торговля на Кяхте представляет собою фактически и согласно договору меновую торговлю, в которой серебро — лишь мера стоимости. Война 1857—1858 г. заставила китайцев продавать не покупая. Считаясь с буквальным текстом договора, русские перерабатывали французские пятифранковые монеты в грубые серебряные товары, которые служили средством обмена» (стр. 145). Исключив с достаточным на это основанием кяхтинскую меновую торговлю из числа причин низкого вексельного курса, Радищев причину его объясняет падением курса русских бумажных денег. Так, говоря о привозе чая из Китая, он задает себе вопрос: «Для чего же ныне за рубль дают 27—28 стиверов» (стивер или штивер — голландская монетная единица, $\frac{1}{20}$ гуальдена); и сам отвечает: «для того, что торгуют не на серебряный рубль, но на бумажки. Приложи же к бумажному рублю промен на серебряные деньги, то курс будет равный (al pari)». Здесь же Радищев выдвигает и другой момент в объяснение причины низкого вексельного курса: «Торг на Кяхте тогда бы мог великое иметь на курс действие, если бы, заменив многие статьи европейских товаров, тем бы не уменьшался и вывоз некоторых наших товаров...» и т. д.

Мнение Радищева, что обесценение бумажных денег есть причина низкого вексельного курса, правильно. К такому же выводу после специального изучения вопроса о причинах низкого вексельного курса в царствование Екатерины II пришел и Фирсов, говоря: «следует признать, что с 1788 года по 1793 год включительно падению стоимости русского ассигнационного рубля принадлежит преобладающее значение на вексельный курс России».

Выход из положения Радищев видел не в бесцельных разговорах о торговом балансе, а в развитии отечественной промышленности, в разработке железных ископаемых. Недаром в «Записках путешествия в Сибирь» и «Дневнике путешествия из Сибири» Радищев регистрирует все виды полезных ископаемых, попадавшиеся ему в пути.

Итак, чрезмерный выпуск бумажных денег в связи с многочисленными войнами — причина падения бумажного рубля; это мнение Радищева правильно разрешило вопрос. Радищев осуждал финансовую политику Екатерины II, когда печатный станок работал чересчур усиленно. Радищев относился к войне, как общественному явлению, отрицательно по соображе-

ниям экономического и гуманного характера, а это заставляло его внимательно следить за последствиями современных ему войн. Отсюда вполне закономерно, что в «Письме о Китайском торге» мы находим такое правильное указание: «Эпоха уменьшения серебряных денег есть начало войны со шведами. Неужели каждый год война стоила 40 миллионов? Может быть, ибо умножением денег цена на все умножалась».

Это указание и мысль, высказанная Радищевым в конце этой цитаты, что турецкая война 1787—1791 г. и одновременная с ней шведская война (1788—1790; именем последней Радищев покрывает обе войны) стоили больше, чем предыдущие войны, полностью соответствуют действительности. Чтобы убедиться в этом, стоит только сравнить указания Радищева с таблицей доходов и расходов с 1763 г. по 1794 г., составленной И. С. Блюх в его книге «Финансы России» (т. I, стр. 51—62). Рост выпуска ассигнаций был таков: к 1774 г. до 20 млн., к 1786 г. — 46.2 млн., к 1796 г. — 157.7 млн. Отношение же между ассигнационным рублем и серебряным, который оценивался выше первого, установилось такое: в 1786 г. — 98 коп., в 1788 г. — 92.75 коп., в 1789 г. — 91.75 коп., а в 1790 г. — 87 коп.

Подметить появление высокого лажа к концу Шведской войны Радищеву помогло, по всей вероятности, то обстоятельство, что до этого времени лаж был настолько незначителен, что колебания его не имели особого значения. Начиная же с 1790 г. лаж повышается, находясь в течение 1790—1794 гг. в строгом параллелизме с движением количества ассигнаций (Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл. Пгр., 1917, стр. 94—96).

Мысль о вредном влиянии на народное хозяйство России чрезмерного выпуска бумажных денег волновала Радищева; в царствование Екатерины II сильно возросли прямые и косвенные налоги. Долг внешний и внутренний в связи с войнами возрос к концу царствования Екатерины до 126 млн., а государство в это время получало доход средним числом 65 млн. (В. О. Ключевский. Курс Русской истории, ГИЗ, 1937, ч. V, стр. 169—170). Через десять лет в «Записке о законоположении» Радищев снова возвращается к вопросу о вреде большого выпуска бумажных денег. Он предостерегает здесь правительство Александра I от вредных экспериментов в области финансовой политики, имевших место при Екатерине II.

Радищев хорошо знал не только из литературы, например, из журнала «Das graue Ungeheuer» («Седое чудовище»), издаваемого немецким журналистом Векклином, о судьбе которого он говорит в «Путешествии» (глава «Торжок»), но и лично характер финансовой политики при Екатерине II. Б «Седом чудовище» в заметках за 1787 г. о России Векклин писал: «О русско-турецкой войне говорят, что это лишь финансовая спекуляция, рвотное средство»; «одним словом, у двора нет никакой определенной и прочной финансовой системы» (Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия». 1935, стр. 463).

В «Записке о законоположении» Радищев уже грозит правительству Александра I возможным государственным банкротством, заявляя, что «привлечение денег бумажных есть зло; поток плотины разорвавшейся покроет все торговые обращения — земледелие и рукоделие будут томиться, и число монеты бумажной возрастет до того, что цена ее будет меньше, нежели лист бумаги, на нее употребляемой; тогда — подчеркивает Радищев — наступит час гибели, час государственного банкротства». Для того же, чтобы этого не случилось, правительство Александра I должно упорядочить денежное обращение, которое находится, по замечанию Радищева, «в ближайшем и теснейшем союзе с народным благосостоянием». Радищев предлагает в дальнейшем выпуск денег поставить в строгом соответствии с народным капиталом. Для «суждения же о сем, по возможности, нужно кажется иметь ведомости», в которых должны быть сосредоточены, по мнению Радищева, все данные о народном капитале и о состоянии финансов в данное время.

В «Письме о Китайском торге» Радищев останавливается и на причинах, мешающих росту внутренней торговли. Одним из основных недочетов

внутренней торговли России XVIII в. было плохое состояние путей сообщения, как сухопутных, так и водных. Начиная с Петра I предпринимались меры к упорядочению путей сообщения, но все делалось так безобразно медленно, что еще в первой половине XIX в. сухопутные дороги, не исключая даже наиболее значительных трактов, находились в ужасном положении (Я. А. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия», стр. 351). На плохое состояние дорог Радищев указывает, начиная с «Путешествия» вплоть до «Письма о Китайском торге». Об этом он говорит и в «Записке путешествия в Сибирь», «Дневнике путешествия из Сибири» и в письме к А. Р. Воронцову из Тобольска от 29 мая 1791 г.; здесь он делает такое характерное замечание: «Сказывают, что крестьяне здешние недовольны будут, если родится много хлеба: уплата податей будет для них затруднительна. Чрезмерное пространство, на коем население рассеяно, и недостаток сообщения водного с Россией делают сие вероятным». Понимая хорошо, насколько важны хорошие пути сообщения для внутренней торговли, Радищев старается собрать все сведения, касающиеся этой отрасли народного хозяйства. Так, в письме к Воронцову от 30 мая 1791 г. он пишет: «Ничего я не видывал простее, как суда, в которых возят в Тобольске хлеб. Представьте себе четверугольную лачужку, в которую лезят в служебное окно: вот истинная форма здешних хлебных барок. Во многих отношениях здесь люди целым столетием отстали от Великороссии. Большие суда, употребляемые на Сибирских водах, точно такого же построения, как Волжские, но не столь хорошей отделки». Интересуясь состоянием внутренней торговли, Радищев и в «Записке» и в «Дневнике», и в письмах к Воронцову отмечает дни, в какие бывают базары в той или иной местности, и те товары, которые ему удалось заметить в продаже, и их цены, а также стремится установить линии перемещения некоторых видов товаров. Привлекают его внимание и ярмарки, Ирбитская, Макарьевская и другие, значение которых, как центров торговли, он ставит высоко.

О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЕГО СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИИ

Напечатано впервые в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (чч. II и III, 1809). Рукопись не сохранилась. Начало работы Радищева над философским трактатом датируется пометой, без сомнения сделанной самим автором на рукописи и сохраненной на титульном листе в издании 1809 г.: «Начато 1792 года января 15. Илимск». Радищев приехал в Илимск 3 января 1792 г. (см. его письмо к А. Р. Воронцову от 4 апреля 1792 г.) и, следовательно, сразу же принялся за работу над трактатом. Сколько времени он писал трактат — неизвестно. Н. П. Павлов-Сильванский пишет, что Радищев «работал над этим сочинением несколько лет, но не успел дать ему окончательной отделки» (Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. СПб., 1910, стр. 134). Нужно думать, что указание Павлова-Сильванского основано на домысле, может быть и справедливом, в виду того, что трудность темы трактата, обилие охваченных в нем вопросов, обилие использованной литературы, наконец, довольно значительный объем самой работы говорят в пользу того, что она не могла быть написана очень быстро. Однако можно быть уверенным, что весь текст трактата написан Радищевым в Сибири, в Илимске, т. е. в период между январем 1792 г. и концом 1796 г. Если бы последние части трактата писались уже в России, то скорей всего изменение положения Радищева как-нибудь отразилось бы в их тексте. Между тем мы видим обратное: именно в последней, четвертой части («книге») находится известное место о героях свободной мысли и их судьбе: «Иоганн Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается» («друг ваш» — сам Радищев); это не могло быть написано после отъезда Радищева из Илимска. Сын Радищева, Павел Александрович, также сообщает, что «трактат о бессмертии души» написан в Илимске (В. П. Семеновичев. Ради-

шев. 1923, стр. 236). Так же следует понимать и указание другого сына Радищева, Николая Александровича, о том, что «рассуждение о человеке, о смертности его и бессмертии души» Радищев написал, когда был в «заточении» (по смыслу контекста. — Русская Старина, XI, 1872, стр. 580).

Исходя из вышеприведенных материалов, следует отвергнуть предположение Е. Боброва, который писал: «Книга о бессмертии начата еще в Илимске в 1792 г., т. е. за десять лет до смерти автора. Надо думать, что автор не переставал работать над этим своим сочинением вплоть до смерти» (Е. Бобров. Философия в России, вып. III, Казань, 1900, стр. 207).

Тот же Е. Бобров говорит, что Радищев «повидимому не придал своему произведению окончательной формы (попадают даже конспекты мыслей вместо изложения...); при этом он находит, что редакторы издания 1807—1811 гг. неправильно редактировали некоторые места текста, исказили его, иногда изменяли смысл его, говоря «обратное тезисам, защищаемым автором» (там же, стр. 57 и 206). Далее Е. Бобров пишет прямо, что трактат «остался не оконченным» (стр. 207). Эта мысль о неоконченности труда Радищева повторялась в литературе о нем и после Е. Боброва. Однако следует отнестись к ней с недоверием. Совершенно очевидно, что никакого продолжения трактат Радищева не должен был иметь; четыре «книжки» исчерпывают его содержание, и последняя фраза его — «ты будущее свое определишь настоящим, и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта» — эта фраза, конечно, и должна являться последней, заключительной фразой работы, повторяющей самое начало ее, эпиграф — «Le temps présent est gros de l'avenir». В доказательство незаконченности текста трактата Радищева Е. Бобров указывает два места его: первое — в книге I (в нашем изд. стр. 58), где имеется в издании 1890 г. примечание: «В сем месте сочинитель начертал одни только предметы, о которых рассуждать был намерен; вот они...» и т. д. Это примечание, без всякого сомнения, сделано редакторами издания 1809 г., т. е. сыновьями Радищева или А. Ф. Мерзляковым; оно говорит лишь о том, что в рукописи в данном месте находился лист, содержащий план ненаписанного куска трактата; но вероятнее всего, что этот план был отвергнут самим автором, т. е. что мы имеем здесь черновой вариант плана, не осуществленный не по недостатку времени, а вследствие сознательной воли автора. Второе место, указанное Е. Бобровым, — во второй книге (в нашем изд. стр. 85), где в тексте 1809 г. дана неполная строка точек, — и затем абзац, по мнению Е. Боброва, не связанный с предшествующим изложением («Если мы оком...» и т. д.). Однако связь этого абзаца с предыдущим очевидна, а точки могут быть не более, чем графическим знаком рукописи, того же типа, что многоточие. Впрочем, если мы здесь даже имеем пропуск, то это говорит лишь о том, что в рукописи, по которой издавался текст 1809 г. (единственный, дошедший до нас), здесь оказался пропущенный лист (или даже несколько листов), но этот пропуск нисколько не говорит о том, что соответственное место не было написано Радищевым; пропущенные листы или лист могли просто быть утерянными за время между написанием трактата и изданием его. Такого же рода точки (здесь, видимо, пропуск) мы имеем и на стр. 86. Может возникнуть сомнение такого рода: почему же утерянные листы так аккуратно начинаются и кончаются началом и концом фразы? Это сомнение снимается частично естественным предположением, что редакторы издания 1809 г. отбрасывали начало и конец фраз, дошедших до них не полностью, желая привести текст в наиболее «читаемый», очищенный вид, частично тем, что мы признаем, что в первом случае никакого пропуска вообще нет.

Наконец, ничего не говорит о неоконченности трактата и явная неисправность текста 1809 г. в ряде мест; все ошибки этого печатного текста являются или опечатками, или же результатом неправильного чтения рукописи. Е. Бобров указал целый ряд таких ошибок и верно исправил их, — хотя не всегда (ему мешала его тенденция к «подправлению» Радищева

в идеалистическом направлении, к искаженному истолкованию его в качестве лейбнишянца).

В тексте настоящего издания исправлены все явные ошибки издания 1809 г.

В своем трактате Радищев широко использовал литературу XVIII столетия: французскую, немецкую и английскую. Вообще говоря, трактат обнаруживает огромную начитанность Радищева в самых различных областях знания, энциклопедичность его научных интересов, колоссальную широту его мысли. Но ближайшим образом, — в соответствии с темой работы, — Радищеву пришлось опираться в ней на философскую литературу. При этом он не только помнил при работе над трактатом общий смысл многочисленных философских учений его времени, но использовал книги своих предшественников в деталях, в отношении отдельных фактов иногда следуя близко за изложением избранного им автора, иногда даже вольно переводя его целыми абзацами. Можно утверждать, что основные книги, использованные Радищевым в его трактате, были у него под руками в Илимске; следовательно, они находились в числе книг, присланных Радищеву в Сибирь Воронцовым или были привезены туда Е. В. Рубановской.

Вопрос об источниках философского трактата Радищева неоднократно подвергался исследованию. Итоги изучению этого вопроса подвел И. И. Лапшин в своей работе «Философские воззрения Радищева» (в издании «Полного собрания сочинений А. Н. Радищева», под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, т. II, СПб., 1907; потом — в сокращенном виде, отдельной брошюрой: «Философские взгляды Радищева». Пгр., 1922). И. И. Лапшин суммировал все то, что было сделано в данном направлении до него, и прибавил к этому ряд своих разысканий. После работы Лапшина некоторые материалы были сообщены в работах, посвященных Радищеву.

Трактат Радищева разделен на четыре «книги». В кн. I Радищев устанавливает общие положения и исходные пункты рассуждения, определяет место, занимаемое человеком в природе, разбирает его умственные способности. В кн. II Радищев излагает доводы в пользу смертности души; в кн. III и IV он дает характеристику и оценку учения о бессмертии души.

В кн. I, обсуждая вопрос о развитии человеческого зародыша, Радищев отвергает гипотезу о том, что «семя содержалось одно в другом» и т. д. (стр. 43), т. е. теорию предсуществующих зародышей Ш. Бонне, изложенную им в его «Созерцании природы» (*Contemplation de la Nature*, 1764—1765) и в «Философской палингенезии» (*La palingénésie philosophique*, 1783). Радищев склоняется к теории «эпигенезиса» об образовании семени в женском организме, развитой Вольфом в его «*Theoria generationis*» (1739). В противоположность Гольбаху, взгляды которого вообще повлияли на него, Радищев считает возможным допустить гипотезу о зачатках одушевленности, свойственных семени, может быть под влиянием работы П. Л. Мопертюи — «*Vénus physique*» (1745). Замечания Радищева о том, что «для образования чего-либо и в царстве ископаемого нужна матка» (стр. 46), соотносятся с взглядами, высказанными по этому вопросу Ж.-Ф. Робине в его книге «О природе» (*De la Nature*, 1766).

На стр. 46 Радищев говорит: «Мы не скажем, как некоторые умствовали: человек есть растение»; здесь очевидно имеется в виду Ж. Ламеттри с его работой «Человек — растение» (*L'homme — plante*, 1748). Впрочем, отвергая резкость формулировки Ламеттри, Радищев воспринял от него сравнение человека с растением, что показал (и привел текстуральные сопоставления) З. И. Чучмарев в своей статье «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени» (Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, т. II, 1927, стр. 97—98).

Далее Радищев дает антропологическую характеристику человека в основном по Гердеру; он следует близко за изложением первого тома

книги Гердера «Ideen zur Geschichte der Menschheit» (1784—1791). Из Гердера взяты и ссылки на Бюффона (стр. 49), и ссылка на Кампера (стр. 50), и ссылка на «одного английского писателя» (Монбоддо), назвавшего человека «насмешником между всеми земными тварями» (стр. 52).

Говоря о мысли Гельвеция, что «руки были человеку путеводительницы к разуму» (стр. 51), Радищев имеет в виду первую главу книги Гельвеция «Об уме» (De l'esprit, 1758). Далее Радищев излагает основы своей теории познания. Здесь он теснейшим образом связан с французскими материалистами. При этом, по вопросу о суждении, он оказывается на стороне Гольбаха и Дидро против Гельвеция, не соглашаясь с тезисом последнего: судить — это и есть ощущать. Основные свойства «вещественности» Радищев излагает, в ряде мест следуя Дж. Пристли в его «Исследованиях о материи и духе» (Disquisitions Relating to Matter and Spirit, 1777). Несомненно, на сенсуалистические воззрения Радищева оказал влияние и Локк. С Гельвецием Радищев расходится и в его учении о среде, как исключительном факторе развития человека (стр. 65). Радищев указывает на значение наследственности в развитии умственных свойств. Еще ранее Радищев возражает и против теории Гельвеция о прирожденном равенстве умственных способностей всех людей (стр. 59); ср. «Об уме» — «Рассуждение III» и «О человеке» — «De l'homme», 1773, разделы I—V).

Теория сочувствия как основы социальных переживаний человека (стр. 54—55) изложена Радищевым в зависимости от книги Адама Смита «Теория нравственных чувств» (Theory of Moral Sentiments, 1759).

Говоря о влиянии климата и вообще «естественности» на человека (стр. 59), Радищев вновь следует Гердеру. Так, например, он говорит о Монтескье (стр. 63), прямо перевода Гердера, так же как о Гомере и Оссиане (стр. 64), об индийских богах и др.

Следует здесь же подчеркнуть, что широко используя своих предшественников, иногда переводя из них целые абзацы, Радищев тем не менее сохранял независимость, оригинальность мысли. Он брал из Гердера, Пристли, Гольбаха и других только то, с чем соглашался, отбрасывая другое; учения этих мыслителей приобретают совсем новый и своеобразный характер в обработке и в сочетании их элементов у Радищева, потому что Радищев вовсе не был эклектиком и вовсе не шел на поводу у своих предшественников. Приведу один пример того, как даже незначительное изменение заимствуемого текста придает ему совершенно оригинальный, Радищевский, характер.

Радищев пишет: «Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями... Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно: как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области, государства, построило деревни и города, избрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия падень земля моя! — он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и облекши его багряницею, поставил на алтарь превыше всех, воскурил ему фимиам. Но, наскучив своею мечтою и стяхнув оковы свои и плен, попрад обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого» (стр. 64). Излагая в этом месте как бы конспект истории человечества, Радищев следует Гердеру (Идеи, кн. VIII, гл. 3). Но Гердер выдвигает вперед условия климата и природы, Радищев же — зависимость изобретений от потребностей. Приведенный отрывок сходен в деталях с текстом Гердера, который пишет: «Вообще никакой образ жизни не произвел столь многих изменений в образе мыслей людей, как хлебопашество на огороженном участке земли. Поскольку оно вызвало к жизни промысла и художества, селения и города, а следовательно, обусловило и установление законов и государства, оно неизбежно открыло дорогу тому ужасному деспотизму, который, так как он находил каждого на

своем поле, в конце концов предписал каждому, что именно он должен делать и чем он должен быть на этом участке земли...» и т. д. Однако Гердер остановился на стадии деспотизма. Радищев же, излагая «шестивие разума человеческого», после этапов, имеющих у Гердера, прибавляет еще один: наступает революция и деспоты свергнуты. Кроме того, на место спокойноростовательной формулы и мысли Гердера о значении прикреплённости человека к данному месту, Радищев вставляет фразу, восходящую к Руссо, который сказал: «Первый человек, который, оградив участок земли, решился сказать: это мое, и нашел людей достаточно наивных, чтобы ему поверить, был основателем гражданского общества» (начало второй части «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства среди людей»).

Теория страстей, изложенная в конце кн. I трактата Радищева, сближается с теорией, изложенной в работе Мабля «Principes de morale» (1784).

В кн. II своего трактата Радищев излагает основы учения материалистов XVIII столетия, следуя за двумя мыслителями: Гольбахом с его «Системой природы» (Système de la Nature, 1770) и Дж. Пристли — «Исследования о материи и духе» (Disquisitions Relating to Matter and Spirit). Кроме того, Радищев использовал учение о чувствительности материи, развитие — у каждого по-своему — Мопертюи, Ламеттри, Дидро, Робини, так же как Гольбахом. Он использовал и Лукреция. Впрочем, опираясь главным образом на Пристли и Гольбаха, Радищев и здесь сохраняет независимость от них; так, он считает, что «чувствительность» есть функция организации материи, а не простое свойство ее, как это было у Гольбаха; или же Радищев подчеркивает совершенствование структуры материи по мере перехода от низших форм к высшим, — в отличие от Гольбаха, которого больше интересовало доказательство тождественности элементов материи во всех формах, лишь количественно отличных.

Приводя в кн. III трактата аргументы в пользу бессмертия души, Радищев руководился книгой М. Мендельсона «Федон, или о бессмертии» (Phaedon oder über die Unsterblichkeit der Seele, 1764).

Истолкование единства образа при видении двумя глазами (стр. 114) Радищев мог найти у Декарта — «О страстях» (De passionibus). Говоря об единстве понятия (например, понятия о колоколе) при восприятии предмета тремя обособленными ощущениями и о внимании (стр. 114). Радищев мог помнить аналогичные мысли Кондильяка в введении к его собранию сочинений (1775).

Начиная с середины кн. III и в кн. IV Радищев вновь возвращается к Гердеру, к его «Идеям» и к первому из его трех диалогов «О переселении душ» (Ueber die Seelenwanderung, 1785; 2-е изд., 1791). Он следует за Гердером почти целиком. Необходимо отметить, что мысль о прямой зависимости философских взглядов Радищева от Лейбница, развитая Е. Бобровым (указ. соч.), убедительно отвергнута всеми последующими исследователями.

Радищев разделил основную часть своего трактата (кн. II—IV) на два раздела: сначала он приводит доказательства в пользу смертности души, в пользу материализма, потом — в пользу бессмертия. Некоторые буржуазные ученые пытались доказать, что именно в последнем разделе перед нами «настоящий» Радищев. Е. Бобров прямо считал его идеалистом-лейбницианцем. К его мнению примкнул, например, В. А. Мякотин, который считал, что Радищев решительно выступал против «безотрадного» с его точки зрения учения материализма (В. А. Мякотин. Из истории русского общества. СПб., 1906, стр. 215). Между тем, еще Пушкин писал о трактате «О человеке»: «Радищев, хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма» («Александр Радищев»). В самом деле, Радищев в основах своего мышления — материалист. Его гносеология материалистична по существу. Затем, есть значительная разница в оценке самим Радищевым приводимых им аргументов в пользу материализма и

в пользу бессмертия души. Смертность человека, материалистическую концепцию его Радищев доказывает данными опыта научно и бесспорно. Он сам считает это доказательство логически неопровержимым. Совершенно иначе он относится к аргументации против материализма; он считает, что приводимые им же самим доводы в пользу бессмертия логически шатки и могут быть убедительны лишь для чувства, а не для разума. Его сознательные убеждения материалистичны, а в бессмертие души можно — по его мнению — только верить.

Радищев как бы утверждает две истины: одну, логически доказуемую и объективную, убеждающую в истине материализма; другую, логически до конца недоказуемую, субъективную и существующую лишь в качестве переживания и чувства человека. Научное значение имеет, конечно, первая из них, но, по Радищеву, и вторая может иметь практическое значение.

Посвящение трактата Радищева «друзьям моим» связано со всей манерой его изложения. Радищев на протяжении всей книги неоднократно обращается к этим «друзьям», «возлюбленным», с которыми он разлучен ссылкой в Сибирь. Конечно, эти обращения являются функцией определенного художественного замысла: Радищев построил свою книгу не как сухую академическую диссертацию, а как живую речь, беседу с читателем. Работа «О человеке» написана в духе «философских писем»; отсюда и обращения к «друзьям». С другой стороны, под этими «друзьями» следует понимать и реальных друзей Радищева, оставшихся в Европейской России, таких как А. Р. Воронцов, или как ученики Радищева в группе «Беседующего Гражданина», или может быть даже двух старших сыновей Радищева, Василия и Николая, также оставшихся далеко (в 1792 г. Василию было 16 лет, а Николаю 15 лет). 8 марта 1791 г. Радищев писал Воронцову из Тобольска: «Что касается двоих моих старших [сыновей], то я емь и буду спокоен: они будут жить под вашим покровительством. Мне прискорбно, что я лишился их прежде, чем я мог закончить их воспитание. Может быть, оно грешит в некоторых отношениях, но лишь года через 4 или через 5 можно было бы судить о принципах, по которым оно напраслялось... В часы досуга я предполагаю сделать нечто для наставления моих старших [сыновей]. Но так как я поклялся или дал слово вашему сиятельству, ибо это равносильно, ничего не делать без вашего ведома, они получат это только из ваших рук и вы будете добры изъять то, что окажется неподходящим» (перев. с франц.). Не исключена возможность, что трактат «О человеке» и был написан или по крайней мере задуман Радищевым как осуществление этого намерения поучать своих детей на расстоянии. Сын Радищева Николай Александрович вспоминал впоследствии, что отец его в Сибири «не забывал о старших сыновьях своих, живших у дяди в городе Архангельске. Он написал для них рассуждение о человеке, о смертности его и бессмертии души» (Русская Старина, XI, 1872, стр. 580).

Эпиграф к трактату Радищева не совсем точно соответствует формуле, встречающейся у Лейбница неоднократно: в «Теодицее», § 360 — «Le présent est gros de l'avenir»; в «Началах природы и благодати, основанных на разуме» (Principes de la Nature et de la Grâce fondés en raison), § 13 — «le présent est gros de l'avenir»; наконец, в «Монадологии», §§ 22—23; здесь сказано: «Et comme tout présent état d'une substance simple est naturellement une suite de son état précédant tellement que le présent y est gros de l'avenir, donc, puisque, réveillé de l'étourdissement, on s'aperçoit de ses perceptions, il faut bien qu'on en ait eu immédiatement auparavant, quoiqu'on ne s'en soit point aperçu...»

(«И так как всякое настоящее состояние простой субстанции, естественно, есть следствие ее предыдущего состояния таким образом, что ее настоящее чревато будущим, и так как, проснувшись от бессознательного состояния, мы замечаем наши восприятия, то последние необходимо должны были существовать и непосредственно перед тем, хотя бы мы и не замечали их...»). Следует отметить, что «Монадология», известная в XVIII в. в латинском переводе, по-французски была опубликована впервые в 1840 г.

Перевод эпитафия: «Настоящее чревато будущим. Лейбниц».

Стр. 41 Линней Радищев знал только по упоминаниям его у Гердера в «Ideen» и, вероятно, у других писателей. Он пишет в письме к А. Р. Воронцову от 24 мая 1792 г. из Илимска о своих ботанических занятиях: «Это совершенно новое для меня удовольствие; я едва только умею классифицировать, а мне уже кажется, что я Линней, которого, должен признаться, к стыду моему, я знаю только по имени» (перев. с франц.).

Стр. 42 Ту же легенду о смерти Рафаэля Радищев использовал в своей поэме «Бова» (стих 259); повидимому, он доверял этой легенде.

Стр. 45 Примеч. Перевод цитаты на французском языке: «Возможно, что стремление тел к соединению повинуется магнетической или электрической силе; м. б. можно предположить, что это стремление при помощи посредствующих звеньев является всеобщим. Если существуют двойные соединения, не могут ли существовать тройные и т. д.». Источник цитаты неизвестен.

Стр. 46 чувственница — мимоза.

Стр. 47 по выражению одного известного писателя — Гердера, который в своих «Идеях к философии истории человечества» писал: Растение, если можно так сказать, еще все — рот» (кн. III, гл. I).

Стр. 50 «Физиогномика» Лафатера (I. K. Lavater. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe) вышла в 1772—1778 гг..

Стр. 52 «Преображение» — картина Рафаэля (находится в Ватикане).

Стр. 52 Аббат Епе (Ch.-M. de L'Épée) был в конце XVIII в. одним из популярнейших людей в Европе. Основанное им первое заведение для обучения глухонемых при помощи языка жестов казалось чудом человеческого прогресса, а его личное бескорыстие и трогательное служение благородному замыслу возратить обществу, казалось, потерянных для него людей делало его в глазах современников одним из благодетелей человечества. Екатерина II предложила аббату Л'Епе материльное содействие, но он отказался. Радищев мог знать и что-нибудь из многочисленных печатных работ Л'Епе; центральной из них была «Обучение глухонемых при помощи системы знаков» (Instruction des sourds et muets par la voie des signes méthodiques, 1776; 2-е изд. 1784 г. под назв. «Véritable manière d'instruire les sourds-muets»).

Стр. 54 законодатель тигр — речь идет о русских царях, узаконивших «вырывание ноздрей» в качестве наказания. Эта страшная операция, редко применявшаяся до XVIII в., стала постоянной карой за преступления, начиная с царствования Петра I, вместе с клеймением. По указу 1724 г. предписывалось осужденным «ноздри вынуть до кости». Вырывание ноздрей и клеймение лица было и казнью и мерой для опознания преступников. Само собой разумеется, что эта мера применялась только к преступникам из народа, а дворяне, «именитые граждане» и купцы первых двух гильдий были избавлены от нее, как от телесных наказаний вообще (при Екатерине II).

Стр. 55 Альцест — герой комедии Мольера «Мизантроп»; Тимон — Радищев имеет, вероятно, в виду не столько самого афинского мудреца-человеконенавистника, сколько его же образ в художественной литературе, в частности в диалоге Лукриана «Тимон или мизантроп» (ср. также «Тимон Афинский» Шекспира и комедию Делия «Тимон мизантроп», 1752).

Стр. 55 О знаменитой группе Лаокоона Радишев мог прочитать обстоятельные сведения у Винкельмана в его «Истории искусства древности» (1764; 2-е изд. — 1776 г.) и у Лессинга — «Лаокоон или о границах живописи и поэзии» (1766).

Маврикий. Радишев имеет в виду знаменитую в XVIII в. статую Пигалля, поставленную на могиле маршала Морица Саксонского в церкви св. Фомы в Страсбурге. Пигалль изобразил маршала и под ним спереди смерть, раскрывающую могилу. Модель статуи была выставлена в Париже в 1756 г. Сам памятник был открыт в 1777 г.

Стр. 55 Меропа — героиня трагедии Вольтера (1745); подозревая юного пришельца в убийстве ее сына, Меропа хочет поразить его кинжалом, но тут только узнает, что этот юноша и есть ее сын, Эгист (действие III, сцена 4). Зопир и Сеид — действующие лица трагедии Вольтера «Магомет» (или точнее «Фанатизм или Магомет пророк», 1741). Сеид, фанатически экзальтированный юноша, преданный Магомету, убивает по его наущению старца Зопира и тут только узнает, что Зопир — его отец (действие IV, сцены 4—5).

Стр. 55 Ричард III — герой одноименной трагедии Шекспира; Радишев имеет в виду сцену III действия V: король Ричард, которому во сне явились тени убитых им людей, просыпается и восклицает: «Дайте мне другую лошадь! перевяжите мои раны!» «Нет у него детей» — это цитата из III сцены IV действия «Макбета». Однако в тексте трактата Радишева ошибка; эти слова говорит у Шекспира Макдуфф о Макбете: Макдуфф узнал, что его дети и жена убиты по приказанию Макбета; первая его мысль — о мести; и вот почему он с горечью говорит «Макбет бездетен», т. е. ему нельзя отомстить тем же. Эта ошибка либо явилась результатом того, что Радишев писал по памяти, не сверившись с Шекспиром, которого у него скорей всего и не было в Илимске; либо ошибка эта вовсе не Радишева, а его издателей, неправильно прочитавших в рукописи Макбет — вместо Макдуфф (написания обоих имен в скорописи могли быть похожи); во всяком случае мы не решаемся исправить в тексте Радишева эту ошибку, оговаривая ее здесь, в примечаниях.

Стр. 56 Анекдот о Сципione Африканском был общеизвестен в XVIII столетии; он основан на рассказе Тита Ливия (Ab urbe condita, кн. XXXVIII, 51) и Авла Геллия в его «Афинских ночах» (Noctes Atticae, кн. IV, гл. 18; ср.: Авла Геллия Афинских ночей записки, ч. I, М. 1787, стр. 243—245).

Стр. 56 В конце XVIII в., в 1780-х годах, опыты Месмера в Париже произвели фурор; о них заговорили во всей Европе. Месмер считал, что люди, обладающие особой магнетической силой, способны сообщать ее не только другим людям, но и любым телам; сила же эта, вызывая нервное потрясение в человеке, должна была излечивать его. При большом стечении народа у магнетизера, он заявлял, что сообщил магнетическую силу железным прутьям, торчавшим из чана с водой, и жаждущим испытать новоизобретенную силу достаточно для этого прикоснуться к одному из прутьев.

Стр. 58 примечание — Руссо в своем «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства среди людей» (Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes) доказывал, что общественное, государственное бытие вовсе не прирождено человеку, изначально не свойственно ему, а явилось результатом появления среди людей собственности, имущества и развития цивилизации.

Стр. 63 «Хотя смеялись над славным Монтегсье»... — в этом месте, заимствованном Радишевым у Гердера (Ideen), имеется в виду гл. II, кн. XIV «Духа Законов», в которой Монтегсье излагает в общем виде свою теорию о влиянии климата на человека и на общество. Здесь

Монтескье рассказывает о своем опыте с бараньим языком, на котором соски при замораживании уменьшались и меняли свой вид; отсюда Монтескье делает вывод, что в холодных странах нервная восприимчивость и чувства человека менее живы, чем в жарких. Радищев по ошибке говорит о «замороженном телачьем языке», — у Монтескье и у Гердера речь идет о бараньем языке.

Стр. 64 Англичанин в Бенгале и т. д. — это замечание основано, видимо, на материале «Истории обеих Индий» Рейналя, которая произвела на Радищева большое впечатление. *Habeas corpus* [-act] — английский закон, изданный в 1679 г., предоставлявший некоторые гарантии личной неприкосновенности граждан в пределах буржуазного государства; полное название его таково: «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями»; латинские слова *habeas corpus* (т. е. доставь личность) — слова формулы приказа, обращенного к шерифу или начальнику тюрьмы о выдаче арестованного.

Стр. 64. Гюлистан («Розовый сад») Саади, написанный в 1258 г., переводился на латинский язык уже в XVII в. (издания 1651, 1655 и 1687 гг.); во французских переводах издавался в 1704 г. (перевод д'Алегра), 1711 г. (Дю-Рие), 1789 г. (Годена), в немецком переводе — в 1654 и 1660 гг. (Олеария).

Стр. 64 Церера или Триптолем — «Церера... сестра и жена Юпитера... пришла к Элевзинскому царю Келею и взяв сына Триптолема вскормить... Триптолему показала искусство земледелия и, посадив его в колесницу, двумя крылатыми драконами заложенную, отпустила, чтоб он всему свету сообщил знание то, которое она недавно ему открыла, и потому стихотворцы называли Цереру богиней земледельства» («Храм древности, содержащий в себе египетских, греческих и римских богов имена, родословие, празднества» и т. д., СПб., 1771, стр. 308).

Стр. 65 Ж. Ж. Руссо в своей книге «Эмиль или воспитание» (*Emile ou l'éducation*), на одной из первых страниц книги I пишет: «Это воспитание дается нам природой или людьми или предметами. Внутреннее развитие наших способностей и наших органов есть природное воспитание; употребление этого развития, которому нас обучают, — это человеческое воспитание; а приобретение нашей собственной опытности о предметах, оказывающих на нас воздействие, — это предметное воспитание. Таким образом, каждый из нас образуется тремя видами наставников... Итак, из этих трех различных видов воспитания природное воспитание не зависит от нас; предметное воспитание зависит от нас лишь в некоторых отношениях; человеческое воспитание — единственное, находящееся в нашей власти, да и то только предположительно: потому что кто может надеяться управлять полностью словами и действиями всех, кто окружает дитя?»

Стр. 68 Как то вещает Руссо. Радищев в этом месте сокращенно излагает и частично переводит четвертый и пятый абзацы в начале кн. IV «Эмиля» Руссо и конец кн. III — пятый абзац с конца.

Стр. 70 Тиссо об онанизме — книга знаменитого в XVIII в. французского врача С. А. Тиссо (*Tissot*) «*L'onanisme ou dissertation sur les maladies produites par la masturbation*» (1760) была издана в русском переводе в 1793 г. «Онанизм, рассуждение о болезнях, происходящих от рукоблудия и неумеренности в любострастии, с наставлением лечения оных; соч. г. Тиссо; перев. с франц.»).

Стр. 71 Образ Катона утического, республиканца, покончившего с собой, когда не было больше надежды спасти республику, не один раз появляется в произведениях Радищева (см. т. I, стр. 269 и 295).

Стр. 76 Флогистон. По теории химиков XVII и отчасти XVIII вв. огонь, горение обусловлены наличием в телах особой материи горения —

флогистона; теорию флогистона развил Сталь (1660—1734); по этой теории флогистон влияет и на такие свойства тел, как цвет, запах, вкус и др. Теорию флогистона отстаивал Пристли. Между тем, уже Ломоносов доказал ее несостоятельность. Затем Лавуазье опроверг ее.

Стр. 81 Локк или его истолкователь. Радищев имеет в виду примечание Коста (Coste) к его переводу «Опыта о человеческом разумении» Локка (Essai philosophique concernant l'entendement humain... par M. Locke. Traduit de l'Anglais par M. Coste, 1758; другое изд. — 1774). Здесь, в т. VI, в кн. IV «Опыта», в гл. X «О знании, которое мы имеем о бытии бога» (Livre IV, Chapitre X, «De la connoissance que nous avons de l'existence de Dieu»), в § 18, говорится: «Et peut-être que si nous voulions nous éloigner un peu des idées communes, donner l'essor à notre esprit, et nous engager dans l'examen le plus profond que nous pourrions faire de la nature des choses, nous pourrions en venir jusqu'à concevoir, quoique d'une manière imparfaite, comment la matière peut d'abord avoir été produite, et avoir commencé d'exister par le pouvoir de ce premier être éternel». (И может быть, если бы мы захотели отойти немного от обычных представлений, дать волю нашему уму и пуститься в самое глубокое доступное нам исследование природы вещей, мы могли бы притти к пониманию, хотя и несовершенному, того, каким образом материя могла быть первоначально образована и начала существовать могуществом этого первого вечного существа). К этому месту Кост, бывший лично знаком с Локком, снабдивший свой перевод рядом примечаний, делает обширную сноску, в которой пишет: «Ici M. Locke excite notre curiosité, sans vouloir la satisfaire. Bien des gens s'étant imaginés qu'il m'avoit communiqué cette manière d'expliquer la création de la matière, me prièrent peu de temps après que ma traduction eut vu le jour de leur en faire part; mais je fus obligé de leur avouer que M. Locke m'en avoit fait un secret à moi-même. Enfin long-temps après sa mort, M. le Chev. Newton, à qui je parlai par hasard de cet endroit du livre de M. Locke, me découvrit tut le mystère. Souriant il me dit d'abord que c'étoit lui-même qui avoit imaginé cette manière d'expliquer la création de la matière, que la pensée lui en étoit venue dans l'esprit un jour qu'il vint à tomber sur cette question avec M. Locke et un Seigneur anglois. Et voici comment il leur expliqua sa pensée. «On pourroit, — dit-il, — se former en quelque manière une idée de la création de la matière en supposant que Dieu eût empêché par sa puissance que rien ne pût entrer dans une certaine portion de l'espace pur, qui de sa nature est pénétrable, éternel, nécessaire, infini; car dès-là cette portion d'espace auroit l'impénétrabilité, l'une des qualités essentielles à la matière, et comme l'espace pur est absolument uniforme, on n'a qu'à supposer que Dieu auroit communiqué cette espèce d'impénétrabilité à une autre pareille portion de l'espace, et cela nous donneroit, en quelque sorte, une idée de la mobilité de la matière, autre qualité qui lui est aussi très-essentielle...», т. е. «Здесь г. Локк возбуждает нашу любознательность, не желая ее удовлетворить. Много людей, вообразив, что он сообщил мне этот способ объяснить сотворение материи, просили меня, вскоре после того, как мой перевод увидел свет, поделиться им с ними; но я был обязан признаться им, что г. Локк утаил его от самого меня. Наконец, долго после его смерти, г. Ньютон, которому я случайно сказал об этом месте книги г. Локка, раскрыл мне эту тайну. Он сказал мне сначала, улыбаясь, что именно он придумал этот способ объяснить сотворение материи и что эта мысль пришла ему в голову однажды, когда он заговорил об этом вопросе с г. Локком и одним английским вельможей. И вот как он объяснил им свою мысль: Можно было бы, — сказал он им, — составить некоторое представление о сотворении материи, предположив, что бог воспрепятствовал своим могуществом проникнуть чему бы то ни было в определенную часть чистого пространства, которое по своей природе пронизуемо, вечно, необходимо, бесконечно; и вследствие этого данная часть пространства приобрела непроницаемость, одно из существенных качеств материи; а так как чистое пространство абсолютно единообразно, остается предположить, что бог сообщил этот

род непроницаемости и другой подобной части пространства, — и это нам дало бы в некотором смысле представление о подвижности материи, также другом весьма существенном ее качестве» (1758, стр. 175—176; 1774, стр. 140—141).

Стр. 81 Ссылаясь на *Пристли*, *Радищев* переводит фразу из второй главы («Section II») его «Исследований о материи и духе»: «Now, when solidity had apparently so very little to do in the system, it is really a wonder, that it did not occur to philosophers sooner that perhaps there might be nothing for it to do at all, and that there might be no such a thing in nature» (Disquisitions, 2 edit., Birmingham, 1782, p. 22). («Теперь когда плотность занимает, повидимому, так мало места в системе, действительно, нужно удивляться, что философы раньше не задумывались над тем, что быть может этому свойству совсем нечего делать и что вообще такой вещи не может быть в природе»)

Стр. 81 *Аякс* в «Илиаде» во время битвы, когда туча навела мрак на землю и троянцы уже побеждали ахейцев, взмолился к *Зевсу*; в конце своей речи он говорит:

Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони!
 Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака *Данаев*!
 Дню возврати его ясность, дай нам видеть очами
 И при свете губи нас, когда погубить ты желаешь!
 (песнь XVII, стихи 644—647, в переводе Н. И. Гнедича).

Стр. 82 сила *средодоляющаяся*, т. е. *центробежная*.

Стр. 92 Соответствующее место имеется в «Исследованиях» *Пристли*, в гл. X, пункт XV: «... it is impossible to divide a sphere so as to make it two spheres» («... нельзя разделить шар, так чтобы из него получилось два шара». — Disquisitions, 2 edit., 1782; в 1-м изд., 1777, соответствующая глава была восьмой).

Стр. 92 «*Прочти Локка*». *Радищев* имеет в виду один из основных тезисов «Опыта о человеческом разумении» *Дж. Локка*.

Стр. 93 *Армида* — действующее лицо «Освобожденного *Иерусалима*» *Тассо*, чаровница, удерживавшая героя *Ринальда* вдали от войска в волшебных садах.

Стр. 93 *хил* — *хилус* (chylus), или *млечный сок*, — жидкость (*лимфа*), вырабатывающаяся в кишечнике и, после смешения с продуктами кишечного пищеварения, питающая кровь.

Стр. 94 *огневица* — *горячка*, *тиф*.

Стр. 94 *варяют* — повидимому, неправильно употребленный старорусский и церковно-славянский глагол «варяти» — *упреждать*, *предупреждать*. Вероятно, *Радищев* спутал его с диалектическим «варзать» — *дурить*.

Стр. 95 цитата из трагедии *Сенеки* «Troades» — («Троянки»; авторство *Сенеки-философа* в отношении трагедий оспаривалось еще в древности). *Радищев* переводит данное место трагедии (акт II, стр. 398—402, хор троянок) не полностью, с пропуском; латинский текст таков:

Post mortem nihil est, ipsaque mors nihil,
 Velocis spatii meta novissima.
 Spem ponant avidi; solliciti metum.
 Quaeris quo jaceas post obitum loco?
 Quo non nata jacent.

Т. е.: После смерти нет ничего, и самая смерть — ничто,
 Последний предел быстро протекающей жизни.
 Жаждающие земных благ пусть отложат надежду;
 обуянные тревогами — страх.
 Ты спрашиваешь, где будешь покоиться после смерти.
 Там, где покоятся еще не родившиеся.

Стр. 97 «Кто сам находился в преддверии вечности» — Радищев вспоминает о том времени, когда, осужденный за «Путешествие из Петербурга в Москву», он ожидал смертной казни почти полтора месяца. (1790).

Стр. 98 *Монолог Гамлета* «Быть или не быть» (действие III, сцена I) был широко известен во время Радищева, благодаря двум переводам на французский язык — стихотворному с рифмами и подстрочному, сделанному Вольтером и включенным в его «Письма об англичанах, или философские письма» (Lettres sur les anglais, ou lettres philosophiques, 1733; письмо XVIII «О трагедии» — «Sur la Tragédie»). Вольтер приводит именно этот знаменитый монолог в качестве одного из типических и образцовых отрывков английской драматургии. Вольтеровскому переводу следовал Сумароков в монологе своего Гамлета в одноименной трагедии (1748; действие III, явление VII). Во французской переложке «Гамлета» Дюсиса (Hamlet, 1769) монолог «Быть или не быть» передан в качестве второй части монолога Гамлета (действие IV, сцена I). Сам Радищев читал Шекспира в подлиннике.

Отрывок из монолога Катона Утического из трагедии Аддисона «Катон» (Cato, 1713, действие V, сцена I) Радищев привел в своем переводе в «Путешествии из Петербурга в Москву» (см. т. I, стр. 269). Этот монолог был хорошо известен в России; перевод его был напечатан в «Вечерах» (1773, ч. II, стр. 196), затем другой перевод в «Новых Ежемесячных Сочинениях» (1788, ч. XXV, стр. 74). Потом, в журнале «Утренняя Заря» (1800, I, стр. 65) был напечатан перевод того же монолога, сделанный С. Родзянкой. Вся трагедия Аддисона по-русски была помещена в 1801 г. в журнале «Иппокрена» (ч. VIII, перевод в прозе, анонимный) и затем издана отдельно в 1804 г. (Катон, трагедия, сочиненная господином Аддисоном. Перевод с Английского Алексея Коламакова. СПб., 1804. Перевод в прозе, но не тот, что в «Иппокрене»). Интерес Радищева к трагедии Аддисона связан, вероятно, с ее либеральной политической тенденцией (она воспринималась также в связи с пропагандой партни вивгов).

Стр. 104 *благогласие*, т. е. гармония.

Стр. 106 Знаменитый русский изобретатель-механик И. П. Кулибин построил в 1779 г. фонарь с мощным рефлектором (*ревербером*) из системы зеркал, дававший столь сильный свет, что при испытании фонаря в Петербурге свет его был виден за 24 версты, в Красном Селе; изобретение Кулибина стало применяться для маяков и др.

Стр. 107 В 1753 г. вельможа и богач С. К. Нарышкин, вместе с неким Марешом, организовал крепостной оркестр роговых инструментов, имевший большой успех. Ломоносов написал «Надпись на изобретение роговой музыки». Роговой оркестр стал одной из принадлежностей быта знати — при прогулках на лодках по Неве, пикниках, охотах и т. п.

Стр. 110 *адамант* — алмаз, бриллиант.

Стр. 111 *пешери* (пешерей) — так называли дикарей, населявших Огненную Землю, которых представляли себе в XVIII столетии дикарями-людоедами, самыми дикими представителями человечества, по сообщениям путешественников: описанию плавания вокруг света Дрэка (The Famous Voyage of Sir Fr. Drake, 1589; The World Encompassed by Francis Drake, 1652, и др.), по книге Г. Форстера о путешествии Кука вокруг света (A Voyage Round the World, 1777, и по-немецки — J. K. Forsters

Reise um die Welt in dem Jahr 1772—1775, 1778—1780), по описаниям путешественников Дж. Байрона (1744 и 1766). О пещеры (Peschereis) говорит и Гердер (Идеи, гл. V, кн. IV).

Стр. 113 Гердер говорит в гл. I кн. V «Идей»: «Was der Allbelebende ins Leben tief, lebet; was wirkt, wirkt in seinem ewigem Zusammenhange ewig». («Что всеоживляющий призвал к жизни, живет; что действует, действует в его вечной взаимосвязи вечно»).

Стр. 113 один автор — опять Гердер, который в гл. III, кн. V «Идей» (все это место у Радищева заимствовано отсюда), говорит: Unter allen Thieren ist das Geschöpf der feinsten Organe, der Mensch, der grösste Mörder» («Среди всех зверей создание с наиболее совершенными органами, человек, — величайший убийца»).

Стр. 114 Гельвеций доказывает тезис о том, что «все деяния разума суть не что иное, как простое чувствование» в книге «О разуме» (De l'esprit), в частности в «Первом рассуждении» ее (Discours premier).

Стр. 115 Радищев имеет в виду распространенный рассказ о том, как Ньютон попал на мысль о силе притяжения.

Стр. 115 «Медея...», переваривая людей престарелых в горячей воде, возвращала им паки цветущие лета» («Храм древности, содержащий в себе египетских, греческих и римских богов имена...» и т. д., 1771, стр. 165—166).

Стр. 115 Как и другие ученые XVIII столетия, Радищев считал Ликурга лицом вполне историческим и основы государственного устройства Спарты эпохи расцвета — результатом его индивидуального законодательного творчества. Эта традиция идет от античных писателей — Геродота, Павсания, Симонида, Плутарха, Ктесия.

Стр. 115 картина лобзания первого мужа и жены во Эдеме — поэтическое место в «Потерянном Рае» Мильтона, в кн. IV. «Последний Суд» — картина-фреска Микель-Анджело в Сикстинской капелле в Ватикане (ср. ниже, стр. 127). Жак Вокансон (Vaucanson, 1709—1782) — французский механик, прославившийся построенными им автоматами; в 1738 г. в Париже была издана брошюра «Le mécanisme du flûteur automate», в которой был описан автомат Вокансона, изображавший человека, играющего на флейте.

Стр. 116 ночные бродяги — лунатики (перевод немецкого Nachtwandler — лунатик, а дословно — бродящий по ночам).

Стр. 118 Фридрих II еще в детстве увлекался игрой в солдатики; в это время организацией прусской армии занимался Леопольд Ангальт-Дессауский, служивший Пруссии в качестве генерал-фельдмаршала. Сразу после своего вступления на престол (1740), Фридрих начал войну с Австрией. В 1741 г. его войска одержали победу при Мольвице.

Стр. 119 воздержанию Сципиона. Радищев имеет в виду распространенный анекдот о Публии Сципионе Африканском, который якобы бы, одержав победу в Испании над карфагенцами, получил в числе трофеев пленницу, красивую девушку, и не сделал ее своей наложницей, а вернул ее жениху и отцу. См.: Тит Ливий, кн. XXVI, гл. 50; следует отметить, что Авл Геллий в своих «Афинских ночах» (VI, 8) отрицал истинность этого анекдота.

Стр. 121 манкательное дерево — по-французски mancenillier, по-италийски manicella — ядовитое дерево, растущее в жарких странах (Антильские острова, Южная Америка), якобы убивающее тех, кто находится в тени его листвы; рассказы об этом дереве создали легенду о «Богон-Юпасе», или пушкинском Анчаре (см., например: Растущий виноград, 1786, январь).

стр. 66 — «О Богон-Юпасе, или ядовитом древе». — Муза, ч. III, 1796, стр. 183 — «Нечто о дереве Богон-Юпас»).

Стр. 121 Радищев излагает историю сирийского царя Антиоха I (IV—III в. н. э.), в молодости влюбленного в свою мачеху, Стратонику. жену его отца Селевка. История Антиоха и Стратоники неоднократно использовалась в XVIII в. как тема художественных произведений живописи и поэзии; например: картина Давида (1775), лирическая драма Гоффманна с музыкой Мегюля (Stratonice, 1792).

Стр. 122 *Курций* — один из наиболее распространенных образов в поэзии XVIII в., например, у Державина, который так объяснял имя этого легендарного героя: «всадник Римский, бросивший в разверстую бездну, чтоб утишить в Риме моровое поветрие» (Сочинения Державина, т. III, СПб., 1866, стр. 610). *Олдам* (Ordam) — датский адмирал, потерпевший поражение в битве с английским флотом в 1665 г. *Сакен И. Х.* — капитан Черноморского флота, в 1788 г. во время второй турецкой войны, окруженный врагами, не желая отдать свой корабль неприятелю, взорвал его, причем погиб сам.

Стр. 123 *Амвросий* (Андрей Степанович) Зертис-Каменский, московский архиепископ, убитый толпой во время чумного бунта в Москве в 1771 г. *Корнелий де Вит* — нидерландский республиканец, убитый в тюрьме в 1672 г. толпой, подстрекаемой сторонниками Вильгельма III Оранского. (Ср. «Histoire de la vie et de la mort des deux illustres frères Corneille et Jan de Witt». Утрехт, 1709).

Стр. 123 Радищев не только читал работы Хр. Гарве, но и слушал его лекции в Лейпциге; Гарве был назначен в 1768 г. профессором философии в Лейпцигском университете (до 1770 г.). В 1781 г. вышел его перевод книги Цицерона «De officiis» с его примечаниями (Abhandlung über die Pflichten in drei Büchern), потом переиздававшийся неоднократно.

Стр. 127 на *Спасском мосту* в Москве продавались лубочные картинки.

Стр. 128 О *Пифагоре* древние рассказывали, что он не только проповедывал метемпсихоз, т. е. переселение душ, но уверял, что сам помнит о прежних воплощениях своей души. *Архий* — повидимому, ошибочно вместо *Архигас* Тарентский, ученик Пифагора (V—IV в. до н. э.); Авлом Лицинием Архием звали поэта I в. до н. э. Трудно сказать, Радищев ли ошибся в имени, или издатели его сочинений неверно прочли его. *Аполлоний Тианский* (Тианский) — неопифагореец I в. Все это место о переселении душ, и в том числе ссыла на Пифагора и других, заимствовано из первого диалога Гердера «О переселении душ» (1785 — Herders Sämtliche Werke, Bd. XV, Herausgegeben von B. Suphan, 1888, S. 253. — У Гердера вместо «Архия» — «Jarchas»).

Стр. 128 Парижский вор Луи-Доминик *Картуш* (1693—1721) был своего рода знаменитостью в XVIII в. В самый год его казни в Париже была поставлена комедия Леграна «Картуш или воры» (Le Grand Cartouche ou les Voleurs, 1721); тогда же была издана в Лондоне «Жизнь Картуша»; затем он фигурировал в качестве героя поэмы Гранваля (Grandval) «Наказанный порок или Картуш» (Le vice puni ou Cartouche, 1726). В 1779 г. вышла в Петербурге книжка «Обстоятельные и верные истории двух мошенников, первого... Ваньки Каина..., второго французского мошенника Картуша и его товарищей» (перезд. в 1788, 1793, 1794 гг.).

Стр. 133 один славный немецкий сочинитель — Гардер, который говорит в гл. II. кн. IX «Идей»: «Der Sterbliche, der diess Mittel, den flüchtigen Geist, nicht nur in Worte, sondern in Buchstaben zu fesseln erfand, er wirkte als ein Gott unter den Menschen» («Смертный, который избрал это средство

сковать испостоянный дух не только в слове, но и в буквах, — действовал как бог среди людей).

Стр. 133 особенники, т. е. индивидуумы.

Стр. 136 Джон Валлис (Wallis, 1616—1703) — английский математик.

Стр. 137 Лейбниц сравнивает трансформацию человека после смерти с трансформацией гусеницы — бабочки в «Размышлениях относительно учения о едином всеобщем духе» (1702 — Г. В. Лейбниц, Избранные философские сочинения, М., 1908, стр. 231) и, короче, — в «Монадологии», § 74. См. также в «Предисловии» к «Новым опытам о человеческом разуме» (пер. П. С. Юшкевича, 1936, стр. 54). Самое описание превращения червяка в бабочку в качестве сравнения с переходом человека к бессмертию Радищев заимствовал у Гердера (Идеи, гл. V, кн. V).

СОКРАЩЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПРИОБРЕТЕНИИ СИБИРИ

«Повесть о Сибири» с подзаголовком «Отрывок» впервые было опубликовано в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (т. VI, 1811) и воспроизводится по тексту этого издания. Рукопись не сохранилась; точная дата написания неизвестна. По сообщению сына писателя, Николая Александровича, «Повесть о Сибири» было начато Радищевым в период его ссылки (1791—1796) и не окончено (Русская Старина, 1872, т. VI, стр. 580).

В дошедшей до нас переписке Радищева нет никаких указаний на обстоятельства возникновения «Повествования о Сибири». Может быть, краткий экстракт работы составлялся Радищевым для А. Р. Воронцова; возможно, что работа эта была сделана для учебных занятий с детьми, чтобы познакомить их с историей страны, в которой им приходилось жить.

«Повесть о Сибири» написано Радищевым на материале «Описания Сибирского царства» Г. Ф. Миллера. Он взял оттуда всю фактическую сторону рассказа, местами меняя принятую Миллером последовательность изложения и вводя свои мысли, резюме и выводы, основанные на литературном и личном знакомстве с Сибирью.

Академик Гергард Фридрих Миллер (1705—1783), назначенный участником Камчатской экспедиции, в течение десяти лет — с 1733 по 1743 г. — изучал историю Сибири в ее архивах, подкрепляя архивные разыскания беседами с сибирскими жителями и наблюдениями на местах. Результатом его трудов, не считая многочисленных монографий и статей по отдельным вопросам, явилась трехтомная «История Сибири». Первый том этой работы, включавший 1—5 главы, был издан на русском языке в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства»; второе издание появилось в 1787 г. Последующие 6—7 и 8 главы были напечатаны в журнале «Ежемесячные сочинения» за 1763—1764 г., тт. XVIII—XIX. На немецком языке первые 5 глав «Истории Сибири» были опубликованы в 1761 г. в «Sammlung Russischer Geschichte» (т. VI, стр. 109—559). В сокращенном изложении И. Э. Фишера все 23 главы истории Миллера были напечатаны на немецком языке в 1769 г. (Sibirische Geschichte), а в русском переводе в 1774 г. («Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием».)

Труды Миллера, основанные на критическом изучении источников, на точном восстановлении исторических фактов, сохраняют свое научное значение и для нашего времени. Миллеру удалось привлечь очень широкий и разнообразный материал — архивные акты, летописи, татарские и монгольские источники, устные предания, данные археологии, этнографии и лингвистики, — и подвергнуть его вдумчивой научной обработке. Труды Миллера были шагом вперед в развитии буржуазной исторической науки, порывавшим

с лженаучной феодальной историографией. Но, как указывает новейший исследователь вопроса С. В. Бахрушин («Г. Ф. Миллер, как историк Сибири» в книге: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Изд. Академии Наук, 1937, стр. 41), «насколько высоко поставил Миллер технику исторического исследования, настолько же он был беспомощен в области исторических построений. Проводник новых буржуазных методов работы над историческими источниками, он оказывается в плену устарелой феодальной идеологии. . . Его общая концепция наивна и отзывается взглядом историков-богословов XVII в.». Миллер мотивирует завоевание Сибири соображениями государственной пользы, тщательно прикрашивая жестокие методы колонизации, проводя мысль о добровольном подчинении сибирских народов России. Концепция Миллера выработывалась в условиях сильнейшего воздействия и нажима на него со стороны правящих кругов, феодальной верхушки и «впялась, если можно так выразиться, произведенным коллективного творчества Строгановых, Разумовских, двора и прислуживавших ему профессуры и академической канцелярии, могущественных светских и духовных критиков» (там же, стр. 54).

«Повествование о приобретении Сибири» Радищева имеет всего одну ссылку на источник — таковым оказывается «Миллер, гл. 2» (стр. 158). Тщательное сличение показывает, что все факты истории Сибири, изложенные Радищевым, имеются у Миллера. Особенно широко он использовал 2 и 3 главы, содержащие историю открытия Сибири донскими казаками и присоединения Сибири к Московскому государству. Из гл. 1, говорившей о событиях древнейших времен до русского владычества, Радищев взял сведения о населявших Сибирь народах; 4 и 5 главы, рассказывавшие о строении сибирских городов, изложены Радищевым очень кратко, в порядке перечня основных острогов и городов. Первый том истории Миллера оканчивается 1617 г. — датой постройки Кузнецка. На этом факте заканчивает свой пересказ и Радищев, выражая в последнем абзаце намерение «пройти сокращенно все предметы государственного управления в новозавоеванных странах».

Не вызывает сомнения, что Радищев в Сибири имел в руках том сочинения Миллера, который и использовал для своей работы. Вряд ли Радищев располагал сибирскими летописями и Степенной книгой, на которые он делает ссылки. Все соответственные указания есть и у Миллера. То, что Радищев пользовался именно Миллером, показывает, например, такой факт. В рассказе о походе в Сибирь 1499 г. Радищев делает ссылку на «степенные книги» которые «говорят: многие городки взяты, много людей побито, а князья их на Москву приведены». Это — дословная цитата из Миллеровского пересказа заметки в Степенной книге. Там же (гл. II, §§ 4—5), в сноске Миллер приводит полный текст данного места Степенной книги, но Радищев минует его и обращается к тексту Миллера.

Говоря о сношениях России с Сибирью до 1557 г., Радищев прибавляет: «из древней одной грамоты, писанной в сем году, а паче из степенной книги под сим же годом, видно, что некоторые сибирские земли были уже подвластны России». Эту ссылку на «древнюю грамоту» находим мы и у Миллера (гл. 2, § 11) с указанием, что грамота была найдена им лично в Сибири. Точно так же делает он и ссылку на Степенную книгу.

Радищев безусловно (и с полным основанием) доверяет Миллеру и пользуется сообщаемыми им сведениями. В тех случаях, когда Радищев обходится без этого источника и строит свои предположения, не основанные на документальном материале, он оговаривает их словами «по нашему мнению», «могло казаться», «кажется», «вероятно» и т. п. Таким образом Радищев стремился соблюсти достоверность и научность своего изложения.

В своем общем виде схема сибирского летописания, как ее дает Миллер, признается советской исторической наукой правильной (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. 1937, стр. 470). Следовательно, такую же оценку нужно перенести и на пересказ сибирской истории Радищевым, использовавшим все достижения научных исследований Миллера.

Повидимому, краткое изложение истории приобретения Сибири, сделанное по Миллеру, должно было предшествовать самостоятельному анализу Радищевым «государственного управления», внутреннего устройства присоединенных к России новых областей. Эта наиболее интересная часть работы осталась невыполненной. Ряд замечаний, разбросанных по известным нам страницам «Повествования о Сибири», показывает, что Радищев был далек от официальной концепции Миллера. В противовес историку, обосновывавшему государственную целесообразность захвата Сибири и избравшему его в светлых тонах, как дело, совершенное не без участия «милосердного провидения», Радищев «замечает мимоходом», что присоединение Сибири было «плод усилия частных людей, корыстолюбием вождаемых». Далее он с большой яркостью характеризует качества русского народа — «предпримчивость и ненарушимость в последовании предпринятого», послужившие причиной успехов россиян и не уничтоженные даже тяготой «чужеземного ига», и заканчивает мысль восклицанием: «О народ, к величю и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!» Что понимал под «общественным блаженством» Радищев — достаточно известно из «Путешествия».

Говоря о правах, полученных Строгановыми в Сибири, Радищев не упускает заметить, что им были даны грамоты на непринадлежавшие России владения по Каме, Чусовой, Тоболу, Иртышу и Оби, «так как давали грамоты на Америку и проч.», тем самым отмечая юридическую их несостоятельность. Он четко формулирует причины, содействовавшие успеху походов Ермака: наличие огнестрельного оружия, отсутствовавшего у сибирских народов, и слабость положения хана Кучума, пришельца-завоевателя, которому подчиненные народы покорялись только из страха. Радищев указывает далее, что Ермак мог бы основать в Сибири самостоятельную свою область, независимую от России, «если бы слепое суеврие не отдаляло его от вступления в родство с побежденными, заключая с их дочерьми брачные союзы». Разделяя официальную точку зрения, Миллер осуждает действия казаков на Волге, но весьма высоко оценивает их боевую деятельность в Сибири, щедро вознагражденную впоследствии царем. Радищев обращает внимание на это обстоятельство и, рассказывая о приеме Ивана Кольца в Москве, иронически добавляет: «тот самый, который незадолго пред сим, за столь же храбрые дела почитался разбойником, ныне почтен был отлично за то только, что насильственные его поступки были удачны и сходны с пользами общественными. Столь величие и низость близятся во мнениях человека».

В своем отношении к Ермаку, который представляется Радищеву наделенным всеми свойствами, необходимыми воинскому вождю, «а паче вождю непорабощенных воинов» — он близко сходится с оценкой Ермака, данной в фольклоре, строит образ, похожий на образ Ермака, запечатленный в устном народном творчестве. Радищев предслагает, что Ермак не обижал единоверцев, а громял и «воевал» иностранцев, захватывая купеческие и посольские караваны Ирана и Бухары; он отмечает единоначалие Ермака и разумную его власть над подчиненными, «повиновение непринужденное», которое Ермак старался утвердить «наместо боязни» у народов завоеванных областей. Радищев возражает Миллеру, определившему обращение казаков к царю из Сибири, как челобитную, и называет его просто «отпиской», подчеркивая самостоятельность, равноправие «договаривающихся сторон».

Народной поэзией Ермак также рисуется как верный сын отечества, слуга царя, но не его бояр и дворян, к которым он питает непримиримую вражду. В песне «На острове» (Древние российские стихотворения, собр. К. Даниловым. М., 1818, стр. 73—75) при изображении вольной казачьей жизни Ермака говорится, что он воевал с представителями царской власти только по почину последних (ср. также: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, СПб., 1873, стр. 960—961, песня № 202. Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1864, вып. 6, стр. 27, 28, 30 и др.).

В песнях о завоевании Сибири («Ермак взял Сибирь», там же, вып. 6, стр. 37 и сл.) Ермак, внося в своих прежних грехах, указывает, что он разбивал только те государевы корабли, которые плыли «без приметушки», «без дарского герба», «не орленые», т. е. принадлежность которых царю была ему неизвестна.

Народные песни подчеркивают инициативу Ермака в завоевании Сибири, отводя Строгановым скромную роль поставщиков боеприпасов и провизии для казачьих отрядов (ср.: А. Оксенов. Ермак в исторических песнях русского народа. Сибирский сборник, 1886, кн. 1 и 2). Мощная фигура руководителя волжской вольницы «донского казака» Ермака Тимофеевича, предпринявшего отчаянно смелый и удачный поход в глубь неизвестной страны, несомненно импонировала Радищеву, изобразившему легендарного героя в своем «Повествовании о Сибири» и, как утверждает сын писателя, Н. А. Радищев, замышлявшему посвятить Ермаку историческую повесть или поэму, свидетельством чему остался отрывок «Ангел тьмы».

АНГЕЛ ТЬМЫ

Отрывок «Ангел тьмы» был впервые напечатан в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (т. IV, 1811) и воспроизводится по тексту этого издания. Рукопись не сохранилась; дата написания не известна. Указание на то, что «Ангел тьмы» представляет собой отрывок из поэмы «Ермак», было сделано при первой публикации редакторами издания 1807—1811 гг. Возможно, что сыновья Радищева видели эту пометку в его рукописи или знали от него о замысле поэмы. Впоследствии, говоря о сибирском периоде жизни Радищева (1791—1796 гг.), сын писателя, Николай Александрович, сообщал, что его отец в Сибири написал «Рассуждение о человеке», «Письмо о Китайском торге» и начал «Историю покорения Сибири» и историческую повесть «Ермак», «но ни того, ни другого сочинения не кончил, а последнего остались только небольшие отрывки» (Русская Старина, 1872, т. VI, стр. 580). Этим свидетельством исчерпываются данные о времени и обстоятельствах происхождения комментируемого отрывка. Таким образом, отнесение «Ангела тьмы» к поэме или повести об «Ермаке» не может быть установлено документально. В самом предположении о подобном замысле Радищева нет ничего невероятного. В годы своей жизни в Илимске, занимаясь историей Сибири, Радищев, естественно, мог проявить интерес к фигуре Ермака, «завоевателя Сибири», окруженного ореолом народных песен и сказаний. Примерно в это же время Радищев писал «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», в котором подробно излагал походы Ермака и их результаты.

Сохранившийся текст не дает, однако, никаких указаний на происхождение отрывка. Местный колорит в нем подчеркивается только «вершиной Уральского хребта», куда «возлетает отец мятēja», «ангел тьмы». За исключением этой детали, остальное изображение представляет космический хаос, борьбу стихий, усиленную борьбой человеческих страстей.

По характеру своему «Ангел тьмы» стоит в творчестве Радищева особняком. В смысле литературного стиля с ним могут быть сопоставлены некоторые страницы из «Путешествия», например, стр. 64—65, 77, 433.

Что касается происхождения художественной манеры «Ангела тьмы», то одним из источников ее с достаточным основанием можно считать творчество Дж. Мильтона. Радищев знал Мильтона. Дважды в «Путешествии» он упоминает его в числе величайших писателей человечества.

«Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Третьяковского приставят дядкою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера» (стр. 352).

«Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий» (стр. 353).

Перечень имен строго продуман. Здесь нет случайного включения второстепенных литераторов, бывших когда-либо на короткое время «властителями дум» своего поколения, нет признаков объединения по признакам литературного вкуса, симпатий и проч. К носителям «истинной красоты» причислены действительно гении, навсегда вошедшие в мировую культуру; в их числе мы находим и Мильтона.

Радищев сравнительно поздно — в начале 1780-х годов — научился английскому языку. Сын его, Н. А. Радищев, в своей записке «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева» (Русская Старина, 1872, т. VI, стр. 578), указывает, что его отец, вступив в управление Петербургской таможней, увидел, что «незнание английского языка может подвергнуть его неприятности быть некоторым образом в зависимости от своего переводчика; и потому, несмотря на многотрудные по должности занятия, а особливо в летнее время, когда приходят английские корабли, начал учиться по-английски, имея уже более тридцати лет от роду. Через год ему переводчик был уже не нужен. Употребление английского языка по делам внушило Александру Николаевичу любопытство изучить английскую словесность, и он в свободные часы занимался ею; наконец, сей язык сделался ему так же знаком, как французский и немецкий; он не мог выговаривать его совершенно чисто, но объяснялся свободно и правильно».

Знакомясь с английской литературой, Радищев не мог пройти мимо Мильтона, гениального художника и выдающегося политического деятеля своего времени, участника английской революции, сподвижника Оливера Кромвеля. Необходимо вспомнить также, что как раз в то время, когда Радищев учился в Лейпциге, молодая немецкая литература усиленно пропагандировала Мильтона, как учителя. Политическая борьба Мильтона не могла не привлечь внимания Радищева. В частности, для него, как убежденного противника цензуры, особенно важной могла оказаться речь Мильтона о свободе печати, произнесенная им в 1644 г. и напечатанная под заглавием «Aepragmatica. A. Speech for the Liberty of Unlicensed Printing to the Parliament of England» (русский перевод — «О свободе слова», М., 1906). Мильтон выступил против парламента, предписавшего строгую цензуру для всех печатных произведений, и остроумными доводами отстаивал свободу граждан печатно высказывать свои мысли.

В главе «Путешествия из Петербурга в Москву», посвященной цензуре («Торжок»), Радищев, высказываясь в пользу свободы печати, сходитя с Мильтоном, употребляя одинаковую систему аргументации, оперируя одинаковыми доводами.

Главные мысли обоих сочинений тождественны. Одинаков путь и доказательств. Обращаясь к истории, Радищев, вслед за Мильтоном, отмечает сожжение писаний Протагора, сожжение книг Кесарем Августом и другие исторические факты, вплоть до факта установления цензуры в связи с учреждением инквизиции.

Тема свободы печати не единственная, на которой соприкоснулись интересы Радищева и Мильтона. Другой такой темой явилась Сибирь. Мильтон занимался историей Сибири. В его трактате «A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay», London, 1682 (Краткая история Московии, русск. пер. Ю. В. Толстого, Чтения в Общ. ист. древн., III, 1874, стр. 11—16), компилятивном по своему характеру, объединены все сведения, какими мог обладать образованный англичанин его времени. Мильтон не был в России, но для своей работы воспользовался всеми, доступными ему источниками. Мильтон, пользуясь сочинениями И. Массы, известиями Ф. Черри и других, дал описание «страны самоедов» Сибири, Тунгуски и других, прилежащих с востока, стран, «до самого Китая».

Как указывает М. П. Алексеев (Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 294), интерес Милтона к Сибири оставил след и в его поэме «Потерянный рай». В ней упоминаются реки Печора и Обь, страна самоедов, полет сатаны уподоблен полету коршуна, «выросшего на снеговом хребте Имауса, естественной восточной границе кочующих татар». В девятой песне (v. 75—79) Мильтон представляет сатану, носящегося над землей и пролетевшего до реки Оби и далее к северному полюсу. В десятой песне (v. 289—293) Грех и Смерть уподоблены ледяным глыбам, «которые загружают собой предполагаемый пролив, находящийся восточней Печоры и ведущий к цветущим берегам Китая». В той же песне (v. 695—700) есть упоминание о самоедах.

«Ангел тьмы» создавался, повидимому, под непосредственным впечатлением поэмы Милтона «Потерянный рай». Титанические образы, космический пейзаж очень близко напоминают поэму Милтона, местами почти совпадая с нею. Так, например, в 1-й песне читаем:

But his doom
Reserved him to more wrath; for now the thought
Both of lost happiness and lasting pain
Torments him; round he throws his baleful eyes,
That witness'd huge affliction and dismay,
Mix'd with obdurate pride and steadfast hate.

(b. I, v. 53—58)

В 4-й песне:

As when a spark
Lights on a heap of nitrous powder, laid
Fit for the tun some magazine to store
Against a rumour'd war, the smutty grain
With sudden blaze diffused, inflames the air;
So started up in his own shape the fiend.

(b. IV, v. 814—819)

В русском переводе Амвросия Серебряникова (1785) эти цитаты еще более выявляют свою близость с текстом Радищева и выглядят следующим образом: «Ярость небесная оставила ему бессмертие для вящего воздаяния его преступлений. Пришел в себя и ужасом объят стал. Прошедшее его терзает, будущее в отчаяние приводит. Озирается повсюду пламенными очами. В мрачных его взорах видимы печаль, смущение, гордость, ненависть. Проницающее его зрение, подобно тому, какое имеют ангелы, вдруг объемлет все место оное, проклятое, ужасное и претрашное» (стр. 3).

«Как когда искра падает на множество селитры и пороху, уготованное для соблюдения в хранилище, оным наполняемое, по слуху наступающая войны; вдруг черный состав взрывает, блещет и воспламеняет воздух: тако злобный дух восстал с яростью и показался сущим ангелом тьмы» (стр. 143).

ОПИСАНИЕ МОЕГО ВЛАДЕНИЯ

Напечатано в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (ч. VI, 1811). Рукопись не сохранилась. В издании 1811 г. в тексте есть ряд явных ошибок, нами исправленных.

«Описание моего владения» осталось, очевидно, незаконченным. Ряд обещаний, данных автором в начале и в конце работы, оказываются невыполненными. Так, на первых страницах, излагая своему корреспонденту (очевидно, предполагаемому) план сочинения, Радищев пишет: «Прежде всего я тебе скажу что инбудь о земле и о всем, до того принадлежащем; потом [о] крестьянах, на оной живущих, далее доме моем и о себе и всем, ко двору моему принадлежащем; а наконец о способах к лучшему хозяйству» (стр. 172). Но в тексте, как он дошел до нас нет ничего ни о доме, ни о дворе помещика этого «владения».

Или в конце мы читаем фразу: «Об удобрении лугов будем говорить после» (стр. 196), но, хотя работа еще продолжается, до лугов речь не доходит.

Можно сказать, что и то, что было Радищевым написано, не было окончательно обработано. Встречаются как будто недописанные фразы, вроде следующей вводной, помещенной в скобках после слова «параллелограмм» — «в математике сие выражение есть, может быть, невежды, варвары» (стр. 173). Попадают и незавершенные мысли. Так говоря об «облегчениях» «жителей низовых стран перед здешними» (описываемыми) в пахоте и севе, автор под цифрой 1 указывает, что «вместо двукратной и троекратной пашни низкой земледелец сеет яровой хлеб прямо по жнитву и редкий запахивает семена два раза, а чаще всего один раз вспашет и заборонит. Искусство его состоять должно только избирать лучшую для посева погоду. Но о благопоспешной или противной погоде будем говорить после» (стр. 176). Что же хотел Радищев сказать под цифрой 2, остается неясным.

Наконец попадают повторы; например, дважды указано, что в лесях описываемого владения «много» или «очень много родится» орехов и грибов (стр. 174 и 178), дважды написаны отдельные слова, не сведены к одному месту однородные данные и т. д.

Возможно, что автор неожиданно для него самого был оторван от работы. Этому предположению соответствует, как кажется, и хронология написания этого сочинения. Автор говорит о крестьянском хозяйстве в своей вотчине в таком тоне, что заставляет предполагать некоторый более или менее продолжительный период наблюдения; например такая фраза: «Огородная работа совсем предоставлена женскому полу; разве когда мужчина вспашет огород, дабы тем работа была поспешнее» (стр. 178) и т. п. С другой стороны, он неоднократно указывает на свои «опыты», которые он «делал над черноземом Тютнарским» (стр. 174, 176, 191, 195). Это название переносит нас в Верхнее Абязово или Преображенское, имени отца А. Н. Радищева в Саратовской губ., Кузнецкого уезда, находившееся в черноземном районе на речке Тютняр. А известно, что вернувшись из Сибири в деревню Немцово в Калужской губ. в июне 1797 г. Радищев отправился к отцу со всеми детьми в начале 1798 г. и пробыл в Абязове «целый год» (П. А. Радищев. Русский вестник, 1858, т. XVIII, стр. 420—421). Очевидно, в это время он и изучал здесь состав почвы и присматривался снова к крестьянскому хозяйству. Отметим кстати любопытную черту характера Радищева. Даже приехав в семью отца после долгой разлуки, после ссылки, он не теряет даром времени и ведет хозяйственные наблюдения и научные химические анализы, к которым после Лейпцига вернулся особенно энергично в Илимске.

Упоминания о манифесте Павла I (1797 г.) о трехдневной барщине и о погоде в начале 1797 г. (стр. 188) определяют невозможность отнести «Описание» к более раннему времени. Наиболее естественным представляется относить работу над «Описанием» к 1800 и началу 1801 г. И тогда недоработанность сочинения нужно объяснить тем, что амнистия 1801 г., прекратившая подневольную жизнь Радищева в Немцове, позволила ему возвратиться в столицу, где он оказался вовлеченным в другие, государственного характера, занятия. Как раз ко времени после возвращения из Абязова и биограф-сын (П. А. Радищев) относит занятия «экономией», которые чувствуются в «Описании моего владения» (указ. соч., стр. 422). На то же намекает и указание самим автором «первого въезда» своего в деревню (стр. 171), т. е. он знает и другой — по возвращении из Абязова.

Уже полное заглавие «Описания» намеренным перечнем разных возможных названий объекта «Описания» и еще более прибавкой «или назови как хочешь» заставляет думать, что замысел автора имел в виду не индивидуальное описание своего имени, а типичную картину помещичьей деревни. К этому же идет и то, что Радищев не захотел назвать «бывшего окружного городка», а привел — и не в начале, так что неосведомленный чита-

тель и не отнесет этого обязательно к описанной ранее деревне — имя ее, он намеренно, думаю, прикрыл ее псевдонимом «Земцево» (вместо «Немцово»).

Но к типическому автор шел от конкретного. «Описание» прежде всего имеет в виду Немцово. Об этом говорит и приведенное название деревни и упоминание «нашего бывшего окружного городка» — Малоярославца, ставшего в административную реформу Павла безудельным, и общий ландшафт, и разбросанность и чересполосность земли, и качество почвы, и костюмы женщин и проч. Однако совершали ошибку те ученые, которые брали материал из «Описания» для характеристики Немцова без проверки, так как этот материал часто не соответствует этой деревне индивидуально.

Изображая отдельные географические и этнографические подробности деревни, Радищев имел в виду не географическое описание такого-то пункта со всеми в точности присущими ему чертами. Он хотел дать картину хозяйства помещичьей деревни определенного района, и индивидуальные особенности Немцова должны были прикрыться округленными для удобства расчетов цифрами, причем автор не стеснялся и отходить, иногда довольно далеко, от конкретного материала его вотчины.

Под нейтральным заглавием «Описание моего владения» Радищев задумал серьезную экономическую работу. Он не просто хотел дать изображение хозяйства крепостной деревни путем перечня всех его элементов. Его задачей был анализ хозяйственных данных с тем, чтобы получить обоснованные результаты по части современного состояния этого хозяйства, которое признается неблагоприятным и, уяснив причины этого, предложить «способы к лучшему хозяйству» и тем самым поставить вопрос о крепостном праве, о необходимости ликвидации его на научно-экономическую почву.

Хорошо сознавая разницу условий хозяйства в разных районах России и в разных системах помещичьего хозяйствования, Радищев берет определенный район и, очевидно, для большей простоты исследования и большей убедительности конечных выводов, — оброчную деревню. Район — ближе ему знакомая южная часть нечерноземной полосы, причем в изображении хозяйства неоднократно подчеркиваются разные особенности этого района в отношении почвы, порядка удобрения, приемов пашни и проч., сравнительно с другими местами — низовыми (т. е. нижней Волгой), ярославскими и костромскими, тамбовскими и симбирскими, т. е. географический момент принят во внимание достаточно.

Хозяйство Радищев берет земледельческое, главенствовавшее в России и преобладавшее в этой полосе. Потому естественно анализ начинается с земель.

Общее количество земли на 360 душ населения Радищев берет в круглой цифре 1400 десятин, половину которых занимает «лес, кустарник, луга и земля неудобная», — цифры и соотношения, не воспроизводящие немцовой действительности. В дачах самого Немцова по генеральному межеванию 770 десятин, из которых 590 пашни; во всех дачах Малоярославского уезда, в которых единственным владельцем или одним из них был Николай Афанасьевич Радищев, насчитывалось около 2720 десятин, а пашни 1920, т. е. там и тут пашня составляла значительно больше половины всей площади.

Первая часть «Описания» содержит общие предпосылки исследования. Далее две главы, пронумерованные как первая и вторая, чем предыдущему придается вид вступления, посвящены «способам к лучшему хозяйству» и именно агрономическим. Первая глава трактует о приемах исследования состава почв и об опытах в этом направлении самого Радищева над Тютнарским черноземом. Вторая глава менее цельна по содержанию. Сначала речь идет об удобрении и вместе о пахоте, как они проводятся в России и как это делается в Англии или рекомендуется «известными земледельцами». Затем особый отдел посвящен различным вопросам, связанным с севом. И в небольшом последнем, можно сказать, параграфе, не связан-

непосредственно с предыдущим, дан перечень разных орудий, употребляемых в России «для возделывания земли».

Очевидно, вопросам агротехническим предполагалось посвятить немало места, но изложение оборвано, так сказать, на полуслове.

Впрочем, повидимому, и эти агрономические темы были подготовительными к разрешению основной. Автор, в сущности, имел в виду написать отдел из экономики сельского хозяйства России XVIII в., а именно о хозяйстве помещичьих крестьян. В подходе к разрешению своей задачи Радищев обнаруживает большую широту и хорошую зоркость. Начав с физико-географических условий, он изучает затем агротехнический процесс, все время не упуская из вида его экономики. Переходя к экономическому анализу и подготавливая конечные выводы, он стремится охватить всю совокупность воздействий социально-экономической среды. Правда, последняя тема, как впрочем и целый ряд других вопросов, поставлена неполно и только намечена. Но важны именно постановка вопроса, указание путей к его решению.

Не менее интересно то, что в отличие от многих других экономистов XVIII в. Радищев в «Описании моего владения» идет не от интересов помещика, а берет крестьянское хозяйство как таковое. Именно крестьянское, а не помещичье хозяйство, хочет он изучить. И совершенно ясно, что во втором отделе «о способах к лучшему хозяйству», который мы в его широкой постановке можем назвать отделом о сельскохозяйственной политике в России, если бы он был дописан до конца, мы прочли бы подробно разработанный проект того, как можно обеспечить крестьянину «собственность и проч.», т. е. проект ликвидации крепостничества.

Стр. 186. «Ныне только запрещено». . . и т. д. Радищев имеет в виду манифест Павла I от 5 апреля 1797 г., в котором говорилось, что царь повелевает «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издольев остающихся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям» (Полн. собр. законов, № 17909 — «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные»). Само собой разумеется, что ни к чему не обязывавшее «пожелание», высказанное царем о трехдневной барщине, как и его «повеление» о воскресных днях, ничего не обеспечивавшее, не повело ни к чему и нисколько не смягчило крепостнического гнета.

Стр. 188. Ричард Кирвен (Kirwan) — ирландский химик и минералог, написал «Элементы минералогии» (1784), которые, повидимому, и имеет здесь в виду Радищев.

Стр. 189. «Российско-Английский писатель о земледелии» — без сомнения, Гутри (G. I. Guthrie), издавший в 1789 г. «Исследование о климате России» (A dissertation on the Climate of Russia) и печатавший статьи в русских журналах. См.: Труды Вольно-экономич. общества, ч. XVIII (XLVIII), 1793, стр. 257 — «Изобретения российских крестьян» Гутриа, — Академические известия, ч. V, 1780, стр. 100 — «Каким образом простой народ в России предохраняет себя от цынготной болезни» доктора Гутри.

Стр. 190. В «Трудах вольно-экономического Общества», издававшихся в Петербурге (ч. XXVII, 1774, стр. 18—54), напечатан сделанный А. Карамышевым перевод работы Килбеля на вопрос, предложенный Академией Наук в Бордо: «Какая бы была вероятнейшая причина к плодородию земному»; эту работу и использовал Радищев.

Стр. 192. Триптолем или Церера — см. стр. 378.

Стр. 194. Б. Г. фон Толль (Toll, род. 1758), эстляндский агроном, служил в русской гвардии и армии до 1787 г. Нам известна его книга

«Хороший совет сельскому хозяину» (Guther Rath für den Landmann), изданная в 1810 г., когда он вступил в Вольно-экономическое общество (I. F. v. d. Recke and K. E. Napiersky. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland, Bd. IV, Mitau, 1832, SS. 381—382).

Стр. 196. *Дегамель* — Дюамель-Дюмонсо (Duhamel—Du Monceau, 1700—1782), французский ученый, автор «Трактата о возделывании земель» (Traité de la culture des terres, 1750—1762), «Трактата о сохранении зерна» (Traité de la conservation des grains, 1753), «Элементов агрикультуры» (Éléments d'agriculture, 1762).

Стр. 197. «Записки» («Handlingar») *Стокгольмской Академии Радищев*, повидимому, читать не мог, так как не знал шведского языка. Скорей всего, он читал о совете, поданном в этих «Записках», в каком-либо журнале или книге на английском, французском или немецком языках.

ПАМЯТНИК ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКОМУ ВИТЯЗЮ

Напечатан в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (ч. IV, 1811). Рукопись не сохранилась.

В издании 1811 г. есть ряд явных ошибок, которые в настоящем издании исправлены (в цитатах из «Тилимахиды» исправления даны по изданию ее 1766 г.). На стр. 46 в тексте издания 1811 года — пропуск (в нашем издании отмеченный строкой точек — стр. 205); в этом месте редакторы издания 1811 года вставили пометку курсивом и в скобках: «(В бумагах сочинителя не нашлось начала повести дядькиной)».

Написан очерк Радищева, повидимому, в начале 1801 г. и во всяком случае не раньше этого времени. В нем упомянуты «Стихотворения К[арабанова], между которыми прекрасного перевода его А[льзир]ы печатать видно не дозволено», вышедшие в 1801 г., действительно, без «Альзиры» (книга Карabanова вышла, судя по составу помещенных в ней стихотворений и по написанию титула Павла I в самом начале 1801 г. или в самом конце 1800 г., т. е. еще при жизни Павла; цензурное разрешение книги — от 24/VIII 1800 г.); фраза Радищева о книге Карabanова звучит злободневно (так говорят только о нововышедшей книге). Так как в Петербурге, куда Радищев приехал после воцарения Александра I (12 III 1801), он скоро был привлечен к законодательным работам, которые поглощали все его время, то «Памятник» вероятнее всего написан еще в деревне, еще при Павле I.

Пушкин писал о Радищеве в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—1835): «Его изучения „Тилимахиды“ замечательны», и повторил это суждение в статье «Александр Радищев» (1836): «Между статьями литературными замечательно его суждение о «Тилимахиде» и о Тредьяковском» (продолжение этой фразы: «которого он любил по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений» — не выражает действительного мнения Пушкина и объясняется хорошо известным условным характером статьи 1836 г.). Таким образом дважды, почти теми же словами, Пушкин назвал «Памятник дактилохореическому витязю» трудом замечательным.

Трактат стоит в очевидной связи с некоторыми ведущими мыслями, проходящими через всю деятельность Радищева, например, с давним интересом его к поэзии Тредьяковского, с предпочтением полиметризма, с новаторским характером его собственной поэзии и др. «Памятник» — первый русский трактат по научному стиховедению. Самый замысел произведений Радищева еще совершенно не выяснен. Все писавшие или упоминавшие о «Памятнике» на деле имели в виду одну лишь последнюю его часть «Апологию Тилимахиды и шестистопов» (в «Предисловии» у Радищева названную «Заключением»), совершенно умалчивая о первых 4 главах

(с «Предисловием» — пяти) и, следовательно, безусловно считая их незначительным, случайным привеском к единственно ценному, т. е. к «Апологии». Между тем Радищев для чего-то написал и связал их с «Апологией», следуя какой-то цели. Эта цель, очевидно, осталась неясной, если, от Пушкина доныне, читатели и исследователи мысленно разъединяли «Апологию» и беллетристическую часть.

В «Предисловии» Радищев говорит, что он задумал свое произведение в форме, подсказанной «Жизнью моего отца» Коцебу, которую держал в руках знакомый, вошедший к нему, когда он перелистывал «Тилемахиду» («на подобие сказанной книги или несколько на нее похожее»). Книга Коцебу — это мало интересная повесть, написанная смесью тривиально-авантюрного стиля с семейно-сентиментальным; любопытна она только одной особенностью, изложенной в «Предисловии». Здесь говорится о том, как автор сидел однажды у своего приятеля. Заговорили о буримэ. Автору пришла мысль «сию игру остроумия распространить более, нежели на несколько строк». Он предложил приятелю продиктовать 12 слов, «которые сперва ему попадутся», и вызвался на эти слова написать роман в 12 глав. Приятель продиктовал слова: вулкан, пастор, жук, верблюд, буря, рудокопы, океан, волк, свинец, трусость, ад, подкуп. Месяца через три автор нашел эту уже забытую им записку, вспомнил об обещании и написал свой роман. Далее «Предисловие» советует «молодым сочинителям» прибегать к такому же способу, что будто бы разовьет в них способность соединять связным повествованием самые отдаленные и, казалось бы, несомнимые вещи. Самый роман выдерживает, ценою абсурдных сюжетных натяжек, принятое автором обязательство. Бабушка рассказчика, беременная на пятом месяце, не отставала от дедушки, пока он не согласился поехать с ней в Италию; там она вздумала взойти на Везувий, заглянула в кратер и туг же на вулкане разрешилась от бремени отцом рассказчика (гл. 1-я «Вулкан»); отца воспитал «наш благочестивый пастор» (гл. 2-я); однажды в лесу, гоняясь за редким жуком (гл. 3), он попал к разбойникам, и т. д. до благополучной его женитьбы на матери рассказчика (цитируем и пересказываем по русскому переводу 1806 г. В. Ш. Был более ранний перевод — 1798 г. Алексеева; его Радищев и имеет в виду).

К этой бездарной книге отношение Радищева могло быть только ироническим. Метод буримэ особого рода, использованный Коцебу, он заимствует для пародии на Коцебу. В этом внутреннем смысле его «Предисловия». Сам Радищев называет ничем не связанные слова, «перебирая с начала листы сея тяжеловесныя пиимы» (т. е. «Тилемахиды»); следовательно, сразу выясняется общий замысел беллетристической части: спародировать сюжет «Тилемахиды». Но само «Предисловие», очевидно, должно было выразить ироническое отношение Радищева к вульгарно-развлекательной мешанской беллетристике, которая за время пребывания Радищева в Сибири распространилась в России особенно сильно. Вернувшись из Илимска Радищев увидел в литературе нечто новое: волну переводов из Коцебу и широкий успех его романов и драм. Против Коцебу он здесь и выступает.

Заданные себе самому «слова» Радищев выдерживает более или менее точно (хотя «слова», намеченные, например, для 4-й главы, не совсем совпадают со словами, выписанными в заголовке самой 4-й главы), но обращает на себя внимание одно крупное расхождение: в «Предисловии» намечены «слова» для 5-й главы («время, силлогизм in barbara...», и т. д.), последней перед «Апологией»; между тем, самой этой 5-й главы в дальнейшем тексте нет вовсе. Осталась ли она ненаписанной или почему-либо не вошла в издание 1811 г., неизвестно. Первое вероятнее, потому что сюжет беллетристической части удовлетворительно досказан и 4-й главой, которая недаром кончается словами: «Лукерья еще усмехнулась. А мы? Мы скажем: конец».

В Предисловии указан и метод дальнейшего рассказа: «повествованием, из Тилемахиды извлеченным». Следовательно, весь рассказ должен следовать ходу действия поэмы Тредиаковского, следовать, конечно, пародически.

«Вступление» (оно же 1-я глава) прерывает этот замысел. Написано оно в форме «разговора Б. и П.»; Б. защищает Тредиаковского от предубеждений П., который признает смеясь, что он «Тилемахиды» не читал и не собирается читать. В. П. Семенников («Радищев», 1923, стр. 304) высказал предположение, что под Б. надо разуметь С. Боброва, взгляды которого по вопросам стиха во многом совпадали со взглядами Радищева, а под П. — Подшивалова. Следует указать, что в трактате Клопшток а гексаметре, на который Радищев дальше ссылается в «Апологии», изложение тоже ведется в форме беседы двух лиц, названных вымышленными именами. Во всяком случае, Б. выражает мнение самого Радищева: за вымысел «Тилемахиды» отвечает не Тредиаковский, а Фенелон; Тредиаковскому принадлежит только стих, а о стихе этом судить нужно не сплеча. А что в «Тилемахиде» плохо, то, по крайней мере, может вызвать смех. Это замечание вводит пародию, занимающую главы 2—4 и составляющую собственно беллетристическую часть «Памятника». Нить диалога Б. и П. временно обрывается (она будет поднята в «Апологии»), зато восстанавливается связь с «Предисловием» (нарушенная этим «Вступлением»). Мысль «Вступления» ясна; она выражена была уже подзаголовком: «Тилемахида на что-нибудь годится, ни на что не годится». На что-нибудь годится работой поэта над русским гексаметром, в особенности над ритмической и звуковой его организацией; ни на что не годится — общим замыслом (Фенелоновым), морально-политической тенденцией, громоздкой и скучной композицией.

Главы 2—4 «Памятника» представляют гротескную пародию на ту сторону «Тилемахиды», которая «ни на что не годится». Что их надо понимать именно так, доказывается первой же фразой следующей за ними «Апологии». Это слова П., выслушавшего всю смешную повесть: «согласен в том, что Тилемахида может быть поводом к чему-нибудь смешному». Следовательно, к содержанию глав 2—4 «поводом», т. е. сюжетной основой, была именно поэма Тредиаковского, вернее, не вся она в целом, а «ненужное и к иронической песни неприличное». Поэтому анализ пародии поможет выяснить, что Радищев считал «нужным и приличным» для героической поэмы. Метод пародии таков: основная схема «Тилемахиды» перелагается на персонажей и нравы героев Фонвизина и русской сатирической журналистики. Сам Телемак становится Фалеем Простаковым, младшим братом Митрофанушки; имя Фалелей тоже взято из литературы: так зовут глупого дворянского сына в «Живописце» Н. И. Новикова (1772, листы 15, 23, 24). Действие происходит на мызе возле Копорья, куда Простаковы переехали после отрешения от власти на прежней своей родине и где снова они стали помещиками. Ментор превращен в русского дядьку, названного Цымбалдою по имени «славнейшего из всех дядек», т. е. дядьки Симбалды в «Сказании про храброго витязя про Бову королевича»: к концу XVIII в. «Бова» стал массово-известной повестью, давно уже сошедшей в народные низы.

Евхарите (нимфе богини Калипсо, всячески отвращающей Телемака от поучений Ментора) соответствует Лукерья, в которую влюбился Фалелей. В 4-й главе Лукерья (в речах Цымбалды, притворно, с педагогической целью, расхваливающего ее) даже стилизована в духе Фенелоновой поэмы («смирномудру Гликерия твоя... и достойна женихов достойнейших...»). Кузница (в 4-й гл.) соответствует подземному царству (в 18-й песне «Тилемахиды»), а кузнец — Плутону, так что шутка Радищева включила и «сошествие в Тартар».

Двупланность (мир Фенелона слитый с миром Фонвизина) подчеркнута и методом ведения рассказа. Цымбалда читает своему питомцу «Тилемахиду», вернее, пересказывает ее прозой, а Фалелей прерывает рассказ замечаниями, соответствующими действительному направлению его мыслей; в иных случаях отрывки из поэмы комментируют действие. Но пересказаны отрывки не в порядке поэмы, а произвольно. Начал Цымбалда (гл. 2) с I песни, со школьно-знаменитого описания грота («вертепа») Калипсо, что видно из реплики Фалелеса, который понял вертеп как кукольный

театр; дальше пересказаны стихи I, 119—136. Но в 3-й главе сначала пересказано место VI, 318—327 («ветр надувал паруса наши...»), потом IV, 262—285 («мы приплыли на остров Кипр...»), потом VII, 360—361 («па Евхарите одежда...»); в 4-й главе скачки еще больше: сначала II, 338—364, затем из конца поэмы — XXII, 427—499 («Он открылся ему...»), а в эпизоде с кузницей три отрывка из XVIII песни (сошествие в Тартар): ст. 92—126, 149—164 и 298—312. Итак, сплошной, проведенной до конца пародии нет; так, например, явно обойдены эпизоды, связанные с государственно-педагогической тенденцией поэмы (качества монарха, описание царств, принципы управления и т. д.). Пародия выделяет только взаимоотношения Ментора, Телемака, Евхариты (юноша между любовью и педагогом) и сошествие в подземный мир. Только об этой стороне поэмы мы вправе сказать с уверенностью, что Радищев считал ее ненужной или наивной или устаревшей для героического эпоса. Повидимому, в «Тилемахиде» наиболее наивным кажется Радищеву ее элементарный педагогизм, а это связано с его собственным положительным представлением о том, какой должна быть поэма: национально-исторической, проблемно (а не поучительно) политической.

Но пародия на сюжет «Тилемахиды» является, как мы видели, и своеобразным продолжением «Недоросля», эпизодом из дальнейшей судьбы семьи Простаковых на новой родине, в мызе дураков (Наренгоф — от немецкого Narr — дурак) под Петербургом. Фалелей на всем протяжении пародии развивает тему своего старшего брата Митрофанушки: «не хочу учиться, хочу жениться», что гротескным образом совпадает с борьбой любви и ученического послушания в душе Телемака. Цымбалда представляет в новом виде Еремеевну, Цыфиркина и Вральмана и продолжает, следовательно, тему «педагога», традиционную в старой сатире 1770-х годов. Шуточная повесть Радищева доказывает, какое большое место эта старая сатира занимала в его литературном сознании: недаром он был в 1772 г. сотрудником «Живописца»; недаром также в «Путешествии» есть ссылки на Фонвизина; старой сатирической традиции времен своей молодости Радищев верен и сейчас. Ясна и причина этой верности; возвратившись из ссылки, Радищев нашел фонвизинскую Россию в неизменном виде, разве только что Простаковы переехали, да подрос младший брат Митрофанушка, — именно эта мысль лежит в основании повести. Следовательно, здесь не просто возвращение к традиции, а сознательное ее продолжение. Этому соответствует и вдвойне новаторское к ней отношение: 1) Митрофанушка, Простаковы, Фалелей, Цымбалда стали классическими образами, «типами» с цитатной общеизвестностью: следовательно, автор, относясь к ним уже со стороны, как бы продолжает их литературную жизнь, вводя их в новые условия (ср. судьбу Митрофанушки в сатире Салтыкова-Щедрина); 2) Радищев вводит цитатно-классические типы в своего рода сатирический роман, явление новое в русской литературе около 1800 г. и предугадывающее дальнейшее развитие русской правоописательной сатиры.

Пародия, заключенная в первых главах «Памятника», расчистила место для апологии действительной заслуги Тредиаковского: создания русского гексаметра; разъяснив, что в «Тилемахиде» «ни на что не годится», и этим освободившись от сюжета, тенденции и композиции поэмы, Радищев переходит к главной части своего замысла. Следовательно, все предшествующее было не привеском. Оно было нужно для определения, чрез ограничение, той территории, на которую простирается «Апология».

В «Апологии» можно различить три основных мысли. Во-первых, выяснение и защита литературной позиции и исторической заслуги Тредиаковского. Эта мысль для Радищева новой не была. Общеизвестная страница в «Путешествии» (в главе «Тверь») выражала недовольство Радищева тем, что с Ломоносовым русское «стихосложение шагнуло один раз и стало в пень», т. е. остановилось на ямбах. Уже тогда Ломоносовской системе узкой метрики Радищев противопоставлял полиметрическую систему (практику которой он видел в развитии немецкой поэзии 1740—1770-х годов);

за «русским Готтшедом» он ждал русского Клопштока («желал бы я, чтобы Омир меж нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, ексаметрам»), и уже тогда предвещием этой будущей эпохи русского стихосложения была для него «Тилемахида» (1766). Отсюда его вывод: когда будет создан русский гексаметр, «тогда Тридияковского вырют из поросшей мхом могилы забвения, в Тилемахиде найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы». Сейчас, в 1801 г., как бы в исполнение этого предвидения, Радищев указывает в «Тилемахиде» эти «добрые стихи». Следовательно, эта мысль «Апологии» не нова и в основе принадлежит еще «Путешествию». Но «Апология» (напечатанная только в 1811 г.) сыграла большую роль в известных спорах о гексаметре (а заодно и о «русском складе»), которые составляют такой важный эпизод в истории русской поэзии 1810—1820 гг. (Востоков, В. Капнист, Гнедич, Уваров и др.). А так как в этих спорах родился новый русский гексаметр XIX в., то «Апология» является связующим звеном между гексаметром Тредиаковского и гексаметром Гнедича — Жуковского (подробности у В. П. Семенникова, указ. соч., стр. 287—303). Благодаря Радищеву метрическое новаторство Тредиаковского стало живой силой для литературного сознания Пушкинской эпохи.

Во-вторых, «Апология» разрабатывает (впервые в России) вопрос о реальном ритме стиха, в частности, гексаметра. Радищев следует здесь Клопштоку (о чем дважды сам говорит). «Мессию» он, вероятно, знал издавна (хотя в «Путешествии» поэма Клопштока ни разу не названа). В письме Воронцову от 1798 г. (осень, из с. Преображенского) «Мессия» упомянут («самым важным из моих чтений был Мессия Клопштока и Энеида по-латыни», — пер. с франц.); но было ли это первое прочтение или перечитывание, неясно. Зато в 1798 г. в саратовской деревне Радищев, повидимому, впервые прочитал трактат Клопштока о немецком гексаметре («Vom deutschen Hexameter»), приложенный к изданию «Мессии» 1769 г. (в значительно расширенном виде трактат вошел в книгу Клопштока «Ueber Sprache und Dichtkunst». Hamb., 1779. Возможно, конечно, что Радищев знал именно ее). Основные мысли Клопштока о строении немецкого гексаметра Радищев принял, и в «Апологии» применяет к теории русского гексаметра.

Трактат Клопштока был замечательным для своего времени явлением в истории стиховедения. Но сейчас для наших целей нам достаточно из этого трактата, богатого мыслями (и написанного весьма специально и нелегко), выделить только те положения Клопштока, которые отразились в «Апологии».

Возражая против школьной теории, которая делит стих на стопы (например, дактили), Клопшток говорит: «из приложения к речи искусственных или школьных стоп (Füsse der Regel) возникают стопы слов (Wortfüsse), которые являются действительными частями стиха; только на них обращает внимание слушатель, которому до искусственных стоп нет никакого дела». Именно эту мысль Клопштока имеет в виду Радищев, когда говорит: «читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток», и объясняет, что это значит. Стих II, 219 в школьной скандовке получает такой вид:

Та раз | лука бы | ла мне | вместо Пе | рунна у | дара.

Но такое чтение представляет школьную фикцию. Реальные части этого стиха иные:

Та разлука | была мне | вместо Перунна удара.

Ни Клопшток, ни Радищев не отрицают стоп (например, дактилей), но речь шла о чтении стиха, о таком чтении, которое восстановило бы его ритм или, как выражается Радищев, «меру времен» (поясняя в скобках по-французски: *rythme*). Поэтому, читая «Тилемахиду», не надо искать в ней дактилей. «Клопшток сие запрещает именно, и если его „Мессию“ читать

так же станешь, то вместо его благогласных стихов выйдут скачущие и жесткие дактилохорен, но читая по стопам слов, находишь в них благогласие непрерывное...»

Это правило (первый на русской почве выход за пределы школьного стиховедения Тредиаковского и Кантемира в сторону стиховедения научного) помогает Радищеву поставить вопрос о том, почему такой-то стих ритмически плох, а другой хорош.

Прочие положения Клопштока прямым образом не отразились в «Апологии»; поэтому мы не входим в их разбор. Но дальнейшая научная работа выяснит общее воздействие идей Клопштока на стиховедение (и быть может на поэзию) Радищева. Так, например, его учение об отличии немецкого гексаметра от греческого, вероятно, сыграло немалую роль в развитии взглядов Радищева на русский гексаметр. Еще важнее соображения Клопштока о коренном отличии немецкой долготы, по его мнению смысловой (*begriffmässige Silbenzeit*), от греческой, механической (в чем он вряд ли прав), что, по Клопштоку, связано с общим строем греческой речи, нежной, часто мягкой (*sanft, nicht selten weich*), в отличие от немецкой, преимущественно сильной, изредка жесткой (*vornehmlich stark, selten hart*). Это было согласно со взглядами Радищева на выразительную энергию стиха. Учение о своего рода «смысловых стопах» и смысловом ритме соответствовало этим общим поискам наибольшей энергии стихотворной речи. Заметим еще, что сама мысль написать «Апологию» Тредиаковского и «шестистопов» связана с содержанием трактата Клопштока (тоже апология гексаметра против сторонников ямба).

В-третьих, «Апология» развивает учение о звуковой организации стиха или, как выражается Радищев, о «гармонии изразительной». Первый в России он поставил вопрос, в чем состоит «чародейство изразительной гармонии». Возможно, что и здесь он следовал какому-нибудь западному исследованию; но возможно, что он здесь самостоятелен, — конечно, как систематизатор вопроса, потому что разрозненные наблюдения над звуковой структурой стиха делал уже древние. В трактате Клопштока об этом вопросе нет ни слова. В России, во всяком случае, Радищев первый понял, что звуковая организация стиха есть предмет, подлежащий исследованию. Радищев считает, что изразительная гармония основана на повторении звуков. Так в первой половине стиха:

Дыбом лев подняв свою косматую гриву

Радищев отмечает повторы о-о (дыбом подняв), в-в (лев подняв), д-д (дыбом подняв). Но простой повтор — еще начало дела. Сам по себе повтор может создать и плохой стих; повтор и-и-и-и не улучшает, а как раз портит стих:

Книга, держама им, была собрание имнов,

потому что здесь повтор сопровождается какофоническим има-им-ие-им. Отсюда вывод Радищева: «все чародейство изразительной гармонии состоит в повторении единозвучной гласной, но с разными согласными». Соединяя эту мысль с учением о ритме, Радищев приходит к окончательному выводу: хорош тот стих, в котором с «изразительной гармонией» соединяется «числительная красота, красота мерная времени».

Дальше этого вывода немногим ушло и современное стиховедение XX в. Мы все еще решаем задачу, поставленную Радищевым. «Апологией» начат был тот подъем научного стиховедения, который отличает развитие русских литературных взглядов в Батюшковскую и Пушкинскую эпоху. Все крупные русские поэты 1810-х и 1820-х годов были в своем роде стиховедами. Инициатором этого движения был Радищев.

Заметим еще, что цитаты из «Тилемахиды», приведенные в «Апологии» по ходу аргументации (их всего 30), стали в начале XIX в. разменной монетой литературных представлений о всей поэме, которую уже не читали (как, впрочем, и в конце XVIII в., на что жалуется Радищев.

в «Путешествии»). Цитаты эти стали своего рода коррективом к несправедливому забвению, постигнутому труд Третьяковского. Тем более стоит отметить, что эти 30 цитат (всего 45 стихов), выбраны Радищевым не равномерно из всей поэмы, а только из первых 4 песен (особенно из 2-й песни — 14). Очевидно, работая над «Апологией», Радищев перелистывал, подбирая примеры, только начало поэмы. Единственное исключение — два стиха из 18-й песни. Но это исключение кажущееся; эти два стиха Радищев помнил издавна; первый (311):

Дивище мозгло, мослисто и глухо и немо и слепо

представляет параллель ко второму (515):

Чудовище обло. озорно, огромно, с трезивной и лай,

т. е. тому самому стиху, который Радищев забыть не мог, к стиху, выбранному (с небольшим изменением) эпиграфом к «Путешествию». Сейчас он осуждает эти два стиха за нелепый выбор слов. Почему же один из них он десять лет тому назад взял в эпиграф? Вряд ли он тогда ему казался лучшим. Очевидно, перед нами пример к известной теории, изложенной в главе «Тверь» «Путешествия» («находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия»); «трудный» стих выражает трудность действия; в данном случае, в своем роде чудовищный стих Третьяковского призван был выразить «облую» чудовищность вещи: для ненавистного явления, для крепостнической монархии, автор «Путешествия» избрал в эпиграф соответствующий стих. Теория «изразительной гармонии» входит, следовательно, в цельную систему не особых, стиховедческих, а эстетических и значит, общеполитических взглядов Радищева.

Цитаты из «Тилемахиды», приведенные Радищевым в «Апологии», соответствуют следующим стихам поэмы (у Радищева в руках было ее первое и единственное за весь XVIII в. издание: «Тилемахида или странствование Тилемаха сына Одиссея, описанное в составе иронической пинимы Василием Третьяковским...» и т. д., тт. 1—2, СПб., 1766):

1. Но на ближних горах	книга I,	стихи 156—158.
2. Пристань и вся земля	» II	» 18
3. Та разлука	» II	» 219
4. Добрые ждут пока	» II	» 236—240 (с пропуском стиха 237)
5. Дивище мозгло	» XVIII	» 311
6. Чудище обло	» XVIII	» 515
7. Тотчас и хлынул	» I	» 554
8. Я не имел уже	» II	» 254—257
9. Гор посредине крутых	» II	» 268—269
10. Столько ж грубых	» II	» 271
11. В сей час я	» II	» 282—283
12. Превознесется	» II	» 295
13. Приводит в лед	» II	» 308
14. И к воздержанию	» II	» 316
15. . . . сень смерти	» II	» 388
16. Праздна уже	» II	» 401
17. Слышимо было везде	» II	» 439—442
18. И воздымало	» I	» 142
19. Издали гор и холмов	» I	» 154
20. Дыбом подняв	» II	» 498
21. Зев отворяет	» II	» 500
22. Ярки лучи его	» III	» 33
23. Гора Ливана	» III	» 327—328
24. В нем не находишь	» III	» 469—470
25. И мы видели там	» IV	» 259

26. Книга держима им	»	II	»	350
27. Тайна и тиха	»	IV	»	368—369
28. Зрилась сия	»	IV	»	638
29. И трепетались	»	IV	»	642

Стих «Яви стези итти премудрости за светом» (не гексаметрический, а шестистопный ямб) в «Тилемахиде» не обнаружен.

Цитируя стих II, 295, Радищев добавил для смысла слово «слава» из предыдущего текста поэмы; таким же образом, цитируя стих III, 327, он добавил первые два слова: «Гора Ливана».

Стр. 202, вместо *сиденгамова жидкого лаудана*. Сиденгам (вернее Сайденхэм, Sydenham, 1624—1689), знаменитый английский медик XVII в. ввел широко употребление хинина и снотворных средств, в том числе лаудана, жидкого лекарства на базе опиума. В 1769 г. журнал Екатерины II «Всякая всячина» иронически рекомендовал чтение «Тилемахиды» в качестве усыпительного средства (стр. 15, 30—32).

Стр. 204. *запрети и меня*. Римский историк Кремуций Корд был обвинен при Тиберии в том, что в своей истории Рима с похвалой говорил о Бруте, а Кассия назвал последним римлянином. Раболопный сенат приказал эдилам сжечь его труд. Историк, помнивший его наизусть, и пронес тогда свою знаменитую фразу, впрочем, легендарную. Сожжение книги и последовавшее за ним самоубийство Кремуция Корда произошло в 25 году н. э. Тацит подробно рассказывает этот эпизод в своих «Анналах», а Радищев вспоминает Кремуция Корда в «Кратком повествовании о происхождении цензуры», приложенном в «Путешествии» к главе «Торжок». Но в 1801 г. упоминание мужественного римского историка-республиканца сзидательствовало еще о том, что Радищев невольно сопоставлял с его судьбой свою собственную. Дочь Кремуция Корда спасла несколько списков его труда, и они были известны позднейшим римлянам; Радищев думал о том, что несколько уцелевших экземпляров «Путешествия» дойдут до потомства.

Стр. 204. *Базедов* (Иоганн-Бернгард, 1723—1790) — выдающийся немецкий педагог, автор ряда трактатов, классик науки о воспитании человека. Он подвергался гонениям властей и лютеранского духовенства за передовые взгляды. Под влиянием «Эмиля» Руссо (1762) он задумал реформу всего школьного дела. Он основал в 1774 г. в Дессау знаменитое образцовое училище *Philanthropin* («Человеколюб»; у Радищева не совсем правильно, но согласнее с духом русского языка «Филантропина»), вызвавшее одобрение таких людей, как Кант и Эйлер. В Филантропине уделено было большое место физическому воспитанию, введено преподавание ново-европейских языков, чем сломлено было преобладание древних языков, введено впервые наглядное обучение (учить сначала вещам, а потом словам), широко преподавались науки о природе, изгнан был дух религиозной нетерпимости. Радищев, придававший, как и все великие просветители XVIII в., громадное значение вопросам рационального воспитания, сочувственно следил за деятельностью Базедова. В 1791 г., узнав, что о только что скончавшемся Базедове вышла в Гамбурге книга (Радищев, вероятно, имеет в виду книгу Mayer'a «Charakter und Schriften Basedovs», В. I. Hamb., 1791), он просит Воронцова прислать ее и попутно дает Базедову высокую оценку, выделяя в особенности «легкие и упрощенные методы, благодаря которым теперь можно и детей учить тому, к чему в начале века едва дерзал приступить двадцатилетний», т. е. методы наглядного обучения (письмо Воронцову из Иркутска от 26 ноября 1791 г.). О наглядном обучении говорится и в комментируемом абзаце («начальная или стихийная книгою и нужных для нее картин») и несколько ниже («чувственное воспитание»). Вольке (Хр. Генр., 1741—1825) — крупный немецкий педагог, сторонник Базедова, сотрудник в Филантропине. В самом конце XVIII в. он занимался в Петербурге педагогической деятельностью в духе идей Базедова. Он покинул Россию в 1801 г., т. е. как раз к тому

времени, когда Радищев писал «Памятник». Возможно, что упоминание его имени объясняется не только уважением Радищева к его прошлой деятельности в Филантропине, но прямым желанием подчеркнуть свое сочувствие его недавней деятельности в России.

Стр. 205. *Вертеп* — народный кукольный театр.

Стр. 206. а о сновидениях «Россияды» в другое время. Из многочисленных случаев введения сновидений в поэтическое произведение (в классической поэме и трагедии «сновидение» было, как известно, постоянной «машинной») Радищев, шутя, вспоминает три. *Нафалия* — это, конечно, *Athalie* (Гофолия) из трагедии Расина того же имени (1691): у Радищева либо описка, либо ошибка памяти, либо текст в этом месте испорчен. Гофолия в трагедии Расина видит сон, предвещающий ее падение и воцарение молодого Иоаза. Сон Гофолии принадлежал в XVIII в. к числу школьно-знаменитых текстов. О сновидении Ричарда (в «Ричарде III» Шекспира, акт V, сцена 3) Радищев вспоминает еще в философском трактате «О человеке» (стр. 55). Отношение Радищева к Шекспиру и, в частности, особый интерес к Ричарду III восходит к Лессингу (*Лаокоон*, гл. 24; *Гамбургская драматургия*, гл. 73 и сл.), а через Лессинга вливается в общую историю европейского и русского предромантизма.

Стр. 206. *От Гл-ва или Со-ва. Гл...* в — Глазунов. В 1782 г. Матвей Петрович Глазунов открыл книжную лавку в Москве, в 1788 г. его брат Иван — в Петербурге. Известное издательское дело Иван Петрович завел в Петербурге в 1790 г. С... в — Василий Степанович Сопиков; уже в 1788 г. он работает в Петербурге по распространению изданий Новикова, а вскоре (точный год неизвестен) открывает собственную книжную лавку.

Стр. 206. *творения и пр.* — традиционный в сатирической литературе эпохи классицизма перечень плохих, бездарных и забытых авторов. Ч... — М. Д. Чулков. «*Лирическое послание Н...*» — «*Лирико-дидактическое послание кн. Е. Р. Дашковой*» Н. П. Николева, занявшее с объяснительными примечаниями почти весь III том в пяти томах его творений (1795—1798). «*Земледелие Р...*» — «*Земледелие*» Разноговского (М., 1794—1800). «*Поваренный словарь*», — вероятно, «*Повар и кондитер или подробный поваренный и кондитерский словарь*» (СПб., 1791). «*Стихотворения К...*» — «*Стихотворения*» П. М. Карабанова (1801). В этот том, действительно, не вошло лучшее его произведение, перевод Вольтеровой «*Альзиры*», на котором, собственно, и основана была известность Карабанова. «*Альзира*», переведенная Карабановым в молодости, вышла еще в 1785 г., вторым изданием в 1798 г., а в собрание произведений 1801 г. не вошла, как правильно предполагает Радищев, по цензурно-политическим условиям павловского времени. Интерес Радищева к «*Альзире*» — факт не случайный. «*Альзира*» (1736) — трагедия Вольтера (на деле, скорее, просветительная декламационная драма) из истории завоевания Перу в XVI в., направленная против жестокости, сопровождавшей колонизацию Нового Света. К-ч — Кириак Кондратович, известный переводчик Академии Наук, неутомимый полиграф, эрудит и малоодаренный стихотворец XVIII в., действовавший в литературе от 1730-х до 1780-х годов (умер он в глубокой старости в самом конце века; год смерти неизвестен). Книги «*Иерихон*» у Кондратовича нет, но Радищев имеет в виду его сборник «*Старик молодой доброхотному и недоброхотному читателю*» (1769), в начале которого имеется нелепая ода:

О Иерихон проклятый,
Как меня ты заманил?
Навином Исусом взятый,
Сколь от града отдалил?

и т. д., рассказывающая о том, как некто, выйдя из Иерусалима, в Иерихоне попался разбойникам; левиты равнодушно прошли мимо, а добрый

самарянин помог. Эта «ода», вероятно, постоянно цитировалась как пример абсурдной поэзии Кондратовича; отсюда понятна ошибка Радищева или его нарек.

Стр. 207. У нас и в песни про суда поют. Две сходных песни — в песеннике Чулкова, ч. I, №№ 126 и 127.

Стр. 208. Икара, Монгольфьеров, Бланшарда и прочих. Интерес Радищева к воздухоплаванию и первым воздухоплавателям, братьям Монгольфье и Бланшару, известен по упоминанию о воздушных шарах в «Путешествии» (глава «Хотиллов») и по стихотворению «Осмнадцатое столетие».

Стр. 209. Небесная планисфера — лубочная картина, на которой созвездия изображены чертежами зверей, соответственно их названию (медведица, скорпион, козерог и т. д.).

Стр. 210. Любомудр — перевод слова философ.

Стр. 211. Горе мне грешнику сушу... Известная «духовная песнь» (см. в «Письмовнике» Курганова раздел «Разные стихотворения», подраздел «Псалмы», № 13).

Стр. 211. Помогай бог! По библейской легенде (кн. Чисел, гл. 22—24), Валаам (правильнее Билеам), волхв, приглашенный Балаком, царем моавитян, чтобы изречь проклятие против победоносно наступавших израильтян, трижды пытался проклясть, но трижды против его воли бог Ягве влагал в его уста благословение.

Стр. 215. Новерр (1727—1810) — знаменитый французский балетмейстер, теоретик и реформатор балета (превращенного им в мимическую драму), был известен и в России. Его «Письма о танце и балетах» (1760) были изданы в Петербурге в 1803 г.; влияние его на петербургский балет было очень велико. Анджелини, вернее Анджолини (Casparo Angiolini. 1723—1796), старший современник и соперник Новерра. За полемикой между Анджолини и Новерром следила вся театральная Европа конца XVIII в. Перед нами лишнее доказательство образованности Радищева в самых разнообразных областях.

Стр. 215. Момической кисти Гогарта. Вильям Гогарт (1697—1764) — знаменитый художник-сатирик; отсюда и кисть его — момическая от имени Мома, бога насмешки, сатиры (греч. миф.).

Стр. 215. Енклад (Энцелад) — «Титанов от Земли сын, из Гигантов, которые имели войну против Юпитера, величиную возраста всех превосходил; Юпитер, громом его поразив, низвергнул в гору Этну» (Храм древности, содержащий в себе египетских, греческих и римских богов имени. 1771, стр. 330).

Стр. 216. как в Латинском. Под «преношениями» Радищев разумеет особенность латинского литературного, особенно стихотворного, языка, заключающуюся в разлучении синтаксически связанных слов, например, глагола и дополнения, определения и определяемого. В «Тилемахиде» такие синтаксические латинизмы встречаются на каждом шагу, например, (I, 581):

Нас берегли еще других к претерпению бедствий,

т. е. «берегли нас к претерпению еще других бедствий».

Стр. 217. О ты, что в горести напрасно — начало стихотворения Ломоносова «Ода, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» (напеч. в 1751 г.). Ода к Фелице — Державина (напеч. в 1783 г.).

[ЖЕЛАНИЯ ГРЕКОВ, К ЕВРОПЕ ХРИСТИАНСКОЙ]

Печатается впервые по автографу А. Н. Радищева, хранящемуся в Институте истории АН СССР (г. Ленинград) в собрании Воронцовых. № 862, лл. 93—97. Рукопись написана на плотной, кремового цвета бумаге, имеющей водяные знаки *Pro patria*, переплетена в томе вместе с другими рукописями Радищева (глава из «Опыта о законодательстве», «Проект генерального таможенного тарифа 1783 г.», «Записка о гостинном дворе» и др.).

Приводим варианты рукописного текста.

Стр. 225₆. После *род* было написано и зачеркнуто: *манифеста*.

Стр. 225₇. После *длинного* было написано и зачеркнуто: *писанной*.

Стр. 225₁₂. После *приемлем* вымарано какое-то слово.

Стр. 225₁₃. *оной* написано над строкой.

Стр. 225₂₀. *державою* написано над строкой вместо зачеркнутого: *законами*.

Стр. 225₃₃. *Иравила к* написано над строкой вместо зачеркнутого: *за главное правило, которой правило*.

Стр. 225₃₇. После *истреблению* было написано и зачеркнуто: *поставляющего*.

Стр. 225₃₇. После *имеющего* было написано и зачеркнуто: *они*.

Стр. 225₃₉. *то* написано над строкой.

Стр. 225₄₂. *том же* написано над строкой.

Стр. 226₆. После *совершенно к* было написано и зачеркнуто: *рабству*.

Стр. 226₇. *приучится* написано вместо зачеркнутого: *приобучится*.

Стр. 226₇. После *и* было написано и зачеркнуто: *если*.

Стр. 226₁₇. *К удивлению* написано над строкой вместо зачеркнутого: *удивляются*.

Стр. 226_{17—18}. *находится* написано над строкой вместо: *есть*.

Стр. 226₁₈. Перед *училищах* было начато и зачеркнуто: *унив.*

Стр. 226_{20—21}. *торгов* написано над строкой вместо зачеркнутого: *купечества*.

Стр. 226₂₃. После *пребывающем* было начато и зачеркнуто: *так*

Стр. 226₂₇. После *несчастливыми* было написано и зачеркнуто: *может быть оное [нрзб.] столь героичное*.

Стр. 226₃₂. В рукописи описка, вместо *найдет* написано: *надейт*.

Стр. 226₃₄. *Из того* написано над строкой вместо зачеркнутого: *по всему тому*.

Стр. 227₂. После *штандарты* было написано и зачеркнуто: *Исуса Христовы*.

Стр. 227₅. После *прежде* было написано и зачеркнуто: *чтоб превозносятся тем*.

Стр. 227₉. *преклонению* написано на поле вместо зачеркнутого: *смячению*.

Стр. 227₁₀. *что* написано над строкой вместо двух зачеркнутых вариантов: *к чему, что*.

Стр. 227₁₂. *наших* написано над строкой вместо: *ея*.

Стр. 227₁₆. *истребление* написано над строкой вместо зачеркнутого: *усильствие*.

Стр. 227₁₈. После *от* было написано и зачеркнуто: *своих ближних*.

Стр. 227₂₂. После *состояние* было начато и зачеркнуто: *принуж*.

Стр. 227₃₀. После *дабы* было написано и зачеркнуто: *прекратить*.

Стр. 227₃₅. После *своим* было написано и зачеркнуто: *узаконениями*.

Стр. 227₄₁. После *отдаленнейшия* было написано и зачеркнуто: *от нея*.

Стр. 227₄₇. После *жить* было начато и зачеркнуто: *под власт*.

Стр. 228₅. *должны* написано под строкой вместо зачеркнутого: *имеем причину*.

Стр. 228₁₁. После *сию* было написано и зачеркнуто: *гленную*.

Даты написания и подписи Радищева рукопись не имеет. Принадлежность ее Радищеву устанавливается по его почерку. В отличие от других черновых рукописей Радищева, написанных трудночитаемой скорописью, данная рукопись написана четким, ясным почерком и, судя по имеющимся в ней двум ремаркам «Продолжение последует», была предназначена для периодической печати.

Перед рукописью на особом нумерованном листке, сложенном в четверку, имеется следующая надпись, сделанная почерком конца XIX или начала XX в.: «Два отрывка (один неполный) пьесы *Желания греков*, переведенной, для помещения в журнале, как по почерку видеть надо. А. Н. Радищевым, — с какого языка, не видно. Из Клева от 20 и 24 июля. В целом статья была бы весьма любопытна».

Первое упоминание об этой рукописи имеется у Я. Л. Барскова (Материалы к изучению «Путешествия». А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. II, 1935, стр. 101). Барсков пишет: «В бумагах Радищева имеется (не напечатанный еще) его автограф «Желания греков. Из Клева от 20 и 24 июля» (А. В. № 618, л. л. 134—138). Рукопись Радищева представляет собою перевод пьесы Гики, помещенной в каком-нибудь из иностранных журналов 1771 года. Греки жалуются, что они уже 318 лет (т. е. с 1453 года) находятся под турецким игом. Рукопись обрывается на пятой из девяти страниц перевода, напечатанного в «С.-Петербургских Ведомостях», и заканчивается обещанием: «продолжение впредь будет». Узнав, что брошюра Гики уже напечатана по-русски, Радищев, очевидно, ограничился лишь первой ее половиной. Это самая ранняя из уцелевших работ Радищева».

Перевод статьи, на который ссылается Я. Л. Барсков, был напечатан в «Прибавлении к № 65 С.-Петербургских Ведомостей» 16 VIII 1771 г. под названием «Вопль Греческого народа к Европейским Христианам» с подписью «несчастливой Греческой народ». Перед заглавием статьи сказано: «Перевод с Итальянского языка».

Радищев в предисловии к своему переводу сообщает, что пьеса, которую он переводит, есть «род весьма длинного, на греческом языке писанного манифеста». Его перевод представляет собою ровно половину той статьи, которая напечатана в «Прибавлении к № 65 С.-Петербургских Ведомостей». Напечатанная статья занимает $8\frac{1}{2}$ страниц, из них $4\frac{1}{4}$ страницы (начало) по содержанию целиком соответствуют Радищевской рукописи. Разница заключается только в качестве перевода. Радищевский перевод по своей лаконичности и четкости мысли стоит гораздо выше печатного перевода. Вот несколько мест, которые дадут представление о качестве того и другого переводов:

Печатный перевод

Стр. 1.

Благополучныя времена древней Греции составляют толь славную эпоху в общей истории, что излишно было бы оныя здесь описывать. Тираны наши превратили в плачевнейшее позорище те самыя земли, где пред сим предки наши при вольном правлении своего отечества пользовались всею славою и благоденствием, могущими в народах поселиться премудрыми законами, строгим наблюдением правосудия, военным искусством, знанием наук и художеств, а наипаче всенародным наблюдением как общественных, так и личных добродетелей.

Перевод Радищева

А. 93.

Благополучие времен древней Греции есть столь славная в хронике света эпоха, что бесполезно бы было повторять, что самая сия страна, которая ныне есть феатром толь многих злоключений, под игом наших тиранов, была прежде, когда предки наши жили под державою вольности, феатром славы, благополучия и изобилия. Там мудрые были учреждены законы; почитаемое там правосудие было с такою же справедливостию и в воинском искусстве наблюдаемо, благороднейшие и полезнейшия художества там процветали, но более всего была страна сия от-

Стр. 1 об.

А если кто почитает странным, что в народе, претерпевавшем более трехсот лет несносное рабство, находятся люди подверженные порокам невольничества, то мы просим принять во уважение, что все великодушные добродетели почитаются преступлением в людях подобного состояния; что когда прямодушие и твердость при порочных узаконениях правительства причиняют людям нещастия, тогда воздержание себя от всякия хитрости было бы толь чрезвычайной бодростию духа, что трудно и надеяться, дабы всяк из них оную имел и употреблял; и что на конец и сия требуемая к таковым порокам способность ожидает только искусного законодателя, который легко обратил бы оную к добродетели, когда все граждане найдут цаки в добронравном поведении и в общественном благоденствии собственное свое частное благополучие.

Стр. 3.

Возымели мы повод опасаться, что Российское победоносное оружие занимается не в рассуждении неприятеля; но по другому побуждению.

Появление двух параллельных переводов одной и той же статьи свидетельствует о том, что тема ее — судьба греческого народа, находящегося под турецким игом, — являлась в то время для России весьма актуальной. Она была тесно связана с бывшей тогда русско-турецкой войной. Цель, которую Россия преследовала в этой войне, заключалась в том, чтобы вырвать из-под влияния Турции крымских татар и изгнать турок из Европы. Для осуществления этого намерения был создан так называемый «греческий проект», в котором предусматривалось восстановление греческой империи. Позднее предполагалось передать корону этой империи внуку Екатерины II Константину Павловичу (История дипломатии, т. I, под редакцией В. П. Потемкина, 1941, стр. 290). «Царьград в качестве третьей российской столицы, — говорит Ф. Энгельс, — на ряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой. Это было бы единодержавным господством над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 10). Осуществление этого политического проекта велось под демагогическим лозунгом «освобождения православных народов». Когда в 1774 г. был заключен с Турцией Кучук-Кайнарджийский мирный договор, то по настоянию русского правительства в него внесены были статьи, касающиеся религиозных прав христианского населения Турции.

Брошюра «Желания греков» («Voti dei Greci all'Europa christiana») была написана албанским князем Антоном Гики, который служил в Аلبании в штабе гр. А. Г. Орлова под непосредственным начальством

менна исполнением всех общих и частных добродетелей.

А. 94 об.

Если же кому покажется чрезвычайным, что есть между народом, более трех веков в рабстве пребывающем, люди, имеющие нравы и обычаи рабские, то просим мы его рассмотреть, что в рабском состоянии всякая добродетель есть преступление, которое злодейством против тирана почитается; что под начальством, где мужество и откровенность творят людей нещастливыми, может то за героическое действие почестся, дабы отрещися от всякого лукавства, что трудно надеяться, чтоб все люди к тому способны были; и что наконец, мудрой законодатель может дать другой предмет склонностям человеческим, и легко ему будет обратит их к добру, когда всякой найдет собственное свое благополучие в благополучии общественном и в исполнении добродетели.

А. 96.

Мы должны опасаться, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю.

С. Г. Домашнева, «склоняя свою нацию» на сторону русских (Я. Л. Барсков, там же). Гика происходил из знатного рода, к которому принадлежал ряд молдавских и валахских господарей; Григорий III Гика был подарком Валахии именно во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Поводом для написания брошюры Антона Гики послужило, очевидно, заключение летом 1771 г. Австрией тайного оборонительного союза с Турцией, который заставил русское правительство торопиться с разделом Польши. Узнав об австро-турецком тайном соглашении, направленном против России, греки испугались. Им казалось, что Россия, вследствие активного вмешательства Австрии, не сможет дальше вести войну с Турцией и тем самым оставит греков опять на произвол их прежних угнетателей. Только в этом смысле и можно истолковать следующее центральное место в статье, которое без объяснения тогдашней международной обстановки будет непонятно: «Мы надеялись, что покровительство великодушной сей избавительницы еще раз допустит нас жить под управлением законов, что вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежней свой вид получит. Надежда толиких выгод в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изязаний тиранами нашими нам приуготовляемых, как из отмщения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестью и отчаянием. Мы должны опасаться, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю».

Ценность Радищевского перевода статьи о греках заключается для нас не только в том, что это самая ранняя из его уцелевших работ, как справедливо отметил Я. Л. Барсков, но в том, что она свидетельствует об активном включении Радищева в большие международные политические дела еще тогда, когда он был студентом в Лейпцигском университете.

С самого начала возникновения русско-турецкой войны (16 XI 1768) Радищев следил за ее развитием и поддерживал связь с русскими, проезжавшими через Лейпциг в Италию и Албанию. О своих встречах с участниками этой войны он упоминает в «Житии Федора Васильевича Ушакова». «Отправление Российских морских сил в Архипелаг, — пишет он, — в последнюю войну между Россией и Турциею, доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотечичей, проезжавших из России в Италию, и оттуда в Россию» (Полн. собр. соч., т. I, 1938, стр. 176). В Лейпциге побывал в начале войны писатель С. Г. Домашнев, впоследствии директор Академии Наук, под начальством которого, как упоминают было выше, служил автор брошюры о греках Антон Гика.

Брошюра Гики — это злободневный, острый политический документ. Несомненно, Гика написал ее с ведома (а возможно и по прямому заданию) гр. А. Г. Орлова и своего непосредственного начальника С. Г. Домашнева с целью создать в Европе общественное мнение в пользу более активного вмешательства России в греческие дела.

Радищев получил брошюру Гики, надо полагать, из первых рук, т. е. от курьера из штаба Орлова, ехавшего в Россию. Потому Радищев так уверенно и говорит в своем предисловии к переводу: «Мы тем охотнее приемлем на себя перевод оной, что по всем обстоятельствам, думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов». Это могло быть в июле 1771 г., за три месяца до возвращения Радищева в Россию (в Россию из Лейпцига он отправился в середине октября 1771 г.), так как 16 августа брошюра Гики была уже напечатана с другого экземпляра в «С.-Петербургских Ведомостях».

Самый факт передачи Радищеву, а не кому-либо другому из русских студентов в Лейпциге, брошюры Гики для печати заслуживает особого внимания в биографии Радищева. Этот факт говорит о том, что, во-первых, А. Г. Орлов или С. Г. Домашнев знали о существовании у Радищева интереса к вопросам политики, а, во-вторых, они, очевидно, знали также о том, что у Радищева имеются какие-то связи с русскими издателями, которые его перевод могут напечатать. Сам Радищев отмечает в предисловии к переводу, что он делает его для «периодического сочине-

гия». Не имел ли Радищев связи с Н. И. Новиковым, крупнейшим тогдашним русским журналистом, активно привлекавшим к участию в своих изданиях молодежь? Это вполне возможно, так как Радищев по возвращении из Лейпцига в Россию вскоре начал сотрудничать в издании Новикова. Во всяком случае, наличие перевода Радищева, сделанного для русского журнала еще в Лейпциге, снимает одно из возражений против признания «Отрывка из Путешествия в*** И*** Т***» принадлежащим Радищеву. Возражение это сводится к тому, что Радищев не мог сразу же после приезда из Германии в Россию успеть завязать связи с русской журналистикой. Теперь мы видим, что эти связи были у него еще во время его жизни в Лейпциге.

К брошюре Гика Радищев отнесся с сочувствием. Он снабдил свой перевод примечаниями, которые по своему характеру аналогичны его примечаниям в переводе книги Мабли. Из небольших примечаний его к статье о греках и из выше приведенного сопоставления его перевода с переводом той же статьи, напечатанным в «С.-Петербургских Ведомостях», можно видеть его особое отношение к судьбе угнетенного греческого народа.

Главное, что занимает Радищева в греческом вопросе, это — рабство. «В рабском состоянии всякая добродетель есть преступление, которое злодейством против тирана почитается», — пишет он на л. 94. А вот как глухо и расплывчато это же место сформулировано в печатном переводе в «С.-Петербургских Ведомостях»: «все великодушные добродетели почитаются преступлением в людях подобного состояния».

Проблема христианства, которой прикрывалось царское правительство в своей политике, Радищеву кажется несущественной. Так он подчеркивает своим примечанием то место, в котором Гика пишет, что греки «Предпочтут сию брэнную жизнь вере И[исуса] Х[риста] и жизни бесконечной».

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» МАБЛИ

Напечатано отдельной книгой в 1773 г. в количестве 650 экземпляров. Перевод осуществлен для основанного в 1768 г. по приказанию Екатерины II «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на Российский язык». Издана книга «Обществом, старающимся о напечатании книг», организованным в 1773 г. Н. И. Новиковым. Полный титул книги таков: «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастья Греков; сочинение г. аббата де Мабли. Переведено с Французского. Иждивением Общества, старающегося о напечатании книг. Продается в луговой Миллионной улице, у книгопродавца К. В. Миллера. Цена 60 коп. В Санктпетербурге при императорской Академии Наук. 1773 года». Переводчик получил за свою работу гонорар по 7 рублей за печатный лист.

Еще В. С. Сопиков указал, что переводчиком этой книги является А. Н. Радищев (Опыт российской библиографии. СПб., ч. IV, 1816, № 9493). В. П. Семенников, сообщивший о книге ряд дополнительных сведений, указал, что в бумагах «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» (Архив Академии Наук СССР) имеются две расписки А. Н. Радищева — от 7 мая 1773 г. в получении аванса — 60 рублей, и от 6 декабря 1773 г. в получении остальных 45 рублей (В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 47). Текст расписок таков:

«1773 года декабря 6 дня запереведенную мною книгу размышления о Греках чрез Мабли, получил я в зачет полная суммы шестьдесят рублей. Титулярный советник Александр Радищев».

«1773 года декабря 6. дня запереведенную мною книгу размышления о Греках Г. аббата де Мабли принял я от собрания остальные деньги сорок пять рублей в чем и росписуюсь. Штаба Его Снятельства Графа Якова Александровича Брюса обер аудитор Александр Радищев» (Архив Академии Наук СССР, фонд 3, опись 22, № 3, лл. 8—9).

Габриэль Бонно де Мабли (Mably, 1709—1785), замечательный французский публицист, историк, политический мыслитель, оказал большое влияние на развитие революционной мысли во всей Европе во второй половине XVIII столетия. Первые его работы — «Parallèle des Romains et des Français» (1740; «Сравнение римлян с французами»), «Lettres à M-me la marquise de P... sur l'Oréga» (1741; «Письма к г-же маркизе П... об опере»). В этот период Мабли стоял на позициях крайне умеренного просветительства, считал богатство в руках отдельных лиц благом и настаивал на полноте власти в руках монарха. В середине 1740-х годов Мабли переживает перелом в своих взглядах; начиная с этого времени все более укрепляется радикально-демократическая социально-политическая концепция Мабли, которая и обусловила его влияние и значение в истории общественной мысли Европы. Идеологически Мабли близок к Руссо и к Морелли, но он мыслит самостоятельно и отличается от обоих. Мабли решительно осуждал весь общественный строй современной ему Европы и в частности Франции. Он был первым из политических писателей своего времени, который открыто заявил, что абсолютизм во Франции должен быть устранен. Еще при Людовике XV он настаивал на созыве генеральных штатов. Он разделял учение о естественном праве, принятое всеми французскими просветителями XVIII столетия, но в наиболее революционной его трактовке. Он считал, что источником и творцом власти в государстве должен являться народ и что лучшей форма правления — республика. Но в противоположность Руссо, Мабли полагал, что народ должен сам давать себе законы не путем общего собрания всех граждан, а через своих представителей (при одной законодательной палате). Только в качестве программы-минимум Мабли поддерживает мысль о конституционной монархии, притом такой, при которой монарх — лишь покорный исполнитель воли народных представителей. Равным образом Мабли требует, чтобы и чиновники избирались народом (на краткий срок) и были ответственны перед народом. В конце своей жизни Мабли все более склонялся к необходимости революционного разрешения тупика, в который попала Франция.

Однако не политическое учение Мабли было его высшим достижением, а его социальное учение о собственности. Мабли считал, что источником всех бед в обществе является имущественное неравенство, а в конечном счете — частная собственность. Он близок в этом пункте к Руссо, как автору «Рассуждения о происхождении неравенства на земле между людьми», но идет в своих выводах гораздо дальше Руссо. Идеальным общественным строем Мабли признал коммунизм. Коммунистическое общество представляется ему — несколько туманно — в виде небольших общин земледельцев и в то же время воинов, бедных, мужественных, сурово-добродетельных, стоически чуждающихся роскоши и обилия потребностей вообще. Равенство и благополучие граждан этих общин достигается, по Мабли, ограничением потребностей, доведением их до одинакового минимума. Мабли считал, что коммунизм, как он его представлял себе, является естественным состоянием человека и человечества, что он предшествовал несправедливому общественному укладу, основанному на собственности и деспотизме, и что он же является идеалом, к которому должно стремиться человечество. При этом Мабли — пессимист; он считал, что осуществить полный коммунизм в условиях общественной морали и бытия его времени невозможно; поэтому он предлагал и в этом вопросе программу-минимум; он считал необходимым введение сильной власти (в руках народа), насильственно ограничивающей алчность богатых, их собственность, равно как претензии честолюбцев; сильная власть, охраняющая относительное имущественное и, конечно, юридическое равенство, вводит публичное воспитание и общественную обязательную религию. Таким образом Мабли отказывается от иллюзий буржуазных «свобод» во имя идеи — еще расплывчатой — демократической диктатуры. Значение коммунистической идеи Мабли огромно. Если его общеполитическое учение сильно повлияло на деятелей французской буржуазной революции вообще, то его социалистическое учение непосредственно соотносится с такими фактами революции, как деятельность Бабефа.

Фридрих Энгельс писал о Мабли: «Современный социализм, несмотря на то, что по существу он возник из осознания царивших в наблюдаемом им обществе классовых противоречий между собственниками и неимущими, между рабочими и эксплуататорами, — в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII в., и его первые представители, Морелли и Мабли, недаром принадлежали к их числу» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, 1931, стр. 357).

В другом месте Энгельс говорит о том, что растущий пролетариат заявлял о себе во время каждого крупного восстания городов: «Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникли и соответствующие теории: утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)» (там же, стр. 18).

Особый характер социально-политическому учению Мабли придавал его подчеркнутый морализм. В различных своих работах Мабли не уставал повторять, что общественное благополучие основывается на добрых нравах, что без вкорененной в обществе гражданской добродетели никакие усилия политиков ни к чему не приведут. Самую добродетель он понимал в духе стоицизма.

Цикл произведений зрелого Мабли открывается его обширной работой «Droit public de l'Europe, fondé sur les traités, depuis la paix de Westphalie, en 1648, jusqu'à nos jours» (1748; Международное право Европы, основанное на договорах, начиная с Вестфальского мира 1648 г. до наших дней). Это — свод основных международных документов за сто лет, с объяснениями Мабли. Книга имела огромный успех. Она была переведена на ряд языков, издавалась неоднократно (1748, 1754, 1764; изд. в Женеве); с нею считались дипломаты во всей Европе; в английских университетах по ней преподавалось международное право. В 1749 г. появилась книга Мабли «Observations sur les Grecs» (Женева), т. е. та книга, которую перевел Радищев (Замечания о греках, 2-е изд., 1766). Через два года вышли «Observations sur les romains» (1751; Замечания о римлянах. Женева). В 1757 г. была напечатана книга Мабли: «Principes des négociations, pour servir d'introduction au droit public de l'Europe, fondé sur les traités» (2-е изд. 1767; Принципы дипломатии, служащие введением к книге Международное право Европы, основанное на договорах). В 1763 г. вышли: «Entretiens de Phocion sur le rapport de la morale avec la politique» (Беседы Фокiona об отношении нравственности и политики, Амстердам), в 1765 г. — «Observations sur l'histoire de France» (Наблюдения над историей Франции. Женева), в 1768 г. — «Doutes proposés aux philosophes économistes, sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». (Сомнения, предложенные философам-экономистам относительно естественного и существенного устройства политических обществ; эта работа направлена против Мерсье де ла Ривьера). Затем следовали: «De la Législation, ou principes des Loix» — 1766 (О законодательстве, или принципы законов. Амстердам); «De l'étude de l'histoire» — 1778 (Об изучении истории, издано отдельно; раньше было напечатано в составе серии учебников, написанных для одного принца Кондильяком, братом Мабли, в 1765 г.); «Du gouvernement et des loix de la Pologne» — 1781 (О государственном устройстве и о законах Польши; написано в 1770—1771); «De la manière d'écrire l'histoire» — 1783 (О способе писать историю); «Principes de morale» — 1784 (Принципы морали); «Observations sur le gouvernement et les loix des États-unis d'Amérique» — 1784 (Наблюдения над государственным устройством и законами Соединенных Штатов Америки). После смерти Мабли были опубликованы продолжение «Наблюдений над историей Франции» и книжка «Des droits et des devoirs du citoyen» (О правах и обязанностях гражданина).

В России произведения Мабли были известны. Автор похвального слова Мабли, его почитатель Бризар (l'abbé Brizard) писал в примечании к своему слову о том, что книга Мабли о международном праве находится

в руках всех правителей, «начиная от петербургского двора вплоть до Лукской республики» (*Oeuvres complètes de Mably, An 3, t. I, p. 110*). В письме от 3 марта 1783 г. парижский корреспондент А. Р. Воронцова, друга Радищева, сообщал ему о шуме, произведенном новой книгой Мабли «О способе писать историю», считая, повидимому, интересным для своего адресата сведения о Мабли (Архив кн. Воронцова, кн. XXX, М., 1884, стр. 34—35). В свою очередь, Екатерина II в том же 1783 г. (29 апреля) пишет Гримму о Мабли и, конечно, в весьма неодобрительных тонах (Сборн. Русск. ист. общ., т. XXIII, СПб., 1878, стр. 278). Первый перевод из Мабли на русский язык появился в 1772 г. — это были «Разговоры Фокионовы о сходности нравоучения с политикой, собранные Греком Никоклесом» (СПб.). Через год был издан Радищевский перевод «Размышлений о греческой истории». Еще два перевода вышли в начале XIX в.: «Начальные основания нравоучения» (1803, 3 части, перев. М. Цветков) и «О изучении истории» (1812, 3 части, перев. Егор Чилаев).

Радищев без сомнения читал Мабли еще в Лейпциге. В 1771 г. русские студенты Янов, Рубановский, Кутузов и Радищев должны были слушать лекции профессора Беме по публичному (т. е. международному) праву. 9 мая 1771 г. Янов заявил: «Так называемые государственные дела — не что иное, как учение о тех обязательствах, которые должны сблизить европейские государства в силу заключенных друг с другом договоров. Этот предмет превосходно изложил, по мнению всего света, аббат Мабли в своей книге «Публичное право Европы». И так как изучение этого труда, который состоит только из трех маленьких глав и, конечно, содержит в себе гораздо больше, чем может быть сказано об этом предмете в каких бы то ни было лекциях, требует не более трех месяцев, чтобы философски быть прочитанным, то я полагаю, что нам будет гораздо полезнее и что мы сбережем гораздо больше времени, если мы покнем аудиторию и будем держаться исключительно чтения названного труда...» С этим мнением согласился Рубановский Радищев написал: «Так как я уже извещен кабинет-министром Олсуфьевым, что могу быть отозван обратно из Лейпцига, то я полагаю, что в ожидании исполнения моей просьбы, мне нет нужды слушать ни эти лекции, ни все прочее. Что же касается образа обучения, то я вполне разделяю мнение г. Янова». Аналогичную запись сделал А. М. Кутузов (документы приведены в переводе с немецкого; см.: Я. Л. Барсков. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, 1935, стр. 89—90). Экземпляр «Публичного права Европы» находился в личной библиотеке Радищева и гораздо позднее — до его смерти (см.: А. Л. Барсков. Книжки из собрания А. Н. Радищева. Дела и Дни, I, 1920, стр. 399).

Следует указать, что ни в «Международном праве Европы», ни в «Размышлениях о греческой истории» не нашли полного выражения наиболее значительные, демократические и в частности социалистические идеи Мабли, хотя общее направление переведенной Радищевым книги Мабли уже имеет демократический и радикальный характер. Но в 1773 г., когда Радищев переводил «Размышления», он уже мог читать, и скорее всего читал, такую книгу, как «Сомнения» против Мерсье де ла Ривьера, в которой социалистический идеал Мабли изложен уже вполне отчетливо.

Книга Мабли, переведенная Радищевым, имела в первом издании следующий титульный лист: «Observations sur les Grecs, *Reum cognoscere causas*, Virg. Par M. l'Abbé de Mably. A Genève, Par la Compagnie des Libraires. M. D. C. C. XLIX».

В 1766 г. вышло второе издание книги, значительно переработанное; его титульный лист таков: «Observations sur l'histoire de la Grèce: ou des causes de la prospérité et des malheurs des Grecs. Par M. l'Abbé de Mably. A Genève. Par la Compagnie des Libraires. M. D. C. C. LXVI».

Радищев перевел книгу Мабли по второму ее изданию. Между тем ему было, видимо, известно и первое издание, или он, во всяком случае,

читал о нем, так как он называет переведенную им книгу в обеих расписках (см. выше) — «Размышления о Греках».

Самый подзаголовок книги Мабли (во 2-м изд.): «Des causes de la prospérité et des malheurs des Grecs как бы намекал на название знаменитого труда Монтескье «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*» (1734), общеизвестного во всей Европе во второй половине XVIII в. (Радищев использовал книгу Монтескье в своей «Песни исторической» — см. т. I, стр. 455—456). Современники находили, что «*Observations*» Мабли явились как бы своего рода pendant к «*Considérations*» Монтескье, несмотря на отячичия в точках зрения обоих историков; так, Мабли отвергает теорию географического или климатического предопределения фактов политики и культуры, принятую Монтескье (см. «*Eloge historique de l'abbé de Mably... par M. l'abbé Brizard. Oeuvres complètes de Mably*», An 3, t. I, p. 111). Мабли предпослал своей книге посвящение «*A monsieur l'abbé de R.****», Радищев не перевел этого посвящения, содержащего некоторые принципиальные установки Мабли.

У Мабли содержания (*Sommaires*) всех четырех «книг» его работы помещены в обоих изданиях в начале, перед текстом первой «книги», Радищев распределил их по главам — перед каждой соответствующей главой.

Перевод Радищева выполнен точно; Радищев стремился передать текст скато, не распространяя его, сохраняя смысл каждого отдельного выражения, но не следуя за оригиналом слово в слово. Характерна тенденция Радищева избегать в переводе иностранных слов: он передает *colonies* как тоселения; *se capitaine* — сей вождь, и *général* — вождь; *autorité absolue* — власть неограниченная; *critique* — рассуждение; *despotisme* — самодержавство. и т. д. (однако же Радищев передает *homme d'état* — статский человек). Особый характер имеет стоящая в этом же ряду передача слов *tyran* и *tyrannie* как мучитель и мучительство; такое словоупотребление проясняет политически-радикальный смысл, вкладываемый Радищевым в соответствующие слова.

Радищев прибавил к тексту Мабли семь своих примечаний (во втором издании книги Мабли во французском тексте нет вовсе никаких примечаний; в первом издании есть примечания Мабли, ни в чем не совпадающие с Радищевскими). Это был не первый случай издания перевода с заметками переводчика. Так, в 1765—1766 гг. вышли два тома «Истории Датской» Гольберга в переводе Я. П. Козельского; переводчик снабдил текст обильными и пространными своими примечаниями под строкой, содержащими оценку описываемых в книге лиц и событий, постоянно расходящуюся с оценкой Гольберга. Примечания Радищева к тексту Мабли неоднородны. В первом из них (стр. 235) он полемизирует с Мабли по вопросу об учреждении эфоров, обнаруживая самостоятельность мысли и осведомленность в столь специальном вопросе греческой истории. Правда, если у Радищева в руках было первое издание книги Мабли, то он мог прочитать в ней, на стр. 21, в примечании: «*Plutarque croit que ce fut le Roi Théopompe, 130 ans après Lycurge, qui créa les Ephores pour abaisser le Sénat qui s'étoit rendu trop puissant; cette opinion n'est pas la plus probable*». («Плутарх полагает, что эфоров учредил царь Феопомп, через 130 лет после Ликурга, с целью понизить значение сената, который сделался слишком могущественным; это мнение не является наиболее вероятным»). Но сведения, заключенные в примечании Радищева, шире тех, которые даны в этом примечании Мабли. Радищев ссылается при этом на Аристотеля и Плутарха. Аристотель в «Политике» (кн. VIII, гл. 9) говорит: «И в Лакедемонне также долго сохранялось царство вследствие того, что царская власть была там разделена на две части, а потом Феопомп еще умерил ее значение учреждением разных правительственных институтов, в особенности же учреждением власти эфоров». Плутарх говорит в биографии Ликурга: «Хотя Ликург таким образом составил правление, однако после него олигархия казалась еще весьма неумеренною, неограниченною и необузданною, и потому, говорит Платон, наложена на нее как узду власть эфоров. Около 130 лет после Ликурга избран был первым эфором Элам в царствованье

Феопомпа» (Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. Пер. С. Дестунис, ч. I, СПб., 1814, стр. 199).

Второе примечание Радищева к тексту Мабли (стр. 282) наиболее значительно по своему содержанию; это — целая политическая декларация молодого радикала-просветителя, краткая, но весьма выразительная. Мабли различает в своем изложении монархию и деспотию (различение это было установлено еще Монтескье) и говорит: «et quand les monarchies ne sont pas encore dégénérées en ce despotisme qui ôte à l'âme tous ses ressorts, le citoyen conserve le sentiment de la vertu et du courage, et le prince se crée, lorsqu'il le veut, une nation nouvelle» (1766, pp. 170—171). Эту фразу Радищев передал в переводе словами: «а как Монархии не перешли еще в самодержавство, отъемлющее у души все ее пружины, то гражданин соблюдал чувствование добродетели и мужества, а государь созидал, если хотел, народ совсем новый». Перевод этот меняет смысловой оттенок текста Мабли, у которого замечание о монархии, еще не переродившейся в деспотию, имеет генерализующее значение, дано как всеобщее политическое правило (и дано потому в настоящем времени); у Радищева же это замечание имеет исторический характер и говорит только о судьбе данной древней монархии (Македонии); характер общего суждения имеют в переводе Радищева лишь несколько слов, определяющих «самодержавство» (деспотию, despotisme) — «отъемлющее у души все ее пружины»; к этому именно месту текста Радищев дал свое примечание о самодержавстве, резко осуждающее его. Самая теория, кратко, но необыкновенно отчетливо изложенная в Радищевском примечании, формулирует учение об естественном праве, об общественном договоре, о народе, как единственном источнике власти, в том виде, как оно было своеобразно воссоздано Жан-Жаком Руссо в его знаменитой работе «Об общественном договоре или принципы политического права» («Du contrat social ou principes du droit publique»), появившейся всего за 11 лет до Радищевского перевода Мабли, в 1762 г. Можно сказать, что примечание Радищева является конспектом «Общественного договора» Руссо, причем Радищев уловил действительно основные узловые положения Руссо. Так, например, он усвоил центральное для всей книжки Руссо понятие *общей воли*, как сущности государственной деятельности народа. Радищевское «закон, извет общия воли» восходит к неоднократным формулировкам Руссо о «volonté générale», например: «Je dis donc que la souveraineté, n'étant que l'exercice de la volonté générale...» (Итак я говорю, что суверенитет, будучи только реализацией общей воли... Кн. II, гл. I) «il ne faut plus demander à qui il appartient de faire des lois, puisqu'elles sont des actes de la volonté générale» (нет нужды спрашивать, кому принадлежит право издавать законы, так как они являются актами общей воли. Кн. II, гл. VI). Мысль Радищева о том, что «мы ... не можем дать над собою неограниченной власти», также восходит к «Общественному договору»; Руссо пишет, например: «Dire qu'un homme se donne gratuitement, c'est dire une chose absurde et inconcevable; un tel acte est illégitime et nul, par cela seul que celui qui le fait n'est pas dans son bon sens. Dire la même chose de tout un peuple, c'est supposer un peuple de fous: la folie ne fait pas droit» (Говорить, что человек даром отдаёт себя, это значит говорить вещь абсурдную и непостижимую; такой акт незаконен и недействителен по одному тому, что тот, кто его совершает, не в здравом уме. Говорить то же самое о целом народе, это значит предполагать существование народа, состоящего из сумасшедших; безумие не есть основание права. Кн. I, гл. IV); гл. I, кн. II «Общественного договора» посвящена вся доказательству положения «Que la souveraineté est inaliénable» («О том, что суверенитет не отчуждаем»). Руссо говорит о *безмолвном* договоре и, конечно, о том, что общественный договор разрушается, когда монарх (или правительство вообще) узурпирует суверенные права народа (кн. III, гл. I), и о том, что общественный договор — это договор общества с каждым из его членов (кн. II, гл. IV). Следует прибавить к сказанному, что самое отношение Радищева к самодержавству (деспотии) непосредственно связывается с уче-

нием Монтескье, написавшего в «Духе законов» много блестящих страниц о деспотизме, который он характеризует как режим бесправия, беззакония, убивающий человеческое достоинство в подданных, режим варварский, гнусный и глубоко ненавистный ему.

Третье примечание Радищева (стр. 295) — о крепости Кадмее, т. е. Фивах и его легендарном основателе.

Четвертое, пятое и седьмое примечания Радищева (стр. 297, 298 и 301) дают точные ссылки на Монтескье к тем местам текста Мабли, где он ссылается на своего предшественника глухо, без указания его имени; эти Радищевские ссылки показывают, как хорошо помнил он знаменитую книгу Монтескье «О духе законов» (*De l'esprit des lois*, 1748). На стр. 297 Радищев совершенно точно переводит отрывок из «Духа законов», из кн. X, гл. XIV «Александр («Alexandre»)»; на стр. 298 и 301 — дает ссылки на ту же главу.

В шестом своем примечании Радищев (стр. 299) уточняет текст Мабли и отчасти полемизирует с ним, приводя цитату из «Истории Александра великого, царя Македонского» Квинта Курция (кн. IV, гл. XI).

ОФИЦЕРСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

Перевод А. Н. Радищевым книги «Офицерские упражнения» был осуществлен в 1773—1774 гг. Впервые на это указал В. П. Семенников, изучавший архив конференции Академии Наук и нашедший расписки Радищева в получении им гонорара за перевод (В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913. — Его же. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914). Перевод, вышедший анонимно в 1777 г., был выполнен Радищевым для объединения переводчиков, известного под именем «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Последнее передало книгу для издания Н. И. Новикову в «Общество, старающееся о напечатании книг». Перевод был представлен в печать в 1773 г. (*Журнал Академической комиссии*, 1773, № 244), но к этому времени материальные дела Общества ухудшились, и Новиков не смог даже уплатить Академической типографии за часть отпечатанных для него книг, в том числе и за «Офицерские упражнения». Невыкупленные книги только в 1777 г., по решению Академической комиссии, были пущены в продажу в академическую книжную лавку в виду неуплаты Новиковым долга (*Журнал Академической комиссии*, 1777, № 88).

Сохранились расписки Радищева в получении гонорара: «1773 года, декабря 6 дня, принял я от собрания за первые две части переведенной мною книги Офицерских упражнений восемьдесят четыре рубли. Штаба Его Снятельства Графа Якова Александровича Брюса обер аудитор Александр Радищев».

Вторая расписка такого же содержания от 12 декабря 1774 года, согласно которой Радищев получил 70 рублей за перевод 3-й и 4-й частей «Офицерских упражнений».

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется экземпляр первых двух частей «Офицерских упражнений», датированный 1773 г., на титульном листе которого помещен виньет Новиковского издательского общества. На других известных экземплярах книги дата иная: 1777 и виньета нет. Объясняется это тем, что указанный экземпляр предназначался для Екатерины II и был преподнесен ей сразу после отпечатания, между тем как остальной тираж — 650 экз. — задержался вследствие указанных выше обстоятельств и был выпущен с измененным титульным листом.

В Архиве Академии Наук СССР (фонд 3, опись 22, № 3, лл. 6—7) сохранились сведения о переплетенных для Екатерины и Г. В. Козицкого

книгах, датированные 20 декабря 1773 г. В числе этих книг находятся и «Офицерские упражнения».

«Офицерские упражнения» состоят из четырех частей и сопровождаются 28 гравированными фигурами. Содержание частей следующее: часть I включает упражнения пехотных офицеров от капитана до прапорщика в окрестных местах их гарнизона. Часть II — то же, вне их гарнизона. Часть III содержит упражнения пехотных офицеров от полковника до капитана вне их гарнизона. Часть IV описывает «маневры одного батальона, на восемь плутонов разделенного, которые равномерно могут представить восемь батальонов, восемь бригад или восемь дивизионов».

Автор немецкого оригинала пока не установлен.

По характеру своему «Офицерские упражнения» резко выделяются на фоне изданий «Общества» как книга весьма специальная. Повидимому, перевод ее был продиктован необходимостью иметь на русском языке новое пособие для офицеров, в своем роде в то время единственное. На простых и жизненных примерах автор, обладающий большим военным опытом, показывает, как следует поступать офицеру в тех или иных обстоятельствах, при выполнении различных приказов об охране, обороне, перевозке, фуражировке, разведке и т. д.

Указывая, что «во время войны целые полки приходят в пренебрежение незнанием некоторых нижнего чину офицеров, худо исполнивших порученное им дело» (ч. I, стр. 3), автор дает собрание тактических задач, решать которые следует в мирное время, подготавливаясь к боевой деятельности.

Весьма вероятно, что перевод книги был поручен Радищеву непосредственно в штабе Я. А. Брюса, где он тогда служил, и лишь впоследствии был оформлен в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг», принявшем на себя и выплату гонорара.

Не перепечатывая всей книги в настоящем издании, мы даем начало I части «Офицерских упражнений» — предупреждение и три первых задачи, для знакомства с характером книги и переводом А. Н. Радищева.

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В*** И*** Т***

Напечатан анонимно в журнале Н. И. Новикова «Живописец» в 1772 г. (л. 5 и 14). Перепечатан во втором издании журнала в 1773 г., в третьем издании его 1775 г., в четвертом — 1781 г. и пятом — 1793 г. Затем — в шестом (неполном) издании 1829 г., в издании 1864 г. под ред. П. А. Ефремова, в других перепечатках «Живописца» и в ряде хрестоматий. В 1806 г. «Отрывок» был перепечатан совершенно несправно в «Московском Собеседнике» (сентябрь).

В третьем издании «Живописца» (1775 г.) после текста «Отрывка» была помещена не имевшаяся ранее пометка: «Продолжение сего Путешествия будет при четвертом издании сей книги». В четвертом издании (1781 г.) было обещано продолжение «при новом издании». В. П. Семенов пишет по этому поводу: «Возможно допустить, что пометка в четвертом издании была прямо перепечатана из третьего, без какого-либо указания на этот счет со стороны автора «Отрывка», но пометка третьего издания сделана Новиковым, конечно, не произвольно, а на основании соответственного обещания автора» (В. П. Семенов. Радищев. 1923, стр. 359).

Мы воспроизводим текст «Отрывка» по третьему изданию «Живописца» (1775), несомненно последнему вышедшему с учетом мнений автора «Отрывка». Впрочем, текст этого издания точно совпадает с текстом четвертого издания. В первом и во втором изданиях имеются следующие варианты (не приводим чисто-орфографических различий).

Изд. 1775 г. и 1781 г. (текст настоящего издания)			Изд. 1772 и 1773 гг.
Страница	Строка		
347	23	любовь	любовь ко ближнему (1772, 1773)
347	37	грязью	грязню (1773)
348	26	лицо сего робенка	лицо его и тело, и немилосердо мучили сего робенка (1772, 1773)
348	42—43	когда возмужаете	а когда возмужаете (1773)
349	14	барин	боярин (1773)
349	20	боярина	барина (1772)
350	30	живо	живо (1772)
350	37	вы и после уверетесь	вы поскорее уберетесь (1772)
351	4—5	что и они в праздничные дни по пустому шатаются	что и они гуляют (1772)
351	9	другий	другой (1772)

В третьем, четвертом и пятом изданиях «Живописца» оба отрывка, помещенные первоначально в различных номерах журнала, соединены в один. Заметка издателя, следовавшая в первых двух изданиях за первым отрывком (см. ниже), была в изданиях 1775, 1781 и 1793 гг. помещена после всего текста.

Споры о том, кто был автором «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», и в частности о том, написал ли эту статью Радищев, идут уже на протяжении восьмидесяти лет. В 1858 г. сын Радищева, Павел Александрович, в своих «Замечаниях на статью Пушкина «Александр Радищев» написал о том, что части «Путешествия из Петербурга в Москву» «были напечатаны в Живописце Новикова в 1776 году и в Северном Вестнике Мартынова ч. V, январь, 1805, стр. 61. Смесь» (Русский Вестник, 1858, т. XVIII, кн. I, стр. 429). Это глухое и не совсем точное указание было подтверждено примечанием А. Корсунова к статье П. А. Радищева «А. Н. Радищев», напечатанной там же; А. Корсунов, лично познакомившийся с П. А. Радищевым и беседовавший с ним об его отце, считает, что автором «Путешествия в*** И*** Т***» был А. Н. Радищев, хотя прямо и не утверждает этого (Русский Вестник, 1858, т. XVIII, кн. I, стр. 406—407). В свою очередь к примечанию Корсунова сделал там же свое примечание М. Л., т. е. М. Н. Лонгинов: «Отрывок из путешествия, напечатанный в 1775 году в 3 изд. Живописца Новикова, может быть и писан Радищевым и относится к первоначальной редакции его, но в изданном в 1790 году Путешествии из С.-Петербурга в Москву нет даже обстоятельства, похожего на описанное в этом отрывке» (там же). Через три года Д. Ф. Кобеко в статье «Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века» (Библиографические Записки, 1861, т. III, № 4, стр. 110—111) писал об «Отрывке»: «Статья эта приписывается А. Н. Радищеву (Русский Вестник, 1858, № 23, стр. 407, примеч., и стр. 429) и составляет как бы начало того труда, который впоследствии (1790 г.) издан был им под именем Путешествия из Петербурга в Москву. Если это справедливо, то появление этого отрывка в Живописце замечательно, как доказательство того, что уже через два года по возвращении из-за границы Радищев имел мысль об издании, которую осуществил, и так несчастливо, через восемнадцать лет».

Иную точку зрения на вопрос об авторе «Отрывка» высказал А. И. Незеленов в своей книге «Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг.» (СПб., 1875, стр. 238). Приводя данные об участии И. П. Тургенева в позднейшем журнале Новикова, выходившем в 1777—1780 гг. «Утреннем Свете», он писал в примечании: «отсюда, может быть, можно сделать заключение, что и „Путешествие“ и т. п., напечатанное в

Живописце, принадлежит тому же Тургеневу, тем более, что оно написано худшим языком, чем писал Новиков, как мы знаем по его предисловиям к изданиям».

Это весьма осторожно высказанное предположение пытался утвердить без всяких оснований Л. Н. Майков (Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 407—408); он писал о «Живописце»: «Одна из самых замечательных статей этого знаменитого журнала, в которой автор коснулся вопроса о положении помещичьих крестьян, подписана загадочными буквами И. Т., и до сих пор не известно в точности, кто ее автор; обыкновенно предполагают, что подпись эта значит „Издатель Трутня“; но автор исследования о Новикове, как издатель журналов, А. И. Незеленов привел несколько справедливых возражений о том, что под этими буквами должно разуметь Ивана Петровича Тургенева, известного масона; кажется, что эта догадка должны быть принята за окончательную».

В дальнейшем версия об И. П. Тургеневе более не появлялась в науке, как явно несостоятельная. Все, что мы знаем о Тургеневе, о его мировоззрении и литературной деятельности, резко противоречит этой версии. К тому же он в 1772 г. находился в Крыму в походе (во время турецкой войны). Наконец, можно быть уверенным, что буквы И. Т. не обозначают инициалов автора столь «криминальной» статьи; такая странная неосторожность совершенно не вяжется с устойчивой системой анонимности сатиры 1769—1774 гг. Высказанное же Л. Н. Майковым предположение (им же отвергаемое) об авторстве Новикова отвел В. П. Семенников (Радищев. 1923, стр. 327): «Расшифровка инициалов И*** Т*** в смысле „Издатель Трутня“ как будто имеет более вероятия, прежде всего потому, что Н. И. Новиков писал в своих журналах, — и писал хорошо. Но к чему было издателю «Живописца» называть себя «Издателем Трутня», когда этот журнал Новикова прекратился уже два года назад? Кроме того, сам Новиков в заметке при «Отрывке» пишет, что сочинение это он получил от «г. И. Т.». К чему была нужна такая маскировка? Наконец, надо заметить, что издатель журнала сделал в «Отрывке» некоторые сокращения, как это видно из его слов: «Я не включил в сей листок разговор путешественника с крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может». Если бы автором был сам Новиков, то ему не было бы смысла упоминать о сокращениях, сделанных в его собственном сочинении».

Против авторства Радищева высказался П. А. Ефремов в примечаниях к своему изданию «Живописца» (изд. 7-е, СПб., 1864, стр. 319—320). Он писал: «Статью эту приписывали самому Новикову (как издателю Трутня), И. П. Тургеневу и А. Н. Радищеву, считая ее в последнем случае за черновой набросок одной из глав „Путешествия из Петербурга в Москву“». Последнее предположение опровергается рассказом самого Радищева в письмах к С. И. Шешковскому. Он говорит, что до женитьбы (1775) опыты письма его „всегда обращались на нежные предметы“, но что после женитьбы он „то все любовное вранье оставил“. Поводом к сочинению „Путешествия“ Радищев указывает чтение „История о Индиях Реналя“ и „Путешествия Йорика“, присовокупляя, что первую начал читать в 1780—1781 г.». Сообщения П. А. Ефремова весьма неубедительны, что доказал В. П. Семенников (см. ниже), что было ясно и другим исследователям (например В. В. Мняковскому). Ясно, что Радищев во время следствия сознательно изменял факты в своих показаниях, стремясь смягчить свою «вину» и доказывая, что революционные идеи были для него лишь кратковременным увлечением, возникшим под влиянием иностранных книг. Возражая П. А. Ефремову, В. П. Семенников писал: «Да и в самых словах Радищева о „нежных предметах“ есть неверность. Неужели, например, под это понятие может подойти сделанный Радищевым в 1773 г. перевод „Размышлений о греческой истории“ Мабли, перевод, к тому же снабженный резким примечанием о „самодержавстве“». (В. П. Семенников. Радищев. 1923, стр. 324—325).

Затем В. А. Мякотин вновь высказался в пользу авторства Радищева (В. А. Мякотин. Из истории русского общества. Изд. II, СПб., 1906, стр. 181): «Существует предание, что он (Радищев, — Ред.) принимал участие в Новиковском „Живописце“. Предание это не подтверждается никакими современными доказательствами, но его можно считать довольно вероятным в виду того, что письма о положении крестьян, помещенные в этом сатирическом журнале, и по высказанным в них мнениям, и по своей писательской манере сильно напоминают Радищева» — и в примечании: «Иного мнения держится в этом вопросе П. А. Ефремов, отрицающий принадлежность названных писем Радищеву в виду того, что последний молчал об них на допросе 1770 г. («Живописец» Н. И. Новикова, изд. 7-е, СПб., 1864, стр. 320—321 и 346—347). Трудно признать такой аргумент вполне убедительным. На допросах Шешковского Радищев указывал, правда, литературные источники своего «Путешествия», тем самым, может быть, рассчитывая уменьшить его значение, но едва ли он имел основания вскрывать прежнюю свою литературную деятельность, оставшуюся неизвестною следователю».

Как бы ответом на эти замечания В. А. Мякотина явилось то место работы В. В. Мияковского «Учебные годы А. Н. Радищева», в котором идет речь об «Отрывке Путешествия в*** И*** Т***» (Голос Минувшего, 1914, № 5, стр. 101—104). В. В. Мияковский опирался на то, что в третьем издании «Живописца» в конце «Отрывка» указано: «Продолжение сего Путешествия напечатано будет при четвертом издании сей книги». В IV и V издании обещано продолжение в «новом издании». «Это обещание, — говорит В. В. Мияковский, — уже не имело бы смысла, если бы автором „Отрывка“ был Радищев, т. к. в 1793 г., когда вышло 5-е издание „Живописца“, наш писатель жил уже в Сибири». В. П. Семенников разбил этот аргумент, указав, что в 1793 г. не только Радищев, но и Новиков, издатель «Живописца», был уже лишен свободы и сидел в Шлиссельбургской крепости; пятое же издание «Живописца» является простой коммерческой перепечаткой четвертого, сделанной книгопродавцем Г. Зотовым, механически сохранившим весь текст IV вместе с примечанием к «Путешествию» (указ. соч., стр. 325).

Затем В. В. Мияковский писал: «Нужно принять во внимание и то, что „Отрывок“ обнаруживает большое знакомство автора с бытом крестьян, большую наблюдательность условий крестьянского существования, что никоим образом не могло быть у только что сошедшего со школьной скамьи юноши, начиненного отвлеченными построениями французских философов и политических теоретиков. Радищев вернулся в Россию во второй половине ноября 1771 г., а пятый лист „Живописца“, в котором напечатан „Отрывок“ вышел уже 15 мая 1772 г., т.-е. только через пол-года по возвращении Радищева в Россию. Все это время было проведено в Петербурге и деревня могла представляться ему лишь по воспоминаниям очень отдаленного детства». Этот аргумент также убедительно оспаривает Г. П. Семенников (там же, стр. 326), указывая, что Радищеву было в 1772 г. уже 23 года, что нет необходимости усматривать у него только одну «начиненность французскими писателями» и отрицать у него способности собственного рассудка, наблюдательности, некоторый литературный талант. Следует добавить к этому, что Радищев уехал из России в Лейпциг вовсе не «в детстве»; ему было тогда уже 17 лет. К тому же непонятно, почему пол-года — недостаточный срок для того, чтобы увидеть крепостнические порядки хотя бы в любой деревне под Петербургом. Наконец, В. В. Мияковский пишет: «„Отрывок“ помечен XIV главой. Если бы он принадлежал Радищеву, то пришлось бы допустить, что уже в 1772 г. у него была мысль написать книгу в виде „путешествия“. Но о возникновении этой мысли Радищев подробно рассказал сам, относя написание первых глав, первоначально в виде отдельных повестей, к 1785 году; самая идея связать эти отдельные повести в форме «путешествия» возникла еще позже, после прочтения немецкого перевода Юорикова путешествия (Л. Стерна)». Но ведь Радищев «рассказал» это под следствием, а сам В. В. Мияковский понимал,

как мало можно доверять этим показаниям. Кроме того, помета о XIV главе вовсе не говорит о том, что уже в 1772 г. Радищев задумал написать книгу; отрывок мог быть задуман именно как отрывок с условным обозначением главы. Именно это предположение убедительно доказывает В. П. Семенников (там же, стр. 329—330).

В 1913 г. в статье «Обзор журналов. Ломоносов, Новиков, Радищев» Н. Сидоров остановился на установленном В. П. Семенниковым факте участия Радищева в переводческих работах Новиковской организации; он писал: «Возможно, что Радищев состоял даже членом издательского Общества, а в связи с фактом знакомства и литературных сношений Новикова и Радищева получают некоторую опору раньше высказывавшиеся предположения об участии Радищева в Новиковском «Живописце» (Голос Минувшего, 1913, № 6, стр. 239).

Наконец, вопросом об авторе «Отрывка» в «Живописце» занялся В. П. Семенников. Кратко он осветил этот вопрос в своей книге «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.» (СПб., 1914, стр. 54—55), высказавшись, хотя еще осторожно, в пользу авторства Радищева. В 1916 г. он напечатал брошюру «Когда Радищев задумал „Путешествие“?» (изд. Бухгейм, М.), специально посвященную вопросу об авторстве «Отрывка». В. П. Семенников изложил здесь историю вопроса и решительно стал на сторону авторства Радищева. Он отверг соображения в пользу И. П. Тургенева и Новикова и отвел возражения против Радищева. Он дал тщательный анализ содержания, композиции, литературной манеры, языка «Отрывка» и установил разительное совпадение их с манерой Радищева, в частности с «Путешествием из Петербурга в Москву». Даже целый ряд отдельных выражений в «Отрывке» и в несомненных произведениях Радищева совпадают, притом выражений специфических и в характерном Радищевском использовании и осмыслении.

Работа В. П. Семенникова, по нашему мнению, окончательно установила авторство Радищева по отношению к «Отрывку». Следует добавить к аргументам В. П. Семенникова также и то, что свидетельство П. А. Радищева, в сущности, решает вопрос. П. А. Радищев, которому было 20 лет, когда умер его отец, в течение всей своей долгой жизни чтит его память, собирал сведения о нем. Биографические указания, заключенные в его работе об А. Н. Радищеве, вообще говоря, как правило соответствуют действительности. Самая неточность ссылки на «Живописец» (неправильный год и неверное указание на то, что в журнале помещен отрывок из «Путешествия из Петербурга в Москву») свидетельствует лишь о том, что П. А. Радищев написал это место своих заметок не потому, что он прочитал журнал Новикова и заметил в нем статью, сходную с книгой его отца (тогда бы ссылка была столь же точна, как ссылка на журнал Мартынова), а потому, что он помнил об участии своего отца в журнале Новикова, очевидно, со слов самого А. Н. Радищева.

Работа В. П. Семенникова вызвала две рецензии, одну анонимную — в «Журнале Мин. Нар. Просв.» (1916, IV, стр. 342—344), другую — В. В. Мияковского в «Голосе Минувшего» (1916, № 11, стр. 238—241); оба рецензента считают аргументацию В. П. Семенникова недостаточно убедительной, но не могут возразить ему ничего сколько-нибудь веского. В 1923 г. В. П. Семенников перепечатал свою работу в своей книге «Радищев. Очерки и исследования» (под названием «К истории создания Путешествия из Петербурга в Москву»); здесь он учел и те возражения, которые делались ему рецензентами. Еще в недавнее время была сделана попытка опровергнуть тезис В. П. Семенникова о Радищеве как авторе «Отрывка». В 1927 г. появилась статья З. И. Чучмарева «Участие А. Н. Радищева в журнальной деятельности его времени» (Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, т. II, Госуд. Изд. Украины, 1927, стр. 95—123). З. И. Чучмарев пытается разбить положение В. П. Семенникова путем стилистического анализа, произведенного, однако, недостаточно глубоко и вполне механично. Трудно признать его доводы убедительными. Единственное веское соображение, высказанное им, это указание на

то, что еще в «Трутне» Новиков обещал читателям какое-то Путешествие по России какого-то молодого автора; между тем, когда издавалась «Трутенъ», Радищев был еще в Германии. Однако пока нет оснований идентифицировать не напечатанное в «Трутне» произведение неизвестного автора с «Путешествием И. Т.». К тому же теперь, когда мы знаем, что Радищев еще живя в Лейпциге, установил связи с русскими журналами (см. выше, стр. 407) мы вполне можем допустить, что он и был тем молодым автором, который прислал для „Трутня“ свой „Отрывок путешествия“ (либо дружную, более раннюю редакцию его), или же обещал прислать его.

Наконец, в 1935 г. вышел капитальный труд Я. Л. Барскова «Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева» (II том его издания «Путешествия»), подытоживший его более чем тридцатилетнюю работу по изучению Радищева. Я. Л. Барсков решительно стал на сторону В. П. Семенникова; он считал возможным «с уверенностью приписать отрывок Радищеву» (стр. 117; на стр. 500—502 он убедительно полемизирует с З. И. Чучмаревым и опять отстаивает авторство Радищева).

Нам представляется несомненным, что «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» написан Радищевым. Это — как бы ранний набросок, эскиз к «Путешествию из Петербурга в Москву».

«Отрывок» вызвал толки в обществе сразу же после появления его в «Живописце», причем в дворянских кругах им были, конечно, недовольны. Печатая его, Новиков прибавил в первой части его (лист 5; весь лист, т. е. номер журнала был занят этой частью «Отрывка») примечание: «Сие сатирическое сочинение под названием Путешествия в*** получила я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французским народом (в изд. 1772 и 1773 — французскою нациею, — Ред.), то не осмелился бы я читателя моего поточивать с этого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно, и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне премудрость, сидящая на престоле, истину покровительствует во всех делах. Итак я надеюсь, что сие сочинение заслужит внимание людей, истину любящих; впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовлетворяет его любопытство».

Защитные ссылки на либерализм «премудрости, сидящей на троне», т. е. Екатерины II, не помогли. В 13 листе «Живописца» Новиков напечатал статью «Английская прогулка». Здесь передается разговор его, Новикова, с неким почтенным человеком, который спрашивает Новикова, почему он не издает продолжения «Путешествия И*** Т***». «Без сомнения дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные; но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наши братья дворяне пятым вашим листом недовольны, однакож ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас. Впрочем, я совсем не понимаю, — продолжал он, — почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и, следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий... Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда государству?» и т. д. Ниже защитник И*** Т*** говорит: «Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые прицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому; и далее указываются различные группы дворянства, недовольные Путешествием И*** Т***. Наконец, переходя к вопросу о моде на все английское, сменившей моду подражания французам, собеседник Новикова говорит: «Когда-ж всё английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в Английском вкусе написанное*; может быть, что это название

вместо порицания, привело бы его в моду! О времена! О нравы! — сказал сей господин вздохнувши. После сего усиленно просил он меня, чтобы продолжение путешествия и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием *Английская прогулка*. Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но однакож убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам, истинно благородным».

В этой статье Новиков, однако, сделал ряд пропусков, только намекнув на еще более резкое содержание пропущенных мест. В следующем же листе (14) «Живописца» появилось «Продолжение отрывка путешествия в*** И*** Т***». В тексте его Новиков также сделал пропуск, оговорив его в примечании-сноске к слову «хозяйном» (стр. 351): «Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем я уверяю моего читателя, что сей разговор конечно бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика разоренной деревни и подобных ему».

ДРЕВНОСТЬ

Ода была впервые напечатана Г. А. Гуковским в журнале «Литературное Наследство» (№ 9—10, 1933) в статье: Г. Гуковский и В. Орлов. Подпольная поэзия 1770—1800-х годов. Г. А. Гуковским же было высказано предположение о принадлежности оды Радищеву. Текст оды извлечен из рукописного сборника, хранящегося в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Q. XVII № 183, т. II, лл. 25 об. — 29). Составлен сборник (точнее, данного тома его) относится к 1797—1801 гг. Документы и художественные произведения, собранные в нем, расположены в общем дозольно последовательно в порядке хронологии этих годов. Повидимому, сборник составлялся постепенно, путем вписывания в него произведений, появлявшихся в это время в рукописной традиции. Сборник представляет собой второй том целой серии рукописных книг из четырех томов. Все томы составлены таким же образом; т. I охватывает произведения времени царствования Екатерины, тт. III и IV — произведения первых лет царствования Александра I. «Древность» помещена в сборнике (в т. II) между произведениями, относящимися к 1798 г. Мы можем, следовательно, предположить, что это стихотворение стало известно к 1798 г.; написано оно, видимо, около этого же времени, скорее всего около 1796—1797 гг., не ранее 1793 г., так как в нем говорится о «падшей Польше», т. е. о последнем «разделе» ее в 1794—1795 гг. или, во всяком случае, о втором разделе в 1793 г. Именно этот мотив оды заставляет относить ее ко времени, непосредственно примыкающему к эпохе раздела Польши. В сборнике ода «Древность» приписана Державину: в конце ее другой рукой помечено «Соч. Державина», конечно без всяких оснований. Ни стиль, ни идеи оды совершенно не вяжутся с обликом Державина. Кроме того, в оде «Древность» с похвалой говорится о самом Державине (строфа 7), причем он поставлен рядом с идеологами революционной буржуазии — Франклином и Рейналем. Об авторстве Державина в отношении данного стихотворения не может быть и речи. Приписание же его Державину не может удивить уже потому, что вообще в это время стихотворения, имевшие окраску общественной тематики и публицистики, охотно приписывались в подпольной традиции Державину, без сомнения самому знаменитому тогда и самому популярному поэту, в самом деле выступавшему с филиппиками против сильных мира и в «Вельможе», и в других стихотворениях.

Автор «Древности» решительно восстает против знати; он прославляет свободу и ее провозвестников. Он смело высказывает осуждение разорителям Польши. Стихотворение имеет характер сильного выступления против официальных взглядов. Это — глубокое философское размышление, ставящее самые общие проблемы социальной жизни, гражданской морали и т. п.

Стиль, художественная манера стихотворения необычайно характерны, своеобразны. Это — не стиль любого среднего поэта эпохи, это — стиль, отмеченный яркой печатью индивидуального мастерства определенного поэта. Самая манера трактовать космические темы, самые способы изображения «полета времен» напоминают искусство Клопштока. Рядом с именем немецкого поэта следует поставить имена Юнга и Оссиана, влияние которых (или вернее влияние традиций которых) также заметно в оде.

Крайняя запутанность синтаксиса, вообще тяжеловесность конструкции, обилие научных элементов, терминов в языке, необычайное богатство составных частей словаря (иностранные неологизмы), вообще на редкость необычного, характерны для слога автора оды «Древность». Самый размер ее (шести-стопный хорей) несбычен для оды конца XVIII в.

Все указанные выше черты идейного состава и стиля оды «Древность» в высшей степени характерны именно для Радищевского творчества и не характерны более ни для одного из известных нам поэтов конца XVIII в. Именно Радищев, раскрывая в своих произведениях (и в частности стихотворениях — см. ода «Вольность», «XVIII столетие» и др.) революционное мировоззрение, связывал его и с глубоким историческим взглядом на вещи, и с космогоническими метафизическими концепциями (см. «Творение мира»). Именно Радищеву была свойственна та независимость политической мысли, которая видна в оде «Древность», и именно он подошел к рубежу двух веков с пессимистическим выводом. Именно Радищев, может быть, единственный поэт конца XVIII в. (даже если помнить о Карамзине) в такой мере органически воспринял поэтическую культуру Клопштока и поэтов его школы. Влияние Оссиана также сильно в его поэтическом творчестве («Песни древние» и др.). Уже позднее развивается дарование Востокова, также связанного с этими традициями (и являющегося отчасти учеником самого Радищева). В то же время из всех поэтов, вплоть до пушкинской эпохи, кроме Радищева, только Востоков писал стихи слогом, скольконибудь напоминающим характерный стиль оды «Древность». Однако Востоков не является, по видимому, автором этой оды; в его рукописях она не сохранилась, да и самостоятельное творчество его, как только что было сказано, относится к более позднему времени; первые его произведения относятся лишь к 1798 г., характер же законченного мастерства его творчество приобретает лишь в последующие годы.

Между тем стилистический рисунок оды «Древность», ее лексика, ее синтаксис, весь характер ее поэтического языка явственно напоминают манеру Радищева-поэта. Даже своеобразие размера стиха оды может быть сопоставлено с фактами теоретических и практических метрических исканий Радищева, в частности с его тенденцией бороться с засильем ямба в поэзии (ср., например, главу «Тверь» в «Путешествии из Петербурга в Москву»).

То же следует сказать о тех политических радикальных взглядах и о вольнодумном отношении к «польскому вопросу», которые выражены в оде «Древность». Радищев — наиболее вероятный поэт эпохи, с творчеством которого мы можем сблизить их.

Характерны и некоторые детали. В оде (строфа 7) упомянуты борцы за свободу, люди, перед которыми склоняется поэт. Это, во-первых, Франклин, один из вождей освобожденной Америки, свергнувшей власть Англии, вызывавший внимание и восторг Радищева; именно прославление американской революции послужило одной из основных тем оды «Вольность».

В оде «Древность» сказано: «Франклин, преломивший скиптр Британский». В «Путешествии из Петербурга в Москву» (в «Слове о Ломоносове») говорится о надписи под изображением Франклина, поставленного Радищевым выше Ломоносова, о надписи «наилестнейшей, которую человек низ изображения своего зреть может. Надпись, начертанная не ласкательством, но истинною, дерзающею на силу: Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из рук царей».

Во-вторых, это — Рейналь, писатель, существенно повлиявший на Радищева, к которому он относился с глубоким уважением, которого упоминал

и в «Путешествии». При этом примечательно то определение, которое дано Рейналю в оде «Древность»:

Рейналь с хартией в руке гражданской
Как оракул вольныя страны.

Повидимому, это определение может быть объяснено лишь представлением о Рейнале, как об авторе книги «*Révolution d'Amérique*».

Книга Рейналя об американской революции, вышедшая в 1781 году в двух вариантах, в одном томике и в двух томах, вошла в состав нового издания «Истории обеих Индий», вышедшего также в 1781 году, в основном в IX томе этого издания; однако, выражение «оракул вольныя страны» скорее имеет в виду популярную брошюру массового характера, чем том огромного труда.

Наконец, — это Державин («мурза в чалме»). Об отношении к нему Радищева свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что он послал ему экземпляр своего «Путешествия».

Еще одна деталь: в строфе 2-й оды есть слово «сопки»; это — сибирское слово, в XVIII в., повидимому, неупотребительное в литературном русском языке. Естественно возникает предположение, что это слово вывезено из Сибири человеком, привыкшим к нему именно там; Радищев в 1797 г. приехал из Сибири.

Итак, можно предположительно приписать оду «Древность» Радищеву. Не исключена конечно возможность, что ее написал человек, находившийся под сильным влиянием Радищева; но следует заметить, что наиболее заметный его последователь в идейной плоскости, Пнин, по существу своей художественной манеры ни в малой мере не может быть даже предполагаемым автором оды, так же как сын Радищева, Николай. О других менее значительных представителях кружка также нет оснований думать, чтобы они могли написать такое произведение.

Список, дающий единственный пока известный текст оды, неисправен: в ряде мест текст поддается исправлению по смыслу, по рифме, по размеру; однако и в исправленном виде текст оды следует считать местами испорченным (так, стихи 1 и 8 в строфе 10 остаются неполными). Приводим список сделанных нами исправлений:

Строфа	Стих	В списке	Исправлено
1	7	перет	персть
3	1	укуру	уроку
3	5	мнил	мним
4	3	заблужденья	заблуждения
4	4	Древних	Древним
6	1	отцев	отцы
7	9	вском	вском
8	8	коровой	короной
9	3	Опираясь	Опираясь
9	5	преклонись	преклонися
9	6	Времена	Временам
14	2	груды	груды

Кроме того, может быть, следовало бы исправить в стихах 1-м и 5-м строфы 11-й дважды повторенные «Эх!» на «Ах!», в стихе 3-м строфы 13-й — «Будто» на «Буде» и в стихе 66-м строфы 17-й «кущи» на «кущей». В стихе 8-м строфы 1-й «трость» означает перо (так как далее — свиток). В стихе 9-м строфы 8-й «белый орел» — польский орден, символ Польши. В стихах 8—9-м строфы 13-й говорится об извержении Везувия в 79 г., поглотившем Геркуланум и Помпею, и о землетрясении в Лиссабоне 1755 г., послужившем поводом к написанию весьма известной в XVIII в. поэмы Вольтера «*Sur le désastre de Lisbonne*», переведенной И. Ф. Богдановичем.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ РАДИЩЕВУ

Кроме «Отрывка путешествия в*** И*** Т*** и оды «Древность», Радищеву приписывалось в разное время еще несколько произведений, которых мы не помещаем в нашем издании, полагая, что предположения об авторстве Радищева по отношению к этим произведениям не подкреплены сколько-нибудь достоверными данными или соображениями.

В печати были высказаны догадки об анонимном участии Радищева в двух журналах: «Живописце» Н. И. Новикова (помимо «Отрывка путешествия») и в «Почте Духов».

1. В 1861 г. Д. Кобеко в статье «Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века» (Библиографические Записки, 1861, т. III, № 4, стр. 110—111), указав на то, что «Отрывок путешествия в*** И***. Т***.» приписывается Радищеву, писал: «В Живописце же помещены два письма к издателю: первое (часть 2, лист 10, стр. 285—288) с подписью: отечеству своему всякого блага желающий Россиянин, а второе (лист 21, стр. 377—380) с подписью: отечеству своему всякого блага желающий Р....., которые можно, кажется, приписать Радищеву. В первом письме он просит издателя вносить в его листочки письма свои, в которых намерен открывать пороки сограждан своих, второе же еще более похоже на тон Радищева. В нем преобладает аллегория, которую он любил и под этой аллегориею скрыт, повидимому, Петербург». П. А. Ефремов в примечаниях к своему изданию «Живописца» (1864, стр. 346—347) отверг предположения Д. Кобеко. Подробно обосновал свое отрицательное отношение к этому предложению З. И. Чучмарев в статье «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени» (Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, т. II, ГИЗ Украны, 1927, стр. 111—112). Доводы З. И. Чучмарева следует признать бесспорными. Он показал, что в «письмах» (они, несомненно, написаны одним лицом) высказываются пиетистические взгляды, порицается учение французских материалистов, порицается «иностранный купечество»; все это несомненно с мировоззрением Радищева. К этому надо добавить, что Д. Кобеко не приводит ни одного основательного довода в пользу своей гипотезы, что аллегория вовсе не свойственна писательской манере Радищева, что и стиль, и образы, и мысли «писем», о которых говорит Д. Кобеко, даже отдаленно не напоминают Радищева. Едва ли не ввела в заблуждение Д. Кобеко буква Р... в подписи второго письма; между тем она значит, без сомнения «Россиянин» (а не Радищев), так же как в первом письме.

Выступив против гипотезы Д. Кобеко, З. И. Чучмарев выдвинул свою гипотезу, не более убедительную. Он приписал довольно решительно Радищеву письмо, помещенное в «Живописце» за 1773 г. (лист 18) с подписью «Ваш покорный слуга Любомудров. 1773 года, февраля 28 дня. Из Ярославля» (З. И. Чучмарев, там же, стр. 112—114). Доводы З. И. Чучмарева таковы: стиль письма похож на стиль Радищева; автор письма говорит о том, что государство должно «стараться о процветании торговли» и что торговля «большому числу людей доставляет прокормление», — а Радищев в «Письме о Китайском торге» писал, что в государстве «корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избыточества» и что «товар... большому числу дает пропитание»; автор письма в курсе дел «Собрания, старающегося о переводе книг» (судя по ответу ему Новикова), а Радищев был участником работ этого собрания. Все эти аргументы совершенно неубедительны. Стиль «Письма» нимало не похож на стиль Радищева. Сближенные З. И. Чучмаревым мысли «Письма» и Радищева («Письмо о Китайском торге» отделено от «Живописца» двумя десятилетиями!) — общие места, причем первая из подчеркнутых З. И. Чучмаревым нескольких фраз вовсе не совпадает. Третий аргумент — плод недоразумения: Новиков говорит о

том, что польза от «Собрания» известна вовсе не автору письма, а читателю, к которому он и обращается: «Сколько же произтекло пользы от переведенных книг под смотрением сего собрания, беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно».

З. И. Чучмареву осталась при этом неизвестной превосходная работа В. П. Семенникова «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.», 1914 г., в которой вопрос об авторе этого самого письма в «Живописце» поставлен и разрешен иначе и гораздо более удовлетворительно (стр. 51—53); В. П. Семенников пишет: «Карамзин в своей записке о Новикове, поданной императору Александру I, свидетельствует, что в „Живописце“ помещены „некоторые произведения собственного пера“ Екатерины II. Достоверно известно, что императрице принадлежит напечатанное в листе 7-м „Письмо к господину Живописцу“ за подписью „Сочинитель комедии О время“. Как известно, „Живописец“ был посвящен сочинителю этой комедии (Екатерине II), причем Новиков в посвящении, между прочим, говорил: „Хотел бы я просить вас, чтобы вы сделали честь моему журналу сообщением какого-либо из ваших мелких сочинений“. В ответном письме „Живописцу“ императрица сообщила, что с охотою впредь исполнит эту просьбу. Однако, никаких других произведений, помещенных Екатериной в этом журнале, более не известно.

Обратим внимание на одну статью „Живописца“, именно на письмо к нему некоего «Любомудрова из Ярославля», помещенное в листе 18-м 1773 г. В этом письме автор извещает издателя об учреждении „Общества старающегося о напечатании книг“ и высказывает свои мысли о пользе его, приветствуя учредителей; в том же листе помещен и ответ Любомудрову издателя, который указывает на необходимость не только печатать, но и распространять книги, особенно в провинции.

Все исследователи деятельности Новикова обращали внимание на письмо Любомудрова и на ответ Новикова, не приводя, однако, никаких данных о том обществе, про которое говорит Любомудров. Нами доказано, что упоминаемое в письме „Общество, старающееся о напечатании книг“ представляет собою раннюю попытку Новикова. Для характеристики отношений Екатерины к этому обществу важно то, что императрица пожаловала Новиковскому обществу все экземпляры отпечатанного в 1773 году издания романа Мармонтеля „Велисарий“, переведенного во время путешествия по Волге самою Екатериной и лицами ее свиты.

Мы предполагаем, что под именем „Любомудрова“, приветствующего учреждение общества, скрывается сама Екатерина. Основания этого предположения таковы. Письмо Любомудрова помечено — „из Ярославля“. Это — обычная маскировка, к которой прибегала Екатерина, обозначая на своих комедиях, в том числе и на „О время“, что они будто бы „сочинены в Ярославле“. Таким образом, в указанной пометке мы видим намек на автора „из Ярославля“, то есть оттуда же, где будто бы сочинены и комедии Екатерины.

Затем в пользу нашего предположения укажем еще следующее: „Живописец“ посвящен „неизвестному сочинителю комедии О время“, хотя Новиков отлично знал, кто сочинитель, чем объясняется и посвящение. Таким образом, Новиков делает вид, будто автор комедии „О время“ ему неизвестен. Если „Любомудров из Ярославля“ — Екатерина, то мы видим, что она прибегает к такому же приему и пишет, как будто не зная, что Новиков и есть учредитель общества; равным образом и Новиков в ответе Любомудрову придерживается такого же тона, говоря, что план учреждения этого ему неизвестен. Между тем в это время общество, учрежденное при сочувственном отношении императрицы Новиковым, уже существовало.

Отметим также сходство мыслей в письме Любомудрова и в одной из статей, издававшейся при ближайшем участии Екатерины „Всякой Всячины“.

Если к этому прибавить, что Екатерина несомненно сочувственно относилась к обществу Новикова, а ему самому обещала сотрудничество в „Жи-

вописе", то, на наш взгляд, можно думать, что „Любомудров" — псевдоним Екатерины II, кстати сказать во „Всякой Всячине" писавшей под несколько сходным псевдонимом „Правдомыслова". Наконец, отметим еще, что в конце ответа Любомудрову Новиков восхваляет императрицу за учреждение „Собрания, старающегося о переводе книг", что совершенно уместно в словах, обращаемых к императрице.

К этому следует добавить указание на особую значительность первой же фразы ответа Новикова „Любомудрову": «Г. Любомудров! Я помещаю ваше письмо в листах моих со удовольствием, ведая, что оно не мало послужит к ободрению учредителей Общества, старающегося о напечатании книг, в их предприятии.» Предположение (скорей всего справедливое) о том, что автором «Письма» была Екатерина, В. П. Семенников еще ранее, в 1912 г. высказал в статье «Раннее издательское общество Н. И. Новикова» (Русский Библиофил, 1912, № 5).

II. Редактором и автором, скорей всего, всех частей сатирического журнала «Почта Духов» (1789) был И. А. Крылов. Вопрос об участии в этом издании Радищева возник вследствие указания в «Секретных мемуарах о России» Массона (Mémoires secrets sur la Russie, t. II, 1800, p. 189), который в главе о Радищеве писал: «Он занимался литературой и опубликовал уже произведение под названием «Почта Духов», периодическое издание, самое философическое и острое из всех, которые когда-либо осмеливались печатать в России». Между тем, авторство Крылова по отношению к «Почте Духов» не может быть подвержено сомнению. Отсюда было сделано предположение о соавторстве Радищева, об участии его в журнале Крылова. К 1868 г. относится целая дискуссия по данному вопросу. В № 31 газеты «Русский инвалид» от 2 февраля 1868 г. В. Андреев в статье «И. А. Крылов» писал о «Почте Духов»: «Есть, однако, печатные заявления, что издателем этого журнала был Радищев». В майском номере «Вестника Европы» за 1868 г. (стр. 419—436) А. Н. Пыпин напечатал статью «Крылов и Радищев», в которой напомнил о свидетельстве «Mémoires secrets» (он не называет Массона) и заявил свое мнение о том, что Радищев был автором части «писем», составляющих журнал. Основная аргументация Пыпина — от произвольно утверждаемого сходства — «судя по общим чертам», как он сам выражается, в содержании этих писем и «Путешествия из Петербурга в Москву». Пыпин указывает, что письма «Почты Духов» разделяются на две группы: сатирико-бытовые и философско-нравоучительные (письма сильфа Дальновидца и др.). Именно, письма второй группы Пыпин приписывает Радищеву. Никаких доказательств в пользу своей гипотезы он не приводит, кроме ссылки на Массона и еще одного: «П. А. Плетнев поместил в редактированное им издание собрания сочинений Крылова (1848) только 18 из 48 писем „Почты Духов", указав при этом что в его издании напечатаны все статьи из „Почты Духов", принадлежащие собственно его Крылова перу»; следовательно, Плетнев считал, что в «Почте Духов» были еще сотрудники, кроме Крылова. Однако и эти два аргумента совершенно неубедительны; сведения, сообщаемые Массоном о Радищеве, вообще неполны, неточны и даже неверны; поэтому у нас нет никаких оснований доверять ему и в данном вопросе; затем еще Я. К. Грот (дополнительные известия о Крылове. Приложение к Запискам Академии Наук 1868 г., стр. 39) высказал вероятное предположение, что Массон спутал в данном месте Радищева с Рахманиновым, который был издателем «Почты Духов» и, может быть, сотрудником журнала (во всяком случае он был как-то связан и с его содержанием). С другой стороны, Плетнев также никак не является авторитетом в данном вопросе; известно, что он пропустил целый ряд произведений Крылова, не включив их в свое издание, и, наоборот, включил в него группу стихотворений, написанных не Крыловым, а Карабановым (см.: И. А. Крылов, Полное собрание стихотворений, т. II, 1937, Примечания). Наконец, если бы даже Плетнев был прав, и в «Почте Духов» писал кто-то, кроме Крылова, то что указывает, что этот другой сотрудник журнала был именно Радищев? Сам Пыпин пишет о том, что в качестве таких сотрудников называли и того же Рахманинова

и Николая Эмина. Что же касается анализа содержания «Почты Духов» и творчества Крылова и Радищева, то он дан Пыпиным крайне бегло и совершенно неверно; достаточно сказать, что о молодом Крылове, радикале и бунтаре, Пыпин пишет: «В образе мыслей Крылова, вероятно, в самом начале были задатки того спокойного или ленивого консерватизма, каким он отличался впоследствии» (указ. соч., стр. 428).

Тем не менее, Пыпин считает даже возможным указать конкретно, какие именно письма «Почты Духов», по его мнению, написаны Радищевым (2, 4, 20, 22, 24, 29, 33, 37). Статья Пыпина, оказавшая влияние на нескольких ученых, положила начало длительному недоразумению; не ключая сколько-нибудь основательной аргументации, она ввела в историю литературы неосновательную гипотезу об участии Радищева в «Почте Духов».

На статью Пыпина откликнулся тотчас А. Суворин в статье «Журнальные и библиографические заметки», помещенной в «Русском Инвалиде» от 18 мая, № 134, с подписью А. И.—н. Он поддержал версию Пыпина, назвав Массона, автора «Секретных мемуаров», и сообщив о нем сведения, которые якобы должны были говорить о его осзедомленности и, следовательно, о достоверности его указаний. Затем Алексей Веселовский в статье «Альцест и Чацкий» (Вестник Европы, 1881, т. II, стр. 93—94) склоняется также к мнению Пыпина на том, в сущности, основании, что в письме IV «Почты Духов» (письмо сальфа Дальновида) сочувственно говорится о мизантропах, а Радищев, мол. не мог не ценить мизантропов, так как для него «не может не быть симпатичною личность Альцеста» (статья А. Веселовского перепечатана в его книге «Этюды о Мольере» в том же 1881 г., см. стр. 167—170. Ср. также бездоказательные замечания А. Веселовского в его книге «Западное влияние в новой русской литературе», 1916, стр. 100). В 1894 г. А. Лященко в статье «И. А. Крылов» в «Историческом Вестнике» (XI, стр. 498—499) также присоединился к концепции Пыпина; он кратко изложил статью Пыпина, а в примечании привел дополнительно свои соображения; а именно он сопоставил четыре темы, которые он нашел и в письмах «Почты Духов», и в «Путешествии» Радищева; эти темы удивительно общи или не характерны для Радищева: «отрицательное отношение к победителям», «идеал государя» (так!?!), «мизантропы полезны в государстве», «основа семейного счастья—целомудрие, отсутствие ревности»; кроме того, А. Лященко считает, что следующие черты роднят письма сальфа Дальновида с «Путешествием» Радищева: «постоянные выводы из теоретического положения, ... восклицания, наконец, нередко сознание того, что автор не описывает виденные им события, а представляет их себе». Нет нужды доказывать ненаучность подобного «сопоставления». А. Лященко считает, что Радищеву принадлежат письма в «Почте Духов» под следующими номерами: 2, 4, 7, 20, 22, 24, 25, 29, 31, 33, 37.

Традицию Пыпинской гипотезы поддержал и Н. П. Павлов-Сильванский, хотя он попытался подойти к вопросу гораздо более ограничительно. В статье «Жизнь Радищева» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1905, стр. 287—288; перепеч. в книге Н. П. Павлова-Сильванского «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», 1910, стр. 117—118) он писал: «...Радищев написал несколько статей для журнала Почта Духов, издававшегося под редакцией Крылова... Некоторые из писем этой «Почты» несомненно в той же мере далеки от стиля Крылова, в какой они были близки к стилю и содержанию произведений Радищева. Относительно двух писем Астарота... (№ 5 и 18) авторство Радищева подтверждается кроме этих соображений также и некоторыми чертами, несомненно навеянными обстановкой его жизни». В примечании Павлов-Сильванский заявляет, что «в большей части писем сальфа Дальновида... однако, ни в их стиле, ни в развитии мыслей, нет прочных признаков авторства Радищева. В письме II-м даже встречаем необычную для него уверенность в личном бессмертии. В письме XXIV встречаем несвойственный ему тон отношения к крестьянам». Далее выясняется,

что Павлов-Сильванский считает возможным приписать Радищеву лишь одно письмо Дальновида (XXII) и два небольших письма Астарота (V и XVIII); он пишет: «участие Радищева в Почте Духов едва ли было значительно».

За Пыпиным пошел и Л. Н. Майков в своей статье «Первые шаги И. А. Крылова на литературном поприще» (Л. Майков. Историко-литературные очерки, 1895, стр. 36). Он считает «весьма вероятным, по некоторым догадкам, присутствие статей Радищева в Почте Духов»; сославшись на Пыпина, он пишет: «С своей стороны, мы склонны приписать Радищеву помещенные в Почте Духов письма сильфов Дальновида и Выспрепара, особливо письма 20, 22, 24 и 27, которые, как по мыслям, так и по своему тяжелому слогу, напоминают Путешествие из Петербурга в Москву». Никакой аргументации, кроме приведенных слов, Л. Н. Майков не дает. Без всякой проверки принимает точку зрения Пыпина и В. А. Мякотин (Из истории русского общества. 1906, стр. 181), хотя не утверждает участие Радищева в «Почте Духов», а лишь считает, что его можно «с большою вероятностью предполагать». В 1907 г. А. А. Гавриленко в статье «А. Н. Радищев до ссылки» (Вестник Европы, 1907, Июнь, стр. 502) решительно, но кратко и без проверки и аргументации, повторил версию Пыпина.

Таким образом, за сорок лет после ее первого опубликования гипотеза А. Н. Пыпина не обогатилась никакой аргументацией и оставалась таким же произвольным предположением, как и при ее рождении. В конце концов оставалось неясным, какие же именно письма в журнале Крылова приписываются Радищеву. Между тем, с самого начала своего существования эта гипотеза не могла убедить ряд ученых. Так, она не убедила А. Д. Галахова, посвятившего убийственной и убедительной критике положений Пыпина заметку в приложении ко II тому (I половине) своей «Истории Русской словесности» (1868, Дополнения и поправки, стр. V—VI). Галахов показал, что доводы-сопоставления Пыпина слишком общи и потому неубедительны. С другой стороны, он доказал, что в письмах «Почты Духов», приписывавшихся Радищеву, имеются и мысли, невозможные для Радищева, и фактические ошибки, следы малой образованности, немислимые у Радищева, и даже написания иностранных имен, также немислимые у него. Заметка Галахова в сущности разрушила гипотезу Пыпина. Эта гипотеза не убедила и Я. К. Грота, знатока Крылова (и друга Плетнева). Он писал также еще в том же 1868 г., когда появилась статья Пыпина, что указание Массона подлежит проверке, и по поводу мнения Пыпина: «сознавая, что на стороне такого мнения есть не лишние основания доводы, нельзя однакож не согласиться и с тем, что без более прямых доказательств предположение всетаки остается предположением» (Дополнительные известия о Крылове. Приложение к т. XIV Записок Академии Наук, 1868, стр. 39; перепеч. в «Трудах» Я. К. Грота, т. III, 1901). В. В. Каллаш, лучший знаток Крылова, поддержал мнение Грота, высказанное им в статье «Сатира Крылова и его Почта Духов» (Вестник Европы, 1868, март, потом в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии Наук» т. VI, 1868, потом в «Трудах» Я. К. Грота т. III, 1901), о единстве всего текста «Почты Духов», представляющего цельное художественное произведение одного автора, и счел необходимым включить ее всю в редактированное им «Полное собрание сочинений Крылова» (т. II, 1904, стр. 310—312); он же указал, что в объявлении издателя второго издания «Почты Духов», помещенном при книге «Стихотворения П. Карабанова» (1812), прямо сказано: «Почта Духов, сочинение критическое Ивана Крылова» (там же).

Вопрос об участии Радищева в «Почте Духов» вступил в новую фазу после появления в 1908 г. статьи П. Е. Щеголева «Из журнальной деятельности А. Н. Радищева» (Минувшие годы, 1908, декабрь, стр. 191—209; статья перепечатана в книге П. Е. Щеголева «Исторические этюды», 1913; 2-е изд. — без года). П. Е. Щеголев указал на свидетельство С. А. Тучкова в его «Записках» об участии Радищева в том же 1789 г.

в «Беседующем Гражданине» (см. здесь, т. I, стр. 469—470); между тем «Почта Духов» резко нападала на «Беседующего Гражданина»; это, по мнению Щеголева, — весьма вероятно, — снимает возможность участия лица, близкого к редакции «Беседующего Гражданина», в «Почте Духов»; «а ведь в числе издателей „Беседующего Гражданина“ был и Радищев». П. Е. Щеголев решительно отверг участие Радищева в «Почте Духов», подвергнув критике и свидетельство Массона и гипотезу Пыпина. Совершенно справедливо отметил Н. Сидоров в рецензии на статью Щеголева, что «после исследования П. Е. Щеголева... не остается сомнений... в том, что Радищев не мог участвовать в Крыловской Почте Духов» (Голос Минувшего, 1916, VI, стр. 239, «Обзор журналов»). Между тем уже в новейшее время были сделаны попытки восстановить в правах эту гипотезу. Не стоит говорить о безответственном замечании М. Жижки в его халтурной книжке «А. Радищев» (1934, стр. 192). Много места, хотя и без успеха, уделено опровержению Щеголева З. И. Чучмарев в своей статье «Участие А. Н. Радищева в журнальной литературе его времени» (Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европ. культуры, т. II, стр. 116—122). В его работе могут произвести впечатление убедительности только сопоставление ряда отдельных — и совпадающих — выражений и словесных формул у Радищева и в письмах «Почты Духов». Однако и эта его аргументация, как и вся остальная, целиком разбита в статье Б. И. Коплана «Философические письма Почты Духов» (Сборник «А. Н. Радищев», 1936, стр. 355—399). Это тщательное исследование окончательно снимает вопрос об авторстве Радищева в данном случае. Б. И. Коплан, критически изложив историю вопроса, остановился на сопоставлениях З. И. Чучмарева и с фактами в руках доказал, что приводимые им выражения встречаются и у других писателей той же эпохи и в частности — у несомненного Крылова. Б. И. Коплан утверждает, что «в лексикологическом и синтаксическом отношениях художественно-сатирическая и философская проза Радищева... резко отличается от стиля писем Дальновида, Световиды, Выспрепара и др.». Он убедительно и на основании собранных им точных данных показывает, что и остальные доводы в пользу авторства Радищева совершенно бездоказательны. Так, например, тема мизантропа также встречается в литературе еще до «Почты Духов» и до «Путешествия из Петербурга в Москву», и возникла она одновременно на основе одной традиции. Некоторая близость темы явления истины царю в главе «Спасская Полюсть» в «Путешествии» Радищева и в речи писателя к молодому царю в письме 45 «Почты Духов», как это показано Б. И. Копланом, вполне объясняются единством источника, — произведений Мерсье. Итог разысканий Б. И. Коплана таков: никаких данных, — кроме сомнительного и во всяком случае неточного указания Массона, — об участии Радищева в «Почте Духов» нет; все данные анализа языка и стиля «философических» писем «Почты Духов» противоречат гипотезе об участии Радищева в этом журнале; в письмах Дальновида заключены мысли, невозможные для Радищева; следовательно, Радищев в «Почте Духов» как сотрудник не участвовал. Есть все основания полагать, что автором всех писем «Почты Духов» был сам Крылов.

В последнее уже время В. П. Семенников выдвинул, правда, в весьма осторожной форме, предположение о принадлежности Радищеву еще трех статей в «Беседующем Гражданине» 1789 года (В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева; в книге: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. Академии наук СССР. 1936, стр. 252—260). Первая из этих статей — «Рассуждение о том, в чем состоит разумное любование» (ч. I, стр. 255—275), вторая — «Рассуждение о связи естественного права с правом гражданским» (ч. III, стр. 193—202), третья — «Рассуждение о человеке и его способностях» (ч. III, стр. 121—137). Однако, у нас нет достаточных оснований, чтобы принять предположение В. П. Семенникова. Первое из этих «Рассуждений» хотя и обнаруживает точки соприкосновения с произведениями, несомненно принадлежащими Радищеву, все же не заключает в себе указаний, исключающих авторство других лиц, и сколько-нибудь явно подтверждающих авторство именно

Радищева. О втором сам Семенников пишет: «Основная мысль... статьи, что законы гражданские должны быть основаны на естественном праве, соответствует взглядам Радищева, но теоретическое утверждение этой мысли было приемлемо и для людей с противоположной Радищеву идеологией, а потому я не буду останавливаться на этой статье, тем более, что и в стиле ее не вижу ничего специфически радищевского». И по поводу третьей статьи В. П. Семенников пишет сам: «не решаюсь ставить вопрос о принадлежности статьи „О человеке“ Радищеву, хотя это и возможно»...

Редакция просит читателей исправить в тексте первого тома полного собрания сочинений Радищева (1938) две опечатки: на стр. 15 напечатано (строфа 47 оды „Вольность“): „Придешь на гроб мой обветшалый”, — надо: „Пришед на гроб мой обветшалый”; на стр. 151 (конец „Письма к другу”) напечатано: «что ли из своая власти, — надо: „что либо из своая власти”.

СОДЕРЖАНИЕ

	Страницы	
	текста	примеч.
От редакции	—	359
[Письмо о Китайском торге]	5	360
О человеке, о его смертности и бес- смертии	39	370
Сокращенное повествование о приобре- тении Сибири	145	384
Ангел тьмы	167	387
Описание моего владения	171	389
Памятник дактилохорейческому витязю .	261	393
Приложение I. Переводы	223	—
Желания Греков, к Европе христиан- ской	225	403
Размышления о греческой истории.		
Соч. Мабли	229	407
Офицерские упражнения	331	413
Приложение II. Произведения, при- писываемые Радищеву	345	—
Отрывок путешествия в *** И*** Т***	347	414
Древность	351	420
Произведения, приписывавшиеся Ради- щеву	—	423

Редактор издательства С. Д. В и х р е в.

Подписано к печати 10/IV 1941 г. М 49305. Объем 27 печ. л., 30,18 уч.-изд. л.
45472 зн. в печ. л. Тираж 10000 экз. Заказ № 691.

2 я тав. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская 26.